

РЕНЕ ГРУССЭ

ИМПЕРИЯ СТЕПЕЙ

Аттила, Чингиз-хан, Тамерлан

Перевел с французского языка
Хамит ХАМРАЕВ

Груссэ Р.

Империя степей. Атила, Чингиз-хан, Тамерлан. Перевод
Х. Хамраева. — Алматы, 2006. 592 с.

Автор книги — выдающийся французский историк и востоковед. Его перу принадлежат многочисленные труды по истории Азии.

Данное издание публикуется на русском языке впервые.

ISBN 9965-432-41-2

© Хамраев Х. К., перевод, 2006

И сказал Всевышний: я создам народ, который пройдет огромные пространства земли, чтобы завоевать территории других народов. Ужасный народ! Лошади представителей этого народа легче лампы, быстрее ветра.

Для придут издали, эти всадники, они пролетят сидло угаза, они будут бросаться, сидло ора на свою добычу.

Для будут летать под всеми крепостями, превращая их в пазомодеши земли и брв их штурмом...

(Исв. 1,7-10)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Атилла, Чингиз-хан, Тамерлан... Их имена вписаны в историю. Повествования западных историков, китайских или персидских летописцев способствовали популяризации этих личностей. Великие варвары, они возникали в самом сердце истории цивилизации и молниеносно, в течение нескольких лет, превращали римский, иранский или китайский миры в груды руин. Их появление, их перемещение, их исчезновение кажется не находят объяснений, хотя традиционная история недалеко от того, чтобы разделить мнение древних авторов, которые рассматривали их как кару Божью, посланную для возмездия старым цивилизациям.

Однако никогда еще люди не были настолько близко связаны с землей, никогда еще их судьба так не объяснялась ею, никогда еще никто не был так востребован окружающей средой, как они, тут же «узнаваемые» в их движении и их поведении, как только становился известным их образ существования. Степи сформировали их заскорузлыми и коренастыми, неукротимыми, потому что они выросли в необычайных физических условиях. Свирепый ветер высоких плато, лютая стужа или знойная жара вылепили эти скуластые лица с узкими глазами, с редкой волосистой растительностью, создали эти грубые и узловатые тела. Потребности кочевой жизни, вызываемые перекочевкой, определили их нomaдизм, а факторы кочевого уклада хозяйства привели к взаимоотношениям с оседлыми народами, которые сопровождалась то робким подражанием, то кровавыми набегами.

Вполне возможно, что три или четыре великих азиатских кочевников, внезапно возникших, чтобы нарушить ход нашей истории, являются для нас чем-то из ряда вон выходящими по причине нашего невежества. Наряду с этими личностями, которым выпала необычайная судьба стать Завоевателями мира, сколько еще было подобных Атилл, Чингиз-ханов, которым не удалось, или, я бы сказал, которые не сумели создать свои империи, ограниченные частью Азии, от Сибири до Желтой реки, от Алтая до Персии, что, согла-

симся, представляется также явлением неординарного масштаба. В данном случае мне хотелось бы показать этот народ великих варваров, идущих сквозь тысячелетнюю историю от границ Китая до границ нашего Запада, ведомых тремя величайшими деятелями, вписанными во фронтиспис этой книги и указать на причины их величия.

Но следует четко разобраться в поставленной проблеме. Классический мир хорошо знал немало таких разновидностей варваров на своей земле, я бы сказал, разновидностей народов, которых так называли их соседи. Кельты длительное время являлись варварами для Римлян, Германцы - для Галлии, славянский мир — для Германии. Даже будущий южный Китай долго казался варварской страной в глазах коренных жителей Китая бассейна Желтой реки. Но так как речь шла в разных случаях о регионах, где географические условия предрасполагали, равным образом, к ведению сельского хозяйства, несмотря на то, что они задержались в развитии прогресса, стали постепенно переходить на подобный образ жизни таким образом, что, начиная с середины Средних Веков, почти вся Европа, Передняя Азия, Иран, Индия и Китай достаточно долго находились на определенной стадии развития материальной цивилизации.

Тем не менее, в этот процесс не вошла весьма значительная зона. Это широкая полоса, которая протянулась в центр и север Европы, от границ Маньчжурии до Будапешта, зона степей, которая на северной части является продолжением сибирских лесов. В тех местах географические условия позволяли развиваться земледельческому укладу жизни только на отдельных культивируемых землях, но вместе с тем вынуждали население заниматься постоянно выпасом скота, вести кочевой образ жизни в таком виде, в каком существовала тысячи лет назад в конце эпохи неолита остальная часть человечества. Что еще хуже. Часть племен лесных зон оставалась по-прежнему на уровне развития охотников маг-даленской культуры. Зона лесов и степей, таким образом, продолжала быть местом сохранения варварского образа жизни, конечно не потому (мы настаиваем, чтобы к нам прислушались), что население тех краев обладало более низкими человеческими качествами по сравнению с другими народами, а потому, что оно проживало в тех условиях существования, которые повсеместно уже давно были преодолены.

Жизнь этой части человечества, оставшейся на пасторальной стадии, в то время как остальная часть Азии уже давно перешла к

передовому уровню сельскохозяйственного производства, что стало в основном причиной драматических событий развития человечества. Она повлекла за собой нечто вроде хронологического разрыва между народами-соседями. Люди второго тысячелетия до Рождества Христова сосуществовали с людьми XII века новой эры. Для того чтобы это понять, перейти от одних жителей к другим, достаточно спуститься с Верхней Монголии в Пекин, пройти от киргизских степей до Исфагана. Возник колоссальный разрыв, чреватый губительными последствиями. Для оседлого населения Китая, Ирана или Европы, Гунны, Тюрки, Монголы являлись собственно дикими людьми, на которых можно было произвести впечатление парадными, заинтересовать некоторыми изделиями из стекла или присвоить некоторые титулы, возвеличивать их вдали от цивилизации. Что касается кочевников, то их чувства были обнажены. Вызывающие сочувствие тюрко-монгольские пастухи, которые в засушливые годы, когда степи были скудны на растительность, перемещались от одного иссякшего источника воды до другого такого же источника, что приводило их к границам оседлого мира, к вратам Печили или Трансоксианы, где они, пораженные, созерцали чудеса оседлой цивилизации, наличие обильных урожаев, деревни с переполненными амбарами, роскошь городов. Гунну недоступно было уразуметь это чудо, вернее понять секрет этого чуда, трудолюбие и терпение тех, кто приложил усилия для создания человеческого улея. В своем предвосхищении желаемого он напоминал волка, его тотема, который в снежную зиму подкрадывался к ферме, потому что за изгородью он чувствовал добычу. Кочевник тоже с его тысячелетней интуицией был готов к неожиданному вторжению, грабежу и бегству с награбленным.

Выживание пастухов и охотников рядом с земледельцами или, если хотите, развитие все более и более богатейших сельскохозяйственных общин и соседство населения, оставшегося на пасторальном уровне, испытывавшего страшные периоды голода, которые вызывались, время от времени степными засухами, придают, таким образом, к колоссальному экономическому разрыву один из жесточайших социальных контрастов. Повторимся, вопрос человеческой географии становится вопросом социальным. Взаимные чувства оседлого человека и кочевника по отношению друг к другу можно сравнить с противоречиями капиталистического общества и пролетариата, находящихся в пределах одного и того же современно-

го населенного пункта. Земледельческие общины, которые обрабатывают богатую плодородную почву Северного Китая, или же сады Ирана, или насыщенный чернозем Киева, были окружены зоной бедных пастбищ зачастую с ужасными климатическими условиями, где раз в десять лет иссыкали источники воды, высыхали травы, погибал скот, а вместе с ним и кочевники.

При таких обстоятельствах периодическое массовое нашествие кочевников на культивируемые земли является законом природы. Отметим, что Тюрки или Монголы относятся к разумной, сбалансированной, практической расе, выпестованной в жестких условиях окружающей среды, подготовленные для того, чтобы командовать. Сколько оседлых обществ, часто на грани деградации, уступали под натиском, когда врываются в их города кочевники, которые после того, как стихали первые периоды кровавого разбоя, без особого труда заменяли тех повелителей, которых они устраняли вначале. Не испытывая ни малейшего чувства робости, они вступали на самые великие престолы. Вот он, великий хан Китая, шах Персии, император Индии, султан Рума. Кочевник умел приспособливаться. В Пекине он становится наполовину китайцем, в Ис-фагане или Рее — наполовину персом.

Может так распорядилась судьба для того, чтобы между степью и цивилизациями обеспечивалось определенное балансирование? Вовсе нет. Неумолимые законы человеческой географии продолжают свое дело. Если китаизированный или иранизированный хан не устранялся какой-то замедленной или внезапной реакцией местного населения, тут же у границ возникали те, кто шел из глубин степей. Это были новые орды, лишенные средств и изголодавшиеся, которые несмотря на родство - Таджикив, или Тобгачей, Персов или Китайцев, вновь начинали те же самые опустошительные набеги.

Как произошло, что подобная авантюра почти каждый раз приносила успех, что каждые тринадцать веков она повторялась в том же ритме, начиная от вторжения Гуннов в Лоян до пришествия Маньчжуров в Пекин? Это происходило потому, что в течение всего этого времени, кочевники, несмотря на то, что сильно отставали в сфере материального производства, обладали преимуществом, имея огромное военное превосходство. Они были лучниками на лошадях. Невероятной мобильности кавалерия великолепных лучников — вот техническое «оружие», которое дало им превосход-

ство над оседлыми жителями подобно тому, как в относительно современный период артиллерия дала Европе превосходство над остальной частью мира. Безусловно, этот способ ведения войны был известен как Китайцам, так и Иранцам. Начиная с III века до Рождества Христова, китайцы модифицировали военную экипировку для нужд кавалерии. Что касается Иранцев, то они со времен Парфян знали цену массированного пуска стрел нападающей конницы, которая тут же могла сменить позицию или отступить. Но ни Китайцы, ни Иранцы, ни Русские, ни Поляки, ни Венгры не могли быть равными в этом Монголам. Наученные с самого раннего детства преследовать на скаку животных на нескончаемых степных просторах, приученные устраивать незаметные засады и различного рода ухищрения охотника, терпеливо выжидать добычу, от чего зависело их пропитание, то есть сама жизнь, в данном деле Монголы были недосягаемы. Кочевники, и не из-за того, что они часто нападали на противника, а может наоборот, атаковав неожиданно, они умели исчезать, вновь появляться, обрушиваясь на врага, не давая ему возможности оказать достойное сопротивление, изматывали, неотступно преследуя и в конце концов доводя до изнеможения, добивали его, как загнанного зверя. Исключительная мобильность, необычайная вездесущность подобной кавалерии превращали ее в настоящее умное военное искусство, особенно когда ею руководили два великих стратега Чингиз-хана — Джебе и Суботай. Плано Карпини и Рубрук, которым удалось видеть это воочию, очень высоко оценили это решающее тактическое превосходство. Фаланговый строй, прохождение в виде легионов имели успех в Европе, потому что они соответствовали политическому строю Македонии или Рима, были методическим творением организованных государств, которые создавались, существовали и исчезали подобно всем государствам. Степной лучник верхом на лошади господствовал в Евразии в течение тринадцати веков, потому что он был спонтанным творением самой земли, пасынком голода и нищеты, он был единственным средством спасения для кочевников, чтобы окончательно не умереть в страшные голодные годы. Подумаем же о том, что если Чингиз-хану удалось позднее завоевать мир, то это произошло именно потому, что сирота, брошенный в глухих степях Керулена, сначала совместно с молодым братом Джучи — Тигром, стал почти ежедневно охотиться за дичью, чтобы не умереть с голоду.

Лучник на лошади, который неожиданно возникал, выпускал стрелы и скрывался, был для античного мира и средневековья воплощением невидимого стрелка, производившего почти такой же поражающий и деморализующий эффект, какого достигли артиллеристы Европы в свое время.

Чем объяснить исчезновение такого превосходства? Почему же, начиная с XVI века, кочевник перестал быть угрозой для оседлого населения? Именно потому, что оседлые страны противопоставили им артиллерию. Постепенно они достигли таким образом искусственного превосходства, которое «изменило» тысячелетние взаимоотношения. Пушечные канонады, при помощи которых Иван Грозный разгромил последних наследников Золотой Орды, то же самое, что проделал китайский император Канси для подавления Калмыков, стали началом конца определенного периода в истории человечества. В первый раз, а также вместе с тем, что военная техника перешла в руки других, цивилизованный мир оказался более могущественным, чем мир варваров. За короткий промежуток времени традиционное превосходство кочевников кануло в лету, а калмыцкие лучники, которых по своей романтической натуре Александр I выставил против Наполеона на полях битвы 1807 г., оказались такими диковинными, что сложилось впечатление, что появились охотники магдаленской эпохи.

Однако следует сказать, что прошло всего три века, как эти лучники перестали быть завоевателями вселенной.

7965 г.

ВВЕДЕНИЕ

степь и история

Верхняя Азия, так как мы ее представляем, является свидетельством грандиознейшей геологической драмы в истории планеты. Речь идет о вздымании и изолированности этой огромной континентальной массы и конвергентном столкновении двух гигантских хребтов при образовании горных складок разных эпох античной древности: герцинская складчатость гор Тянь-Шаня и Алтая, очерченных по краям, первая, сериндинским сбросовым выступом, вторая, древней сибирской платформой Ангары; с другой стороны, альпийскими складками Гималаев, которые в эпоху миоцена заняли место древнего евразийского «Средиземноморья». Вогнутый изгиб Тянь-Шаня и Алтая на северо-западе, противоположный изгиб Гималаев окружили и изолировали Туркестан и Монголию, и эти горы, таким образом, остались в «висячем» положении над долинами периферийной зоны. Удаленность морей, в сочетании с высотой над уровнем моря, способствовала тому, что на этих возвышенных территориях сложился резко-континентальный климат, с чрезвычайной жарой в летнее время и с невероятными низкими температурами в зимний период: в Урге в Монголии температура колеблется от +38 до -42 градусов. Исключение составляет Тибетский массив, высота которого над уровнем моря создает почти полярные растительные условия, с учетом также горного полукруга Алтая и Тянь-Шаня, который ввиду аналогичных причин, представляет альпийский климат, с традиционным ярусным распределением, начиная от предгорных лесов, заканчивая разреженной растительностью горных склонов, а почти вся оставшаяся часть Верхней Азии имеет продольную зону травянистых степей, покрытых зимой снегом и высыхающих в знойное летнее время. Степи-прерии, более живучие в ирригационных зонах, агонизируют и превращаются в пустыни в центральных обезлюденных землях и простираются от Маньчжурии до Крыма, от Урги в Верхней Монголии до городов Мерв и Балх.

Впрочем, евразийская прерия-степь севера находит свое продолжение в субтропической засушливой степи, граничащей со Средиземноморьем, Ираном и Афганистаном.

На севере продольная зона евразийских степей смыкается непосредственно с зоной северных лесов с сибирским климатом, покрывающих Россию и центральную часть Сибири, а также северную полосу Монголии и Маньчжурии. В своей срединной части она незаметно переходит в пустыню в трех центрах опустынивания: пустыня Кызылкум в Трансоксиане и Каракум на юге Амударьи, пустыня Такла-Макан в закрытом бассейне Тарима и, наконец, пустыня Гоби, которая расположена в обширной зоне, растянутой от юго-запада до северо-востока, начиная от Лобнора, где Гоби сходится с Такла-Маканом вплоть до Хинга-на у границ Маньчжурии. Именно там находятся три раковых пятна, которые съедают зону травянистых степей и не перестают посягать на эти степи с незапамятных времен. Расположение Гоби между Северной Монголией, между Байкальскими лесами или степями Орхона и Керулена и Южной Монголией, степями Ала-шана, Ордоса, Чахара и Жехоля, было впрочем, одной из постоянных причин, которые препятствовали выживанию тюрко-мон-гольских империй, начиная от Хун-ну античных времен до Туку раннего средневековья. Что касается бассейна Тарима, расположенного в нынешнем китайском Туркестане, то он свидетельствует, что степь, завоеванная пустыней, стала причиной особого развития этого региона. Отдаляясь от кочевой жизни, которая постоянно находилась под угрозой и контролем со стороны северных орд, в том регионе стала развиваться городская и торговая жизнь оазисов, где проходили караванные пути и где, благодаря многочисленным оазисам, появилась возможность наладить связь с крупными оседлыми цивилизациями Запада: Средиземноморья, Ирана. Индии, с великой оседлой цивилизацией Дальнего Востока, с Китаем. Двойной путь возник в пределах изгиба на севере и юге иссякающей реки, на севере, очерченном Дун-хуаном, Хами, Турфаном, Карашаром, Кучой, Кашгаром, Ферганой и Трансоксианой, на юге — Дунхуаном, Хота-ном, Яркендом, памирскими долинами и Бактрией. Эта двойная линия, очень хрупкая вдоль трассы в самой ее середине, где чередовались пустыни и горные возвышенности, тонкая, подобно вытянутой и одновременно извилистой тропинке муравьев, пол-

зущих на деревенских дорогах, несмотря ни на что, оказалась достаточной, чтобы на нашей планете не оказалось двух разных планет и сохранился определенный контакт между китайской и нашими индоевропейскими цивилизациями. Именно по Шелковому пути и дороге паломничества шли торговля и религия, греческое искусство потомков Александра и буддийских миссионеров, пришедших с Афганистана. В тех же краях греко-римские негодянты, о которых упоминал Птолемей, стремились заполучить шелковые тюки «Серики», там же китайские полководцы династии поздняя Хань, искали связи с иранским миром и римским Востоком. Одной из вечных проблем китайской политики, начиная от династии Хань вплоть до Хубилая, являлось обеспечение беспрепятственного использования великого пути всемирной торговли.

Но на севере этого узкого пути цивилизации, у кочевников существовал совершенно другой путь, каким являлась степь, нескончаемая дорога с многочисленными тропами. Дорога варваров. Ничто не мешало передвижению варварских эскадронов между берегами Орхона и Керулена и озером Балхаш. Укажем в связи с этим, что Большой Алтай и северные отроги Тянь-Шаня сходятся друг с другом. При этом, достаточно просторный проход оставался в стороне Имиля на Тарбагатае в Чугучаке, так же он оставался широким между Юлдузом, Или и бассейном Иссык-Куля, на северо-западе которого бескрайние просторы киргизских и русских степей вновь оказались под копытами кавалерии, пришедшей из Монголии. Орды из восточных степей беспрестанно пересекали эти проходы Тарбагатая, Алатау и Музарта в поисках добычи в степях Запада. В протоисторический период доминировал обратный процесс. Создалось впечатление, что кочевники иранской, т. е. индоевропейской расы, которых греческие историографы называли Скифами и Сарматами, звучащие по-ирански как Саки, продвинулись очень далеко в глубь северо-востока, в сторону Пазырыка и Минусинска, в то время как другие индо-европейцы расселились в оазисах Тарима, начиная от Кашгара до Кучи, Карашара, Турфана, возможно вплоть до Ганьсу. Достоверно, что начиная с христианской эпохи, движение следовало от востока к западу. Теперь не индоевропейцы господствовали в оазисах будущего китайского Туркестана со своими тохарским, кучанским и «восточноиранским» диалектами, а Хун-ну, которые под именем Гунны основали прототюркскую империю в Южной России и Венгрии, где русские степи являют-

ся продолжением азиатских, а венгерские степи являются продолжением русских. Это были также Авары, монгольские орды, бежавшие из Центральной Азии под натиском Тукю в VI в., которые господствовали в этих местах, сначала в России, затем в Венгрии. В VII в. таковыми стали Тюрки-Хазары, в XI в. Тюрки-Печенеги, в XII в. Тюрки-Команы, которые пошли по тому же маршруту, наконец, Монголы Чингизханиды в XIII в. завершили объединение степей, если можно так выразиться, заселенных человеком от Пекина до Киева.*

Внутренняя история степей является историей тюрко-монгольских орд, которые соперничали друг с другом за обладание лучшими пастбищами, бороздили эти степи для того, чтобы удовлетворить нужды своих стад и табунов. Это были бесконечные перегоны скота, изменение маршрутов которых порой требовало веков, и эти огромнейшие просторы, которые природа создала для их деятельности и к которым все было приспособлено, включая физическое развитие и образ жизни. История, написанная представителями оседлых народов, раскрывает немного из того, что касается нескончаемых передвижений между Желтой рекой и Будапештом. Ими были зарегистрированы нашествия различных орд, возникших неожиданно у Великой Стены или дунайских крепостей, перед Татонам или Силистрой. Но что же они нам сообщили о внутренних передвижениях тюрко-монгольских народов? Мы четко видим как следовали один за другим в пределах империй Карабалгасуна и Каракорума в верхней Монголии, у истоков Орхона, все эти кочевые племена, которые стремились доминировать над другими ордами, Хун-ну, тюркского происхождения, во времена еще до нашей эры, Сяньби — монгольского происхождения, в III в. после Рождества Христова, Жуань-жуани, также монгольского происхождения, в V в., Тюрки — Тукю в VI в., Тюрки-Уйгуры в VII в., Тюрки-Кыргызы в IX в., Кидане монгольского происхождения в X в., Керейты или Найманы, несомненно тюркской расы в XII в. и, наконец, Чингизханидские Монголы в XIII в. Если нам известна подлинность кланов, которые поочередно, то тюркские, то монгольские, устанавливали господство одних над другими, то нам неизвестно, ка-

* По истории тюрко-монгольских империй, рассматриваемой как исследования по человеческой географии, см. Owen Lattimore, *The geographical factor in Mongol history*, *The Geographical Journal* (London), XCI, January 1938.

ков был соответствующий расклад в самом начале формирования громадных родственных групп: тюрков, монголов и тунгусов. Безусловно, на данный период Тунгусы занимают кроме Северной Маньчжурии большую часть Восточной Сибири и к тому же в Центральной Сибири они располагают берегом среднего течения Енисея, и живут в районе трех рукавов реки Тун-гузки. Монголы же находятся на территории исторической Монголии. Тюрки находятся в Западной Сибири и на территории двух Туркестанов, принимая во внимание, что в данном регионе тюрки появились позже и тюркизация осуществляется в Алтае в I в. нашей эры, в Кашгарии в IX в., в Трансоксиане в XII в., а основная часть городского населения как в Самарканде, так и в Кашгаре оставалась тюркизированным иранским населением. Но, с другой стороны, нам известно из истории, что в самой Монголии Чингиз-ханиды монголизировали многочисленные истинно тюркские племена, Найманов Алтая, Керейтов Гоби, Онгутов Ча-хара. Еще до того как Чингиз-хан объединил эти племена под синим стягом собственно Монголов, часть нынешней Монголии была тюркской и, впрочем, еще и сегодня тюркский народ — Якуты расположены севернее Тунгусов и занимают северо-восток Сибири в бассейнах рек Лены, Индигирки и Колымы. Наличие в таком количестве Тюрков в районе Берингова пролива, у краев Северного Ледовитого океана, севернее Монголов и даже Тунгусов, призывает нас к еще большей осторожности, когда речь заходит об изучении соответствующего расселения «ранних» Тюрков, Монголов и Тунгусов.* Все это позволяет нам уточнить, что в действительности, тюрко-монгольские и тунгусские жители с самого начала располагались далее на северо-востоке, и не только современная Кашгария, а также северные склоны Саянских гор (Минусинск) и Большого Алтая (Пазырык) были заселены в ту эпоху индо-европейцами, пришедшими из «общего индоевропейского очага» Южной России. Подобная гипотеза согла-

* Однако кажется, что Якуты прибыли на север, а их происхождение следует искать в регионе оз. Байкал. Несмотря на то, что в своей стране они на данное время используют северных оленей, у них существует обычай применения в некоторых церемониях лошадиных черепов, как признак их пребывания в приграничных зонах монгольских степей. Это явление противоположно тому, что обнаружено в захоронениях Пазырыка. Cf. O. Lattimore, *Geogr. Journ.*, 1938, 1, 8.

суется в остальном с мнением лингвистов, которые подобно Пелью и Гийому Хевези достаточно демонстративно отказываются принять идею родоначального союза алтайских языков (тюркского, монгольского, тунгусского) и фино-угорских языков, которые были распространены на Урале.* Между тем, достаточно значительное различие на сегодняшний день, несмотря на первоначальные родственные связи между тюркским, монгольским и тунгусским языками, склоняет нас к выводу, что три группы, объединенные в ту историческую эпоху под общим началом, с чем связаны частые взаимные заимствования терминов культуры, жили в какое-то время на приличном расстоянии друг от друга на огромнейших просторах азиатского северо-востока.** Если бы история тюрко-монгольских орд ограничивалась просто их набегами и подспудной борьбой при перекочевках, то она не дала бы нам никаких интересных данных, по крайней мере, тех, которые нас интересуют. Значительным фактом в истории человечества является то давление, которое эти кочевники оказывали на цивилизованные империи юга, давление, которое заканчивалось многочисленными нападениями, приводившими к захвату территории. Пришествие кочевников явилось почти естественным законом, продиктованным условиями степной жизни.*** Безусловно, те из тюрко-монголов, которые были связаны с лесной зоной Бай-

* «Мы разумно отказались, по крайней мере, на современном этапе исследований, от рассмотрения урало-алтайской лингвистической семьи, которая включала бы также финно-угорские и самоедские, тюркские, монгольские и тунгусские языки» (Pelliot, *Les mots B Hinitiale? Aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIII et XIV siecles.* J. A. 1925, 193).

** Монгольский, тунгусский и тюркский языки, которые произошли от алтайского проязыка по предположению Поппе. «Эпоха тюркского проязыка длилась не дольше первых веков до нашей эры». По утверждению Поппе и Бартольда, «в общем тюркские языки находятся на более продвинутом уровне, чем монгольские языки. Даже монгольский язык любой части монгольского мира еще более архаичен, чем известные наиболее древние тюркские языки. Письменный монгольский язык с фонетической точки зрения находится почти на том же уровне развития, что алтайский проязык». Cf. N. Poppe *Ungarische Jahrbucher*, VI, 98. Состояние вопроса об «общности»: par Jean Deny, *Langues turques, mongoles et tongouzesin* Langues du monde de Meillet et Cohen, 185.

*** См. стр., где дан физический портрет Хун-ну, описанному китайскими историографами и описание Гуннов Аттилы, данное латинскими историографами. Портрет чингизханидских монголов дан китайскими, арабскими и христианскими летописцами.

кала и Амура и оставались в диком состоянии, занимаясь охотой и рыболовством, так же как и джурджиты до XII в., как и «монголы лесов» до эпохи Чингиз-хана, были теми народами, которые еще были закрыты в пределах одиноких лесных мест, чтобы иметь понятие о землях, на которые можно было претендовать. Но совсем по-другому обстояло дело с тюрко-монголами степей, которые жили благодаря тому, что занимались скотоводством и в связи с чем были вынуждены кочевать вслед за скотом, который шел в направлении пастбищ, а человек следовал за ним. К тому же степь является родными пенатами лошадей.* Человек степи — это прирожденный всадник. Именно он, будь-то иранец на западе или тюрко-монгол на востоке, изобрел экипировку всадника, о чем свидетельствуют изображения скифов на греческих вазах киммерийского Босфора. Нам также известно, что китайцы, для того, чтобы отличать кавалерийские отряды один от другого, в III веке до нашей эры, заменили на манер гуннов, долгополые одеяния на штанины. Эти всадники скоростных рейдов являлись лучниками на лошадях, которые уничтожали противника на расстоянии, отстреливаясь из лука при отступлении, ведь парфянская стрела в самом деле есть ни что иное, как стрела гуннов и скифов, которые, ведя войну, словно преследуют убегающую дичь и лошадей, используя при этом стрелы и лассо. Таким образом, в результате таких действий им было видно, где кончалась степь, где начинались возделываемые поля, они обнаруживали совершенно другие условия жизни, которые вызывали у них нездоровую зависть. У них, как известно, зима была суровой: степи являлись продолжением суровой сибирской тайги; лето было невероятно жарким: тогда степи представляли как продолжение пустыни Гоби и кочевники в таких условиях были вынуждены, чтобы найти пропитание для скота, пройти до склонов Хингана, Алтая или Тарбагатай. Только весна преобразовывала степи в обильную прерию, украшенную яркими цветами и становилась праздником как для их животных, так и для них самих. В остальное же время года, особенно зимой, они обращали свой взор на земли с умеренным климатом на юге, на Ис-

* Замещение степной лошади на северного оленя сибирской тайги, выявленное маскировкой в облике северных оленей жертвенных лошадей, найденных в захоронениях Пазырыка (Танну Тува, сибирский Алтай, V. 100 av. J.-C.) явно свидетельствует о переходе племени от жизни лесных охотников к жизни кочевых скотоводов. Cf. Owen Lattimore, Geographical factor in Mongol history, Geographical Journal, London, Janvier 1938, 8.

сык-Куль, «теплое озеро» на юго-западе и на плодородные желтые земли Хуанхэ на юго-востоке. Происходило это не потому, что у них было особое расположение к возделываемым землям, как таковым. Когда они завоевывали возделываемые земли, они инстинктивно оставляли их под парами, что не приносило урожая; они превращали поля в подобие родных степей, где росла трава для их овец и лошадей. Таковым было отношение Чингиз-хана в XIII веке к культивируемым землям, который, завоевав регион Пекина с прилегающими к нему обработанными полями, вознамерился убрать просо с прекрасной долины Хубея, чтобы превратить ее в пастбище. Если же люди севера не понимали, что значили продовольственные культуры, например, Чингиз-ханиды Туркестана и России вплоть до XIV века оставались истинными кочевниками, которые бездумно грабили свои же собственные города при малейшем нарушении выплаты налогов сельчанами, перекрывали ирригационные каналы, чтобы не дать воду полям, то, напротив, они высоко ценили городскую жизнь за то, что там производили различные товары и много прекрасных вещей, которые можно было грабить и воровать. Они привыкли к мягкому климату, хотя такой климат был относительным. К примеру необычный климат Пекина казался Чингиз-хану расслабляющим, из-за чего он, после каждой кампании, уходил проводить лето на Байкале. Одержав также победу над Джалал ад-Дином, он постоянно относился с неприязнью к Индии, которую он завоевал, потому что для этого уроженца Алтая она казалась адским котлом. Впрочем, он был прав, отказываясь от удобств цивилизованной жизни, потому что как только его внуки становились оседлыми и приживались во дворцах Пекина и Тауриса, это было началом их стремительного вырождения. И пока кочевники сохраняли свою душу номада, они относились к оседлым народам, как к своим хуторянам, к городу и земледелию, как к своей ферме, жестоко эксплуатируя как землю, так и земледельцев. Они объезжали свои владения, рубежи древних оседлых империй верхом на лошади, собирая регулярную дань с населения, когда оно более или менее добровольно соглашалось уплачивать его, но когда оседлое население проявляло неблагоразумие, отказываясь платить дань, то кочевники грабили незащищенные города, совершая неожиданные набеги. Они были подобны стаям волков, и не случайно волк является древним тюркским тотемом. Волки, которые подкрадываются к стадам парнокопытных, а затем следуют друг за другом, перегрызают горло

своим жертвам или просто приканчивают оставших и раненных.* Подобная система регулярных молниеносных грабительских нападений с постоянным взиманием дани, которую Сыны Неба прикрывали целомудренным названием добровольного подарка, была в общем универсальным правилом отношений между тюрко-мон-голами и китайцами, начиная со II в. до нашей эры вплоть до XVII в. нашей эры.

Тем не менее, иногда у кочевников появлялась сильная личность, которая извлекала опыт из истории вырождения оседлых империй, ведь кочевники, эти хитрые варвары, словно наши германцы IV века, были прекрасно осведомлены о византийских интригах китайского двора. Подобная личность вступала в сговор с одной из китайских групп заговорщиков, направленной против другой, с потерявшим надежду на власть претендентом, с одним китайским царством против соседнего царства. Со своей ордой он провозглашал союз с империей и под предлогом защиты империи обустроивался у приграничных подступов. Спустя одно, два поколения, уже внуки, впитавшие в себя китайскую культуру, становились готовыми, чтобы пойти дальше и беспардонно против трона Сынов Неба. Авантюра Хубилая в XIII в. - не что иное, в этом смысле, как повторение действий Лю Цзуна в IV веке, и То-ра - в V в. Еще два или три поколения (если не произойдет китайского национального восстания, которое вынудит уйти пришельцев за пределы Великой Стены), и эти китаизированные варвары, которые не воспринимают оседлую цивилизацию без сохранения своих черт, подвергнутся нападению, а их земли станут предметом алчных воцелений других варваров, сохранивших кочевой образ жизни и ведших полуголодное существование в глубинках родных степей. И вновь все возвращалось на круги своя. За спиной сытых Хун-ну и Сяньби возникли в V в. Тюрки Тоба, которые разрушили последних и заняли их место. А севернее Ки-даньцев, сильно китаизированных Монголов, бывших мирными хозяевами Пекина с начала X века, заявили о себе в XIII в. Джурд-житы, на ранней стадии почти дикие Тунгусы, которые в течение нескольких месяцев отобрали у них великий город, прежде чем

* Напомним, что древним мифическим образом у тюрко-монголов являлся волк с белой отметиной, у Монголов по Секретной Истории — это Борччи-но или Серый Волк, Кек Бури — у Тюрков по Огузнамэ; "Из яркого луча появился крупный волк-самец с серой шерстью и серой гривой".

китаизироваться и, в свою очередь, потерять бдительность для того, чтобы позднее, сто лет спустя, подвергнуться разрушительному нападению Чингиз-хана.

То, что истинно для Востока, также истинно для Запада. Мы видели в европейских степях, являющихся продолжением азиатских, приход Гуннов Аттилы, Булгар, Аваров, Венгров, то есть Фин-но-Угров, испытавших влияние гуннской аристократии, Хазаров, Печенегов, Куманов, Чингиз-ханидов. То же самое наблюдалось на земле Ислама, где процесс исламизации и иранизации явился у победителей тюрков Ирана и Анатолии точным слепком китаизации, отмеченной у победителей тюрков, монголов или тунгусов Поднебесной Империи. Хан становится в подобном случае султаном или падишахом, как он становился в Китае Сыном Неба. Таким образом, как и там, он был вынужден вскоре уступать место другим более примитивным выходцам из степей. Мы наблюдаем также картину взаимного разрушения и смены в Иране Тюрков-Газневидов, Тюрков Сельджукидов, Тюрков Хорезмийцев, Монголов Чингиз-ханидов, Тюрков Тимуридов, Монголов Шейбани-дов, не говоря уже о Тюрках Османцах, которые, устремившись подобно стреле, оказались на передовых позициях мусульманских владений, устранив с Малой Азии агонизирующих Сельджукидов, бросились с невероятным везением на захват Византии.

Верхняя Азия еще очевиднее, чем Скандинавия Жорнандеса, предстает перед нами, как матрица нации, *vagina gentium*, своего рода Азиатская Германия, имеющей перед собой цель в суматохе своего *Volkerwanderingen*, отдавать султанов и Сыновей Неба древним цивилизованным империям. Подобное пришествие степных орд, которые периодически насаждали своих ханов на троны Чангана, Лояна, Кайфына или Пекина, Самарканда, Исфагана или Тауриса, Кони или Константинополя, явилось одним из географических законов истории. Но существовал противоположный закон, который способствовал медленному поглощению кочевников-захватчиков цивилизованными странами. Этот двойственный феномен носил, прежде всего, демографический характер: кочевые всадники, получившие статус спорадической аристократии, растворялись и исчезали в плотной массе людей, в этих древних муравейниках. Затем культурный аспект: побежденная китайская или персидская цивилизация завоевывала своего свирепого победителя, ублажала, убаюкивала и уничтожала его. Зачастую несколько десятилетий

спустя после завоевания все выглядело так, словно ничего и не произошло. Китаизированный или иранизированный варвар первым становился на защиту цивилизации в борьбе против новых стремительных нашествий варваров. В V веке Тюрки Тоба, хозяева Лояна, стали защитниками культуры и земли Китая от всех Монголов, Сянь-би или Жуань-жуаней, которые стремились повторить ту же авантюру. В XII веке сельджукид Санджар на Оксе и в Джаксарте создал свою «гвардию на Рейне», направленную против Огузов или всех Кара-китаев Арала или реки Или. История Кловиса или Шарлеманя повторилась на всех этапах истории Азии. Подобно тому, как римская цивилизация для того, чтобы оказать сопротивление саксонскому и нормандскому Германизму, нашла новую опору во франкской энергии, которую она ассимилировала, Китайская культура не имела бы лучшей поддержки, чем ту, которую оказали ей Тоба в V в., так же как и арабо-персидский Ислам не имел бы самого верного рыцаря, чем отважный Санджар, о котором только что мы вели разговор. Что еще примечательно, именно китаизированные или иранизированные Тюрко-Монголы завершили дело древних Шахиншахов или Сыновей Неба. То, что не удалось Хосрою и никакому Халифу, то есть занять трон Василевса, войти в церковь Святой Софии, удалось неожиданному преемнику, Османскому Падишаху XV в., осуществившего это под бурное одобрение мусульманского мира. То же самое, мечту о паназиатском господстве династий Хань и Тан удалось осуществить в пользу древнего Китая именно императорам династии Юань XII—XIV вв. — Хубилаю и Тимуру Олжайту, которые превратили Пекин в сюзеренную столицу Руси, Туркестана, Персии и Малой Азии, Кореи, Тибета и Индокитая. Тюрко-Монголы, таким образом, одержали победу над древними цивилизациями для того, чтобы в итоге повернуть свое оружие на их благо. Тюрко-Монголы, подобно тому, как римляне, воспетые античным поэтом, правили цивилизованными народами для пользы их традиций и удовлетворения их тысячелетних амбиций, управляли Китаем, чтобы осуществить, от Хубилая до Канси и Цянь Луна, программу создания китайского империализма в Азии, господствовали над ирано-персидским миром для того, чтобы завершить наступление Сасанидов и Аббасидов на золотые купола Константинополя. В мире мало имперских наций и рас, предрасположенных командовать. Наряду с Римлянами таковыми были и Тюрко-Монголы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВЕРХНЯЯ АЗИЯ ДО XIII ВЕКА

I. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СТЕПЕЙ: СКИФЫ И ГУННЫ

Античный мир степной цивилизации

Первый евроазиатский путь, с которым мы сталкиваемся, является путем северных степей. Этим путем, начиная с эпохи палеолита, ориньякская культура распространяется в Сибири. "Ори-ньякская Венера" была обнаружена в Малте, неподалеку от Красноярска у верховьев Енисея, — и оттуда распространялась в Северном Китае, где Тейлор де Шарден указал на очаги ориньякс-кой культуры, погребенные под слоем лесса в Шуэтонку, рядом с Нинся в Ганьсу, а также в Сиара-оссо-голе на юго-западе Юйли-ня, что на севере Шаньси. Вместе с этим, магдаленская культура, кажется, была одновременно представлена в Сибири (верхний Енисей), в Маньчжурии (Долон-Нур, Маньчжули, Хайлар) и в Хубее — скелеты и предметы украшения верхнего грота Шоукун-гьена под Пекином: костяные иглы, пробитые клыки животных, кости в виде подвесок, обработанные раковины, кусочки перламутра, скопления охры.*

В эпоху неолита, а точнее, к концу этой эпохи, сибирская степная дорога служила также местом проникновения в Азию керамических изделий, декорированных нарезками "под гребень" (как у немцев и у англичан), распространенных в Центральной России в первой половине III тысячелетия и, распространившихся на часть сибирской территории, оказавших сильное влияние на протоки-тайскую керамику Тзыкьяпинга в Ганьсу. Вполне вероятно, что вместе с этим, в следующий период, в начале II тысячелетия, через Сибирь из Украины в Китай пришла прекрасная керамика, декорированная спиралевидными полосами, которая производи-

* Cf. Teilhard de Chardin, Esquisse de la prJhistoire chinoise, Bulletin catholique dJ PJkin, mars 1934 et: Les families prehistoriques de Peking, Rev, des quistions scientifiques (de Louvain), mars 1934, p. 181-193. Tolmatchov. Sur le palJolJthique de la Mandchourie, Eurasia septentrionalis antiqua, IV, Helsinki, 1929. M. C. Burkitt, Some reflexionson the Aurignacian culture and its female statuettes, Eurasia septentrionalis Antiqua, IX, 1934, 113. Andersson, Der Weg Uber die Steppen, Bull. Museum of Far East. Antiq., Stockholm, 1929.

лась в Триполье под Киевом, в Шипенитце в Буковине, в Петре-нии в Бессарабии и Кукутени в Молдавии, и которая пережила расцвет на китайской территории в Яншаоцзуне в Хунани к 1700 г., далее в Паньшане, Ганьсу. Наконец, согласно Таллгрёну, бронзовый век начался в Западной Сибири к 1500 г. в связи с великой дунайской цивилизацией эпохи бронзы в тот же период (цивилизация Аунитетитцы), в то время как в Центральной Сибири, в Минусинске, бронзовая эра началась лишь три столетия спустя (к 1200 г.). Западносибирские топоры и наконечники копьев, имитированные затем в Китае, наводят Макса Лёра на мысль, что техника обработки бронзы была заимствована Китаем из Сибири (1400).*

Значительным событием древней истории степей является становление искусства изображения животных, постепенно принимавшего стилизованные формы, глубоко своеобразного и предназначенного для украшения пластин снаряжения и конской сбруи из бронзы, серебра или золота, представлявших предметы роскоши для кочевых народов. Следы подобного искусства обнаружены на Кубани, в захоронениях Майкопа: янтарная ваза, фигурки из массивного серебра и золота, воспроизводящих животных (быки, львы и т.д.), созданных под влиянием ассирийско-вавилонского искусства. Все это, имевшее место в эпоху срединной минойской культуры, восходит в связи с этим, о чем свидетельствует Таллгрён, примерно к 1600—1500 гг.** Мы увидим, что это оригинальное ассиро-вавилонское влияние будет продолжаться до исторического развития в VI веке до нашей эры, на примере знаменитой секиры Келермеса.

Таллгрён склонен предполагать, что, начиная, возможно с 1200 г. до новой эры, русская степь на севере от Черного моря стала заселяться киммерийцами, индоевропейским народом", который отно-

* Cf. L. Bachhofer, *Der Zug nach den Osten, einige Bemerkungen zur prahistorischen Keramik Chinas*, dans *Sinica*, 1935 (Francfort), p.101—128. Max Loehr, *Beiträge zur Chronologie der älteren chinesischen Bronzen*, dans *Ostasiatische Zeitschrift*, 1936, I, 3-41. L. Bachhofer, *Zur Frühgeschichte Chinas*, dans *Die Welt als Geschichte*, 111, 4, 1937 (Stuttgart)

** Очерк по сравнительной хронологии был предложен А. В. Шмидтом. *Rurgane der Stanica Konstantinovskaia, Eurasia Septentrionalis antiqua*, IV, 1929, 18. О неточностях этих различных датировок и их странные отклонения в соответствии с системами, cf. Tallgren, *Caucasian monuments*, *ibid.*, (E.S.A.), V, 1930, 180 et Tallgren, *Zu der nordkaukasischen Bronzezeit*, *ibid.*, VI, 1931, 144.

сят к фракийско-фригийской расе,* "прибывшим" либо из Венгрии и Румынии, либо, что является менее вероятным, "проживавшим также" в Румынии и Венгрии.** Именно киммерийцам той эпохи, в какой-то степени приписывает известнейший финский археолог многочисленные находки, недавно обнаруженные на Кубани (Прикубанье). Основные находки, о которых идет речь, представлены сокровищами Бородино (примерно, к 1300—1100 гг.?), и Четково с бронзовыми серпами (примерно к 1400—1100 гг.?), бронзоплавильной Николаева (примерно в 1200 г.?), бронзовыми серпами Абрамовки (примерно в 1200 г.?). Все находки обнаружены между нижним течением Дуная и Днепра, далее в Прикубанье: золотые пластины и массивные серебряные фигурки волов Старомишастровской (примерно в 1300 г.?), на Тереке, курганы Пятигорска (примерно в 1200 г.?), в верхней Кубани (расцвет бронзовой эры, примерно в 1200—1000 гг.?). Все это киммерийское искусство средней полосы России связано, впрочем, с транскавказской культурой Гянджи - Карабаха, где в тот период появились прекрасные бронзовые застезки, украшенные изображениями животных правильной геометрической формы (зародилось между 1400 и 1250 гг. и завершилось позднее, в VIII веке), а также Талышская культура, где художественное использование бронзы расцвело в 1200 г.***

Покровская срубная усыпальница того периода, между 1300-1200 гг., обнаруженная между Волгой и Уральскими горами, свидетельствует о докимерийской или бронзовой киммерийской культуре, распространившейся далее к Туркестану. В Сейме, неподалеку от Нижнего Новгорода, одна из "сокровищниц" представляет

* Фракийские наименования присутствуют еще в части легенд, приводимых Геродотом при описании скифов. (E. Benveniste, *Communication B la SocietJ Asiatique*, 7 avril 1938).

Они присутствуют также в историческом царстве Киерийского Босфора в греко-римскую эпоху. (Rostovtzeff, *Iranians and Greeks*, p.39)

** Cf.A.M.Tallgren, *La Pontide prescythique aprLLIs 1 introduction des mJtaux, Eurasia Septentrionalis Antiqua*, II, Helsinki 1926, p.220.

*** Франц Ганчар фактически относит к периоду между XIV и VIII веками до новой эры весь комплекс закавказских культур Гянджи-Карабаха, с одной стороны, Лельвара и Талыша, с другой стороны, которые, по его мнению, ориентированы на современные культуры Передней Азии, а также на формы топоров, поясные пластины и изделия из керамики. (*Kaukasus-Luristan, Eurasia septentrionalis antiqua*, IX, 1934, 107).

нам менее богатую культуру меди и бронзы, особенно при изготовлении секиры с наконечником (1300—800). Аналогичная культура, называемая Андроновской, существовала и в Казахстане, распространившись затем до Минусинска (где она продлилась до 1000 г., достигнув Карасука). Это первый период бронзовой эпохи Сибири, с наличием секир с наконечниками, которые могли повлиять на секиры Нган-Юангов в Китае эпохи Шань, плоских лезвий кинжалов и дротиков сеймского типа, и его орнаментацией с чисто геометрическими формами: кавказский звериный стиль, вероятно, еще не достиг этих мест. Затем, далее, на севере, у Красноярска на Енисее, мы обнаруживаем поздние следы искусства энеолитической эры, от которой произошли восхитительные изделия из камня, изображавшие лошадей и лосей.

Примерно между 1150—950 гг. киммерийская цивилизация продолжала развиваться в районах севернее Черного моря. Это, вероятно, эпоха сокровищниц Новогригорьевска (секиры с бронзовыми наконечниками) и бронзолитейного дела в Николаево на Буге (примерно в 1100 г.?) В степях Терека эра чистой бронзы на Кубани показывает любопытные сходства с так называемой лельварской цивилизацией в Грузии, более развитой, чем степная цивилизация, так как там уже владели техникой обработки железа и которая представила нам интересные бронзовые пояса 1000—900 гг. с фигурками животных и людей геометрической формы с изображением сцен охоты и обработки земли. С другой стороны, местная культура, которую мы обнаруживаем в Покровске, между Самарой и Саратовом, дошла в этих краях до Хвалынска, до усыпальниц, которые Таллгрэн относит к 1200—700 гг., и, которые, по его мнению, уже были распространены среди скифов: это было первым появлением в европейской части России североиранского народа, которому было суждено вытеснить киммерийцев, чтобы главенствовать в степях к северу от Черного моря.

С 900 по 750 гг. мы наблюдаем последний этап киммерийской культуры. Это эпоха сокровищницы Михалкова в Галиции, со своей знаменитой золотой короной, которая обнаруживает родство одновременно с Кавказом и Гальштаттом в Австрии (800—700?), эпоха сокровищницы Подгортца, на юге от Киева, с влиянием кавказской культуры (800?); бронзовые секиры с топорищами в Коблево, на востоке от Одессы, и в целом, копьё с двумя заусеницами лезвия, которые производились во множестве в южной полосе России (900—700). Киммерийская культура эпохи бронзы распространилась к тому

же в Румынии, наряду с культурами, называемыми Бордей-хераст-рауской и Мореской в Молдавии и Вартопской в Валахии, и она продолжилась, захватывая эру бронзы Венгрии. Следует заметить вместе с Таллгреном, что киммерийцы и фракийцы задержались в эпохе бронзы, в то время как Юго-восточный Кавказ и Гальштатт в Австрии достигли эпохи железа (Гальштатт I, 900—700). Впрочем, хвалин-ская группа между Волгой и Уральскими горами, которую относят к передовым отрядам скифов, группа, которая в 900 г. создала брон-золитейни Сосновой Мазы, также задержалась в эпохе бронзы. В этот же период, в Сибири, в Минусинске, по свидетельству Таллг-рена, между 1000 и 500 г. развивалась вторая фаза эпохи бронзы, когда производились секиры с топорищами с двумя отверстиями; орнаментация в принципе еще продолжает оформляться геометрическими формами, однако уже изредка встречаются некоторые фигуры животных, которые без сомнения служили наконечниками рукояток.* Следует отметить, что эра киммерийской бронзы русских степей в своей последней стадии находилась в тесных отношениях с двумя культурами эпохи железа: гальштаттской культурой Австрии и культурой Кавказа. Впрочем, железные ножи Гальштатта были обнаружены в недавних раскопках киммерийского периода, как это имело место с ранней эпохой истории скифов.**

Скифы

Между 750 и 700 г. до Рождества Христова, по свидетельствам греческих историков, дополненных ассирийской хронологией, киммерийцы были вытеснены из степей южной полосы России скифами, прибывшими из Туркестана и Западной Сибири. Народы, которых греки знали под именем скифов (скутои), были теми же, кото-

* См. наше приложение по Минусинску, согласно Таллгрена и Мергарта. По киммерийскому периоду мы приводим мнение Таллгрена *La Pontide prescythique apr's l'introduction des metaux, Eurasia septentrionalis antiqua*, II, Helsinki, 1926. Что касается миграции Киммерийцев, Franz Hancar, *Kaukasus-Luristan, dans Eurasia septentrionalis antiqua*, IX, 1934 — 47. В этой статье помещен очерк о связях звериного стиля Кубани с Северным Кавказом и бронзовых изделий Луристана со скифскими и киммерийскими миграциями VII века. По данному вопросу существует другое исследование того же автора: Franz Hancar, *Probleme des Kaukasischen Tierstils, dans Mitteil. D.Anthropologischen Gesellschaft in Wien, Bd.LXV, 1935, p. 276.*

** Cf. N.Makarenko, *La civilisation des Scythes et Hallstatt, Eurasia septentrionalis antiqua*, V, 1930, 22.

рых ассирийцы называли по имени ашкузаи и которых персы и индусы знали под именем саки или шаки.* Как показывает ономастика, скифы относились к иранской расе.** Это были северные иранцы, которые оставались кочевниками на "исконно иранской родине", в степях нынешнего русского Туркестана, избежавших, таким образом, в большей части влияния материальной культуры Ассирии и Вавилона, которое было очень значительным для оседлых родственных народов, мидийцев и персов, обосновавшихся на юге, на Иранском плато. Скифы, так же как и их собратья, сарматы, должно быть, оставались чуждыми историческому маздеизму, зороастрийской реформе, которая позднее постепенно изменила верования мидийцев и персов.

Греко-скифские вазы Кульобы и Воронежа того периода оставили нам красноречивые говорящие портреты. Бородатые, также как их братья саки с барельефов Персеполиса, покрытые островерхими головными уборами, защищавшими уши от пронзительных ветров степей, они подобно сакам, носили широкие одежды, туники и широкие штаны, как и их сородичи мидийцы и персы. Конь, прекрасный степной конь, запечатленный на серебряной амфоре Чертомликского погребения, являлся их неизменным спутником, также как и лук был их любимым оружием.*** Эти лучники на лошадях "не имели городов", если не считать "передвижных поселений", (я хочу сказать) обозов, сопровождавших их во время перекочевков и дальних походов, как это случалось и позже, девятнадцать веков спустя, с обозами повозок, которые сопровождали

* Персидская ахеменидская номенклатура включала: 1. Саков Хамавар-гов, которые соответствуют собственно нашим сакам и которые проживали в Фергане и районе Кашгара; 2. Саки Тиграхауды, которые населяли район Арала и нижнюю Сырдарью; 3. Саки Тарадравы, то есть «с другого берега» в Южной Руси, являвшиеся собственно нашими историческими скифами.

** Cf. W. Miller, *Die Sprache der Osseten dans Grundriss der iranischen Philologie*, I. Miller, сравнивая и классифицируя скифские надписи Южной Руси, наткнулся на иранский элемент, который варьировал в соответствии с зонами между 10, 20, 50, и 60 %. Впрочем, Эмиль Бенвенист находит у скифов, у Геродота (IV, 5) те же социальные группы: военные, священники и крестьяне, то же, что и у авестийских и ахеменидских персов (*Societe Asiatique*, 7 avril 1938).

*** Cf. Minns, *Scythians and Greeks*, 48 — 49. Rostovtzeff, *Iranians and Greewks in South Russia*, *planches .XXI, XXII*. Относительно рас лошадей скифско-гуннской степи и их отображения в искусстве, Andersson, *Hunting magic and the animal style*, *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*, Stockholm.n.4, 1932, p.259.

монголов Чингиз-хана в XIII веке, на просторах тех же русских степей, во времена Платона Карпини и Рубрика. На этих повозках они перевозили женщин и свои богатства: золотые изделия, доспехи и воинские принадлежности, разумеется, также и ковры, все предметы, необходимость в которых породила "скифское искусство" и определила форму и общее направление этого искусства, как мы увидим ниже. Таковыми хозяевами русских степей они оставались с VII по III век до Рождества Христова.

Хотя скифы, как это считают современные лингвисты, должны быть отнесены к иранским народам индоевропейской семьи, индоевропейской или арийской группе, их образ жизни, о чем шла речь ранее, был почти такой же, как и образ жизни гуннских племен тюрко-монгольской расы, которая в ту же эпоху стала бурно активизироваться на другом краю великих степей, у самых китайских границ. Фактически условия жизни кочевников в степи, были, в принципе, аналогичными условиям северной части черноморского побережья или Каспия, и в Монголии, где эти условия были еще суровее. Таким образом, не стоит удивляться, если мы, абстрагируясь от физического типа и лингвистических факторов, скажем, что скифы, которых нам описывают греческие историки или которые представлены на греко-скифских вазах, напоминают в культурном аспекте и общим условиям существования хун-ну, тую, и монголов, описанных и зафиксированных китайскими летописцами или художниками. В этих двух группах мы наблюдаем некоторое количество общих обычаев или по причине того, что тот же образ жизни диктовал скифам и гуннам одни и те же решения (к примеру, скифские лучники-всадники, как и гуннские, носили штаны и сапоги в отличие от длинных одеяний Средиземноморья или жителей древнего Китая, и, без сомнения, использовали даже стремяна),* или по причине того, что географические контакты

* Проблема стремени является одной из важных. Изобретение стремени на длительный срок обеспечило северным кочевникам огромное преимущество над кавалерией оседлых народов. Знаменитая греко-скифская ваза Чертомлык показывает нам «стремена, образованные с кожаным ремнем из подпруги» (W. W. Arendt, *Sur l'apparition de etrier chez les Scythes, Eurasia septentrionalis antiqua*, IX, 1934, p.208). Аранд добавляет, что данное «прочтение» подтверждается исследованиями находок Козельской усыпальницы, расположенной близ Ново-александровки Мелитопольского края, находящихся в данное время в Историческом музее Москвы. Таким же образом стремяна у хун-ну были в ходу, начиная с III века до нашей эры. На Западе ни греки, ни римляне не пользовались ими. Только, кажется, авары VI в. распространили их.

скифских и гуннских народностей на одной стадии культурного развития обусловили сходные ритуалы (например, погребальные жертвоприношения, присущие в поздний период скифам, как и тюрко-монголам, в то время как, начиная с погребений Уры и Нган-Юанга, эта традиция исчезла в Передней Азии и Китае)* Итак, между 750—700 гг., скифы (вернее часть скифско-сакских народов, так как большая часть саков оставалась в предгорьях Тянь-Шаня, в районе Ферганы и Кашгарии), проникли в Тургай и земли Приура-ля в южной полосе России, вытеснив оттуда киммерийцев.**

По-видимому, часть киммерийцев вынуждена была укрыться в Венгрии, стране, где, без всякого сомнения, проживали уже другие народы, близкие к фракийцам; это были те беженцы, которые по всей вероятности, зарыли в землю "сокровища" Михаени неподалеку от Сцилагии и Фокору около Гевеса, а также сокровища Михалкова в Галиции. Оставшаяся часть киммерийцев скрылась че-

* Геродот (IV, 71) указывает на похоронные церемонии (ритуалы населения, кровоточащие раны на руках, лбе и носу, с целью чествования умершего, жертвоприношения и захоронения рабов и лошадей вместе с трупом умершего). Что касается хун-ну или монгольских гуннов, то Шаванн цитирует Тзи-еньхань Шу по Шавану, *MJmoires de Sse-ma Tsien, Ip.LXV* (жертвоприношения на могиле предводителя достигли цифры от ста до тысячи женщин и слуг). Наконец Станислас Жюльен дает сведения о ту-кю или монгольских тюрках VI века, потомках гуннов. Stanislas Julien, *Documents sur les T ou-kiue, Journal Asiatique, 1864, 332*: «Они наносят ножом раны на лицах, таким образом, что кровь течет вместе со слезами».

** По Геродоту IV, 13, миграция скифов в направлении Европы была бы встречным ударом по нашествиям с Востока или вернее Северо-Востока, так как скифы оттеснили исседонов, а последних оттеснили аримасы. Исседоны по описаниям Геродота были, возможно, Финно-Уграми. Бенвенист относит их в ту классическую эпоху к региону Урала, например, в направлении Екатеринбурга. Аримасы, которые, вне всякого сомнения, проживали далее к востоку, у Иртыша и Енисея, возможно, были иранцами, как и скифы, о чем свидетельствует их название, восстановленное Бенвенистом как аримаспа «друзья лошадей» (выступление Бенвениста на заседании Азиатского общества 8 апреля 1938 года). — Что же касается массагетов юго-восточных берегов Аральского озера, сам Геродот (1, 201) рассматривает их как скифов и их наименование по ирански *Массагата* означает «рыболовы») (J.Marquart, *Skizzen zur geschichtlichen Volkerkunde von Mittelasien, Festschrift Friedrich Hirth, 1920, 292*) Некоторые авторы древности, такие, как Дион Кассиус и Арриан видят в Массагетах предков сарматского народа — аланов. См. о «Скифах земледельцах», то есть вне сомнения, коренных жителей черноземья, а также о скифских кочевниках (истинные скифы), которые облагали их данью. Cf. Stcherbakivskiy, *zur Agathyrnsenfrage, Eurasia sept.antiqu. IX, 1934, 208.*

рез Фракию (о чем свидетельствует Страбон) или через Колхиду (по свидетельству Геродота) в Малой Азии, где их видели бродившими по Фригии (в 720 г.), затем в Каппадосе и в Сицилии (в 650 г.) и, наконец, в Понтии (в 630 г.). Часть скифов бросилась за ними в погоню (в 720—700 гг.), но, как говорит Геродот, они сбились с пути, пересекли Кавказ через Дербент и оказались во владениях ассирийской империи, на которую напал их монарх Испахай, но, впрочем, без успеха (в 678 г.). Другой, более осведомленный скифский предводитель, Бартатуа, сблизился с Ассирией, так как у ассирийцев были те же враги, что и у скифов. Это были киммерийцы, угрожавшие Ассирии со стороны Сицилии и Каппадоса. Скифская армия, которая действовала по договоренности с ассирийской стороной, двинулась в Понтию для того, чтобы нанести поражение последним оставшимся киммерийцам (в 638 г.). Десять лет спустя, сын Бартатуа, которого, по свидетельству Геродота, звали Мадие-сом, прибыл по зову Ассирии, захваченной мидийцами, с целью оккупировать Мидию, которую он и подчинил себе (в 628 г.), но вскоре мидияне подняли восстание; их государь Циаксар уничтожил скифских предводителей и остатки скифов отступили в южную полосу России через Кавказ. Это только несколько наиболее значительных эпизодов из истории нашествия скифов, которые в течение семидесяти лет наводили страх на Переднюю Азию. Великие индоевропейские варвары наводили ужас на протяжении всего этого периода на древний мир. Их кавалерия, не разбираясь, мчалась вперед на разбой и грабежи, от Каппадоса до Мидии, от Кавказа до Сирии. Это грандиозное движение народов, слухи о котором докатились до израильских пророков, явилось первым в истории нашествием кочевников северных степей вглубь древней цивилизации юга. Это явилось событием, которое возобновлялось в течение двадцати вековой истории.

Когда персы пришли на смену ассирийцам, вавилонянам и мидийцам, чтобы господствовать в Передней Азии, они задались целью обезопасить оседлый Иран от новых вторжений со стороны так называемого Внешнего Ирана. По свидетельству Геродота, Кир возглавил последнюю кампанию против массагетов, то есть против скифов, находившихся восточнее Хивы (в 529 г.). Дарий организовал свой первый поход против европейских скифов (в 514—512 гг.). Пройдя через Фракию и нынешнюю Бесарабию, он проник в степи, где, следуя обычной тактике кочевников, скифы, вместо того,

чтобы ввязаться в бой, отступили, завлекая его войска в глубь необжитых земель. Дарию хватило ума, чтобы вовремя повернуть вспять. Геродот был отчасти прав, считая этот "русский поход" безумством деспота. В действительности перед Ахеменидом стояла логическая политическая идея: сопротивление Внешнему Ирану и паниранское единство. После того, как скифы потерпели фиаско, но избежали поглощения персами, они оставались мирными владельцами южной полосы России в течение еще трех веков. Поход Дария, по меньшей мере, имел последствием окончательно ограждать Переднюю Азию от нашествий кочевников.*

Находки, относящиеся к скифской культуре (о которых мы еще поговорим), дают нам возможность вместе с Таллгреном проследить за успешным развитием скифского завоевания России.** В начале, примерно между 700—550 гг., центр скифской культуры был сосредоточен в степях юго-востока, в Прикубанье и на Таманском полуострове. Находки в Мартоноше и Мель-гунове свидетельствуют, что скифы господствовали, хотя, вероятно, и спорадически (единично) уже и в южной части Украины, между нижними течениями Днепра и Буга. И только в 550—450 гг., как об этом говорит Таллгрэн, скифская культура начинает расцветать на территории современной Украины и достигает своего апогея в 350—250 гг., что подтверждается огромными царскими курганами нижнего Приднепровья в Чертомлике, Алексан-дрополе, Солохе и Деневе и т.д. Наиболее удаленная северная часть, протянувшаяся к западу, в связи со скифской экспансией соприкасается на севере с лесостепью, немного южнее Киева и в районе Воронежа. На северо-востоке скифское нашествие, начиная от Волги, достигло района Саратова, где были осуществлены важные находки, что побуждает Таллгрена говорить о присутствии там скифского и близкого к ним народа - во всяком случае, также иранской ветви — сарматах. Впрочем, возможно, что скифы составляли в южной части России только аристократию, возвышавшуюся над киммерийским субстратом, то есть фрако-фригийским. В то время как известные данные, относящиеся к скифам, включают собственные имена, чисто иранского происхождения, Бенвенист отмечает,

* Продолжение скифской истории, связанной в основном с греческим миром, Max Ebert, *Sud-Russland im Alterhum*, Leipzig 1921.

** Tallgren, *Sur l'origine des antiquités dites mordviennes*, E.S.A., XI, 1937, 123. Cf. K.Schefold, *Skytische Tierstil in Sudrussland*, *ibid.*, XII, 1938.

что Геродот (IV, 5—10) дает другие сведения по тем же скифам, но приводимых по греческим источникам, где собственные имена относятся к фрако-фригийскому влиянию.* Следы лингвистического прошлого, подтверждаемые археологическими находками. Таллг-рен пишет: "Гальштаттский характер бронзовой киммерийской эпохи продолжал существовать на Украине, как крестьянская культура, даже в то время, когда взаимодействовали скифская и древнегреческая культуры".** Наконец, на севере скифской зоны субстрата, более или менее относящейся к киммерийцам, жили варвары не скифского происхождения, называемые Геродотом андрофагами, меланклеидами и исседонами, которых можно отнести к финно-угорской расе. Таллгрен предлагает считать, что андрофаги жили на севере от Чернигова, а меланклеиды — на севере от Воронежа. Нам известно, что эти два народа объединились со скифами для того, чтобы отразить нашествие Дария. Что касается исседонов, то Бенвенист делает вывод, что они располагались в Приуралье, неподалеку от Екатеринбурга. Добавим, что Таллгрен предлагает отнести к андрофагам и меланклеидам, т. е. финно-угорским соседям скифов, так называемую, мордвинскую культуру, следы которой обнаружены при раскопках на Десне и Оке, и которая характеризуется достаточно скудным геометрическим орнаментом, не имеющего ничего общего со "звериным стилем" скифов.***

Скифское искусство

Значительные скифские нашествия VII века на Кавказе, в Малой Азии, в Армении, в Мидии и Ассирийской империи, интересуют не только политическую историю. Не будем упускать из виду тот факт, что они являлись их союзниками и сторонниками. Первоначальные контакты скифов с ассирийским миром, эти тесные контакты, которые длились около ста лет, являются, по нашему мнению, весьма весомыми аргументами для тех, кто занимается степной цивилизацией. Прежде всего, вполне вероятно, что именно во время походов в Переднюю Азию в VII в., скифы перешли от бронзовой эпохи к эре железа. Добавим тут же, что начальный период скифской культуры испытал влияние также Гальштаттской культуры обработки железа в кельто-ду-

* Emile Benveniste, Communication a la Societe Asiatique, 7 avril 1938.

** Tallgren, I.e., 128. *** Ibid.,127.

найском регионе (Галытитатт между 1000-900 и 500—450 гг., Скифия между 700 и 200 гг.).* Но особенно Кавказ и страна мидий-цев, представленная в данном случае на территории Луристана, в ходе бурного движения (активности) народов в VII в. установили тесные контакты со скифами. Франц Ганчар, поддерживая в этом вопросе своего коллегу из Вены — Ф. В. Конига, убежден, что следует отнести к VII в. большую часть бронзовых изделий от Кубани до Кавказа, часть бронзовых находок в Нуристане, на противоположной юго-западной стороне древней Мидии. Ганчар считает, что изделия эпохи бронзы Кубани и даже Луристана, в какой-то степени связаны с киммерийцами.** Очевидно то, что здесь присутствуют связи тех и других с первоначальным периодом скифской культуры, полчищами скифских и киммерийских завоевателей, рыскавших в ту эпоху в одних и тех же регионах. Впрочем, мы обладаем неоспоримым доказательством непосредственного влияния, которое оказала ассиро-вавилонская Месопотамия на первые творения скифской культуры: железный с золотом топор Келермеса с Кубани (примерно VI в.), топор, где давняя ассиро-вавилонская тема (также и Луристана) двух козлов, стоящих у древа жизни, соседствует с (манерой изображения) двумя прекрасными оленями, изображенными в реалистической манере, явно несущей следы ассирийского "звериного стиля", но уже специфичны тем, что использованы декоративные мотивы.

С этой исходной точки зрения мы рассматриваем происхождение всякого скифского "звериного стиля", которое можно определить, утверждая, что оно направляло (повернуло) ассирийский (или греческий) натурализм к декоративной сущности искусства. Это искусство утверждается окончательно при изготовлении золотых оленей, обнаруженных в погребениях Костромского, а также на Кубани (без сомнения VI век), со стилизацией спиралевидной формы их рогов. Таким образом, эстетика степей утверждается на долгие годы в Южной России с ее ясными тенденциями, распространение которых мы наблюдаем к Востоку до Монголии и Китая. С самого начала проявляется два направления: натуралистическое направление, без сомнения, периодически обновляемое вкладом ассиро-ахеменидских источников, с одной стороны, и греческих — с другой; декоративное направление, которое, как об этом мы говорили, сминает, деформи-

* Cf. N.Makarenko, *La civilisation des Scythes et Hallstatt, Eurasia Septentrionalis Antiqua*, V.1930, 22.

**F. Hancar, *Gurtelschliessen aus dem Kaukasus, Eurasia Septentrionalis Antiqua*, VII, 1931, 146 et, du meme, *Kaukasus-Luristan, ibid.*, IX, 1934, 47.

рует и разворачивает указанное направление к чисто орнаментальным формам.* Рядом с концами, реалистическое изображение животного мира, которое было постоянно в поле зрения этого народа, укротителя диких лошадей, и страстных охотников, явилось ничем иным, как опорой и поводом для декоративной стилизации.

Подобное явление объясняется самими условиями существования кочевников, будь то скифо-сарматы на западе или гунны на востоке. Так как они не имели постоянных поселений городского типа, ни великолепных дворцов, то им были чужды валяние, лепка барельефов и живопись, обуславливающие реалистическое искусство. Их предметы роскоши были представлены роскошными одеяниями и золотыми изделиями, деталями снаряжения или конской сбруей и т.д. Таким образом, все эти вещи-застежки и пряжки ремней, конские доспехи, кольца для ножен, упряжь, приспособления для повозок, всякого рода кнутовища и древки, не говоря уже о коврах, таких как ковры Нойон-улы, казалось, словно ниспосланные судьбой, предназначались для стилизованного оформления, т. е. геральдического. Кроме того, как об этом уже было упомянуто, кочевники севера, были ли они иранского происхождения как скифы или тюрко-монгольской расы как гунны, проводили свою жизнь наездниками в степи, основным занятием которых была охота на стада оленей и куланов, погоня в бескрайних степях за волками, преследовавших бесчисленных антилоп. Вполне естественно, что из-за их образа жизни и особого понимания роскоши, они усвоили в итоге из ассиро-вавилонского опыта только геральдическую тематику и схватки животных, изображенных в стилизованной форме. Наконец, как на это указывает Ж. Ж. Андерссон, думается, что эти фигурки животных имели для степных охотников чисто магическое значение, как когда-то это происходило с фресками и костяными резными фигурками европейской магдаленской культуры.**

* Типичные репродукции у Ростовцева, *Animal style in South Russia and China*, 1929. Rostovtzeff, *Le centre de 'Asie, la Russie, la Chine et le style animal*, *Seminarium Kondakovianum de Prague*, 1929. G. Borovka, *Skythian art*, New-York, 1928; приложения в конце книги.

** Andersson, *Hunting magic in the animal style*, *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities*, Stockholm, n.4, 1932. В этом же исследовании, стр. 259 и далее, помещен очерк по классификации лошадей, оленей и т.д. по степям и сходству типов, изображенных на изделиях ордосской бронзы. — Процитируем О. Жанса по магической природе орнаментальных мотивов и искусстве степей. *Le cheval cornu et la boule magique*, *Ipec*, 1935, 1, p.66 et Potapoff, *Conceptions totémiques des Altaïens*, R.A.A., 1937, 208.

Если мы будем рассматривать отдельно греко-скифские золотые изделия, которые можно назвать скифскими только по сюжетной тематике, но являющихся творениями греческих мастеров, работавших либо для греческих поселений в Крыму, или непосредственно исполнявших заказы властителей степей, мы обнаруживаем почти повсюду в скифском искусстве изображение животных, представленных в геометрической систематизации, имеющих одну цель: орнаментализм. Это присуще искусству в поселении Костромская, V век до нашей эры, по мнению Шефолда — Елизаветинская, того же периода, Кулобы, в Крыму, между 450—50 гг., сокровищнице Петра Великого, происходящей из Западной Сибири эпохи сарматов I века нашей эры, Верхнеудинску в Забайкалье, гуннской культуре начала новой эры. Это видно по ветвистым рогам оленей, конским гривам, даже когтям представителей семейства кошачьих, украшенных кольцами и спиралями, иногда удлинявшими в два раза рост животного. Верхняя лошадиная губа свернута улиткой. В западносибирском регионе распространения скифско-сар-матского искусства и в искусстве, испытавшем то же влияние и созданном хун-ну Ордоса, стилизация животных форм подчас настолько всеобъемлюща; эти фигуры обвиваются и переплетаются так сильно, что, несмотря на реализм, присущий изображению голов оленей, лошадей, медведей или тигров, иногда с трудом удается различать животное от стилизованного украшения. Рога и хвосты животных заканчиваются листьями или распускаются в форме птиц. Реализм в изображении животных растворяется и теряется в орнаментации, созданной этим же реализмом.*

Таким образом, степная культура противостоит культуре соседних оседлых народов; скифское искусство — ассирио-ахеменидской, гуннская культура — китайской, и все это на пространстве, где можно было бы их сблизить: это сцены охоты и столкновения животных. Ничто так не противостоит классическому стилю изображения животных и все в линейной плоскости, у ассирийцев или ахеменидов, с одной стороны, у ханьцев — с другой, как вычурность, приукрашивание, утрирование в степном искусстве. Ассирийцы и ахемениды, также как и ханьцы Китая, показывают нам мирно проходящих животных или преследующих, или угрожающих друг другу в рамках простого и наполненного воздухом декора. У художественных мастеров степей, скифов или гуннов, предстанут жестокие схватки, — зачастую обвившихся друг с другом, как гуши лианов - диких

* C Josef Zykan, *Der Tierzauber, Artibus Asiae*, V.1935, 202.

животных, сцепившихся в битве не на жизнь, а на смерть. Драматическое искусство, наполненное хрустом переломанных костей лошадей или оленей, подвергшихся нападению тигров, медведей, хищных птиц или грифов, нередко являлось предметом полного искажения реального. В данном случае не ощущается движения, никакой скорости. Терпеливое и методичное заклинание, когда, на что уже было указано, жертва, кажется, увлекает своего убийцу в объятия смерти. Зато ощущается внутренний динамизм, который, несмотря на эту "медлительность", мог бы быть причиной великой трагической силы, если бы яркая стилизация, которая сплетает и расцветчивает формы, не устраняла бы обычно явный реализм подобной кровавой бойни. Множество составляющих частей и направлений степного искусства распределены неравномерно на просторах огромной зоны от Одессы до Маньчжурии и Желтой реки. Скифское степное искусство, распространяясь до лесной части верхней Волги, оказало влияние на культуру Ананино под Казанью (в 600—200 гг. до нашей эры), несомненно, принадлежащей к финно-угорской цивилизации, где в богатых захоронениях были обнаружены наряду с пикотопорами, обычные бронзовые кинжалы, с некоторыми мотивами звериного стиля и в частности, с сюжетом животного в форме завитка в чисто скифском стиле, но созданного в данном случае, с использованием достаточно упрощенной и обедненной фактуры. Однако по замечанию Таллгрена, скифское звериное украшение было заимствовано в Ананино только частично, глубинный фон декора по-прежнему основан на геометрических формах.* Совсем другое дело в Минусинске, в Центральной Сибири. В этом важном металлургическом центре Алтая эпоха расцвета бронзы (VI— III-й вв.), конечно, представлена топорами с декоративной ручкой, выполненной с соблюдением геометрических пропорций (например, декор Красноярска "с углами"), но там же также обнаруживаются, начиная с той же эпохи, бронзовые фигурки животных с использованием упрощенной и строгой стилизации, контрастирующей с переплетениями других районов, и где Боровка хотел бы найти хронологические и топографические истоки степного искусства. Вопрос, поставленный подобным образом, становится важным. Подход, связанный с привязкой степной культуры к геометрической характеристике места, которое представляет Минусинск на полпути между Черным морем и Печильским за-

* Tallgren, Sur l'origine des antiquites dites mordviennes, Eurasia Septentrionalis Antiqua, XI, Helsinki, 1937, 133.

ливом, был ли разработан, как это считает Боровка, под молотом древних кузнечных мастеров Алтая с изготовлением первых фигурок животных, еще простых и насыщенных, но развившихся соответственно на юго-западе, благодаря ассиро-ахеменидскому вкладу, скифам, на юго-востоке, благодаря китайцам, хун-ну? Или, напротив, скудность в изображении животных в Минусинске происходит, как считает Ростовцев, оттого, что скифское искусство обеднело, достигая сибирских лесов, как это случилось в Ананино, продвигаясь к Пермским лесам? Ананино и Минусинск являются в таком случае ослабленным отзвуком русских степей.

Впрочем, следует отметить, что в самой южной России, вначале, то есть, начиная с VII—VI вв., мы видим еще достаточно строгую стилизацию изображения животных, как это имело место с бронзовыми изделиями курганов Керчи и Куль-обы (относящихся уже к V—IV вв.), в Крыму, Семибратья, Келемеса, Ульска и Костромска на Кубани, в Чигирине под Киевом и т.д. Думается, что в V—IV вв. стилизация усложнялась, как на это указывают находки Солоти под Мелитополем у Азовского моря, где наряду с прекрасными греческими золотыми изделиями на скифскую тематику, мы обнаруживаем завитки звериного стиля, характерные разветвления и излишки, находки в Елизаветовской у Азовского моря, где разветвления и цветистость бронзовых изделий ажурным орнаментом представлены сами собой.

Сарматы и Западная Сибирь

В IV веке до Рождества Христова, мы сталкиваемся в районе Оренбурга, со стороны Уральских гор в Прохоровке, с местной культурой, характеризующейся скоплением копьев. Копье было специфическим видом оружия сарматов, и захоронения Прохоровки, свидетельствовали, по мнению Ростовцева, о первом появлении сарматов в европейской части России.* Что бы там ни было, во

* Однако, указывая на V век до нашей эры, Геродот (IV, 116) упоминает «Саороматов» на востоке устья Дона и говорит о них как о метисах скифов и амазонок, говоривших, впрочем, на скифском языке. Шла ли речь об авангардах, которые последовали за скифами в их миграции до прибытия основных групп сарматов, которые кочевали еще на сев. Ростовцев указывает на важный фактор как матриархат, обнаруженный греками у сарматов, но не существует совсем у сарматов. Он считает, что эти два народа не имеют ничего общего (Iranians and Greeks. 113).

второй половине III века до новой эры, сарматы, относящиеся к той же расе, что и скифы, принадлежащие так же как они к северной кочевой иранской группе, проживавшие до того в северной части Аральского моря, пересекли Волгу и захватили русскую степь, оттеснив скифов к Крыму.* Полиб (XXXV, I) упоминает о них в первый раз как о внушительной силе в 179 г. до Рождества Христова. Хотя речь идет о близких народах, являвшихся также кочевниками, новые пришельцы резко отличались от их предшественников.** Скифы, как об этом мы уже знаем, представляли собой всадников, вооруженных луками, в сакских головных уборах, в широкополых одеждах; варваров, которые соприкоснулись с греческой культурой, развивали звериный стиль в искусстве, который в своей стилизации постоянно сохранял следы натуралистической пластики. Сарматы же представляли в основном кавалерию копьеносцев, с касками конической формы на головах и одетые в кольчугу. Их искусство, носившее в основе отпечаток звериного стиля, отличается более изысканным вкусом по сравнению со скифами в плане стилизации и геометрического орнамента; они увлекались многоцветными эмалевыми инкрустациями на металле; короче, им была присуща очень выраженная "восточная" окраска цветочного украшения, стилизованного на основе греко-римской пластики. Это уже эпоха возникновения в Европе искусства до средневекового периода, искусства, которое сарматы передали готам, а те, в свою очередь, германцам.

Переход от скифского искусства к сарматскому мы наблюдаем благодаря крупным находкам в Александрополе около Екатеринославля начала III в. до новой эры. Сарматское искусство внедряется в южной части России в III и II вв., о чем свидетельствуют украшения, найденные в Буеровой Могиле, Ахтанизовке, Анапе, Ставрополе, Казинском и Курджипе в Прикубанье сарматского периода, в Елизаветском около Азова, а также знаменитый серебряный эмалированный пояс Майкопа, с изображением грифа, пожирающего кулана. Этот пояс был создан сарматами во II в. до новой эры. Тот же стиль характеризует сарматские пластины следующей эпохи в Таганроге и Федулово неподалеку от устья Дона, в

* В тот период скифы были зажаты между сарматами, которые прибыли со стороны Азии, а с другой — гетами (будущими даками) — фрако-фригийского происхождения, которые основали империю в Венгрии и Румынии.

** Strabon, livre XI, ch. 11.

Сиверской, около устья Кубани (II—I вв. до новой эры) и I век новой эры в Новочеркасске у Азова, в Усть-Лабинске, на ферме Зубова и в Армавире в Прикубанье.*

К этой группе, в особенности, что касается пряжки майкопского пояса, принадлежат золотые и серебряные пластины Западной Сибири, называемые сегодня "Сокровищницей Петра Великого", украшенные сценами схватки между грифами и парнокопытными, тиграми и куланами, грифами и яками, орлами и тиграми и т.д., выполненное все в стилизованном ветвящемся стиле. Все эти сибирские пластины, относимые Боровком к отдаленному периоду (III—II вв. до новой эры), созданы, по мнению Мергарта, до I века до нашей эры, или скорее I века новой эры, по Ростовцеву.**

Имеется больше оснований приписать народностям близким сарматам золотые пластины Западной Сибири, что в соответствии с недавними советскими раскопками, такими, как человеческие черепа, относящиеся к указанному периоду, обнаруженные в Оглакты около Минусинска, то есть гораздо глубже на восток, в Центральной Сибири не могут быть отнесены к тюрко-монгольским элементам, и могут считаться как принадлежащие народностям индоевропейского происхождения, связанным со скифами, сарматами и саками, (см. Таллгрэн, Оглакты, 1937, 71).

* Наряду с характерными сарматскими изделиями из бронзы, хотя найденных в зоне несомненно не сарматского, финно-угорского происхождения, были найдены изделия в захоронениях Уфы на западе от Южного Урала, а также сокровища Екатерининки между Уфой и Пермью, которые Таллгрэн относит, те и другие, к 300 и 100 годам до Рождества Христова (Tallgren, *Etudes sur la Russie orientale durant l'ancien age du fer, Eurasia Septentrionalis Antiqua*, VII, 1932, 7). Кажется, что это и пластины с «животными с завитушками» сарматского происхождения, найденные в Глиаденово на северо-востоке Перми, которые Таллгрэн относит к началу нашей эры. Что касается крупных пластин из сокровищницы Петра Великого, найденных в Западной Сибири, возможно, они формировали условия перехода между скифами или «запоздавшими скифами» и сарматами. Однако они относятся к сарматскому периоду, и, кажется, ассоциируются с монетами Нерона и Гальбы. Cf. Joachim Werner, *Zur Stellung der Ordosbronzen, Eurasia sept. antiq.*, IX, 1934, 260.

** Репродукции у Ростовцева, *Iranians and Greeks*, pi.XXV; Bоровка, *Skythian art*, p.46-48; и наши рисунки, фигурки.

Прототюркские культуры Алтая

Центр металлургии в Минусинске, на верхнем Енисее, начиная примерно с V в., был местом нового вида деятельности.* По мнению Таллгрена, именно в тот период появились углубленные в земле могильные погребения, обрамленные каменными квадратами, что совпадает с так называемым периодом бронзы III, "наибольшим расцветом бронзы" по Мергарту (в 500—300 гг., или 200 г. до нашей эры). Данный период характеризуется обилием мотивов звериного стиля, в частности сюжетов с изображением оленя, лежащего, стоящего или устремившего свой взгляд назад, или мотива изогнутого животного, который, по мнению Таллгрена, идет из Южной России.

Между 500—300 гг. датируется первое производство сибирских ножей и кинжалов из бронзы, а также "чаш и котелков", которые, от Минусинска, распространились до Ордоса эпохи хун-ну, с одной стороны, до Венгрии, периода крупных нашествий, с другой.**

Тонкие, слегка изогнутые, с ручкой, имеющей зачастую форму грациозной оленьей головы, ножи Минусинска или Тагарской, были также распространены по всей Монголии вплоть до Ордоса времен хун-ну. К 300—200 гг. до новой эры, эпоха железа расцвела в Минусинске, где производили пики — топоры, сделанные частично из бронзы, частично из железа, размещенные в целой группе коллективных захоронений. Впрочем, Минусинск предоставил нам предметы, без всякого сомнения, как считает Мергарт, относящиеся к II—I вв. до новой эры в виде бронзовых орнаментальных пластин с изображением сцепившихся друг с другом быков или сцен схватки лошадей; на всех пластинах уши, лапы, хвосты, мышцы, волосяной покров животных представлены в форме "вогнутого клеверного листочка", где применялся способ, находящийся в прямой связи с сарматским искусством Южной России и Западной Сибири, и который, в свою очередь, как это считают многие археологи, из Минусинска проник в гуннское искусство Ордоса.

Минусинск расположен на северном склоне Саянских гор. Далее на юго-западе, в Пазырыке, на северном склоне Алтая, непода-

* См. Tallgren, Collection Tovostine des antiquités de Minoussinsk, Helsingfors, 1917. - Merhart, Bronzezeit am lenissei, Vienne 1926. — Teploukhov Essai de classification des anciennes civilisations métalliques de la région de Minoussinsk, Materialii po Ethnographi, IV, Leningrad, 1929.

** Данные чаши — котелки цилиндрической формы, с прямыми и прямоугольными «ушками» находятся одновременно в музее Сернуччи (Миссия Вайа, регион Минусинска) и в музеях Будапешта. Cf. Zoltan Takacs. Francis Hot? Memorial Exhibition 1933. The Art of Greater Asia, p. 17 et 68.

леку от истоков Оби и Катуня, экспедиция Грязнова обнаружила в 1929 г. захоронения, произведенные за сто лет до новой эры или немного раньше, в которых находились останки лошадей, «замаскированных под северных оленей» (что, между прочим, доказывает, что речь идет о народностях, которые вместо лошадей использовали северных оленей).* Эти лошадиные маски и их сбруя из кожи, дерева и золота украшены стилизованными сюжетами звериного стиля, с изображением скачущих галопом козлов и оленей, крылатого грифа, вцепившегося насмерть в козла, леопардов, нападающих на оленей и козлов, хищной птицы, восседающей на поверженном олене, петушиные бои. Все эти сюжеты еще близки к скифскому и даже греко-скифскому реализму звериного стиля без последующих орнаментальных усложнений. Строгая и упорядоченная стилизация придает изделиям потрясающий декоративный эффект. Еще в находках Пазырыка мы обнаруживаем бородатых маскаронов чисто греко-римского происхождения, созданных под влиянием, несомненно, греческого царства киммерийского Босфора. Те же греко-римские маскароны присущи в тот же период (II—I вв. до новой эры) находкам в Минусинске (в Грифонове, Батени, Беже, Кали, Знаменке и т.д).** Что касается алтайских предметов, они еще включают, кроме Пазырыка, курганы Шибе, Караколя и Ойротина, в целом восходящие, без сомнения, обычно к I веку до новой эры и принадлежащие сарматским народностям. Находки Шибе представляют тот же звериный стиль, с еще более строгой и близкой к реализму стилизацией. Использование китайского лака в Шибе, восходящего к 86—48 гг. до новой эры говорит нам о хронологии этого центра.***

В первом веке новой эры культура Алтая была представлена находками кургана Катанды, деревянными предметами, на которых были изображены нападения медведей на оленей с вычурными ветвистыми рогами, и птичьими головами, а также бронзовыми пластинами и фрагментами тканей со стилизованными сюжетами звериного стиля, где изображения схватки с оленями напоминают гуннские

* По жертвоприношениям лошадей у трупа предводителя в скифских захоронениях, Геродот, IV, 72. По северным оленям, Acad. Cult. Mater., fevr. 1931.

** По группе захоронений Пазырык, Шибе, Каганца и т.д. Грязнов, in American Journal of Archaeology, 1933, p.32 — Kiseleff, Fouilles de 1934 dans l'Altai, trad. In Revue des arts asiatiques, X, 4, 1937, p.206 — Laure Morgenstern, L'exposition d'art iranien à Leningrad et les découvertes de Pazyryk, ibid., p. 199. — L. Morgenstern, Esthétiques d'Orient et d'Occident, Paris, Alcan 1937 (illustre). — Joachim Werner, ESA, IX, 265. — По маскаронам Пазырыка, Salmony, Chinesische Schmuckform in Eurasien, ibid., 329.-ESA, 1933, 249 (monnaies du Bosphore, III s. avant J.-C. Trouvées en Dzungarie).

*** Gрязнов, in American Journal of Archaeology, 1933, p.32. Tallgren Oglakty, Eurasia septentrionalis Antiqua, XI, 1937, 69.

сюжеты, которые мы обнаруживаем в то же время (второй год новой эры) в Ноян-Уле в Монголии. Также как Ноян-Ула представляет нам остатки греческой ткани, вероятно пришедшей из киммерийского Босфора, курган Тес, находящийся в пределах Минусинска, свидетельствует также, вплоть до периода Великих Нашествий, о греко-римском влиянии того же происхождения. Особенно это видно на примере серег, сделанных в понтийском стиле.

В течение двух первых веков новой эры мы наблюдаем, в Минусинском крае, расцвет переходной культуры, которую Теплухов назвал Таштикской культурой, и с которой связаны находки Б деревне Оглатки в 60 км к северу от Минусинска, и к северу от места слияния реки Туба и Енисея, находки, восходящие к периоду китайского шелка эпохи второй династии ханьцев, с прекрасными наскальными рисунками в зверином стиле.

Чуть позже эти очаги скифо-сарматского происхождения, встречающиеся в Алтае и Минусинске, кажется, исчезают или скорее видоизменяются, так как Минусинский край явился в VII веке новой эры местом, где производились бронзовые украшения, датированные по китайским монетам начала эпохи Тан. Видимо, страна была завоевана тюркскими племенами, предками киргизов, на которых указывают китайские историки в V веке.* По мнению Тепл-лухова, замена киргизов на индоевропейскую аристократию, сарматского происхождения в Минусинске, возможно, имела место после III века новой эры.** Но, до того как исчезнуть, центры культур Минусинска, Пазырыка и Катанды сыграли значительную роль,

* Может тогда произошло смешение народностей. Гардизи свидетельствует, что в то время у киргизов был светлый цвет лица и рыжие волосы. Впрочем, эти киргизы Енисея не были по происхождению тюркоговорящим народом (Radloff, *Alturk. Inschriften*, p.425).

** Возможно, было бы, кстати, отнести к сарматскому искусству или, по крайней мере, спатаникам, произошедшим от сарматов, часть любопытных каменных наскальных рисунков, найденных в Сибири и далее до Монголии (в горах Оглатки в Кызылкае, в Сулеке у Минусинска, в Морозове в Урянгае, верхнем Енисее и, наконец, в Дюрбельджи и в Ильхальке на Орхоне. Фрески Урен-хоя (Танну Ула) изображают эскизы оленей и медведей с необычайным реализмом, с линейным движением, присущим лучшим греко-скифским традициям (Бу-лук, Кедрала, Цагангол). С другой стороны, некоторые наскальные рисунки Су-лека, близ Минусинска, изображают всадников, которые, кажется, носили шлемы конической формы с луком и длинной пикой, и напоминают достаточно хорошо романо-сарматские фрески Керчи в Крыму. Явно, что в Сулеке обнаружили «рунические» надписи, что склоняет некоторых исследователей отнести эти рисунки к VII в. нашей эры. Cf Tallgren, *Inner Asiatic and Siberian rocks pictures, Eurasia septentrionalis antiqua*, VIII, 1933, 175-197. — Впрочем, Фетгиш показал связи последней культуры Минусинска VIII века нашей эры с протовенгерским искусством эпохи Лебедии. Cf. Nandor Fettich *Die Reiternomaden kultur von Minussinsk, dans Metallkunst der Landnehmenden Ungarn*, 1937, p.202.

способствуя передаче стилизованного звериного стиля, искусства степей гуннским народам Монголии и Ордоса.

Происхождение хун-ну. Искусство хун-ну

В то время как кочевники иранского происхождения - скифы и сарматы занимали в южной части России, и, несомненно, также, в Тургае и в Западной Сибири, западную часть степной зоны, восточная часть находилась под властью тюрко-монгольских народов.

Доминирующая народность в среде тюрко-монголов в древности называлась китайцами хун-ну, название, приближенное к гуннам (хунни) и хуна, под которыми римляне и индусы в дальнейшем подразумевали тех же варваров.* Вероятно, что именно эти хун-ну (название отчетливо появляется в китайской историографии только начиная с эпохи Цинь, в III веке до новой эры), ранее, в IX—VIII вв. назывались китайцами Хиен-юнями, а еще раньше — Хьун-юн, или еще более расплывчато — Ху. Известные китайцам еще на заре истории, эти "Ху" представляли собой тех, кто проживал на границе Китая того периода, в районе Ордос, на севере Шаньси и севере Хубея. Масперо предполагает, что "Йонги Севера", Пэй-Йонги", обосновавшиеся на западе и северо-западе территории нынешнего Пекина, относились к племенам ху. Другие рода/племена были завоеваны китайцами княжества Чао в IV веке до новой эры. Правитель Вулинь из Чао (в 325—298 гг.) даже забрал у хун-ну самую северную часть Шаньси (район Татонг), то есть север нынешнего Ордоса (в 300 г. до новой эры). Это было сделано, как мы уже видели, в связи с тем, чтобы противостоять нападению этих кочевников и продемонстрировать, что китайцы царств Цзинь (Шеньси) и Чао (Шаньси), смогли трансформировать тяжелую обозную армию в мобильную кавалерию, что явилось военной революцией, повлекшей за собой полную замену китайской военной одежды. Платья архаической эпохи были заменены кавалерийскими штанами, заимствованными у кочевников, и китайские воины заимствовали у последних также шапки с хохолками, "три хвоста", поясные пряжки, сыгравшие весьма существенную роль в создании искусства, называемого "Воюющие царства".** Также, чтобы защищаться про-

*Являются ли полностью независимыми друг от друга три термина: Хун-ну, Гунны и Хуна? А priori, это недостоверно» (Pelliot, A propos des Comans, J. A. 1920, 141).

** Официальным инициатором этой реформы в области одежды, по свидетельству Сыма Цяня был правитель Чао У-линь в 307 году. Trad. Chavannes V, 73.

тив хун-ну, китайцы Чао и соседних государств принялись создавать на своей южной границе фортификационные сооружения, которые позже были объединены и дополнены Цинь Ши Хуан-ди, и должны были сформировать Великую китайскую стену.

По свидетельству китайского историка Сыма Цяня, только во второй половине III века до новой эры, хун-ну, кажется, объединились, создав сильную и единую нацию. Ее возглавил руководитель, прозванный Шанью, полный титул которого в китайской транскрипции выглядит следующим образом: «чэньги-ли ку-ту шань ю», что в переводе с китайского означает: «Его Величество Сын Неба», и что указывает на тюрко-монгольские корни "чэнг-ли", которые, кстати, были транскрипцией тюркского и монгольского слова "Тангри — Небо".* Под шанью находились "двое должностных лиц, правителей "туки", то есть мудрые правители левой и правой сторон". Китайская транскрипция "туки" приближается к тюркскому слову "догри" — прямой, верный. В той мере, в какой можно говорить о постоянных резиденциях типичного кочевого народа, шанью проживал на верхнем Орхоне, в гористой местности, где позднее возникнет столица Чингиз-хановских монголов — Каракорум. Мудрый правитель левой стороны, являвшийся в принципе первоочередным наследником, проживал на востоке, несомненно, в верховьях Керулена. Мудрый правитель правой стороны обосновался на западе, может быть, по мнению Альберта Германца, в районе современного Ульсутаая, в горах Хангая.** Ниже их по рангу в хуннской иерархии находились "правители" ку-ли справа и слева, генералиссимусы справа и слева, великие тан-ху правые и левые, великие ку-ту правые и левые, предводители тысячных, сотенных и десятичных отрядов.*** Эта нация кочевников, этот народ, находившийся постоянно в походах, был организован как единая армия. В стиле тюрко-монголов основным направлением был юг: тот же принцип сохранился у потомков хун-ну, тюрков VI в. новой эры, как и у монголов Чингиз-хана.

Хун-ну описываются китайцами с теми же характеристиками, которые были присущи их тюркским и монгольским последовате-

* Cf. Chavannes. Les memoires de Sse-ma Tsien, I, p.LXV. Куракиши Ширагори объясняет слово «шаньюй» посредством китайской этимологии, что означает «бескрайние просторы» (K. Shiratori, A study on the titles of khagan and khatun, Memoirs of the Toyo Bunko, I, p. II, et On the territory of the Hsiungnu, ibid., V, p.71.

** Albert Herrman, Die Gobi im Zeitalter der Hunnenherrschaft (Geografika Annaler 1935, Sven Hedin), p.131.

*** Chavannes, Sse-ma Tsien, I c

лям. Вигер говорит: "Они низкорослы, коренасты, с круглой и очень большой головой, широким лицом, выдающимся вперед скулами, с широкими ноздрями, достаточно густыми усами, без бороды, за исключением пучка жестких волос на подбородке, длинными ушами, проколотыми для ношения кольца. Голова обычно бритая, за исключением пучка волос на макушке.* Брови густые, глаза миндалевидные с разрезом, со жгучим взглядом. Носят они широкую одежду, спускающуюся ниже колен, с разрезом по бокам, опоясанные таким образом, что концы пояса свисают спереди. В связи с холодным климатом их рукава плотно застегиваются на запястье. На плечи накинута короткая меховая накидка. Голова покрыта меховой шапкой. Обувь кожаная. Широкие штаны, стянутые на лодыжке ремешком. Футляр для лука, прикрепленный к поясу, свисает спереди на левом бедре. Колчан, также пристегнутый к поясу, свисает вокруг поясницы, с оперенными стрелами справа".

Как мы убедились, многие детали одежды, в особенности штаны, стянутые на лодыжке, присущи как хун-ну, так и скифам. То же самое касается многих обычаев, как, например, траурные жертвоприношения, когда хун-ну, как и скифы приносили в жертву на могиле умершего предводителя, его жен и прислугу, число которых зачастую достигало сотни и тысяч у хун-ну. Геродот (IV, 65) говорит нам, что скифы распиливали черепа своих недругов до самых бровей, отделявали кожаными чехлом, покрывали изнутри золотом и использовали их в качестве чаши для напитков. Цзиньханьшу отмечает этот обычай хун-ну, когда говорится о шаньюе Лао-шане, пившего из черепа правителя Ю-чэ.** Хун-ну, так же как и скифы, прославились как охотники за головами. Геродот (IV, 64) говорил, что скифы, обязанные по праву чести приносить на алтарь победы головы, отрезанные собственноручно, прибывали с поля боя со свисающими в виде трофея скальпами черепа, висящими на сбруе лошади. У потомков хун-ну, — тукю, в VI веке нашей эры, количество камней, выложенных в честь воина на могильном кургане, было равно количеству врагов, которых он умертвил за всю свою жизнь.*** Тот же привкус про-

* К. Ширатори напоминает, что хун-ну носили косичку и от них пошла традиция к нижеследующим тюрко-монгольским ордам; тоба, жуань-жуаням, ту-кю, киданям и монголам. Cf. *The queue among the peoples of North Asia. Memoirs of the Toyo Bunko*, n 4, 1929.

** Tsien-Han chou, dans Chavannes, *Sse-ma Tsien*, I, p.LXV et LXX.

*** Stanislas Julien, *Documents sur les Tou-kiue*, J.A., 1864, 332.

литой крови у индоевропейских и тюрко-монгольских кочевников. Скифы окропляли кровью врага священную боевую саблю, воткнутую на могильный холм; они выпивали полную чашу крови своего первого убитого врага.* Чтобы освятить какой-либо договор, хун-ну выпивали кровь из чаши, сделанной из человеческого черепа.** При оплакивании усопшего, скифы и хун-ну наносили себе рану на лицо острым кинжалом "для того, чтобы кровь смешалась со слезами" и т.д.

Подобно скифам, хун-ну были в основном кочевниками. Табуны лошадей, стада крупного рогатого скота и баранов, караваны верблюдов определяли ритм их существования. Хун-ну перемещались с места на место, кочевали вместе с домашним скотом в поисках воды и пастбищ. Они питались исключительно мясом (особенность, поразившая китайцев, употреблявших больше вегетарианскую пищу), использовали в качестве одежды, шкуры зверей и спали на мехах.*** Местом жилища им служили войлочные шатры. Что же касается их верований, то они были представлены чем-то, что напоминало шаманизм, основанный на культе Тангри, или Божественного неба, и на почитании некоторых священных гор. Их верховный предводитель или шанью созывал совет осенью, в "период, когда лошади становились тучными", и для того, чтобы пересчитать количество людей и весь наличный скот. Другие китайские историки представляют нам этих варваров закоренелыми разбойниками, которые внезапно возникали у границ более цивилизованных народов, грабя людей, уводя стада и захватывая богатства, затем, отступая с награбленной добычей, чтобы не подвергнуться ответному нападению.**** Во время погони, тактической уловкой кочевников было заманивание китайских воинов вглубь Гоби и в степи, а затем кочевники наносили на них тучи стрел, сами, избегая "при этом потерь, наносили последний решающий удар только тогда, когда враг был измотан из-за недоедания, жажды и полностью становился деморализованным. По-

*Herodote, IV, 62, 64.

** Tsien-Han chou, dans Chavannes, Sse-ma Tsien, I, LXV

*** Ibid., LXII. Cf. De Groot, Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. 2 et sq.

**** Скифы после знаменитого рейда в VII веке по сравнению с хун-ну не оставили после себя репутацию грабителей, потому что их страна была более богатой, а их кочевая кавалерия с берегов Черного моря существовала за счет «Скифов земледельцев», которые возделывали культуры на черноземной почве Украины.

добная тактика, обусловленная мобильной кавалерией и ловкостью в стрельбе из лука, оставалась неизменной у властителей степей, начиная от древних хун-ну до Чингиз-хана. Отметим, что она была свойственна всем воинам-наездникам, будь то хун-ну на востоке, или скифы на западе. Подобный же прием, по свидетельству Геродота, скифы использовали в войне против Дария, который вовремя понял эту хитрость, и отступил, прежде чем "русский поход" не обернулся для него катастрофой. Сколько же отважных китайских полководцев не обладали подобной мудростью Дария и подверглись уничтожению в глубинах Гоби, куда их завлекло хитроумное испытанное средство хун-ну?!

Что касается языковой принадлежности хун-ну среди тюрко-монгольских народов, то некоторые авторы, такие как Куракики Ширатори, имели тенденцию рассматривать их скорее как монголов.*

Пельо, напротив, считает, используя некоторые лингвистические выкладки, взятые из китайских источников, что речь идет, по крайней мере, в общем подходе и по отношению к политической элите — о тюркском народе хун-ну.

Известно, что хун-ну владели своеобразным искусством, представленным в особенности, пряжками поясов или другими бронзовыми пластинами, накладками, застежками и бляхами экипировки и сбруи со стилизованными мотивами звериного стиля или наконечниками пик, в частности с фигурками лани. Это искусство часто обозначается термином "ордос", по имени ордосов, которое носило монгольское племя, занимавшее с XVI в. новой эры излучину Желтой реки, на севере Шеньси, в том месте, где находки оказались более многочисленными. Искусство, о котором идет речь, является впрочем, обыденным творением степного искусства звериного стиля, искусства Южной России, как нам это было видно, испытавшего влияние ассири-иранцев и греков, в оригинальном или обедненном стиле и в обоих случаях достаточно претерпевших упрощение в Минусинске, и, затем, в Ордосе, вступив в контакт с китайской эстетикой, оказывая встречное влияние эстетики степей на китайское искусство, и влияние китайской эстетики на ис-

* К. Ширатори напоминает, что хун-ну носили косичку и от них пошла традиция к нижеследующим тюрко-монгольским ордам; тоба, жуань-жуаням, ту-кю, киданям и монголам. Cf. The queue among the peoples of North Asia. *Memoirs of the Toyo Bunko*, n 4, 1929.

куство бронзы Ордоса. Благодаря пластинам с изображением дерущихся между собой лошадей или лошадей и оленей с тиграми, медведями, фантастическими животными, а также оконечностям древков с изображением в выпуклой круглой форме оленей или ланей, и искусство Ордоса напоминает нам, искусство Минусинска, хотя и с более богатым и вычурным оформлением.

Искусство хун-ну в Монголии и районах Ордоса представляется в соответствии с недавними археологическими находками таким же древним, как и скифское искусство. Шведский археолог Т. Ж. Арнэ уже в 1933 г. относил изделия из ордосской бронзы — Луань пинга и Сиан-хуа, ко второй половине III века до нашей эры, и даже ко второй половине IV века.* В 1935 г. японский археолог Суэдзи Юмехара, считая, что ордосское искусство значительно повлияло на формирование китайского стиля, называемого стилем Воюющих Царств, который расцвел, начиная по меньшей мере с V в. до нашей эры, отнес к этому периоду первые ордосские изделия из бронзы.** Не так давно шведский-китаевед Кальгрэн назвал еще более раннюю дату возникновения китайского стиля Воюющих Царств, вплоть до 650 г. до нашей эры. Таким образом, это подтверждает, что искусство степей в виде ордосского искусства, существовало, так как оно уже было способно оказать влияние при соприкосновении с ним на эстетику китайского декора, называемого стилем периода Среднего Чэу.***

Все единодушны с тем утверждением, что влияние ордосского искусства является одним из факторов, который наряду с законами внутренней эволюции и, кажется, в том же направлении, способствовали переходу от декоративной формы древних бронзовых китайских изделий, выполненных в стиле среднего периода Чэу, к стилю называемому стилем Воюющих Царств.****

Основные раскопки с находками хун-ну сосредоточены, начиная от Байкала, до границы Хубея, Шаньси и Шеньси. Отме-

*Herodote, IV, 62, 64.

** Tsien-Han chou, dans Chavannes, Sse-ma Tsien, I, LXV

*** Ibid., LXII. Cf. De Groot, Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. 2 et sq.

**** Скифы после знаменитого рейда в VII веке по сравнению с хун-ну не оставили после себя репутацию грабителей, потому что их страна была более богатой, а их кочевая кавалерия с берегов Черного моря существовала за счет «Скифов земледельцев», которые возделывали культуры на черноземной почве Украины.

тим в связи с этим: I) на севере, захоронения в Чите, в Забайкалье, которые Мергарт относит к II—I вв. до новой эры, и погребения Дерестуйска под Троицкосавском, на севере Кяхты, во Внешней Монголии, где были обнаружены сибирские пластины с китайскими монетами династии Хань, выпущенными с 118 г. до новой эры.*

2) Во Внешней Монголии, Ноян-Ула, неподалеку от Урги, где экспедиция Козлова обнаружила могилу принца хун-ну, в которой находились бронзовые изделия степного искусства, превосходные ткани из шерсти, имеющие те же истоки (схватка грифа с лосем, нападение пантеры на яка). Все эти сюжеты, выполненные в лучшей сармато-алтайской манере, а также три четверти греческой ткани с изображением усатого мужчины, созданной, несомненно, каким-то мастером из киммерийского Босфора; на конец, позволяющий датировать китайский лак — второго года новой эры.**

Возможно, следовало бы отнести к той же группе фрески, обнаруженные неподалеку в Дюрбельджи и в Ильхе-Алике на Орхоне, даты которых не уточнены, но где изумительные изображения оленей указывают, вероятно, еще на сармато-алтайское влияние.***

3) В Ордосе, на остальной части современной территории Суэйюань, Чахара и Жехоля, обнаружены многочисленные памятники ордосской бронзы, в частности Луаньпин около Жехоля; Хатт — инсум и Халлонгоссо, на западе Долон-нора, к северу от Калгана; Сюань-хуа, на юге Калгана, по дороге в Пекин; Куэйхуа-чэнг рядом с Суэй-юанем и Юлинь, на границе с Ордосом, и, в северной части Шеньси. Отметим, что часть находок Сюань-хуа содержит наличие китайской "монеты-кинжала", с литерой "ту" и принадлежащим типу, который использовался

* Подобные находки, тесно связанные с ордосским стилем, обнаружены Талко-Гринцевичем близ Тулту на нижней Чите и около Бичурской на Чилоке, в бассейне Селенги. Cf. Joachim Werner, Zur Stellung der Ordos-Bronzen, I.e., 261.

** Borovka, Comptes rendus des expéditions pour l'exploration du nord de la Mongolie, Leningrad, 1925. Trever, Excavations in Northern Mongolia, 1924-1925, Memoirs of the Academy of Material Culture, Leningrad, 1932, -Cf. Joachim Werner, E.S.A., 1934, 264.

*** Cf. Andersson, The Altai rock carving, dans Hunting magic in animal style, 308. Tallgren, Inner Asiatic and Siberian rocks pictures, Eurasia Septentrionalis Antiqua, VIII, 1933, p. 175.

в Китае в течение периода, называемого эпохой Воюющих Царств, с 480 по 250 гг. до новой эры.*

Если в целом большая часть ордосской бронзы, то есть бронзы хун-ну Внутренней Монголии восходит к китайскому периоду эпохи Воюющих Царств (V—III вв. до новой эры), то же самое искусство продолжало развиваться в тех же местах, а также во Внешней Монголии в течение всего китайского периода династии Хань (с начала II века до новой эры до начала III века новой эры), как об этом свидетельствуют, с одной стороны, известные находки Нойон-Улы, с другой — наличие в Ордосе многочисленных бронзовых пластин с изображением многоглавых животных, относящихся именно к этому периоду, и, наконец, наличие в имеющихся у нас коллекциях (Музей Сернуччи, коллекция Куаффа-ра, коллекция Лоо), бронзовых китайских застежек с гуннскими сюжетами, явно заимствованными мастерами династии Хань с образцов ордосских моделей.**

В следующий период, называемый в Китае эпохой Шести Династий (IV—V вв. новой эры), влияние ордосского искусства ощущается также при изготовлении некоторых китайских витых застежек из бронзы со сплетением фигурок животных все более и более тяжелых, имеющих тенденцию к "химерическим сюжетам". И влияние в тот же период того же степного искусства, нашедшего отражение в изготовлении фибул, пряжек и накладок на западе, во времена Великих Нашествий. Арнэ, с другой стороны, указал на изделия из бронзы западной Сибири, сохранившие до IX в. новой эры основные черты древнего животного стиля степей.***

Это то же самое искусство, которое продолжится, возможно, до периода Онгут эпохи Чингиз-хана в небольших бронзовых несторианских изделиях — несторианских крестах, голубях и изображениях святых духов, которые в большом количестве производились на земле Ордоса и прилегающих поселениях.

Чисто ордосские пластины могли быть созданы впрочем, в эпоху расцвета си-сиа (XI—XII вв.), при условии, что знаки си-сиа, привлечшие внимание Альфреда Сальмони, не были вновь выгравированы в тот период, или же речь не шла о копиях си-сиа, в то время мало распространенных.

* Cf. Guide to the exhibitions of the Museum of Far Eastern Antiquities Stockholm, 10 septembre, 1933, p.40.

** Tsien-Han chou, dans Chavannes, Sse-ma Tsien, I, p.LXV et L XX.

*** Stanislas Julien, Documents sur les Tou-kiue, J.A., 1864, 332.

Первое продвижение Хун-ну и миграция Юечжи

Хун-ну появились впервые в истории как грозная сила в конце III в. до новой эры, как раз в то время, когда Китай объединился при династии Цинь (221-206).*

Предчувствуя наступающую опасность, основатель династии Цинь, император Цинь Ши Хуанди (221—210) и его генерал Мын Тянь завершили возведение Великой стены, предназначенной для защиты китайской территории от нападений хун-ну (начиная с 215 г.), а к 214 г. Мын Тянь выдворил их из района Ордоса, т. е. с внутренней территории великой излучины Желтой реки. Но, со своей стороны, хун-ну во главе со своим шаньюем Тэуманем (умер в 210 или 209 гг.) начали свою экспансию с атаки на юэчжи, народности, проживавшей до того в Западном Ганьсу, о которой мы поговорим ниже. Мадунь, или Мэйтэй, сын и приемник Тэуманя (в 209—174 гг.), разгромил на востоке народность тонг-ху, других варваров с маньчжурских границ. Воспользовавшись гражданскими войнами, ослабившими Китай в период между падением династии Цинь (206) и приходом к власти династии Хань (202), он захватил в 201 году китайскую провинцию Шаньси и взял в осаду главный город — Тайюань. Основатель династии Хань-император Гаоси поспешил на помощь, изгнав хун-ну, но затем сам попал в окружение хун-ну на плато Пай-тэн, неподалеку от Пинчэнга, в нынешней провинции Татонг, на границе Шаньси, и смог выйти из затруднительной ситуации только путем переговоров, во время которых он сумел перехитрить варваров. В жены шаньюю была отдана китайская принцесса или камеристка, несчастная "дичь", отданная "хищной монгольской птице", как об этом было воспето впоследствии китайскими поэтами. Впрочем, Мадунь нанес в 177 или 176 годах первое поражение юэчжи западного Ганьсу, бахвалясь тем, что он их покорил. Его сын и наследник -Лаошан (в 174—161 гг.) покончил с юэчжи, сделав из черепа

* По этому периоду J.-J.-M. De Groot, *Die Hunnen der vorchristlichen Zeiten*, 1921 et le c.r. de O.Franke dans *Ostasiat. Zeitschrift*, 1920 - 1921, 144 (Wiedergabe fremder Volkernamen durch die Chinesen).-Cf.G.Haloun, *Seit wann kannten die Chinesen die Tocharer oder Indogermanen uberhaupt*, *Asia Major*, Leipzig, 1926.

их правителя чашу для напитков, прогнав их из Ганьсу и вынудив уйти на запад, вызвав тем самым первое перемещение народов Передней Азии, о чем упоминает история.*

Название юэчжи стало нам известно, по крайней мере, в таком виде, только по китайской транскрипции,** но уже длительное время многие востоковеды предлагали идентифицировать их с тохарами, народом, хорошо известным греческим историкам в связи с тем, что он переселился во II веке до новой эры из Туркестана в Бактриану, а также с индо-скифами. Тохары и индо-скифы, по этим источникам, по свидетельству тех же греческих историков, имели разные названия, относящиеся к одному народу в течение двух периодов его существования, и этот народ считался родственным скифам, т. е. индоевропейцам. Это отождествление основывается, в частности, на том факте, что нынешний китайский регион — Западное Ганьсу, по данным китайских историков, был в начале II в. до новой эры родиной юэчжи. О них географ Птолемей говорил еще во II в. новой эры, называя их народом тагури, употребляя термины — "тагурунская гора", "город Тогара".***

С другой стороны, Страбон упоминает тохаройцев среди народов, которые отняли Бактрию у греков как раз в то время, на которое указывают китайские историки, как на период прибытия юэчжей в конечной фазе их миграции, к границам та-хиа, то есть той же самой Бактрии.****

Эта постоянная параллель, по нашему мнению, представляет серьезный аргумент в пользу тех, кто продолжает видеть в юэчжи китайских летописей тохарои, упоминаемых греческими

* Cf. Chavannes, Les Mémoires de Se-ma Ts'ien, I, p. LXX.

** Густав Халун видит в современном китайском слове юэчжи древнее праславянское *Зюджа*, которое означает не что иное как название скифов (по-ассирийски — *ашкузав*). Cf. G. Haloun, Zur Ue-tsi, dans Zeitschrift der deutschen morgenlandischen Gesellschaft, t.91,2,1937,p.316. См. также в этой статье попытку определения локализации первоначальных владений юэчжи на карте северного и западного Ганьсу (p.258).

*** Птолемей, VI, 16. Согдийские тексты IX века называют еще Бешбалык, Турфан, Карашар и т. д. как «Четыре Тугри» (W. B. Htning, Argi and the Torharians, Bui. Of the School of Oriental Studies, 1938, 560).

**** Strabon, XI, 8,2, et Tsien Han snou, trad. Haneda Toru, Bulletin de la maison franco-japonaise, IV, I, Tokyo, 1933, p.7-8.

историками, тюхара в санскритских текстах, будущих индо-скифов римской эпохи.*

К тому же, в оазисах севера Тарима, которые длительное время скорее всего были частью древних владений юэчжи (так как они были представлены нам как выходцы из Ганьсу), по крайней мере, во владениях более или менее родственных племен, в Турфане, Карашаре, Куче еще в начале средних веков, в V—VIII вв. говорили на индоевропейских языках, называемых лингвистами еще вчера тохарскими языками и которые в настоящее время они называют языком кученским, карашахарским и т.д. Может показаться очень вероятным, что индоевропейские племена, на заре истории, в значительной степени продвинулись далеко на восток в направлении Дальнего Востока. Тот факт, что Западная Сибирь, возможно даже в пределах региона Минусинска, вероятно, была заселена до нашей эры народами, близкими к скифо-сарматам, и тот факт, что на двух склонах Тянь-Шаня, со стороны Ферганы и Кашгара в эпоху Ахеменидов проживали Саки, говорившие на восточно-иранском наречии, заставляет положительно отнестись к данной гипотезе. Большая часть Восточного Туркестана также, возможно, была заселена индоевропейцами, принадлежавшими, либо к восточно-иранской группе, в районе Кашгара, либо к "тохарской" группе Куча в Ганьсу, а юэчжи относились ко второй вышеуказанной ветви родства.

Но первые сведения, которые предоставляет нам китайская историография, наводят нас на мысль о первых оборотных сторонах "индо-европеизма" на этих пограничных участках. Хун-ну, при правлении их шаньюя — Мадуня, или Мэйтэя (в 209—174), нанесли, как мы это видели, серьезное поражение юэчжи. Следующий шаньюй — Лаошан (в 174—161) убил правителя юэчжи, сделал из его черепа чашу** и вынудил этот народ покинуть Ганьсу и бежать в западном направлении, через север-

* У Зигмунда Фейста мы находим четкое изложение тохарского вопроса с приложением различных тезисов и библиографии, относящейся к 1920 г., *Der gegenwartige Stand des Tocharproblems*, in *Festschrift für Friedrich Hirth*, Berlin, 1920, p. 74-84. См. Рене Груссе по изменениям с того периода. *L'orientalisme et les études historiques*, dans *Revue historique, Bulletin critique*, t. CLXXXI, fasc. I, janvier-mars 1937 (article tenant compte de Bailey, Taugara, dans *Bulletin of the school of oriental studies London*, VIII, 4, 1936, et de Pelliot, *A propos du tokharien*, *Toung-pao*, XXII, 4, 1936) et *tarn, Greeks in Bactria and India*, 1938.

** Тот же обряд совершили и Геродотом (IV, 65) отнесенные к скифам.

ную часть Гоби. И только небольшая часть этих юэчжи, известных под названием Малых юэчжи, обосновалась на юге Наньшаня, среди цянов или тибетцев. Согласно Цяньханьшу, через два с половиной века, они восприняли тибетский язык.**

За пределами Гоби, другие кланы юэчжи, известные китайцам под названием Большие юэчжи, устремились в долину Или и бассейн Иссык-Куля, но вскоре они были изгнаны Ву-суэнами или Ву-сунами (произносится: У-сунь).***

Китайские историки представляют нам усуней, как народ с голубыми глазами, с рыжими бородами. Ярль Шарпантье, сближая название усунь с названием азиан или азиози, другим наименованием сарматского народа аланов, находит в упомянутых усунях предков, или сородичей аланов.**** Если эта гипотеза оказалась бы верной, то это значит, что усунь, которые под натиском, аналогичном тому, что имело место с юэчжи и хунну, расселились в пределах юга России, где в действительности, но раньше того периода, который нас интересует, мы видели скифов, постепенно сменивших сарматские народы.

Как бы то ни было (в историографии) в связи с новой гипотезой, юэчжи, изгнанные из Ганьсу хуннами, ринулись в направлении запада, к Или, на усуней. Последние в то время потерпели поражение от вновь прибывших, но вскоре восстали, впрочем, не без помощи хунну. Тогда юэчжи вновь двинулись на запад. Они достигли верховьев Сырдарьи, которую древние греческие историки называли Яксарт.

Китайская хроника Цаньханьшу сообщает, что они прибыли в Фергану (по-кит. Та-юан). Таким образом, они достигли границ греческого царства Бактрия, где завершилось правление (приблизительно в 160 г. до нашей эры) греко-бактрийского царя Евкратида.

* Cf. Chavannes, Memoires de Se-ma Tsien, I, p.LXX.

** Pelliot, J.A., 1934, 1, 37.

*** J. Charpentier, Die ethnographische Stellung der Tocharer, in Zeitschr. D.deutsch. morgenland. Gesellschaft, 71 Bd., 1917.

**** В самом деле кажется, что У-суни также иммигрировали в регион Или и они так же как сами юэчжи, были изгнаны хунну с северо-западных границ Китая, например, региона Собо-нора и Согок-нора, на севере Сучоу, как это предлагает Atlas of China Альберта Германна, карта № 17, или немного далее на юг от Ханчоу, по мнению К. Ширатори, или еще далее на запад от Хуачоу около Дунхуана, что не исключает эту возможность. — Cf. Kurakichi Shiratori, On the territory of the Hsiung-nu Prince Hsiu-tu Wang and his metal statues for Heaven-worship, Memoirs of the Research Department of Toyo Bunko, n.5, 1930, 16-20. - Мы задались вопросом, не спровоцировала ли миграция юэчжи ухода сарматов, чтобы опять Южную Русь у скифов, но хронологически существование подобной гипотезы не представляется возможным. — Cf. Rostovtzeff, Recueil Kondakov, Prague, 1926, 239, N. Fettich, Archeologia Ungarica, XXI, 1937, 142.

Последствия первых побед хуннов. Падение греческого владычества в Афганистане

Регион Ташкента, Ферганы и Кашгара был заселен народом, который китайцы называли се (древнее произношение — сек), персы и индусы называли сака или шака, греки называли сакаи, наши сасы, то есть "скифы Азии". В действительности, как мы уже отмечали, речь идет об ответвлении большой скифо-сарматской семьи, то есть об иранцах, кочевниках степей северо-запада. Язык, на котором они говорили, относили, начиная с исследований Лю-дерса, к языку "сака", на котором были написаны многочисленные манускрипты, обнаруженные экспедицией Ауреля Стейна в Хота-не, датируемые ранним средневековьем, и подтверждающими, что это был "восточно-иранский" диалект. Наплыв юэчжей в среду населения сака, вызвал у него большое потрясение, вылившееся во вторжении в греческое царство, основанное на территории Бактрии приемниками Александра. В соответствии с гипотезой, общепринятой до В. Тарна, саки, под натиском юэчжей, якобы захватили Согдиану, затем Бактрию, сменяя греков. В период с 140 по 230 годы Бактрия фактически была отторгнута от владений греческого царя Гелиоклеса кочевыми племенами, среди которых Страбон говорил, что наиболее известными племенами были: Азиози, Пазиа-нои, Тохарои и Сакарулаи, прибывшие из стран северной части Як-сарта. Но в остальном представляется сложным точно определить эти племена. Ярль Шарпантье обнаружил, как об этом уже было упомянуто, в азиозах, которых Трог Помпеи называл азианои, — усуней с Или, о которых говорили и китайские историки.*

Сакаролаи или сарока (сака равака), вероятно, восходят к древнему племени сака. Что же касается тохарои, то они, согласно гипотезе, еще недавно поддержанной Г. В. Байлеем, даже составляли основу народа юэчжи.**

В 128 году до нашей эры, когда китайский посол Чан Чен прибыл с визитом к юэчжи, китайский историк Сыма Цянь показывает их как завоевателей, оккупировавших Согдиану ("страну на

* Нам известно, что слово Азиози подобно наименованию аланов на торко-монгольском языке (корень Аз, множественное число Азод по-монгольски). Ярль Шарпантье делает вывод, что усунь были предками сарматского народа (т. е. североиранцев) аланов (*Die ethnographische Stellung der Tocharer, Ostasiat. Zeitschr.*, t.71, 1917, 357-361).

** *Bull. Sch. Or. Stud.*, VIII, 4, p.916, 1936. Tarn, *Greeks in Bactr.*, 290.

севере от реки Вэй", то есть на севере Окса) По свидетельству Цяньханьшу, столицей там был город Каньше, название, в котором Ханеда Тору находит фонетическое соответствие названию Канда, сокращение от Мараканда или Самарканда.* Две китайских исторических ссылки добавляют, что юэчжи подчинили себе "Та-хиа", то есть Бактрию, но, вероятно, не оккупируя ее, по крайней мере, на тот период.** В.Тарн задается вопросом: не были ли властители Бактрии, покоренные таким образом, скорее всего, юэчжи-греками, которых саки не изгнали из страны, нежели являлись саками. Большинство востоковедов считают, впрочем, что некоторое время спустя, например, к 126 г., юэчжи, не довольствовались более сюзеренитетом над Бактрией, перешли через Оке и успешно захватили провинцию. Они основываются при этом на одной из выдержек из хроники Хэуханьшу, которая нам ясно показывает, что юэчжи заселили Тахиа, и разделили страну между пятью властителями Хи-хеу (Ябгу). Правда, другая историческая хроника — Цяньханыиу, более близкая к описываемым событиям, не достаточно ясна. Согласно ей, очевидно лишь, что "та-хиа" (т. е., жители Бактрии) не имели крупных предводителей, а скорее — малозначительных правителей городов и поселений; это был слабый народ, который опасался войн (речь не идет о суровых греческих искателях приключений, но о некоторых варварах), и по прибытии юэчжей, все покорились им"*** Двусмысленный и затуманенный текст, не позволяющий сделать какие-то определенные выводы, но существует другой текст, не допускающий возражений. Текст хроники Хэуханьшу, указывающий на то, что в 84 г. нашей эры китайский генерал Пан Чао попросил короля юэч жей сделать внушение правителью Согдианы (Канг-кю).**** Таким образом, Согдиана и Страна юэчжи в этот период были совершенно различными. Это позволяет считать, что последние располагались, вероятнее всего, дальше на юге, со стороны Бактрии. Юэчжи, после пребывания на севере Окса, пересекли реку и сменили саков в Бактрии. По мнению Тарна, они отняли почти не-

* Haneda, A propos des Ta Yue-tce et des Kouei-chouang, in Bull. Maison franco-japonaise, 1933, p.13.

** Cf. O. Franke. Das alte Ta-hia der Chinesen, ein Beitrag zur Tocharer Frage, dans Festschrift für Friedrich Hirth, Berlin, 1920, 117.

*** Trad. Haneda, Bull. Maison franco-japonaise, I, C, p.8.

**** Перевод Шаванна: Les pays d'Occident d'après le Heou-Han chou, Toung paou, 1906, p.230.

посредственно Бактрию у греков.* Во всяком случае, это был сигнал для всеобщего волнения народов, обратного перемещения кочевников по всему Восточному Ирану. Вытесненные на юге юэч-жами, саки двинулись на захват Дранжианы (Сейстан) и Арак-козии (Кандагар). Это явилось окончательным завоеванием, так как провинция вошла в иранское владение под названием "Страна саков" — Сакастан, откуда на современном персидском пошло название Сейстан.

Оттуда все эти кочевники ринулись на империю Парфян, и почти разрушили ее. Парфянский правитель Фраат II, которому в Мидии угрожал повторным завоеванием селевкидов царь Сирии — Антиох VII (129), допустил оплошность, позвав на помощь часть этих варваров. Те явились на зов, но в скором времени повернули против Фраата, который потерпел поражение и был убит (128 или 127 г.). Новый Парфянский правитель Арта-бан II, по словам Трога Помпея, получил смертельную рану в ответном бою против тохаров (124 или 123 г.). Это обстоятельство подтверждает, что юэчжи, в китайской историографии, соответствуют тохарам, описанным греческим историком, и что они с того времени обосновались в Бактрии, стране, из которой они создали "Тохаристан". Парфянскому царю Митридату II (123—88) действительно удалось остановить нашествия кочевников, и даже установить сюзеренитет над саками Сейстана. Однако в 77 г. Сакарулаи были еще достаточно сильны в Иране, чтобы вновь посадить на парфянский трон одного из Арсасидов, по своему выбору, пользовавшегося их покровительством Синатрукеса или Санатройкеса, который вздумал в последующем не подчиниться им и погиб в стычке с ними (в 70 г. до новой эры).

Проследить за последующей судьбой саков или юэчжей — задача историографии Ирана и Индии, где проживали эти народы. Ограничимся напоминанием о том, что саки двинулись из Сейстана и Кандагара в Кабул и Пенджаб, а затем, когда эти страны были захвачены юэчжами, они продолжили путь до Мальвы и Гуджарата, где сакские сатрапы продержались до IV века новой эры. Что касается юэчжей Бактрии, китайская история представляет их как основателей вели-

* Тарн (Greeks in Bactria and India, 1938, p.283) приходит к выводу, что завоевание Бактрии саками по Страбону, XI, VIII, 4, относится к VII веку, а не ко II веку. Cf. Przulski, Nouveaux aspects de l'histoire des Scythes, Revue de l'Universite de Bruxelles, fevrier-avril, 1937, p.3.

кой династии кушанов (на кит.: куэй шуан)* в первом веке новой эры. Эти кушаны были, поданным Цяньханьшу, одним из пяти кланов, которые к 128 г. до новой эры поделили между собой Бактрию.

Хроника Хэуханьшу рассказывает нам, как предводитель кушан, которого звали Кизутцики,** (т. е. Кужула Кадфиз, согласно монетным данным), основал Кушанскую империю, известную грекам и римлянам под названием империя индо-скифов. Для этого он подчинил другие кланы юэчжей. Кушанские императоры: Кужула или Кужуло Кадфиз, или Кадфиз I (между 25 и 50 или 78 гг.), Вима Кадфиз или Кадфиз II (между 50 и 78 или 78 и 110 гг.), Канишка (между 78 и 103, или 128 и 150 гг.), Гувишка (160—180?) и Вазудева (180—220?), распространили свое влияние из Кабула на часть Северной Индии (Пенджаб и Матура).***

Известна также значительная роль, которую сыграл Канишка в распространении буддизма в Центральной Азии. В данном случае важно показать громаднейшее влияние первого нашествия хун-ну на судьбы Азии. Поскольку хун-ну вытеснили из Ганьсу народ юэчжи, последствия этого события докатились до границ Передней Азии и Индии. Греки потеряли Афганистан, были напрочь сметены последние остатки завоеваний Александра Великого, пошатнулся на какое-то время Парфянский Иран, а племена, изгнанные из Ганьсу, неожиданно создали империю в Кабуле и в Северо-Западной Индии. Так было в течение длительного периода истории, который нас интересует. Малейшее потрясение, которое происходило на одной из окраин степей, постоянно имело самые неожиданные последствия в остальных частях этой обширной зоны миграций.

* Хоу Хань Шу отмечает, что начиная с этого периода, юэчжи стали могущественными. Все остальные царства называли их Куэйшуангами (Кучана), но ханьцы называли их юэчжи, сохраняя их древнее название» (Heou-Han chou, trad. Chavannes, Toung pao, 1097, 192).

** Корректировка Пельо, Tokharien et koutchJen, J.A., 1934, I, 30.

*** Всем известны неточности кушанской хронологии и «головоломка Канишки». Смотрите теоретическую дискуссию в VallJe-Poussin, li nde au temps des Mauryas et des Barbares, p.343. У Стена Каноу имеется множество лингвистических сходств и этнических гипотез. (Beitrag zur Kenntniss der Indoskythen, Festschrift fur Friedrich Hirth, 1920,220). Но следует учитывать скептицизм в La Vallee-Poussin (I.e.) и критика Н. W. Bailey, Thaugara, Bull. Sch. Orient. Stud., VIII, 4, 1936, особенно (с.912) против наименования Арчи, идентифицированное с Азиози и передано Тохарам. Также Henning, Argi and the Tokharians, ibid., IX, 3, 545.

Борьба хун-ну против династии ранняя Хань. Раскол западных хун-ну

Устранение и миграция юэчжи способствовали усилению хун-ну. Они господствовали с тех пор по обе стороны Восточного Гоби, в Верхней Монголии, где их шаньюй имел одну из своих резиденций, неподалеку от будущего Каракорума, в районе Орхона, а также во Внутренней Монголии, у Великой китайской стены.*

Их отряды возглавляли дерзкие набеги на китайскую землю. В 167 году они проникли в Шеньси, дойдя до Хуэйчонга (к западу от китайской столицы — Чанъан), где они сожгли императорский дворец. В 158 году они вернулись на север Вей, напрямую угрожая Чанъану. В 142 году они пошли штурмом на Великую китайскую стену со стороны Юэньмэня около Татонга, на севере Шаньси. Когда великий император У-ди (140-87) взшел на ханьский престол, китайским границам повсюду угрожала опасность.**

Империя Передней Азии принадлежала в то время хун-ну. Основная резиденция их шаньюя, в той мере, в какой кочевники могли иметь постоянные резиденции, или, по крайней мере, одна из летних стоянок, находилась, как мы об этом упоминали, у истоков Орхона. Другой из их центров, известный китайцам под названием Лон, возможно, располагался ближе к югу, в Гоби, у нижнего течения Онгкина. У-ди разработал план, направленный на изгнание пришельцев туда, откуда они пришли. Но прежде чем начать войну, он сделал попытку напасть с тыла, заключив союз с юэчжи, которые тогда уже обосновались в Согдиане. С этой целью он направил к юэчжам своего посла Чан Чена, который покинул Китай в 138 году и был почти тотчас же арестован при переходе через территорию хун-ну, отославших его своему шаньюю Кьюнчэну.***

Чан Чен находился в плену десять лет, затем ему удалось сбежать, и он прибыл к правителю Ферганы, откуда он ушел в Со-гдиану. А юэчжи, довольные своими новыми владениями, потеряли к тому времени интерес к событиям в Гоби. Чан Чен повернул обратно. После этого он вновь был захвачен хун-ну, кото-

* Cf. Albert Herrmann, *Die Gobi im Zeitalter der Hunnenherrschaft*, in *Geografiska Annaler*, 1935, p. 130.

** Sur les guerres de Wou-ti, Chavannes, *Memoires de Ssema Tsien*, I, p. LXII - LXXXVIII. Avant, *Hist. Of Former Han*, trad. Dubs, 1938.

*** Кьюнчэй сменил в 161 г. до Рождества Христова своего отца, знаменитого Лао-шанью.

рые продержали его еще более года, и только в 126 г. он смог возвратиться в Китай.*

(В 115 году Чан Чен совершил подобную миссию, отправившись к усуням, в район Или, но она оказалась безуспешной, так как усуни не рискнули вступить в бой с хун-ну).

В связи с тем, что юэжжи отказались от намеченного плана, император У-ди один начал войну против хун-ну, которые совершили привычный набег на окрестности современного Пекина (129). Китайский генерал Вэй Цин выступил с войском из района Татон на севере Шаньси, пересек Гоби, дошел вплоть до Лонга на Онгкине и обратил хун-ну в бегство. В 127 году Китай создал военную колонию в Шаофанге, на Желтой реке, между Ордосом и Алашаном для того, чтобы оградить от неприятеля большую излучину реки. Когда в 124 году хун-ну захватили форпост Шаофанга, Вэй Цин прогнал их. В 121 году племянник Вэй Цина, молодой герой Хо Цюбин во главе десяти тысяч всадников также изгнал хун-ну из пределов той части Ганьсу, которую занимали ранее юэжжи и усуни, с территории современных городов Лянчао, Ханчао и Кунчао. Две второстепенных орды народа хун-ну, господствовавшего в этой стране — орда Хуэнси вокруг Ханчао, и орда Хиэучу вокруг Лянчао перестали служить шаньюю и приняли подданство империи, которая предоставила им федеральный статус на севере Наньшаня.**

В 120 году в Ордосе была создана компактная китайская колония. В 119 году Вэй Цин и Хо Цюбин, первый вышел из район? Куку-хото, на севере Шаньси, второй-из Шангкю, располагавшегося на территории нынешнего Сюйаньхуа, на северо-западе Пекина, пересекли Гоби и достигли территории нынешней Внешней Монголии, центра хуннской Империи. Вэй Цин, как предполагает Альберт Германн, продвинулся до нижнего течения Онгкина. Он застиг врасплох шаньюя Юиджэси и обратил его в бегство, когда поднялась большая буря с юга, засыпая песком лица хун-ну. Ему удалось убить и пленить девятнадцать тысяч варваров. Хо Цюбин совершил еще более дерзкий бросок, проник на тысячу километров во Внешнюю Монголию, дойдя до границ верхней Тулы и верхнего Орхона. Он взял в плен более восьмидесяти хуннских предводителей и совершил торжественное жертвоприношение на холмах страны хуннов. Хо Цюбин скончался (117 год) вскоре после возвраще-

* Cf. Chavannes, *Mmoires de Sse-ma Tsién*, I, LXXI-LXXII.

** Chavannes, *Ibid.*, LXVII - LVXIII. Kurakichi Shiratori, On the territory of the Hsiung-nu prince Hsiu-tu Wang and his metal statues for Heaven worship dans *Memoires of the Toyo Bunko*, 5, Tokyo, 1930, 7-21.

ния. На могиле этого великого воина в Хьеняне (Шеньси) была сооружена внушительная скульптура на возвышенном круге, представляющая коня, топчущего варвара.*

После того, как хун-ну были отброшены в Верхнюю Монголию, император У-ди, между 127 и 111 годами, создал в Ганьсу ряд военных гарнизонов и префектур, предназначенных для того, чтобы не допустить их возвращения: гарнизоны Ву-вэй (около Лянчао), Чангю (около Канчао), Цзучуань (около Су чао), и, Дунхуан, которые, начиная от Ланчэу, и, до поста Юмэкуана, служили пунктами на территории бывшей страны юэчжей и контролировали Шелковый путь.**

В 108 году китайский генерал Чао Пону двинулся еще дальше к северо-западу, достигнув царства Лоулян, на Лобноре и Кьюшэ, в современном Турфане. Он захватил в плен правителя Лоуляна и покорил владения Кьюшэ.*** Затем, в течение ряда лет Китай имел торговые связи с Ферганой (по-кит. Та-юань), страной, которая, без сомнения, была заселена восточными иранцами или саками, которые поставляли лошадей, происходивших от прекрасной трансоксианской породы. В 105 году, ферганцы, потерявшие терпение от постоянного домогательства по поводу этих лошадей, убили китайского посла. В 102 году, китайский генерал Ли Гуан-ли, с шестидесяты тысячью воинов из Дунхуана, совершил отважный поход и достиг Ферганы. После перехода у него осталась ровно половина воинов. Он создал огромные трудности для столицы этой страны, которой, может быть, был город Усерушна, нынешний Уратепе, перекрыв систему каналов водоснабжения, и ушел обратно только после того как получил в виде откупа более трех тысяч лошадей.****

Тем не менее, на севере хун-ну оставались боеспособными, и окончание правления У-ди было отмечено поражением в Вару-се (но оно было менее трагичным). Молодой китайский воена-

* Scœu-ma Tsien, ap.Chavannes, I.e., LXVIII. Cf.Albert Hermann, Atlas of China, carte 17.2. Lartigue, Mission Segalen, Lartigue, de Voisins, I.pl.I.L'artigue, L'art funeraire a l'epoque Han, 1935, p.33. Zoltan de Takacs, The monument of Ho Cha-ping, Budapest, Dis.Ed.Mahler, 1937.

** Chavannes, L.c, LXXXVII.

*** Chavannes, L.c, LXXXIV - LXXXV.

**** Chavannes, L.c, LXXXV-LXXXVII.-Персевадь Етц достаточно убедительно установил, что китайская кампания в Фергану не была вовсе проявлением прихоти или демонстрацией величия. Китаю с трудом удавалось сдерживать грозную кавалерию хунну, наводящих ужас лучников, которые на низкорос-

чальник по имени Ли Лин предложил возглавить поход в Верхнюю Монголию. С пятью тысячами пешими воинами он вышел из Китая и двинулся через Кьюэн, вдоль северного течения Этсин-гола; целый месяц он продвигался прямо на север в направлении к Онгкину. Когда он прибыл к подножию гор Сиюнки, несомненно, со стороны нынешней горы Тюпши, - он оказался в окружении восьмидесяти тысяч воинов хун-ну, лучники-наездники которых стали буквально терзать его малочисленное войско. Он вынужден был отступить к китайской границе, все время преследуемый кавалерией кочевников. "За один день китайские воины' выпустили пятьсот тысяч стрел, тем самым, исчерпав все свои запасы. Оставив повозки, они продолжили путь пешком. От войска оставалось три тысячи человек. Рядовые солдаты вооружились дышлами от повозок. У офицеров оставались только кинжалы длиной в один фут (32, 4 см). Отступающая колонна успела дойти до китайской границы на расстояние в пятьдесят километров от нее, но там-то и произошла драматическая развязка. "Когда остатки войска приблизились к узкому горному проходу, шаньюй устроил засаду и, взгромоздившись на вершину горы, приказал сбросить вниз глыбы камней. Погибло много солдат и военачальников. Продвигаться вперед оказалось невозможным". *

лых монгольских лошадях (Пржевальского) время от времени совершали разбойничьи набеги на приграничные районы. Китайцы, уступавшие им в верховой езде, использовавшие таких же лошадей как они, не могли оказывать им достойного соперничества. В то же время в Фергане, как и в средней Согдиана-не, существовала боевая лошадь, превосходящая по качествам монгольскую породу, трансоксианская лошадь крупных размеров, подобная той, которую греки использовали в Мидии под названием нисакской лошади. Китайцам пришла мысль заменить часть кавалерии лошадьми этой крупной иностранной породы, которые, по их мнению, могли принести превосходство над взъерошенными лошадками гуннов. Это и явилось причиной их похода на Фергану, что должно было обеспечить им в дальнейшем военное превосходство над кочевниками. (В самом деле на гравюрах эпохи вторичных ханьцев, как например, в Хао-тянь-шане имеется изображение крупной трансоксианской лошади рядом с низкорослой лошадью Пржевальского). В связи с этим отметим, что ученые задались вопросом: не относилась ли Фергана еще к последним греко-бактрийцам, китайское название которой «Гайюань» можно приблизить к индо-иранскому наименованию греков Юавана, т. е. Ионийцев. Советуем ознакомиться с блестящей статьей Персеваля Етца, *The horse, a factor in early Chinese history, Eurasia septentrionalis antiqua*, IX, 1934, 231. * Chavannes, L.c, LXXV-LXXVIII.

Наступила ночь. Воспользовавшись наступившей темнотой Ли Лин попытался проскользнуть между хун-ну и убить шаньюя. Ему не удалось это осуществить. Началась паника. В живых остались всего четыреста китайцев, которым удалось добраться до границ с Китаем. Все остальные попали в плен, в том числе и сам Ли Лин. Узнав о таких плачевных результатах, император пришел в гнев, а историк Сыма Цян подвергся суровому наказанию за то, что захотел встать на защиту репутации отважного Ли Лина. "Крах Ли Лина" вынудил Китай отказаться на некоторое время от применения "ответных набегов" на Внешнюю Монголию. Однако, это моральное поражение (так как речь шла всего-навсего о второстепенном отряде) не создала угрозу границам Ганьсу.*

Следует отметить, что мы обладаем хуннскими древними творениями того периода, найденными в Забайкалье. Мы имели возможность упомянуть по этому поводу о находках, обнаруженных недавно в захоронениях Дерестуйска, неподалеку от Троицкосав-ска, где бронзовые сибирские пластины относятся ко времени чеканки китайских монет с 118 года до новой эры, а также в могилах Читы, восходящих также ко II-I векам до новой эры, на что указывает Мерхарт. Забайкалье являлось внутренней территорией страны хуннов, откуда орды приходили осенью, нападая на ор-досцев и забирая их продовольственные запасы.

В течение следующего периода Хун-ну и Китай, не совершая нападений друг на друга у Великой китайской стены или в Монголии, соперничали за обладание северными оазисами Тарима, то есть за контроль над Шелковым путем. В 77 году до нашей эры правитель Лоуляна в Лобноре, с ведома хун-ну, восстал против китайского сюзеренитета. Он был обезглавлен, а в Юисуне обосновалась китайская колония. В эпоху ханьского императора Сюань-ди (73— 49), китайская экспансия в бассейне Тарима получила мощный импульс. "У ханьцев, заявил монарх, есть свой кодекс жизни, это кодекс победителей!" В 71 году до нашей эры китайский генерал Чан Хуэй пришел на помощь усуням, располагавшимся в долине реки Или, в их борьбе против хун-ну. В 67 году до нашей эры царство Турфан (Кьюшэ), которое сотрудничало с хун-ну, было покорено китайским генералом Чэн Хи. В 65 году до нашей эры, другой

* Tsien-Han chou, trad. Chavannes, Sse-ma Tsien. I, XXXVIII. 62

китайский военачальник-Фан Фоншэ, лишил власти правителя Яркенда и подчинил себе оазис. Правда, на следующий год, китайский гарнизон покинул царство, которое тотчас же попало под влияние хун-ну, но уже в 60-м году до нашей эры Чэн Хи вновь оккупировал Турфан. Китайский военачальник, создав также крупный военный лагерь Кьюли на юге Карашахра, осуществлял контроль всей долины Тарима из Вулея, располагавшегося между Ка-рашахром и Кучой.

Таким образом, Китай лишил хун-ну контроля над Шелковым путем. И если Хун-ну реагировали слабо, то это в связи с тем, что, начиная с 60 года до нашей эры, они вступили в полосу междоусобных войн. Два претендента Хуханье и Чэчэ оспаривали титул шаньюя. В 51 году до нашей эры Хуханье лично явился во дворец Чанъаня попросить помощи у императора Сюань-ди, и подтвердить свою вассальную зависимость. Начиная с 49 года до нашей эры, благодаря китайской протекции, он одержал победу над своим соперником, а в 43 году до нашей эры явился победителем в родовые кочевья Орхона. В 33 году до нашей эры этот хунн, прирученный китайцами, обратился к Сыну Неба в Чанъани, и получил высшую награду, вождеденную всеми варварами: руку китайской принцессы. Что касается проигравшего Чэчэ, то он оставил древнюю Монголию в пользу Китая и отправился искать счастья на западе, на территории нынешнего русского Туркестана (44 год до нашей эры). По пути он одержал победу над усунями Или, подчинил их себе и присоединил Ху-киэ Имиля, Киенку Аральских степей, атаковал даже жителей Согдианы (Кангюй), имевших неосторожность прийти к нему на подмогу и разбил лагерь в степных просторах Чу и Таласа. Это было начальным этапом становления великой империи хун-ну на западе. Но китайцы не дали ему времени для объединения. В 36 году генерал Чен Тан, совершив дерзкий рейд, проник в Чу, застал врасплох Чэчэ и обезглавил его (36—35 гг.). После этой неожиданной драмы мы теряем из виду его хуннских сторонников, которые следовали за Чэчэ в его походе на Арал. Эти западные хун-ну не оставили следа в истории в связи с тем, что они не соприкасались с каким-либо крупным цивилизованным народом, который, как Китай для восточных хун-ну, мог бы оставить сведения о них. И только в конце IV века новой эры, точнее, к 370—75 годам, когда их потомки переправятся через Волгу и Дон, чтобы захватить Европу, мы встречаем этих хун-ну в нашей классической истории с именами Баламир и Аттила.

Борьба Китая против хун-ну в эпоху правления династии Поздняя Хань. Раскол Южных Хун-ну

Массовый исход западных хун-ну и устранение восточных хун-ну от управления Таримом, обеспечили китайской империи гегемонию в Центральной Азии. Такое выгодное положение едва не провалилось из-за междоусобных войн, которыми было отмечено в Китае падение династии Ранняя Хань (с 8 по 25 годы новой эры). Шанью хун-ну воспользовался данной ситуацией, чтобы отнять у китайцев протекторат над царством Турфана (10 год н. э.) и напасть на границы. Экспедиция Козлова в Нойон-Уле, что около Урги,* обнаружила захоронение одного из предводителей хун-ну той эпохи; находки дают некоторые сведения о том, чем являлась культура хун-ну, представленная тканями с изображением стилизованных животных, характерных для искусства сибирско-сарматских степей и искусства Алтая, а также заимствованных элементов у Китая и греко-римского Крыма (кит. лак 2-го года нашей эры, греческая ткань из киммерийского Босфора).**

Когда вторая ханьская династия, называемая Поздняя Хань, вступила на китайский престол (25 год нашей эры), пришло время восстанавливать китайский протекторат над Таримом. К великой радости китайцев, в тот период хун-ну были раздираемы противоречиями. Восемь орд южных хун-ну, под предводительством полководца по имени Пи, восстали в 48 г. против шаньюя Пуну, и перешли в подчинение Китаю. Китайский император Хуан У-ди принял их в федеративный союз во Внутренней Монголии, на южной окраине Гоби, вблизи от границ Ганьсу и Шаньси. Таким образом, было основано царство Южных хун-ну, которые, пока Китай оставался сильным, были верны ему, в ожидании времени упадка китайской империи в IV в., чтобы стать его разрушителями. Подобная история имела место у разных германских народов, входивших в федеративный союз у границ Римской империи.

* См. Козлов, Теплухов, Боровка, Полинов и Кризановский. Отчет об экспедициях по исследованию севера Монголии, АН СССР, Ленинград, 1925.

** Напомним, что греческие монеты Пантикапеи, относящиеся к III в. до нашей эры, были обнаружены в 1918 г. в Боротале в Джунгарии. Cf. J. Werner, E.S.A., VIII.1933, 249.

В тот период единственными врагами Китая оставались северные хун-ну, проживавшие в древнем хуннском государстве на Орхо-не, на территории внешней Монголии. Чтобы заставить их врасплох, китайский губернатор провинции Ляотун, Ци Юн, спровоцировал в 49 году нападение на них двух соседних орд: ухуаней с бассейна верхнего течения реки Ляо, в Маньчжурии, и сяньби, народность, несомненно, монгольского происхождения, которые вели кочевой образ жизни дальше к северу, у Большого Хингана и реки Нонни. Ослабленные ссорами с южными хун-ну и атаками с фланга сяньбийцев и ухуаней, северные хун-ну перестали представлять грозную силу.

Шелковый путь

Китай сразу же воспользовался сложившейся ситуацией и восстановил протекторат над оазисами Тарима, которые, как мы знаем, создавали двойной круговой изгиб на севере и юге Тарима. На севере это были: Турфан (известный китайцам в то время под названием Киу-шэ), Карашахр (китайское название-Юэньки), Куча (Киоу-чеу), Аксу (Гу-мо), Уч-Турфан (Вэньсу) и Кашгар (Суле); на юге: Лоулан около Лобнора, Хотан (Юйтян) и Яркенд (Сочэ).*

Тот факт, что в VII в. нашей эры в Карашахре, в Куче, и естественно, в Кашгаре, еще пользовались индоевропейскими диалектами, наводит на мысль, что жители оазисов Тарима, по крайней мере, отчасти, принадлежали к индоевропейской семье. Кучанский диалект, такой, каким он предстает в VII в., представляет родство одновременно с индоиранским, хеттским, армянским и славянским языками. Если нет уверенности, как об этом говорит немецкая школа Зиега и Зиг-линга, что тохарский говор соответствует кучанскому и карашарско-му диалектам, то его индоевропейская принадлежность неоспорима.** Так как отсутствует всякая причина того, чтобы представить индоевропейское вторжение в Тарим в начале средневековья, то кажется логичным, что там проживал древний индоевропейский народ, и без сомнения, это происходило одновременно с проникновением скифо-

* Кит. летописи по этим различным царствам эпохи поздних ханьцев переведены из Хоу Хань Шу Шованном. *Les pays d'Occident, T'oung pao*, 1907, 168-221.

** Sieg et Siegling, *Tocharische Grammatik*, Göttingen, 1931, и замечания Сильвена Леви, *Fragments de textes koutcheens*, Societe Asiatique, 1933. См. по компаративным позициям кучанских диалектов и т.д. среди исследований по др. индо-европейским языкам. Н. Pedersen, *Le groupement des dialectes indo-europeens*, in *Kgl. danske Vid. sel.hist. fil. meddelcer*, XI, 3, 1925.

сарматов в Западную Сибирь вплоть до верховьев Енисея, и расселением саков на двух склонах Тянь-Шаня, между Ферганой и Кашгаром. Одновременно, с лингвистическим фактом восточного иранского диалекта в западной Кашгарии и кучанским диалектом на севере, этнографы приводят ссылку китайских историков, где говорится о голубых глазах и рыжих волосах усуней Или, на северо-западе Кучи.

Эти небольшие царства Тарима имели важное экономическое значение, так как великий караванный путь между Китаем и греческим и иранским миром, называемый Великим Шелковым путем, проходил через их оазисы.*

Географ Птолемей подтверждает существование этого пути. По свидетельству Птолемея, который ссылается на своего предшественника-Марина де Тира, один "македонский" негоциант по имени Маэс Титианос. благодаря своим посыльным сделал известным маршрут и основные вехи караванного пути в I веке новой эры, то есть в период, о котором мы говорим. Шелковый путь, который был частью Антиохии, столицы римской Сирии, проходил через Евфрат в Хиераполис (Мэнбидж), продолжаясь в Парфянской империи, пересекая у парфян Экбатан (Хамадан), Раджес или Рэи, неподалеку от нынешнего Тегерана, Гекатомпилос (Шахруд?), Мерв, и достигал Бактрии (Балх), города, который в то далекое время принадлежал индо-скифам, то есть, в действительности, юэчжи Китая, тохарам Индии. Оттуда Шелковый путь шел на Памир. В па-мирской долине у подножья "гор Комедаи", как свидетельствует Птолемей, находилась каменная башня (литинос пиргос), около которой и проходил обмен товарами между левантинцами и "азиатами". Альберт Германн располагает этот пункт в памирской долине Кызыл-су, между продольными грядами Алая и Транс-Алая, через которые следует пройти по бассейну верхнего Окса в долину Кашгара. Хаккин, посетивший эти края, считает, что следовало бы искать каменную башню, как это было предложено еще раньше, в направлении нынешнего Таш-кургана, между Ваханом (Малый Памир) и истоками Яркенд-дарьи, на севере от ущелья Минтеке.

В Кашгаре путь раздваивается. Северное ответвление уходило в сторону Кучи, города, который, по мнению Альберта Германна, мог называться Исседон Ситика, у Александрийских географов, далее Карашар, именуемый в их терминологии — Дамна, Лоулан на Лоб-

* Cf. Albert Herrmann, Die alten Seidenstrassen zwischen China und Syrien, Quell.u. Vorsch. Z. Alten Gesch.u. Georg., Berlin, 1910. — Herrmann, Die Seidenstrassen von China nach dem Romischen Reich, Mitt. Geogr. Ges. Wien, 1915, 472.- Herrmann, Die ältesten chinesischen Karten von Zentral-und Westasien, dans Festschrift für Friedrich Hirth, 1920, 185.

норе, который они, возможно, называли Исседон Серика, и врата в Юмэнькуан (на западе Дунхуана), который имел, вероятно, название Даксата. Что же касается южного ответвления, мы уже имели возможность показать его маршрут, начиная с Кашгара, через Яркенд, Хотан, Нию, Миран, конечный город в царстве Лоулан, до Лобнора. Две дороги соединялись в Дунхуане, который назывался Троана, согласно цитатам греко-римских географов. Шелковый путь пролегал далее по собственно Китаю, как указано в Циеу-цюане (по свидетельству греческих географов-Дрозакх?) и Чанъе (Тогара?), и достигал, наконец, Чанъгано или Синганфу, в котором мы видим "Сера Метрополис" Птолемея, и Лойан (Хонанфу), который по тем же источникам назывался Сарага или Тинаэ.

Захват бассейна Тарима силами Пан Чао

Каковы бы ни были греко-китайские обозначения этих различных имен, топонимов и этнонимов, ясно, что с самого начала открытия шелкового трансконтинентального пути, соединявшего римскую и парфянскую империи с одной стороны, с ханьской империей - с другой, небольшие индоевропейские царства и княжества, расположенные вдоль северных или южных оазисов бассейна Тарима, обрели большое торговое значение. Скорее всего, хун-ну и китайцы оспаривали право контроля. Первые контролировали Тарим с высот Алтая, на севере, вторые — выездные пути на форпостах Дунхуана, на востоке.

Завоевание, или повторное взятие бассейна Тарима династией Поздняя Хань, было ее постоянной задачей. Эту задачу решали в периоды правления императоров: Мин-ди (58—75), Чан-ди (76—88), Хо-ди (89—105). Но заслуга в осуществлении этой цели принадлежит нескольким крупным полководцам. В 73 году нашей эры, китайские полководцы: Кэн Пин "предводитель быстрых лошадей" и Тэу Кю, направили первую экспедицию против хун-ну на севере, которые обратились в бегство при наступлении легионов хань-цев.* Се-ма, или кавалерийский генерал Пан Чао, адъютант Тэу Кю и один из наиболее примечательных военачальников Китая, был направлен с войском против хуэнов, орды хун-ну, живших около Баркуля. Он поверг в бегство противника и "обезглавил большое количество варваров".** В том же 73 году была создана китайская воен-

* *Biographie de Keng Ping, traduite du Heou-Han chou par Chavannes, Toung pao, 1907, 222.*

***Biographie de Pan Tchao, Pan Yong et Leang Kin traduite du Heou Han chou, par Chavannes, sous le titre de Trois gInJraux chinois de la dynastie des Han, Toung pao, 1906, 218.*

ная колония в Юиву, местность, которую Шаванн идентифицировал с Хами, а Альберт Германн считал, что она находится между Лоуланом и нынешним форпостом Юинпанем, на севере Лобнора.*

В 74 г. Кэн Пин и Тэу Кю совершили нападение на страну Турфан, в то время поделенную на два родственных царства: южный Кьюшэ, располагавшийся в окрестностях Турфана, и северный Кьюшэ, находившийся к северу, в направлении Кученга, с другой стороны отрогов Тянь-Шаня; обоими, впрочем, управляли представители одной и той же династии. Кэн Пин, проведя смелый рейд, напал на наиболее удаленное царство Кьюшэ Кученга; правитель этой страны — Нган-те, приведенный в ужас, отказался от сопротивления: "он вышел из города, снял свой колпак, припав к копытам коня и крепко прижавшись к ним, сдался на милость врагу".** Правитель Турфана, сын предыдущего правителя, также признал себя побежденным. Там были оставлены два китайских гарнизона, один в северном Кьюшэ (Кучанге), под командованием двоюродного брата Кэн Пина, прозванного Кэн Коном, другой — в Лукшуне, в самом Турфане.*** Со своей стороны Пан Чао считал, что "тот, кто не проникает в логово тигра, не сможет взять тигрят". Отправившись с инспекционной поездкой в царство Шаньшань на юго-западе Ло-улана и Лобнора, и прибегнув к хитрости, он выведал, что правитель этой страны плел заговор с эмиссаром хун-ну против Китая. С наступлением ночи, он созвал своих офицеров, чтобы предупредить их. Ему следовало регулярно советоваться с китайским гражданским комиссаром, которого послали вместе с ним. Он воздерживался от этого: "Это — неотесанный гражданский представитель. Если мы будем сообщать ему наши намерения, он выдаст их. Наша судьба решается в одночасье. Бесславно умереть, это не удел храбрых воинов!" Глубокой ночью Пан Чао и его немногочисленный отряд подожгли барачный лагерь, где крепко спали хуннские посланники, навели на них панику и страх воплями и барабанным боем, а затем обезглавили или сожгли всех варваров. Осуществив это, Пан Чао вызвал к себе правителя Шаньшаня и без всяких церемоний выставил напоказ отрубленную голову посла хун-ну. Правитель, который был на грани измены, дрожа от страха, подчинился требованиям Китая.****

* Heou-Han chou, trad. Chavannes, Toung pao, 1907, 156.

** Heou — Han chou, Biographie de Keng Ping, trad. Chavannes, Toung pao 1907, 222-223.

*** Ibid. Biographie de Keng Kong, 226.

**** Heou-Han chou, Biographie de Pan Tchao, trad. Chavannes, Toung-pao, 1907, 218-220.

В дальнейшем Пан Чао занялся наведением порядка в самой Кашгарии.

До тех пор, пока хун-ну и китайцы не вмешивались в дела индоевропейских царств Тарима, те враждовали друг с другом. Правитель Яркенда, известный китайцам под именем Хьен (33-61), на какое-то время стал единолично господствовать в этом регионе, подчинив себе Кучу (46), Фергану и Хотан. но потерпел поражение, не сдержав всеобщего недовольства его правлением.* Куча перешла в подчинение хун-ну, а правитель Хотана сверг Хьена (61). На юге Тарима господство перешло к тому же правителю Хотана, которого китайцы называли Куанг-те, и который захватил Яркенд, а на севере — правителю Кучи, прозванного китайцами Кьеном, который при помощи хун-ну, своих покровителей, захватил в 73 г. Кашгар.** Между тем, Пан Чао, получив приказ императора Мин-ди уладить ситуацию в регионе, прибыл в Кашгарию. Вначале он направился в Хотан. Куан-те,*** правитель Хотана, возгордившись своими недавними успехами, и прислушиваясь также к эмиссарам хун-ну, принял Пан Чао с вызовом. Неожиданно тот обезглавил знахаря, который являлся первым советником правителя. Напуганный таким исходом дела, правитель Хотана вновь подчинился Китаю, и в доказательство своих искренних намерений, уничтожил хуннских посланников. Затем Пан Чао двинулся на Кашгар. Известно, что правитель Кучи — Кьен, бывший в союзе с хун-ну, подчинил себе Кашгар и возвел на престол этого города своего человека, впрочем, родом из Кучи. Пан Чао, проявив большое мужество (в его распоряжении было не так много людей), схватил иностранного принца, сверг его с трона, и восстановил древнюю кашгарс-кую династию в лице известного правителя, имя которого в китайской транскрипции звучало как Чонг (74).****

В 75 г., незадолго до кончины императора Мин-ди, в Тариме произошло всеобщее восстание, которое, несомненно, было поддержано хун-ну. Правитель Карашахра убил китайского ставленника, "главного покровителя" Чэнму. Жители Кучи и Аксу осадили Пан Чао в Кашгаре. Более года китайский герой противостоял нападавшим. В это время хун-ну захватили царство северное Кью-

* Heou-Han chou, Toung pao, 1907, 197. **

Ibid., Toung pao, 1907, 203-204.

*** Это имя дано, разумеется, в китайской транскрипции неизвестного хотанского имени.

**** Heou-Han chou, trad.Chavannes, Toung-pao, 1907, 222.

шэ (Кучанг), убили вассального правителя Нган-те и осадили главную крепость страны, где находился генерал Кэн Кон. Как и его соперник Пан Чао, Кэн Кон оказал героическое сопротивление. Оставшись без провизии, потеряв много солдат и с горсточкой оставшегося отряда, отваривая, чтобы не умереть с голоду, кожаные части экипировки, он держался до последних сил.*

Однако правительство нового императора Чань-ди приказало Пан Чао и Кэн Кону покинуть Тарим. Китайский императорский двор устранился перед непрекращающимися восстаниями и жертвами, которых требовал протекторат над Центральной Азией. Но Пан Чао понял, что это отступление способствовало возвращению страны во владение хун-ну. Как только он достиг Хотана, который стоял на маршруте отступления, он принял собственное решение, и вопреки полученному приказу, возвратился в Кашгар. Во время его краткого отсутствия, город, естественно, оказался в руках кучян, то есть, в руках хуннских заговорщиков. Он казнил руководителей кучян и восстановил свое правление в Кашгаре, приняв решение навсегда обосноваться там. Более того, в 78 году вместе со вспомогательными отрядами, стоявшими в Кашгаре и Хотане, и новобранцами, рекрутированными на территории вплоть до Согдианы, он захватил Аксу и Уч-Турфан, "отрубив семьсот голов противника".** В то же самое время китайские легионеры Ганьсу отобрали у хун-ну царство Кьюшэ, то есть Турфан. "Они обезглавили три тысячи восемьсот человек и захватили тридцать семь тысяч голов скота. Обуянные ужасом, северные варвары бежали".*** Имея таких противников как Пан Чао и Кэн Кон, хун-ну обрели хозяев.

В своем послании, адресованном императору, Пан Чао сделал попытку примирить трусливый дух императорского двора со своим личным опытом действий на Великом Западе. Говоря о тех давних экспедициях, которые он и считал бесполезными, китайский герой стремился показать, что дело шло только о мерах по защите интересов Китая. Речь шла о том, чтобы оградить китайскую территорию от периодических набегов хун-ну: "Захватить тридцать шесть царств (Центральную Азию), значит, отрубить правую руку хун-ну". Что касается его испытанной тактики, то она была сформулирована в известном высказывании: "использовать варваров в нападении на варваров". Так, он осуществил завоевание Тарима фак-

* Ibid., T'oung pao, 1907, 226-229.

** Ibid. 1906, 223-224.

*** Ibid. T'oung pao, 1907, 230.

тически благодаря тем рекрутам, которых каждое завоеванное поселение обязано было поставлять ему для борьбы с еще не сдавшимися оазисами. Солдаты (чисто) китайского происхождения были представлены лишь кучкой наемников, или ссыльными, которые считали для себя честью оказаться в бурном водовороте великих походов. Все они жили за счет страны, которую впрочем они стерегли, чтобы не допустить возвращения хуннских орд. Пан Чао говорил: " В Яркенде, в Кашгаре культивированные земли плодородны и обширны. Империи не понадобится буквально никаких затрат на содержание своей армии".* Этот современник Траяна судил о военных делах так же, как и завоеватель Дакии.

Основной целью было отбросить хун-ну за пределы Внешней Монголии, устранив их с Шелкового пути, контроль над которым кормил и обогащал их. Применяя эти правила для достижения поставленной задачи, Пан Чао подавил новые восстания в Кашгаре (80, 87), в Яркенде (88), и привлек к союзничеству усуней Или (83). Всякий раз Пан Чао, получая сведения от своих осведомителей, и прекрасно зная психологию "варваров", заставлял их врасплох, и брал верх дерзостью. В 84 году в Кашгаре правитель Чонг, его протеже, его ставленник, восстал, войдя в сговор с жителями Яркенда, согдийцами и юэжи или индоскифами. В 87 году, будучи изгнан Пан Чао из Кашгара, он сделал вид, что желает подчиниться ему, и попросил о встрече, на которую прибыл с внушительным конным отрядом, чтобы пленить его. Пан Чао притворился что поверил его добрым намерениям, пригласил его на трапезу, и, когда "было выпито немало вина", он схватил Чонга, и отрубил ему голову. В тот же миг, замаскировавшиеся китайские солдаты напали на вражеских воинов и уничтожили их.** В 88 г. под Яркендом, возглавляя армию, куда входили китайцы и их вспомогательное войско, состоявшее в основном из хотанцев, значительно уступая противнику в численности, противостоя яркенд-цам, на помощь которым пришли пятьдесят тыс. человек из Кучи и соседних городов, Пан Чао, применив военную хитрость, отступил под покровом ночи, а затем, в кромешной тьме, молниеносно совершил бросок и "на заре" напал на яркендцев, обезглавил пять тыс. человек и заставил оставшихся сдаться.***

* Ibid., 1906,224-227.

** Heou-Han chou, Toung pao, 1906, 230-231.

*** Ibid. 1906, 231-232.

Восстание не прекращали только Куча и Карашахр, искавшие повсюду союзников в борьбе против Китая, начиная от хун-ну Монголии и заканчивая юэжжами или индо-скифами. В 90 году правитель индо-скифов, могущественный император династии Кушан, правивший Афганистаном и Северо-западной Индией — без сомнения в эту эпоху царствовал Кадфиз II — недовольный отказом отдать ему в жены китайскую принцессу, послал войско на северо-восток Памира, чтобы помочь Куче в войне против Пан Чао. Китайский полководец собрал сведения по переговорам, которые велись между вражеской армией и жителями Кучи, которые, вероятно, снабжали ее всем необходимым, и внезапно напал на них. Индо-скифы, подвергавшиеся опасностям на необъятных просторах Кашгарии, лишённые продовольствия, все-таки нашли в себе силы, чтобы укрыться. Кушанский императорский двор, наученный опытом, который чуть не обернулся бедой, счел благоразумным вернуться к той политике, которая была традиционной у юэджи, политике дружественных отношений с Китаем (90).*

На севере, в Монголии, генералы Тэу Хен и Кэн Пин со своей стороны одержали крупную победу над северными хун-ну (89—90). Правители южного Кьюшэ и северного Кьюшэ (Кученг и Турфан) также вскоре укрепили связи с империей. В 91 г. китайский полководец Кэн Куэй нанес хун-ну еще одно кровавое поражение. Кэн Куэй дошел до Внешней Монголии, без сомнения, до самого Орхона, захватил в плен мать и всех домочадцев шаньюя, и поставил на его место его брата Ючукена. Этот новый правитель хун-ну однако восстал в 93 г., и Китай направил против него сяньбийцев, монгольскую орду с маньчжурских границ, которые захватили и убили его. Это было таким поражением, от которого северные хун-ну уже не смогли полностью оправиться.

Лишённые помощи хун-ну, как и индо-скифов, три из четырех восставших городов на севере Тарима, Куча, Аксу и Уч-Турфан, подчинились Пан Чао (91). Китайский завоеватель получил от императорского двора титул "Главный покровитель", т. е. практически он стал вице-правителем Центральной Азии. Он устроил свою резиденцию в Токьене, городке, расположенном около Кучи, в то время как другой китайский генерал обустроился в Кашгаре. Только Карашар оставался недосягаемым. В 94 г. Пан Чао во главе армии, вместе со вспомогательными войсками Кучи и Шаньшаня (Лобнор), двинулся на восставший город. Напрасно жители Кара-шахра подрубили опоры мостов на реке Юлдуз. Пан Чао перешел

* Ibid., 233.

реку вброд в том месте, где вода была по пояс, и вдруг появился посреди болот перед Карашахром. Некоторые горожане сумели скрыться у озера Баграч, но правитель вынужден был сдаться. Пан Чао, мстя за нанесенные ему в прошлом оскорбления, обезглавил его именно на том месте, где когда-то, точнее, 19 лет назад, был убит китайский наместник — Чен Му. "Пан Чао открыл дорогу для грабежа своим воинам. Они отрубили головы более 5 тыс. жителей, взяли в плен 15 тыс. человек, завладели тремястами тысячами голов скота, в том числе лошадей, быков, баранов".* Весь бассейн Тарима был оккупирован. В 97 г. Пан Чао поручил своему ближайшему помощнику Кан Юну проникнуть в Та-тсинь, т. е. на территорию Римской империи, через Ань-си, т. е. по территории Ар-сидской парфянской империи. Но, посланник, под впечатлением рассказов о парфянах, не осмелился пройти по их территории и повернул обратно на полпути, не достигнув границ Римской империи.**

Вскоре Пан Чао вышел в отставку и вернулся в Китай в 102 г., где в том же году и скончался. Преемники великого полководца не смогли проводить такую же политику по отношению к туземному населению, одновременно прагматичную и гибкую, и в 106—107 гг. в Тариме произошло всеобщее восстание. Китайский генерал Лян Кин был взят в осаду в Куче жителями города и близлежащих поселений.*** Ему, однако, удалось выдержать осаду и даже одержать победу. Между тем, перед лицом непрерывных восстаний, китайский императорский двор потерял всякую надежду на успешный исход дела, и в 107 г. отозвал все гарнизоны не только из Тарима, но и из Лукчуна и Юиву. На следующий год, цыны или тибетцы, отличавшиеся дикими нравами, кочевавшие на западе и юге от Кукунора, напали на китайские форпосты в Гань-су, угрожая перекрыть путь в Дунхуан. Лян Кин отразил их нападение ценой тяжелых боев (108). Наконец, в 109 г., южные хун-ну во Внутренней Монголии напали на китайские приграничные пункты. Китайский губернатор Ляотуна, — Кэн Куэй, натравил на них орды сяньбийцев. Тем не менее, южные хун-ну нанесли урон северу Шаньси. Это продолжалось до тех пор, пока Лян Кин не вынудил их шаньюя пойти на мировую (110).

В общем Китаю с трудом приходилось защищать собственные границы, и только в 119 г. дела пошли на поправку: была восстановлена военная колония Юиву (Хами или Лобнор?), Шаньшань и правитель Турфана вновь подчинились, но некоторое время спустя

* Ibid., 235-236.

** Ibid., 1907, 178.

*** Ibid., 1906, 256-257 (Biographie de Leang Kin).

шанью северных хун-ну, а позднее, и северного Кьюшэ (Кучанг), неожиданно атаковали и уничтожили китайский гарнизон Юиву. Сын Пан Чао, Пан Юн успешно продолжил начатое отцом дело. В 123 г. он восстановил военную колонию в Лукчуне (Лиэу-чонг), около Турфана; в 124 г. укрепил преданность правителя Шаньшаня, запугал правителей Кучи и Аксу, которые сдались ему на милость, и, используя воинские части, предоставленные им в его распоряжение, изгнал из Турфана отряды хун-ну; в 126 г. он даже покорил на некоторое время хуэн-группу хуннских племен, принадлежащих к северным хун-ну, обосновавшихся на северо-востоке озера Баркуль, и обратил в бегство основные силы северных хун-ну, которые попытались вмешаться в ход событий.*

В 127 году китайцы расширили господство над Таримом, войдя в Карашахр. В 130 году, сын правителя Кашгара, а также посол правителя Ферганы, прибыли в китайскую столицу Лоян, и явились с поклоном к императору Шань-ди.

В последующие годы, за исключением одного скоротечного восстания в 140-144 годах, организованного предводителем южных хун-ну левого или восточного фланга,** Китай испытал особые трудности со стороны хуэнов, т. е. хун-ну с берегов Баркуля. В 131 г. те напали на северное Кьюшэ (Кучанг), с населением которого они обошлись достаточно жестоко; в 151 г. им едва не удалось разгромить китайское военное поселение Юиву, которое было с трудом спасено. Однако в 153 г. северное Кьюшэ еще оставалось вассалом Китая. В 151 г. грубая политическая недалекость китайского эмиссара стала причиной восстания населения Хота-на, убившего его, но впоследствии Хотану пришлось покаяться.***

В 170 г. китайские генералы располагали личным составом в Турфане, Карашахре и Куче. Они выступали арбитрами в междоусобных стычках на территории, вплоть до Кашгара. С другой стороны, в 168—169 годах китайский генерал Хуан Кун отразил нападения цянов или тибетцев в Ганьсу.

* Heou-Han chou, Biographie de Pan Yong, trad. Chavannes, Toung pao, 1906, 246-254.

** Cf. Peter Boodberg, Two notes on the history of Chinese frontier, Harvard Journal of Asiatic Studies, 3-4, novembre 1936, 286.

*** В рубрике Хеу Хань Шу повествует нам о китайском гарнизоне Къзеу или Куче. Питер Будберг считает, что здесь идет речь не о Куче на р. Музарт в Центральной Азии, а о колонии, основанной когда-то депортированными или эмигрировавшими кучанцами на северо-восток Шень-си, несомненно, на севере Юлиня. (Harvard Journ. of Asiatic Studies, novembre 1936, 286.)

Цивилизация оазисов Тарима конца античного мира и начала средневековья

Контроль, который осуществляли китайцы в эпоху династии Поздняя Хань, на Шелковом пути, обеспечивал свободу трансконтинентальной торговли посредством двойной линии оазисов на севере и юге Тарима. Это стало благоприятным фактором для распространения буддистской религии. Вместе с этим, индийская литература и древнегреческое искусство также стали известны в бассейне р. Тарим. Точнее, шелковый путь, который являлся также дорогой индийских миссионеров, несших с собой буддизм в Кашгарию и Китай, способствовал тому, что торговля и религия продвигали совместно греко-римское искусство. Посланники Маеса Титиано-са действовали в том же ключе, что и проповедники Будды. Наиболее посещаемым отрезком пути в то время, вероятно, был южный участок, который проходил через Яркенд и Хотан. В Юткане, бывшем Хотане, экспедиция Ауреля Стейна обнаружила римские монеты периода правления императора Валенса (364—378); в Раваке, на востоке от Хотана, ею была найдена целая серия греко-буддистских барельефов, с прекрасными древнегреческими драпировками, относящимися к гандхарскому стилю. Чуть далее к востоку, в Ния (Ни-йан), при раскопках городища, заброшенного в конце III в., экспедиция обнаружила римские печати и инталии, индоскифские монеты. В Миране, на юго-западе Лобнора, в древнем Шаньшане, та же экспедиция натолкнулась на превосходные греко-буддийские фрески, в частности с изображением Будды, его монахов и крылатых духов, с четко выраженным римско-азиатским оттенком. Эти фрески, похоже, относящиеся к III—IV вв. нашей эры, подписаны именем "Тита", индийским письмом, в котором можно усмотреть Титуса.*

Именно по этому Шелковому пути, в период расцвета Китая, в страну прибывали известные буддистские миссионеры: Нган Шэ-као-парфинянин, прибывший в Китай в 148 г., и умерший в 170 г.; Чу Шофо, индус, Чэ Чан — представитель народа юэчжи, то есть индо-скиф. И тот, и другой прибыли в 170 г., и основали монастырь в китайской столице-Лояне. В следующем веке, Чэ Кьен, сын посла Юэчжи, в период между 223 и 253 гг. перевел на китайский язык многие буддистские писания. Указание на юэчжи весьма любопыт-

* Reproduction in Aurel Stein, *Ancient Khotan*, II, pl.XIV et sq. XLIX et LXXI. Aurel Stein, *Serindia*, t.IV, pl.XL-XLII et fig.134, 136 et sq.-p.517,520 et sq. Aurel Stein. *On ancient Central-Asian tracks* (1933); pi.54, 57. F.H.Andrews, *central Asian wall-paintings*, in *Indian Arts and Letters* VIII,I, 1934.

но, так как оно убедительно показывает, что кушанская империя, охватывавшая тогда Афганистан, Гандхару и Пенджаб, благодаря Шелковому пути, в большой степени способствовала распространению буддизма в бассейне Тарима и в Китае. Не менее важно знать, что наряду с кушанскими и индийскими миссионерами, туда проникали парфяне, принявшие буддизм, чтобы распространять прозелитизм в Верхней Азии и на Дальнем Востоке. Наконец, если Трипита-ка китайцев представляет нам также список миссионеров и переводчиков, пришедших через Тарим для работы в Китае, очевидно, что и в Тариме другие группы монахов, выходцев из восточного и северо-западного Ирана, занимались распространением их священных текстов на санскрите, с переводом на местные языки, начиная восточно-иранским, и заканчивая кучарским. Пример знаменитого Кумарадживы (344—413) весьма характерен и заслуживает внимания. Кумараджива был выходцем из индийской семьи, которая проживала в Куче. Его предки достигли высокого положения в стране. Его отец, страстный проповедник буддизма, стремился отказаться от всех почестей, чтобы целиком посвятить себя монашескому обету, но правитель Кучи вынудил его остаться в миру и предложил в жены свою сестру. В результате этого брачного союза на свет появился Кумараджива. С самого раннего детства мать привозила его в Кашмир, чтобы он овладел индийскими языками и письменностью, а также приобщился к буддизму. Возвращаясь из Индии, Кумараджива сделал остановку в Кашгаре, где он пробыл целый год, и провел время за изучением Абхидхармы. Текст его биографии* свидетельствует, что Кашгар, также как и Куча, был в те времена в такой степени притягательным очагом индийской философии, что правители этих двух городов оспаривали честь принимать у себя такого ученого монаха, каким являлся молодой Кумараджива. Когда же он вернулся в Кучу, государь страны, имя которого по-китайски звучит как По Шуэн, прибыл, чтобы поприветствовать его, а два юных сына правителя Яркенда стали его последователями. Он прожил в Куче со своим учителем-индусом Вималашой, родом из Кашмира, и переехавшим в этот город как раз в то время, когда китайский генерал Лю Куан, захватив Кучу, взял с собой в Китай и Кумарадживу. Во время правления Лю Куана, Куча выделялась великолепием дворцов, которыми китайский наместник очень восхищался. Удивление, которое он высказывал по этому поводу, дает нам право сделать вывод, что речь шла об архитектуре и произведениях искусства, которые напоминали китайский, однако, были ближе к индийскому и иранскому стилям. По утверждению

* Traduit du Tripitaka par Sylvain Levi dans le Tokharien B, langue de Koutcha, in J.A., 1913, 11, 335.

Хаккина, к этому периоду следует отнести и первые живописные работы нового стиля пещер Кызыла.

Ареал цивилизации Верхней Азии, что видно из приводимых примеров, расчленен на две четко выраженные продольные зоны. На севере, от православной России до Маньчжурии и Ордоса, искусство степей, в частности, искусство кочевников, характеризуется накладками или рукоятками с набалдашником из бронзы, выполненными в стилизованном зверином стиле, с четко выраженным восточным орнаментом. На юге, вдоль Шелкового пути, начиная от Афганистана до Дунхуана, живопись и скульптура оседлых жителей оазисов, расположенных вдоль караванных путей, окружавших бассейн Тарима, испытывали непосредственное влияние греческого, иранского и индийского искусства. Все это было возможно благодаря Шелковому пути, на котором происходило объединение посредством учения Будды.

Истоки этого искусства Тарима, в конце древности и раннем средневековье, уходят корнями в Афганистан. Там в долине Кабула, в IV в., последние кушанские правители испытали на себе глубокое влияние Сасанидской Персии, в орбите которой они находились, как об этом свидетельствует кушано-сасанидская чеканка монет, исследованная Герцфельдом и Хаккином.* Сасанидско-буддистская цивилизация, как и сасанидско-буддийское искусство зародились в индоиранских границах. Напомним в связи с этим знаменитые фрески Бамийана и Какраки, созданные в конце III в. и в течение всего IV в. В типах и костюмах различных персонажей очевидно сасанидское влияние. Например, сасанидско-брахманская статуэтка, сравнительно недавно обнаруженная Хаккином в Хаирханехе около Кабула (конец IV в.), чисто сасанидские фрески Дохтари Ноширвана, неподалеку от Руи, по дороге из Кабула в Бактрию, где изображен сасанидский принц, правитель Бактрии (V в.). Все находки были результатом экспедиций Хаккин-Годара и Хаккин-Карла. Они позволяют говорить об Афганистане как о стране, в которой индийские верования и письменная культура тесно переплелись с материальной цивилизацией Персии эпохи Шапуров и Хосройев.**

Эту сасанидско-буддистскую амальгаму буддистские миссионеры, соперники Кумарадживы, внедрили во всех оазисах Тарима,

* Cf. Herzfeld, Kushano-sassanian coins, Mem.archaeol.surv.India n.38, 1930.- Haskin, Repartition des monnaies anciennes en Afghanistan journal Asiatique, avril-juin 1935, 287.

** Cf. A.Godard, Y.Godard et Haskin, Les antiquites bouddhiques de Bamiyan, Paris 1928,- J.Haskin, Nouvelles recherches archeologiques a Bamiyan, 1933.- Hackin et Carl, Recherches archeologiquea a Khair Khaneh, 1936.

на различных участках Шелкового пути, который благодаря им стал дорогой проповедей. Фрески Бамиана отражают связь первоначального стиля фресок Кызыла, расположенного к западу от Кучи, стиля, который характеризуется четкостью обработки материала, неброским и мягким колоритом цветов: серого, коричневого, красно-коричневого, темно-коричневого, и светло-зеленого. Хаккин (которому мы обязаны составлением хронологии различных периодов), относит этот стиль примерно к 450 и 650 годам.* Индийское влияние, между прочим, остается еще доминирующим в раннем стиле, в изображении танца правительницы Чандрапрабхи, напоминающей очаровательные обнаженные фигуры индусов Аджанты; вместе с этим, мы ощущаем сасанидское влияние, в частности, в пещере павлинов и пещере художника, который создал самого себя в облике молодого иранского вельможи: с элегантно светлым, хорошо приталенным полукафтаном, украшенном на воротнике крупным кучанским лацканом. Это уже можно было заметить в Бамиане, на фресках, воспроизведенных госпожой Годар, где детали одежды, вплоть до штанов и высоких сапогов, были заимствованы непосредственно в Иране. В остальном, украшения из искусственного мрамора, обнаруженные в 1937 г. в Фондукистане, на западе-Кабула, Хаккином и Жаном Карлом, датированные эпохой чеканки сасанидского монарха Хосрова II (590—628), усиливают нашу уверенность в том, что ирано-буддийский Афганистан продолжал, вплоть до начала арабского завоевания, влиять на моду и мужские наряды кучанского общества (Rev.d. Aris Asiat. XII, 1938).

Вторичный стиль фресок Кызыла Хаккин относит к периоду между 650 и 750 гг. Этот археолог указывает на упрощение моделей, наличие более ярких красок (голубой лапись-лазури, темно-зеленый цвет) и превалирование сасанидского влияния на нарядах и манере одеваться. Буддистские фрески Кызыла и Кумтуры, находящиеся в данное время в Берлинском музее, дают нам представление о процессиях дарителей и дарительниц, оживляющие для нас мир монаршеского двора Кучи V—VIII вв. Мы имеем возможность констатировать, что блестящая кучанская аристократия, явно принадлежащая к индоевропейской расе, была, без сомнения, также иранизирована в своих нарядах и во всей материальной культуре, как и индианизирована в вопросах религии и литературы. Наряду с этими дворцовыми костюмами, изображение военной темати-

* Hackin, L'art indien et l'art iranien en Asie Centrale in Histoire des arts de L.Reau, t.IV, p.253 et Buddhist art in Central Asia, in Studies in Chinese art and some Indian influences, India Society, London, 1938, 12.

ки в Кызыле (к примеру, сцены "раздела реликвий"), показывает нам кучанскую "кавалерию", их рыцарей, закованных в латы с конической каской на голове, в кальчуге и с длинным копьём, что нам напоминает одновременно сасанидских рыцарей и сарматских всадников с фресок Керчь-Пантикапеи в Крыму.*

Весь этот ирано-буддийский набор встречается в южной части Тарима. В частности, на картинах деревянных панно Данадан-Юили-ка, оазиса, расположенного на северо-востоке Хотана (конец VII в.). К примеру, там же мы видим "наги" чисто индийского типа, родственного самым гибким обнаженным фигурам Аджанти. Или иранских всадника и погонщика верблюдов, бородатого бодисат-ву, покрытого тиарой, одетого в длинный, с широкими рукавами, плащ, в штанах и в сапогах, что дает образ непосредственно саса-нидского аристократа. Наконец, мы видим иранское влияние во фресках и миниатюрах в регионе Турфана: в Безеклике, Муртуке и т.д. В Безеклике изображения божеств, носящих латы, напоминают нам кучанских рыцарей в сасанидских доспехах Кызыла и Кумтуры, в то время как Авалокитечвара, по мнению Хаккина, сохранил чисто индийские благородные черты. В Муртуке мы обнаруживаем наряду с чисто индийскими бодхисатвами, дарителей, облаченных в те же доспехи, что и в Кызыле, и с касками на головах с развернутыми краями, что подтверждает чисто сасанидское влияние.**

С другой стороны, в небольшой скульптуре мы обнаруживаем изящные фигурки из искусственного мрамора Карашахра, найденные Аурулем Стейном, которые, странным образом, оказывают впечатление галереи этнических групп, напоминающих непосредственно греко-буддийские статуэтки, полностью аналогичные фигуркам Хадда, в Афганистане, которые сегодня находятся в Музее Гимэ.

* Von Le Coq, Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens (1925), fig.32,33,50. Rostovtzeff, Iranians and Greeks in South Russia, pi.29.

**Считаю возможным, что влияние кучанских фресок распространилось далеко на север вплоть до Сибири. Замечу в связи с этим, что тип «наездников Кызыла» встречается в наскальных фресках Сулека в долине Караюз (Писаная гора) близ Минусинска, где можно различать всадников в экипировке с коническими касками и длинными пиками, очень напоминающих «войну реликтов в Кызыле») (Von le Coq, Bilderatlas, p.54, fig.50) Таллгрэн, впрочем, считает, что «галопирующие скачки» сулекских наездников напоминают сасанидские галопирующие скачки эпохи Тан, возможно VII века нашей эры. Вплоть до грубых антропоморфических рисунков стел региона Семипалатинска на севере Балхаша на Верхнем Иртыше (каменная баба), которые с широкими полями одежды персонажей отдаленно напоминают сасанидский очаг Кучи. Cf. Tallgren, Inner Asiatic and Siberian rocks pictures, Eurasia septentrionalis antiqua, VIII, 193.

Таким образом, до завоевания страны тюркскими народностями во второй половине VIII в., индоевропейские оазисы на севере и юге Тарима, начиная от Яркенда и Хотана до Лобнора, от Кашгара, Кучи и Карашахра вплоть до Турфана, в своем культурном развитии находились под влиянием не Алтая и степной цивилизации, а крупных ареалов цивилизации, таких, как Индия и Иран. Эти ареалы представляли территории внешней Индии и Ирана, доходящих вплотную до Китайской границы. Более того, Индия и Иран, благодаря этим фактам проникали в Китай, о чем свидетельствуют буддистские фрески и стяги, найденные в результате экспедиций Пельо и Ауреля Стейна неподалеку от Дунхуана, в местности, где Шелковый путь пересекал нынешнюю китайскую провинцию Ганьсу.*

Смена северных хун-ну сяньбийцами в Монгольской империи

В то время как греко-буддийская и ирано-буддийская цивилизации мирно развивались у оседлых жителей Тарима, в северной части степей тюрко-монгольские орды сошлись в смертельной схватке. К 155 г. северные хун-ну, без сомнения, принадлежавшие к тюркской расе и обосновавшиеся в районе Орхона, в Верхней Монголии, были разгромлены и подчинены другими ордами, сянь-би, пришедшими из региона Хингана, с монголо-маньчжурских границ. Эти сяньби, которых долгое время принимали за тунгусов, относились скорее к монгольской расе, как об этом свидетельствуют исследования Пельо и Тори.**

* Крупные публикации de Sir Aurel Stein, *Ancient Khotan* (1907), *Ruins of desert Cathay* (1912), *Serindia* (1921), *Innermost Asia* (1929), резюмированы в проиллюстрированной книге того же автора. On ancient Central-Asian tracks (Macmillan, 1933). Отметим также солидные альбомы Фон Лекока, *Buddhistiche Spatantike in Mittelasien* (1922—1930), резюме которых можно найти в двух следующих томах ученого: *Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasien* (Berlin, D.Reimer et E.Vohsen, 1925) et *Buried treasures of Chinese Turkestan* (Londres, Allen et Unwin, 1928). Aussi E.Waldschmidt, *Gandhara, Kutsca, Turfan* (Leipzig, Klinkhardt u. Biermann, 1925), et Hackin, *Recherches archeo-logiques en Asie Centrale*, Rev. d. Arts Asiatiques, 1936 (et ibid. 1938, I).

** Torii, *Etudes archéologiques et ethnologiques, populations primitives de la Mongolie orientate*, Journal of the College of Science, Imperial University of Tokyo, t. XXXVI, p.9 et 19. Тори считает, что сяньби остались на очень поздней стадии развития, используя изделия труда эпохи энеолита и бронзы. Железо стало использоваться у них только к концу II в. н. э. китайскими беженцами (op.cit.,p.70 et 96). Пельо придерживается мнения, что китайская транскрипция сяньби идет от оригинала Сарби, Сирби или Сирви (Tokharien et KoutchJen, J.A., 1934,1,35).

Таким образом, монгольское владычество сменило тюркское владычество. Глава сяньбийцев, которого китайцы называли Таншехуай, добившись победы над северными хун-ну, двинул свои войска на Западную Монголию, вплоть до усуней Или, над которыми он тоже одержал победу. Китайские летописцы сообщают нам, что он правил в 166 г. на территории, начиная от Маньчжурии до страны усуней, т. е. до Балхаша. Однако, вне всякого сомнения, здесь есть преувеличение, так как господство сяньби не должно было распространяться далее современных территорий Бог-дохана (Тушету-хана) и Сетсерлик — мандала (Саин-нойан).

Достигнув такой степени власти, предводитель сяньби взял на себя притязания древних хун-ну по отношению к Китаю. В 156 г. Таншехуай напал на китайскую провинцию, располагавшуюся на месте современного Ляотога, но был отброшен. Затем он стал враждовать с южными хун-ну Внутренней Монголии, союзников китайцев. Позже он примирился с ними и привлек к нападению на китайскую территорию Шаньси и Ганьсу, но объединенные войска были вынуждены отступить под натиском китайской армии (158). Новое нападение сяньби на Ляоси, т. е. на китайскую провинцию на западе низовьев р. Ляо-хо, что протекает по юго-западу Маньчжурии, вновь было в 177 г. отбито войсками генерала Чао Пао. Наконец, ухуани, другие племена кочевников из региона Далай-нора и Шара-мурена, на юге Большого Хингана, были разбиты в пух и прах в 207 г. на территории нынешнего Жейхоля китайским генералом Цао Цао. В 215-216 гг., Цао Цао, расселив остатки южных хун-ну на пустынных подступах к границе, на севере нынешних провинций Шеньси, Шаньсу и Хубей, разделив их на пять орд, поставил во главе каждой из них местного предводителя под контролем китайского резидента. Что же касается официального шаньюя южных хун-ну, то его оставили при китайском дворе в полуневоле.*

Когда в Китае в разгар гражданских войн (220) сошла на нет династия Хань, орды северных степей, жестоко подавляемые в предыдущую эпоху китайскими войсками, все еще находились в состоянии угнетенности и бессилия, чтобы воспользоваться благоприятной ситуацией. То же самое происходило с индоевропейскими оазисами Тарима, население которых, несмотря на гражданские войны, вызванные "Тремя Царствами" Китая, преемниками династии Хань, продолжали служить главному из этих царств, — Вэй, хо-

* San kouo tche, resume dans A. Boodberg, Two notes on the history of the Chinese frontier, Harvard Journal of Asiatic Studies, 3-4, novembre 1936, 292.

зяину (220—265) Северного Китая. Таким образом, в 224 г. Шаньшань (Лобнор), Куча и Хотан воздавали должное правителю государства Вэй-Цао Пяю. И даже тогда, когда Вэй и два других царства были сменены династией Цинь (семейство Сэу-ма), объединившей Китай, правитель Кучи послал своего сына служить при императорском дворе (285). Что касается сяньби, осмелившихся напасть на границы Ганьсу со стороны Ланьчжоу, то они были отброшены китайским генералом Ма Лоном (279).

Это случилось в тот момент, когда казалось, что Китаю не грозит никакая опасность со стороны степи, так как Великая империя хун-ну прекратила свое существование. Пришедшие ей на смену сяньбийцы оказались не способными возобновить атаку китайских границ. В этот период, в IV в., на Крайнем Западе произошло великое нашествие варваров схожее с нашествием германских народов в V в. нашей эры. При этом в отличие от событий в Европе, когда нашествия были вызваны волнениями из глубины кочевников, поднятыми каким-либо Атиллой, эти нашествия были вызваны ослаблением китайского могущества, спадом, который, подобно "сильному порыву ветра", вызвал набеги сотрудничавших с Китаем его бывших союзников.

Великие нашествия IV века. Северный Китай, завоеванный хун-ну и сяньби

Мы видели как постоянные трения подточили мощь хун-ну. После того, как с III в. до новой эры, Внешняя и Внутренняя Монголия находились под покровительством шаньюя, обычно пребывавшего в своей ставке на Орхоне, первый раздор произошел в 44 г. до н. э. В то время один из предводителей хун-ну, по имени Чэчэ, изгнанный соперником с древних земель своего рода с территории Монголии, на Орхоне, переселился в район Балхаша, что находится на территории современного Казахстана. Таким образом, оформилось разъединение хун-ну. Восточные хун-ну остались в Монголии, и им было суждено превратиться в вечных противников Китая. Западные хун-ну, перекочевавшие в степи Прибалхашья и При-аралья под именем гунны (предки Атилы), стали соперниками Римского мира. В 48 г. н. э. империя восточных хун-ну была вновь расколота: "восемь орд" Южной или Внутренней Монголии отделились от остальных орд, оставшихся преданными шаньюю Орхо-на. На историческую арену вышли две отдельные группировки: северные хун-ну на Орхоне, во Внешней Монголии, и южные хун-

ну во Внутренней Монголии, на севере от Великой стены. Как мы уже знаем, северные хун-ну были подчинены в 155 г. н. э. сяньбичами, монгольскими ордами, выходцами из района Хингана в Восточной Монголии, у маньчжурских границ. Сяньби, о чем мы уже также говорили, господствовали в тот период, в Монголии, от маньчжурской границы до подступов к Хами и Баркулю.

Что касается южных хун-ну, о которых мы и будем теперь говорить, то они, оттесненные все больше на юг под натиском сяньби, как мы уже видели, к концу правления китайской династии Хань, ушли на территорию излучины Желтой реки, в степи Ордо-са и в земли, приграничные Алашаню, где они и обосновались в эпоху Трех Царств (220—265). Там они представляли собой союзников китайской империи, и играли ту же роль, что и многочисленные германские племена, обосновавшиеся на краю римских земель в IV в. Между руководителями союзных хун-ну Ордоса и китайскими императорами династии Вэй (220—265), а затем и династии Северная Цинь (265—316) взаимоотношения были подобны тем, какие существовали в то давнее классическое время между предводителями готов, франков, или бургундов IV в. и Римскими императорскими семьями Константина или Теодоза. Как на востоке, так и на западе, предводители варваров наносили визиты в императорские столицы, Чаньан или Лоян, Милан или Константинополь. С ними завязывали тесные отношения в высших кругах времен упадка империй, и, по возвращении в родные пенаты, варвары использовали то, что видели.

Таким образом, как союзники, солдаты на службе империи, южные хун-ну продвигались все далее на юг и закрепились за Великой стеной.* Их шанью Хушутюань (195—216) обосновался в Пи-ньяне, в самом центре Шаньси. В Китае полным ходом шла гражданская война, и это было накануне падения династии Хань. Хушутюань, вовремя вспомнивший, что одна из его дальних прародительниц была принцессой из династии Хань, дал своим владениям родовое имя великой китайской императорской династии: Лю. Таким образом, легитимность, едва не погасшая в Китае из-за ряда узурпаторов власти, обрела возможность восстановиться

* См. труды, касающихся этого периода, такого же смутного, как V в. на Западе: *Chih louh Kouoh Kiang Yuh Tchi, Histoire gJographique des seize goyaumes...*, 304-407. Перевод Де Мишелью. Питер Будберг попытался разобраться и восстановить генеалогию и хронологию шаньюев хунну III—IV вв. (*Harvard Journal of Asiatic Studies*, novembre 1936, 298).

под юртами хун-ну. В 304 г. один из предводителей хун-ну, теперь под именем ханьца — Лю Юаня, основательно обосновавшись в Тайюане, в Шаньси, получил от китайского императорского двора титул шаньюя пяти орд. В 308 г. Лю Юань, во главе армии хун-ну, численностью в пятьдесят тыс. солдат, провозгласил себя императором в Тайюане, представившись законным наследником династии Хань. Династия, основанная этим хун-нским правителем, достаточно известна под именем Северная Хань — Пэй Хань, или Ранняя Чао — Цзен Чао.

Сын и последователь Лю Юаня, Лю Цзун (310—318) стал Аггитой Китая. В 311 г. его войска захватили Лоян, китайскую столицу, сожгли императорский дворец, взяли в плен императора Цзинь Хуай-ди, затем дошли до Чанъаня, где уничтожили половину населения (312). Взятый в плен император был отправлен в Пиньян, резиденцию Лю Цзуна, где последний заставил его быть виночерпием до того дня (312), пока не был казнен. Новый китайский император Цзинь Мин-ди (312—316), после ухода хун-ну, остался в Чанъани, но в 316 г., хун-ну вернулись, осадили город и заставили ослабевшего монарха капитулировать. И вновь в Пинь-яне, хуннский правитель, занявший трон, удерживал плененного китайского императора, вынудив последнего "полоскать бокалы во время пиршества", и, в конце концов (318), тоже казнил его. Отказываясь защищать Северный Китай от варваров, один из членов императорской семьи Цзинь, чудом избежавший плачевного конца, скрылся в Нанкине (в то время город назывался Куенкан), где под покровительством семьи родословной линии Ян-Цзу, создал вторую династию Цзинь, именуемую Южная или Восточная Цзинь (317). Подобным же образом последние римляне V в. были вынуждены оставить германским завоевателям западные провинции, чтобы укрыться в Византийской империи. Нанкину нужно было около трех веков (317—589), чтобы прийти на смену Чанъяну и Лояну, так же как и Константинополю, чтобы сменить Рим и Милан.

Лю Цзун, хуннский завоеватель Северного Китая, на какое-то время стал значительной фигурой. Будучи хозяином древних императорских столиц — Лояна и Чанъаня, и несмотря на то, что его резиденция находилась в Пиньяне, в Шаньси, он правил в центре и юге Шаньси, в Шеньси (за исключением бассейна р. Хань), на севере Хунани (за исключением Кайфэна), на юге Хубея и севере Шаньдуна. Но на севере этого хуннского государства, правитель которого, несмотря на варварские обычаи, оставался все же чело-

веком, испытавшим сильное влияние китайской культуры (воспитывался при императорском дворе), проявляли активность другие орды, которых с полным основанием можно считать варварскими. Орда тобгачей, по-китайски — топа,* была, вероятно, тюркского происхождения. Она обосновалась к 260 году в отдаленной северной части Шаньси, на севере от Великой стены. В последующие годы, топа расселились на юге от Великой стены, в бывших китайских военных поселениях Юэнмэня (Шопин), на севере Шаньси и Тая (около Ючэу), т. е. в провинции Татонга, где они прочно обосновались, как мы видим, в 310 г.** Наконец, племя му-жон, относящееся к монгольской орде сяньби, создало новое царство в Ляо-туне и Ляоси, на юго-западе современной Маньчжурии.

Многие из этих тюрко-монгольских царств, основанных в Северном Китае в IV в., оказались такими же нестабильными, как первые германские княжества, возникшие в V в. на римском Западе. И все это происходило по одной и той же причине: кровавые межплеменные раздоры. Лю Цзун, завоеватель хун-ну Северного Китая, скончался в 318 г., а его наследникам удалось сохранить только северо-западную часть их государства, с Чанъаном в качестве центра. В то же время, один из его военных приближенных, другой предводитель, ненасытный до завоеваний — Шэ Лэй, создал особое княжество в районе Сьан-куо, которым является современный Шуанте на юге Хубея. В 329 году Шэ Лэй лишил власти родословную фамилию Лю Цзуна (династия Цзинь Чао или Пэй Хань) и создал новую династию хун-ну, известную под названием Поздняя Чао (Хэу Чао), которая существовала приблизительно с 330 по 350 гг. Шэ Лэй расположил свою резиденцию южнее Сьенкуо в Юэ, современном Чангте, со второй столицей в Лояне. Этот абсолютно безграмотный хунн, как свидетельствуют летописцы, испытывал удовлетворение, когда ему комментировали классические китайские тексты, что сближает его с неким Теодориком, или каким-нибудь другим германским королем *Volkerwahderrung*. Но *Volkerwahderrung* имел не меньше результатов, особенно в связи с хуннскими эпигонами. Вторым пре-

* Произношение китайского современного слова Топа, восходит к старокитайскому Так-бат (Pelliot, *Toung pao*, 1912, 732).

** О происхождении Топа, Pelliot, *Toung pao*, 1915, 689; J.A., 1925, I, 254-255, note 4; *Toung-pao*, 1925-1926, p.79 et 93.- Aussi Peter A. Boodberg, *The language of the To^pa Wei*, *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 2, July 1936, 167-185, где также даются пояснения на основе тюркских корней нескольких вариантов топа, переданных нам в китайской транскрипции.

емником Шэ Ляя (умер в 333 г.) был Шэ Ху (334—349), извращенный дикарь, которого попытался убить собственный сын. Однако сын сам был казнен. Впрочем, он был настоящим монстром, тартарским "Синей Бородой", который поджаривал самых прелестных наложниц, угощая жареным мясом своих сотрапезников.* Следует отметить нередко встречающуюся противоположность, извращение варваров при их первом контакте с цивилизацией: Шэ Ху был одним из ярых покровителей буддизма... С территориальной точки зрения этот хуннский правитель господствовал в Шеньси (за исключением Хан-чонга, части южной китайской империи), столицей которого был Чанте, на севере Хунани, Шаньси (за исключением Татонга, где правили Топа), Хубее, Шаньдуне, Хунани, и даже в северной части Ганьсу и Аньхой, где протекала река Хуанхэ.

Это обширное хуннское царство также быстро рухнуло как и возникло. После смерти Шэ Ху (349), его наследники и военачальники истребляли друг друга в междоусобице. Му-жонги, являвшиеся частью сяньбийцев, т. е. как на это было указано, на самом деле являлись монголами, создавшими свое царство в Ляотуне, воспользовались этими беспорядками, чтобы отнять у хун-ну весь Хубей (350, 352), Шаньси, и Шаньдун. Предводитель победителей — Мужун Цзиун (349—360), основал столицу в Юэне (или Ки), сегодняшней Пекин (350), затем в Юэ (Чанг Те) (357). Его династия известна под китайским именем — Ранняя Юэ — Тзинь Юэ (349—370). В 364 году его преемник занял еще и Ло-Юанг (после краткосрочного овладения городом императорскими войсками), затем северный берег реки Хуай (366). Но это господство му-жан-гов длилось еще меньше, чем предыдущие хуннские завоевания.

В 350 году офицер, по имени Пу Хон, служивший ранее Шэ Ху, правителю хун-ну, бывший, вероятно, монгольского происхождения, хотя считалось, что он из тангутов, т.е. тибетец, добился полной независимости в Шеньси, с резиденцией в Чанъани. Его династия, а все эти малозначительные тюрко-монгольские правители претендовали на создание подлинных китайских императорских родов, была известна как Ранняя Чин-Цзинь Чин (350—394). Фу Кьен (357—394), внук Пу хона, был одним из наиболее примечательных правителей тюрко-монголов; искренне воспринимая китайскую цивилизацию, он проявил себя как милосердный руководитель и как великий покровитель буддизма. Вначале он отнял Лоян (369) у Му-жонгов или Цзиень Йенов, затем —

* Wiegier, Textes historiques, II, 943.

Тайюань, и, наконец, Юэ (Чангте), столицу Му-жонгов, правителя, которого он пленил (370). Таким образом, все царство му-жонгов — Хубей, Шаньси, Шаньдун, Хунань,-перешло в правление Фу Кьена (370). Так как последний владел уже Шеньси, он оказался хозяином всего Северного Китая. В 376 г. он присоединил другое небольшое государство варваров-княжество Лэанг в Ганьсу. В 382 г. он послал своего военачальника Лю Куана на завоевание Тарима. Лю Куан подчинил себе правителей Шаньшань (Лобнор), Турфана (южное Кьюшэ) и Карашахра (Юаньки). Правитель Кучи (по-кит. По Шуан), попытавшийся оказать сопротивление, потерпел поражение и был изгнан (383). Лю Куан оккупировал Кучу, и, его возвращение, как мы уже говорили, способствовало приезду в Китай знаменитого буддийского монаха Кумарад-живы, деятельность которого, как переводчика санскритских текстов на китайский язык, оказалась весьма примечательной.

Казалось, что Фу Кьен, подчинив все варварские государства Северного Китая, был близок к завоеванию национальной китайской империи на юге, и таким образом, к объединению всей страны под своим руководством, что и было сделано восемь веков спустя другим монгольским завоевателем, великим Хубилаем. В 383 г. он действительно атаковал "Империю" на линии Хуайхо, но в верхнем течении реки он потерпел полное поражение, от которого его мощь серьезно ослабла. Один из потомков древнего клана сянь-бийцев, — му-жонг, — Чуэй, который до того времени находился у него на службе, восстал и отнял у него Хубей и Шандун, основав, таким образом, царство Поздних Юэнов (Хэу Юэ), которое существовало с 384 по 407 гг. со столицей в Чонгшане, нынешнем Тин-чэу, на юге Паотинга, в Хубее. Другой член семейства му-жонгов основал в то же время (384) царство Западного Юэна (Си Юэ) в Шаньси, но с 394 года это государство было присоединено к Хэу Юэну му-жонгом Чуэем. И, наконец, Шеньси и часть Хунани были отторгнуты у клана Фу Кьена одним из его бывших военачальников - Иао Чангом, несомненно, тибетского происхождения, который создал там династию Поздних Цзинов (Хэу Цзинь), просуществовавшую с 384 по 417 гг., со столицей в Чангане, городе, называвшемся тогда Кинчао. Добавим, что другие родовитые генералы тюрко-монгольского происхождения основали в Ганьсу два других княжества: Западных Цзиней (Си Цзинь) (385— 400 и 409-431), со столицей в Ланьчжоу (Юань-цзюань) и Поздних Лянов (Хэу Лян) (386—403). Последнее княжество было основано Лю Куаном, о котором речь шла выше.

Царство тюрков-тобгачей или топа, и монгольское ханство жуан-жуаней

Наряду со всеми этими эфемерными ордами, однодневные царства которых рушились одно за другим, укреплялось государство Тобгачей, по-кит. — Топа, которым предстояло, поглощая все остальные, создать в Северном Китае власть на долгие времена. Таким же образом франки, пережившие бургунов, визготов, ломбардов, создали на их руинах каролингскую империю, призванную вновь скрепить германское прошлое с последующей римской историей. Подобная задача консолидации стояла перед топа, так как после объединения других тюркско-монгольских государств Северного Китая, они настолько их китаизировали, что они были на грани полного слияния как народа, так и династии, с многочисленными китайцами. Точно также усердие, которое они проявили в пользу буддизма, напоминает нам рвение Меровингов и Каролингов в пользу христианства. Наконец, так как и франки были на стороне романского мира в борьбе против германских вторжений, топа поднялись вверх по течению Желтой реки, которая для них была "рейнской линией защиты" в противостоянии с монгольскими ордами, которые оставались дикими в глубине родных степных просторов.

Ясно, что топа, без сомнения, происходившие из тюркской расы, закрепились в конце III века нашей эры на крайнем севере Шаньси в регионе Татонга. Энергичный предводитель топа — Куэй (386-409) принес успех этой орде, отобрав у му-жонгов Хэу Юэна сначала Цзинь-Юанг, по нашей версии — Тайюань (396), затем - Чонгшань, то есть Тингчэу, на юге Паотинга (397), затем Юэ, называемый нами Чангте (398).^{*} Впоследствии он присвоил своему клану китайское династическое имя Вэй и закрепил за своей ордой постоянную столицу-Пингчэн (Тай) в пяти ли к востоку от Татонга. Царство "Топа Вэй", созданное таким манером, включало в себя уже Шаньси и Хубей, вплоть до Желтой реки.

Китаю периода Тюркской ской династии Топа угрожала новая волна нападений варваров — жу-жаней, или, как писали китайцы, прибегая к игре слов, по отношению к жуан-жуанам, "отвратительно копающихся насекомых". Речь, по-видимому, идет, если следо-

^{*} Царства моюнов или правителей Янь, разделенных на две части внезапной экспансией царства тоба династии Вэй. Разделение пошло на пользу двум ветвям семьи: 1. Царство Янь на самом севере Пей Янь в нынешнем Жехоле на северо-востоке Йон-Пин с центром в Лунчене, близ нынешнего Чао-янь, на современной границе Жехоля и Маньчжоуко, царства, существовавшее до 436 г.; и 2. Царство Южное Янь, Нан Янь, в Шантоне, с центром в Куан-ку, около Цзинь-чу, которое существовало с 398 по 410 гг.

вать трактовке лингвистов, о чисто монгольской орде, подобной древним сяньби, к которым их относят некоторые историки. Один из их предводителей — Шелуань, укрепил благополучие своих сородичей, присоединив в 402 г. враждебную орду Као-кю, которое располагалось в Кобдо и Урунгу, и представляло собой тюркских располгало телаш и уйгур. Жуан-жуаны господствовали тогда во всем северном Гоби, от востока, в Лзаопо на корейской границе, до запада в верхнем Прииртыше и окрестностях Карашахра. Именно с приходом правителей жуан-жуаней в первый раз появились титулы ханов и каганов, которые возможно появились на основе монгольских титулов, вместо устаревшего титула шанью, которое бытовало у хун-ну, и которое возможно тоже было тюркским титулом.*

Перед угрозой, которую представляло собой создание этой новой империи кочевников, заслугой правителей топа или взев Северного Китая стала решимость начать контрнаступление, предприняв превентивные операции против вражеских нашествий по всей территории Гоби. Топа Куэй (386—409) показал пример, одержав внушительную победу, и вынудив кагана жуан-жуаней-Шелуана отойти далеко за пределы великой излучины Желтой реки (402). Топа Сэу (409—423), продолжая защищать на севере подступы к Великой стене от жуан-жуаней, расширил владения на юге, отторгнув от китайской национальной империи юга крупный город Лююань со всей территорией Хунаня, которая зависела от империи (423). Топа Тао (423-453), ставший преемником своего отца — топа Сэу, с самого начала боролся с угрозой, которую со стороны представляли жуан-жуаны, над которыми он одержал победу (424). В 425 г. он организовал против них ответную военную операцию, в ходе которой со своей кавалерией он пересек Гоби с юга на север (каган жуан-жуаней очевидно имел резиденцию на Орхоне). Затем он направил свои войска на другое варварское царство Хиа, основанное в Шеньси кланом холиэ, относящимся к хун-ну, и захватил столицу, или верховную ставку (Тонгван около Паонгана на севере Шеньси) (427), в то время как его наместники опустошали Чанъян (426). В 431 г. холиэны были разбиты, а Шеньси был присоединен к царству Топа. В 436 г. войска Топа Тао захватили также царство Пэй Юэн (нынешний Жехоль), последнее, что оставалось от владений му-жонгов, и аннексировали его. В 439 г. Топа Тао захватил еще

* Cf. Marquart, *Historische Glossen*, 196 et Eransahr, 53 et sq. - Chavannes, *Documents sur les Tou-kiue occidentaux*, 221, 229. - Pelliot, *A propos des Comans*, J.A., 1920, I, 144, *Toung-pao*, 1915, 688 et 1920, 328. - K. Shiratori, *Khan and khagan*, *Proced. Jap. Acad.*, juin 1926.

государство Пэй Ляна в Ганьсу (взятие Кутсанга или Каньчэу). Семейство Пэй Ляна-хуннская ветвь, царствовавшая с 397 г. с родовым именем тукю, сбежала в Турфан, который она оккупировала, и где правила с 442 по 460 годы.

С аннексией страны Пэй Ляна, Топа завершили завоевание всех остальных тюрко-монгольских княжеств, созданных в Северном Китае.* Теперь оставались только: великое царство Топа, тюркского происхождения, Вэй, как называли его на китайский манер, и китайская национальная империя на юге, где Нанкин напоминает нам Византию. Известно, что Римский мир был поделен в VIII в. между франками, которые подчинили себе запад, разрушив другие варварские государства, и византийской империей, которая оставалась владыкой Востока.

Настолько впечатляющими были победы, одержанные над народами Центральной Азии, что отныне Северный Китай назывался именем Топа, которую также называли в качестве примера сами византийцы: табгач или табгхатч, на тюркском, тамгхаджи на арабском, таугаст на средневековом греческом языках.**

Объединив Северный Китай, Топа Тао предпринял крупную кавалерийскую атаку в Гоби против жуан-жуаней, устроил массовую резню (429), повторив то же самое в 443 г. В 445 г. армия Топа нанесла удар возмездия по Шаньшаню (Лобнор), который контролировал западные дороги, а в 448 году генерал топа Ван Тукуэй заставил платить дань Карашахр и Кучу. В 449 г. Топа Тао организовал третий поход, чтобы преследовать жуан-жуаней.

Топа Тао был самой выдающейся личностью, выходцем из этой энергичной тюркской династии, защищавший с таким героизмом древнюю китайскую цивилизацию от себе подобных сородичей, которые продолжали вести кочевой образ жизни. Будучи исключительно храбрым, он сумел навязать жуан-жуанам полезный террор, так, что те не пренебрегали нападениями на границы страны, которой правили китайские династии, уже потерявши былую силу. Таким образом, он положил конец бесконечным вторжениям, подобно Кло-вису в "Толбиаке", осуществившему то же самое для Галлии. Глубоко впитавший в себя китайскую культуру, он, тем не менее не растворился в этой среде и не оторвался от тюркских корней. Вот поэтому он отказался покинуть свои стоянки в Пингчэнге вблизи Та-тонга на северном краю Шаньси, у степных просторов и не переехал в исторические столицы древнего Китая — Лоян и Чанъань, поко-

* За исключением царства Нан Янь в Шаттоне, остатков государства моюнов, которое было аннексировано в 410 г. южной китайской империей. ** Pelliot, *Toung pao*, 1912, 792.

ренные его армией. Он сохранил варварский и вместе с тем, благоразумный обычай тюрко-монголов, по которому до того, как будет приведен на трон властитель Топа, его мать должна быть умерщвлена, чтобы избежать амбиций, притязаний, злобы вдовствующей дамы. Напрасно напоминать, что с подобным мышлением он проявил к буддизму глубокую неприязнь, в которой сошлись его чувства воина варвара с даоистской враждебностью его окружения. В 438 г. он распорядился провести секуляризацию буддистских монахов, а в 446 г. он дал указание, настоящий эдикт по преследованию последних.

Это гонение, впрочем, прекратилось при его внуке топа Сионе, который пришел ему на смену после дворцового переворота (452—465). Об этом правлении свидетельствуют весьма значительные скульптуры, найденные в буддистских пещерах Юканга неподалеку от Татонга, датированные между 414 и 520 гг., которые обеспечили известность искусству династии Вэй.*

Рвение религиозного чувства, которое их вдохновило, отразило греко — буддийское влияние, перенесенное Гандхаром до караванных путей Тарима, придают этим творениям такой мистицизм, что в них можно обнаружить прообраз романо-готической скульптуры. Без сомнения, даже чисто китайские династии, возможно, были перегружены национальными предрассудками и элементами конфуцианского классицизма, что подтолкнуло поддаться безмерно влиянию мистических уроков Индии: буддистская скульптура современных имперских династий в Нанкине, и даже в Лэанге, далека от того, чтобы ее отличало такое рвение. Именно варварам топа, этим франкам Дальнего Востока принадлежит привилегия того, что Юнкан, а затем Лонг-мэн создали нечто подобное нашему Шартру и нашему Реймсу, и это, возможно, одно из неожиданных последствий завоевания древнего Китая кочевниками степей. А что еще бросается в глаза: Великие нашествия V в. на Западе, во время, когда общество, созданное варварами, оказалось христианизированным, способствовало, после стольких веков обскурантизма, расцвету средневековой эпохи. Великие нашествия IV в. на Дальнем Востоке еще раньше дали аналогичный результат, так как уже в течение одного века Китай династии Вэй был подвержен в достаточной степени влиянию буддистской религии, о чем говорят великолепные скульптуры Юканга и Лонгмуна.

Еще в течение некоторого времени китаизация и принятие буддизма топа не погасили в них тюркского пыла. При царствовании топа Сиюня (452-464), племена топа захватили оазис Хами (456) и

* Cf. Demieville, L inscription de Yun-kang, BEFEO, 1925,3-4,449.

совершили нападение на жуан-жуаней в Гоби (458). Со своей стороны, действительно, жуан-жуаны заняли Турфан, лишили трона династию Тукю, и поставили у власти вассальную родовую династию (460). При топа Хоне (465—471) топа захватили у национальной китайской империи Юга в 466 г. — Пэнгчэнг (Синчау в Гань-су), в 467 г. — бассейн Хуайхо, в 469 г. — Шаньдун. В 470 г. топа покарали туюхуанов, орду, восходящую к сяньби, т. е. к монголам, проживавшим с начала века в районе Кукунора.

Что касается религиозной принадлежности, Топа Хон был настолько набожным буддистом, что в 471 г. чтобы стать монахом он отрекся от престола в пользу своего сына, назовем его Топа II (471—499).* Тот, повзрослев, проявил такое же почтение к буддизму, под влиянием которого он придал гуманные черты всей системе законодательства. Он завершил китаизацию топа, перенесся в 494 г. свою столицу из Пингчэнга (в Жехоле) в Лоян,** и это именно в тот период под его контролем началось обустройство знаменитых склепов Лонг-мэна, на юге от Лояна, скульптуры которых восходят к 494—759 гг. Однако, освоив полностью китайскую культуру и буддистскую веру, топа лишились выдающихся военных качеств их тюркских предков. Все их попытки, направленные на завершение объединения Китая под своим началом, и расширение далеко на юг, провалились. Правитель Топа Киао (499—515) приложил последние усилия, но его генералы не смогли форсировать линию Хуайхо, которая явилась границей двух империй и за которой имперская крепость Ченгли (Фе-ньян в Анвэе) оказывала сопротивление всякому нападению (507).

После смерти Топа Киао его вдова правительница Ху управляла царством топа с 515 по 528 годы. Эта наследница древних тоб-гачей стала последней выдающейся личностью династии, в которой еще ощущалось тюркское влияние. Будучи наделенной необычной энергией, и в некоторых случаях проявлявшей чрезмерную жестокость, она стремилась властвовать. Вместе с тем она являлась покровительницей буддизма. При ней были облагорожены святилища Лонгмэна, она распорядилась послать с миссией на северо-запад Индии буддийского паломника Сон Юна, который оставил нам любопытные описания положения Центральной Азии того периода. Сон Юн пересек Шаньшань (Лобнор), Хотан,

* Сделано для удобства повествования. Фактически если два написания Хон у отца и сына имели по-франц. аналогичное произношение, то в кит. графике они совершенно отличаются.

**Ло-уань иногда обозначаются в византийской и сирийской географии как Тугаст, от того же имени, что Тобгач или То-па.

Памир, и, как мы увидим далее, посетил Бадахшан, где правил хан хуннов-эфталитов. Затем он продолжил путь в Уддиану и Гандхару (ранний Кабул), откуда он доставил своей правительнице буддистские документы, представлявшие для нее интерес (518—521).*

Племена топа были к этому времени слишком китаизированы, чтобы не совершать больше дворцовых переворотов, забыть семейные дрязги и междоусобные войны. В 534 году они разделились на две ветви: на Восточную Вэй (Тун Вэй), к которой отошли Хубей, Шаньси, Шаньдун, и Хунань с нынешним Чангте, служившей столицей (534—550) и на Западную Вэй (Си Вэй), которой достались Шеньси и Ганьсу со столицей Чанъань (534—557). Правители и тех и других были впоследствии свергнуты своими министрами. Таким образом, в Чангте, вместо династии Восточная Вэй воцарилась династия Пэй Ци (550—577), а в Чанъани, на смену династии Западная Вэй пришла династия Пэй Чэу (557—581). Но эти правящие семейства, полностью китаизированные, уже не имели отношение к истории степей. Напротив, следует отметить, что тот образ жизни, при котором тюркский дух особенно ощущался у первых правителей табгачей, мало помалу уходил, исчезал, растворяясь в китайской обыденности. Вечно повторяющаяся история, за которой мы наблюдаем в течение веков, на примере киданей, джурджитов, чингизханидов, Маньчжуров. Добавим только, что как это случилось с Чингиз-ханидами, а еще раньше с халхами, влияние буддизма сыграло большую роль в том, что топа растеряли черты былой мужественности. Эти грубые солдафоны, которые ощутили божественное ниспослание бодхисатвы, стали настолько чувствительны к человеколюбивым проповедям "чрама-ны", что в результате они предали забвению не только их врожденный боевой дух, но даже забыли о предосторожности и самозащите.

Последний период развития культуры Минусинска

Оставим этих полностью китаизированных тюрков на их усмотрение и вернемся к ордам, еще продолжавшим кочевой образ жизни в степях Верхней Азии. У нас уже была возможность, когда мы затрагивали вопрос о топа, говорить об орде, видимо, монгольского происхождения, жуан-жуанах, которые господствовали в V в. и первой половине VI в. во Внешней Монголии. То, что мы знаем об их политической истории известно благодаря китайской хроники династий Вэй и Сю. Чтобы как-то конкретно высказаться

* Cf. Chavannes, *Le voyage de Song Yun dans l'Udyana et le Gandhara*, BEFEO, 1903, 379.

об их цивилизации, следовало бы дожидаться результатов планомерных раскопок, которые были бы осуществлены в тех местах. Ограничимся тем, что укажем на отдаленную северозападную часть этой территории, где мы увидели к этому периоду новую культуру, которая расцвела на Енисее, в Сибири, в пределах Минусинска. Данная культура, называемая культурой "кочевых всадников", оставила нам украшения, поясные пряжки, бронзовые застежки и накладки, лошадиные удила, стремяна, ножи, кинжалы, сабли, пики, седла и так далее, широко представленные в наши дни в музее Минусинска, а также в Хельсинки (коллекция Товостина).*

Эта культура, по-видимому, была современной эпохе жуан-жуаней, и продолжалась еще долго после них. Так, в деревне Тиутча она встречается одновременно с китайскими монетами начала эпохи Тан (VII) и, вероятно, заканчивается в IX в. Она представляет для нас особый интерес потому что, как об этом говорил Нандор Феттиш, она имела потрясающие аналогии с аварской культурой Венгрии VI—VIII вв., как и впрочем с так называемой Лебединской протовенгерской культурой IX в.**

Даже если это не служит весомым аргументом, чтобы рассматривать жуан-жуаней как прямых предков европейских аваров, то это, во всяком случае, является доказательством того, что и те, и другие находились в орбите одного и того же культурного ареала.

Вслед за жуан-жуанами следует поговорить о родственной орде эфталитов, которые господствовали в ту эпоху в Западном Туркестане.

Гунны — эфталиты

Гунны-эфталиты являлись тюрко-монгольской ордой, и скорее, они были монголами, нежели тюрками,*** выходцами, как об этом свидетельствует Сюнь Юн, с предгорий Киньшаня, т. е. Алтая, пришедшие затем в степи нынешнего русского Туркестана. Византий-

* Cf. Tallgren, Collection Tovostine, Helsingfors, 1917. К основным месторасположениям находок по искусству Минусинска в ту эпоху относятся деревни Анаш, Айошка, Ойская, Бискар, Городческая, Луговское, Мальий-Терек, Протошилово, берега р. Аскис, деревня Тиутча на правом берегу р. Ка-зыр и абаканские степи. Военные снаряжения подобного стиля были обнаружены в русской части Восточной Монголии на юге от Байкала в Бичуре около Верхнеудинска, в Селенжинске и Троицке. Cf. N. Fettich Die Reitenoma-denkultur von Minussinsk, dans Metallkunst der Landnehmenden Ungarn. Archaeologia Ungarica, V.1935, 202.

** Fettich, Ibid., 205.

*** Marquart, Ueber das Volkstum der Komanen, in Ostturkische Dialektstudien, Abh. Akad. Wiss. Göttingen 1920 et Pelliot, A propos des Comans, J. A. 1920, I, 140.

ские историки называют их эфталитами, персидский исследователь Мирхонд дает им наименование хайателиты. У китайских летописцев это наименование пишется как ие-тай, что, по-видимому, связано с царским кланом эфта или юэ-тай.*

Византийские летописцы называли их Белыми гуннами, что само по себе является искажением.

В начале V в. нашей эры эфталиты были еще только второстепенной ордой, вассалом крупной орды (также монгольской) — жуан жуаней, которая, как мы это видели, правила в Монголии. Во второй четверти V в., те же эфталиты достигли значительного влияния, продвинувшись далее к западу. Их господство на востоке начиналось от верховьев Юлдуза (северо-запад Карашахра), продолжилось в бассейне реки Или вплоть до Балхаша, степей Чу и Таласа, далее на регион Сырдарьи до Арала. По некоторым источникам, одна из резиденций хана находилась недалеко от города Таласа, нынешнего Аулие-ата. К 440 году они к тому же захватили Согдиану или Трансоксиану (Самарканд) и, по-видимому, Балх, Бактрию или Тохаристан.

Многие востоковеды, в частности Ноельдеке, считают, что эфталиты обосновались, таким образом, и в Бактрии в эпоху правления персидского царя Бахрама Гора (420—438). Они, вероятно, захватили сасанидскую провинцию Хорасан, откуда Бахрам Гор, возможно, отгеснил их в результате битвы в Кузмехане под Мер-вом. Маркварт же, напротив, считает, что Бахрам Гор, а затем и его преемник — Йездегерт II (438—457) вели битвы не против эф-талитов, а сражались против армии хионитов, другого хуннско-го племени, кочевавшего на севере от Мерва.** Что бы там ни было, именно эфталиты в период правления сасанидского правителя Пероза (459—484) вторглись в Хорасан, и, в конце концов, одержав победу, казнили этого монарха. Предводитель эф-галитов, под чьим началом была одержана победа, был известен арабо-персидским историкам под именем Ахшунвар или Ахшун-ваз, по-видимому, искаженное название согдианского титула "хшеван", или "правитель".***

Победив царя Пероза, гунны-эфталиты заняли не только пограничный район Талекана (Западный Талекан, между Балхом и Мер-

* Pei-che, Leang-chou et Tang-chou, in Chavannes, Tou-kiue occidentaux, 223. Cf. Albert Herrmann, Die Hephtaliten und ihre Beziehungen zu China, Asia Major, II, 3-4, 1925, 564-580.

** Noeldeke, Ktudes historiques sur la Perse ancienne, 161, 163. Marquart, Eranschahr, 57. Christensen, L'Iran sous les Sassanides (1936), 284.

***F. W. K. Muller, Soghdische Texte, 1, 108.

вом). Они дошли до приграничного города Сасанидской империи на северо-востоке, а также до Мерва и Герата.*

Кроме того, они в качестве покровителей вмешивались в дворцовые интриги Сасанидской династии Персии. Именно таким образом сасанид Кавад, изгнанный с престола Ктэзифона, нашел у них прибежище, женился на племяннице хана и получил от последнего армию, благодаря которой он вновь вернул себе корону (498 или 499). Эфталиты были в то время грозной силой в Средней Азии. Лян-шу пишет о посольстве, направленном в 516 г. их правителем к китайскому двору, в Нанкине правителем "Юэтайилито".

Несмотря на поражение царя Пероза, сасанидская Персия организовала достаточно мощную оборону для того, чтобы эфталиты не осмелились захватить эту страну. Они повернули в сторону юго-востока, в сторону Кабула. Там первым ответом на их приближение было то, что кушанские правители были смещены в середине V в. К власти пришло другое племя того же происхождения, юэчжи или тохары, родом из Бактрии. Иранские источники говорят нам о том, что в действительности в это время, после того как воцарилась "ки-даритская" династия, на юге от Окса, между Балхом и Мервом,** она вступила в борьбу против сасанидов. По тем же источникам, сасанид Пероз (459—484), — тот, кто погиб позже под натиском эфталитов, ранее боролся с кидаристскими правителями. Сначала он воевал против героя, носившего имя Кидара, затем против Кунка-са, сына Кидары. После поражения от Пероза, Кункас, по-видимому, покинул Бактрию, которая тут же была оккупирована эфталитами. Кункас же перешел Гиндукуш и эмигрировал в Кабул, где он заменил последних кушанских правителей.***

Эти сведения подтверждаются китайскими историками, но с опережением в несколько лет, что изменяет причину событий. Китайские источники, сведения которых относятся к 436-451 годам, сообщают, что "правитель Юэчжи" из "Поло", т. е., в данном случае, без всякого сомнения, из Балхской Тухары, под нажимом эфталитов, покинул Бактрию и эмигрировал в Гандхару, где он обосновался в Пешаваре, подчинив себе своих кузенов, юэчжи Кабула, т. е. последних кушанских правителей. Китайцы называли этого правителя Китоло, что соответствует нашему варианту Кидара.****

* Marquart, Eranschahr, p.60-63 et Christensen. op. cit.,289.

** Локализация по Кристиансену (по согласованию с Маркартом), L'Iran sous les Sassanides, carte in fine.

*** Marquart, Eranschahr, 55-57. Christensen, op. cit.,287-288.

**** Pelliot, Tokharien et koutchJen, J.A., 1934. I,42.Chavannes, Toung pao, 1907, 188.

По-видимому, именно под давлением эфталитов, а не сасанидов, кидариты ушли из Бактрии, чтобы найти убежище в Кабуле. Но вскоре за ними последовали эфталиты, которые не замедлили пересечь Гиндукуш в погоне за ними. Вся прежняя территория юэчжи — Бактрия, Кабул и Кандагар — перешла в руки эфталитов. Более того, из верхней части долины Кабула передовые отряды эфталитов, как когда-то это сделали кушаны, ринулись на завоевание Индии.

Большая часть Индии — весь бассейн реки Ганга, Мальва, Гуджарат и север Декана — составила обширную империю, руководимую великой национальной династией императоров Гупта, достигшей своего расцвета в эпоху правления Кумарагупты (414—455), которому на смену пришел его сын Скандагупта (455—470). Именно в последние годы правления Кумарагупты, или же в начале царствования Скандагупты, хунны-эфталиты, известные индусам в санскритской транскрипции — хуна, завоевав Кабул, спустились в Пенджаб и оказались у границ империи Гупта, со стороны Доаба или Мальвы. На этот раз они были отброшены Скандагуп-той, вероятно, в начале его правления в качестве императора, либо раньше, когда он еще оставался наследным принцем.* Согласно этой версии, правление Скандагупты началось в период, когда наступило второе вторжение хун-ну, которое было вновь остановлено. После этого, по данным 460 г., в стране воцарилось спокойствие.

Тем временем, эфталиты прочно осели с двух сторон Гиндукуша, в Бактрии и Кабуле. Их хан, в 520 г., в период паломнической миссии Сюнь Юна, находился на севере Гиндукуша, перекочевывая в горы в зависимости от сезона, из Бактрии, где он проводил зиму, в Бадахшан, где у него находилась летняя резиденция. В Кабуле, в древних греко-буддийских провинциях Капичи и Гандхары, обосновался второстепенный эфталитский предводитель — тегин, где он заложил начало династии, и от имени которой он правил, начиная с 520 г. В этих условиях развитой культуры Гандхары, где древнегреческая культура и буддизм совместно заложили основы новой Эллады и новой буддистской Святой Земли, эфталиты показали себя варварами, уничтожая население, намеренно преследуя буддистские общины, разрушая монастыри и произведения искусства, приводя в упадок прекрасную греко-буддистскую цивилизацию, насчитывавшую около пяти веков. Как персидские,** так и китайские тексты солидарны, указывая на тиранию и вандализм этой орды.

* Не совсем четкие источники, которые стали темой дискуссии. Cf. La Vallée Poussin, *Dynasties et histoire de l'Inde*, 52-54. ** Tabari, trad. Zotenberg, II, 131.

Пэй-шэ и повествование Сюнь Юна, который, как мы уже видели, посетил их правителя в 520 году в его летней резиденции в Ба-дахшане, а затем нанес визит тегину Гандхары, описывают этих хун-ну как истинных кочевников:* «Они не проживают в городах; резиденции их правителей связаны с кочующим лагерем. Их жилища сделаны из войлока. Они постоянно перемещаются в поисках водопоя и пастбищ, уходя в жаркое время в прохладные места, а зимой проживают в землях с умеренным климатом. Их правитель приказывает возводить для него огромный войлочный шатер, представляющий сорокафутовый четырехугольник; перегородки обтянуты шерстяными коврами. На предводителя — шелковая одежда с орнаментом. Он восседает на золотом троне, ножки которого напоминают четыре золотых феникса. Его старшая жена также носит шелковую одежду, с орнаментом, полы которой стелются по земле и имеют длину в три фута. На ее голове — длинный восьмидюймовый рогообразный убор с украшениями из драгоценных пяти-цветных камней». Сюнь Юн указывает также на то, что у эфталитов существовал обычай полиандрии среди братьев. Он отмечает их враждебное отношение к буддизму. "Они отрицают полностью буддистскую веру и поклоняются многим божествам. Они посягают на жизнь живых существ и едят мясо с кровью". По свидетельству Сюаньцзана, эфталиты вырезали в Гандхаре две трети жителей, остальных превратили в рабов, разрушили большую часть буддистских ступ и монастырей.**

Обосновавшись в Кабуле, эфталиты жаждали овладеть богатствами Индии. Как мы уже отмечали, потерпев поражение от индийского императора Скандагупты, они выжидали удобного случая, который им представился вскоре после кончины индийского правителя (470). Индийская империя пришла в упадок из-за раздела страны между ветвями династии Гупты. Так, в Мальве правили Буддхагупта (476—494) и Бханугупта (499-543), в Бехаре и Бенгалии правили Пу-рагупта и Нарасимхагупта. В связи с ослаблением гуптской мощи, хуннские кочевники возобновили свои нападения на Индию. Хун-нский предводитель, который повел их на Индию, известен в индийских источниках как Торамана (умер в 502 г.). Он не являлся ханом эфталитов, который, как мы знаем, проживал на севере Гин-дукуша, в Бактрии и в Бадахшане, а был последующим принцем или тегинном, вероятно, тегинном Кабула. Три ссылки на его правление, найденные в Куре в Селт Ранже (северо-запад Пенджаба), в Гвалиоре и Эроне, доказывают, что он завоевал не только бассейн

* Song Yun, trad. Chavannes, BEFEO, 1903, 402, 417. **
Cf. Foucher, Art gr.Jco-bouddhique, II, II, 589.

Инда, но также Мальву. Его монеты копируют монеты индийского императора Буддагупты (476—494), который был его современником.*

Михиракула, сын и преемник Торамана-он нам известен благодаря его хвалебному индийскому прозвищу "солнечная раса" на классическом санскрите и, который стоял во главе орды, между, примерно 502 и 530 годами, был настоящим индийским Аттилой. Он основал свою резиденцию в Чакале (Сиалкот) в Восточном Пенджабе. Вне всякого сомнения, что именно тегин Гандхары встретил в 520 году китайского паломника Сюнь Юна, завоевал Кашмир, после чего вернулся в Гандхару, чтобы устроить там ужасную резню. Буддистские летописцы описывают его, ко всему прочему, как грозного гонителя их религии. Сюаньцзань говорит, что только гуптский предводитель Магадхи или Бехара (возможно, тот же самый, что и Нарасимхагупта, о котором мы упоминали выше), по имени Баладит, осмелился выступить против него. Михиракула проник тогда в гангский регион Индии в поисках своего врага. Баладит вначале отступил, затем неожиданно напал и взял его в плен. Это повествование стало назидательной историей. С другой стороны, надписи Эрана в Мальве, относящиеся к 510 г., в которых говорится о победах другого гуптского принца Бханугупты, наводят на мысль, что речь шла, возможно, о победах, одержанных над эфталитскими завоевателями. Наконец, в 533 г., третий индусский принц Йачодхар-ман, которого относят к династии мандасорских раджей в Мальве, бахвалится в этих надписях о победе над хуннами, и о том, что заставил Михиракулу подчиниться себе.** После этих неудач Михиракула скрылся в Кашмире, где применил к жителям Гандхары, по неизвестным для нас причинам, меры ужасного возмездия, о котором рассказали китайские паломники. Буддистские тексты говорят о наказании в виде страшной смерти за его преступные злодеяния.

Нам неизвестно, что стало с племенами гуннов, осевшими в Пенджабе, после ухода Михиракулы. Должно быть они еще представляли угрозу для своих соседей, так как, во второй половине VI в., мы видим как махараджа Тхансвара *** Прабхакара (умер в 605 г.), достиг славы и получил возможность одержать над ними

* Касательно нумизматики у эфталитов, Junkler, Die heptalitischen Münzinschriften, Sitz.preuss. Akad., 1930, 64. Morgan, Num.or., 1936, 446-457.

** Дискуссию по текстам: La Vallée Poussin, Dynasties et histoire de l'Inde, 62-66.

*** На северо-западе Дели. Царство Танешвара или Танесара (на санскрите Шанвишвара) обязано своим расцветом приграничным форпостам, которые сыграли свою роль для защиты страны Ганги от нашествий гуннов.

победу. В 605 году его старший сын Радживарадхана воевал против них; затем, его преемник, великий индусский император Хар-ша Чиладитиа (606—647), был, в свою очередь, воспет поэтами за победы, одержанные им над теми же хуннами. Однако, начиная со второй половины VII в. хунны Индии исчезли с исторической сцены. Их разрозненные группы были или уничтожены, или ассимилированы населением Пенджаба. Некоторым из племен, без сомнения, удалось внедриться в индусскую аристократию. Например, племени "раджипутов" Гурджары, которое имеет то же самое происхождение.

Гунны в Европе: Агтила

Мы потеряли след западных хун-ну, начиная с 35 г. до нашей эры, даты, когда инакомыслящий шаньюю Чэчэ, увлекший за собой часть хуннских племен Верхней Монголии в северные степи Арала и Балхаша был настигнут и казнен китайской экспедиционной армией. Оставшиеся в живых племена, которые последовали за ним, вынуждены были осесть там на века. Они не имели по соседству какого-либо крупного цивилизованного народа, который мог бы оставить упоминания об их действиях, нравах и обычаях. Поэтому у нас нет никаких сведений об их истории. Лишь с IV в. н. э. мы вновь получаем сведения о них, в связи с их прибытием в Европу, вызвавшим их контакты с Римским миром.*

Русские степи на севере от Черного моря, как мы уже знаем, были захвачены с III века до нашей эры, сарматами, сменившими скифов. Сарматы, как и скифы, принадлежали к северному ответвлению иранской расы. Подавляющая часть сарматского народа вела кочевой образ жизни между нижним Поволжьем и Днестром. Некоторые сарматские племена вели обособленный образ жизни, такие, как аланы, кочевавшие в регионе Терека, вплоть до Кубани; роксоланы, которые начиная с 62 г. н. э., расселились на западе нижнего Придонья; йазижи, которые, начиная с 50 года новой эры, обосновались в долине между Тисой и Дунаем, меж-

* Может тюркология могла бы нам предоставить несколько свидетельств о разделении в далеком прошлом гуннов Азии и гуннов Европы. Согласно Н. Поппе, современные чуваша, которые проживают в регионе между Самарой и Казанью на Волге, были потомками западных гуннов. Чувашский язык имеет свои специфические особенности, отличающие его от других тюркских языков. Разделение чувашского языка от других тюркских языков состоялось, по-видимому, по мнению Н. Поппе и Бартольда, к началу христианской эры. Cf. N. Poppe, *Asia Major*, I, 775 et *Ungarische Jahrbucher*, VII, 151, et Barthold, *Turks in Enc. Isl.* 948.

ду Дакией и римской провинцией Паннонией, в самом центре современной Венгрии.* Сарматы были отделены от Римской империи, даже после того, как Траян присоединил Дакию (106) — с помощью бастарнаев, или восточных германцев, которые, начиная с 200 г. до нашей эры, спустились по Днестру до самого устья, вдоль северного склона Карпат, что послужило созданию первого известного германского "Дранг нах Остен". К 200 г. нашей эры происходит новое нашествие германцев, пришедших с нижнего течения Вистюла, готов, вышедших из Швеции. Они стали оспаривать у сарматов долины Южной России. В 230 г. готы достигли границ этой миграции и напали на римский город Олбию на Черном море.

Южная Россия была поделена между готами, на западе нижего Приднепровья и сарматскими народами (аланами и другими), на востоке этой реки, в то время как Крым продолжал оставаться вассалом греко-римской империи цезарей. Сами же готы, как известно, были поделены между остроготами в нижнем течении Дона и в нижнем Приднепровье, и визиготами, занимавшими территорию от нижнего Приднепровья до Дуная. Гепиды, третье готское племя, заняло Дакию, оставленную императором Аврелианом в 270 г. Это период возникновения готических некрополей Черни-якова на юге от Киева и Николаевки у Херсона, в нижнем Придо-нье (III в.). Это также период, относящийся к созданию сарматами погребальных курганов Кубани (Тифлисская, Воздвиженская, Армавир, Ярославская), где были обнаружены золотые пластины и фибулы, характерные для искусства сарматов. На севере, в лесных зонах Восточной и Центральной России, где, без сомнения, проживали финно-угорские народности, влияние сарматов ощущалось в культуре Пянобора около Казани (100—200 или 400), наследницы местной культуры Ананино, в то время как далее на запад калужская группа памятников представила фибулы германо-римского характера (III—IV в.). Так обстояло дело в Южной России во время нашествия гуннов.

* Что касается аланов, которые нас особенно интересуют, потому что под названием Азод мы их видим в чингизханидской монгольской истории, cf. Tomaschek, Alani, in Real-Enkyklop, de Pauly-Wissowa; Barthold, Allan, Enc. Isl., I, 315 et Minorsky, The Alan, in Hudud al-Alam, 444. Макс Эберт пишет: "К концу II в. до нашей эры, аланы кочевали еще в арало-каспийских степях. Оттуда они двинулись к Дону. В эпоху Страбона они находились между Каспием и Доном, откуда они пошли грабить парфянский Азербайджан". Max Ebert, Sud-Russland im Altertum, 375. Cf. Marquart, Osteuropaische uni! Ostasiatische Strefzuge, Leipzig 1903, 164 et sq.

По каким причинам исторические гунны, потомки западных хун-ну, ушли из степей Приаралья для того, чтобы достигнуть Европы? Нам это неизвестно. В 374 г., согласно Иордану, под предводительством Баламира или Баламбера, они перешли Волгу в нижнем течении, переправились через Дон, напали на аланов Терека и Кубани, и подчинили их. Затем они двинулись в западную часть течения Днепра, напали на остроготов и свергли старого короля Эраманарика, который от отчаяния покончил жизнь самоубийством. В свою очередь, Витимер, преемник Эраманарика был повержен и казнен. Многие остроготы перешли в подчинение гуннов, в то время как визиготы, под натиском врага, переправились через Дунай и проникли на территорию Римской империи (376). Что же касается аланов Кубани и Терека, большая часть из них была вынуждена временно подчиниться гуннам. Эта часть оставалась в стране, где, как мы знаем, они приняли в X веке византийское христианство. Они являлись предками современных осетин. Другие же аланы ушли на запад и вместе с западными германцами приняли участие в великих нашествиях: некоторые из этих племен остались в Галлии, в нижнем течении Луары,* остальные аланы отправились в Испанию, смешались с суэвами Галисии, или совместно с визиготами дали рождение смешанной расе, от которой, возможно, получила название "гото-аланская" страна, или Каталония (?).

Аммьен Марселен и Иордан описали чувство ужаса, которое было вызвано вторжением гуннов в романо-германский мир. Аммьен пишет: "Гунны превосходили все мыслимое по своей беспощадности и варварству. Они испещрили щеки своих детей шрамами, чтобы не росли борода и усы. Они были коренасты, с огромными верхними конечностями и невероятно крупными головами, что придавало им чудовищный вид. Жили они, впрочем, наподобие животных. Они не подвергали тепловой обработке пищу и обходились без приправ, питались дикими кореньями и употребляли в пищу мясо умерщвленных животных, которое у них было приторочено к седлам. Они не знали, что такое плуг, постоянное место жительства, дом или жилое строение. Вечные кочевники, они привыкли с самых малых лет к холоду, голоду и жажде. Бесчисленные стада животных сопровождали их в походах. Эти же животные тащили тяжелые повозки, где находились их семьи. На этих повозках женщины занимались прядением, шили одежду, ро-

* Cf. L.Franchet, Une colonie scytho-alaine en Orleanais au V siecle. Les bronzes caucasiens du Vendomois, Revue scientifique. 8 et 22 fevrier 1930.

жали детей и воспитывали их до брачного возраста. Если у этих людей спросили бы, откуда они, где родились, они не смогли бы ответить на эти вопросы. Их одежда состоит из льняной туники и широкополых плащей, сшитых из кожи грызунов. Темного цвета туники буквально прели на их телах. Они меняли одежду только тогда, когда она уже не держалась на них. Головной убор с отворотом назад, козы шкуры, обмотанные вокруг волосатых ног, дополняют эту картину. Их обувь, сделанная без мерки и какой-либо формы, не позволяла им ходить пешком; поэтому они были не способны воевать в качестве пехотинцев, тогда как, взгромоздившись на лошадь, они выглядели, словно приросшие к безобразным низкорослым лошадям, но выносливым и быстрым, подобно молнии. Они проводили свою жизнь на лошади, то верхом, то, устроившись сбоку на лошади, подобно тому, как делают женщины наездницы. Они обсуждают дела, сидя на лошади, совершают торговые сделки, едят и пьют, даже спят, облокотившись на лошадиную сбрую. При сражениях они наваливаются на своих противников, издавая истошные вопли. Столкнувшись с сопротивлением, они отходят враспынную, но тут же возвращаются, вонзаясь и опрокидывая все, что встречается им на пути. Однако они не знают, как преодолеть усиленное препятствие, или атаковать укрепленный лагерь. Но ничто не сравнимо с той ловкостью, с которой они бросают копья с очень внушительного расстояния, и пускают стрелы, снабженные костяными наконечниками, такими же прочными и смертельными, как и наконечники железные".*

Сидуан Аполлинарий считает, что физический тип лица гунна связан с намеренным его обезображиванием в детские годы. Он повествует о них, не смягчая ужасный вид сплюснутых носов ("бесформенный и плоский нарост"), с выдающимися вперед скулами, с глубоко западающими в орбиту глазами ("эти глаза обладают проникающим взглядом, который охватывает самые отдаленные цели"), орлиным взором кочевника, привыкшего обозревать нескончаемые пространства, различать стада оленей или диких лошадей до самого края горизонта степей. Этому же автору принадлежит замечательная строфа, которая дает прекрасное описание вечного всадника степей:

* Ammien Marcellin, XXXI.2. « Вооруженные огромными луками и длинными стрелами, - говорит также Сидуан Апполинер, - гунны никогда не промахивались мимо цели; несчастье падало на того, на кого были направлены их стрелы, так как они несли верную гибель!»

«Роста среднего когда гунн спешивается,
Но велик, когда он — на коне!»

Небезынтересно сравнить этот портрет с тем, который нам оставили о хун-ну китайские летописцы: типаж и обычаи — все идентично. Кроме того, этот портрет аналогичен тому, что нам говорят о монголах XIII в., как их описывали в Китае и христианском мире. Гунн, тюрк или монгол, человек степи, с огромной головой, с мощным торсом, коротконогий кочевник, постоянно сидящий верхом на лошади, "лучник-наездник" Верхней Азии, рыскающий у границ цивилизованного мира, нисколько не изменился за пятнадцативековый период нашествий на цивилизации оседлых народов.

Поражение аланов и остроготов, и уход визиготов, сделали гуннов хозяевами всей зоны долин, от Урала до Карпат. От карпатских перевалов или долин Валахии, они дошли до венгерских просторов, где подчинили себе гепидов, и ушли далее на левый берег Дуная (405—406). Вероятно, в тот период они были разделены на три орды с тремя предводителями, тремя братьями: Руасом, Руга-сом или Ружилой, Мундзуком или Мундиухом, и Октаром, которые к 425 г. правили совместно. В 434 г. этими ордами правили два сына Мундзука, Бледа и Аттила, из которых остался Аттила, очень быстро устранивший своего брата.

С этого времени начались завоевания Аттилы. В 441 г. он объявил войну Восточной Империи, пересек Дунай, дошел до сербской Моравии, захватил Найсу (Ниш), разграбил Филипполь, опустошил Фракию вплоть до Акадиополя (Люлэ-Бургас), который подверг разорению. В период затишья, в 448 г., Империя уступила ему территорию от современного Белграда до Шисто-ва, на юге Дуная до верховьев Ниши.

В январе—феврале 451 г. Аттила, сосредоточив свою армию в венгерской долине, двинулся на Галлию, присоединяя к себе по пути германцев правого берега Рейна. Перейдя Рейн, он напал на ту часть Галии, которая подчинялась Риму, и которой руководил римский патриций Аэций. 7 апреля Аттила сжег Metz, и взял в осаду Орлеан. Четырнадцатого июня город был освобожден римской армией под началом Аэция, и армией визиготов под командованием короля Теодорика. Аттила отступил в направлении Труи. На западе от Труи, в Кампусе Морикусе, он был остановлен римлянами и визиготами в тяжелом сражении, которое, однако, не спасло Запад (конец июня 451 г.).

После этого поражения Атиллы отступил, уйдя к Дунаю, где и провел зиму. Весной 452 г. он вступил в Италию, но задержался с осадой Аквелии, которую все-таки покорил и уничтожил. Затем он взял Милан, Павию и объявил о решении идти на Рим, откуда император Валентиниан III поспешил сбежать. Однако вместо того, чтобы пойти на столицу мира, он поддался увещаниям римского епископа — святого Леона Великого, который пообещал ему выплачивать подати и предложил руку Гонории, дочери Цезаря (шестого июля 452 г.). На этот раз он вернулся в Паннонию, где и умер в 453 г.

Готский историк Иордан оставил нам впечатляющий портрет Атиллы. Он был типичным гунном: невысокого роста, с широкой грудью, с большой головой, маленькими и глубоко сидящими глазами, с приплюснутым носом, со смуглым, почти темного цвета, лицом, с жиденькой бородкой. Он был ужасен в гневе, умело использовал свой свирепый вид, который был для него политическим инструментом. В нем мы обнаруживаем почти такой же уровень расчета и хитрости, на который указывали китайские историки, когда говорили о хуннских завоевателях шести династий в Китае. Его речи, полные расчетливой патетики, его завуалированные угрозы, являлись далеко идущими планами, так же как и его систематические разрушения являлись глубоко продуманными (Аквелия, разрушенная им, больше не была восстановлена). Так же были спланированы массовые побоища, основной целью которых являлось преподнесение урока недругам. Вместе с этим, Иордан и Приск описывают его как честного судью для своих соплеменников, великодушного по отношению к своим слугам, благосклонного к тем, кто искренне служил ему. Он вел простую жизнь среди варварской роскоши приближенных, пользовался деревянной посудой, тогда как вокруг все стремились к золотой утвари. Добавим и другие черты, о которых сообщают те же источники: глубокое суеверие, наивная доверчивость шаманам, пристрастие к крепким напиткам, что превращало различные церемонии в оргии; в то же время, ему была присуща привычка окружать себя министрами и греческими писарями, такими как, например, грек — Онегис, римлянин — Орест, германец — Эдеко. В глаза бросается любопытная деталь, характеризующая этого предводителя орд: он чаще прибегал к хитрости, чем к прямым военным действиям. В войне же он проявлял себя не столько военачальником, сколько отважным воином, увлекавшим людей за собой. Этому варвару был присущ юридический формализм, стремление к крюч-

котворству, поиск дипломатических отговорок для создания, пусть видимости, но законности решения тех или иных вопросов. Отмечая все эти черты, невольно вспоминаешь другого основателя кочевой империи, другого сына степей — Чингиз-хана.*

Подобно тому, как империя Чингиз-хана под монгольским стягом привлекала на свою сторону не только монгольских кочевников, но также и кочевых тюрков и тунгусов Верхней Азии, империя Аттилы, восходящая к гуннам, т. е., без всякого сомнения, тюркам, вовлекала и охватывала всех варваров: сарматов, аланов, остроготов, гепидов и т.д., кочевавших между Уралом и Рейном. Именно это и явилось его слабой стороной. Аттила умер рано, в 453 г., и после его смерти эта разнородная империя рухнула. Остроготы и ге-пиды тут же восстали и разгромили гуннов в великой битве в Панно-нии, в ходе которой был убит старший сын завоевателя — Эллиас (454).

Тогда гунны, под предводительством одного из сыновей Аттилы, Денгизиша или Дензигиха, устремились в русские степи. Другие сыновья Аттилы потребовали территории у римлян, которые предоставили Эрнаку земли Добруджи, а двум остальным, Эмнедзару и Узин-дуру, владения в Мезии. Денгизиш еще раз повел гуннов на войну против Византийской империи со стороны нижнего Приднепровья, но потерпел поражение и был убит. Его голова, голова сына Аттилы, была выставлена в Константинополе, на арене амфитеатра (468).

Остальные племена гуннов осели на севере от Черного моря двумя ордами. Гунны кутригуры кочевали на северо-западе Азовского моря, а гунны утургуры или утригуры, в устье реки Дон. Эти две

* Турецкий историк, доктор Решид Сафдет, профессор Стамбульского университета, сделал интересный панегирик во славу Аттилы, Contribution B une histoire sincPre d*Attila, Paris, librairie Marcel Fresco, et Istanbul, imprimerie Universum 1934. По искусству гуннов в Верхней Азии, а затем в Венгрии, A. Alföldi, Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung, Archaeologia Ungarica, 1932 et Zoltan Takacs. В указанных трудах Золтан Такач расширяет предыдущие исследования (Chinesische Kunst bei den Hunnen, Ostasiat. Zeitschrift, 1916, 174-186; Chinesisch-hunnische Kunstformen, Bull. De l Institut Archeologique Bulgare, 1925, 194-229; Sino-Hunnica, read at the School of Oriental Studies, Alexis Petrovics Anniversary Volume, 1934; L art des grandes migrations en Hongrie et en ExtrLme-Orient, Revue des Arts Asiatiques, Paris, 1931, 32). Что касается Восточной России того периода, см. Schmidt, Katchka, Beitrage zur Erforschungen der Kulturen Ostrusslands in der Zeit der Volkerwanderung, Eurasia Septentrionalis Antiqua, I, 1927, 18. По общей проблематике сарматов, гуннов и аваров Венгрии, см. Nandor Fettich, Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn. Archaeologia Hungarica, XXI, Budapest, Magyar Torteneti Museum, 1937 (плюс том иллюстраций).

орды быстро стали непримиримыми врагами, их противоречия разжигались, впрочем, не без участия византийской дипломатии. В 545 г. император Юстиниан натравил правителя утургуров, по имени Сандилх, на враждовавшую с ним орду. Сандилх разгромил кутри-гуров (548), но последние вновь объединились под началом их предводителя Забергана или Замергана, и попытались отомстить за ту поддержку, которую враждебные им братья получили от Юстиниана. Зимой 558-559 гг., Заберган, во главе своей орды перешел по льду Дунай, и неожиданно оказался у стен самого Константинополя. Белизэру удалось спасти столицу, а Заберган ушел в донские степи, где стал враждовать с Сандилхом. Братоубийственная война двух гуннских орд возобновилась с новой силой. Война продолжалась, когда третья орда-аваров, выходцев из Азии, одержала верх над воюющими ордами и захватила власть над территорией русских степей.

Это новое вторжение было следствием значительных изменений в Верхней Азии, связанных с появлением Тукю, или исторических Тюрков.

2. РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ТУКЮ, УЙГУРЫ И КИДАНИ

Империя Тукю

К 540 году империя степей была поделена между тремя крупными тюрко-монгольскими образованиями. Жуан-жуаны, чисто монгольского происхождения, господствовали в Монголии от маньчжурской границы до Турфана, и даже, вне всякого сомнения, до восточной окраины Прибалхашья, и от Орхона до Великой китайской стены. Эфталиты, также, без сомнения, монгольской расы, распространили свое влияние на нынешнее Семиречье, русский Туркестан, Согдиану, Восточный Иран и Кабул, начиная от верхнего течения Юлдуза (на севере Карашара) до Мерва, от Балхаша и Арала до центра Афганистана и Пенджаба. Два клана, правившие жуан-жуанами и эфталитами, являлись союзниками. В 520 г. хан эфта-литов взял в жены родственницу жуан-жуанского хана-Анахуаня. Впрочем, жуан-жуаны, хозяева Монголии, сохранили некоторое превосходство над эфталитами, господствовавшими на юго-западных границах. Наконец, как мы только что видели, европейские гунны, без сомнения, тюркского происхождения, властвовали в русских степях у Азовского моря и устья Дона, несмотря на то, что соперничество двух других орд: утригоров на западе, и Гуннов на востоке, свело на нет их могущество.

Среди вассалов жуан-жуаней, как об этом свидетельствуют китайцы, находились тукю, народ тюркского происхождения, давший свое название всем народностям с одной и той же языковой принадлежностью. Пельо говорит: "Китайское название "тукю" восходит, вероятно, к монгольскому слову (жуан-жуанское) во множественном числе — тюркют, от тюрк, что дословно означает: сильный".* У тукю, по данным китайских летописей, тотемом является волк.** Они были потомками древних хун-ну, что соответствует про-готюркскому типу, который Пельо относил к гуннам. Проживали тукю в начале VI в. в регионе Алтая, где они занимались металлургией, "знали профессию кузнеца". Что касается жуан-жуаней, их мощь была ослаблена из-за междоусобной войны, которая в 520 г. противопоставила друг другу хана Анахуаня, правителя орд востока, и его дядю Поломэна, правителя орд запада.

Оставшись, в конце концов, единственным правителем ханства, Анахуань (522-552) вынужден был бороться против неповиновения вассальных тюркских племен. Одно из племен — гаогюй, которое идентифицируют с телесами или толашами, по-видимому, предками уйгуров, кочевало на юге Алтая, близ Урангу. В 508 г. оно нанесло поражение жуан-жуанам, а затем, в 516 г. потеряло своего правителя, убитого жуан-жуанями. В результате, гаогюй были вынуждены вновь подчиниться; в 521 г. гаогюй попытались еще раз, но вновь безуспешно, использовать междоусобицу среди жуан-жуаней, чтобы освободиться от них. Незадолго до 546 г. они планировали организовать новое восстание, когда им помешали тукю, которые, несмотря на то, что были одной и той же расы, верноподданно предупредили своего общего сюзерена, хана жуан-жуаней — Анахуаня. За эту услугу предводитель тукю, мы его знаем одновременно под его тюркским именем — Бумин, и китайской транскрипцией этого имени — Тумэн, — попросил руку принцессы жуан-жуаней. Анахуань

* См. Пельо, происхождение Ту-кю, кит. название Тюрков, *Toung-pao*, 1915, 687. - V.Thomson, *Zeitsch. Deut. Morgenl. Ges.* LXXV111, 1924, 122-
F.W.K.Muller, *Uigurica*, II, 67, 97. — Marquart, *Untersuchungen zur Geschichte von Eran*, II, 252 (1905). — Barthold, art. *Turks*, *Encyclopedie de L islam*, p.948.

** Предок Тукю был выкормлен волчицей. Как только он вырос, он присоединился к ней и к десяти детенышам, которые появились на свет в материнской пещере (Stanislas Julien, *Documents sur les Tou-kiue*, 326). На древке своих знамен, тукю водружали голову волчицы, отлитую из золота. Приближенные правителей называли себя волками. Так как они произошли от одной волчицы, они не забывали своих корней». (Ibid., 331).

отказал ему в этом.* Бумин объединился с династией Си-вэй, происходившей от топа, т. е., безусловно, тюркского происхождения, которая господствовала, как это мы видели, на северо-западе Китая, в Чанъане. Несмотря на то, что они были полностью китаизированы, топа, не были, вероятно, безразличными к сообществу тюркских кровей. Во всяком случае, они должны были радоваться этому союзу, который оставлял в тылу их старых врагов, жуан-жуаней, происходивших из монгольских корней. Более того, они согласились отдать в жены Бумину принцессу их династии (551). Окружив, таким образом, жуан-жуаней, Бумин нанес им сокрушительный удар и вынудил хана Анахуаня покончить жизнь самоубийством (552). Остатки жуан-жуаней, бросив Монголию тукюям, скрылись за китайской границей, где императорский двор, — преемники Тонгвэя, позволили им поселиться в качестве дозорно-сторожевых сил для охраны приграничных подступов.**

Древняя имперская земля Монголии перешла от жуан-жуаней во владение тукю, от монголов к тюркам. Имперский титул кагана был передан Бумину.***

Местопребыванием новой империи остался район у верхнего течения Орхона, расположенный в гористой местности, где, начиная от древних хун-ну до Чингиз-хана, правители предпочитали создавать центральный командный пункт.****

Бумин-каган, тюркский герой, скончался на пике своего триумфа (552), а его владения были поделены. Его сын Мухан вместе с

* Cf. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue occidentaux, 221 (d'après le Pei che, le Tcheou chou et le Leang chou.

** То, что подтверждает византийский историк Теофилакт Симокатта, когда он нам повествует, что остатки «аваров» скрылись в Таугасте, т. е. у потомков тобгачей или тоба. Цитировано Шаванном в Documents, 246.

*** «Chaganus magnus, despota septem gentium et dominus septem mundi climatum» (Theophylacte Simocatta, VII, 7). Напомним, что титулы кагана и хана, как мы это видели, были титулами жуань-жуаней, т. е., видимо, монголов. Тукю были, по нашим сведениям, первым тюркским народом, использовавшим эти титулы.

**** Станислас Жюльен перевел основные китайские термины (Souei chou, Tang chou, etc) относящиеся к тукю, в частности, к восточным тукю. (Documents sur les Tou-kiue, Journal Asiatique, 1864). Шаванн приводит эти переводы в той части, где речь идет о западных тукю (Документы по западным тукю, Санкт-Петербург, 1903 и Notes additionnelles sur les Tou-kiue occidentaux, dans Toung pao, 1904, 1-110.

имперским титулом получил Монголию (553—572). Так было положено начало созданию ханства восточных тукю. Младший брат Бумина, Истеми (по тюркски) или Ши-те-ми (в китайской транскрипции) получил, кроме титула ябгу,- Джунгарию, страну, расположенную на Черном Иртыше и Имиле, бассейне Юлдуза, Или, Чу и Таласа (552—575). Так было создано ханство западных тукю.*

В районе Таласа, предводитель западных тукю, Истеми, столкнулся с эфталитами. Чтобы заставить их врасплох, он вступил в сговор с их исконными врагами, персами, которыми руководил Хосров Ану-ширван, наиболее великий правитель сасанидской династии. Истеми скрепил договор, отдав в жены Хосрову одну из своих дочерей. Эфталиты, на которых с севера напали тукю, а с юго-запада — саса-ниды, были повержены (565). Часть из них, кочевавшая в регионе Приаралья, вынуждена была уйти на запад, и вполне возможно, что это именно они (скорее всего, остатки жуан-жуаней) под именем уарохонитов и аваров создали в Венгрии новое монгольское ханство,** в дальнейшем мы увидим, что орда, изгнанная из Азии, и известная греческим и римским летописцам под именем авары, приводила в ужас византийскую империю и германский запад до того дня, пока не была разгромлена Карлом Великим (Шарлеманем).

Владения эфталитов были распределены между западными тукю и сасанидами. Предводитель тукю — Истеми взял себе Согдиану, а Хосров Ануширван — Бактрию, обетованную землю иранизма, которая между 565 и 568 гг. вернулась в состав империи Сасанидов. Это последнее возвращение аннексированных земель длилось, впрочем, недолго, так как западные тукю не замедлили захватить Балх и Кундуз, т. е. ту же самую Бактрию у сасанидов, своих недавних союзников.

Таким образом, можно говорить о формировании двух тюркских государств в период Раннего Средневековья: ханство восточных тукю, основанное каганом Мо-ханом в Монголии, с центром близ будущего Каракорума на верховье Орхона, и ханство западных тукю на Или и в западном Туркестане, с летней резиденцией в

* Титул ябгу или ябгуху возможно перешел к тюркам от древних кушанцев или индо-скифов. Кушанец Кадфиз I наносит это на своих монетах. Cf. Foucher, *Art greco-bouddhique du Gandhara*, II, 299. Marquart, *Eranschahr*, 204. W. Bang, *Ungarische Jahrbucher*, VI, 102.

** Что касается утонченности поясных украшений Котчкара на юге озера Балхаш с аварскими бронзовыми изделиями Венгрии, cf. Nandor Fettich, *Metallkunst der Landnehmenden Ungarn*, 1935, p.211 et 274.

верховьях реки Юлдуз, севернее Карашара и Кучи, с зимней резиденцией на берегах Иссык-Куля или в долине Таласа. В принципе, границы этих двух кочевых империй очерчивались Большим Алтаем и горами восточнее Хами.

На своей территории, с периода правления Мо-хана (553—572 г.) восточные тукю противостояли нескольким противникам. Кидани, монгольское племя, занимавшее западный берег реки Ляо близ современного Жэхоля приблизительно с середины V в., в 560 г. были разбиты Мо-ханом. В Северном Китае, предводитель пей-чжоусцев — Чан-нган попросил руки дочери Мо-хана. Последний, в это период, осуществлял роль арбитра между двумя наследственными царствами империи То-па (к 565 г.).*

Ябгу или хан западных тукю, - Истеми, правивший с 552 г. по 575 г., известен Табари под именем Синджибу и византийскому историку Менадру под именем Силзибул, вероятно, искаженное от титула ябгу.**

Он видел своего союзника в лице Византии. Теперь, действительно, обосновавшись на Оксе, Тукю стали ближайшими соседями Сасанидской Персии, что толкнуло Византию на сближение с ними против Персии. Со своей стороны, Истеми, который показал себя как высокообразованный человек, подумывал использовать преимущество своего расположения на перекрестках Азии для приобретения свободной торговли шелком через территорию Персии, от китайских до византийских границ. Согдиец по имени Маннах (согдийцы славились то время в Центральной Азии как проводники караванов) с этой целью прибыл к Хосрову Ануширвану I, но его предложения были отвергнуты, так как Персия оставляла за собой монополию по продаже шелка в Византийской империей. Истеми решил безотлагательно установить союзнические отношения с Византией против Персии. В 567 г. он посылает того же Ма-ниаха к Константинопольскому двору водным путем, по низовьям Волги и через Кавказ. Император Юстин II был очень заинтересо-

* Тюрки, которые при первом соприкосновении обнаружили, что Северный Китай был оккупирован табгачами или тоба, продолжали называть его по названию народа и под этим наименованием, звучащим по-гречески То-гаст, как об этом писали византийские летописцы, такие как Теофилакт Си-мокатта. Cf. Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, in *Memoires de la Societe finno-ougrienne*, t. V, Helsingfors, 1896, p. 26.

** Касательно различных форм этого названия, Cf. Marquart, *Historische Glosen zu den altturkischen Inschriften*. P. 185 et (и того же автора) *Eranschahr*, p. 216. Шаванн. История Истеми была восстановлена по китайским, византийским и арабским источникам, *Documents sur les Tou-kiue occidentaux*, 226 et sq.

ван предложениями тюркского посла, и когда тот возвращался домой, его сопровождал византийский посланник, по имени Земарх (в 568 г.). Истеми принял Земарха в своей летней резиденции на севере гор Актаг, т. е. Тянь-Шаня, в долине реки Юлдуз, северо-западнее Карашара. Таким образом, между тюркским ябгу и византийским представителем был заключен союз против общего врага: Сасанидской Персии. Сасанидский посланник, прибывший в этой ситуации для встречи с Истеми к реке Талас, был грубо отправлен обратно, и тюркский правитель объявил войну Персии. В 572 г. византийцы, в свою очередь, объявили войну Персии, которая продолжалась двадцать лет (572—591 гг.). Одновременно, западные тукю и византийцы поддерживали тесные отношения. Пока Земарх возвращался в Константинополь через низовья Волги, Кавказ и Лазикию, Истеми послал второго посла, Ананкаста. В свою очередь, византийцы отправили к нему в качестве послов, одного за другим Евтиха, Валентина, Херодиана и Павла Киликийского.

Следует отметить, что эти послы передавали Византии достаточно точное описание обычаев и верований тукю. "Тюрки,— говорит нам Теофилакт Симокатта, — почитали огонь исключительно высоко". Действительно, влияние иранского маздаизма было причиной адаптации, принятия ими даже бога Ормузда или Хормузда. "Они чтити также воздух и воду", и фактически, среди Чингиз-ханидов почтение к бегущей воде сохранялось так долго, что мусульманские омовения и стирка одежд были запрещены, исключая особые случаи. "Они признают только создателя небес и земли, которому они поклоняются и называют богом, приносят ему в жертву лошадей, быков и овец". Таким на самом деле являлся культ Тенгри, небо в их священном выражении, общее для всех древних тюрко-монгольских народов. Наконец, Теофилакт говорит об их священниках, которые предсказывают им будущее, это относится к тюрко-монгольским шаманам, которые продолжали иметь большое влияние в период Чингизханидов.*

В 576 г. византийский император Тиберий II снова направил Валентина с посольством к западным тукю. Но когда посол прибыл в царскую резиденцию на верховье Юлдуза, Истеми уже умер. Его сын и преемник Тарду (575-603), Та-Тоу у китайских историков, был недоволен тем, что двор Константинополя заключил соглашение с аварами, т.е. с остатками жуань-жуаней, или, вероятно, с эфталитами, которые нашли убежище в южной России. Поэтому,—

* Что касается культуры и верований ту-кю см. V.Thomsen, *Alt-türkische Inschriften aus der Mongolei in Zeitschr.d.deut.morgenland. Gesellsch. N.F. Bd.3.H.2.,1924, p.131.*

Тарду принял Валентина очень холодно. Более того, в качестве ответной меры на то, что он рассматривал Византийский альянс как нарушение союза, он направил отряд кавалерии тукю под предводительством некоего Бохана против византийских поселений в Крыму. Бохан, с помощью Анагая, последнего предводителя Гуннов-Утур-гуров, осадил византийский город на Боспоре или Пантикапее, около Керчи (576 г.). В 581 г. тукю были под стенами Херсонеса и это продолжалось до 590 г., когда они надолго покинули страну.*

Эта ссора между западными тукю и византийцами не препятствовала продолжению их войны против Персии. В 588-589 годах они захватили Бактрию или Тохаристан и продвинулись до Герата. Остановленные персидским героем Бахрамом Чобинном, как утверждает персидская традиция, они использовали преимущество в гражданской войне, которая имела место в 590 г. между Бахрамом и Хос-ровом II Парвизом. Проиграв, Бахрам, в результате, нашел убежище среди них, и это было в то время, когда тукю завершили захват северной части Тохаристана, в районе Гиндукуша. В любом случае, в 597-598 гг. эта страна, со столицами в Балхе и Кундузе, больше не принадлежала Персии, а попала в зависимость к западным тукю.**

Когда китайский паломник Сюан-цзань в 630 г., совершил свое путешествие, Тохаристан принадлежал тегину или тюркскому принцу, бывшему сыном хана западных тукю и жившему в Кундузе.

Таким образом, когда на Дальнем Востоке чисто китайская династия Суй должна была окончательно объединить Китай (в 589 г.) после трех веков разделения, Центральная Азия была разделена на две огромные тюркские империи: империя восточных тукю, простиравшаяся от Маньчжурских границ до Великой стены и оазисов Хами, и империя западных тукю, которая лежала от Хами до Аральского моря и Персии, от которой она была отделена границей, проходившей на юге Окса и между этой рекой и рекой Мерв, т. е., в целом весь Тохаристан к северу от Гиндукуша был окружен тюркской территорией.

Надпись в честь Культегина в Кошо-Цайдаме, написанная веком позже, возносит тюркское величие следующим образом: "Когда сверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними были сотворены сыны человеческие. Над сынами человеческими прави-

* Напомним, что византийские и китайские источники были объектами исследований Шаванна в его труде Documents, p.233-252.

** В действительности, армянский историк Себеос свидетельствует, что в 597-598 годах персы при полководце (армянском) Семпаде Багратуни нанесли ответный удар тюркам вплоть до Балха. Cf. Marquart, Eranschahr, 65-66. Chavannes, Documents 251. Hiuan-tsang, Vie, trad. Stanislas Julien, 61-66.

ли мои предки: Бумин-каган и Истеми-каган. Когда они пришли к власти, они правили империей и обустроивали организационную структуру Тюркского народа. Во всех четырех сторонах света они имели много врагов, но, организуя походы со своими армиями, они подчинили и усмирили много народов во всех четырех сторонах света. Они заставляли склонить головы и преклонять колена. Они повели нас вперед, на восток до лесов Кадирхана (горы Хингана) и назад, на запад до Железных Ворот (Трансоксиана). Над всей этой обширной территорией, ограниченной этими крайними землями, Голубые Тюрки господствовали безраздельно. Они были мудрыми каганами, храбрыми каганами, все их воины были мудрыми и смелыми, все их деяния и весь их народ были справедливыми".*

Моральные принципы, отображенные в этой знаменитой надписи, исходят из древней космогонической концепции, которая служила основой тюрко-монгольского шаманизма. Концепция очень простая, согласно заключению Томсена".**

Мир состоял из нескольких уровней, один над другим. Семнадцать верхних уровней формировали небо, или царство Света, и семь или девять нижних уровней определяли подземный мир, или место Тьмы. Между двумя находилась поверхность земли, где жили люди. Небо и земля подчинялись верховной субстанции, которая находилась на самом верхнем небесном уровне, и была известна под именем Священного Неба-Тенгри.***

Небо также было местом обитания добродетельных душ, как подземный мир был адом для грешников. Тюркская мифология насчитывала множество других божеств, одной из которых была богиня Умай, покровительница детей,**** и кроме того, большое количество духов населяли "землю и воду" (йер-суб или в современном турецком языке яр-су), обитая в горах и реках, а также в священных местах (идук), чей культ сохранялся еще в эпоху чингизханидов.

Что касается физического портрета туюку, его нам дают китайские историки. Один из авторов в 581 г., описывает их следующим

* V. Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon, Memoires de la societe finno-ougrienne*. V.Helsingfors, 1896, 97-98.

** V.Thomsen, *Alturkischen Inschriften aus der Mongolei, Zeitschr.d. Morgenland, Gesell.*, 1924, 130.

*** Тенгри означает одновременно небо и бора. Pelliot. *Le mont Yu-tou-kin (IT tukan) chez les anciens Turcs, Toung-pao*, 1929, 4-5, 215-216.

**** Вне всякого сомнения это богиня земли, одушевленная богиней горы Утюкан, что возможно идентично Аткжан или Итюган, богине земли у монголов XIII века. Pelliot, *Le mont Utukan chez les anciens Turcs Toung pao*, 1929, 4-5, 212-219.

образом: "Они позволяли своим волосам ниспадать свободно, и они жили в войлочных шатрах. Они передвигались с одной стоянки на другую, следуя найденным воде и пастбищам. Их главным занятием является разведение скота и охота. Они оказывают мало внимания старикам,* но мужчина в расцвете сил пользуется у них огромным уважением. Они игнорируют церемонии и правосудие, и в этом отношении напоминают древних Хун-ну. Их полководцы носят титулы ие-пу(= ябгу), ше (шад), те-кин (текин или тегин), су-ли-пат и то-гун-пат (тудун), и другие, более мелкие. Их чиновники делятся на двадцать девять отдельных разрядов. Все назначения передаются по наследству. Их вооружение состоит из лука, стрел, свистящих стрел, щита, копья, сабли и меча. На своих поясах они носят рельефные украшения. Их флагшток украшен в виде головы волчицы, сделанной из золота. Царские телохранители назывались фу-ли, слово, означающее волк (бури). Когда человек умирал, каждый из его родственников резал барана или лошадь и складывал тушу перед его шатром, как если бы посвящал ему жертву. Они объезжали семь раз вокруг шатра на конях, проливая слезы, и когда они подходили к двери шатра, то резали себе лица своими ножами, так, чтобы кровь стекала вместе со слезами... В день похорон, родственники и другие близкие покойному люди, приносили жертву, скакали на своих лошадях и резали свои лица, так же как и в день смерти. После похорон, рядом с могилой складывали камни в таком количестве, которое соответствовало числу людей, убитых покойным. Если умирал *оте*[^], старший брат или дядя, то сын, младший брат и племянники женились на вдовах и их сестрах. Ханский шатер открывался на восток, в ту сторону, откуда восходило солнце. Они почитают демонов и духов и верят колдунам (шаманам). Для них считается славным погибнуть в бою, и они стыдятся умереть от болезни.**

Раздробленность империи тукюев

Вторая империя тукюев не могла удержать долго такой высокой уровень мощного государства. Великие каганы, воспетые в писаниях Кошо Цайдама, имели весьма посредственных преемников. «Их младшие братья и сыновья стали каганами, — говорится в той же надписи, — но младшие братья не походили на старших братьев, сыновья вовсе не напоминали отцов. На трон воссели каганы без мудрости и смелости, что и привело к распаду тюркской империи».***

* Пример Тоньюкука показывает, что данное китайское обвинение необоснованно. См.далее.

** S. Julien, Documents, J.A., 1864, 331.

*** Thomsen, Inscriptions de l Orkhon, 98-99.

Фактически то, что привело к краху мощь тукюев, так это соперничество двух ханств, восточного на Орхоне, западного - на Иссык-Куле и Таласе. Две близкие тюркские империи, которые господствовали на одной второй части Азии, начиная от Маньчжурии до Хорасана, могли стать непобедимыми, если бы смогли удержать союз, основанный на решениях 552 г. Предводитель восточных тукю сохранял превосходство с императорским титулом кагана, в то время как предводитель западных тукю довольствовался титулом ябгу. Но каган восточных То-па (573—581), брат и преемник Мохана был последним из среды своих, который удостоился почестей западных тукю.*

Между 582 и 584 г. ябгу западников — Тарду, который, как об этом свидетельствует повествование Валентиноса, был весьма необузданной личностью, разорвал отношения с новым правителем восточных тукю и взял на себя титул кагана. Китай, где воинственная династия Суй продолжила в Центральной Азии великую политику династии Хань, придала силы Тарду в этом восстании, разорвавшем на две части тюркскую силу. С тех пор, действительно, восточные и западные тукю не смогли больше объединиться, но, напротив, в течение длительного времени, находились в состоянии враждебности.**

Таким образом, в то время как Китай воссоздавал свое единство, тюрки разъединялись. Такое положение вещей способствовало вопреки их стремлениям, восстановлению китайского империализма в Верхней Азии при династиях Суй и Тан (VII-IX в.).

Восточные тукю не только наблюдали, как их западные сородичи были настроены против их притязаний на превосходство, но и подрывали единство. Их новый каган Шаполо (581—587)*** видел, что даже в Монголии власть оспаривалась его двоюродными братьями Йэнло и Талопьеном. На западе он был атакован Тарду, новым «каганом» западных тукю, а на востоке — киданями Лэаоси. Но китайские власти всполошились: подобная коалиция, нанося решительный удар тюркам в Монголии, давала в руки Тарду сильный козырь. Не следовало, чтобы последний смог добиться тюркского единства в свою пользу. Китайский правитель Юан Кьен, основатель династии Суй, разорвал свои союзнические обязательства, оказал помощь вос-

* Отметим, что с 575 по 585 год хан топа оказал гостеприимство гандхарскому миссионеру Жнангупте, изгнанного из Китая, и который обратил его в буддизм. См. Шаванн, *Jinagupta, Toung-pao*, 1905, 334 et 346 (traduit du *Siu kao seng tchouan*).

** См. восстановление биографии Тарду, осуществленное Шаванном, *Documents*, 48, n.1 et 241.

*** Китаизированная форма исконного тюркского Ишпара? Cf. Pelliot, *Quelques mots d'Asie Centrale*, I., с 211.

точному кагану Шапало (585) в борьбе против Тарду. В остальном, восточные тукю, втянутые в свои междоусобицы, не представляли никакой угрозы. Брат и преемник Шаполо, каган Мухо вероятно убил анти-хана Талопьена (587), но сам вскоре скончался и следующий каган Тулан (587—600) столкнулся с другим анти-ханом — Тули, которого поддержали китайцы. Тулану удалось, в самом деле, изгнать соперника (599), но император Юан Кьен поспешил тот час же принять Тули и его сторонников, с которыми он заключил союзнические отношения в Ордосе. Восточные тукю окончательно размежевались.

После смерти Тулана, Тарду — каган западников, попытался вновь подчинить себе деморализованных, потерявших веру в себя восточников и управлять Монголией, а также Туркестаном, и способствовать объединению тюрков.* Чтобы опередить китайское правительство, он прибегнул к тактике устрашения. В 601 г. он стал угрожать Чань-яну, столице Китая; в 602 г. он напал на Тули, пользовавшегося покровительством китайцев, в его военном лагере в Ордосе. Но китайцы проводили скрытую политику. В 603 г. одно из крупных тюркских племен запада — Телесы или Теляши, предки Уйгуров, кочевавших, вероятно, в регионе Тарбагатая, Урунгу и Джунгарии, неожиданно выступило против Тарду, над властью которого нависла угроза в его собственных владениях настолько, что он вынужден был сбежать в Кукунор, где он и скрылся (603). И сразу же его царство, мощное ханство западных тукю, перед которым трепетали Персия и Византия, а несколько лет назад угрожало китайской столице, было разделено. Внуку Тарду - Шэкуэю досталась только самая западная часть наследства, куда входил Ташкент, в то время как другой анти-хан — Чуло стал владыкой Или. Чуло, впрочем, замыслил продолжить дело, начатое Тарду, но китайская политика сумела во-время сдержать его: имперский эмиссар Тикью тайком поддержал его соперника — Шэкуэя,** который боролся против него. Проиграв, Чуло стал служить китайскому императорскому двору (611). Со своей стороны, Шэкуэй, который был обязан своим успехом китайской политике, видимо, больше никогда не делал попыток выступить против Китая. В это же время у восточных тукю власть перешла к фавориту

* Именно в это время в 598 г. Тарду послал в Константинополь к императору Морису посольство с письмом, где он недвусмысленно объявил себя верховным каганом, «великим предводителем семи рас и повелителем семи климатов» (Theophylacte, dans Chavannes<Documents, 246).

** Cf. Le Souei chou, trad. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue occidentaux, p. 15-20.- F.Jager, Leben und Werke des Pei Kiu, chinesische Kolonialgeschichte, Ostasiat. Zeitschr., octobre 1921.

китайцев - кагану Тули (умер в 609 г.), а затем его сыну - Шэпию (609-619). Как в Монголии, так и в западном Туркестане, Китай династии Суй, без крупных военных действий, а, только прибегая к обычным интригам, ослабил тюркскую мощь, устранил непокорных ханов и привел к власти только тех ханов, которые подчинялись ему.

То же самое произошло в Кукуноре. Там орда сиэнпиев, вне сомнения, монгольского происхождения, называемых туиюхуэнами, соседство которых в течение трех столетий не давало покоя всем китайским позициям в Ганьсу, была раздавлена китайскими войсками и вынуждена была скрыться в Тибете.*

В этом же 608 г. Китай вновь подчинил себе оазис Хами. В 609 г. правитель Турана — Кыюпайю сдался на милость императору Юангти.

Все произошедшее закончилось тем, что неудачные кампании Юангти в Корее (612—614) подорвали престиж династии Суй. Каган восточных тукю — Шэпи восстал, и чуть было не захватил самого Юангти в крепости Юэнмэн на северо-западе Шаньси (615). Гражданские войны, которые прокатились тогда по Китаю (616—621) в самом разгаре которых рухнула династия Суй (618), придали уверенность тукю. Когда новая китайская династия Тан заняла, наконец, трон, освободившись от соперничавших претендентов, ей предстояло продолжить дело, начатое суями. Степь двинула свои орды в самое сердце Шэньси. В 624 г. новый каган восточных тукю — Хиэли (620-630), воспользовавшись беспорядками, вызванными междоусобицей, возглавив свои войска, стал угрожать имперской столице Чаньяну.

К счастью у династии Тан оказался замечательный военный полководец, имперский принц Ли Шэмин, который, несмотря на свою молодость, стал действительной причиной прихода к власти своей династии. С необычайной смелостью Ли Шэмин ринулся на встречу с варварами вплоть до Пинчеу в Кингхо и со своим твердым упорством сумел их устрасить. Предводители орды на какое-то время консолидировались, но затем, не вступая в сражение, отступили. Несколько часов спустя над регионом прошли проливные дожди. Тотчас же Ли Шэмин созвал своих военачальников. По свидетельству Таншу, он сказал: «Друзья, вся степь превратилась в море. Наступает ночь и она станет самой темной из всех. Пришел момент наступления. Тукю опасны тогда, когда они выпускают стрелы. Двинемся же на них с саблями и копьями в руках, и мы одержим над ними победу до того, как они будут в состоянии оказать

* Cf. Pelliot, Note sur les Tou-yu-houeu et les Sou-pi, Toung-pao, 1920, 323.

нам сопротивление!» Так и было сделано. Под утро тюркский военный лагерь был разгромлен, а китайская кавалерия вырубилла все вплоту до шатра кагана Хиэли, который обратился с просьбой о переговорах, и ушел в Монголию (624).*

Некоторое время спустя после такого выдающегося события, Ли Шэмин в возрасте 27 лет взолел на трон Китая, а в истории его стали признавать под императорским именем Тайцзун (626).

Разгром ханства восточных Тукю императором Тайцзуном

Император Тайцзун (627-649) действительно заложил основы китайского величия в Верхней Азии. Он разгромил ханство восточных тукюев, способствовал распаду ханства западных тукюев, над которыми, после смерти отца, его сын одержал окончательную победу, и присоединил к своей империи индоевропейские царства Тарима.

В год взолшествия на престол Тайцзуна, каган восточных тукю Хиэли предпринял новую кавалерийскую атаку у стен Чанъана. 23 сентября 626 г. его 100 тыс. воинов приблизились к мосту Пэнкиао у северных ворот города. Хиэли бесцеремонно требовал выплаты дани, в противном случае пригрозил разграбить столицу. Тайцзун, у которого, по-видимому, было мало воинов, проявил чудеса храбрости. Он пустил на врага тех солдат, которые были под рукой и, развернув их перед воротами, в то же время сам с группой всадников двинулся вдоль течения реки Вэй, навстречу врагу. Пораженные его отвагой, предводители тукюев спешили и приветствовали его. В тот же миг китайская армия развернула свои ряды в долине, "сверкая на солнце оружием и стягами" Тайцзун приблизился на лошади на расстоянии человеческого голоса от тюркского лагеря, отчитал кагана и его сподручных, упрекнув их в том, что они нарушили перемирие. Хиэли, поддавшись увещаниям, заключил мир на следующий день, по традиции принеся в жертву белую лошадь.**

Чтобы ослабить могущество Хиэли, Тайцзун поддержал восстание двух отделившихся от него тюркских племен: телесов или теля-шей и сиртардушей. Первые (будущие уйгуры) были расположены в Тарбагатае, вторые находились в Кобдо (627-628).***

В то же время Тайцзун оказал знаки внимания в самой Восточной Монголии отколовшемуся анти-хану по имени Тули, восстав-

* Китайское повествование об этом эпизоде с прекрасным эпическим ритмом было переведено Станисласом Жюльеном, Documents sur les Tou-kiue, Journal Asiatique, 1864, II, 213- 219.

** Китайские источники (le Tang chou) даны в перев. Станисласа Жюльена, Documents sur les Tou-kiue, J.A. 1864, I.e.

*** Tang chou, trad. Chavannes, Documents, 95.

шему против Хиэли (628). Создав, таким образом, враждебное окружение вокруг Хиэли, великий император бросил против него в 630 г. китайскую армию под командованием Ли Цина и Ли Шэцзи, которые настигли его во Внутренней Монголии, на севере Шаньси, неожиданно напали на лагерь и разгромили его орды. Сам Хиэли попал в плен. В течение 50 лет (630-682), ханство восточных тукюев было подчинено Китаю. В тюркских надписях Кошо-Цайдама говорится: "Дети знатных тюрков стали рабами китайцев, их целомудренные дочери стали служанками. Тюркские аристократы лишились своих титулов, приняв китайские, подчинились китайскому императору, и в течение пятидесяти лет отдавали свои силы, работая на них. Ради него, и в сторону восходящего солнца, и к западу вплоть до Железных Ворот, они предпринимали походы. И кагану отдали они свою империю и все, что в ней было".*

С такой дополнительной подмогой Тайцзун, разгромив тюрков Монголии, в течение последующих двадцати лет привлек на свою сторону тюрков Туркестана и индо-европейские оазисы Гоби. Перед удивленной Азией вместе с ним неожиданно возник Китай, страна с эпической историей. Вместо того чтобы войти в союз с варварами и любой ценой добиться отступления, он заставил их трепетать от страха перед ним. И в течение трех столетий китайский народ, вынужденный подвергаться тюрко-монгольским нашествиям, поглотил победоносные орды. Он впитал в себя их силу и окреп, благодаря победе над ними и повернулся против жителей степи, привнеся с собой неизмеримое превосходство тысячелетней цивилизации и энергию, которую он черпал от них.

Распад ханства западных Тукю

Закрепив тылы территории Ордоса и Внутренней Монголии (630), Тайцзун занялся западными тукю. Как мы это видели, последние стремились восстановить свое единство в пользу хана Шэкуэя. Подчинив себе сиртардушей Алтая, Шэкуэй, который имел летнюю резиденцию в районе Текеса и верхнего Юлдуза, царствовал (между 611—618 гг.) от Алтая до Каспийского моря и Гиндукуша. Его брат и преемник Тон Шэху, то есть Тон ябгу (между 618 и 630 гг.) еще более усилил его могущество. Победив теляшей на северо-востоке, он установил свое господство на юго-западе, в Тохаристане или Бактрии и захватил часть Тарима.

* Cf. Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, 99. Китайские источники уже даны в переводе у Гобиля, *Histoire de la grand dynastie des Tang*, in *Memoires concernant les Chinois*, XV, 441.

Во время паломничества китайца Сюаньцзана, встретившего его в Токмаке в начале 630 г., Тон Шэху находился в зените своего могущества. Он кочевал в соответствии со временами года между долинами верхнего Юлдуза, где, как и его предшественник, проводил лето на побережье Иссык-Куля, "теплого озера", вблизи которого он зимовал. Он также с удовольствием располагался лагерем на западе, у "тысячи источников", около Таласа, нынешнего Аулие-Ата. Его вассалом был правитель Турфана, а его собственный сын Гардушад, был правителем Тохаристана, с резиденцией в Кундузе. Таншу говорит: "Он господствовал над всей западной частью. Еще никогда варвары запада не были столь могущественны.*" Император Тайцзун, который поставил перед собой задачу разгромить восточных тукю, считал, "что нужно объединиться с теми, кто находится далеко, против тех, кто находится рядом"; он относился к Тон Шэху как к союзнику.

Описание о нем, которое нам оставил Сюаньцзан, напоминает либо Аттилу либо Чингиз-хана. «У этих варваров имелось бесчисленное количество лошадей. Хан носил мантию из зеленой атласной ткани и выставлял напоказ свои густые волосы; только на лбу был ободок из длинной шелковой ленты семи футов, который несколько раз обматывал голову и спалал сзади головы. Его сопровождали примерно двести офицеров с накидками из парчи и заплетенными волосами. Остальная часть воинов состояла из всадников на верблюдах или лошадях, одетых в меха животных, носивших одежду из тонкой шерстяной ткани, с длинными копьями, стягами и вытянутыми луками. Их было настолько много, что взглядом не удавалось охватить их численность».**

Тон Шэху оказал китайскому паломнику прием на высоком уровне. Он в действительности показал свою благосклонность по отношению к буддизму. Несколько лет назад у него в гостях был индийский миссионер по имени Прабхакарамитра, который поставил перед собой цель обратиться в свою веру тукюев, прежде чем (626) он продолжит путь в Китай.*** Он даже встретился в своей резиденции в Токмаке с Сюаньцзаном, который оставил нам красочный рассказ об этом приеме: "Хан жил в большом шатре, украшенном золотыми цветами, блеск которых затмевал глаза. Его офицеры распустили перед собой длинные косы и сидели в два ряда; все были одеты в яркие одежды из узорчатого шелка. Стража хана стояла позади них. Несмотря на то, что это был повелитель варваров, невозможно было не испытывать чувство уважения к нему". Читая эти строки, любопытно сравнить впечатления, почти идентичные,

* Kieou Tang chou, trad. Chavannes, Documents, 24-25. Tang chou, *ibid.*, 52-53.

** Hiuan-tsang, Vie, trad. Stanislas Julien, 55.

*** Chavannes, Documents, 192 (traduit du Siu kao seng tchouan).

европейских путешественников, которые были приняты Чингиз-ханскими ханами. Другой эпизод, который описывается Рубруком, касательно монголов XIII в., это описание пьяных попок, которые имели место во время приема иностранных послов. Во время пребывания Сюаньцзана, Тон Шэу принимал посланников Китая и правителя Турфана. "Он пригласил гостей присесть, и предложил им вино под звуки музыкальных инструментов. Хан выпил вместе с ними. Было видно как гости оживлялись все больше и больше, обращались друг к другу и отвечали на приглашение выпить, чокнуться вместе бокалами, наполнить их вновь и опорожнять раз за разом. В это время музыка варваров востока и запада наполнялась громкими аккордами. Несмотря на то, что это были полудикие мотивы, они услаждали слух и радовали сердце. Немного погодя после этого заносили различные блюда; это были большие куски вареной говядины и баранины, которые предлагали всем приглашенным".

Несколько месяцев спустя, после посещения Сюаньцзана, эта великая империя западных туюк рухнула. В этом же 630 г. одно из племен карлуков, которое кочевало, вероятно, между крайней восточной частью Балхаша и регионом Чугучака, в Тарбагатае, восстала против Тон Шэу, который был позднее казнен.*

Ханство западных туюк разделилось на две части, наименования которых, впрочем, остались в китайской транскрипции: племена нушэпии на западе и на юго-западе Иссък-Куля, и племена тулу на северо-востоке озера. Нушэпии и тулу обессилили в борьбе, окутанной тайнами. Хан тулу по имени названия племени Тулу (638-651) сделал однажды попытку объединить две группы, после чего он осмелился напасть на китайские военные поселения, в районе Хами, но китайский генерал Кю Хуанько разбил их наголову у гор Богдо-ула, между Куче-ном и нынешним Урумчи (642). К тому же император Тайцзун поддержал в борьбе против них орды Нушэпия и хан, крайне изнуренный, вынужден был бежать в Бактрию, где его следы затерялись (651).**

Индоевропейские оазисы Тарима в период прихода к власти династии Тан

Уничтожив туюков, император Тайцзун получил возможность установить китайскую гегемонию над оазисами в районе, где проживали индоевропейские племена, в бассейне Тарима, Карашаре, Куче — на севере, Кашгаре, Шаньшане, Хотане и Яркенде — на юге.

Эти древние поселения, расположенные на караванных путях, игравшие немаловажную роль как связующие звенья Шелкового

* Kieou Tang chou in Chavannes, Documents, 25-26. Tang chou, *ibid.*, 53. ** Kieou Tang chou, *ibid.*, 27-32. Tang chou, *ibid.*, 56-58.

Пути между Китаем, Ираном и византийским миром, являлись также этапами пути буддийского паломничества Китая в Афганистан и Индию. По этому поводу они были достаточно хорошо описаны китайским паломником Сюаньцзаном, который, отправившись из Ганьсу в 629 г., последовал по маршруту (629-630) в направлении севера (Тур-фан, Карашар, Куча, Аксу и оттуда в Токмак, Талас, Ташкент и Самарканд) и вернулся в 644 г. южным маршрутом (Памир, Кашгар, Яр-кент, Хотан, Шаньшань и Дунхуан). Его повествование свидетельствует, что в ту эпоху буддизм полностью овладел малыми княжествами Тарима, неся с собой индийскую культуру настолько, что санскрит стал религиозным языком региона, наряду с местными индоевропейскими языками, т. е. турфанским, карашарским и кучанским языками (древние "тохарские" А и Б) и восточно-иранским языком, который, по-видимому, использовался в пределах Хотана.* Рукописи, обнаруженные экспедициями Пельо, Аурэля Стейна и Фон Ле Кока, являются, впрочем, доказательством того, что буддистские тексты были переведены с санскрита на различные местные индоевропейские диалекты ("тохарские", так называемые на севере, и ирано-восточные на юго-западе), в то время как другой индоевропейский язык, согдианский, пришедший с караванщиками Бухары и Самарканда, был распространен в местах, где проходили пути от Тянь-Шаня до Лобнора, где Пельо обнаружил следы одного согдианского поселения VII в.** Мы видели, что караванщики и торговцы Шелкового Пути, с одной стороны, и буддистские миссионеры, с другой, — прибывшие от индоиранских границ в оазисы Тарима, те и другие одновременно содействовали распространению культуры Ирана и Индии, в данном случае представлявших любопытный синтез под влиянием буддистской веры. По этому поводу мы говорили о большом вкладе греко-буддистском, индо-гангском, или ирано-буддистском, что можно видеть на фресках Кызыла, обнаруженных около Кучи и принадлежащих к тому, что Хаккин называет первым стилем Кызыла (в 450-650), или же он определяет это как второй стиль (650-750).***

* Cf. Pelliot, *Tokharien et Koutcheen*, J.A. 1934,1, 52.- Отметим на всякий случай, не углубляясь в лингвистику, непосредственный аспект индоевропейского характера значительной части кучанского словаря и словаря соседних народов: *st et nessi = etre; ste = il est; patar, matar = pere, mere; pracer = frater, frere; se = fils; ikacer = fille; okso = boeuf; yakwe = equus, cheval; nem = nom; knan = savoir; klauke, kaklau = cercle; sali = sel; malkwer = lait; wek = voix; ek = oeil; trai = trois; okt = huit; ikam = vingt; kante = cent; mene = lune; pest = apres, etc.*

** Pelliot, *Le Cha-tcheou Tou tou fou king et la colonie sogdienne du Lobnor* J. A. 1916,1, 120.

*** Hackin, *op.cit.*, notamment in *Histoire des arts, collect. Reau, IV, 253* (Colin) 1938 et *Buddhist art in Central Asia etc., India Society, 1938, p. 12.*

Мы обратили внимание также на чисто сасанидский аспект буддистской живописи на деревянных панно Дандан-юилика на востоке Хотана (650). Наконец, мы видели второй сасанидско-буддистский стиль Кызыла, который развивался, параллельно индийскому влиянию, идущему от Аджанты вплоть до фресок турфанской группы в Базаклике, Муртуке и Сангиме. Наряду с индийским, древнегреческим и иранским влиянием, влияние Китая, как об этом говорит Хаккин, уже ощущалось в Кумтуре, около Кучи и, естественно, в особенности в Базаклике и других центрах, где были обнаружены фрески турфанской группы, наиболее близко расположенной к китайской границе.*

Во время паломничества Сюаньцзяна (630), культура перекрестка цивилизаций достигла своего апогея, в особенности, в Куче. Среди всех индоевропейских оазисов Гоби, Куча, вне всякого сомнения, является одной из тех оазисов, где индо-европеизм является наиболее признанным по причине обилия буддийской литературы на кучанском языке, обнаруженной Пельо, Стейном и Ле Коком. Даже транскрипция названия Куча на санскрите (Кучи) и на китайском (Киэутзэу) кажется наиболее приближенной к произнесению Кючи, которое по предположениям приписывают индийскому названию, или, как говорили когда-то, тохарскому.** Под влиянием буддизма кучанский диалект, т.е. особый индоевропейский говор, однажды обозначенный востоковедами под именем "тохарский Б" и который сегодня просто называют кучанским, стал литературным языком, на который в V—VII вв. был отчасти переведен санскритский канонический свод. Используя, таким образом, вклад буддийской цивилизации, все интеллектуальное наследство Индии, используя с другой стороны то громадное преимущество, которое ему предоставлял караванный путь, соединявший с Ираном, материальную культуру которого оно впитывало, кучанское общество, такое, каким его показывают рукописи и фрески Кызыла и Кумтуры, представляется как странный

* Cf. Hackin, *Recherches archeologiques en Asie Centrale*. *Revue des Arts Asiatiques*, 1936.

** Cf. Pelliot, *Note sur les anciens noms de Koutcha, d Aqsu et d Utch-Turfan*, *Toung pao* 1923, 127 et *Tokharien et Koutcheen*, J.A., 1934, 86-87. Luders, *Weitere Beiträge zur Geschichte und Geographie von Ostturkistan*, *Sitb. Pr.Ak.Wiss.*, 1930, 17. Сиг определял в текстах на «тохарском А» для обозначения этого языка название «арчи», которое возможно принадлежало «тохарскому народу» и которое сравнивали с названиями азиози, вусуен, аланы и т.д. Но Байлей доказал, что речь шла об обычной интерпретации, так «арчи было только «тохарским вариантом» пракритского слова «арча» и в санскрите «ариа». Cf. Bailey, *Ttugarā*, *Bull. School Orient. Stud.* VIII, 4, 1936, 912.

успех, почти парадоксальное явление во времени и пространстве. Это настолько фантастично, когда думаешь, что это эlegantное, рафинированное общество, божественный расцвет арианизма в Центральной Азии достиг таких высот в крае на расстоянии в несколько лошадиных переходов тюрко-монгольских орд, на границе со всеми варварскими племенами, накануне поглощения самыми непросвещенными из первобытных. Что в пределах степных просторов, под единственным покровительством пустынь, под ежедневной угрозой жестоких набегов кочевников такое общество могло развиваться и существовать так долго, что кажется просто чудом.

Так как фрески Кызыла воскрешают для нас великолепную кучанскую кавалерию и рыцарство, кажется, что еще до текста они вышли из какого-то листочка с изображением персидской миниатюры: чистые овальные линии, длинный прямой нос, красивые изогнутые брови, утонченное, тщательно побритое лицо, за исключением едва заметных усов, хорошо сложенные, с гибкими вытянутыми талиями, что можно подумать, что они пришли из какого-то сказания о тимуридском Шах-намэ,— физический тип лица четко иранский. То же можно сказать и об одежде. Прежде всего, это царские одежды: длинные прямые сюртуки, обхваченные вокруг талии металлическим поясом, и открытые на груди с реверсом, что было видно уже в Афганистане на сасанидских фресках Бами-ана, украшенные галунами, оформленные жемчугом и цветочками, все это позаимствовано в иранском декоре всех времен. Обратим внимание на военную экипировку: это тоже сасанидская Персия с уже "персидской" эlegantностью, которую напоминают горделивые копыеносцы из фресок Кызыла с колпаками конической формы, в кольчугах, с длинным копьем и внушительной шпагой. Наконец, прекрасные дамы и дарительницы из фресок Кызыла и Кумтура, с их сжимающими талию корсетами и пышными платьями напоминают нам, вопреки буддийским мотивам, что из всех участков Шелкового Пути, среди всех богатых караванных поселений Тарима, Куча славилась как город удовольствий, о чем говорили в Китае, вспоминая музыкантов, танцовщиц и куртизанок этих краев.

Протекторат династии Тан над Таримом

Если же под стандартными одеяниями буддийской религии Куча оставалась в плане материальной цивилизации, тяготеющей к иранскому стилю, то Турфан (Гаочан) в данном случае испытал гораздо больше китайское влияние. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить фрески Турфана, а именно Муртука, Сангима и Ба-

заклика, с фресками Кучанского региона, т.е. Кызыла. В данном случае индоевропейские реминисценции, переданные Кучой, мало-помалу растворяются в эстетике династии Тан. Такой переход объясняется как близостью Китая, так и историческими событиями. Турфаном с 507 г. правила династия Кию, китайского происхождения.*

В 609 г. правитель Турфана Кию Пайноа прибыл с визитом вежливости к императору Китая Юангти. Его преемник, Кию Вэнтай (620-640) встретил китайского паломника с таким усердием, впрочем, необычайным, что он почти не хотел отпускать своего гостя (конец 629, начало 630). Хорошо известный эпизод подтверждает, по крайней мере, пристрастие монарха к китайской культуре и его буддистское рвение. В том же году (630) Кию Вэнтай прибыл, чтобы оказать почести императору Тайцзуну, но в последние годы его правления он воспротивился созеренитету династии Тан (640). Тай-цзун направил против него войска под началом генерала Хэу Ки-юнцзи. При приближении китайской армии Кию Вэнтай скончался от внезапного потрясения. Турфан был захвачен и аннексирован, став местом пребывания китайской префектуры и позднее даже китайского правительства "Усмирненного Запада" (Нганьси (640).

Царство Карашар (Агни в санскритской транскрипции, Юэньки в китайской транскрипции), стал, кажется, индоевропейским центром, почти таким же примечательным, что и Куча.** Как и в Куче, благодаря буддизму, религиозная культура была заимствована в Индии, материальная культура отчасти в Иране, а искусство, в большей части в греко-буддистском Афганистане: орнаменты из искусственного мрамора из Карашара, в Берлинском музее, удивляют сходством с подобными творениями Хадды, в музее Гимэ. Но и там Китай династии Тан давал знать о своей военной мощи. Начиная с 632 г. Карашар принял подданство императора Тайцзуна, но в 640 г. пра-

* Столица Турфанского царства в эпоху династии Тан располагалась не в той местности, которая носит это название, а далее на восток — в Идикут шахи, древний Кара-ходжа, и как следствие, совершенно не совпадает с нынешним Кара-ходжой. Cf. Pelliot, Kao-tchang, Qotcho, Houo-tcheau et Qarakhodja J.A.1912, 1, 579. Китайские источники (Tang-chou) по Турфану переведены Шаванном и даны в резюме Сильвена Леви, (Documents 101-110, Fragments des textes koutcheens, 15).

** Под названием «тохарский» и согдийский (Arg et Ak?) Карашара, видно влияние санскритской транскрипции Агни, cf. Pelliot, A propos du tokharien, *Toung pao* XXX, 4, 265 (1937) et Henning, *Argi and the Tokharians*, B.S.O.S. 1938, 564. Китайские источники по Карашару переведены Шаванном (Documents 110-114) и даны в резюме Сильвена Леви (Fragments 8-15). Подтверждение санскритского названия Агни в отношении Карашара находим в Luders *Weitere Beitrage zur Geschichte und Geographie von Ostturkestan*, 1938, 20.

витель, называемый по-китайски Тукичэ, без сомнения, обеспокоенный аннексией Турфана, заключил союз с западными тукюями и поднял восстание. Тайцзун послал против него генерала Кю Хиа-кю. Тот же, применив хитрый военный маневр, приблизился к Ка-рашару со стороны Юлдуза, используя темную ночь, затем неожиданно напал на город под утро и захватил его. Он возвел на трон брата правителя Липочуэна, принца, преданного Китаю (640). Несколько лет спустя Липочуэн был смещен с трона одним из своих кузенов по имени Съепо Аначэм, который поддерживал кучанцев и тукюев. Имперский генерал Ашина Шеэль (принц из тукюев на службе у династии Тан) получил задание Тайцзуна покончить с восставшим городом. Он направился к Карашару, обезглавил узурпатора и водрузил на трон другого члена царской семьи (648). Вслед за Карашаром такая же судьба постигла Кучу.* Кучой (Киэутзэу) правила династия, называемая по-кучански семьей сварна (сварна на санскрите, суфа в китайской транскрипции), то есть золотая семья. Правитель, называемый по-китайски Суфа Пушэ (на санскрите Суварна Пушпа-Золотой Цветок) в 618 г. оказал почести китайскому императору Юангти. По китайским источникам его сын Суфа Тиэ (по-кучански-Сварнатэп, и на санскрите-Суварна Дева-Золотой Бог), был сторонником буддизма, который в 630 г. с большими почестями встретил китайского паломника Сиюаньцзана, хотя в буддизме, монарх вместе с народом последовал Церкви, названной Малой Повозкой (Хинаяна), в то время как Сюаньцзан принадлежал Церкви Большой Повозки (Махаяна).** В том же 630 г. Сварнатэп признал себя вассалом императора Тайцзуна, но в дальнейшем, недовольный захватнической политикой династии Тан, он сблизился с западными тукюями в противостоянии этой политике. В 644 г. он отказался от податей и оказал помощь населению Карашара в борьбе против Китая. Умер он до возмездия, его заменил брат, которого китайские историки называли Холи Пу-шэпи (на санскрите-Хари Пушпа — «Божественный цветок» (646).*** Новый правитель, чувствуя приближение бури, поспешил послать императорскому китайскому двору заверения в преданности

* Китайские источники (Tang chou) по истории Кучи переведены Шаванном, (Documents, 114-121) и даны в резюме Сильвена Леви (Le Tokharien В, langue de Koutcha, J.A. septembre-octobre 1913.

** Hiuan-tsang, Vie, trad. Julien, 48.

*** Цветок на кучанском звучит — пиапио (Sylvain Levi, Fragments de textes koutcheens, Soc.As.1933, 140).

(647). Но было поздно. Ашина Шеэль, принц тукюев на службе у Китая, отправился на запад с регулярной китайской армией и дополнительными воинскими частями тукю и толашей.

Ашина Шеэль начал с того, что лишил Кучу ожидаемой поддержки, разгромив два союзных с восставшим городом тюркских племени чуюев и чуми, которые кочевали, первые в районе Кучена, вторые — у Манаса. Оттуда он спустился в Кучу. Когда повелитель Холи Пушэпи вышел из стен крепости со своей армией, Ашина Шёэюль, применяя древнюю тактику варваров, сделал вид, что отступает, завлек его в пустыню и там разгромил. Без сомнения, это были Грэси и Лазинкур этого иранского рыцарства, финальный этап блестящих странствующих рыцарей из фресок Кызыла. Тюркский кондотьер, служивший китайцам, вошел в Кучу победителем, и так как правитель "Божественный цветок" укрылся на западе на площади Аксу (Похуан), он устроил осаду и взял его в плен. Однако один из кучанских вельмож по имени Нали, в китайской транскрипции, который отправился за подмогой к западным тукюям, неожиданно вернулся, прибегнув к эффекту внезапности, убил китайского генерала Кю Хиакю. На этот раз репрессивные меры оказались очень жестокими. Ашина Шеэль обезглавил 11 000 человек. "Он разрушил пять крупных городов с неисчислимым количеством населения мужчин и женщин. Западные страны содрогнулись от ужаса" (647—648). Плененный имперский посланник Холи Пушэпи склонил колени перед его величеством императором Тайцзуном. Ябгу, брат принца, был возведен на трон Кучи, но находился под постоянной опекой.

Фактически, великолепное индоевропейское общество Кучи и Кызыла больше никогда не оправилось от этой катастрофы. Спустя век после правления китайцев, когда Китай во II-й половине VIII в. стал меньше уделять внимания Куче, власть перешла не индоевропейской аристократии, как это происходило когда-то, как и в Турфане, она перешла к уйгурским тюркам. Эта древняя индоевропейская страна, этот внешний Иран превратился в Восточный Туркестан.

На западе Тарима расположилось царство Кашгара — по-китайски — Су-ле, где, вне всякого сомнения, проживали потомки древних чака, говоривших, вероятно, на восточно-иранском языке. Китайский паломник Сюаньцзан отмечает, что у кашгарцев были голубые, или по его словам, "зеленые зрачки", что является весомым аргументом, который немецкие историки называли бы явным проявлением "арианизма" этого народа. Сюаньцзан упоминает также, что

их письменность восходит к индийской, что главенствующей религией был буддизм "Малой Повозки" или Хинаяна, несмотря на то, что сасанидский маздаизм имел также своих последователей. И напротив, в княжестве Яркенд (по китайски-Соkjю) основной буддистской верой была Махаяна или "Большой Повозки Спасения". Наконец, оазис Хотан (по китайски-Ютьен), где были распространены плантации тутовых деревьев для выведения тутового шелкопряда, производство ковров и изделий из нефрита, был к тому же важным буддийским центром, где с рвением изучали санскрит и где главенствовала Махаяна. От царствовавшей тогда династии нам осталось название в китайской транскрипции: Вэйче.

С приходом императора Тайцзуна, эти три княжества оказали почтение Китаю. Это Кашгар и Хотан в 632 г., Яркенд в 635 г. В том же 635 г. хотанский правитель отослал своего сына к императорскому двору. В 648 г., когда имперский генерал Ашина Шеэль подчинил себе Кучу, он направил своего военачальника Сиз Ванпя в сопровождении легкой кавалерии в сторону Хотана. Хотанский правитель, называемый по китайски Фуше Син, сильно напуганный, был приглашен к императорскому двору Чанъаня, откуда он впрочем, был препровожден к себе с новыми титулами и привилегиями.*

Китайская династия Тан — властитель Верхней Азии

В результате этих побед прямое правление Китая достигло Памира. Понятна гордость императора Тайцзуна, властителя Верхней Азии. Тан-шу так передает его слова: "Те, кому когда-то удалось подчинить варваров, так это только Цинь Шихуанди и Хань Вуди. Но, взяв в руки меч длиною в три фута, я подчинил двести княжеств, навел порядок у четырех морей, а варвары далеких степей сдались мне один за другим!"** У тюрков его престиж тоже был огромен. Если ему удалось их победить, то ему удалось также объединить их, связать узами личной преданности в манере, присущей тюрко-монголам, как об этом свидетельствуют в следующем веке тюркские надписи Кошо-Цайдама. Самым ярким примером этого тюркского отношения к нему является история Ашина Шеэля, цитированная Тан-шу.***

* Китайские источники (Tang chou) у Шаванна, Documents, 121-128. Cf. Sten Konow, Khotan studies JRAS, 1914, 339. Sylvain Lévi, Les rois Foutou de Khotan, ibid. 1020. F.W.Thomas, The language of ancient Khotan, Asia Major, II, 2, 1925, 251.

** Tang chou, trad. Chavannes, Documents, 121.

*** Trad.Chavannes, Documents, 174-178.

Этот хан, принадлежавший царской семье восточных тукю (он был братом кагана Хиэли), сдался Китаю в 636 г. Он стал лучшим генералом Тайцзуна, который, в знак поощрения, отдал ему в жены принцессу династии Тан. Мы видели, какое участие он принял в китайских завоеваниях (взятие Карашара, Кучи и т.д.). Его преданность была настолько велика, что после смерти Тайцзуна, постаревший кондотьер хотел покончить со своей жизнью прямо на могиле усопшего, по принципу кочевников, "чтобы охранять погребальное ложе Императора!"

Это об этих ветеранах походов в Верхнюю Азию можно сказать так, как говорится в известных стихах поэта Ли Тайпо, посвященных Человеку Великих Походов: "Человек Великих Походов, не открывший даже одной книги за всю свою жизнь, был великолепным охотником, отличался ловкостью, силой и смелостью. Осенью его конь начинал лосниться от жира, так как степная трава шла ему на пользу. Когда он скакал верхом, у него был великолепный и горделивый вид! Его хлесткий кнут врезался в снег или звенел в золотом чехле. Разгоряченный благотворным вином, он мчался со своим соколом и устремлялся далеко в степь. Лук, который можно было натянуть с невероятным усилием, никогда не выпускал стрелы впустую. С небес сыпались птицы, неоднократно пронзенные свистящими стрелами. Люди спешили, чтобы уступить ему дорогу, так его храбрость и воинский порыв были известны на всех просторах Гоби."

Император Гаоцзун (650-683), сын и преемник Тайцзуна, завершил в первой половине своего правления, дело своего отца. Он сосредоточился в борьбе против западных тукю, то есть двух племенных групп, на которые разделились западные тукю, на нушэпи — на юго-западе Иссык-Куля, и на тулу — на северо-востоке. Такое разделение, конечно, было результатом китайской политической игры. Предводителю тулу, по имени Холу (651-657), в какое-то время удалось также привлечь на свою сторону нушэпиев, таким образом восстанавливая ханство западных тукю. В то время, он, не колеблясь, восстал против китайского сюзеренитета. Китайцы стали привлекать в борьбе против него уйгурских тюрков-древних теле или теля-шей, идя с ними на сближение. Они кочевали на территории Хангая, и их хан Пожюэн эффективно оказывал содействие имперской политике. Имея такую поддержку, китайский генерал Су Гинфан двинулся в направлении суровых просторов северо-запада. Наступила зима, земля была покрыта толстым слоем снега. Китайский генерал обратился к своим воинам со следующими словами: "Туман

создает повсюду плохую видимость. Дуют ледяные ветры. Варвары счи-тают, что в такую погоду мы не можем продолжать нашу кампанию. Так поспешим же застать их врасплох!" И в самом деле он неожиданно атаковал Холу на реке Бортола неподалеку от Эбину-ра, в Джунгарии, затем одержал над ним победу в Чу на западе Иссык-Куля (657) и заставил его бежать в Ташкент. Это было концом Холу, так как жители Ташкента выдали его китайцам.*

Императорский двор Китая поставил над тулуями преданного им тюрка — Ашина Мише (657—662). Со своей стороны, племенами нушэпиев стал править другой верноподданный Китая-Ашина Пучэн (659-665).

Последний этап славы Тукю. Каган Мочо.

Китайская династия Тан, казалось, достигла всех своих целей в Верхней Азии, когда ситуация неожиданно поменялась. Император Гаоцзун, будучи слабым правителем, был втянут в интриги гарема, и во вторую половину периода своего правления, с 665 по 683 годы, допустил полное ослабление китайского влияния в Верхней Азии. Начиная с 665 г., две группы западных тукю: нушэпи и тулу, восстали против правителей, назначенных Китаем и вернули себе независимость. Затем тибетцы, отличавшиеся дикими нравами,** вторглись в бассейн Тарима и отобрали у Китая то, что называли "Четырьмя Гарнизонами": Карашар, Кучу, Хотан, и Кашгар (670). В частности, государство восточных тукю, разрушенное в 630 г. императором Тайцзуном, было восстановлено при потомке древней царской семьи кагана Кутлуга ("Счастливец"), и даже надписи Кошо-Цайдама восхваляют его под именем кагана Эльтериша.

Надписи, сделанные собственным сыном Кутлуга, показывают, что реставрация тюркского ханства Орхона отвечала национальному достоинству.***

"Все вместе, малые тюркские народы говорили так: Я был народом со своей собственной империей. Где теперь моя империя? Я был народом, у которого был собственный каган. Где же теперь мой каган? Так они говорили, и говоря это, становились врагами китайского кагана и вновь обрели надежду воспрять духом и прид-

* Kieou Tang chou dans Chavannes, Documents, 32-38. Tang chou, *ibid.*, 59-66.

** Тибетские документы из Дунхуана, представленные Пельо (Национальная библиотека, фонд Пельо) и исследованные Жю Бако, доказывают, что полный переход Тибета к буддизму до сих пор приписываемый тибетским правителям VII в., был осуществлен значительно позднее (сообщение Бако в Азиатском Обществе, 1937).

*** Thomsen, Inscriptions de Orkhon, 100.

ти к единству. Тогда китайцы сказали: Мы уничтожим тюркский народ, лишим его будущего, и они стали действовать, чтобы стереть его с лица земли. Но бог тюрков там, на небесах и святые духи земли и воды тюрков совершили следующее: для того, чтобы тюркский народ не был полностью уничтожен и для того, чтобы он вновь стал народом, они взрастили моего отца, кагана Эльтериша и мою мать, Илбилга-катун, возвеличивая их до самых небес." Воссоздатель империи Орхона, по свидетельству писания, впрочем начал как обыкновенный главарь отряда. "Отец мой, каган, собрал вначале двадцать семь человек, затем у него их собралось семьдесят. Так как Тенгри придавал им силы, то армия отца была подобна стае волков, а враги напоминали кучку трусливых овец. После того как под его начало встали семьсот человек, он напал на независимые народы, сбросил ханов с тронов, превратил людей в рабов, он расправился с ними по обычаям наших предков и увлек их за собой. На юге нашими врагами были китайцы, на севере нашими неприятелями были Девять Огузов (Токкуз Огуз), нашими недругами были киргизы, курикане,* Союз "Тридцати татаров", хитая. Мой отец-каган возглавил сорок семь кампаний и одержал двадцать побед. Так как Тенгри был благосклонен к нему, он лишил империй тех, у кого они были; те, у кого правила каганы, он их ниспроверг. Он умиротворил врагов, поставил на колени и заставил их склонить головы."**

Таким образом, ханство восточных туюк было восстановлено в пределах исторического центра у истоков Орхона и гор Утукена (несомненно нынешняя горная гряда Хангай).*** В этих свершениях огромную помощь Кутлугу оказал ловкий политик Тониукук (или Тоньюкук), по происхождению тюрк, семья которого в какой-то период занимала наследственный пост в китайской администрации, в приграничном районе Юньчон, неподалеку от современного Куэй-гуачана, на севере Шаньси. Надписи на погребальном камне Тонью-кука, обнаруженном в 1897 г. в долине верховьев Тулы в Баян-Со-кто между Налаичой и правым берегом реки, дополненные данными Тан-шу, позволили восстановить этот любопытный образ.****

* Курикане предположительно жили на правом берегу озера Байкал.

** Thomsen, Inscription de l Orkhon, 101-102.

*** "Центром, где правила империя, являлись лесные массивы Утукена",— говорится в надписи Мокилена (Thomsen, Inscription de l Orkhon, 116). Месторасположение предложено Томсенем, Zeitschr.d.D. morgenl. Gesell. LXXVIII, 1924, 123.

**** Radloff, Die altturkischen Inschriften der Mongolei, II, 1899 (Radloff, Die Inschrift des Tonjukuk; Fr.Hirth, Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk W.Barthold, Die altturkischen Inschriften und die arabischen Quellen).

Как и многие тюрки благородных кровей, начиная от правления Тайцзуна, Тоньюкук получил китайское образование, но когда Кутлуг восстановил тюркскую независимость, он присоединился к нему, стал его советником и ближайшим помощником, отдавая в угоду нового кагана знания, которые он обрел в сфере обычаев, менталитета и политики китайцев. В особенности то, что касалось их слабых сторон, вызванных дворцовыми интригами в эпоху бесславного императора Гаоцзуна. В 682 г., он совместно с Кутлу-гом, начал войну против Китая, разорив север Шанью. В марте 683 г. Кутлуг опустошил район Куэйчэу (Хуайланьхиен на севере прохода Нанькэу, на северо-западе Пекина).*

С тех пор каждый год совершалось нападение на территорию Шаньси или Хубея. В апреле 683 г. Кутлуг и Тоньюкук разгромили уезд Шанью, нынешний "Суэйюань". В июне они убили правителя Ючэу или Вэй-чэ (Лингкюю на юго-востоке Татонга), взяли в плен наместника Фонгчэу (Юли, на севере Шаньси) и опустошили уезд Ланьчэу на северо-западе Шаньси.** Осенью 684 г. были совершены набеги со стороны Сочэу (Шопин на севере Шаньси). В мае 685 г. были нападения вплоть до Хиньчэу на севере Тайюаня, где был разгромлен китайский корпус. В апреле 687 г. было совершено вторжение на Чан-пин на северо-западе Пекина. Осенью 687 г. тюрки, атаковавшие Шаньси со стороны Шопина, наконец потерпели поражение.

Однако после смерти императора Гаоцзуна (26 декабря 683 г.), власть императорского двора перешла его вдове Ву Хэу (или Ву Тзетъен), беспринципной женщине, отличавшейся невероятным деспотизмом, но полной энергии и обладавшей властолюбием и умением управлять (684-707). Несмотря на тиранию, насажденную ею внутри страны, она принялась за возрождение китайской политики. В Тариме, например, ее военачальники отобрали у тибетцев "Четыре Гарнизона": Карашар и Кучу (692), Кашгар и Хотан (694).*** Но, как мы знаем, у нее было меньше успехов в борьбе против восточных тукю, каган которых Кутлуг почти ежегодно совершал опустошительные набеги на приграничные районы Шаньси и Хубея. Она пыталась совершить обходной маневр, поддерживая в борьбе против него тюргашей или тюргешей,**** тюркское племя нынешнего Семиречья в нижнем течении реки Или. Это оказалось

* Cf. Radloff, *Alturk. Inschr.* II.31.

*** *Identifications de Fr. Hirth, ibid.* 56-58.

**** *Tang chou dans Chavannes, Documents*, 119.

**** Форма тюркиш обнаружена в уйг. яз.; см. к пр., A. von Gabain, *Die uigurische Uebersetzung der Biographie Huen-tsangs, Sitzungsber. d. preuss. Akad. d. Wiss., phil. hist. Kl., 1935, VII, p. 24.*

напрасным, так как тюркешский хан Вучеле был разгромлен и взят в плен Кутлугом, который подчинил его себе (689).*

Кутлуг скончался между августом и ноябрем 691 года.**

Его преемником не стал ни один из его сыновей. Им оказался его брат Мочю или Мочо (китайское написание тюркского Бекчора, что установлено Пельо), а также об этом свидетельствуют надписи Орхона, указывая его под именем Капаган-кагана, который поднял очень высоко славу восточных тую (691-716).***

Нередко, решая роль третейского судьи в коллизиях дворцовой знати династии Тан, он добился, прибегнув к хитрости, статуса покровителя легитимного правления династии Тан против узурпаторской политики императрицы Ву Хэу, которая искала пути примирения с ним, намереваясь женить своего племянника на дочери тюркского правителя; молодой принц и в самом деле явился к кагану, который в то время располагался в Черных Песках (Кара-Кум), на юге нынешнего Саян-ноян, но Мочо с надменностью ответил тому отказом (698): его дочь предназначалась не племяннику Ву Хэу, а законному императору, отстраненному узурпатрицей (703). Впрочем, он заявил, что если узурпатрица попытается лишить трона династию Тан, он обрушится на Империю со всеми своими ордами.

Несмотря на то, что он демонстрировал стремление защищать династию Тан против грозной и властной вдовы, Мочо, во всяком случае, не прекращал свои набеги на китайскую территорию. В 694 г. он опустошил уезд Лингчэу около Нинся, а в 698 г. — уезд Вейчэу, в районе между Сиюань-хуа и Лингкбю на западе от Пекина. Между тем он стал сотрудничать в какой-то момент с китайскими властями в борьбе против киданей, народа монгольской расы, кочевавшего в Лэатци и в Жэхоле, и начавшего свою экспансию к югу, напад на китайские подступы со стороны Юонгпина. В 696 г. один из предводителей киданей, хан Ли Тзинчон одержал победу над китайской армией в этом регионе. Этим предводителем был никто иной, как союзник Мочо. Вскоре после его смерти кидане изгнали его сына и порвали связь с тюрками. Мочо проник в страну киданей для того, чтобы возвратить изгнанника, но этого ему не уда-

* Kieou Tang chou, у Шаванна, Documents, 43. Tang chou, *ibid.*, 79 (там упоминаются две резиденции тюркешского хана: «крупный лагерь» в долине Ток-мака и «маленький лагерь» в Кон-юэ, на севере Или. См. замечания Шаванна, то же самое, 283).

** Pelliot, Neuf notes sur des questions d'Asie Centrale, *Toung pao*, 1929, 4 et 5, p.206-207.

*** Cf. Stanislas Julien, Documents sur les Tou-kiue, J.A., 1864, II, 413-458. Sur Mo-tcho = Bak-tchor, Pelliot, *Toung pao*, 1914, 450.

лось осуществить. Вот тогда он примирился с китайцами для того, чтобы осуществить совместные операции против киданей. За это он получил в качестве вознаграждения большое количество шелка, риса, оружия, доспехов и так далее. Кидане, зажатые между Мочо и китайцами, одновременно захватившими их страну, были разгромлены наголову (696-697).

Императрица Ву Хэу, считая, что Мочо стал окончательно на ее сторону, высоко оценила его за помощь. В качестве ответа, он возобновил свои нападения в уезде Линфу около Нинся. Когда китайский императорский двор отверг его наглые требования, он провел ужасающую кампанию грабежа на юге Сиюань-хуа, штурмом овладел Вэй-чэу (может здесь идет речь о Лингкию на юго-востоке Татонга), опустошил Тингчэу в центре Хубэя, между Паотином и Чэнгтином, захватил еще Чао-чэу и отошел только тогда, когда взяв в плен тысячи людей, умертвил их во время своего ухода.* В 702 г. он опустошил уезд Тайчэу на севере Шаньси. В 706 г. он буквально рассеял войска китайского генерала Шача Чонги в Миншашане, на востоке от Дун хуана и взял в осаду приграничную зону Лингчэу около нынешнего Нинся. Победа Миншашаня воспевается в эпической форме на стеле Кошо-Цайдама, где говорится о том участии, которое принял племянник Мочо-Кюльтегин: "Мы сражались против Шача сангуна. Вначале он (Кюльтегин) оседлал серого жеребца Тадикинчуру и ринулся в бой. Конь погиб в том бою. Затем он сел на серого цвета коня Йшбара-Йаматару и поскакал в атаку. Этот конь тоже был убит. В третий раз он на коне гнедой масти Кедимли-ге помчался на врага. Весь в доспехах, он сразил стрелами более сотни вражеских солдат. Его бой у многих из вас в памяти, о, благородные тюрки. И мы там разгромили эту армию (китайскую)!"**

После каждого набега на китайскую землю Мочо возвращался в Монголию с длинной вереницей пленных и со сказочной добычей. В надписях Кошо-Цайдама говорится: "И тогда же рабы стали владельцами рабов, крепостные слуги стали владельцами крепостных. Мы тогда столько сделали и столько завоевали!"***

Мочо достиг значительных успехов в борьбе против других тюркских народов. На востоке он покорила племя Байирку в верховьях Керулена, на севере — кыргызов верховьев Енисея. Как написано на стеле его племянника Кюльтегина: "Пересекая снег толщиной в наши копыта мы достигли гор, покрытых лесом в Кюгме-

* Stan.Julien, Documents, J.A., 1864, II, 420. **
Thomsen, Inscriptions de l Orkhon, 109. ***
Ibid., 105.

не (нынешний Танну-Ола), мы одержали победу над киргизами и мы продолжали воевать против их кагана за дальними лесами. Кюльтегин сражался на белом жеребце. Он метко пронзал стрелой человека и протыкал двоих при близкой встрече. Он загнал до смерти своего отменного коня, и ему удалось убить кагана киргизов и поработить его народ".*

На западе Мочо на какой-то период привлек под свое начало две группы западных тукю, тулу и нушэпи (699). К этому времени грозное единство тюрков было воссоздано, а великая империя тукю 550 года почти восстановлена. В нижнем течении Или на юге Балхаша тюргешский хан Соко (706-711), сын и преемник Вучуле, попытался, правда, оказать сопротивление, объединить западных тукю против Мочо, но в 711 г. был побежден и убит последним, который стал таким образом союзником тюркских народов, начиная от китайской границы вплоть до Трансоксианы.**

По поводу этого на стеле Кюльтегина написано: "Каган Тюргешей был родом из моих тюрков, выходцев из моего народа. Так как он не обладал мудростью и проявил неуважение к нам, он был убит..."; И далее: "Мы пошли походом против тюргешей, пересекая лесистые горы Алтуна (Алтая) и перешли верховье Иртыша. Мы одержали победу над тюргешами. Армия кагана тюргешей двинулась на нас, словно огонь и буря, и мы приняли бой. Кюльтегин пошел в бой на сером коне Башгу. Мы убили кагана тюргешей и покорили его народ." Такие же победы были одержаны над карлу-ками, еще одним тюркским народом Илийского региона". Мы сражались в Каракеле. Кюльтегин на белом коне ринулся в бой...Мы поработили карлуков".***

Но Мочо старел. Его жестокость, его тирания обескровливали тюрков. Многие предводители перешли на сторону Китая. Байиркулы верхнего Керулена подняли восстание. Мочо буквально растерзал их на берегах Тулы, но там, при возвращении, пересекая лес, был атакован своими врагами и убит (22 июля 716 г.). Его голова была передана байиркулами китайскому послу, который переправил ее в Чанъан.

* Ibid., 109.

** Marquart, Chronologie der altturkischen Inschriften, I.e., 17 et 53. Chavannes, Documents, 283. Sur So-ko = en turc Saqal, d'après M.Pelliot, Kieou Tang chou, dans Chavannes, 43-44 et Tang chou, ibid., 79-81.

*** Thomsen, Inscriptions, 110-111.

Кюльтегин и Мокилэн

Смерть Мочо стала причиной больших беспорядков среди тюрков. Его племянник, энергичный Кюльтегин, сын бывшего кагана Кутлуга, совершил настоящую дворцовую революцию. Пользуясь большим авторитетом, который он приобрел, одержав ряд побед (мы видели ту роль, которую он сыграл в качестве наместника своего дяди), Кюльтегин убил Бёгё, сына Мочо, а также прикончил всю его семью, включая всех советников умершего кагана.*

В живых остался только Тоньюкук, который был тестем брата Кюльтегина.

Кюльтегин не стал занимать престол. Он посадил на каганский трон своего старшего брата Мокилэна (в китайской транскрипции), которого в надписях Орхона называли Билга каганом, "мудрым правителем", царствовавшим в Монголии с 716 по 734 годы.**

Но в связи с кончиной Мочо и последующей семейной драмой, все вассальные орды выступили против династии Орхона. Кюльтегину и Мокилэну пришлось приложить огромные усилия, чтобы навести порядок. На стеле Кошо-Цайдама, воздвигнутой Мокилэном в честь Кюльтегина, перечислены кровавые битвы против Девяти Огузов (Токуз Огуз) и союза Девяти Татар (Токуз Татар),*** без сомнения, первые находились на среднем Керулуне, а вторые — в нижнем течении той же реки, против уйгуров и карлуков.****

"Народ Токуз Огуз был моим собственным народом. А так как на небе и земле произошли большие изменения, они стали нашими врагами. В течение года мы столкнулись в пяти сражениях. На белом коне Азмана Кюльтегин выступил впереди. Он пронзил шесть воинов, зарубил седьмого. Мы одержали победу, но тюркский народ падал от усталости и был деморализован".***** И если в разгар этих жестоких боев западные тукю отдали свой сюзеренитет восточным тукю, им удалось сохранить княжество Орхона. О его

* Cf. Pelliot, *La fille de Mo-tcho qaghan et ses rapports avec Kul-tegin*. *Toung pao*, 1912, 301.

**Когда-то Мокилэн был назначен его дядей Мочо — ханом сыртардушей, входивших в тюркское племя в Кобдо.

*** Чуть дальше Тридцать Татар, Огуз Татар. Cf. Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, 140.

**** Уйгуры, бывшие Толаши, несомненно кочевали в стороне Тарбагатая на юго-западе гор Монгольского Алтая, а карлуки, безусловно, на восточной стороне оз. Балхаш. Предводители уйгуров, также как и карлуков, носили в то время титул эльтабиров. Cf. Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, 127 et 128.

***** Thomsen, *Inscriptions*, 112, 125-126.

удовлетворении написано от его имени на стеле Кюльтегина: "Если бы я не действовал так тесно со своим младшим братом Кюльтегином, тюркский народ не существовал бы".

Чтобы залечить раны гражданской войны Мокилэн внял советам старого Тоньюкука, которому исполнилось семьдесят лет. Мокилэн вознамерился восстановить свое правление, напав на Китай. Тоньюкук отговорил его от этого шага. Фактически на трон династии Тан взошел император Сяоаньцзун (713-755). Не обладая лично военными качествами Тайцзуна Великого и не лишая себя удовольствий императорского двора (золотой век, эпоха неподражаемого образа жизни двора в Чанъани), новый "сын неба" явно проявил слабость к славе и был полон желания восстановить китайскую гегемонию в Верхней Азии. Будучи постоянно в курсе внутренней китайской политики, Тоньюкук с очевидностью доказал своему хозяину, что тюрки, ослабленные гражданской войной —катастрофическое уменьшение стад, исхудалые лошади, изголодавшиеся орды совершили бы ошибку, решив напасть, применяя военную силу против династии Тан, находившейся на стадии возрождения. Переходя от крайности к крайности в эпоху династии Тан, Мокилэн хотел бы, чтобы его тюрки успокоились, построили на Орхоне столицу с крепостью на китайский манер, возвели буддийские монастыри и даосистские кельи. Тоньюкук указал ему, что это было бы другой оплошностью. Основным преимуществом тюрков являлась мобильность кочевников, которая позволяла им неожиданно нападать, используя дюбую благоприятную возможность и стать неуловимыми в случае поражения. Китайский летописец передает слова одного из умудренных тюркских воинов: "Тюкю малочислены по сравнению с китайцами. Они всегда в поисках воды и пастбищ, увлекаются охотой, не имеют постоянного местожительства и ведут войны. Когда они чувствуют свою силу, то устремляются вперед. Если чувствуют себя слабыми, бегут и ищут убежища. Таким образом, они компенсируют количественное превосходство китайцев, которое не придает силы последним. Если же вы разместите тюкю в городе, огражденном крепостной стеной от внешнего мира и если вы однажды проиграете битву китайцам, вы окажетесь их пленником. Что касается Будды и учения Лаоцзы, то их учение сводится к тому, чтобы сделать людей мягкими и покорными; избавьте воинов от учености!"*

Точно такие же наставления, — секрет тюркской силы, — Мокилэн оставил для своих потомков на стеле Кошо-Цайдама. Он на-

* *Memoires concernant les Chinois*, XVI, II. Cf. J. Marquart, *Skizzen zur geschichtlichen Volkerkunde des Mittelasiens und Sibiriens*, Festschrift für Friedrich Hirth, 1920, 291.

поминал в связи с этим какой деморализующий эффект производило на восточных туюк предыдущего века влияние китайских обычаев". Обращение китайского народа, дающего нам без труда столько золота и серебра, много шелка, звучит мягко, а даваемые богатства кажутся чрезмерными. Втираясь в доверие своим мягким обращением и щедрыми дарами, китайцы завлекают тюркский народ. Поддаваясь на эти увещевания, сколько из твоего народа, о тюрки, потеряли жизнь. Покидая мрачный лес, многие обращают взор к югу, говоря: "Я хочу жить в долине". И Мокилэн умоляет тюрков оставаться тюрками: "Если ты пойдешь в эту страну, о, народ тюрков, ты обретишь смерть! Но если ты останешься в лесу Утукена (Хангай и Орхон), где нет ни богатств, ни соблазнов, ты сохранишь вечную империю, о, народ тюрков!... Все, что я тебе хотел сказать, я написал на этом вечном камне."*

Тем не менее, следуя советам Тоньюкука, Мокилэн предложил мир Китаю (718). Император Сиюаньцзун отверг это предложение и объявил войну. Басмилы, тюркское племя области Кучена, бывшей Пейтин и кидане Лео-си и Жэхоля, совместно с Китаем должны были захватить туюк с тыла на юго-западе и юго-востоке. Каган Мокилэн почувствовал неладное. Старый Тоньюкук успокоил его, доказывая, что басмилы, китайцы и кидане разделены очень большими расстояниями, чтобы скоординировать свои действия. И в самом деле у Мокилэна хватило времени, чтобы наголову разбить басмилов в Кучене, прежде чем напасть на китайскую границу нынешнего Ганьсу со стороны Канчэу и Лэанчэу (720). Наконец, в 721—722 годах был заключен мир. Между туюк и Китайской империей установились дружественные отношения.**

После смерти своего брата Кюльтегина, которому он был обязан трон (умер в 731 г.), Мокилэн поручил установить могильный памятный камень в районе между Кошо-Цайдамом и Кек-чюн-Орхоном, в 60 км к северу от Каракорума. На камне есть надгробная эпитафия, отрывки из которой мы сочли возможным процитировать ранее и которая является эпическим наследием древних тюрков. Император Сиюаньцзун добавил туда китайскую фразу, как свидетельство дружбы двух империй (732).***

* Thomsen, *Inscriptions de l'Orkhon*, 117—118.

** После смерти Мокилэна, Сиюаньцзун высоко оценил миролюбивые чувства и доверительную дружбу, которые каган испытывал по отношению к империи. Cf. Pelliot, *L'inscription chinoise de Bilga qaghan*. *Toung pao* 1929, 4-5, p.238.

*** Cf. Pelliot, *Les funerailles de Kul-tegin*, *Toung-pao*, 1929, 4-5, p.246.

Эти надписи — самый примечательный и древний памятник тюркской литературы — составлены на основе так называемой "рунической" письменности, которая восходит к арамейскому алфавиту через посредничество древне-согдианского алфавита (Бартольд отмечает, что это произошло несмотря на то, что часть этих рунических надписей имеет независимое происхождение и демонстрирует идеографический характер). Другие тюркские надписи на руническом алфавите были обнаружены в Сибири, в бассейне реки Енисей. Бартольд считает, что первая тюркская письменность берет начало в VII и даже в VI в. новой эры. Она была заменена, как это мы увидим, в VIII в. у тюрков уйгурской письменностью, равным образом, восходящей к северным семитским алфавитам, опять таки через согдийское письмо.

Распад империи восточных тукю. Начальный период уйгурской империи

Восточные тукю, благодаря той культуре, о которой свидетельствуют алфавит и орхонские надписи, а также благодаря тому, что каган Мокилэн отличался относительно добрым нравом, казалось были на пороге вхождения в русло великих цивилизаций, когда Мокилэн был отравлен одним из своих министров (734). Его смерть повлекла за собой вереницу беспорядков, которые толкали империю тукю в пропасть. Его сын Юйян (кит. транскрипция), умер вскоре вслед за своим отцом. Юйяна заменил его брат Тангри каган. Еще будучи молодым, он правил при попечительстве вдовствующей Ха-гун Мокилэна, но в 741 г. Тангри каган был убит одним из своих офицеров, выходцем из восточной части, который, по-видимому, провозгласил себя правителем под именем Озмиша кагана. Это был конец империи тукю, так как Озмиш каган оказался в состоянии вражды с тремя восставшими вассальными тюркскими племенами: басмилами, уйгурами, карлуками, которые, по всей видимости, кочевали соответственно: басмилы в пределах нынешнего Кучена, уйгуры — между Кобдо и Селенгой, а карлуки-в самой восточной части озера Балхаш со стороны Имиля. Озмиш каган был убит басмилами в 744 г., которые отправили его голову правителям Чангьяня. Остатки правящего клана восточных тукю укрылись в Китае (743).*

Следовало покорить Монголию. Басмилы попытались это сделать, но будучи недостаточно сильными, они потерпели поражение (744). По всей вероятности это удалось сделать уйгурам при помо-

* Pelliot, L inscription chinoise de Bilga qaghan, Toung pao, 1929, 229—246.

щи карлуков. Уйгурский хан, называемый на китайский манер Кули Пейло, стал каганом в имперской провинции верхнего Орхона под именем правителя Кутлуг Бильга (Ку-ту-лу Пей-киа-кью). Его приход к власти был поддержан династией Тан, а император Сиюаньц-зун присвоил ему титул Хуайжэна. Летописцы эпохи династии Тан свидетельствуют, что он правил от Алтая до Байкала. По одним источникам он скончался на следующий год в 745 г., а по другим источникам — только в 756 г. Но дело, начатое им, пережило его.

Уйгурская империя пришла на смену империи восточных тукю и просуществовала один век (744-840). Впрочем, речь шла о замене одного тюркского народа другим тюркским народом, тесно связанных между собой в господстве над Монголией. Однако, уйгуры, в противоположность тукю, представлявшим нередко опасное соседство для Китая, показали себя вначале преданными соседями, а затем полезными союзниками и, наконец, неплохими, зачастую весьма взыскательными защитниками династии Тан.

Столица уйгурского кагана была расположена в Карабалгасу-не, городе, называвшейся в те времена Орду-Бальком, "городом имперского двора", на верхнем Орхоне неподалеку от бывших резиденций шанью хунну и каганов тукю, около будущего Чингизханидского Каракорума.*

* Одним из спорных вопросов у тюркологов является вопрос идентичности или различия между уйгурами и огузами. Вот элементы этого известного спора. — Тезис об идентичности был выдвинут Томсенем (*Inscription de l'Orkhon*, 147 et par Marquart, *Chronologie der altturkischen Inschriften*, 23 et *Streifzuge*, 91). Бартольд выступил против такой трактовки (*Toghuz-ghuz*, *Enc. Isl.*, 848 et *Vorlesungen*, 53). Не менее спорным является предположение о точном местонахождении тогуз огузов «9 огузов», упоминаемых в надписях тукю VIII в. и уйгурских письменных памятниках IX в. Бартольд располагает их весьма гипотетически на севере Утукена (или горы Хангай?) (*Barthold*, *Turks*, *Enc. Isl.* 948); другие тюркологи, поддерживаемые Альбертом Геррман-ном (*Atlas of China*, 35, 39), размещают их на среднем Керулене. Сторонники идентичности уйгуров и тогуз огузов выдвигают следующие аргументы: 1. В надписи Орготу уйгурский каган Моен-чо называет свой народ «Он уйгур тогуз огуз» (но, может речь идет о конфедерации двух различных элементов). 2. В Огуз-наме, Огуз — хан, эпический герой огузов, говорит: «Я — каган уйгуров» (цитируется по Пельо, *Sur la legende d'Oghouz-khan en ecriture ouigoure*, *Toung pao*, 1930, 4-5, p.351). Но Пельо считает, что Огуз-наме «был составлен на уйгурском языке в Турфане к 1300 г.»; цитата, о которой идет речь, могла только представлять собой позднее добавление, связанное со стилем. 3. Мак-суди, Гардизи и Якут свидетельствуют нам, что тогуз огузы какое-то время были манихеями, что могло бы послужить их идентификации с уйгурами, став-

Апогей власти династии Тан: завоевание Западного Туркестана

Предводитель западных тукю, генерал Ашина Хьен, тюркский кондотьер на службе у Китая, одержал выдающуюся победу в Ток-маке на западе Иссык-Куля в 714 г., которая привела под протекторат Китая племена тулу Джунгарии и тюрков-карлуков Имиля и Тарбагатая. Самое упорное сопротивление оказали тюрки-тюргаши, которые, вероятно, кочевали в регионе дельты р. Или, на юге Балхаша, в Семиречье. Их хан Сулу (717—738) объединился с тибетцами в борьбе против Китая и призвал в союзники новую, неожиданно пришедшую, как поработитель, народность, у ирано-трансокси-анских границ — арабов. У нас будет возможность поговорить об этом новом факторе в истории Центральной Азии. Отметим здесь только, что Сулу, ловко используя волнения, связанные с приближением мусульманских легионов, захватил Тарим, страну, которая в 692—694 гг. находилась под протекторатом Китая, осадил город Аксу (717) и в течение нескольких месяцев не давал буквально покоя "Четырем китайским гарнизонам": Карашару, Куче, Кашгару, Хотану и даже если ему не удалось захватить эти города, то Тарим, на северо-западе Иссык-Куля, бывший долгое время передовым бастионом китайцев в Туркестане, оставался в его владе-

щими манихейцами фактически между 763 и 840 годами, (весь вопрос состоит в том, чтобы знать, действительно ли произошла путаница между уйгурами и огузами у этих трех авторов, по причине некоторого их вербального сходства). Бартольд выдвинул другой аргумент: тогуз огузы были идентифицированы не с уйгурами, а с древними тукю; и в самом деле, каган тукю Орхо-на — Мокилэн в надписи Кошо-Цайдама называет тогуз огузов «это мой народ». Однако те же надписи тукю Орхона представляют нам тогуз огузов, по крайней мере, частично, автономными, потому что там упоминаются походы Мокилэна и Кюльтегина с целью утихомирить волнения. Как видно, идентичность уйгуров и тогуз огузов можно подвергнуть сомнению. Неизвестно также, тогуз огузы Монголии, упомянутые в надписях Орхона в VIII—IX гг., были ли идентичны тогуз огузам и последующим гузам, о которых говорилось, например, в персидской географии Худуд аль-Алам X в. В действительности, в ту эпоху и в соответствии с текстом, тюрки, которых называли тогуз-огузами, жили на юге Балхаша, нынешнем Семиречье, регионе Или, Чарына, Текеса и Музарта (Минорский, Худуд аль Алам 263-279 и карта, с. 279), а другие тюрки, которых называли гуззами, жили в регионе, где сегодня находятся киргиз-казахи, на западе от Балхаша и на севере от Арала, в степях Сары-су, Тургая и Эмбы (Минорский, *ibid* 311 и карта, с. 307). Очевидно, что гуззы киргизских степей являются ответвлением тогуз огузов Семиречья, так же как очевидно, что гуззы произошли от узов (узой) Южной России в XI в., как и Тюрки Сельджукиды Персии также в XI в. и современные туркмены. И здесь наши сомнения заканчиваются.

нии, несмотря на военную кампанию, предпринятую имперским генералом Ашина Хьеном в том регионе (719). Китайские власти, потерявшие надежду удержать эти столь рискованные места, стали искать пути примирения с Сулу, предлагая ему почести и титулы (722). В 726 г. этот закоренелый грабитель продолжал, тем не менее, терзать "Четыре Гарнизона". Наконец, в 736 г. китайский генерал Гао Гаюнь, правитель Пэйтина, неподалеку от нынешнего Кучэна, нанес ему сокрушительное поражение, а позже Сулу был казнен в 738 г. Бага-тарханом, кюль-чуром чумукуэнов, небольшого тюркского племени, которое, по-видимому, кочевало между страной тюргешей и страной карлуков на юго-востоке Балхаша.*

Бага-тархан объединился с китайским генералом Гао Гаюнем для того, чтобы воспрепятствовать реставрации тюргешского претендента Тухосьена, сына Сулу (739); но истории этих мелких тюркских ханов, стремившихся восстановить в своих интересах единство западных тую, являлись всегда одинаковыми; вскоре Бага-тархан разорвал отношения с китайцами и убил китаизированного тюрка Ашина Хьена, которого китайцы послали в качестве вице-правителя страны тюргешей (742).** Еще раз последнее слово, между прочим, осталось за Китаем. В 744 г. имперский генерал Фумань Линьча одержал победу и обезглавил Бага-тархана.*** Эта победа -успех позволила Китаю вновь стать владельцем долины Или и региона Иссык-Куля. В 748 г. китайский генерал Ван Ченкю построил китайский храм в Токмаке в верхнем Чу, на северо-западе Иссык-Куля.**** В 751 г. другой имперский генерал, знаменитый Гао Сьенчэ сделал подарок императорскому двору династии Тан, выдав им предводителя тюргешей, которого он взял в плен.*****

В Тариме небольшие княжества Карашара, Кучи, Хотана и Кашгара, оккупированные китайскими войсками ("Четыре Гарнизона"), были преданными вассалами. Отметим, что в 728 г. китайские титулы были присвоены правителю Кашгара (династия Пэй, в кит. транскрипции) и правителю Хотана, названного, в

* Kieou Tang chou, dans Chavannes, Documents, 44-46; Tang chou, *ibid.* 81-83. Бага-тархан, как об этом свидетельствует Маркуар, является Курччулом Табари (курччул = кул-чур). Marquart, *Chronologie der altturkischen Inschriften*, 38 n.l. Barthold, *Alturkischen Inschriften und arabischen Quellen*, p.27.

** Tse tche long kien, dans Chavannes, Documents, 286, n.l.

*** *Ibid.*

**** Tang chou dans Chavannes, 45 n.l et 143.

***** Chavannes, 286, n.l

кит. транскрипции, Вэнче Фушэ (династия Вэйчэ).^{*} Эти древние индо-европейские народы Тарима, когда-то воинственные по отношению к китайскому сюзеренитету, кажется, в тот период, быст-ро стали союзниками, так как китайский протекторат служил защитой от двойного нашествия арабов и тибетцев.

Соперничество Китая и арабов на западе от Памира

Прошло примерно сто лет, как сасанидская империя пала под ударами арабов. В двух сражениях в Кадиссии (637) и Нехавенде (642), мощная сасанидская монархия была низложена, а Западный Иран был оккупирован. В 651 г. Герат заняли арабы, а Йездегирд III, последний из сасанидов, умер в Мерве; в 652 г. арабы дошли до самого Балха. Довольные завоеванием всей бывшей сасанидской империи, включая Хорасан, арабы, на тот момент не стали продвигаться дальше. Они возобновили свои походы в начале VIII в. под началом Кутайба ибн Муслима, наместника Хорасана, от имени Омейядского халифата с 705 по 715 г.^{**}

Начиная с 705 г., Кутайба пошел на Туркестан, бывшую Бактрию, которая принадлежала тогда династии тегинов буддийских тюрок, основанной младшей ветвью древней императорской семьи западных туюк, династией, которая, по свидетельству Сюаньцзана, имела свою резиденцию около Кундуза. Кутайба воспользовался местными дрязгами, чтобы войти в Хорезм и Согдиану. В течение 706—709 гг. он воевал против ирано-тюркского княжества Бухары и закончил тем, что в 709 г. сделал эту страну своим вассалом. Он возвел на трон Бухары наследника императорского дома Тугчада, который правил с 710 по 739 г., и был вначале верным союзником арабов, приняв, по крайней мере, создавая видимость принятия мусульманской религии.^{***}

В Самарканде местный тархан добился в 709 г. от Кутайба мира, уплатив подать и передав заложников, но затем был низложен своими же соплеменниками, приведенными в негодование его изменой, а на его место был поставлен Икчед Гурек. Кутайба, предпринимавший неоднократные попытки завоевать Самарканд, вынудил Гурека капитулировать, несмотря на выступление тюрок в Ташкенте, и ферганцев, над которыми он одержал победу (712).

^{*} Kieou Tang chou, dans Chavannes, Doc. 127 et Tche fou yuan kouei, *ibid.*, p.207. ^{**} По этому периоду см. критику мусульманских источников Бартольд, Туркестан, с.207.

^{***} Бартольд, Туркестан, 184-185, по Табарди и Балавхури.

Жители Бухары в 707 г. и жители Самарканда в 712 г. попросили помощи у могучего кагана восточных тукю-Мочо, бывшего в то время, как это мы знаем, повелителем всей Монголии. Дважды Мочо присылал в подмогу согдийцам армии под руководством одного из своих племянников, вероятно, знаменитого Кюльтегина.* Кажется в 707 г. Кутайба одержал победу и изгнал племянника кагана в битве между Бухарой и Мервом. В 712 г. тукю заняли на какое-то время всю Согдиану, где в руках арабов оставался только город Самарканд, но в конце концов Кутайба вынудил их отступить (713). Как победитель, Кутайба поставил Гурека вассальным правителем Самарканда, но в город были введены арабские войска. Как только он расправился с тукю в 712—713 гг., он направил карательные отряды против Ташкента, двинулся сам в Фергану в направлении Ход-жента. В 714 г. он был уже в Ташкенте. В 715 г. он предпринял второй поход в Фергану, когда междоусобные войны халифата спровоцировали его убийство своими собственными солдатами (по сведениям Табарди, Кутайба дошел якобы до Кашгара, что представляется весьма сомнительным).**

Смерть Кутайбы, единственного арабского полководца той эпохи, который явно хотел захватить Центральную Азию, и гражданские войны, которые ослабили халифат в период правления последних Омейядов, явились своего рода передышкой для согдийцев. В то же время восстановление китайского могущества в Монголии, на Или, и в Тариме, осуществленное императором Сюаньцзуном, позволило им надеяться на оказание помощи с этой стороны. С 712 г. правитель Ферганы,*** изгнанный арабами, скрылся в Куче, откуда он умолял китайцев прийти к нему на помощь, чтобы вернуть себе власть. В 715 г., вероятно после смерти Кутайбы, китайский генерал Чан Сиюцан восстановил его на троне, изгнав из Ферганы правителя, назначенного арабами.**** Правитель Бухары — Тугчада, несмотря на то, что арабы признали его власть, в 718-719 годах стал вассалом Китая, обратился за содействием к военному вмешатель-

* См. по Маркарту, *Die chronologie der altturkischen Inschriften*, p.8, но по сути отвергнутого Бартольдом, *Die altturkischen Inschriften und die arabischen Quellen*, 10, не считающий, что этот племянник кагана был обязательно Кюльтегином.

** Что касается так называемого арабского завоевания Кашгара, см. H.A.R.Gibb, *The Arab conquests in Central Asia*, *Bull.Sch. of Oriental Studies*, 11, 1923. Восстановление фактов по арабским источникам (Табарди, Балдахури) дано Бартольдом, *Туркестан*, 185-188.

Китайские источники (*Tang chou, Tche fou yuan kouei*) переведены Шаванном, *Documents*, 203, 294.

*** Фергана = Нин-ян в географической номенклатуре династии Тан.

**** *Tsetche tong kien dans Chavannts, Documents*, 148.

ству китайцев и в этих целях послал своего брата Арслана (пер. с тюркского - *лев*) к императору Сюаньцзуну. Правитель Самарканда-Гурек (710-739), несмотря на то, что он сам признан суверенитет арабов, неоднократно обращался к китайцам об оказании помощи в борьбе против хозяев (719, 731).^{*} Далее к югу тюркский правитель или ябгу Тохаристана (Кундуз и Балх) также просил Китай об оказании помощи в борьбе против арабов (719, 727).^{**}

Несмотря на стремление к территориальной экспансии императора Сюаньцзуна, Китай не решался, однако, послать экспедиционный корпус в Согдиану или в Бактрию и вступить в открытое столкновение с Омейядским халифатом. Прямое противостояния между халифатом и императором Чанъяня, о чем мечтали тюрко-иранцы Самарканда, Бухары и Кундуза, как единственного средства избежать мусульманского вторжения, не произошло (по крайней мере, до 751 г.). Император Сюаньцзан довольствовался тем, что поддерживал сопротивление согдийцев и тохарцев, отсылая им почетные грамоты и дипломы. Достоверно, что один из тюркских предводителей-тюргеш Сулу (717-738), о котором мы уже говорили, который был в близких отношениях с Китаем (он правил в Или), оказывал поддержку местному населению, восставшему против господства мусульман. Благодаря подобной поддержке или содействию, в 728 г. вспыхнуло всеобщее восстание против арабского господства и в течение целых 12 месяцев (728-729) население Бухары продолжало восстание с помощью тюрков, в данном случае, тюргешей). Начиная с 730-731 гг., Гурек, правитель Самарканда, также поднял восстание, опираясь на тюргешей. Самарканд окончательно был отвоеван арабами у восставших и помогавших им тюргешей только в 737-738 гг.^{***}

Китайцы на Памире (747-750)

В итоге, император Сюаньцзун, не разворачивая дальнейших военных действий, оставил Самарканд и Бухару на милость арабам. Это объяснялось тем, что китайцы столкнулись у себя рядом, в Ганьсу и Тариме с непосредственным противником: тибетцами или туфанами.

Тибетцы, проигравшие сражение китайскому генералу Тан Сиуну, запросили мира (702), но вскоре война вновь запылала. В 738 г.

^{*} Tang chou dans Chavannes, Documents, 136, 138.

^{**} В 719 г. вице-правитель Тохаристана по имени Теш (Ти-шо), отправил к китайскому императорскому двору манихейца, занимавшегося астрономией (Chavannes et Pelliot, Un traité manicheen retrouvé en Chine, J.A., 1913, 1, 153). Что касается китайских документов относительно ябгу в Тохаристане, см. Tang chou et Tse tche long kien dans Chavannes, 157 et 206.

^{***} Бартольд, Туркестан, 189-192 (по Табари) и Шаванн, Документы, 203-207.

Китай одержал над ними крупную победу на западе Кукунора, а в 746 г. китайский генерал Ван Цундзу еще раз нанес им поражение в том же регионе. Ставкой в соперничестве на этот раз была крепость Шэпучан, около Синина, на границе с Ганьсу, крепость, которая была отобрана у тибетцев генералом Ли Юи, позднее перешедшая в их руки, и снова отбитая в 749 г. китайским генералом Кю Шуханом. В другой части Тибета, тибетцы угрожали небольшим памирским княжествам Гилгит (по- кит. — малый Пулу), Балтистан (по-кит. - большой Пулу) и Вахане (по-кит. — Хуми), где проходила дорога от китайских владений Тарима до Индии. Таким образом, Китай династии Тан, имевший связи с индусским миром по линии торговли и буддийского паломничества, уделял в основном внимание беспрепятственному походу через эти горные памирские долины. В борьбе против тибетских отрядов, правители Кашмира-Чандрапида (умер в 733 г.) и Мухтапида (733— 769), были верными союзниками китайского императорского двора, который посылал им грамоты на инвеституру (720, 733). То же самое происходило с буддийской тюркской династией Шахи, которая господствовала в долине Кабула в Капиче (Капине на кит. диалекте эпохи Тан) (грамоты на инвеституру, выданные китайцами в 705, 720, 745).*

Когда тибетцы установили сюзеренитет над Гилгитом, китайский генерал Као Шен-цзе, вице-правитель Кучи, пересек Памир в 747 г., спустился в Гилгит, пройдя перевал Барогхил и взял в плен вассального правителя тибетцев (747). В 749 г. ябгу Тохаристана, т.е. буддийский тюркский правитель Кундуза, называемого китайцами Ше-ли-ман-киа-ло (на санскрите — Шри Мангала), обратился за помощью к империи в борьбе против незначительного горного принца, союзника тибетцев, который контролировал дороги между Гилгитом и Кашмиром. Као Шен-цзе вновь пересек Памир с китайским экспедиционным корпусом и еще раз прогнал тибетских партизан (750).**

Два военных похода Као Шен-цзе на запад Памира явились апогеем китайской экспансии в Центральной Азии эпохи династии Тан. В то время Китай владел всем бассейном Тарима, Или и Иссык-Куля и был сюзереном Ташкента; Китай доминировал над памирскими долинами, был покровителем в Тохаристане, Кабуле и Кашмире. В своей резиденции в Куче Као Шен-цзе имел статус китайского вице-правителя Центральной Азии.

* Tang chou, dans Chavannes, Documents, 132, 166, Tche fou yuan kouei, ibid., 209, 213.

** Tang chou, Ie., 151 et 214 (ibid., 151-152, биография Као Шен-цзе согласно Кью Тан шу), восстановленная Шаванном, 296.

Неожиданно все рухнуло из-за того же Као Шен-цзе, который завел так далеко китайскую армию.

Конец владычества династии Тан в Верхней Азии (751)

Тюркский правитель или тудун Ташкента, которого по-китайски звали Кьюпише неоднократно склонял голову перед Китаем (743, 747, 749). Однако в 750 г. Као Сьенчэ, в то время «покровитель», т.е. губернатор или имперский комиссар Кучи, сделал ему упрек за то, что тот не выполнил своей миссии по охране подступов к Китаю. Као Сьенчэ отправился в Ташкент, отрубил голову тудуну и присвоил его богатства. Подобный акт насилия спровоцировал восстание в западной части этого региона. Сын казненного тудуна обратился за помощью к тюркам-карлукам, которые проживали в Тарбагатае и на Урунгу, начиная от восточной окраины озера Балхаш до Иртыша, а также попросил поддержки у арабских гарнизонов в Согдиане. Арабский генерал Зиад ибн Салих, который, кстати, усмирил последний бунт в Бухаре, прибыл с юга, тогда как карлуки пришли с севера. В июле 751 г. Као Сьенчэ был разгромлен на берегах Таласа, неподалеку от нынешнего Аулие-Ата совместными коалиционными силами. По сложившейся традиции Зиад ибн Салих привел в Самарканд тысячи плененных китайцев.* По замечанию Бартольда, эта историческая победа решила судьбу Центральной Азии. Вместо того, чтобы стать китайской, к чему кажется вели все происходившие события, Центральная Азия стала мусульманской. Что касается карлуков, то в результате победы они расширили свои владения по всему региону Или на юге Балхаша, и севере Иссык-Куля. Бывшие правительственные резиденции западных туюк перешли в их распоряжение, их предводитель принял титул ябгу, несомненно довольствуясь этим, чтобы не раздражать кагана уйгуров.**

Вполне возможно, что поражение китайцев в Таласе можно было как то преодолеть, но это стало невозможным по причине восстаний, внутренних распрей и потрясений, которые характеризовали Китай в период конца правления Сиюаньцзуна. Китай, охваченный восьмилетней гражданской войной (755—763), разом потерял империю Верхней Азии.

Уйгурская тюркская империя

Во главе восстания, которое едва не погубило династию Тан, стоял предводитель, кондотьер из киданей, т. е. монгол на службе

*Chavannes, Documents, 142 (trad. du Tang ciou) et 297. Barthold, Turkestan, p. 195-196.

** Cf. Barthold, Turks, Enc. Isl., 948-949.

у Китая по имени Ань Лушань. Этот наемник, одну за другой, овладел двумя китайскими столицами: Лояном и Чаньаном, тогда как император Сиюаньцзун сбежал в Сычуань. Сын Сиюаньцзуна, император Сутцзан (756—762), предпринял попытку вернуть под господство Китая утерянные государства. Он обратился к тюркам-уйгурам, господствовавшим тогда в Монголии.*

Мы знаем, что в 744 г. уйгурские тюрки сменили восточных туюк в монгольской империи. Уйгурский каган, прозванный китайцами Моюнчо** или Коло каган (745—759), принял просьбу императора Сутцзана. В знак благодарности ему предложили в жены китайскую инфанту. Уйгурская армия, пришедшая из Монголии, объединила усилия с войсками императора Китая и помогла в значительной степени отобрать у восставших город Лоян (757). Император Сутцзан отблагодарил уйгурских правителей почестями и титулами и пообещал до их ухода ежегодно выдавать им 20 000 кусков шелка. Но тем не менее, гражданская война в Китае так и не завершилась. Другие восстания создавали новую угрозу династии Тан. Преемник Моюнчо, новый уйгурский каган, называемый китайцами Тэнгли Мэюу (759—780), обманутый посланниками восставших, планировал вначале воспользоваться замешательством династии Тан.*** Он даже выступил со своей армией в направлении Китая, с намерением соединиться с восставшими, но на пути ловкому китайскому дипломату удалось убедить его изменить мнение и он вновь заключил союз с империей Китая и для нее же он вырвал Лоян у восставших (20 ноября 762 г.). Он, впрочем, вполне намеренно разграбил город. Если, без всякого сомнения, он и спас династию Тан, он стал весьма не-

* Правитель Хотана, Вей-чо Шуи (из династии Вей-чо) прибыл также с воинским контингентом, чтобы помочь династии Тан в борьбе против восставших.

** Под этой китайской транскрипцией Мо-юн-чо, Шлегель гипотетическим путем восстановил тюркское имя Моюнчур, что по замечанию Пельо, звучало бы как Баянчур (Pelliot, A propos des Comans. J.A. 1920, 1,153). Титульное наименование того же принца следующее: *Тангрида куи болмиши ил итмиши билге каган*. Между Орхоном и Селенгой, в долине Оргута была обнаружена его могила с надписью, сделанной еще на основе древнего тюркского алфавита или алфавита «рунического». Cf. Ramstedt, *Zwei uigurischen Runeninschriften in der Nord-Mongolei*, Soc. finno-ougrienne, Helsingfors, XXX, 1913 et Chavannes, *Toung-pao* 1913, 789.

*** В манихейском фрагменте и на надписи Карабалгасуна, примерно в 820 г., этому кагану дан ряд определений: «Улуг илиг (великий правитель), танрида кут болмиши (получивший величие от Неба), ардамин иль тутмиши (владеющий царством благодаря своим заслугам), ал (героический), кутлуг (величественный), кулуг (славный), бильга (мудрый)» (F.W.K.Muller, *Uigurica* II, 95).

удобным покровителем и достаточно опасным союзником. Наконец, в марте 763 г. он отправился обратно в Монголию.

Длительное пребывание уйгурского кагана в Лояне имело важные последствия с духовной точки зрения. Он познакомился там с манихейскими миссионерами, несомненно согдианского происхождения, которых он забрал с собой в Монголию и которым удалось обратить его в манихейскую веру. Эта древняя персидская религия, появившаяся из любопытного мадеистско-христианского синкретизма, который преследовался арабами в Ираке и Иране, получила неожиданно подарок судьбы: обратить в свою веру уйгурскую империю, находившуюся в зените своего могущества, хозяина Монголии, союзника Китая. Манихейство стало даже государственной религией уйгуров. Имя этого же самого кагана в 759—780 гг. в надписи Карабалгасуна звучало как «излучение Мани», *захаг* и Мани. Высшее должностное манихейское лицо — *муче* (кит. транскрипция титула *можак* по-согдийски и *можэ* на пехлеви) стало в стране уйгуров главой новой государственной церкви.*

Политическое влияние манихейского духовенства стало быстро возрастать. Китайский текст той эпохи династии Тан гласит, что «уйгуры постоянно советуются с манихейцами по государственным вопросам».

Уйгурская империя стала господствующей силой Верхней Азии при последующих каганах. Альп Кутлуг, которого китайцы называют Хо Кутулу (780—789), просил в жены китайскую инфанту и получил согласие. Императорский двор Тан ни в чем не мог отказывать тюркам, враждебность которых могла разрушить империю, союз с ними оказался спасительным и они были на равных с Китаем — новое явление отношений между китайцами и варварами.**

Надписи Карабалгасуна дают далее целый перечень других каганов, называемых теми же тюркскими именами: Тангрида болмиш кюлуг бильга (789—790), Тангрида болмиш альп кутлуг улуг бильга (795-805). Тангри билга (805-808), Ай тангрида кут болмиш альп

* Cf. Chavannes et Pelliot, Un traite manicheen retrouve en Chine, J.A. 1913, I, 190, 195-196.

** Ibid., 276. В этот период Китай сильно нуждался в союзе с уйгурами в борьбе против тибетцев. К 787 г. тибетцы захватили у последних гарнизонов династии Тан оазис Куча, но были изгнаны уйгурами. В 791 г. они напали на китайский пост Линву около Нинся в Ганьсу и вновь были изгнаны уйгурами. С 783 по 849 гг., затем во второй раз до 860 г., они с настойчивостью захватывали регион Сининя и Ланьчжоу на юго-западе Ганьсу.

билга (808—821). При этом последнем кагане «небесном», и в его честь были выгравированы около Карабалгасуна на левом берегу Орхона, известные предложения на трех языках: китайском, тюркском и согдийском, из которых мы почерпнули эти сведения.* Он также попросил руки китайской инфанты. Однако, позже она вышла замуж только за сына и преемника Кюн тангрида улуг болмиш коч-луг билге чонгте, правившего с 821 по 824 гг.

Учение манихейства, вместе с тем, что оно содержало христианские и маздеистские философские элементы, а также иранского искусства, было направлено на то, чтобы приобщить уйгуров к цивилизации. Надписи Карабалгасуна говорят, что «эта страна с варварскими обычаями и наполненная запахом крови превратилась в страну, где употребляют в пищу овощи, страна, где было распространено убийство, стала страной, где начали поощрять за добрые дела». Неоднократно (770, 771, 807) уйгурские посольства были при династии Тан покровителями манихейских общин, которые существовали в Китае или намеревались там обосноваться. С 768 г. каган добился от детей Поднебесной декрета, разрешающего пользоваться манихейским учением в Китае; для уйгуров были сооружены манихейские храмы (771) в Кингчэй Хубея, в Йангчэу Канси, в Шаохинге Чекианга и в Нанчанге Канон. Уйгурское посольство в 807 г. попросило разрешения построить новые манихейские храмы в Лояне и Тайюане.

Турфан,** который входил во владения уйгуров, также насчитывал процветающие манихейские сообщества, как об этом свидетельствуют фрески и миниатюры, связанные с этим верованием, найденные, в частности в Идикут-шахри, экспедицией Фон Ле Кока. Небезынтересно видеть на миниатюрах рядом с уйгурскими донаторами, портреты манихейских священников в белых одеяниях, к тому же здесь мы видим первые известные персидские миниатюры.*** Именно из Персии манихейские миссионеры доставили в то же время, что и религию, технику живописи, которую они рассматривали, и небеспричинно, как

* Заметим, что запрещение манихейцами употребления молока и масла, если оно представляло трудности для соблюдения подобных правил в стране, где занимались животноводством и приготовлением кумыса (перебродившее кобылье молоко), повлияло вместе с рекомендациями манихейцев употреблять в пищу овощи на то, что уйгуры предпочли пастушечьему образу жизни занятие земледелием. (Cf. Chavannes et Pelliot, *Traite manicheen*, i. A., 1913, 1.268).

** По свидетельству согдианской надписи Карабалгасуна, Бешбалька, Турфана, Карашара и т. д., «4 Тугри» подчинились уйгурам к 800 г. Henning, *Argi and the Tokharians*, B.S.O.S., 1938, 550.

*** Cf. Von Le Coq, *Buddhistische Spätantike in Mittelasien*, II, *Manichäische Miniaturen* (Berlin, 1923) et Chotscho, pl. 1-6.

превосходное пропагандистское средство. Уйгурские донаторы также фигурируют на некоторых буддийских фресках турфанской группы памятников, в частности, Муртук-Безаклика.* Разодетые в величавые церемониальные костюмы, с великолепными дворцовыми одеяниями, с митрой или тиарой на голове, с дамами, предлагающими цветы, их прислугой и музыкантами, они являются свидетельством богатства и великолетия уйгурской культуры. Чуть далее на этих же буддийских фресках видны другие донаторы с бородами, тюрко-иранского типа, наподобие нынешних кашгарцев, с плоскими головными уборами, в сопровождении верблюдов и мулов, они подобны буддийским магам-правителям и представляют перед нами согдийские караваны, с помощью которых уйгурская империя вошла в контакт с религиями Ирана.** Наконец, в уйгурском Турфа-не имеются еще несколько прелестных фресок несторианцев. Но только после 840 г., особенно в следующую эпоху во второй половине IX — в начале X в., уйгуры, изгнанные из Монголии, в большинстве своем, нашедшие убежище в Турфане, создали новое княжество, где уйгурское турфанское искусство стало развиваться, особенно в Муртук-Безаклике. Самые прекрасные уйгурские донаторы региона относятся фактически к этому вторичному периоду.***

В то же время, заимствовав у Ирана или Внешнего Ирана их манихейскую религию, уйгуры переняли также в том же регионе, отчасти в Трансоксиане, согдийский алфавит, восходящий к древнесирийскому языку и сами создали на этой основе особую уйгурскую письменность, которая предназначалась в том же IX в. для замены древнего тюркского алфавита (тукю) Орхона.**** С помощью этой новой письменности они создали национальную литературу, первую в истории тюркских литератур, на которую они переводили с иранского языка многочисленные манихейские тексты, осуществляли переводы с санскрита, кучанского и китайского языков многие буддийские тексты.*****

* Von Le Coq, Chotscho, pi. 30-32 et Buddhistische Spatantike, III, pi. 17. Aussi E. Waldschmidt, Gandhara, Kutscha, Turfan, pi. 16-21.

** Waldschmidt, Gandhara, Kutscha, Turfan, fig. 18.

*** Уйгурский принц Турфана в X в. — Бугра Сали Тутук был изображен на одной из фресок Безаклика.

**** Cf. Von Le Coq, Kurze Einfuhrung in die uigurische Schriftkunde, Mitteil. Sem f. Oriental. Sprach., Berlin 1919, 93-109.

***** См. к примеру, Annemarie von Gabain, Die uigurische Uebersetzung der Biographie Huen-tsangs, Berlin, Akad. d. Wiss., 1935.

Уйгуры, таким образом, значительно опередили другие тюрко-монгольские народы, учителями которых они оставались до эпохи Чингиз-хана.

Но, несомненно, развивая свою цивилизацию, уйгуры ослабевали в военном отношении. В 840 г. их столица — Карабалгасун была взята, их каган был убит, а империя сломлена тюрками, еще оставшимися в диком состоянии, кыргызами верховьев Енисея (между Минусинском и озером Коссо-голь).*

Китайцы, которые в течение целого столетия трепетали перед этими очень грозными союзниками, воспользовались их слабостью, чтобы избавиться от их протекже — манихейцев, ежегодно преследуя их (843).

Кыргызы заняли место уйгуров в «имперской Монголии» на верхнем Орхоне, возле нынешнего Карабалгасуна и Каракорума. Но эти сибирские племена подтолкнули Монголию к варварству. Кыргызы оставались властителями страны до 920 г., периода, когда они были побеждены монгольским народом — киданями и отброшены к степям Енисея.

Что касается уйгуров, потерявших империю Монголии, они заняли оазисы севера Тарима, в Кара-ходже или Кочо, древнем Турфа-не, в Кученге, в Бешбалыке, перешедшем к тюркам, в Карашаре и Куче (843).**

Другая уйгурская группа, известная под именем Сары-уйгуры, осела в 860 или 866 гг. в западном Ганьсу, около Канчэу.***

Уйгурское княжество Канчэу просуществовало до 1028 г., времени, когда оно было завоевано тангутами (расцвет буддизма в Дунхуане в X в. доказывает нам, что эта уйгурская группа довольно быстро распространилась с манихейством в пользу местного буддизма).****

Уйгурское княжество Бешбалык — Куча развивалось до самого расцвета эпохи Чингиз-хана, до XIII в. И тогда на основе древней «тохарской» культуры, точнее, кучанской, т. е. индо-европейской, с которой они пересеклись, уйгуры развили совместно с кучанской

* Последний уйгурский каган Ву-кье (Уга?) попытался скорее как авантюрист, а не монарх, удержаться в Гоби, ведя военные действия одновременно против киргизов и против китайцев. Он был убит при непонятных обстоятельствах на Алтае в 847 г.

** См. Бартольд, Бешбалык, *Enc. Isl.* 746.

*** Уйгурские правители Канчэу претендовали на титул кагана (Chavannes et Pelliot, *Un traite manicheen*, J.A., 1913,1, 179).

**** Что, кажется, подтверждает упоминание уйгурских «посланных небесами каганов» Канчэу на многих буддистских панно Пещер Тысячи Будд в Дунхуане. Chevannes et Pelliot, *Un traite manicheen retrouve en Chine*, 1913,1, 303.

культурой, интересную манихейскую, несторианскую и буддистскую цивилизацию. Но и там манихейство быстро потеряло свои позиции. В чингиздскую эпоху уйгуры Бешбалыка—Кучи были то буддистами, то несторианцами.

Вполне возможно, что заселение уйгурами Турфана и Кучи повлекло за собой тюркизацию этих древних индо-европейских земель, что происходило поэтапно, так как смешение уйгуров с местным населением могло привести к созданию на некоторое время двуязычного населения. Вот на что указывают мусульманские источники, в которых говорится, что наряду с их тюркским говором жители Уйгурии долгое время владели другим языком, на котором они общались между собой.*

Во всяком случае уйгуры извлекли пользу из литературного наследия богатства "Тохарского" мира, который они продолжили, а уйгурская литература как ксилографическая, так и письменная, обнаруженная английской, немецкой и французской экспедициями в нынешнем Синьцзяне, свидетельствует, что страна, впитывая все тюркское, сохраняла свое активное интеллектуальное прошлое.**

Уйгуры заслужили таким образом стать «профессорами цивилизации» тюрко-монгольских государств от Алтая до Орхона, как найманов XIII в., так и чингизханидов XIII в., которым они направили специалистов писарей, предоставили «канцелярии» и свою письменность.

Тюрки Шато

Китайская династия Тан, которая была свергнута в 907 г., чуть было не исчезла в 880 г. из-за народного бунта, наподобие Жакерии (крестьянское восстание во Франции в 1358 г.), под началом некоего Хуан Чао. Имперская столица Чанъан, так же как крупный город Лоян, оказались в руках этого бунтаря и императорский двор обратился к новой тюркской орде — чолей, в китайской транскрипции — чую, в переводе с китайского шато «люди песчан-ной пустыни»***

* Бартольд, Тюрки, Энцикл. Ислам, 952. Басмилы, которые предшествовали в VII в. уйгурам в регионе Кучена, бывшем Бешбалыке, наряду с тюркским языком, на котором они разговаривали, владели особым наречием (ibid).

** Напр., на уйгурский перевод «Жизнеописания Сюан-цзяня», относящийся ко второй четверти X в., и переведенный недавно Фон Габен (Uigurische Uebersetzung der Biographie Huen-tsangs, Sitzb.d. preuss. Akad. Wiss. 1935, VII).

*** Бартольд, Тогузгуз, Энцикл. Ислам. 848 и Тюрки, то же самое, 949. Однако, китайские источники, цитируемые Шаванном, где утверждается тесная связь между Шато и Чую, кажется различают их в VII в., первые из которых кочевали на востоке, а вторые - на западе от озера Баркуль.

Бартольд считал, что чолы, чую или шато восходили к группе племени Токуз Огуз, часть из которых по крайней мере кочевала с X по XII в. на севере Аральского моря.*

В действительности шато были отделены от основной группы западных туюков, чтобы поселиться с VII в. на востоке озера Баркуль. В 712 г. тибетские отряды опустошили район Баркуля, шато переместились недалеко на запад в направлении Кученга. В 808 г. вновь изгнанные с насиженных мест тибетскими вторжениями, они обратились за помощью к Китаю. Императорский двор династии Тан определил их союзниками на северо-востоке Ланьчжоу (около Нинся) на севере Ордоса.

Шато осели в Ордосе, не покидая тех мест до 878 г. В этот год, благодаря гражданской войне, приводившей в отчаяние Китай, один из предводителей Ли Коюн закрепился у границы империи Тан на севере Шаньси, откуда он имел возможность вмешаться в дела китайской анархии. И в самом деле, когда ужасный бунт под началом Хуан Чао отнял столицу Чанъан у династии Тан, они обратились к Ли Коюну. Молодой военачальник (ему было только 28 лет) описан китайскими историками как смелый и верный воин. Вероятно, он серьезно воспринял свою роль спасителя империи и его лояльность оправдалась. Он изгнал восставших из Чанъана (883) и в знак благодарности был назначен министром имперского правительства, которое он спас. Самым важным для него может быть то, что он получил одновременно под свое командование правительство Тайюаня, то есть нынешнего Шаньси. Было такое впечатление, что этот китаизированный тюрк мог заменить умирающую династию Тан и взойти на императорский трон Китая. Но, кажется, его лояльность помешала ему в этом. Таковым оказался бывший главарь бандитов, вступивший своевременно в союз с империей Чу Вэн, который опередил его, сверг последнего представителя династии Тан и провозгласил себя императором, как основатель династии Хэу—Лян (907). Однако, Ли Коюн оставался правителем Шаньси, а после смерти (908) его сын - Ли Тзюнхью (умер в 926 г.) правил там с титулом правителя Цзина со столицей Тайюань. В 923 г. Ли Тзюнхью удалось свергнуть династию Хэу-Лян и стать императором Китая (со столицей Лоян) и основателем эфемерной династии Хэу Тан, которой правил только тринадцать лет (923-936). В 936 г. был свергнут

* Бартольд, статья Тогузгуз. Его же статья Тюрки, стр.948, Энцикл. Ислам. См. Минорский, Худуд аль Алам, 266. Тань шу, в переводе Шаванна (Документы, 96), нам говорят, что Шато происходят от расы западных туюков и в частности, от Чу-ю, тюркского племени, которое в VII—VIII вв. кочевало между Кученом и оз. Баркуль.

последний Хэу-Тан, благодаря орде киданей, генералом Шэ Кинтаном, то же из тюрков-шатов, который провозгласил себя императором Китая, как основатель династии Хэу Тан со столицей в Кай-фыне (Пьен). Но эта императорская власть оказалась еще более эфемерной, чем предыдущая и властвовала всего десять лет (936—946). В 946 г. эти бывшие тюрки целиком и полностью китаизированные, были свергнуты истинными варварами, киданями монгольского происхождения, о которых мы и поговорим.

Кидане

Кидане (в кит. транскрипции) или хитаи (в арабо-персидской транскрипции) или китаты (по-монгольски) приводятся в китайских летописях с 405—406 годов, времени, когда они расселились на западе Лэаохо, между этой рекой и ее притоком Шарамурэном, находящемся в нынешнем Жехоле.* Они относились к монгольской семье, их языком был «монгольский диалект, в сильной степени палатализованный от контактов с тунгусскими говорами».** Начиная с 696 г. через переход Шанхайгуана, они атаковали Хубей со стороны Юонгпинга и даже вплоть до пекинской равнины, но имперский двор Тан (императрица Ву Хэу, которая правила в то время) спровоцировал нападение на них со стороны восточных тукю. Мочо, который тогда находился на вершине своего могущества, напал на них врасплох и нанес им такое поражение, от которого их экспансия была прервана на целых три столетия (697). Война за приграничные территории между киданями и китайцами в 734—735 годах не изменила ситуацию. В 751 г. кидане разгромили на северо-востоке Пинглу (около сегодняшнего Пингтэюаня) захватническую китайскую армию, которой, отметим это, командовал офицер их расы, широко известный Ань Лушань, поступивший на службу Китаю и ставший фаворитом императора династии Тан - Сиюаньцзуна. Это все

* Относительно киданей см. Gabelentz, *Geschichte der grossen Liao* (trad. Du Leaou-che) Peterbourg, 1877,- Bretschneider, *Mediaeval researches*, I, 209.-Chavannes, *Voyageurs chinois chez les Khitan et les Joutchen*, J.A., 1897, I, 377.-J.Mullie, *Les anciennes villes de l'empire des Grands Leao au royaume mongol de Barin*, Toung-pao, 1922, 105.

** Pelliot, *A propos des Comans*, J.A., 1920, I, 146-147. Отметим, что Рашид ед-Дин (см.opus д.Охсона, III, 113) утверждает, что «язык киданей имеет большое сходство с монгольским» См. также Willy Baruch, *Writing and language of the Kitan*, in Salmony, *Sino-Siberian art* (Loo editeur, Paris, 1933), p.24 et W.Kotwicz, *Les Khitai et leur ecriture*, *Rocznik Orientalistyczny*, Lwow 1925, 248. Мостаер считал, что кидан — это множественное число от монгольского китай (Mostaert, *Bull.9 Cath.Univ.Peking*, p.40 (1934).

тот же Ань Лушань, который попытался в дальнейшем свергнуть Сиюаньцзуна, чтобы стать императором (755).

Кидане занимали по-прежнему бассейн северо-запада Лэаохо и территории ее притока Шарамурена, когда в начале X в. их сумел мобилизовать энергичный предводитель по имени (в кит. транскрипции) Юэлю (название его клана) Апаоки (умер в 926 г.), которому удалось сохранить достоинство своего собственного клана Юэлю. По сведениям летописцев Апаоки принял без энтузиазма китаизировать свою орду, которой его преемник дал в 947 г. династийное имя Лао, под именем которого кидане в самом деле известны в истории Китая. В 924 г. он проник в Монголию, дошел до верхнего Орхона, вошел в Карабалгасун, изгнал оттуда тюркских кыргызов, которые занимали этот регион с 840 г. и оттеснил их к Верхнему Енисею и степям западной части.* Любопытно отметить, что он предложил тогда тюркским уйгурам западного Ганьсу передать им во владение страну Орхона, которой тогдашние уйгурские каганы владели с 743 по 840 гг., но уйгуры, перейдя на оседлый образ жизни, отказались от этой перспективы вернуться к жизни кочевников.** С восточной стороны Апаоки (умер во время похода) разгромил в 926 г. тунгусо-корейское государство Похай, которое включало также Северную Корею (на севере, 40 градусов долготы) и Маньчжурию на востоке Лаотонга (начиная с Харбина и Владивостока до Порт-Артура). Тунгусы джурджиты маньчжурского северо-востока в лесах Уссури, сами стали вассалами киданей.

Чтобы захватить Хубей, Апаоки попытался также воспользоваться гражданскими войнами, которые терзали Китай, но он был отброшен в Вангту на юге Паотинга высокопоставленным военачальником Ли Тэюнхью, основателем китайской династии Хэу Тан (922).

После смерти Апаоки (926), его вдова,*** женщина с железной энергией, как это бывало обычно с вдовами тюрко-монгольских правителей (как позже мать Чингиз-хана), сумела из всех своих сыновей выбрать ханом своего любимого второго сына. «Она собрала элиту своей нации (курултай Чингизханидских монголов), посадила на лошадь своего старшего сына Туую и второго сына Текуанга

* Cf. Chavannes, Voyageurs chinois chez les Khitan et les Joutchen, J.A. 1897, mai-juin, 382. Bretschneider, Mediaeval researches, I, 265.

** Культурное влияние уйгуров на киданей было весьма значительным. Одна из форм письменности киданей, вероятно, произошла из уйгурской письменности, а другая форма произошла на основе кит. иероглифов. (Marquart, Guwainis Benefit uber die Bekehrung der Uiguren, 500-501. Chavannes et Pelliot, Un traite manicheen retrouve en Chine, J.A. 1913, 1, 377.

*** Называемая «из клана Шу-лю», в кит. транскрипции Шу-лю Шэ.

(китайская транскрипция), затем обратилась к знати, которая заранее была информирована: «Я люблю одинаково моих двоих сыновей, которые перед вами, но я не могу принять решение. Схватите уздечку той лошади, на которой сидит тот, который кажется вам достойным!» Разумеется, знатные люди схватились за уздечку лошади, на которой сидел Текуанг и он стал ханом (927—947). В начале мать управляла совместно со средним сыном, но она, впрочем, делала это на свой лад. Каждый раз, когда кто-то из предводителей не нравился ей, она отсылала его «поделиться новостями с ее незабвенным супругом». Часовые, стоящие у могилы Апаоки, лишали жизни посланника. Однажды один высокопоставленный сановник Чао Сэювен, получив от нее поручение пойти к могиле, заявил, что эту честь должна прежде всего осуществить сама вдова умершего. Хатун заметила, что, к сожалению, ее жизнь была необходима орде; тем не менее, она, как искушенный игрок, отсекала себе палец руки, который погребла в семейном склепе.*

Существует отличительный пережиток в обычаях семейных захоронений после кончины правителя, бессмертная традиция степей как у скифов, так и у гуннов и монголов. Несмотря на эти дикие нравы, хатун, не колеблясь, поверила китайскому министру Хан Юэньхуэю, который начал внедрять в среде киданей цивилизные традиции.

Новый хан киданей — Юэлю Текуан получил вскоре возможность вмешаться в дела китайцев. В 936 г. он принял под свою опеку имперского генерала Шэ Кингтана, восставшего против династии Хэу Танг, спустился в Хубей через переход в Купэйкэуе во главе пятидесятитысячной армии, помог Шэ Кингтану одержать победу над императорскими войсками и взойти на трон Китая, как основатель династии Хэуцин.

Став императором Китая благодаря киданям, Шэ Кингтан, уступил им в знак признательности север Хубея, включая Йэучэу или Йэнчэу, нынешний Татонг (936). Таким образом, варвары оказались внутри территории за Великой Стеной, в северных подступах, откуда они отныне могли контролировать всю китайскую политику. Предательство Шэ Кингтана пробила первую брешь в единстве древней империи, которая расширилась позднее и, благодаря которой ордам удалось завоевать Северный Китай в XII в. и весь Китай в XIII вв. Пекин, оказавшийся в руках Текуанга, перешел от киданей к джурджитам, от последних к Чингиз-ханидам и оставался вотчиной кочевников с 936 по 1368 г. В 938 г. Текуанг устроил там свою южную резиденцию (по кит. — *нанкин*) — северная резиден-

* Wieger, Textes historiques, II, 1537-1538.

ция находилась в Линхуанге в Шарамурене в Маньчжурии, а восточная ставка находилась в Лэаюанге.*

Шэ Кингтан, ставший императором при поддержке киданей до самой смерти (942) оставался их раболепным сторонником, но его племянник и преемник Шэ Чонгкуэй (943—946) вознамерился освободиться от такой опеки. Это была недопустимая оплошность. Кидане разгромили его войска в верховьях Хуанхэ, переправились через Желтую Реку и неожиданно оказались у стен Кайфына (тогдашний Талэанг), имперской столицы, куда их хан Текуанг вошел в первый день нового 947 г.

Хан киданей, несомненно, мечтал провозгласить себя императором Китая. И действительно, он примерил китайские одеяния в завоеванном им Кайфыне. Но за его спиной китайское население устраивало бунты, уничтожало (особенно в Чангте) одиночных ки-даньских военнотружущих. Текуанг направил своих воинов для уничтожения жителей Чангте, затем перед угрозой всеобщего восстания, направился по дороге в Жехоль, забрав с собой плененных сановников китайского императорского двора. Прибыв в верховья Чэнтинга, он скончался, и эта смерть, в такой решающий момент, посеяв панику среди киданей, без сомнения лишила его возможности завоевать Китай (947).

Во время отступления киданей, китайский генерал Лю Чэйюан, командовавший в Шаньси, имевший, впрочем, тюркское происхождение шато, был провозглашен своей армией императором Китая (февраль 947). Горячо поддержанный китайским обществом, он вззошел на императорский трон в Кайфыне в апреле того же года, как основатель династии Хэу Хань.

Кидане, из которых у Текуанга были преемники Юлю Юан (947—951) и Юлю Кин (951—968), могли бы, таким образом, потерять возможность влиять на события в Китае, если бы она, эта возможность, не была им возвращена самими китайцами. В 951 г. имперская семья Хэухань, изгнанная с трона новой династией Хэучэу, нашла приют в Центральном Шаньси, где она основала новое местное княжество, названное Пэй Хань, которое просуществовало с 951 по 979 г. со столицей Тайюанем. Разразилась нескончаемая война, с одной стороны, с имперской династией, царствовавшей в Кайфыне — в начале Хэучэу (951—960), затем — Сун (960), с другой - правителями Пэй Хань Центрального Шаньси, господствовавшими в Тайюане. Пэйханы оказались под покровительством киданей по причине ненависти к тем,

* Cf. Mullie, Les anciennes villes de l'empire des Grandes Leao, Toung pao, 1922, 105. Начиная с 1044 г., Татун получил статус западной столицы, си-киш

кто лишил их трона и для того, чтобы защитить свое небольшое княжество Шаньси. Разумеется, что кидане не приминули возобновить политическую игру и их войска спешили тогда на помощь Пэй Ханам каждый раз, когда империя пыталась вернуть Тайюань.

Такое положение дел продолжалось до тех пор, пока видная национальная династия Сун не поднялась на трон (960) и, начиная с 975 г. не стала заниматься объединением китайских княжеств, за исключением, конечно, княжества Пэй Хань в Тайюане.

Основатель династии Сун, великий император Тайсэу (его подлинное имя Чао Куангюн), пытался захватить Тайюань в 968 г.; тогда ему помешали кидане, поспешившие по традиции приходить на помощь. Второй император династии Сун — Тайцзун был более удачлив. В 979 г. вопреки интервенции киданей, ему удалось заставить сдаться Тайюань и аннексировать княжество Пэй Хань в Шаньси. Тогда он принял решение отобрать у киданей территории, которые те занимали с 936 года на юге от Великой Стены: Татонг и Пекин. Но Юэлиу Хиэн (968—982), царствовавший в тот период кидань-ский правитель и его военачальники, оказали этой попытке вновь завоевать Китай мощное сопротивление, на котором и закончилось бесславно эта затея. Китайский монарх дошел до Пекина (который в то время назывался Юэчэу или Юэнкином), который он взял в осаду, но потерпел поражение от киданьского генерала Юэлиу Хиэуко возле реки Каолинхю на северо-западе Пекина и вынужден был срочно ретироваться до Чочэу, по дороге из Пекина в Паотинг (979). Кидане, в свою очередь, намеревались захватить китайскую часть Ху-бея, но их генерал Юэлиу Хиэуко потерпел поражение у Чэнгтинга.

В 986 г. император Тайцзун вновь совершил попытку продолжить начатое дело. Киданьский хан Юэлиу Хиэн умер, а его сменил двенадцатилетний ребенок Юэлиу Лонг Сию (983—1031) под регентством вдовствующей императрицы Сиаочэ. Случай, казалось, был более чем подходящим. Китайская армия под командованием генералов Чао Пиня, Пан Мэя и Ян Юэ, разделилась на несколько колонн, которые двинулись, одни в направлении Татонга, другие в направлении Пекина. Первым успешно удалось захватить регион Татонга, а вторым — не повезло: они не смогли перейти Чочэу и в итоге потерпели поражение от генерала киданей — Юэлиу Хиэуко в Кикэукуане на юго-востоке Чочэу возле Юичэу и были оттеснены до реки Киюмахо на полпути между Пекином и Паотингом.*

* Кикоу находится в 30 ли на юго-западе от Чоучоу. В конце правления династии Тан, там было установлено препятствие (куан). По сведениям летописца Ху Сан-шена, препятствие располагалось на севере р. Кю-ма, которая имеет истоки в регионе северо-запада от Силяня и протекает южнее Ю-чэу» (записи Ротура).

Остатки китайских войск бежали на юг. Юэлию Хиэуко настиг их, по словам Тонкиэнкамгму, при переходе Шахо, вероятно, реки, носящей это имя, которая пересекает Синлохьене на севере Чэнгтин-га и Хокиэнфуя. Он сбросил китайцев в реку, где многие из них потонули. Кидане овладели Шэнчэуом (около Чэнгтинга) Течуе и Шуэнте, но к великой радости для Китая, они не развили своего преимущества, чтобы продвинуться дальше на юг (986). Только в 989 г. китайцы собрались с силами и одержали над ними победу около Паотингфу.

Трудности для Китая стали еще многочисленней из-за тангутов.

Народность тибетской расы, тангуты основали в начале XI в. в Ордосе и Алашане новое государство — княжество Си-ся, ставшее источником постоянных угроз для китайской провинции Шэньси. Основатель этого государства — Чао Паоки, которого звали также Ли Кизьеном (умер в 1003 г.), был признан правителем Си-ся в 990 г. киданями, которые являлись сюзеренами всех орд Восточного Гоби. В 1001 г. он отнял у Китая важный участок Лингчэу или Лингву около Нинся. Неподалеку от тех мест в Халашаре правители Сися основали свою столицу. Империи династии Сун одновременно угрожали кидане на северо-востоке и си-ся на северо-западе.

В период правления третьего императора династии Сун — Чэнцзуна, киданьский правитель — Юэлию Лонгсю совершил набег в 1004 г. на юг Хубея, в результате чего он захватил Паочэу (нынешний Паотинг), Кичэу (Гаминг), даже Тетзинг, нынешний Тзингфонгь-хьен, напротив Кайфына, китайской столицы, от которой его отделяло течение Желтой Реки (русло по карте 1000 г., изменившееся в 1007 г.). В Кайфыне придворные трусы советовали императору Чэнцзуну перевести свою резиденцию в Нанкин или в Сычуань. Он не только ответил отказом, а предпринял достаточно смелый шаг. На северном берегу Желтой Реки в Шэнчэу или Чэнчэу, Кай-чэу, по маньчжурским номенклатурным традициям, нынешний Пуйангхьен, продолжал сопротивление.*

* Как нам сообщает Ротур, идентификация Шен-чеу была полностью осуществлена, вначале Майла, а затем, Кордье. Майла (VIII, 147) сообщает нам, что кидане расположились лагерем на севере Таюаня. Ротур замечает, что это было следствием неправильного прочтения Майлой Шен-юаня, другое имя Шен-чеу в эпоху династии Саун. Что касается Кордье (*Histoire generale de la Chine*, II, 87), он заканчивает тем, что вносит пуганицу, считая Шен-чеу другим отличным городом Таюанем, о котором пишет Майла «Кидане расположились на севере Таюаня или Тайчеу, нынешний Кайчеу, и взяли в осаду Чен-чеу» (*Histoire generale de la Chine*, II, 87) Фактически речь идет об одном и том же городе Шен-чеу, Шен-юане или Ченчеу династии Саун, Кайчеу XVII, XVIII и XIX в., Пу-ян-хен Китайской республики, как это любезно уточнил для меня Ротур, исправив заблуждение Майлы и Кордье.

Храбрый китайский военачальник Ли Килонг, который пошел в окружении киданей, устроил им засаду, где те потеряли много воинов. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что Шэнчэу преграждал путь Кайфыну. Для того, чтобы тот сдался полностью, кидане прибыли к Желтой Реке и остановились у ворот столицы. Император Чэнцзун имел смелость выйти из Кай-фына, чтобы пойти со своим подкреплением в Шэнчэу, т. е. на «поле битвы». Его твердая решимость импонировала киданям, которые в этом же городе подписали соглашение о мире (1004). Граница была очерчена в пределах 936 г.: Пекин и Татонг — киданям, Паотинг и Нингву — китайцам. Эта граница разделяла Хубей в северном пригороде Пачэу (который оставался во владении китайцев) и Шаньси на севере Вутайшаня (основная территория принадлежала в основном китайцам).*

Мир, подписанный в 1004 г., продлился целое столетие. Кидане, довольные тем, что правили в Пекине и Татонге, ограничились этим, а династия Сун, которая за исключением вышеперечисленного, владела всем Китаем, отказалась возратить эти два города. Кидане перенесли свои интересы на Корею и Гоби. Что касается Кореи, то нападение киданей было отбито, потому что корейцы организовали против них диверсию со стороны джурд-житов — тунгусского народа Уссури (1014). В Гоби кидане двинулись в 1009 г., чтобы отобрать у уйгуров города Западного Ганьсу: Канчэу и Сучэу. Вероятно, что в 1007 г. они совершили попытку завоевания Кашгарии и региона Иссык-Куля, стран, как мы это увидим, принадлежавших исламизированной тюркской династии ветви Караханидов. Они, по-видимому, за неделю продвинулись к одной из караханидских столиц — Баласагуну в верхнем течении Чу на западе Иссык-Куля, но, кажется, были отброшены караханидским ханом Кашгара — Туганом.**

Тангуты Си-ся обратили свое внимание на Запад. Их правитель Чао Теминг (1006—1032) отобрал в 1028 г. у уйгуров город Каньчэу (кидане, после военного похода 1009 г. не удержались там). Его сын Чао Юаньхао (1032—1048) забрал также в 1036 г. города Сучэу и Дунхуан у тибетцев. В 1044 г. он отбил нападение киданей в Ордосе. При его правлении тангуты приобрели особую письменность си-ся, производную от китайской письменности. Целая библиотека печатных и письменных текстов си-ся была обнаружена

* Cf. Chavannes, *Voyageurs chinois chez les Khitan et les Joutchen*, J.A. 1897, 1, 411. Bretschneider, *Mediaeval researches*, I, 209. Herrmann, *Atlas of China*, 43, 44.

** Cf. Marquart, *Ostturkische Dialektstudien*, p.54. Barthold, *Qara-Khitai*. *Enc. Isl.*, 782 et *Turkestan down to the Mongol invasion*, p.279.

в 1908 г. экспедицией Козлова в Кара-хото, бывшем Юинтзинае, Этзине Марко Поло, на севере Ганьсу.*

Со своей стороны, Кидане создали свою собственную письменность, о которой до последнего момента мы не имели полных данных.**

Но в 1922 г в Монголии были обнаружены две надписи на этой письменности Киданей, датированные началом XII в.***

Джурджиты

Мечта о том, чтобы отобрать у киданей Пекин и Татонг продолжала будоражить умы деятелей китайской империи. Император Хуэйцзун (1101—1125) — впрочем, один из выдающихся монархов династии Сун, поклонник искусства и художник — допустил ошибку, «пригласив варваров пойти против варваров, тех, кто находился далеко, против тех, кто находился рядом». В этом сказалась вечная китайская тактика так часто применявшаяся с успехом, в частности, в начале правления династии Тан — Тайцзуном Великим. Но в отдельно взятом случае это явилось ошибкой. Эти образумевшиеся, с навыками цивилизации, достаточно китаизированные кидане стали соседями, которых можно было терпеть. За ними в лесах Уссури на северо-востоке Маньчжурии и нынешней русской береговой провинции, обитал тунгузский народ джурджитов, называемые в китайской транскрипции — жуженами, по-арабо-персидски — джурчэнами.****

В донесении китайского посла — Хью Кангтзуна в 1124—1125 гг. говорится об этих джурчитах, как о настоящих варварах.***** ставка хана, окруженная пастбищами и стадами домашних животных. В этом поселении не было ни крепостных стен, ни улиц и улочек, за исключением изгороди, окружавшей стойбище или барачный лагерь хана, который восседал на троне, покрытом

* Cf. Pelliot, Les documents chinois trouves par la mission Kozlov, J.A., mai-juin 1914, 503 et Toung pao, 1925, 6, 399.- Ivanov, Les monuments de l'écriture tangout, J.A., 1920, I, 107-Willy Baruch, The writing and language of the Si-Hia and Kitan, Paris 1934 (in Sino-Siberian art, de Salmony, C.T. Loo editeur). Sur l'art si-hia, A. Bernhardt, Buddhist. Bilder der Glanzzeit der Tanguten, Ostas. Zeitschr. octobre 1917.

** Barthold, Encycl. Isl., 11, 782.

*** Pelliot et L. Ker, Le tombeau de l'empereur Too-tsong des Leao (1055—1101) et les premières inscriptions connues en écriture kitan, Toung pao, octobre 1923, 292-Wkotwicz, Les Khitai et leur écriture, Rocznik Orientalistyczny, 1925, 248.

**** Слово джурджит, по мнению Пельо, имеет оригинальную форму; Cf. Toung pao, 1930, p. 297 et 336: Джутчен, в действительности, искаженная форма джурджит».

***** Cf. Chavannes, Voyageurs chinois chez les Khitan et les Jou-tchen, J.A. 1897, 1, 378. Wieger, Textes historiques, 11, 1621.

двенадцатью тигровыми шкурами. Устраивались сцены варварских праздников с попойками, музыкой, дикими плясками, пантомимами на темы из охотничьей жизни и военных сражений — высочайшая степень роскошного образа жизни лесных людей и, накрашенные женщины искусно справлявшиеся с зеркалами, солнечные блики от которых направлялись на зрителей (игра в богиню молнии, напоминавшая японский сюжет с Амагерасу в роли героини). Корейские послы при императорском дворе Китая говорили, что эта героиня вступила в союз с этими истинными варварами, «которые были ужаснее волков и тигров», чтобы разгромить киданей, и только этот защитный экран защитил ее от этой глубинной сущности варварства.

Лидер, а именно полный энергии Акута, из правящего клана Ванюэна, стал объединять джурчитов (1113—1123).*

Начиная с 1114 г., почувствовав тайную слабость киданьских правителей, теперь уже достаточно китаизированных, он взбунтовался против их сюзеренитета и повел свою орду на покорение их государства. В течение девяти лет он отнял у них все их владения с севера на юг: в 1114 г. Нингианг (на юге нынешнего Харбина, где находится приток Сунгари), в 1116 г. — Лэаюанг, после падения которого вся нынешняя Маньчжурия перешла к джурджитам, в 1120 г. Линхуанг, северную столицу киданей (на Шарамурене на север нынешнего Жэхоля, в 1122 г. — Татинг, их основную столицу (в направлении Тзифэнга на севере Жэхоля) и в том же году занял Та-тонг на севере Шаньси. В союзническом договоре так необдуманно заключенного императором Китая — Хуэйтцуном с джурджита-ми, было указано, что при разделе киданьской империи, Пекин будет возвращен Китаю. Китайцы оказались неспособны осуществить эту цель и столицей овладели джурджиты (1122), после чего они с достаточным высокомерием передали ее как дар Китаю (1123). Последний киданьский правитель — Юэлию Юанхи, укрывшийся в районе Кукухото, предпринял попытку организовать сопротивление вокруг Вучэу (около Шопингфу). (1124), до тех пор пока не был взят в плен джурджитскими рассыльными (1125).

Джурджиты, покорившие таким образом империю киданей, приложили усилия под дальнейшим нажимом имперского клана Ванюэна, для создания некоего законного государства с китайским обликом. Они дали их династии Ваюэнов имя золотой династии: Алчун по тунгусски, Цин - по китайски, к которому восходит Цинь

* Имя Ван-юэн, которой величали царскую семью, было только простой транскрипцией тунгусов кит. слова *ван*, означавшего монарх или принц. Pelliot. Sur quelques mot d Asie Centrale. J.A., mars-avril 1913, 467.

и которым мы в дальнейшем будем пользоваться при описании китайской истории.*

Замена этим тунгусским народом, отличавшимся полным великолепием варварского темперамента, разумных и зажиточных ки-даней, обернулось против самих китайцев, которые так неосторожно способствовали таким разительным событиям. Цинский правитель Акута, ушедший из жизни на вершине своего триумфа (1123), был заменен его братом Вукимаем, обладавшим еще большими амбициями (правил с 1123 до 1135 год). Китайский императорский двор допустил опрометчивость, так небрежно отнесясь к овладению несколькими пограничными городами на севере Пекина, даже дойдя до того, что тайком поддерживал восстания против цинов. Все это привело к войне. За несколько месяцев цинский генерал Ньенмохо отбил у китайцев Пекин и долину Хубея, затем Тайюань и центр Шаньси (1125, 1126). Другой цинский генерал Валипу, к которому вскоре присоединился Ньенмохо, переправился через Желтую Реку и оказался перед китайской столицей Кайфыном, защитники которого, начиная от жалкого императора Хуэйтцуна и его сына Цинтцуна, сдались на милость врагу (конец 1126 г.). Два несчастных принца со всей свитой, скарбом, богатствами, были доставлены в цинскую «столицу» в Нингкьянг на юге Харбина в глубинной части Маньчжурии (начало 1127 г.).**

Гаотцзун, один из представителей императорской семьи династии Сун, избежал катастрофы. Его провозгласили императором на юге в Нанкине под прикрытием заставы Юангтзэу (1127). В это время цины завершали взятие последних бастионов Северного Китая, которые все еще находились во власти императора: Хокьен и Таминг в Хубее, Тзианан в Шаньдуне, Чангте в Хунани, Хочонг (Пу-чэу) на юго-западном краю Шаньси, не говоря уже о Кайфыне, который китайцы вновь вернули себе, воспользовавшись отсутствием

* Cf. Pelliot, *Toung pao*, mai-juillet 1922, 223. De Harlez, *Histoire de l'empire kin ou empire d'or*, traduit de l'Aisin Gurun, 1887.

** Один из эпизодов этой войны относится к истории христианства. Во время нашествия цины захватили в плен некоторых членов тюркского племени онгутов, которые проживали в регионе Кокто на севере Шаньси, но различные кланы которого эмигрировали в сторону Лян-тао на юге Ганьсу. Цины депортировали их в Южную Маньчжурию. Так как онгуты были несториан-цами, «видение» правителя цинов Ву-ки-мая, которое появилось под влиянием одной из икон, способствовало их освобождению и направлению цинами на север Желтой реки в Тзинчоу (Pelliot, *Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême Orient*, *Toung-pao*, 1914, 630).

цинского гарнизона и который нужно было удержать в дальнейшем (в данном случае мы наблюдаем эту несогласованную тактику ведения осадной войны у Чингиз-хана и в пределах одних и тех же мест).

После военных действий на севере, пришел черед центральной части. В 1129 г. цины под предводительством Ньенмохо, подчинили себе страну между нижними Хуайхо и Юантзэу. После короткой передышки они атаковали линию нижнего Юантзэу двумя армиями; одна на западе перешла реку у Хуангчэу в Хубее, дошла до Кьянгчэу (Кизукианг в Цзянси), на севере озера Пойан, и на Хунгчэу (Нанчан) в южной части озера, откуда она достигла Кьенчэу (Каньчэу на юге Цзянси), что явилось крайней точкой проникновения вперед. Эта армия пересекла галопом почти всю южную часть Китая от севера до юга. Даже сами монголы в последующий век не продвигались так быстро.

Вторая армия цингов, которая действовала в нижней части Янцзы, пересекла реку около Тайпина и заставила сдаться Нанкин. Император Гаотцзун бежал в направлении Нингпо (тогдашний Минг-чэу), затем двинулась к порту Вэнчэу на юге Чекьянга. Цинский генерал Вучу быстро следовал вперед, начиная от Нанкина, чтобы захватить Хангчэу и Нингпо (конец 1129 — начало 130 г.).

Однако армия цингов, состоявшая из всадников кавалерии, рискнула продвинуться слишком далеко в глубь территории Южного Китая с затопленными землями, пересеченной большими и малыми реками, каналами и рисовыми полями, густонаселенной различными народностями, которые не давали передышки и создавали враждебное окружение. Предводитель армии Вучу вознамерился вернуться на север, но ему перекрыла путь река Янцзы, широкая как море, где хозяйничали китайские флотилии. В конце концов один изменник указал ему место, где можно было переправиться через реку в направлении Чэнкианга на востоке Нанкина (1130). Юг был освобожден от цингов, император Гаотцзун вернулся в Хангчэу в 1132 г., город, который оставался столицей Китая вплоть до монгольского вторжения.

Поражение привело цингов в замешательство. Китайские генералы начали отвоевывать города между Янцзы и Желтой Рекой. Ю Фэй, самый отважный из них отвоевал у цингов крупный город Сианьянг (1134). В 1138 г. он двинулся на Кайфын, когда император Гаотцзун, отличавшийся тщедушием, утомленный войнами, заключил мир с цинами. Цинский правитель Холома (1135—1149), пришедший на смену своему кузену Вукимаю, также стремился к подобному миру, так как со стороны севера назревала другая опасность: заявившие о себе монголы, по меньшей мере своим историческим именем, объединились под началом хана Кабула и начали

нападение на цинов с тыла, со стороны восточного Гоби (1135, 1139), их активные действия привели к тому, что в 1147 г. цины вынуждены были уступить им ряд приграничных районов.*

В этих условиях подписание соглашения о мире между цинами и китайской империей Сун не оказалось трудным делом (1138). Граница проходила вдоль течения реки Хуайхо, затем по верхней линии между бассейном Желтой Реки (и р. Взя), а также верхнего Ханя. Бассейн Желтой Реки и Взя оставался у цинов, а бассейн Ханя — у китайцев. Цины владели также Хубеем, Шаньдуном, Шаньси, почти полностью — Шэньси, Хунанем и несколькими северными районами Нганхуэя и Ганьсу. Их владения в Китае странным образом были более обширны, чем у их предшественников — киданей.

Китай, таким образом, оказался поделенным между национальной китайской империей — династии Сун, избравшей столицей Хангчэу и джурджитским княжеством, т. е. северными тунгусами, относившимися к цинам. Они вначале сохранили северную столицу (по кит. — *пэйкин*) выше к северу в Хуэйине около Харбина в Маньчжурии, оставшейся главной резиденцией их правителей до 1153 г., в то время как Пекин считался второй южной столицей (по кит. — *нанкин*), не говоря о центральной столице (чонгкин) в Татинге на севере Жэхоля. В 1153 г. цинский правитель Тикунай сделал Пекин своей главной резиденцией. Начиная с этого времени Татинг в Жэ-хале стал рассматриваться как северная столица, Лэаойанг как восточная столица, Татонг как западная столица, а Пекин как центральная столица центральной части, и Кайфын, как столица на юге.

Небезынтересно отметить ту роль, которую сыграл в создании княжества цинов принц из правящей семьи Ванюен Вушэ (вероятно Гоши на тунгусском наречии джурджитов), ловкий государственный деятель, который был отчасти обязан своим влиянием его качествам шамана.**

Именно он, приспособив китайские иероглифы к звукам тунгусского наречия стал основоположником «крупных иероглифов» джурджитов. Его известность показалась подозрительной правителю Холомы, который приговорил его к смерти в 1139 г.

Правитель Тикунай, который завладел тронem, убив своего предшественника Холому и уничтожив часть царствовавшего клана (1149), был варваром, извращенным цивилизацией, сладострастным животным, неистовства которого напоминали дикий темперамент древ-

* Cf. Barthold, Turkestan, 381. Pelliot, J.A., 1920, 1, 146. ** Pelliot, Chaman, J.A. mars-avril 1913, 468.- W. Grube, Note preliminaire sur la langue et l'écriture des Jou-tchen, Toung-pao, 1894, 334.

них джурджитов, и, который, в то время, увлеченный удовольствиями, совершив ошибку, покинув маньчжурскую резиденцию древних цинов, родной лес, поменяв их на Пекин: это была серьезная ошибка, равносильная дезертирству в тот момент, когда татары и монголы все больше и больше стремились совершать опустошительные набеги со стороны Маньчжурии. Дело в том, что честолюбивым желанием Тикуная было стать действительным китайским императором, а для этого следовало отнять у династии Сун Южный Китай. В 1161 г. он, таким образом, напал на китайцев, оттеснил их до нижнего течения Янцзы и попытался перебраться через реку у начала лимана напротив Юангчэу со стороны островка Киншаня неподалеку от нынешнего города Чэнкьянга, но в результате потерпел полное поражение. Его солдаты, доведенные до отчаяния его тиранией, убили его, в то время как другим правителем стал Вуло, которого возвели в этот ранг в Лэаойанге (1161).

Новый цинский монарх поспешил заключить мир с Китаем династии Сун на основе положения, существовавшего до военных действий путем переговоров 1163—1165 гг. В летописях он характеризуется как мудрый и сдержанный правитель, который будучи на вершине власти, скучал по лесам Северной Маньчжурии, по своей Родине. Он скончался в почтенном возрасте, передав трон своему внуку Матаку (1189).

По сведениям китайских летописей нам известно, что Матаку (1189—1208) способствовал ослаблению дисциплины народа джурджитов: это было явственно видно при его преемнике во время монгольского нашествия. Однако в 1206 г. императорский двор династии Сун неосмотрительно возобновил войну. Цины пересекли Хуай-хо, очертившую границу между двумя государствами и дошли до р. Янцзы. Матаку потребовал казни китайского министра, который развязал войну, но вместе с тем он согласился на соблюдение территориального статуса-кво, прибегнув к увеличению подношений изделий из серебра и шелка, которые китайский императорский двор преподносил ежегодно цинам, чтобы прибрать их к рукам (1208). Это произошло при его преемнике Чон-хи (1209-1213), который приступил к монгольскому вторжению.

Прежде чем перейти к истории монголов, которая, безусловно, представляет интерес с точки зрения всего тюрко-мусульманского мира, а не только Дальнего Востока, необходимо вкратце вернуться к истории Тюрков, располагавшихся на земле Ислама с XI в.

3. ТЮРКИ И ИСЛАМ ДО XIII ВЕКА

Иранская преграда против тюркского мира в X веке. Саманиды

Усиление арабского господства в Трансоксиане после Таласского сражения 751 г., о котором мы говорили выше, в конце века пошло на пользу иранской расе. Устранив от Трансоксианы двойную опасность со стороны тюрков-язычников и китайцев, арабские правители стремились делать все лишь для собственного господства, для пользы халифата. Но, в третьей четверти следующего века в Бухаре и Самарканде власть перешла от арабов к местным иранцам, потомкам древних исторических согдийцев. Таким образом, с 875 по 999 гг., чистокровная иранская династия саманидов родом из Самана, неподалеку от Балха, оказалась властительницей Трансоксианы, со столицей в Бухаре. Такой переход власти произошел без крупных волнений и насилия внутри самого мусульманского общества, в пределах халифата, который признавали постоянно на официальном уровне. Саманиды довольствовались скромными титулами эмиров, им было предназначено быть навсегда представителями Багдадского халифа. В действительности, все происходило как если бы они были независимыми и их притязания быть вместе с бывшим правителем Персии-Бахрамом Чубином, демонстрировали истинную подоплеку подобной иранской национальной реставрации, осуществляемой под прикрытием наиболее ортодоксального исламизма.*

Величие саманидской династии восходит к Наср ибн Ахмеду, который получил в 874-875 гг. в ленное владение Трансоксиану из рук халифа Мутамида с резиденцией в Самарканде.**

В том же году Наср назначил своего брата-Исмаила валием Бухары. Не заставило себя, впрочем, ждать соперничество, вспыхнувшее между двумя братьями (885, 886), вечный порок трансоксианских династий. После смерти Насра (892), Исмаил остался единственным властителем Трансоксианы и ее резиденции-Бухары, которая к тому времени стала столицей саманидов.

Этот Исмаил (Исмаил ибн Ахмед) (892-907), был великим монархом. Со стороны Ирана он удвоил свои владения благодаря победам, которые он одержал около Балха весной 900 г. над сафаридом Амр ибн эль Латифом, сановником из Хорасана, которого он взял в плен.***

* Mirkhond, Hist. des Samanides, trad. Defremery, 113.

** Табарди у Бартольда, Туркестан, 210.

*** Дискуссии, связанные с этой датой см. у Бартольда, Туркестан, 225.

В результате этой победы, он присоединил Хорасан. В 902 г. он отобрал Табаристан у другой династии, включая Рэи и Казвин. В северо-восточном направлении в 893 г. он предпринял поход в страну тюрков, в стороне Таласа. Он сам захватил город Талас (Аулие-ата), обнаружив там христианскую общину, очевидно несторианского толка, и переделал церковь в мечеть.*

Иранский монарх вернулся с этой кампании в тюркскую степь с огромной добычей в виде лошадей, баранов и верблюдов, доставшихся после ограбления кочевников. Любопытно отметить, что он вернулся, таким образом, к прежней политике превентивных контрударов, когда-то использовавшихся великими сасанидскими правителями на северном берегу Окса. Эта караульная зона на Сыр-дарье — своеобразная "Рейнская караульная охрана" древних властителей Ирана, — оправдывалась теперь благим поводом, борьбой персидского исламизма против тюркского мира, язычников и несторианцев. Положение изменилось, когда тюркские орды приграничного региона приняли ислам. Подобное обращение в другую веру, над которым саманидская династия работала с таким рвением, повернулось против нее, так как принятие тюрками новой веры открывало им доступ к мусульманскому обществу, которое, впрочем, в сознании многих предводителей отрядов служило именно этой цели.

Высшими достижениями в расширении территории саманидской династии является период правления Насра II ибн Ахмеда (914-943). Ташкент (Шаш) на севере, Фергана на северо-востоке, Рэи на юго-западе (это последний город до 928 г.), являлись частью саманидского государства, которое оказало очень благотворное влияние вплоть до Кашгарии. Но принятие Насром шиизма вызвало серьезные беспорядки, приведшие к его низложению с трона. Иранцы Трансоксианы уже в то время были горячими приверженцами суннитов и стремились отличиться от собственно самих иранцев.**

С приходом к власти Нуха I ибн Насра (943-954), династия начала приходить в упадок. Иранская военная аристократия начала разжигать нескончаемые мятежи. На юго-западе саманиды вступили в противостояние с другой иранской династией-Баидов, владительницей Западной Персии, и эта борьба активизировалась рели-

* Бартольд, то же самое, 224, в соответствии с Наршахи, Табари и Масуди. В связи с последним источником, тюрки, насильно обращенные в несторианцев саманидами, относились, по-видимому, к карлукам.

** Barthold, Turkestan, 243.

гиозными раскольниками (саманиды были суннитами, а баиды-шиитами), что послужило поводом и целью завоевать город Рэи, который переходил несколько раз из рук в руки. Это была однообразная война, которая касалась только внутренней истории Ирана, за исключением того, что она опасным образом ослабила саманидскую династию перед лицом противостояния с тюркским миром, именно в то время, когда обращение многих тюркских отрядов в ислам, давало им право проживать в Трансоксиане, где их принимали как наемных солдат, вручая им ключи от иранской цитадели.

Так обстояло дело с будущими Газневидами. В период правления саманида Абдель Малика I (954-961), тюркский раб Альптегин, стоявший во главе караула, был назначен управляющим Хорасана (январь-февраль 961 г.). При следующем саманиде-Мансуре I ибн Нухе (961-976), он был низложен, но укрылся в Балхе, а затем, изгнанный из этого города саманидской армией, нашел убежище в Газни в Афганистане (962).^{*} Его семья, впрочем, закрепилась там, в этом новом государстве, признав сюзеренитет саманидов. И тем более кажется вероятным, что там было создано первое тюркское государство в иранской мусульманской стране. Альптегин скончался некоторое время спустя (963?). Тюркское наемничество, глубоко проникнутое исламом, которое он ввел в Газни, начиная с 977 г., было возглавлено другим бывшим тюркским рабом, мамелюком по имени Сабук-тегин, который стал властителем Тохарестана (Балх-Кун-дуз) и Кандагара, и приступил к завоеванию Кабула.^{**}

В период правления саманида Нуха II ибн Мансура (977-997), феодальная анархия, вызванная духом неподчинения иранского военного сословия достигла такой ситуации, что в 992 г. один из высокопоставленных сановников-Абу Али, высказался против своего тюркского караханидского повелителя-Бугра-хана Харуна, правившего, как мы увидим, в Баласагуне, на реке Чу. Бугра-хан совершил военный бросок до Бухары, куда он вошел в мае 992 г., не стремясь, впрочем, там закрепиться. Для того, чтобы бороться против всех мятежей, чтобы предотвратить угрозу со стороны караха-нидских тюрков, Нух II обратился к газневидским тюркам, которыми командовал тогда энергичный Сабюк-тегин (995). Последний, прибыв из Газни, взял под свою протекцию саманидскую династию, но потребовал в свое распоряжение Хорасан.^{***}

^{*} Ibid., 249-251.

^{**} Cf. Pelliot, Notes sur le Turkestan, T'oung pao, 1930, 16.

^{***} Barthold, Turkestan, 261, 262.

Таким образом, иранское присутствие было ограничено в Трансоксиане, между газневидскими тюрками, властителями Афганистана и Хорасана, и караханидскими тюрками, хозяевами степей Чу, Или и Кашгарии. Весь вопрос заключался в том, чтобы знать, кто из этих двух тюркских группировок нанесет ему последний удар.

Этот решающий удар был нанесен с двух сторон при саманиде Абдель-Мелике II (февраль—октябрь 999 года). Сын и последователь Сабюк-тегина, газневид Махмуд, нанес ему поражение у Мерва и вынудил его окончательно уйти из Хорасана (16 мая). Осенью сама Трансоксиана была захвачена караханидом Арслан-ном Илек Насром, повелителем Юзкенда в Фергане, который вошел в Бухару 23 октября 999 г., взял в плен Абдель-Мелика, и присоединил Трансоксиану.*

Иранские княжества восточного Ирана и Трансоксианы оказались поделенными между двумя мусульманскими тюркскими группами: караханидскими каганами Кашгарии, которые захватили Трансоксиану и газневидскими султанами, которые аннексировали Хорасан. Нам остается вкратце пересказать историю этих двух группировок, весьма важных для окончательной тюркизации этих двух регионов.

Тюркизация Кашгарии и Трансоксианы. Караханиды

Уйгурские тюрки, после потери ими Монголии, расположились на севере Тарима, в Хочо (Турфан), Бешбальке (Гучен), Ка-рашаре и Куче, тюркизировали эту древнюю "тохарскую" страну, но, по крайней мере, отнеслись с уважением к буддистским и несторианским верованиям. Караханидские тюрки, разместившиеся на западе и юго-западе Кашгарии и региона Или и Иссык-Куля, напротив, основательно изменили облик страны, потому что они принесли ислам. Исламизация осуществлялась одновременно с тюркизацией, что привело к тому, что от прошлого не осталось в этой части Центральной Азии, практически ничего.

Мы недостаточно хорошо знаем историю караханидской династии, которой было суждено в середине X в. и в начале XIII в. господствовать в Кашгарии. Возможно, как об этом говорит Бар-

*Ibid.268 (дата дана по сведениям Гардизи).

тольд, что караханиды относились к клану Тогуз Огузов, которые отняли регион Баласагуна (запад Иссык-Куля) у карлуков.*

Первый из караханидов, о котором упоминалось в мусульманской литературе, был Саток Бугра-хан, правитель Кашгарии, умерший в 955 г., и внесший большую лепту в исламизацию своих соплеменников. В течение X и XI веков, мы видим оазисы западного Тарима, а также долины Чу и Таласа, поделенными между членами семьи, уже принявшими ислам. Несмотря на принятие ислама, караханиды, в основном, не забывали о наследственном противостоянии тюрков против иранцев и, в связи с этим не совершали ошибку, чтобы пойти войной против саманидских эмиров Трансоксианы, хотя последние были у порога Центральной Азии, являясь истинными сторонниками суннитской мусульманской правоверности. Мы видели, что караханид Бугра-хан Харун, правивший в Баласагуне на реке Чу, предпринял ряд тюркских вторжений в этой стороне, пойдя на Бухару в мае 992 г. походом, который, впрочем, оказался неэффективным.**

Другой караханид, который правил в Юзкенде в Фергане — Арслан Илек (или Илиг) Наср (умер в 1012 г. или 1013 г.), оказался более удачливым.***

Как мы это уже знаем, 23 октября 999 г. он вошел в Бухару победителем, взял в плен последнего саманида Абдель-Мелика II и присоединил Трансоксиану.

Как только что мы говорили, на юге Аму-дарьи, Хорасан, другая часть саманидского наследства, оказалась в руках второй тюркской династии-газневидов, которую представлял знаменитый султан Махмуд (998-1030), завоеватель северо-западной Индии. Взаимоотношения этих двух кланов, одинаково тюркских, одинаково мусульманских, вначале были пристойными и даже дружественными. Арслан Илек-хан Наср, покоритель Бухары, выдал свою дочь замуж за Махмуда, но согласие продлилось недолго. Караханиды, известная династия, к тому же хозяева Кашгарии, древней страны

* В тот же период Кашгар по-видимому был оккупирован другим тюркским племенем Ягма, другим кланом Тогуз Огузов (первая четв. X в.?) Касательно этого клана см. Pelliot, J.A., 1920, I, 135, et Toung pao, 1930, G, 17. Aussi Minorsky, Hudud al-Alam, 277. История караханидов до того времени чрезвычайно запутанная, была разъяснена Бартольд, который рассмотрел все восточные материалы в своем труде «Туркестан в период монгольских нашествий», англ. перев. в Gibb Memorial new series, V, 1928, 254 et sq.

** Cf. Barthold, 258-259.

*** Пельо предлагает произносить вместо Илек по Бартольду, -Илиг, слово, означавшее в уйг. языке правителя (Notes sur le Turkestan, Toung pao, 1930, I, 16).

тукою Или и Чу, относились к газневидам, своим бывшим рабам, как к выскочкам. Махмуд Газневи, присоединивший захваченный им Пенджаб (1004-1005) к своим афганским и хорасанским владениям, обогащенный сокровищами Индии, которому поклонялись все раджи, Махмуд, глубоко проникшийся иранским влиянием, на вершине своего могущества смотрел на караханидов, этих отсталых тюрков из несчастных северных степей, как на кузенов-варваров, вторжения которых в его прекрасную индо-иранскую империю, он, впрочем, опасался. Что касается этих опасений, то он не ошибся. В 1006 г., когда он задержался в Индии, караханид Арслан Илек Наср захватил Хорасан, где он ограбил Балх и Нишапур. Возвратившись из Ирана, Махмуд выиграл сражение у Илек Насра в Шархиа-не около Балха (4 января 1008 г.), и изгнал его с этих краев.* В этой борьбе Илек Насру помогал его кузен Кадырхан Юсуф, правитель Хотана; Однако, третий караханид, Туган-хан, собственный сын Илек Насра, был привлечен Махмудом на свою сторону.

В добавок к родственным разногласиям, караханиды, во время ведения военных действий на линии Амударьи против Махмуда Газневи, были застигнуты врасплох китайскими правителями Пекина, которые в 1017 г., о чем мы уже говорили, послали армию в Кашгарию. Это нападение было, впрочем, отбито кашгарским караханидом Туган-ханом. Минорский недавно обнаружил сведения о посольстве, направленном китайским двором к Махмуду Газневи, вне всякого сомнения, чтобы договориться с последним о борьбе против караханидов.** Известно, что Махмуд был поглощен делами на другом краю своей империи, вел военные действия в Индии (взятие Танесвара, 1014 г., разграбление Матхуры, 1019 г., осада Гвалиора, 1020-1021 г., разграбление Сомнатхи, 1025 г.). В 1025 г., расширив свои владения, простиравшиеся до Ганга и Мальвы, он прибыл, чтобы свести счеты с Али-тегином, караханидом, правившим тогда в Бухаре и Самарканде. Али-тегин, будучи не в силах сопротивляться, отступил, и Махмуд вошел в Самарканд. В то же самое время в Трансоксиану проник другой караханид, Кадырхан Юсуф, правитель Кашгарии. Он и Махмуд имели дружескую встречу у Самарканда, чтобы договориться о разделе страны (1025). В сущности, ни одному из них не удалось достичь успеха. Как толь-

* Дата, предлагаемая Гардизи, см. у Бартольда, Ie.,273. Победа, одержанная Махмудом над караханидами, стала возможна благодаря использованию боевых индийских слонов.

** Сообщение в Академии по Письменным памятникам. 1937.

ко Махмуд прибыл в Хорасан, Али-тегин возвратился в Бухару и Самарканд (1026).^{*} Сын и преемник Махмуда Газневи-султан Масуд (1030-1040), выслав против Али-тегина армию, которая еще раз заняла Бухару, но не смогла там удержаться (1032). Али-тегин до своей смерти (1032) оставался хозяином Трансоксианы. Немного времени спустя после его смерти, она перешла во владение караханида другой ветви — Бугра-тегина, по прозвищу Тамгач-хан, который правил в Бухаре с 1041 (или с 1042) по 1068-г.**

Однако, как мы это еще увидим, в восточном Иране произошла грандиозная перемена. 22 мая 1040 г., газневиды потерпели поражение в данданканской битве под Мервом от другой тюркской орды-сельджуков, которые отняли у них Хорасан, отбросив их в Афганистан и Индию. Сельджукский хан Тогрибек или Тогрулбек, победитель сражения Данданкане, подчинил в дальнейшем всю Персию. В 1055 г. он вошел в Багдад и был признан аббасидским халифом султаном, повелителем Востока и Запада. Эта необъятная тюркская империя, быстро увеличившаяся за короткое время, от Аму-дарьи до Средиземноморья, не могла дальше мириться с независимостью небольших караханидских ханов в Трансоксиане. Караха-нид Шамс эль Мульк Наср, сын и преемник Бури, правивший в Бухаре и Самарканде с 1068 по 1080 г., подвергся в 1072 г. нападению второго сельджукского султана — Альп Арслана. Последний был убит в этой военной кампании, и его сын, великий султан Мелик-шах, двинулся на Самарканд, но принял предложение о мире, запрошенное Шамс эль Мульком, который признал себя его вассалом (1047). В 1089 г. Маликшах вновь вернулся к военным действиям, занял Бухару, вторгся в Самарканд, и взял в плен караха-нида Ахмеда, племянника и второго преемника Шамс эль Мулька, которого, впрочем, он, в дальнейшем сделал своим сторонником. С тех пор, если караханидские принцы правили в Бухаре и Самарканде, то они назначались в качестве наместников сельджукских султанов. Трансоксиана превратилась в зависимое владение тюркской сельджукской империи.

В то время как караханидская ветвь Трансоксианы продолжала бороться, и в результате этого теряла свои силы, караханиды Или и

^{*} Бартольд, 285-286, по Гардизи.

^{**} Что касается титула Тамгач-хана, то есть «правителя Северного Китая» (Табгач), см. Бартольд, Туркестан, 304. Касательно мусульманской набожности этого монарха, см. там же, с. 311 (по Ибн аль-Атиру). В общем, он представлял собой интересный тип оседлого тюрка и хорошего администратора.

Кашгарии, в стороне от великих исторических драм, вели еще более мрачную жизнь. Один из этих караханидов, —Кадыр-хан Юсуф, как мы уже видели, подчинил себе все владения династии в этом регионе: Баласагун, Кашгар и Хотан. После его смерти, первому сыну-Арсланхану достались Баласагун, Кашгар и Хотан (1032-1055?), второму сыну-Мохаммеду Буграхану-Талас (1032-1057). К 1055 г. он вновь объединил страну, отняв у Арсланхана Кашгар, что, впрочем, явилось причиной дальнейшего раздела. В конце XI в. Баласагун, Кашгар, и Хотан вновь оказались во владении караханида Буграхана Харуна (умер в 1102 г.), которому была посвящена знаменитая тюркская книга — Кутадгу Билик, написанная в 1069 г. Юсу-фом Хае Хаджибом Баласагунским.

Благодаря караханидам, мусульманское тюркское господство глубоко укоренилось в Кашгарии и бассейне Иссык-Куля, когда в ИЗО г. эти места были отвоеваны у них монгольским "языческим" народом-киданиями, пришедшими из Пекина. Но, прежде чем говорить об этих значительных событиях, нам следует вернуться, чтобы вкратце осветить историю сельджукских тюрков в Передней (Западной) Азии.

Роль сельджуков в истории тюрков

В X в. персидская география -Худуд эль-Алам свидетельствует, что страна киргиз-казахов на севере оз. Балхаш, т. е. степи Сары-су, Тургая и Эмбы, была населена тюркскими народностями, огузами или гузами, о которых византийские летописцы говорят как о узоях.*

Лингвисты ставят этих гузов в ряд с древними кимаками среднего течения Енисея или Оби, вместе с древними кипчаками, эмигрировавшими с тех пор в Южную Россию, и, также, с современными киргизами, выделяя их в особую тюркскую группу, которая отличается от других тем, что в языке этих тюркских народов произошел переход начального "й" в "дж".**

Начиная с эпохи Чингиз-ханидов, эти гузы стали известны под именем туркменов, тюркоманов.***

В XI веке гузы предстают перед нами, как и современные турк-

* Минорский, Худуд аль-Алам, 311, карта стр. 307.

** Бартольд, Кипчак, Энцикл. Ислам. 1082.

*** См. Бартольд, Гуз, Энцикл. Ислам., ШШ, 178 и Туркмены, там же, 943. См. Ж.Дени, *Grammaire de la langue turque*, 1921, p.326. Он объясняет термин туркмены, взятый гузами, использованием «усилительного» суффикса ман, который в тюркском языке означает усиление. Туркмен означает что-то вроде «чистокровный тюрк».

мены, группой племен, объединенных достаточно зыбкой солидарностью, когда каждая из них могла идти на войну ради собственной выгоды. Во второй четверти XI в., их отряды промышляли, одни в Южной России, а другие в Иране. Что касается Южной России, то русские летописи свидетельствуют, что они появились там к 1054 г. За ними следовала другая тюркская орда, представленная кипчаками, ответвлением кимаков среднего течения Иртыша или Оби, и эти "узы", как их называли византийцы (узои), проникли до нижнего течения Дуная, переправились через реку и захватили Балканы, где в дальнейшем они потерпели крупное поражение (1065). Другой клан гузов, -сельджуки, продвигаясь в ином направлении, совершили еще более ошеломляющий успех: они захватили Персию и Малую Азию.

Сельджук, эпонимический герой, давший название сельджукидам,* сын Дукака по прозвищу Тимур-алиг — "железная арка", был предводителем или высокопоставленным членом гузского племени киников. До 985 г. со своим кланом он отделился от основной группы гузских племен и устроил свою стоянку на правом берегу нижнего течения Сырдарьи, у Джэнда, неподалеку от нынешнего Перовска. По имени одного из его сыновей — Михаил, Муса, Исраил, некоторые хотели сделать заключение, что он проповедовал несторианство. Ни на чем не основанная гипотеза, так как эти библейские имена являются также мусульманскими, и, весьма правдоподобно, что будучи у границ саманидской Трансоксианы, клан сельджуков распространился с древним тюрко-монгольским шаманизмом, чтобы принять ислам.

Это было в эпоху, когда в Трансоксиане иранская династия саманидов с трудом сдерживала нападения караханидской тюркской династии с Иссык-Куля и Кашгарии. Сельджуки, применив хитрость, заняли сторону иранского принца в борьбе против родственного орд. Как отмечает Бартольд, эти гузы, только что пришедшие из степей Сары-су и Иргиза, были более варварами и язычниками, чем караханиды, исламизированные более века тому назад и испытавшие двойное влияние: саманидов — на западе, и уйгуров — на востоке.

После падения саманидов, их владения стали объектом раздела между караханидскими тюрками, ставшими хозяевами Трансоксианы, и газневидскими тюрками, ставшими властителями Хорасана.

* Традиционная орфография арабо-персидской истории дала название Сельджак, Сельджукиды. Но обычное правильное написание — Сельджук. См. Бартольд, Туркестан, 257.

Сельджукские тюрки, продвигавшиеся этап за этапом, наподобие современных туркменских племен, воспользовавшись всеобщей неразберихой, расположились лагерем в центре Трансоксианы, и в 885 г. разбили свои шатры на северо-востоке Бухары.*

В 1025 г., один из их предводителей-Арслан ("Лев", в переводе с тюркского) Исраил (мусульманское имя), носивший титул ябгу, сблизился с местным караханидом-Али-тегином в борьбе против Махмуда Газневи. Махмуд взял Арслана в плен, доставил его в Газни и попытался путем жестоких репрессивных мер подчинить оставшуюся часть его племени. Но эти кочевники отвергали любое возможное влияние на них оседлого образа жизни. В конечном счете, газневиды были вынуждены оставить караханида Али-тегина повелителем Трансоксианы. После смерти последнего (1032), сельджуки, которые, казалось, были ему преданы до конца, восстали против его сына, и стали воевать для достижения своих собственных целей. Их предводители: Тогрул-бек, Дауд и Пайгу ("Ябгу"), попросили у султана Махмуда Газневи передать им земли Хорасана. После отказа султана в его просьбе, Тогрул-бек отнял у него Нишапур (август 1038 года), нанес ему поражение в битве при Дан-данкане, под Мервом (23 мая 1040 г.). После этого газневиды были выдворены из Афганистана и вынуждены были отдать весь Хорасан сельджукским потомкам.**

Сельджуки, эта огузская орда без прошлого, самые отсталые из всех недавно исламизированных кочевых племен, стали неожиданно властителями восточного Ирана. Эта была неожиданная удача, которая могла бы привести к катастрофическим явлениям в развитии цивилизации, если бы во главе клана не стояло несколько умных и прозорливых руководителей, которые инстинктивно поняли превосходство арабо-персидской культуры, и, вместо того, чтобы разрушить ее, стали защитниками, чтобы постоянно иметь возможность влиять на нее. Войдя в Нишапур, Тогрулбек произнес хутбу — молитву в свою честь, объявляя этим самым, что он вошел в законные рамки мусульманских институтов. Завоевание продолжалось. К тому же, это происходило в традициях степи, где каждый из членов клана

* Бартольд, Туркестан в период монгольского нашествия, 257.

** Что касается истории сельджукидов, см. Ion al-Athir, Kamil fit Tarikh, trad. Partielle dans les Historiens orientaux des Croisades.- Houtsma, Recueil de textes relatifs a l'histoire des Seldjucides, Leyde, 1886-1902.- Histoire des Seldjucides et des Ismaeliens (Tarikh-i guzida), trad. Defremery, J.A. 1848.- Houtsma, Tughrilbeg, Enc. Islam, 872 et Malik.shah, ibid., 225. — Barthold, Turkestan, 302 et sq.

действовал во имя собственных интересов. Так действовал, полностью признавая приоритет Тогрулбека, его брат Чагрибек, кузен по отцовской линии-Кутулмиш или Кутлумиш, кузен по материнской линии — Ибрахим ибн Инал. Чагрибек, кстати, завладел Хорезмом (1042-1043). Ибрахим ибн Инал обосновался в местечке Рэи, и поддаваясь номадическому темпераменту, его отряды настолько распустились, что Тогрулбек был вынужден навести там порядок. По мере того, как Тогрулбек проникал все глубже и глубже в арабо-персидский мир, он с пользой для себя усваивал административные понятия этих древних цивилизованных стран, что способствовало тому, что предводитель отряда становился государственным руководителем, законным и абсолютным правителем, что укрепляло его авторитет среди подчиненных и родственников.

Западная Персия долгое время находилась во власти одной, чисто персидской династии Байидов (932-1055). Будучи персидской, эта династия продолжала проповедовать диссидентскую мусульманскую доктрину Персии — шиизм. Причем, они оставались хозяевами дворцов, и их положение напоминало положение эмир эль омаров на службе у суннитских халифов Багдада. В 1029 г. Махмуд Газневи отнял у них большую часть Ирака-Аджами. Во время сельджукского вторжения, последний из них-Хосроу Фируз ар-Рахим (1048-1055), имея титул эмир эль омара, еще владел Багдадом, арабской частью Ирака, Ширазом и Фарсом, в то время, как во владении одного из его братьев находился Кирман. Любопытно отметить, что этот последний персидский прини XI в., накануне тюркского завоевания, носил одновременно имена двух наиболее видных правителей сасанидской Персии.

Тогрулбеку понадобилось некоторое время для завоевания аджамийской части Ирака, так как, несмотря на анархию, которая свирепствовала в стране, его отряды огузских кочевников не могли с легкостью захватывать города. Исфаган был взят только через год, и то, в связи с голодом (1051). Тогрулбек, которому понравилась оседлая жизнь, сделал из него столицу. В этих странах, где отсутствовал политический порядок, феодалы были раздроблены, царило брожение умов. Тюрки, какими бы примитивными они не были, вводили основы порядка, которому, без сомнения, все следовало без особых сожалений. В 1054 г. Тогрулбек принял высокопоставленных сановников Азербайджана (Таурис, Гянджа и др.), нанесших ему визит вежливости. Сам аббасидский халиф Эль Каим, и начальник гвардии последнего,- Бесасири, пригласили его в Багдад, так как у них было намерение освободиться от опеки Байидов. Тогрулбек, исполь-

зую возникшие у тех разногласия, вошел в Багдад и сместил с трона последнего байида — Хосроу Фируза (1055).

В 1058 г. халиф одобрил признание Тогрулбека его временным наместником с титулом правителя Востока и Запада. И в это время, когда он достиг неслыханного величия, Тогрул столкнулся с восстанием своего кузена Ибрахима ибн-Инала, который вступил в союз с Бесасири. Тот, воспользовавшись трениями между сельджуками, вновь оккупировал Багдад, где он и объявил о низложении халифа эль Кайма, которого считал весьма лояльным по отношению к сельджукам. Сам Бесасири стал последователем шиизма (декабрь 1058). В этот сложный период Тогрулбек проявил хладнокровие и решительность. Вначале он начал борьбу против Ибрахима ибн-Инала, одержал над ним победу под Рэи, и казнил его; затем он победил и умертвил Бесасири перед Багдадом, вернув с триумфом халифа (начало 1060 г.). Таким образом, ничем не выделявшийся предводитель огузской орды сумел не только дисциплинировать свои войска, свой клан, свою династию, но также стать предводителем законного правительства и заставить признать себя официальным представителем арабского халифата. Более того, его горячо поддерживало суннитское население, то есть ортодоксальные мусульмане, видевшие в нем спасителя и воссоздателя халифата.

Тюркский султанат заменил персидский эмират как временный двойник арабского халифата, но на более длительный срок, так как тюрки, недавно принявшие ислам в отличие от "еретичных" иранцев, имели шанс стать подлинными проповедниками ислама. Не потому что они были фанатиками. Первые сельджукские султаны, потомки линии ябгу-язычников, были податливыми и открытыми этой идеологии. Они же сочли возможным, когда наступило время идти на захват западных земель, придать вид легитимности древней тюркской экспансии, под предлогом священной войны ислама.

Почти без крупных конфликтов, во всяком случае, без разнуданного насилия, удавалось тюркам осуществлять свои планы, потому что они действовали в период, когда общество обессилило, тюркская империя сменила арабскую, став на ее место, не прибегая к разрушению, влила в нее новые силы, тем самым получив свое социальное право на это, и законное обоснование.

Альп Арслан ибн Чагрибек (1063-1072), племянник и последователь Тогрулбека, со дня своего прихода к власти, положил конец анархическим традициям своей династии, которая в открытую про-

тивилась установлению законности в государстве. Альп Арслан был вынужден, таким образом, остановить деятельность кузена Кутулмиша, который был убит (1063-1064) и усмирить также своего дядю Кавурда, намеревавшегося поднять восстание в Кирмане, но которого он простил (1064). На западе он превратил в своего вассала Мир-дасидскую династию в Алеппо (1070). Его самым большим деянием в истории мусульман было то, что он победил и взял в плен 19 августа 1071 г., в битве при Малазгерде, в Армении, византийского императора Романа Диогена.* Это явилось историческим событием, обеспечившим на долгий период владение тюрками Анатолией. На тот период, однако, малазгердская битва способствовала завоеванию сельджуками Армении. Альп Арслан отнесся по-рыцарски к плененному византийскому монарху, и вскоре освободил его. Альп Арслан, как известно, был убит в 1072 г., когда двинулся с войсками на завоевание караханидского государства в Трансоксиане. При своем правлении, этот предводитель огузов "абсолютно неграмотный", совершил мудрый поступок, поручив руководство административными делами известному персидскому деятелю Низаму эль-Мульку.

Султан Меликшах (1072-1092), сын и преемник Альп Арслана, едва достиг возраста семнадцати лет, когда скончался его отец. Его первой военной кампанией был поход против трансоксианского караханида Шамс эль-Мулька, который воспользовался сменой монарха, чтобы захватить восточный Хорасан и завладеть Балхом. Когда Меликшах приблизился к Самарканду, караханид запросил пощады и признал себя вассалом. Меликшах допустил оплошность в духе огузских традиций, отдав Балх своему собственному брату Токашу, который выступил против него. Султан был вынужден совершить два похода против Токаша и дело закончилось тем, что султан выколол последнему глаза (1084). Дядя Меликшаха — Кавурд также восстал в Кирмане. Он объявил войну мятежнику. Кавурд был взят в плен и задушен (1078).

Подобные инциденты свидетельствуют о том, что несмотря на мудрое руководство со стороны Низама эль-Мулька, Меликшаху удавалось с трудом усмирять орду огузов, военным предводителем которых он являлся, чтобы она, эта орда, приняла форму арабо-персидского государства. Низам эль-Мульк и персидская бюрократия пытались ограничить деятельность туркменских отрядов, входивших в состав его народа, и придать им статус тюркской гвардии, мамелюков X в., который те имели при байидских халифах и эми-

* Cf. Claude Cahen, La campagne de Mantzikert d apres les sources musulmanes, in Byzantion, IX,2,1934,613.

рах; но зачастую, было весьма щекотливым делом призвать к подчинению этих беспокойных соотечественников нового султана, так же как и приучить к оседлому образу жизни этих вечных кочевников.*

Лишь сам султан лично проникся идеями своего министра в вопросе "урегулирования" сельджукской авантюры, перехода на оседлый образ жизни и иранизацию древней орды при создании персидской империи традиционного типа. В своей столице-Исфагане, в окружении пышного императорского двора, он с удовольствием и настойчивостью продолжал курс шахиншахов древнего Ирана.

На северо-востоке, как нам известно, Меликшах возглавил второй поход на Трансоксиану против караханида Ахмеда, племянника и преемника Шамс эль-Мулька (1089). Он взял в плен Ахмеда, но затем отослал его в Самарканд как своего вассала. А на западе, также во время правления Меликшаха, но независимо от него, его кузен, сельджукид Сулейман ибн Кутулмиш, в 1081 г. обосновался в Малой Азии, в Ницее, для нанесения вреда византийцам. Сами византийцы имели неосторожность призвать его на помощь в самый разгар гражданских войн. Это стало началом сельджукидского султаната Рума, т. е. Романии, которая существовала с 1081 по 1302 год, имея в качестве столицы Ницеею (1081-1097), а затем Икониум (1097-1302).**

В итоге, сельджукское государство, в роли оседлой державы больше не контролировало Персию. В Малой Азии, на бывшей византийской территории, захваченной с 1080 г., орудовали самостоятельные гузские отряды, под началом молодых сельджуков, каким являлся Сулейман, либо тюркских военачальников менее знатного происхождения, таких как эмиры-данишмедиты из Каппадокии, Сиваша и Цесарее, правивших, приблизительно с 1084 г. В этих древних цивилизованных странах, от случая к случаю, передвигались отряды, как это происходило в киргизских степях. Бартольд прекрасно выразился, резюмируя всю эту историю: "Гузы или туркмены пробороzdили отчасти как вояки, действовавшие по собственной инициативе, отчасти под началом их монархов (сельджуков), все страны, расположенные от китайского Туркестана до границ Египта и Византийской империи".***

Он же добавляет, что, по-видимому, сельджукские султаны, для того, чтобы освободиться от своих "беспокойных братьев", и воспрепятствовать тому, чтобы они нанесли ущерб прекрасной иран-

* Бартольд, 309.

** Cf. J. Laurent, Byzance et les Seldjucides, 96-98.

*** Бартольд, Гузы, Энциклопедия, Ислам, 11, 178.

ской стране, предпочли выставить отряды вольных гузов у границ султаната в Малой Азии. Данный факт поясняет, почему собственно Персия избежала тюркизации, в то время, как Анатолия стала новым Туркестаном.

А главари отрядов бились между собой за добычу. После покорения значительной части Малой Азии, Сулейман ибн-Кутулмиш достиг Сирии (1086). Там он столкнулся с младшим братом Меликшаха — Тутушем, который с 1079 г. отхватил себе ленное владение в Дамаске. У стен города Алеппо, между ними произошло крупное сражение за овладение этим городом. Сулейман был убит, а Тутуш присоединил Алеппо к Дамаску (1086). Он стал создавать отдельное сельджукское государство, когда его брат, султан Меликшах, в том же году появился в Сирии, вынудил Тутуша уйти в Дамаск и приступил к общему распределению ленных владений между своими военачальниками (1087).*

Таким образом, Меликшах провел свою жизнь, как и его предшественники, пытаясь упорядочить тюркское завоевание запада. Это завоевание было похоже на набеги небольших огузских отрядов, появлявшихся на окайлидской или фатимидской территории со стороны Сирии, вглубь греческих земель в Малой Азии, в связи со своим кочевым образом жизни, использовавшим в свою пользу разногласия либо византийского мира, либо мира арабов. Видимость единства поддерживалась в Персии лишь благодаря арабо-персидской администрации визиря Низама эль Мулька на востоке и в Сирии, а также благодаря военному искусству Меликшаха. В Малой Азии,¹ где ни тот, ни другой особо не вмешивались, царил огузский произвол.

После того, как в 1082 г. Меликшах скончался, повсюду воцарилась анархия. Старший сын Меликшаха-Баркиарук (1093-1104) стал бороться против мятежей своих соплеменников. Его дядя-Тутуш, который в этот промежуток времени, кроме Дамаска, вновь занял Алеппо, стал оспаривать Персию, но проиграл сражение и был убит у Рэи (26 февраля 1095 г.). Оставшийся период правления Баркиарука прошел в борьбе против своих собственных братьев, с которыми он в конце концов поделил Персию. С этого времени сельджукские владения были окончательно разделены на три части: султанат Персии достался Баркаруку и его братьям; княжества Алеппо и Дамаск-сыновьям Тутуша; султанат Малой Азии-Кызыл Арслану, сыну Сулеймана.

Судьбы всех трех групп владений были очень разными. Сельджукские княжества Сирии (Алеппо и Дамаск) не задержались долго

* Bibliographie dans Zettersteen, Sulaiman, Enc.Isl.,559, et Houtsma, Tutush, ibid., 1034. Rene Grousset, Histoire des Croisades, I, XIV.

на пути арабизации; к тому же две сельджукские династии, восходящие к Тутушу, были быстро устранены собственными мамелюками, также тюркского происхождения, история которых не вписывается в это описание.*

И напротив, сельджукский султанат Малой Азии просуществовал полных два века и был творением, которое, странным образом, долго просуществовало, так как из него возникла историческая Турция. В Персии, несмотря на создание тюркских очагов (в Хорасане, Азербайджане, в направлении Хамадана), основную часть населения, как мы увидим, составляли иранцы. В Сирии их было не так много, чтобы они могли, за исключением Антиохии и Александретты, соперничать с арабами.

В Малой Азии, напротив, мы обнаруживаем не только политическое завоевание страны, но и активное заселение территории представителями тюркской расы. Тюркский пастух пришел на смену византийскому пахарю. Дело в том, что анатолийское плато, благодаря своему расположению, климату, растительности, является продолжением степной зоны Верхней Азии. Страбон уже упоминал о Ликаонии, нынешней Конии, как о пространстве степи.**

Между этой местностью и кочевниками, пришедшими из киргизских степей, существовала заранее установленная гармония. Они там остались, так как оказались у себя. Нужно ли идти дальше и обвинять их, как это было принято, неосознанно оказывать содействие представителям различных культур, вернуться к эпохе пастбищ? Завоевание этих старинных провинций Каппадосии и Фригии гузами, пришедшими из пустынных просторов Приаралья, привела бы не только к тюркизации страны, но даже к ее "степизации". И тогда, когда вместе с Османами, тюркское завоевание дошло до Фракии, степь проникла туда: не встречаем ли мы некоторые характерные черты с их нетронутыми землями и караванами верблюдов у ворот Андринополя? Фактически, свидетельство Страбона, которое мы сейчас цитируем, доказывает, что бассейн оз. Татты представлял уже полупустынную степь эпохи селевкидов, атталей и рим-

* Cf. Ibn al-Qalanisi, *Damascus chronicle*, trad.Gibb,1932. Я рассказал достаточно краткую историю о сельджукидах Алеппо (Ридван) и Дамаска (Ду-как) в I томе моей Истории Крестовых походов (*Histoire des Croisades*), к которой я отсылаю читателя.

** «Плато Ликаонии представляет собой холодную и оголенную местность, где пасется множество диких ослов, но где почти нет питьевой воды. Отсутствие воды, тем не менее, не мешает тому, что там успешно развивалось животноводство. Шерсть животных тех краев немного грубовата. Там же имеются соленые озера. В кантоне, который более плодороден, чем этот суровый район, и т.д...» (Strabon, livre XII, ch. VI, I, edition Tardieu, p.533).

лян. Что касается опустошенности Фракии, она вызвана тем, что эта территория служила вечным полем битв.

Чтобы иметь более полную картину, добавим, что подобная тюркизация Анатолии, было меньше всего делом самой сельджукской династии, а в огромной степени, местных эмиров и тюркских кланов, которые почти не подчинялись ей. С точки зрения культуры, например, сельджуки Анатолии, так же как и их персидские сородичи, имели явное желание стать иранизированными. В тот период в Западной Азии не было литературного тюркского языка, сельджукский двор Конии принял персидский язык, как официальный (каковым он оставался до 1285 г.). Сельджукская Турция XI-XIII вв. показывает нам, таким образом, поверхностную персидскую культуру, наложенную на тюркский фон. При Кай-Хосроу и Кай-Кобаде говорили и, в особенности, писали на персидском, также как использовали латинский язык в Польше и Венгрии. Но, это, слегка искусственное наложение, не должно создавать у нас иллюзий или скрывать глубокую тюркизацию гузскими отрядами Каппадонии, Фригии и Галатии.

Что касается Ирана, то, как мы на это уже указывали, ситуация отличалась, так как иранская цивилизация и население были достаточно развитыми, чтобы страна могла существенным образом подвергнуться тюркизации. Напротив, именно тюркские завоеватели входили в орбиту иранизации. Почти сразу же это касалось династий и их соплеменников, которые были иранизированы в течении нескольких поколений. С политической точки зрения, Иран отныне находился в состоянии раздробленности, и степняки хлынули в этот край. Победа сельджуков в 1040-1055 гг. открыла кочевникам путь в эту страну. Напрасно предводители сельджуков стали разом панисламскими султанами, арабскими медиками, и персидскими шахами. Они стремились преградить этот путь, закрыть ворота, не пропустить тюрко-монгольские племена Верхней Азии, которые, следуя имеющимся прецедентам, желали, в свою очередь, повторить ту же самую авантюру. Сельджуки, ставшие персами, не смогли защитить Персию от тюрков, еще остававшихся тюрками. Несмотря на их добрые намерения, несмотря на "рейнский барьер" у берегов Амударьи, они оставались предвестниками всех хорезмийских, чигизханидских и тимуридских вторжений.

Если сельджукским султанам не удалось осуществить их конструктивные намерения, если они не смогли создать выгодную для себя основательную структуру персидского, сасанидского государства или "нео-сасанизм", который лежал в основе создания аббасидской империи IX в., то причина всего этого заключалась в закоренелой семейной анархии, наследия тюркского прошлого, которое им было всегда

присуще. Несмотря на личные достижения Тогрулбека или Меликшаха, они оказались неспособными усвоить, за достаточно длительный период, арабо-персидского понимания государства. Точно также, несмотря на гениальность Карла Великого (Шарлеманя), каролингская династия, в конце концов, оказалась неспособной дорости до понятия римского государства.*

Брат и преемник Баркиарука, султан Мохаммед (1105-1118), столкнулся с тайным мятежом арабского халифата. Отношения между сельджукским двором Исфагана и аббасидами Багдада были достаточно близкими на официальном уровне, но неожиданно стали ухудшаться, так как халифы упорно стремились освободиться от политической опеки султанов, то, к чему они придут во второй половине XII в., по крайней мере, что касается их временного владения арабской частью Ирака. Настоящий разрыв тюркского султаната с арабским халифатом, которых Тогрулбек пытался объединить. Упадок наступил при последующих сельджукских султанах: Махмуде ибн Мохаммеде (1118-1131), Масуде (1133-1152), которые правили между гражданскими войнами.** Эти султаны, которые обычно располагались в Хамадане, владели только аджемской частью Ирака. Другие провинции: Азербайджан, Мосул, Фарс и т.д. оказались во власти тюркской военной и наследственной феодальной знати, представители которой известны под титулом атабеков. Из этих атабеков только азербайджанским удалось выполнять роль дворцовых правителей при последних сельджуках. Это: атабек Азербайджана Ильдегиз (умер в 1172 г.), который служил при султани Арсланшахе (1161-1175), затем атабек Пехлеван (умер в 1186 году), который был сыном Ильдегиза и служил султану Тогрулу III (1175-1194). Когда Тогрул III попытался освободиться от него, то атабек Кизил Арслан, брат и преемник Пехлевана, заключил его под стражу (1190). И только после смерти Кизил Арслана (1191), Тогрул III, государь, в котором еще оставалась энергия великих сельджуков XI в., вернул, наконец, право своего владения аджемской частью Ирака. Но это запоздалое и территориально ограниченное сельджукское возрождение продлилось совсем недолго. В 1194 г. Тогрул III, как мы это увидим, потерял власть под натиском хорезмийских тюрков, которым и было предназначено, в конце концов, стать преемниками сельджуков в империи Среднего Востока.***

* Что касается личностей трех первых сельджукидов в тюркской истории, см. Бартольд, Туркестан, 305.

** Cf. Ibn al-Athir, dans les Historiens orientaux des Croisades, 1.

*** Bibliographie dans Zettersteen, Kizil-Arslan, Enc. Isl., 1113. Cf. Houtsma, Tughril II, ibid., 871. О завершении эпохи Сельджукидов, смотрите ниже.

Султан Санджар и стоянка на Оксе

Последний отпрыск Великих сельджуков - Санджар, самый юный сын султана Меликшаха, предпринял усилия, чтобы не допустить упадка династии. Будучи смелым, великодушным и с рыцарским поведением, это был наиболее совершенный представитель иранизированного тюрка, ставшего защитником персидской цивилизации, он сам же стал одним из легендарных героев, подобно персонажу Шах Намэ.

В период раздела наследства среди сыновей Меликшаха, Санджару, еще достаточно юному (ему было десять или двенадцать лет), в правление перешел Хорасан, с центральной ставкой в Мерве (1096). В 1102 г. он был вынужден защищать свои владения против нашествия караханидского хана Кашгарии — Кадырхана Джабраила, над которым он одержал победу и затем убил под Термедом. Затем он восстановил в ранге вассала в Трансоксиане местного караханида — Арсланхана, который сбежал перед самым нашествием. *

В 1130 г. он поспорил со своим протеже — Арсланханом, захватил Самарканд, сместил хана и сменил его другими караханидскими монархами — Хасан — тегином, а затем — Рох ад-Дином Махмудом (он правил с 1132 по 1141 гг.).**

Санджар также ввязался в Афганистане в борьбу газневидских правителей этой страны. В 1117 г., выступив против газневида Арсланшаха, он овладел Газной и посадил на трон другого члена этой династии — Баграмшаха. В этот период он был сюзереном газневидского Афганистана, также как и караханидской Трансоксианы, властителем необъятного султаната иранского востока.

Среди вассалов Санджара был шах Хорезма — тюркАтсыз (1127—1156). Пытаясь стать независимым, Атсыз потерпел поражение от Санджара в 1138 году в Гезарапсе, который изгнал его. Атсыз, впрочем, вернулся некоторое время спустя и получил великодушное прощение султана (1141). Но для Санджара наступили тяжелые времена. В этом же году, как это мы увидим, Трансоксиану завоевали караки-таи, эмигрировавшие из Китая вплоть до Исык-Куля, ставшие весьма опасными соседями. В связи с тем, что этот народ монгольского происхождения оставался «языческим», т. е. буддистским, тем самым наводил ужас на мусульманское население. Санджар, как обычно, достаточно смело и решительно двинулся навстречу с караки-

* См. Бартольд, Туркестан, 319.

** Арслан-хан был низложен из-за интриг суннитского мусульманского «духовенства», которое играло все более и более важную роль в делах Бухары и Самарканда. Этот клерикализм усилился в Трансоксиане в период правления Хорезмийских шахов, а затем, после бурной чипгизханидской эпохи, продолжит укрепляться при тимуридах и узбеках. См. Бартольд, Туркестан, 320.

таями, но 9 сентября 1141 г. потерпел сокрушительное поражение в Катване под Самаркандом и был вынужден бежать в Хорасан.*

Вся Трансоксиана попала в руки каракитаев. Шах Хорезма — Атсыз воспользовался этим, чтобы поднять мятеж, вошел в Хорасан и занял на короткий период Мерв и Нишапур, не сумев, между прочим, удержать власть из-за контрнаступления Санджара. Дважды (1143—1144 и 1147), Санджар захватывал Хорезм и во второй раз вблизи Ургенча вынудил Атсыза вернуться в вассальную зависимость. Но героизм великого султана ослабевал перед постоянно возникающими трудностями. Вскоре возникла неожиданная опасность. Огузские и гузские орды, того же происхождения, что сельджуки, которые находились у Балха, подняли восстание против Санджара, который вознамерился подчинить этих кочевников правилам персидской администрации и налогообложения, заключили его в тюрьму и принялись грабить Мерв, Нишапур и другие города Хорасана (1153). Ему удалось выйти на свободу только в 1156 г. и умер он на следующий год накануне полного краха его творения.**

Санджару не удалось осуществить свои намерения создать в иранском государстве основательное сельджукское государство. Восстание гуззов показало трудности при вовлечении в арабо-персидские административные рамки кочевые племена, привлеченные сельджуками для покорения Ирана. Административные основы персидских традиций, принятые и поддерживаемые сельджуками, не пережили падения различных ветвей этой династии (1157 г. — в Восточном Иране, 1194 г. — в Аджемистской части Ирака, 1302 г. — в Малой Азии). Как только упала эта завеса, и исчез неоперсидский султанат, от завоевания в 1040 г. Ирана, а в 1072-1080 гг. - Малой Азии, остались незначительные тюркские племена, которые от гуззов в 1053 г. до отрядов Кара Коюнлу и Ак Коюнлу XV в., от караманов до османов, оспаривали Иран, с одной стороны, и Малую Азию — с другой, наподобие всех древних орд степных глубин Верхней Азии. Таким же образом, вопреки добровольным культурным намерениям сельджукидов-тюрков, так быстро и основательно иранизированных, - их триумф в Иране, так же как в Ма-

* Бартольд, Туркестан, 326 — 327, опровергает (совместно с Джувеини) обвинение против шаха Хорезма Атсыза (со стороны Ибн ат-Атхира), который, якобы, призывал кара-китаев против Санджара; однако, победители кара-китаи разграбили также хорезмийские села. Обвинение связано с тем, что поражение Санджара сослужило большую службу Атсызу.

** По мнению Джувеини, Санджар умер 8 мая 1157 г., см. Бартольд, 332.

лой Азии, имел экономические и социальные последствия — мы вернемся к описанию этого важного момента — создание из Ирана, так же как из Малой Азии, подобия степей. И действительно, в данном случае человеческая география жестоким образом отреагировала на растительную географию. Кочевничество уничтожило культуры, преобразовало лик земли. То, что мы говорим о Малой Азии в большей степени касается Ирана. Таджики сумели продолжить создание в оазисах очаровательных садов с кипарисами и розами, воспетых Омар Хаййомом и Саади — которые окружали эти города. У ворот этих городов, как только заканчивались последние сады, начиналась степь с кочующими племенами, с огромными темными стадами животных, соорудивших их разборные стоянки из черного цвета шатров. Любой из отличавшихся умом предводителей, — всем тюркам свойственно враждебное чувство умения управлять — мог периодически заставить признать себя государем оседлого населения, у которого впрочем он заслуживает признания за то, что мог положить конец междоусобицам. Два общества, оседлое общество городских таджиков и кочевое общество с темными шатрами, кажется, «уживались» в течение ряда десятилетий, но впоследствии все изменилось, племена вновь тронулись с мест, понятие государства было предано забвению до тех пор, пока история не приступила к приобщению к оседлому образу жизни одного кочевого племени, которому прочили господство. Фактически такой подход никогда не отклонялся. Чтобы оно подпитывалось извне, мы видим, как периодически, в XI и XII вв., новые группы кочевников появлялись на горизонте киргизских или тюркских степей, на краю культур, требовавших свою долю в совместном отлаженном управлении таджиками.

Этот двойной феномен имел место еще в бытность самого султана Санджара. После него хорезмийские шахи, которые как и сельджукиды относились к тюркской расе, возобновили попытку последних создать в Иране громадную тюрко-персидскую империю, тюркскую с военной основой, персидскую — с административным управлением. В то же время, каракитаи, народ, прибывший из Дальнего Востока, не принадлежавший к тюркской расе, захватил Восточный Туркестан, и его приход на сто лет вперед возвестил о появлении тыловых отрядов степей самих чингизханидских монголов.

Прежде чем перейти к этой новой фазе истории Азии, подведем этнический итог сельджукской авантюры. Этот итог, короче говоря, весьма парадоксален. В самом деле примечательно, что сельджуки, эти тюрки, ставшие персидскими султанами, не тюркизировали, без сомнения, Персию, потому что они вовсе не желали этого. Напротив, именно они, как нам известно, добровольно стали персами

и по примеру великих древних сасанидских правителей, приложили усилия, чтобы оградить иранское население от грабежа со стороны гузских отрядов, спасти иранскую культуру от тюркской угрозы.* Тем не менее, это может быть один из долговременных результатов поражения Санджара от гуззов в 1153 г. — они не смогли помешать этим тюркам компактно обосноваться на юге нижнего течения Аму-Дарьи, между плато Устюрт и Мервом в том регионе с давнего времени этнически неиранизированного, каковым стал Туркменистан. С другой стороны, тюркские отряды, возглавляемые молодыми сельджуками на анатолийском плато фактически тюркизировали также эти древние византийские земли до такой степени, что начиная от султанов Кони и до Османов и Ататюрка Мустафы Кемаля, создали историческую Турцию.

Империя каракитаев

Чтобы осознать те громадные изменения, которые произошли в Восточном Туркестане во второй четверти XII в., нужно сослаться к революционным событиям в Северном Китае этой эпохи. Вспомним, что начиная с 936 г. по 1122 г., кидане, монгольского происхождения, выходцы из западных берегов Лаохо, властвовали в Пекине, в северных округах Хубея и Шаньси, кроме Жэхоля и Чаха-ра, которыми они уже владели. Между 1116 и 1122 гг. кидане были смещены джурджитами или цинами тунгусского происхождения, которые пришли к ним на смену в управлении Северным Китаем.

Подавляющая часть киданей продолжала жить как вассалы цинов в древнем примитивном владении этого народа между маньчжурским юго-западом и востоком нынешнего Жэхоля. Но часть киданей устремилась в поисках лучшей доли к западу, на север Тарима, где уйгурские тюрки Турфана, Бешбалыка и Кучи признали их сюзеренитет. Кажется, что начиная с этого периода первый отряд киданей в 1128 г. проник в Кашгарию, но был отброшен караханидским ханом Кашгара -Арслан Ахмедом. Киданьские эмигранты под предводительством принца монаршей семьи по имени Юэлиу Ташэ (по кит.) были гораздо счастливее на северо-западе, где они основали город Имиль на Тарбага-тае, неподалеку от Чугучака.** На западной части Иссык-Куля, караха-нид, правивший в Баласагуне, в тот период, испытывал угрозу со

* Сельджуки экспортировали даже иранскую культуру в Малую Азию. В Кони персидский язык стал официальным. Он им оставался, как мы это видели ранее, до 1275 г. (J.H. Kramers, KaramanOghlu, Enc. Isl., 793.

** Именно в 1123 г. Юэ-Лю-Та-ше, по сведениям Лео-ше, сбежал из Пекина в направлении Бешбалыка. См. Pelliot, J.A., avril-juin 1920, 174. Может быть имя Та-шэ представляет китайский титул тай-чю, принца, или же тай-че «великого учителя» (Pelliot, Notes sur le Turkestan, T.P., 1930, 45).

стороны как карлукских тюрков нижнего течения Или, так и канхлийских тюрков на севере Арала.* Он обратился к предводителю киданей Юэлиу Ташэ, который поспешил на помощь, сместил с трона непредусмотрительного караханида и сменил его. Баласагун, таким образом, стал столицей Юэлиу Ташэ, который присвоил себе тюркский имперский титул гурхана и властителя мира, который после него носили его потомки.**

Некоторое время спустя новый гурхан подчинил под свой сюзеренитет местных караханидов, властвовавших в Кашгаре и Хотане. Новая ки-даньская империя, созданная таким образом в Восточном Туркестане, известна в мусульманской истории под названием империи каракитаев («кидане или черные китаи»), которым мы пользуемся и по сей день.

Как было указано, кидане относились к монгольской расе. В период их двухвекового господства в Пекине, они полностью китаизировались.***

Их выходы, несмотря на то, что обосновались с тех пор в Туркестане среди мусульманских тюркских народов, оставались чуждыми исламу, также как и арабской культуре, ориентировались на китайскую, буддийскую или конфуцианскую цивилизацию, «языческую» по трактовке мусульман. Размеры податей основывались, как и в Китае, на значимости семей. Напротив, по сравнению с другими кочевниками, гурханы не создавали в пользу своих кланов ленных владений и уделов, что, кажется, было явным доказательством влияния китайских административных структур. И как считает Бартольд, административным языком мог быть китайский. Отметим, что наряду с буддизмом, христианство процветало в империи каракитаев. «В эту эпоху в Кашгаре жил христианский епископ, управляющий христианской епархией; тогда же появились наиболее древние христианские надписи в Чу»****

Создание империи каракитаев представляется также реакцией, направленной против внедрения ислама, осуществленного караханидами. Первый гурхан каракитаев — Юэлиу Ташэ (1130-1142), укрепив за счет восточных караханидов свое господство над регионом Иссык-Куля и Кашгарии, напал на западных караханидов, обосновавшихся в Траноксиане и затем на сельджукский султанат Во-

* Что касается этого имени, см. Bretschneider, *Mediaeval researches*, I, 18 et Pelliot. *Notes sur le Turkestan*, 18.

** Касательно этих событий, см. Djouweyni, *Tarikh-i djahan kouchai*, traduit dans d Ohsson, *Hst. Des Mongols*, I, 441 et dans Bretschneider, *Mediaeval researches*, I, 225.

*** Cf. Pelliot, *Notes sur le Turkestan*, *Toung pao*, 1930, 49.

**** Barthold, *Zur Geschichte des Christentums in Mittelasien bis zur Mongolischen Eroberungen*, Tübingen, 1901, p.58.

сточного Ирана, где правил тогда Санджар. В мае-июне 1137 г. в Ходженте в Фергане он нанес поражение самаркандскому караханиду Рох ад-Дину Махмуду. Султан Санджар, отправившийся на помощь своим трансоксианским вассалам, проиграл битву каракидаям в Катване на севере Самарканда (9 сентября 1141 г.). Бухара и Самарканд перешли от сельджукского сюзеренитета — гурхану, который, впрочем, оставил местным караханидам право на проживание во втором из своих городов на правах вассалов.*

В том же 1141 г. каракитаи захватили Хорезм. Шах Хорезма — Атсыз вынужден был признать себя их подданным. Преемник Атсыза — шах Хорезма Арслан (1156—1172), несмотря на то, что надеялся сменить сельджуков в Восточном Иране, оставался почти всю свою жизнь подданным гурхана.**

Империя каракитаев простиралась теперь от Хами до Арала и Ходжента, ее сюзеренитет начинался от верхнего Енисея и доходил до Аму-Дарьи. С точки зрения мусульман такое господство языческой монгольской династии на мусульманской тюркской земле было величайшим регрессом и крупнейшим скандалом. Они продолжали смотреть не в сторону мусульманского мира, а в сторону Китая, откуда они черпали свою культуру. Юэлиу Ташэ был первым предводителем из них, который прославился как весьма грамотный китаец. Со своей стороны, Китай не переставал интересоваться потомками бывших правителей Пекина, в то время как арабо-персидская историография относилась к ним с некоторой долей презрения. В результате об именах мы можем судить только по китайской транскрипции. После смерти гурхана Юэлиу Ташэ (февраль 1142), его вдова Тапуэн стала регентшей империи (1142—1150). Затем пришло время правления их сына — Юэлиу Йилиэ (1150—1163). После смерти Юэлиу Йилиэ, его сестра — Юэлиу Шэ или Пусуван, исполняла регентство (1163—1178) в течение которого каракитайская армия вторглась в Хорасан и разграбила Балх (1165). Наконец, Юэлиу Чэлуку, сын Йилиэ лично правил с 1178 по 1211 г.. При этом последнем монархе империя каракитаев вошла в конфликт со своими вассалами, шахами Хорезма, конфликт, который возник в период Чингиз-ханидских завоеваний, за короткий срок явился причиной гибели двух противников, что устроило только монголов.***

* Рох ед-Дин Махмуд вынужден был бежать с побежденной армией сельджуков, но другой караханид Тамгач-хан Ибрагим стал повелителем Самарканда под сюзеренитетом кара-китаев (умер в 1156 г.). После него в этом городе правил Чагри-хан Джелал ед-Дин Али, также караханид и вассал каракитаев (1156-1163). В дальнейшем его заменил сын — Килидж Тамгач-хан Масуд (1163—1178).

** См. Бартольд, Туркестан, 332—333, согласно Ибн аль-Атхира и Джувейни.

*** См. Бартольд, Кара-китаи, Энцикл. Ислам, 782, дает свое видение истории Семиречья (на рус. яз., 1898), II, 102 и далее.

Хорезмийская империя

Перед лицом китаизированной языческой монгольской империи каракитаев, хорезмийские шахи в нынешней Хиве представляли мусульманский тюркский мир, особенно после смерти сельд-жукида Санджара, не оставившего преемника (1157), тем самым оказалось вакантным место правителя восточной части Ирана. По правде говоря, бывшее царство Санджара — Хорасан, было своего рода землей без хозяина, где огузские предводители после их нежданной победы в 1153 г., были законодателями, более или менее признавая отныне сюзеренитет хорезмийских шахов.*

После смерти хорезмийского шаха Арслана (1172), его два сына, Такаш и Султаншах, вступили в борьбу за трон.** Проиграв эту борьбу, Такаш нашел убежище у каракитаев. Регентша каракитаев — Юэлино Шэ обязала своего мужа выступить с армией на Хорезм, чтобы восстановить Такаша, изгнав Султаншаха, что и было сделано (декабрь 1172). Но, несмотря на то, что он был обязан своей властью каракитаям, Такаш вскоре восстал против них из-за выдвинутых требований по уплате дани и тогда каракитаи, резко изменив политику, поддержали его брата Султаншаха. Если им не удалось посадить его на трон Хорезма, то они предоставили ему армию, с которой он начал завоевание Хорасана (завоевание Мерва, Серакса и Тусы в 1181 г.). Султаншах правил в Хорасане до самой смерти в 1193 г. Как только Султаншах покинул этот мир, Такаш присоединил весь Хорасан к своим хорезмийским владениям (1193).

Едва став хозяином Хорасана, Такаш завоевал аджемитскую часть Ирака. Эта провинция, как мы это видели, составляла царское владение последнего сельджукского султана Тогрула III. В решающей битве, произошедшей под Рэем 19 марта 1194 г., Такаш одержал победу и казнил Тогрула.*** Эта победа, которая положила конец сельджукскому владычеству в Персии, принесла шаху Хорезма аджемитскую часть Ирака вместе с Рэем и Хамаданом.

Сын Такаша — Ала ад-Дин Мохаммед пришел ему на смену (1200—1220). Ала ад-Дин Мохаммед привел к высшему расцвету хорезмийскую империю, которая при его правлении стала господствующим

* Дефремер перевел Историю хорезмийских шахов Мирхонда, 1882. Основные восточные источники даны и подвергнуты анализу Бартольдом в Туркестане в период нашествия монголов, 322 и далее.

** Бартольд, Туркестан, 337-340, согласно Ибн аль-Атхир, Джувейни и Мирхонда.

*** Дата Ибн аль-Атхира (Бартольд, 347).

государством в Срединной Азии. Первым его шагом стало завоевание Афганистана у гуридов.

Фактически, когда два предшественника Мохаммеда закладывали у нижнего течения Аму-Дарьи основы хорезмийской империи, другое мощное мусульманское государство возникло в Афганистане. Эта страна до этих событий принадлежала тюркской династии газневидов, также владевших Пенджабом в Индии. В 1150 г. афганский клан суриев восстал против газневидских султанов в горах Гхора между Гератом и Бамианом. Гуридская вождь Джа-хан Соз ограбил в тот же год Газну, султанскую столицу, которая в 1173 г. была окончательно завоевана его преемником Гийат ад-Дином. Газневидские султаны скрылись в Пенджабе, в Лахоре, оставив гуридам Афганистан. В период правления известного Ши-хаб ад-Дина Мохаммеда Гхора (1163—1206), гуридская империя необычайно расширилась на Восток. Мохаммед сверг с трона последних газневидов в Пенджабе, присоединил к себе эту провинцию (1186) и отвоевал у индусских раджей бассейн реки Ганг (1192—1203). Он был на пике своей славы, когда на него напал его тезка Мохаммедшах хорезмийский.*

Первое сражение между двумя Мохаммедами на Аму-Дарье было выиграно гуридом, который стал грабить Хорезм (1204). Мохаммед хорезмийский призвал к себе на помощь своего сюзерена — гурхана каракитаев, который выслал ему на подмогу армию под предводительством некоего Тайанку-Тараза, а также своего другого вассала — караханида Османа, принца самаркандского. Имея такую подмогу, шах Хорезма одержал победу над гурида-ми в Гезараспе и выдворил их из страны (1204). Каракитаи последовали за Мохаммед Гхором и нанесли ему полное поражение в Андкуе на западе Балха (сентябрь — октябрь 1204 г.). Эта победа явилась окончательной демонстрацией превосходства хорезмийцев над гуридами.** Тем не менее, только после смерти Мохаммеда Гхора (13 марта 1206 г.) Мохаммед хорезмийский отнял у гуридов Герат и сам Гхор (декабрь 1206 г.).***

В 1215 г. шах Хорезма завершил завоевание Афганистана, отняв у них к тому же Газну.

* Именно захват Герата гуридами в 1175-1176 годах, сделал из них смертельных врагов хорезмийского шаха (Туркестан, 338). ** См. Бартольд, 350-351. *** Дата Джувеини (Бартольд, 353).

Мохаммед хорезмийский своей победой над гуридами был обязан своему сюзерену — гурхану каракитаев. Но признательность его оказалась недолгой. Достигнув таких высот власти, он считал невыносимым, что мусульманский император (к этому времени у него был титул султана), хозяин двух третей Ирана, оставался вассалом, платил дань этим «язычникам»-монголам. Кара-ханидский правитель Самарканда, Осман ибн Ибрахим (1200— 1212), также вассал каракитаев, испытывал такие же чувства. В 1207 г. Мохаммед Хорезмийский, придя с ним в сговор, занял Бухару и Самарканд, где он сменил сюзеренитет каракитаев своим собственным. Хорезмийская империя поглотила таким образом всю Траноксиану. Каракитаи, впрочем, не замедлили с ответом. По сведениям Джувейни, они даже вошли в Самарканд, но их генерал Тайанку закончил тем, что хорезмийцы взяли его в плен в битве, которая произошла или в степях Иламиша около Андижана, в Фергане, или в степях Таласа (1210).*

Мохаммед отбросил каракитаев с помощью принца самаркандского караханида Османа, который использовал доверие гурхана в своих целях. Но в 1212 г. Осман, устав подчиняться хорезмий-цам, восстал. Мохаммед пошел на Самарканд, захватил город, разграбил его и казнил Османа. Таков был конец последнего представителя этой караханидской династии, которая властвовала над тур-кестанцами более чем два века (1212).**

Мохаммед Хорезмийский осуществил, наконец, в 1217 году триумфальный поход через всю Персию, в результате которого он получил почести атабеков или тюркских правителей, ставших независимыми и имеющих наследственный статус передачи власти, которые управляли персидскими провинциями, в частности, салгуа-ридами Фарса. Он дошел до Голвана в Загросе на границе аббасид-ского халифатского владения арабской части Ирака. Повздорив с халифом, он готов был идти на Багдад.***

Даже атабек Азербайджана (Таурис), страны, куда он не пошел с походом, немедля признал себя данником. В этом 1217 г. хорез-

* В связи с этими событиями, Джувейни дает две версии. Их содержание и дискуссия у Бартольда, Туркестан, 355-360, с дополнительными сведениями, данными Ибн аль-Атхиром.

** Бартольд, Туркестан, 365-366 (согласно Джувейни и Ибн аль-Атхира).

*** Что касается разрыва между Мохаммедом и халифом, анализ источников у Бартольда (согласно Ибн аль-Атхира, Нессави и Джувейни, стр.373-375.

мийская тюркская империя, имеющая на севере линию раздела Сыр-Дарью, на востоке — Памир и горы Вазиристана, на западе — Азербайджан, горы Луристана и Хузистана, включала в себя Транс-оксиану, почти весь Афганистан, почти всю Персию.

И вот тогда он столкнулся с Чингиз-ханом.

Что следует усвоить из предыдущего, это то, что в то время, когда на нее напали монголы, хорезмийская империя была совершенно новым образованием, имея в своей окончательной форме существования всего несколько лет. Империя не имела времени приобрести солидность, она оставалась еще полностью дезорганизованной. Здесь нет особого повода выражать восхищение перед Чингизханидской стратегией, если это почти импровизированное государство рухнет при первом столкновении, как картонный домик. Между различными частями так называемой хорезмийской империи не существовало другого принципа единства, как лично султан Мохаммед, к тому же восточный владыка, которому невероятно, насколько это возможно, благоприятствовала долговременная удача, фактически он был слабовольным человеком с неожиданными моментами упадка духа и подъема настроения. Не следует упускать из виду, что когда Чингиз-хан пошел на завоевание этой империи, Бухара и Самарканд принадлежали хорезмийцам только восемь лет, а, что касается второго из этих городов, то его взяли после осады и жестокой расправы; Афганистан был полностью присоединен к Хорезму только за четыре года до вторжения Чингиз-хана (Газна в 1216 г.); Западная Персия стала окончательно хорезмийской только за три года до нападения грозного врага (1217). В действительности, в противовес тому, что утверждают историки в период нашествия Чингиз-хана, существовала хорезмийская империя, это был только зародыш, это была начальная стадия зарождения империи, лишенная еще прочных государственных структур. Чингиз-хан столкнулся бы с совершенно иной ситуацией, если бы он оказался перед лицом настоящего государства, такого как царство Цин Северного Китая...

4. РУССКАЯ СТЕПЬ С VI ПО XIII ВЕК

Авары

Степи южной России являются для географа ни чем иным, как продолжением степей азиатских. То же самое и для историка. Это мы уже видели в древности, применительно к Скифам, Сарматам, Гуннам. Этот факт также применителен к периоду раннего средневековья, от Аваров до Чингиз-ханидов.

Миграция Аваров из Верхней Азии в южную Россию известна нам благодаря византийскому историку Теофилакту Симокатте. Теофилакт проводит различие между настоящими Аварами и, как он называет, фальшивыми Аварами. (Псевдоаварои). Под первыми он видит, как отмечает Маркуар, тех, кого мы называем Жуан-жуани, народ монгольского происхождения, который был хозяином Монголии в течение всего V в. до того, как был разгромлен и вытеснен в 552 г. Тюрками Тукю. И он дает под "фальшивыми аварами", присвоившими это грозное имя — Авары, — народ нашей средневековой истории. Эти последние состояли из двух объединенных орд, а именно, Уар (или Вар), откуда и произошло имя Авар, и Кунни или Хуни, — имя, напоминающее об их гуннской этимологии.*

Два объединенных имени "Уар" и "Хуни" обозначают Аваров и Гуннов. С другой стороны, эти Уары и Хуни, от которых византийцы выводят Уархонитай, были, согласно тем же византийским источникам, два племени Огоров, то есть, как думают некоторые ориенталисты, Уйгуров. Но исторические уйгуры-тюрки, в то время как авары Европы, вероятно, были монголами. Кроме того, Альберт Геррманн, посредством карты из своего атласа, предлагает идентифицировать уаров и хуни с жуан-жуанами, которые, безусловно, были монголами.** Наконец, как отмечает Минорс-кий,*** различие между "настоящими аварами" и "псевдоаварами" основывается лишь на одном византийском источнике, и то не совсем надежном. Кроме того, по утверждению того же Геррман-на,**** если авары, которые эмигрировали в Европу во второй по-

* См. обсуждение гипотез Маркуара (Ostturkische Dialektstuien, 1914), согласно Пельо, A propos des Comans, J.A., 1920, I, 141. ** Atlas of China, 32. *** Minorsky, Hudad al-Alam, 448 (1937). **** Atlas of China, 30.

ловине VI в. не были жуан-жуанами,* то они должны быть гуннами эфталитами. Напомним, что эфталиты, владевшие районом Или, Трансоксианой и Бактрией в V веке, и имевшие монгольское происхождение, как и жуан-жуани, были разгромлены и рассеяны после них, к 565 г. теми же противниками-тукю, заключившими против них союз с Сасанидской Персией.**

Вне зависимости от этой дискуссии, очевидно, что к концу правления Юстиниана (умер в 565 г.) авары — по-греч.: *"абарес, абарои"*, по-лат.: *"авари, аварес"*— двинулись в Европу, напирая на шедших впереди них, как говорит Теофилакт Симокатта, "Хуннугуров, Сабиров и другие гуннские орды". Предводитель аланов, называемый византийцами Сарозиос, смог оставаться в дружеских отношениях с ними. Их появление напомнило византийцам древних гуннов, за исключением того, что в отличие от гуннов, авары заплетали свои волосы в две длинные косы, которые спадали со спины. Мы знаем, что они были шаманистами; Теофилакт упоминает одного из их колдунов или "боколабрас" (от монг. *"бога"* — колдун).*** Их посол Кандих, когда был принят Юстинианом, потребовал земли и дани (557). Юстиниан направил к ним своего посла Валентина (того самого, который позднее посетил тукю) и убедил их кагана**** вступить в войну с другими ордами, Хуннугурами и Сабирями или *Vigugu* и *Sabigi*, которые были разбиты. Авары разбили также Гуннов Кутригуров и Гуннов Утургуров, которые, и те и другие, были потомками народа Аттилы, и которые кочевали, первые — на северо-западе Азовского моря, вторые — близ устья Дона. Авары включили этих гуннов в свою собственную орду. Так как рассматриваемые гунны были тюрками, а наши авары, очевидно, монголами, то безусловно ясно, что каждая из этих двух больших тюрко-монгольских групп соединились в пределах их собственной империи с представителями другой группы. Авары, действуя как федералы Византийской империи, разрушили эти Гуннские царства. В 560 г. их владения распространялись на территорию от Волги до устья Дуная. Их каган разбил свой повозочный лагерь на северном берегу Дуная. На севере он разгромил славянские

* Жуан-жуане, назывались, якобы, кермихонами, по мнению византийских историков.

** См. Пельо ВЕФЕО, 1903, 99. Шаванн, Документы о Западных Ту-кю. 229-233; Пельо, По поводу Команов. ГА., 1920, 1, 141.

*** Теофилакт, I, 8.

**** «Principem suum chagana, honoris causa, nominarunt», пишет Теофилакто А Гергори из Тура: «Vocabatur gaganus; omnes enim reges gentis illius hos appellantur nomine».

племена-антов, словенцев и вендов; на западе вступил в Германию и, наконец, был разбит в крупном сражении в Турингии франкским королем Астразии — Сигебертом, внуком Кловиса (562 г.).* Авары отступили к Черному морю.

Через некоторое время (около 565 г.), на Аварский трон вступил очень способный каган, по имени Баян, имя которого, как отмечает Пельо, было чисто монгольским.**

Как до него — Аттила, и после него — Чингиз-хан, он, вероятно, был более расчетливым и хитрым политиком, чем стратегом. В 567 г. в союзе с ломбардийцами-германским народов, населявшим Пан-нонию, — он разгромил гепидов - другой германский народ (готический по происхождению), располагавшийся в Венгрии и Трансильвании.***

Венгрия была оккупирована аварами, и Баян разместил свои королевские стоянки близ старой столицы Аттилы. Таким образом, на Венгерской равнине, которая на протяжении истории фигурировала как продолжение азиатских степей, цепь тюрко-монгольских империй была восстановлена. Авары теперь правили от Волги до Австрии. Это неожиданное расширение жуан-жуаньских или эфталитских орд, избежавших столкновений с армией тукю, весьма раздражало последних. Они обвинили византийцев в заключении соглашения между Юстинианом и аварами. Когда Гарду, предводитель западных тукю, принял византийского посла Валентина в 575-576 гг. в верховьях Юлдуза, севернее Кучи, он обвинил его в заключении этого договора. Менандр**** приводит его речь: "Пусть эти Уархуни (Varchonitae) осмелятся предстать перед моей конницей, и просто посмотрят на наши кнуты, которые заставят их бежать в недра земли! Мы должны уничтожить этот народ рабов, не используя наши мечи; мы раздавим их как жалких муравьев под копытами наших коней."***** Чтобы наказать византийцев за их связи с аварами, тукю направили в русские степи в 576 г. конный отряд под командованием некоего Бохана, который вместе с последним предводителем гуннов утургуров, Анагаем, атаковал византийс-

* Gregoire de Tours, IV, 23.

** Пельо. Происхождение Тукю, Тунг пао, 1915, стр. 689.

*** Интересно отметить вместе с Нандором Феттишем, что искусство итальянской Ломбардии испытало влияние культуры Мартыновки, что под Киевом и действие которой ощущалось от реки По до Камы, в Крыму и на севере Кавказа. Что касается изделий из золота и серебра Мартыновки см. Fettich, Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn, 1937, 282 et sq.

**** Exc.leg., p.162.

***** Я задаюсь себе вопросом, может ли «formicarum instar» приблизительно означать насекомых, по имени которых китайцы называли «Жуан-жуаней» и от этого ли идет точно их название.

кий город Боспор или Пантикапей, находившийся вблизи от современной Керчи, в Крыму, при входе в Азовское море.*

В 582 г. каган Баян начал войну против византийцев и захватил Сирмиум (Митровитца), крепость на Саве. Под давлением аваров, часть болгар — народа, вероятно, тюркской расы, происходившего, возможно, от гуннов кутригуров, расселилась в Бессарабии и Валахии, откуда, после появления в этих местах мадьяр, они, позднее, ушли в Моези, превратив ее в последующем в Болгарию. На западе Баян- "гаганус", как Грегори из Тура передает его монгольский титул, -возобновил, к 570 г. борьбу против франков, и в этот раз, разбил Сигеберта, короля Австазии. Затем Баян атаковал вновь Византийскую империю, захватил Сингидум (Белград) и подверг разграблению Моези вплоть до Анчиалуса (близ Бургаса).** В 587 г. византийцам удалось разбить его недалеко от Андрианополя. Некоторое время он бездействовал. Но уже в 592 г. Баян предпринимает новый поход. Ему удалось захватить Анчиалус и разграбить часть Фракии вплоть до Зурулума (Корлу). Выдающийся византийский полководец Прискус сумел остановить кагана; перейдя Дунай, он навязал сражение в самом сердце степной империи, а именно, в Венгрии. Окончательное поражение Баяну было нанесено в битве у берегов Тисы. Во время этого сражения было убито четверо его сыновей (601). Сам Баян, не вынеся потрясения, умер вскоре после этого (602).

Следующий аварский каган повернул свои войска против Италии, которая находилась во власти ломбардов. Авары воспользовались тем, что ломбарды оставляли Паннонию, и в массовом порядке мигрировали в Италию. Авары попытались захватить Паннонию. В 610 г. их каган захватил и разграбил Фриул. В 619 г.,*** в связи со встречей в Гераклее во Фракии (Эрегли), он совершил предательство, напад на императора Гераклиуса. В дальнейшем планировалась осада Константинополя. Но, оба этих действия не были осуществлены. Между тем, для аваров хорошим знаком стало противоречие, возникшее между правителем Персии-Хосроем II и Византийской империей. Персам удалось объединиться с аварами в своем стремлении захватить Константинополь. Если первые наступали через Малую Азию, вторые — через Фракию. В июне-июле 626 г., пересекший Малую Азию из конца в конец персидский

* Шаванн, Документы, 241.

** Находки, обнаруженные в Садовце, доказывают, впрочем, что север Болгарии относился к зоне влияния Баяна (N.Fettich, Metallkunst der Landnehmenden. 1937, p.290).

*** И не так, как этого хочет Амеде Тъери в 616. Cf. Howorth, The Avars, J.R.A.S., 1889, 779.

полководец Шахрвараз разбил свой походный лагерь у входа в Босфор в Кальцедоне. Одновременно аварский каган расположился перед Константинопольскими укреплениями. В связи с отсутствием императора Гераклия, находившегося в походе на Кавказе, оборону Константинополя осуществлял патриций Бонус. Авары предприняли наступление с 31 июля по 4 августа 626 г. Это была наиболее серьезная опасность, с которой столкнулась западная цивилизация за значительный период времени. Неизвестно, что бы стало с этой цивилизацией, если бы монгольская орда сумела закрепиться в то время в столице христианства? Но византийская флотилия, хозяйка Босфора, заставила персов и аваров отказаться от их совместных действий. Понеся громадные потери в результате всех атак, каган снял осаду и вернулся в Венгрию.

Такой поворот событий нанес большой урон престижу аваров. После смерти кагана, который допустил подобное развитие событий, (630 г.), булгары — народ тюркского происхождения, до этого помогавший аварам скорее как союзник, чем как подчиненный, потребовал, чтобы титул каган перешел к их собственному хану Куб-рату, и авары были вынуждены, с оружием в руках, отвергнуть эти претензии на гегемонию. Тем не менее, авары были вынуждены оставить булгаров хозяйничать в современной Валахии и "Болгарии" на севере Балканских гор, также как они позволили славянам (хорватам и т.д.) занять территорию между Дунаем и Савой. Они же сами оставались на венгерской равнине до конца VIII в.

Шарлеманю (Карлу Великому) предстояло завершить отношения с монгольской ордой. В августе 791 г., в ходе первой кампании, ему удалось захватить Аварский каганат и продвинуться до слияния Дуная и Раабы. В 795 г. его сын Пепин, при содействии Эрика, герцога Фриольского, атаковал Рин, крепость аваров, и захватил часть сокровищницы кагана, которая представляла собой военную добычу, собранную на протяжении двух веков конфронтации с Византией. В 796 г., в результате третьей кампании, Пепин разрушил Рин и захватил оставшуюся часть сокровищницы. Один из аварских предводителей, носивший древний тюрко-монгольский титул тудун, в 795 г. перешел в баптистскую веру в Экс ла Шапеле.* В 799 г. этот тудун восстал против франкского влияния, но это было его последним сражением, и после его смерти новый аварский правитель по имени Зодан вынужден был в 803 г. признать полное подчинение. В 805 г. Авары находились в зави-

* Это название встречается в древних надписях тую. Cf.W.Radloff, Die altturkischen Inschriften der Mongolei, 197, 257, etc.

симом положении от Карла Великого, и ими правил каган, принявший христианское имя Теодоре.

После такого количества поражений, авары оказались неспособными защищаться от двойного давления славян и булгар. В конце правления Карла Великого, и с его позволения, они покинули северный берег Дуная, чтобы сгруппироваться, под началом своего кагана Теодоре, в западной Паннонии, между Карнунту-мом и Сабарией. В конце IX в. древняя Авария была разделена между (1) Славянской империей, так называемой Великой Моравией, Святополка (умер в 895 г.), которая простиралась от Богемии до Паннонии включительно, и (2) тюркским каганатом булгар, который занимал южную Венгрию, Валлахию и Булгарию севернее Балкан. Булгарские племена, которые, возможно, дали свое имя Венгрии, а именно, оногундур или оногур, захватили, в частности, регион восточнее и южнее Карпат.*

Авары имели собственное искусство, что подтверждается археологическими находками в Венгрии. Речь идет о ветви степного искусства, с мотивами видоизмененного "зверинного стиля" и, кроме того, растительными мотивами или спиральными геометрическими формами, изящно переплетенными и создающими солидный декоративный эффект. Находки, в основном бронзовые, состоят из поясных пластин и бляшек, украшенных орнаментами доспехов, крючков, застежек. Особенный интерес вызывает сходство аварских находок из Венгрии с подобными бронзовыми изделиями, найденными в Ордосе, в большой петле Желтой реки, восходящих к эпохе хунну, жуань-жуаней и тукю. Отметим среди венгерских захоронений наиболее богатые: Кезтели, Ксуни и Немесволги, Пахи-пушта, Ксонград и Зентес, Сцилоги — Сомлио, Дунапентеле, Улло и Кизкорош.**

Аварское искусство, как отмечает Нандор Феттиш, связано, в частности, с последним сибирским стилем Минусинска, известным как кочующий всадник. Сравнения, осуществленные Фетти-шем между этим стилем и находками из Миндзента, Фенека и Пуш-татоти, поражают. Отметим, что существует большая вероятность того, что именно авары научили Запад использовать стремя.

* Относительно вопроса об Оногундурах см. J.Moravcsik, Zur Geschichte der Onoguren, 137, 467.

** Cf. F.Fettich, Ueber die Erforschung der Volkerwanderungskunst in Ungarn, Revue Ipek. - N. Fettich, Das Kunstgewerbe der Avarzeit in Ungarn, Archaeologia Hungarica, 1926, - N.Fettich, Derzweite Schatz von Szilagysomlyo, ibid., 1932. - N.Fettich, Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn, Archaeologia Ungarica, 1937 (notamment p.148 et 205). - A. Marosi et N.Fettich, Trouvailles avaras de Dunapentele, ibid.,

Булгары и Мадьяры

После падения аваров первостепенная роль в тюрко-монгольской Европе перешла на некоторое время к булгарам.* Этот народ, который имеет тюркское происхождение и относится к гуннам кутригурам, во второй четверти VII в. создал сильное царство на северо-западе Кавказа, между Кубанью и Азовским морем, под властью хана Кубрата (умер в 642 г.), вождя болгарско-го племени оногундугов. После смерти Кубрата, продвижение хазар разделило болгарские племена на две части. Одна часть, под руководством одного из сыновей Кубрата, по имени Баян, осталась в стране под властью хазар (потомки этой ветви позже продвинутся на север в направлении Камы и Казани, где они станут основателями Великой Булгарии, которая в XIII в. будет разрушена монголами Чингиз-ханидами; их последними потомками будут современные чуваша). Другая болгарская группа, возглавляемая ханом Аспарухом, другим сыном Кубрата, ушла на запад, перешла Дунай в 679 г. и обосновалась в древней Моезии. Император Юстиниан II (705-711), опекаемый в течении византийских гражданских войн ханом Тербелем, преемником Аспа-руха, официально признал это положение. Спустя век, булгары Моезии во главе с ханом Телетцесом двинулись на Константинополь, но византийский император Константин V разбил их у Анчиалоса, близ современного Бургаса (30 июня 762 г.). В 811 г. другой болгарский хан, Крум, разбил и убил императора Нисе-фора I и сделал из его черепа кубок для питья, в древней гуннской манере; но в 813 г., во время осады Константинополя, он потерпел неудачу, как ранее авары. Его преемник, хан Омуртаг заключил мир с византийцами. После обращения в христианскую веру царя Бориса в середине IX в. возрастающая славяни-

1936.- D.v.Bartha, Die avarische Doppelschalmei von Janoshida, *ibid.*, 1934. — Tibor Horvath, Die avarischen Grabfelder von Ullo und Kiskoros, *ibid.*, 1935.-Andreas Alföldi, Zur historischen Bestimmung der Avarenfunde, *Eurasia septentrionalis antiqua*, IX, 1934, 285. По поводу искусства финно-угорского населения, оставшегося в России, см. Таллгрэн, Финские культурные провинции эпохи железа на Севере России (900-1200), *Eurasia Septentrionalis Antiqua*, III, 1928.

* J.J. Mikkola, Die Chronologie der türkischen Donaubulgaren, в Газете финно-угорского Общества, XXX, 1918, fasc.33.- Бартольд, Булгар, *Энцикл. Исл.*, 805 (с библиографией). Минорский, Худад аль-Алам, 467.- A.Lombard, Constantin V, 41.- Rambaud, Constantin Porphyrogetete, 315.- Н. Мавродинов, Артистическое производство Протобулгар.

зация болгар отдалило этот народ от основной массы тюркских наций, чтобы интегрировать в христианскую Европу.

Древняя территория аваров была оккупирована в конце IX в. мадьярами или венграми. Венгерский язык, как известно, не относится к тюрко-монгольской группе, но к финно-угорской группе (об-угорская подгруппа), и между этими двумя лингвистическими группами еще не найдено близкой связи.* Тем не менее возможно, что в эпоху, которой мы занимаемся, венгры были политически организованы тюркской аристократией. Арабские географы, такие как автор Худуд аль-Алам (982 г.) и Гардизи (1094 г.) различают (или смешивают) две мадьярские группы, одна из которых оставалась в Уральских горах, где до сих пор живут вогулы**, другая эмигрировала сначала в Лебедию, севернее Азовского моря, далее в Ателькузу, которая является равниной между низовьем Днепра, Карпатами, Серетом, дельтой Дуная и Черным морем. Отметим, что в то время те же арабские географы (как ранее Константин Порфиrogenет) говорят о "Маджхари" как, безусловно, тюрках, потому что эти финно-угры были организованы, скажем, на Урале — Булгарами Камы, в Ателькузу — так же булгарским народом — Оногун-дурами или Оногурами, располагавшимися в IX в. в юго-восточном районе Карпат.***

Имя венгров для обозначения мадьяр, может происходить из этих оногуров, которые смешались с ними во второй половине IX в. Другие источники относят этих финно-угорских мадьяр к другому тюркскому племени, кабарам, которые ассоциируются с хазарами и которые, предоставили мадьярам свою царскую фамилию Арпа-дов. Присутствие тюркской аристократии оногуров и кабаров среди Мадьяр объясняет содержание византийского протокола, по которому при обмене послами во время правления Константина

* См. Ж.Дени. Языки мира. С. 185 (1924) и Пельо, Слова с Н инициальным в монг. яз., Азиатский Журнал, 1925, I, 193. Исследования Гийома Хевези направлены на сближение финно-угорских языков, (особенно остякского и вогульского) с языками мунда доарийской Индии. Напомним, что с антропологической точки зрения, тюрко-монголы являются брахицефалами, в то время как финские народы являются долихоцефалами (Деникер, Расы и народы, стр. 435 и 459, изд. 1926).

** Башкиры Урала, по мнению профессора Ю. Немета, принадлежат к племени венгерского происхождения, которое позже тюркизировалось. См. J.Nemeth, *Magna Hungaria*, in: Mzik, *Beitrag*, p.92 et sq.

*** См. Минорский, Венгерский журнал, 1937, и Худад аль-Алам, 317-324.

Порфирогенета, к мадыарским вождям всегда обращались как к "принцам Тюрюк, *arkhontes ton Tourkhon*.*

К 833 г. мадыары жили в Лебедии, между Доном и Днепром, как подчиненные великой тюркской империи Хазаров. К 850-860 годам., изгнанные из Лебедии Тюрками- Печенегами, они вошли в Ателькузу, и к 880 г. достигли дельты Дуная. В их новом владении, венгры оставались вассалами тюркского государства хазар (см. ниже), и, хазарский хан, как сюзерен, назначил молодого знатного вельможу по имени Арпад, из кабарского племени, правителем над венграми. Немного позже, византийский император Леон VI, воевавший тогда с болгарским царем Симеоном, обратился к венграм за помощью. Венгры, возглавляемые Арпадом, пересекли Дунай и прошли по Булгарии с огнем и мечом. Но болгары, в свою очередь, обратились к печенегам, являвшимся теперь хозяевами русских степей, и печенеги, атаковав венгров с тыла, заставили Арпа-да и его народ бежать в горы Трансильвании. В этот момент король Германии Арнольф, в борьбе со славянским правителем Святополком, королем Великой Моравии (Чехия, Словакия, Австрия и Западная Венгрия) решил, также обратиться к венграм. Арпад обрушился и разгромил Святополка, который погиб в бою (895). Великая Моравия распалась, и венгры обосновались окончательно в стране, которая была названа их именем (899). Отсюда их отряды отправились грабить Запад: нашествие в Италию до верхней Павии (900г.), нашествие на Германию, где венгры разгромили недалеко от Агсбурга последнего короля из династии каролингов, Людовига Малого (910). Они осуществили рейд вплоть до Лотарингии; сожгли Павию, перешли через Альпы до Франкского герцогства Бургундии и Прованса (924 г.); рейд до Аттини в Шампани (926 г.); они разграбили регион Реймса и Сенса до Берри (937 г.), разорили Лотарингию, Шампань и Бургундию (954 г.),— это вернувшиеся дни Атиллы, которые казалось, никогда не закончатся. Наконец, 10 августа 955 г., король Германии Оттон I, разбил венгров близ Аугсбурга, достигнув победы, которая положила конец нашествиям. В этот день германизм защитил Европу.

* Ramboud, Constantin Porphyrogenete, 352. Что касается венгерского происхождения, см. B. Munkacsy, *Die Urheimat der Ungarn*, in *Keleti Szemle*, VI, 1905. - J. Nemeth, *Magna Hungaria*, in *Mzik, Beitrage*. - Nemeth Gyula, *La prehistoire hongroise*, *Nouvelle Revue de Hongrie*, juin 1932, 460. - A. Zarharov und W. Arendt, *Studia Levedica, Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX Jahrhundert*, *Archaeologia Ungarica*. - Nandor Fettich, *Der Handel in Russland und das Ungartum von Levedien*, dans *Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn*, *Archaeologia Ungarica*, 1937, p.162-202. Sur l'art de l'ancienne Lebedia, Fettich, *ibid.*, 280-293 (Kulturkreis der Pseudoschnallen).

Обращение в христианство венгерского короля Ваика, принявшего имя Стефан, изменило судьбу этого народа. Годы правления "Святого Стефана (997—1038) принесли Венгрии новый статус. Наводившая до этого ужас на Запад, она стала надежной защитой от всякого давления азиатского варварства: "щитом христианства". Со времени монгольского нашествия XIII в. до изгнания Османов в XVII в., жизнь мадьярского народа представляла собой долгую, героическую и славную эпопею.

Хазары

В начале VII в. юго-западная часть русской степи и Дагестан стали свидетелями расцвета империи Хазар.

Хазары были тюркским народом-они преклонялись Тангри, управлялись каганами и тарханами, из чего Бартольд делает заключение, что можно предположить их родственную связь с западными Тюрками, или, может быть, точнее, с западными Гуннами.*

Это уже был достаточно сильный народ, когда в 626 г. их хан Зиебил, по просьбе Гераклия во время встречи в Тифлисе, ему предоставил 40 000 воинов для войны с Персией, благодаря чему византийский император разорил сасанидскую провинцию Азербайджан. Соглашение, заключенное между Византией и Хазарами, много раз подтверждалось браками правящих семейств. Император Юстиниан II, во время своей ссылки (695-705 гг.) нашел убежища у хазар и женился на одной из сестер кагана, которая стала *basilissa* Теодора. В свою очередь, Константин V, в 732 году женился на дочери хазарского кагана, которая стала *basilissa* Ирен, и их сын, император Леон VI, стал известен по прозвищу Леон Хазарский (775-780 гг.). Эта система союзнических связей была исключительно удобна Византийцам в период их борьбы против

* Бартольд, Тюрки. Энцикл. Ислам., 949-951. Он считает, что хазарский и древний язык булгаров принадлежали к бывшей западно-тюркской группе, которая сегодня представлена только чувашским. Что касается хазаров, см. биб-лиогр. Бартольда, Хазары, Энци. Исл., 990 и у Минорского, Худуд аль-Алам, 450. Политический строй хазаров, таким как его представил Константин Пор-финогенет, включает в себя монарха «каганоса», и что-то вроде управителя дворца, «пека», называемого также беком у Иштакри (см. Минорский, Худуд аль-Алам, 451). Касательно хазаров и Византии, см. Chavannes, Documents, 252; Drapeyron, Heraclius, 215; Lombard, Constantin V, 31; Rambaud, Constantin Porphyrogetete, 394; Chavannes, Documents, 252-253.

Арабов, на которых Хазары наступали с тыла в Транскавказии (в частности, в 764 г.), в то время как византийская армия атаковала в Малой Азии.

Симпатии, выразившиеся византийским двором в отношении Хазар, объясняются и другими причинами. Это был наиболее цивилизованный народ тюркской Европы, как Уйгуры — наиболее просвещенные среди Тюрков Верхней Азии. Не являясь, как известно, земледельческими и оседлыми, они создали самодостаточное Государство, с богатой торговлей, всесторонне развитое, благодаря контакту с Византией и арабским миром. Центр этого государства, вероятно, сначала находился в степях Терека. Первая хазарская "столица", Баланджар, обнаружена Маркуартом у истоков Сулака, южного притока Терека. После его разрушения арабами в 722-723 гг., царская резиденция была перемещена в город, который арабы называют аль-Байда, Белый город, имя, которое Марку-арт исправляет на Саригшар, Желтый город по-тюркски (точнее, по мнению Минорского, Сариг-шин, то есть Саксин), и который он предположительно размещает в том же месте, что и столица (последующая) — Итиль, в устье Волги. Итиль был тогда только зимней резиденцией хазарских каганов. Летом они кочевали, как и их предки Хун-ну, пересекая степи, безусловно, в районе Кубани. В 833 г., желая иметь резиденцию, наименее опасную для продвигающихся орд, они обратились с просьбой к византийскому императору Теофилу предоставить им инженеров для строительства укрепленной столицы. Теофил направил к ним зодчего Пет-ронаса, который помог им в строительстве третьей столицы, которой стал Саркель, располагавшийся либо в устье, либо, скорее всего, в большом изгибе Дона.*

На руинах древней Фанагории, Хазары построили также торговую площадь Матарка, расположенную на Таманском полуострове, напротив Крыма.

Хазарская империя была центром оживленной торговли. Византийские, арабские и еврейские купцы собирались в Итиль и Сар-кел в поисках кожи и мехов севера. Вместе с ними христианство, ислам и иудаизм укоренялись в стране. Между 851 и 863 годами, Византия направила к хазарам апостола Святого Кирилла, который

* Саркель был известен под русским именем Белавежа, Белавеши «белый город», имя, сходное с аль-Бейдой, которое арабы применяли для названия Итиля. См. Naftula Fajner, *Annali del Institute sup.orientale di Napoli*, 1936. III, p.51. Minorsky, *Hudud al-Alam*, 453.

получил у них радушный прием. Жизнеописание Святого Кирилла рассказывает о его дискуссиях с еврейскими раввинами за каганским столом. В период правления Леона VI, Матарка была местом размещения византийского епископства, призванного распространять Евангельское учение по всей Хазарии. В то же время, магометанство, представленное большим количеством арабских представителей, начиная с 690 г., затем, в 868 г., и особенно, после 965 г. стало одной из главных религий страны. Иудаизм был также в почете. В 767 г. Исаак Сангари начал свои проповеди среди хазар. Масуди объявляет, что в период правления халифатом Харун ар-Рашида (786-809 гг.) каган и хазарская знать восприняла эту веру. Притеснения, направленные против евреев, совершаемое византийским императором Романом Лекапеном (919—944 гг.), привлекло в страну большое число израильских беженцев.

Каган, который принял библейское имя Иосиф, предписал в 948 г. раввину Шиздаи описать процветание Хазарского иудаизма, однако Маркуарт сомневается в достоверности этого известного письма, которое, вероятно, датируется не ранее чем XI в.*

Согласно Рисале ибн-Фадхана, каган, вице-король, принц Самандара (в Дагестане)** и другие сановники исповедовали иудаизм, и в ответ на разрушение синагог на исламской территории, один из каганов разрушил минарет; однако, в народе, мусульман и христиан, вероятно, было больше, чем евреев. К 965 году, по политическим соображениям, каган принял ислам. В 1016 г. хан Таманского полуострова стал Хазарским христианином "Георгиосом Тзулосом".

Хазары начали распадаться политически в IX в. Эти цивилизованные и иудаизированные Тюрки были уничтожены ордами той же расы, которые оставались непросвещенными язычниками. Снова степь пришла в движение. Тюрки Огузы (Узои у византийских писателей) с Аральских степей, погнали на запад Тюрков Печенегов из региона Эмбы и реки Урал. Печенеги, пересекая территории, принадлежащие Хазарской империи, вытеснили к 850-860 годам, с се-

* Marquart, *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge*, Leipzig, 1903, p.5.- Что касается традиции принятия иудаизма каганом Буланом к 740 году, после дискуссии между христианскими, мусульманскими и еврейскими священниками, см. Naffula Fajner, *Sull origine dei Chersuri*, *Annali del Istituto superiore orientale di Napoli*, 1936, XIV, p.13.

** По мнению Маркуарта, Самандар, который по другим источникам был идентичным Тарку, находился на юго-западе Петровска, между Терекком и Дербентом (*Osteuropäische... Streifzüge*, p. 16).

верных берегов Азовского моря — Мадьяр, которые были вассалами Хазар, и которые продвинулись, как мы уже видели, к Ателькузу, между Днестром и низовьем Дуная. Очень скоро, к 869 и 889 годам, Печенеги вновь осуществили преследование Мадьяр, вытеснили их и сами разместились на всей западной части русских степей, расположенных от устья Дона до Молдавии. Хазары сохранили лишь страну между нижним течением Дона, низовьем Волги и Кавказом.

В 965 г., князь Киевской Руси-Святослав, атаковал Хазар и занял их столицу, Саркель, на большом изгибе Дона. Однако, как отмечает Бартольд, Хазарский каганат пережил эту катастрофу; или, по меньшей мере, он сохранил территории в низовьях Волги, степи Кубани и Дагестана. В 1016 г. Византийский император Василий II направил против последних хазар флот, поддержанный русской армией. Эти соединенные войска захватили Таманский полуостров и хазарские владения в Крыму. К 1030 г. Хазары исчезли как политическая сила. Византийцы, однако, сильно просчитались, помогая русским разрушить этих цивилизованных тюрков, старых и наиболее преданных союзников Империи. На смену Хазар пришли уже дикие орды, навязавшие свое господство понтийским степям.

Печенеги и Кипчаки

Печенеги (Патзанакитаи, у Константина Порфирогенета, Бачанаки, у Иштакри), были, как мы видели, тюркским племенем, которое, согласно Маркуарту, некогда составляло часть конфедерации западных тую, но были вытеснены карлуками к низовью Сыр-дарьи и Аральскому морю.*

Продолжая передвижение на запад, они кочевали между Уралом (Яик) и Волгой (Итиль), когда, между 889 и 893 гг. (по Константину Порфирогенету), они были изгнаны из страны совместной атакой хазар и огузов. Это привело к тому, что печенеги захватили «Лебедию», севернее Азовского моря, отобрав ее у мадьяр. Немного спустя, печенеги, возобновив свое продвижение на запад, вновь преследовали мадьяр в Ателькузу, то есть западной части русской степи, между Днестром и низовьем Дуная. К 900 г. печенеги уже кочевали между устьем Днестра и Дуная. В 934 г. они принимали участие в венгерском нашествии на Византийскую империю, во Фракии, в 944 г. — в походе русского князя Игоря в собственно Византию. В 1026 г. они перешли Дунай, но

* Cf. Pelliot, A propos des Comans, J.A., 1920,1,133.- J.Nemeth, Zur Kenniniss der Petschenegen, dans Korosi Csoma Archivum, 219-225.

были рассеяны Константином Диогеном. В 1036 г. русский князь Ярослав Киевский нанес им крупное поражение, в результате которого они потеряли свое господство в степи, что заставило их вновь изменить свою позицию в отношении Византийской империи. В 1051 г. в силу этого давления и в ответ на продвижение огузов они снова напали на империю; новое нашествие имело место в 1064 г., когда они прошли через Фракию до ворот Константинополя. Настоящая драма для Византии началась тогда, когда она использовала наемников из числа язычников тюрков Европы для противостояния тюркам — мусульманам Азии, так как кровное родство тюрков-язычников было часто гораздо сильнее, чем их верность василевсу. Это произошло в 1071 г., накануне битвы при Малазкерте, когда отряды печенегов оставили службу императору Роману Диогену и перешли на сторону султана Алп Арслана. В Европе, во время правления Алексея Комнина, печенеги в 1087 г. совершили новое вторжение во Фракию, и дошли до Куле (между Аэносом и Константинополем), где они были обращены в бегство, оставив своего вождя Тзелгу на поле битвы. Алексей Комнин совершил ошибку, преследуя их, и был разбит в Дристре (Силистрия) (осень 1087 г). Империя была спасена в результате прибытия другой тюркской орды, кипчаков или половцев, которые продвигались из русских степей вслед за печенегами и разбили их на Дунае. Но так как все эти орды возвращались в Россию, печенеги, под давлением кипчаков, снова вступили во Фракию в 1088-1089 гг., дойдя до Ип-салы, южнее Адрианополя, где Алексей добился мира посредством откупа. В 1090 г. печенеги соединились с сельджукидами из Малой Азии для нападения на Константинополь через долину Маритцы, от Андрианополя до Аэноса, в то время как сельджукидская флотилия, хозяйка Смирны, атаковала побережье и из Никеи сельджукидская армия угрожала Никомедии.

Это было положение, напоминавшее времена Гераклия и Аваров, но теперь в Азии, как и в Европе Византия противостояла Тюркам, тюркам-язычникам в Европе и тюркам-мусульманам в Азии, соединившимся против империи узами общего происхождения. Печенеги зимовали близ Луле Бургаса, напротив византийских линий, которые отступили в Тчорлу. Вновь Алексей Комнин призвал на помощь кипчаков. Те, под командованием Тогор-така и Маниака, спустились из России во Фракию и напали на печенегов с тыла. 29 апреля 1091 г. соединенные войска визан-

тийцев и кипчаков разбили армию печенегов на Лебурньоне. Это была практически «ликвидация» всего народа.*

Оставшиеся печенеги, восстановившись в Валахии, предприняли уже последующим поколением, в 1121 году, новую инициативу, ограниченную территорией Болгарии, на севере Балкан, но были захвачены врасплох и уничтожены императором Иоанном Комнином весной 1122 г.

Печенеги были заменены в русских степях огузами и кипчаками.

Огузы — Гуззы по арабски, чьи азиатские потомки, известны как туркмены — кочевали на северо-востоке Каспия и севере Аральского моря.** Один из кланов этого народа, а именно сельджукиды, в XI в., после принятия ислама, двинулись в поисках лучшей доли в Персию, где они основали великую тюркскую мусульманскую империю Тогрул-бека, Алп Арслана и Меликшаха. Другой огузский клан, оставаясь языческим, а именно, Озои, у византийских историков, сверг в том же XI веке господство печенегов на территории русской степи. Русские летописи впервые упоминают этих Огузов, под простым именем Торки, в 1054 г., одновременно с появлением Половцев и Кипчаков.***

Византийские историки отмечают, что в период правления византийского императора Константина X Дукаса, эти Озои перешли Дунай в 1065 г., численностью в 600 000 человек и опустошили Балканский полуостров до Тессалоников и Северной Греции, но вскоре были уничтожены Печенегами и Булгарами. Последние отряды огузов ушли на запад от Волги, где были окончательно подчинены, уничтожены и ассимилированы кипчаками.

Народ, называемый на тюркском языке — Кипчак, известен у русских как Половцы, у Византийцев их называли Команой, у арабского географа Идриси — Куманы, и наконец, у Венгров, они — Куны.**** Согласно Гардизи, они происходили из той части группы Тюрков Кимаков, которые жили в Сибири, на среднем течении Иртыша, и возможно, по мнению Минорского, вдоль Оби.*****

* Византийские источники у Шаландона, Alexis Comnene, 2-5 et 108-134.

** См. Бартольд, Гуззы. Энци. Исл., II, 178.

*** См. Минорский, Худуд аль-Алам, 316.

**** Бартольд, Кипчак, Энци. Исл., II, 1082.- Rasovsky, Polovlshi, Seminarium Kondakovianum, Prague, 1935.- Marquart, Ueber das Volkstum der Komanen, in Ostturkische Dialektstudien, Abh.d.gesellsch.d.Wiss.zu Gottingen, 1914, 25-238.- Pelliot, A propos des Comans, J.A., 1920, I, 125.

***** Бартольд, Кимаки, Энци. Исл., II, 1068. - Минорский, Худад аль-Алам, 305.

Кимаки и огузы были, во всяком случае, близкородственными народами. (Кашгари отмечал, что те и другие отличались от остальных изменением звука внутреннего "у" в «dj»). К середине XI в., Кипчаки, отделившись от основной массы Кимаков, эмигрировали в направлении Европы. В 1054 г., как мы видели, русские летописи впервые отмечают их присутствие в степях севернее Черного моря, как и Огузов. Кипчаки разбили Огузов и теснили их перед собой. Кипчаки использовали победу Огузов над Печенегами и, когда Огузы были разбиты Византийцами и Булгарами во время неудачного нашествия на Балканы (1065 г. и последующие годы), Кипчаки оказались единственными хозяевами русских степей. В 1120-1121 годах Ибн аль-Атхир наделяет их этим наименованием, и как союзников Грузин. В это же время, монгольские кланы, близкородственные Киданям и менее близкие с мигрировавшими на запад Кара-китаями, пришли с китайско-маньчжурских границ в район р. Урала и Волги, где соединились с основной массой кипчаков, среди которых они играли организаторскую роль и имели статус правящего класса; однако, очень скоро они ассимилировались, восприняв тюркский образ жизни, с чисто кипчакским элементом.* Кипчаки остались хозяевами русских степей вплоть до нашествия полководцев Чингиз-хана в 1222 г.** Мы видим, что в это время, под влиянием русских, некоторые предводители кипчаков начали принимать христианство. Мы увидим также, что кипчаки оставили свое имя в монгольской Руси, так как Чингизханидское государство, созданное в этой стране, называлось Кипчакское ханство.

Необходимо отметить, что достижением Византийской империи является ее способность сопротивляться на протяжении веков нашествию многочисленных орд, которые обрушивались на ее границы. От Аттилы до Огузов, все эти Тюрки и Монголы, представляли значительно более грозную опасность для христианской цивилизации, чем события 1453 г.

* Marquart, Ueber das Volkstum der Komanen, 136.- Pelliot, A propos des Comans, p. 149.

** По поводу грабежа г. Киева кипчаками, команам и половцами в 1204 году. См. Bruce Boswell, The Kipchak Turks dans Slavonic Reviv, VI, 1927, p.70 et sq. Cf. ibid., VIII, 1929, 342, C.A.Macartney, The Pechenegs.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОНГОЛЫ ЧИНГИЗ-ХАНИДЫ

1. ЧИНГИЗ-ХАН

Монголия в XII веке

В конце XII в., карта Азии, как видно из вышеизложенного, изображалась следующим образом: территория Китая разделялась, с юга, национальной империей Сун, со столицей Нанчу, и с севера, тунгусским царством Джурджит, Жу-чен, или Цин, со столицей Пекин. На северо-западной части Китая, на территории современных Ордоса и Ганьсу, сформировалось тангутское царство Си-ся, схожее с тибетским. Северо-восточнее Тарима, от Турфана до Куча, жили Тюрки Уйгуры, цивилизованные тюрки, буддистской и несторианской культуры. Чуйский район Иссык-Куля и Кашгарии составляли империю Кара-китаев, народа монгольской расы и китайской культуры. Транс-оксиана и почти весь Иран принадлежали султанам Хорезма, тюркам по расе, мусульманам по религии, арабо-персидской культуры. За ними, остальная часть мусульманской Азии разделялась халифами аббасидами в Багдаде; султанами айюбидами, курдами по расе, арабами по культуре, в Сирии и в Египте; и султанами сельджукидами, тюрками по расе, крайне иранизированными по культуре, в Малой Азии.

Это была оседлая Азия. Дальше, севернее, на сибирско-монгольских рубежах, в степях севернее Гоби, в горах Алтая, Хангая и Кентея, проживало множество племен, оставшихся кочевыми и принадлежавших к трем ветвям алтайской расы: тюркской, монгольской и тунгусской. Несмотря на такое языковое различие, внешний вид большинства кочевников Верхней Азии, ведущих одинаковый образ жизни и находившихся в равных климатических условиях, поражал всех путешественников своей этнической схожестью. Их портретное описание, сделанное Гренаром, несколько не отличается от описаний Амьен Марселена, Рубрука или китайских летописцев: «Они были широколицые, с приплюснутым носом, выступающими скулами, узкими глазами, толстыми губами, редкой бородкой, черными и жесткими волосами, темной кожей, обожженной зноем, ветром и стужей, низкорослые, с коренастым и массивным телом на кривых ногах». Такой портрет Гунна или вечного Монгола сближается, впрочем, с образом Эскимоса или крестья-

нина наших Коссов, так как жизнь на столь огромных пространствах, где господствуют ветра, зимой стоит лютый мороз, а летом, в течение нескольких недель — несносная жара, обязывает достаточно сильные расы быть такими же узловато и коряво крепкими, каковой является сама противостоящая им природа.

Трудно сказать, где точно располагались эти племена, можно лишь приблизительно локализовать их вероятное месторасположение.

Один из основных тюрко-монгольских народов, найманский, жил, по-видимому, в современном районе Кобдо и Убсу-Нура, между Черным Иртышем и Зайсан-Нуром, с одной стороны, и верхней Селенгой, с другой. «Хотя их имя кажется монгольским (найман означает *восемь* по-монг.), их титулатура является тюркской, и Най-маны могли вполне быть монголизированными Тюрками».* Несто-рианство сделало многих из них своими сторонниками. Джахангу-шай даже нам сообщает, что несторианцы преобладали среди них и что как раз в начале XIII в., наследник их царей, знаменитый Куч-лук, был воспитан в этой религии.** Тем не менее, Секретная История показывает, что шаманы распространяли на Найманов столь же значительное влияние, поскольку во время войны они были способны вызывать бурю и стихии. Найманы многое позаимствовали в культуре у своих южных соседей, Уйгуров. В начале XIII в. хранителем Печати и писарем у найманского царя был уйгурский эрудит, именуемый (в кит. транскрипции) Тататуна; уйгурский тюркский язык служил ему языком канцелярии. Разумеется, что Китай (в данном случае Китай Джурджит или Цин) пользовался среди них авторитетом, как это ясно доказывает носимый их царем в эпоху Чингиз-хана, титул тайъан, который сводился к словосочетанию Та-ван, «великий царь» по-китайски. В предыдущем поколении, найманский правитель Инанч-билга, отец нашего тайъана, оставил репутацию грозного предводителя.

Севернее Найманов, на верхнем Енисее, жили Киргизы, тюркские племена, предводители которых носили титул инал и которые, после того как были изгнаны из района верхнего Орхона около 920 года, в результате нападения Киданьцев, больше не играли роли в истории.

Кереиты потенциально оспаривали эту роль у Найманов.***

* Pelliot, *La Haute Asie*, 28.

** Trad. Denison Ross, in *Hist of the Moghuls of Central Asia*, 290.

*** Или скорее Кереит, как предлагает n.МосТер, *Ordosica, dans le Bulletin n°9 of the Catholic University of Peking, 1934, p.52* Транскрипция Секретной истории предлагает: Кереид (*Vostræart, Ibid.,p.33*) Сегодняшняя форма: Керит.

Их точная зона обитания плохо зафиксирована.* Многие ориенталисты располагают ее южнее Селенги, на верхнем Орхоне, Туле и Онгкине, на современной территории Саин-нойан. Для других исследователей, Найманы выдвинулись восточнее, до района Каракорум, за которым началась керейтская зона. Керейтов обычно рассматривают как Тюрков. «Легенда о монгольском происхождении не уступает им никакого места, и еще трудно сказать, были ли Керейты Монголами, испытавшими в значительной мере тюркское влияние, или же это были Тюрки в процессе монголизации; во всяком случае, много керейтской титулатуры было тюркской, и Тогрул является скорее тюркским, нежели монгольским, именем».**

Керейты были обращены в несторианство чуть позже тысячного года при обстоятельствах, изложенных древнесирийским летописцем Бар Хебраусом. Керейтский хан,*** заблудившийся в степи, был спасен появлением святого Сергия. По наущению христианских торговцев, находившихся в стране, он обратился тогда с просьбой к несторианскому митрополиту Мерва в Хорасане, Эбед-жесу, чтобы тот явился сам или же послал священника для крещения его и его племени. Эбеджесу адресовал несторианскому патриарху (Багдада), Иоанну VI (умер в 1011 г.), письмо, датированное 1009 г. и цитируемое Бар Хебраусом, в котором говорится, что 200 000 Тюрков Керейтов были крещены вместе с их ханом.**** В XII веке, члены керейтской правящей семьи продолжали носить христианские имена, что должно было, на Западе, являться одним из источников легенды о «Священнике-Иоанне»; другой источник относился к негусам Эфиопии.*****

За два поколения до эпохи Чингиз-хана, их хан, которого звали Магдуз, (т. е. Маркус) Вуйурук, стремился, по-видимому, к гегемонии в восточной части пустыни Гоби, соперничая с Татарами и, разумеется, с цинскими правителями Пекина. Но, побежденный Татарами, он был выдан ими Цинам и пригвожден к деревянному ослу. Его вдове удалось отомстить за него, организовав убийство татарского хана. После Маркуса осталось два сына, Кураджагуз Сиракус, также с христианским именем, и Гур-хан. Кураджагуз

* Pelliot, Chretiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient, Toung pao, 1914, 629.

** Pelliot, La Haute Asie, 25.

*** Но Пелью задается вопросом: точно ли слово керейт не было вписано в текст Баром Эюраусом.

**** Bar Hebraeus, Chron. eccles., III, 280-282.

***** Что касается христианских имен керейтских правителей, см. Что касается христианских имен керейтских правителей, Pelliot, Chretiens d'Asie centrale, I.e., 627.

сменил отца. После смерти Кураджагуза, его сын и преемник Тогрул взошел, в свою очередь, на ханский трон. Он должен был бороться против своего дяди Гур-хана, которому, при поддержке Инан-ча, правителя Найманов, удалось изгнать его из страны на некоторое время. Но, в конечном счете, Тогрул одержал верх в этом противоборстве и, в свою очередь, изгнал Гур-хана благодаря поддержке монгольского правителя Есугея, отца Чингиз-хана.*

В 1199 г., когда Тогрул разобьет Татар при содействии и в пользу цинского двора Пекина, он станет на короткое время самым мощным властелином Монголии. Пекинский двор закрепит власть ке-реитского правителя, даровав ему китайский титул правителя: ван, и именно под своим двойным королевским титулом, китайским и тюркским, ван-хан, он будет известен в истории. Чингиз-хан, мы это вскоре увидим, начинал как клиент и вассал этого принца.

Севернее Керейтов, по нижнему течению Селенги, южнее Байкала, жили Меркиты, тюркской или монгольской расы, среди которых, следуя этой истории, мы найдем христианские элементы.** Еще севернее Меркитов, к западу от Байкала, жили Ойрады или Ойраты, монгольской расы (по-монгольски: Конфедераты).***

На северном краю Маньчжурии, в «кармане» между Аргуном и Амуром, и по сей день населенным Солонями, тунгусской расы, жили их предки, Солоны. Южнее, на южном берегу Керулена, в направлении к Буин-нору, вплоть до Хингана, кочевали Татары, которых Пельо считает не тунгусами (как утверждали долгое время), а «вероятнее всего, монголо-язычными». Татары, в форме конфедерации то «Девяти Татар» (Токуз Татар), то «Тридцати Татар» (Отуз Татар), были уже отмечены в тюркских записях Кошо Цай-дама, в VIII веке, в эпоху, когда они уже населяли, вероятно, район нижнего Керулена.****

* Неизвестно, где разместить местность Караун Кабчал, где, по данным Секретной Истории (Гениш, 48), Тогрул едва не попал в плен к Гур-хану, и где обозначить местность Курбан Телесута, где благодаря содействию Есугея, Тогрул одержал верх над Гурханом. См. Доссона, I, 73.

** Возник вопрос, не были ли меркиты мукритами, о которых упомянули византийские летописи VI —го века, (cf. Pelliot, A propos des Comans, J.A., 1920,145). Другие же приравнивают мукритов мо-хо по данным китайской историографии, то есть тунгусов региона Амура в VII—VIII вв.

*** Это регион, где гипотетически была расположена в VIII в. конфедерация Трех Куриканов, о которых упоминается на надписях в Кошо Цайдаме (cf. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, 98).

**** Cf. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, p. 140. Что касается ложных лингвистических сходств между татарами и та-г-анами, Pelliot, J.A., 1920,1, 145.

Грозные воины, Татары XII в., слыли одними из самых диких народов той эпохи. Со стороны Маньчжурии, они составляли серьезную угрозу сино-тунгусскому царству Цин. В целях захвата их с тыла, с северо-западной стороны, цинский двор Пекина будет покровительствовать начинаниям Чингиз-хана.

Собственные Монголы, в историческом и узком смысле слова,* среди которых должен был появиться Чингиз-хан, кочевали на северо-востоке современной внешней Монголии, между Оно-ном и Керуленом. Как видим, история регистрирует существование народов, говорящих вероятнее или же вернее всего на монгольских языках, намного раньше возникновения племен, которые с появлением Чингиз-хана должны были дать свое название всей группе, так же, как и в случае с тюркскими народами, которых мы рассматривали раньше, чем возникнут, собственно говоря, Тукю. Именно так предлагается причислять к монголо-язычным народам Сян-пи — III в., Жуан-жуаней и Эфталитов — V в., Аваров Европы (VI—IX вв.) и признаться, что Кидане, игравшие столь значительную роль с VIII по XII в., говорили на монгольском диалекте, хотя еще сильно паталализованном под воздействием тунгусских языков.**

Несмотря на то, что многие из этих «прото-монгольских» народов обладали большой властью, ни один из них не запечатлел себя так на мировом уровне, как это сделали, собственно говоря, Монголы или Монголы-Чингиз-ханиды.

Согласно монгольским легендам, собранным Рашид ад-Дином, монгольский народ, когда-то давно побежденный Тюрками, должен был спрятаться в горах Еркене-кун. В эпоху, которую персидские историки стараются расположить около IX в., предки Монголов снова спустились с Еркене-куна на равнины Селенги и Онона. Те же самые легенды рассказывают нам о мифической прародительнице Алан-коа, которая, после смерти своего супруга, Добун-мергана, зачала от луча света, дав рождение Нирунам, предкам Монголов, среди которых Бодончар, предок Чингиз-хана в восьмом поколении.

* Название монголов кажется появилось, начиная с эпохи династии Тан: «Начиная с эпохи Тан китайские тексты выделяют среди племен Швейи нижнего Керулена и Северного Хингана, которые по всей видимости владели монгольским языком, племя мон-ву или мон-ва, где название монголов, вероятно, появилось в первый раз» (Pelliot, A propos des Comans, J.A., 1920, I, 146).

** Pelliot, J.A., 1920, I, 146-147.

В XII в. собственно Монголы были разделены на множество улусов; слово это, как отмечает Владимирцов, обозначает одновременно племя и маленькую нацию.*

Эти независимые племена воевали между собой, не говоря об их вражде с соседями, особенно с Татарами. Семья, из которой должен был выйти Чингиз-хан, принадлежала клану (омук) Борджигин и, среди Борджигин, под-клану (ясун) Кийат. Впоследствии, после триумфа Чингиз-хана, должны были привыкнуть разделять монгольские племена на две категории, согласно тому, принадлежали они или нет Кийат. Первые формировали категорию Нирун, сынов света, чистых, вторые — категорию Дурлукин, считавшуюся менее важной по происхождению. К Нирун причисляли Тайджигот, Тайитши-ут или Тайджиут** (которые, по-видимому, жили немного в стороне от главной части нации, ближе к северу, восточнее Байкала), Урууд и Манкуд, Джаджират или Джуирад, Барулас или Барлас, Баарин, Дор-бан (сегодня Дорбот), Салджигут или Салджиут, и Кадажин, Ката-жин или Катакин. К Дурлукин относили Арулат или Арлад, Байаут, Королас или Корлас, Сулдус, Икирас и Конгират, Онгират, Конкурат или Конград, эти последние кочевали, по-видимому, ближе к юго-востоку, со стороны южного Хингана, рядом с татарской землей.*** Племя Джалаиоров, причисляемое к Монголам и которое ориентировочно располагают либо к югу от слияния Хилек и Селенги, либо ближе к Онону, было, возможно, тюркским племенем, поставленным в вассальную зависимость Монголами и ассимилированным ими в эпоху легендарного монгольского героя Кайду.****

С точки зрения их образа жизни, монгольские племена конца XII в. могли быть теоретически разделены на пастушеские племена со стороны степи и на племена охотников и рыболовов со стороны леса. Следует отметить, в самом деле, что на этих монголо-сибир-

* Владимирцов, Жизнь Чингиз-хана. Впрочем, Владимирцов под словом улус понимает нацию, придавая слову ирген значение племени, а улус — иргену значение Государства (Владимирцов, Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм, Ленинград, АН, 1934, с. 59 и т.д. и с.98).

** Тэютчиут или Тайтчиут в транскрипции Секретной Истории Хениша (стр.10). Cf. Pelliot, *Toung-pao*, 1930, 54.-Список племен нирун и племен дурлукин по Рашид ед-Дину дается подробно в персидской транскрипции, Erdmann, *Temudschin*, 168 et 194-230.

*** Rachid ed-Din ap.d Ohsson, *Histoire des Mongols*, I, 426. Орфография Секретной Истории (изд.Хениш, стр.8): Онжират. Пельо отмечает, что джаджираты и конжираты упоминаются также как и меркиты в китайской истории киданей, начиная с 1123—1124. (A propos des Comans, J.A., 1920, I, 146).

**** D Ohsson, I, 29.

ских рубежах, все жизненно необходимое имущество Монголов перевозилось на лошадях, между степной (и вскоре пустынной) зоной на юге и лесной зоной на севере. Гренар полагает, что вначале Монголы представлялись не как степная раса, но как народ лесистых гор. «Их лесное происхождение распознается по их широкому использованию деревянных повозок. И по сегодняшний день, Монголы, в отличие от степных Казахов, пользуются деревянными бочонками вместо кожаных бурдюков». Степные племена, в особенности кочевники, периодически перебирались в горы в поисках пастбищ. На стоянках они ставили свои войлочные палатки, которые мы назовем (неправильно, впрочем) юртами. Лесные племена жили в берестяных шалашах.

Бартольд и Владимирцов различали во главе пастушеских племен — более богатых — очень влиятельную аристократию, предводители которых носили титулы багадур или баатур (богатыря) и найон (начальника), или же титулы сетчен или сетсен (мудреца по-монгольски) и билга (мудреца, по-тюркски) и тай-тси или тайши (принца, кит. титул). «Главная забота этой знати багадуров и найо-нов, пишет Владимирцов.-заключалась в том, чтобы отыскать пастбищные территории нутук и обеспечить себя нужным количеством клиентов и рабов для ухода за своими стадами и палатками».*

Этой аристократии подчинились другие социальные классы: воины или верные люди в высшей степени свободные нокуд, заурядные люди или класс простолюдинов (караешу, арад), наконец, рабы богул. В эту последнюю категорию входили не только личные рабы, но и побежденные племена, которые, став вассалами или слугами у победивших племен, ухаживали за их скотом, оказывали им помощь на войне, и т.д. Русские монголоеды Бартольд и Владимирцов считают, что у племен лесных охотников (хоинигроен) аристократия не должна была занимать столь важного места, как у степных кочевников-скотоводов (кеерун ирген). Согласно этим ученым, лесные племена находились под особенным воздействием шаманов. Шаманы, когда они соединяли, полагает Владимирцов, правящую власть со своими магическими силами, принимали титул (баки) или (баги); мы увидим, что в эпоху Чингиз-хана, предводители (Ойрат) и (Маркит), действительно, носили этот титул.**

* Б. Владимирцов, Жизнь Чингиз-хана, с.3. Касательно феодального характера монгольского общества XIII в.см. Б.Владимирцов, Общественный строй Монголии; Монгольский кочевой феодализм (Социальный строй монголов; кочевой феодализм, Ленинград, Академия Наук, 1934 (на рус. яз.). Эти труды Госпожа Олав Жансе перевела для меня с русского языка.

** Что касается данной гипотезы, Pelliot, Notes sur le Turkestan, T-oung-
pao, 1930, 50.

Во всяком случае, у всех тюрко-монгольских народов важную роль играли шаманы или колдуны (кам) на древнетюркском, (бога) и (шаман) по-монгольски, (шан-ман) в кит. транскрипции (тонгус-ютчен).*

Мы увидим роль шамана (Коктчу) в основании империи Чингизханидов.

В действительности, разделение на пастухов и лесников было гораздо менее абсолютным, чем представляется этой номенклатурой. Среди чистых Монголов (Тайджиут), к примеру, причислялись к лесным охотникам, тогда как Чингиз-хан вышел из племени пастухов. С другой стороны, все эти Тюрко-Монголы выступали по-разному в качестве охотников; лесники, на своих деревянных или костяных санях,** охотились до середины зимы на соболя и сибирскую белку, которыми торговали; скотоводы ловили арканом или стреляли из лука в антилопу или лань на бескрайней степи. «Степная аристократия» охотилась с соколом. В зависимости от условий кочевого существования, клан мог перейти от одного образа жизни к другому. В молодые годы, будущий Чингиз-хан, лишенный своими агнатами отцовского стада, будет вынужден, вместе с матерью и братьями, вести скудную жизнь охотника и рыболова, прежде чем восстановить свое имущество в лошадях и овцах.

В общем, лесные племена представляются более дикими, имеющими связь с цивилизованной жизнью только через кочевников. Эти последние, напротив, извлекали пользу от соседства с Уйгурами центральной части Гоби, Киданями Лианхо или Джурджитами Пекина. У них не было городов, но в ходе перегонов скота в горы, стойбища формировались по группам (по аилам) войлочные юрты (жер) ставились на колесные перевозки (караутай терген, казак-тегрен), группируясь, таким образом, в круги (курийер) или во временные агломерации, набросок будущих городов.***

Этнографы отмечают прогрессивный переход от бедной хижины лесного Монгола к (жер) или войлочной юрте кочевника, легко разбираемой и собираемой, которая должна была стать у Великих хановчингизидов XIII в. настоящим странствующим дворцом, просторным и уютным, украшенным мехами и коврами. Но, после упадка Монголов, в современную эпоху, жер оскудел: в наши дни, у него больше нет дымохода, который в XIII в. предназначался для удаления дыма и проветривания.****

* Pelliot, Sur quelques mots d'Asie Centrale, III, Chaman, J.A., 1913, mars-avril, 466.

** «Там проживают также уренгой (уриангаи), которые носят маленькие хорошо отполированные косточки на ногах и, которые бегают так же быстро по льду, как и по снегу, когда преследуют зверя» (Рубрук, гл. XXXIX).

*** Владимирцов, Общественный строй монголов, стр. 34, 41 и 39, 128.

**** То же самое, стр. 41.

Наконец, разделение монгольской расы на лесных охотников и степных пастухов-кочевников отмечается в существовании двух больших категорий палаток: 1. Жер (неправильно названной юртой), только что описанная нами круглая войлочная палатка с множеством деревянных шестов и реек, которая указывает на народ, живущий в контакте с лесной зоной; 2. Шерстяная палатка, широкая и низкая, мвайкхан, более легкая в изготовлении для кочевников, живущих в безлесной степи. Добавим, что в эпоху Чингиз-ха-нидов, войлочные палатки часто ставили на повозки, что облегчало их перевозку, по крайней мере, на равнине, и делало возможным, как мы только что видели, перемещение настоящих «городов-кочевников», «транспортирование», утраченное с тех пор.*

В общем, все же ясно, что по отношению к IX в., состояние Монголии в XII веке уже пришло в упадок. Тукю и особенно Уйгуры, во времена их господства на Орхоне, начали развивать там земледельческие центры:** эти попытки прекратились после киргизского господства, начиная с 840 года, и страна возвратилась к степной жизни. Надписи Тукю или Уйгуров Орхона оставляют у нас, впрочем, впечатление об относительной цивилизации, которую история Чингиз-хана нам не позволяет больше обнаружить.***

Захват страны Киргизами в 840 г. задушило сирийско-согдианскую культуру, введенную Манихейцами. Изгнание Киргизов в 920 г. оставило страну в анархии. Уйгуры, как мы видели, отбросили перспективу возвращения на Орхон. Та малая часть цивилизации, что просачивалась еще в те края, исходила от тех же самых Уйгуров, расположившихся южнее, в Бешбалыке (Кучене) и в Тур-фане; таким же образом доходила и несторианская пропаганда, но, как показывает повествование Рубрука, само это несторианство

* Owen Lattimore, The geographical factor in Mongol history, Geographical journal, London, Janvier 1938, p.9.

** Owen Lattimore. Цитированная статья, стр.14-15.

*** Многие слова, относящиеся к цивилизации и управлению, перешедшие с тюркского в монгольский язык свидетельствуют об относительном культурном превосходстве тюрков над монголами. См. Владимирцов, Записки восточного отделения императорского русского археологического общества, XX, 1911. Преимущество тюрков над монголами в интеллектуальной сфере выявляется в особенности в сравнительной эволюции двух языков.

«В общем, пишет Бартольд, резюмируя Поппе, тюркские языки находятся на более высокой ступени развития, чем монгольские языки. Также любой монгольский язык любой части света является более архаичным по сравнению даже с древними известными тюркскими языками. Монгольский письменный язык с точки зрения фонетики остается на том же уровне развития, что и первобытный алтайский (тюрко-монгольский) язык».

низшло в Монголии до уровня шаманизма, оспаривая у него доверие предводителей.

Первые попытки объединения среди Монголов

Традиция упоминает, что раньше, возможно до XII в., среди собственно Монголов происходит первая попытка формирования организованной нации (улус-ирген). Монгольский предводитель по имени Кайдун прославился, разбив соперничающее племя Джелаир, и начал группировать в свое подданство определенное число семей из различных племен. Первым, кто осмелился противостоять могущественным джурджитским правителям, цинским правителям, хозяевам Северного Китая, был как раз таки его правнук Кабул, уже награжденный царским титулом (Кабул-хана) и даже, посмертно, императорским титулом (Кабул-кагана) в Секретной Истории.*

Монгольская легенда показывает его вначале вассалом Цинов, принятом в Пекине цинским императором, с которым он вел себя как дикарь в цивилизованной стране. Он вначале ошеломляет этого принца своим ненасытным аппетитом и жаждой, а затем, будучи пьяным, тянет монарха за бороду. Тот прощает его и, уходя, щедро одаривает. Но их отношения вскоре портятся. Кабул-хан, взятый в плен Динами, убегает от них, убив офицеров, преследовавших его. Возможно, что эти истории являются фабулой борьбы, которую Цины должны были вести против кочевников Монголии в 1135—1139 гг., борьбы, в ходе которой цинский генерал Ху шаху, продвинувшись в степь, был разбит «Мон-ку», в результате чего в 1147 г. двор Пекина был вынужден заключить мир, даруя Монголам стада быков и баранов, а также определенное количество зерна. Китайско-джурджитские источники называют монгольского предводителя, добившегося этих условий — Нгао-ло ро-ки-ли; согласно Пелью, это имя могло бы, несомненно, быть восстановлено в Ого богила.** Бартольд попытался приблизить это имя к имени Кутула-кагана, четвертого сына Кабула и известного персонажа в монгольской традиции.***

Кутула-каган (отметим этот термин кагана или императора, хотя, несомненно, здесь он присужден посмертно, в период написания Секретной Истории, около 1240 г.) также является легендарным героем. «Его голос гремел, словно гром в горах, своими руками, как медвежь-

* Manghol-un niuca tobcaan, ed. Haenish, 1937, 6.

** Pelliot. Notes sur le Turkestan, Toung pao, 1930, 24.

*** Бартольд, Туркестан, 381. Сыновья Кабула в соответствии с Секретной Историей, являются Окин-баркак, Бартан-батур, Кутухту-Мунгтур, Ку-гула-Каган, Кадан и Тодоян-очижин (Транскр. Хениша, с.6).

ми лапами, он ломал человека надвое с такой легкостью, как ломают стрелу. Зимними ночами он ложился спать голым, рядом с пылающим костром из больших деревьев, и не чувствовал ни искр, ни головешек, падавших на его тело, а проснувшись, принимал свои ожоги за укусы насекомых».*

Но, наряду с такими невероятными чертами, традиция также передает, что один из братьев Окин-баркак, и один из его двоюродных братьев, Амбакай, попадают в плен к Татарам, которые выдают их Цинам, а те пригвозждают их к деревянному ослу, «именно так казнят восставших кочевников», и Кутула, чтобы отомстить за них, идет грабить цинскую территорию. Китайские летописи также нам сообщают, что в 1161 г., после опустошений, учиненных Монголами, пинский император отправил против них экспедицию. Со своей стороны, монгольская традиция рассказывает о разгроме Монголов в сражении, данном объединившимися в коалицию Цинами и Татарами, вблизи Буир-нора. По-видимому, двор Пекина, для того, чтобы разбить монгольскую силу, действительно обратился к Татарам, и их объединенные армии достигли своей цели. Фактически, Джучи и Алтан, сын Кутулы, не обладают никаким реальным царством, хотя Секретная История, заботясь о династической преемственности, присуждает еще иногда Алтану титул кагана. Первое монгольское царство, разрушенное Цинами и Татарами, исчезло, чтобы уступить место раздроблению племен, кланов и подкланов.

Традиция Чингиз-ханидов, это, правда, связывает отца Чингиз-хана, Есугея, с потомственной линией бывших царей. Он является сыном Бартан-баатура, который сам является вторым сыном Кабул-кагана. Бартольд скептически высказывается по поводу такой генеалогии, но возможно, что он ошибается, так как свидетельство Секретной Истории Юань-ши и Рашид ед-Дина, вряд ли может быть полностью выдуманно. Очевидно лишь то, что Есугей никогда не выступал в роли кагана, ни даже хана, но только как предводитель клана Кийат, со скромным титулом баатур или багадур. Он воюет, как и все его близкие, против Татар, ставших наследственными врагами Монголов. Его похождения изображают нам доблестного предводителя клана, не более того. Он помогает одному из керейтских претендентов, Тогрулу, одержать вверх над своим соперником, Гур-ханом, дядей Тогрула, что в свою очередь поможет позднее Чингиз-хану обрести драгоценную дружбу. Он крадет у меркитского предводителя его молодую жену, Елун, на которой он женится и которая ста-

* D. Ohsson, I, 33.

нет матерью Темуджина, нашего Чиниз-хана. Еще при жизни, он обручит молодого Темуджина с дочерью конгиратского предводителя (так как Монголы являются экзогамами). Около 1167 г. Татарам удастся отравить Есугея во время обеда в степи.

Молодость Чингиз-хана

Старший сын Есугея, Темуджин, который в будущем станет Чингиз-ханом, родился около 1155 г. «на правом берегу Онона, в районе Дулун-Болдаг,* на современной русской территории, примерно на долготе 115° по Гринвичу».** Нам известны некоторые черты его портрета, благодаря китайцу Мин Хону и Персу Джуджани: высокий рост, крепкое телосложение, широкий лоб, «кошачьи глаза» и, в конце жизни, длинная борода. Перипетии его молодости, сопротивляемость, как лютой стуже, так и самому удушливому зною, неслыханная выносливость, безразличие, как к ранениям, так и к плохому обращению при поражении, отступлении или взятии в плен, дают нам представление о его необычайной жизненной силе. Тело, с юношеского возраста приученное к самым суровым лишениям, дух, с самого рождения закаленный испытаниями, должны были сделать из него железного человека, поразившего мир.

Когда, примерно в двенадцатилетнем возрасте, он потерял отца (около 1167 г.), его клан, считая его слишком слабым, отказался ему подчиняться. Несмотря на энергию его матери, Елун-еке, последние приверженцы его отца уходят от него и уводят с собой стада.*** Разграбленный таким образом своими агнатами, юноша остается со своей матерью, с тремя братьями, Кассаром,**** Катчиуном и Темуже, и с двумя сводными братьями (сыновьями от другой жены), Бекгером и Белгутаем. Эта маленькая группа людей, доведенная до нищеты, была вынуждена вести скудную жизнь охотников и рыболовов со стороны гор Кентей, называемых в то время горами Бурган Калдум, на истоках Онона. На место и в ущерб Темуджина, руководство Борджигина было взято на себя предводителями тайитшиутского клана Таркутай Кирилтугом***** и его

* Делон болдак в транскр. Секретной Истории, изд. Хениш, с. 8.

** Бартольд, Туркестан, 459, и Чингиз-хан 1st, 877.

*** Elun-eke = мать Элун. Относительно имени Элун, cf. Pelliot, mots a H initiale dans le mongols, J. A., 1925, 230.

**** Джуча-Кассар. Мы намеренно обозначаем его под одним именем Кассар для того, чтобы избежать путаницы, когда речь идет о старшем сыне Чингиз-хана, которого тоже звали Джучи.

***** Орфография Секретной Истории в недавней транскр. Эрика Хениша (1937) соответствует в данном случае Таркутай-Кирилтугу (с. 12 и 35).

братом Тодойан-Гиртэ, сыном Амбагая, и которые, стало быть, сами принадлежали, и это можно утверждать с уверенностью, к потомкам монгольского хана Кайду, лишённого царства после катастрофы 1161 г.

В то же время, в горах Кентей, Темуджин со своими братьями жили охотой и рыбной ловлей. Его сводный брат Бектер крадет у него жаворонка и рыбу. С помощью своего младшего брата, Кассара, он убивает Бектера стрелами. Такое суровое существование делало молодого человека и его брата Кассара выносливыми и отважными. Тайитшиаутский предводитель Таргутай Кирилтуг забеспокоился и загрустил из-за такой жизнестойкости, так как считал их умершими от нищеты. Он вновь посылает к Темуджину в леса горы Кентей, берет его в плен и надевает на него шейную колодку. Темуджин убегает, благодаря содействию сулдусского предводителя Сор-ган-Шира и сыновей последнего, Тшилаута и Тшимбая, которых мы встретим позже; хороший лучник, со своим братом Кассаром, который стрелял из лука еще лучше, он начал восстанавливать домашние дела. «У него теперь было девять лошадей!» Восемь из них были украдены степными бродягами. Он их восстанавливает благодаря помощи молодого Боортчу (или Богортчу), сына арулатского предводителя, который, с тех пор, становится его самым верным лейтенантом, в ожидании великих дел, когда он проявит себя как один из его лучших генералов. Выйдя, таким образом, из нищеты, он попросит у конгиратского предводителя Дай-Сетчена руки его дочери, молодой Бортэ, обещанной ему с детства.* Дай-Сетчен ее отдает ему в жены, а в приданное — шубу из черных соболей. Чуть позже, он перевел свой лагерь от истоков Онона к истокам Керулена.

Чингиз-хан, вассал Керейтов

С соболиными мехами Темуджин отправился к Туре, выразить свое почтение и поклониться могущественному правителю Керейтов, Тогрулу (около 1175 г.?). Тогрул, помня о том, что сам когда-то был спасен отцом Темуджина, встретил молодого человека с благосклонностью и принял его в свое подчинение. Тогрул и Темуджин стали с тех пор союзниками, хотя второй, разумеется, определенно оставался вассалом первого. Эта зависимость четко отмечена в титуле «хан, мой отец», с которым Темуджин обращается к керейтскому правителю в своем знаменитом апострофе, цитируемом ниже.

* Борта-юджин, принцесса Борта.

Чуть позже, Темуджину, застигнутому врасплох бандой Меркитов, возглавляемой их предводителем Токта-баки,* удаётся скрыться (у горы Буркан-калдум), или Кентей, только лишь оставив у них в плену свою жену Бортэ.**

Темуджин, для борьбы с похитителями, принимает помощь от другого монгольского предводителя его возраста, Джаму-ка, из племени джаджират, а также от керейтского правителя Тог-рула. Втроем, они разбивают Меркитов на Буура, притоке Селенги, и освобождают пленницу. Она вновь занимает почетное место в доме, и чуть позже рождает ему мальчика, и Темуджин никогда не хотел проверять, действительно ли Джучи — официально считавшийся их самым старшим сыном — был его сыном или же он был рожден от одного из похитителей-меркитов (в данном случае мер-кит Тчилжербоко). Однако это негласное подозрение по поводу рождения Джучи могло в дальнейшем помешать предводителю «старшей ветви» или скорее его потомкам играть первую роль в делах последователей Чингизханидов.

Тем временем, Темуджин и Джамука, хотя и стали анда, братьями по клятве, вскоре ссорятся. Каждый из них надеялся выгодно заполучить древнее монгольское царство, провозгласить себя ханом.

Секретная История рассказывает, как после совместного полуторагодового кочевания со стороны Коргунаг джубура*** на Оно-не, они разделяются на том месте, где последний монгольский хан Кутула праздновал свое избрание, что, несомненно, пробудило амбиции двух молодых предводителей. Темуджин отправляется располагать свой лагерь к горе, Джамука — к реке. «На склонах горы, скажет Джамука, палатки коноводов; на берегу реки — пастбище для пастухов овец». Бартольд и Владимирцов незамедлительно делают вывод, что Темуджина поддерживали всадники, «степная аристократия», а Джамуку — бедные пастухи, простонародье (карачу).****

Далее, Секретная История нам сообщает, что Джамука «любил нововведения и не соблюдал традиции». Владимирцов отсюда зак-

* Подлинное имя вероятно было Токтага (Pelliot, J.A., 1920, I, 164).

** Перевод любопытного отрывка Секретной Истории, Pelliot, La Haute Asie, p. 26.

*** Корокомах джубур в транскрипции Секретной Истории, данной Хенишем, Manghol un niuca tobcaan, p.22.

**** Владимирцов, Жизнь Чингиз-хана, 33, и Бартольд, Чингиз-хан, 878.

лючает, что он был представителем объединения схожего с демократическим, в то время как Чингиз-хан мог бы представлять знатных людей, что является в высшей степени рискованной интерпретацией. Но какова бы ни была классификация двух русских ученых, после разделения между Темуджином и Джамукой, за первым последовали «люди клана Джелаир, клана Кийат, клана Баарин», а также к нему присоединились самые высшие представители монгольской аристократии, его дядя со стороны отца Даа-гитай отчигин и старшая ветвь потомков знаменитого Кабул-кагана* с Сатча-баки, правнуком и представителем клана Джоркин, названного выше,** и с Алтан-отчигином, сыном Даагитай отчи-гина, другими словами, сами наследники двух последних монгольских правителей. Владимирцов, интерпретируя отрывок из Секретной Истории, полагает, что между двумя претендентами на новое царство, эти представители древнего царства предпочли Те-муджина, поскольку считали, что он строже придерживался традиций и был более послушным, тогда как беспокойный и новаторский характер Джамуки их волновал. По причинам уместности, несомненно, Алтан, законный наследник древнего царства, отказался от титула хана и не без колебания перевел голоса того, что можно было бы назвать легитимным объединением, на Темуд-жина, который и был избран.*** Алтан и Сатча-баки были первыми, кто провозгласил Темуджина ханом, то есть правителем — царем собственно Монголов-это избрание предшествовало лет на десять избранию того же самого Темуджина в 1206 г. в качестве верховного хана или императора всех тюрко-монгольских наций Верхней Азии. Как царь, Темуджин взял имя Тчингиз-хан, из которого наша традиция сделала Чингиз-хан, имя, точное значение которого еще дискутируется среди монголоведов»****

Наряду с политическими расчетами, и служа им прикрытием, определенный религиозный фактор, несомненно, подействовал

* И внук Окин-баркак.

** Форма журки, журкин (или юркип) дается в Секретной Истории (изд. Хениша, с. 28). Она соответствующим образом была воспринята Хаммером (Gesch. D. Gold. Horde, 61) и подвергнута критике Ердманом в Temudschi, 386. Он считает, что буркин происходит из-за ложной графики.

*** В дальнейшем Алтан, не встретив у Темуджина покорности, на которую рассчитывал и сожалел о своем поступке, восстал против него, кого он считал безусловно выскочкой и вступил в союз с его врагами. Но оказалось уже поздно...

**** Чингиз, по мнению Пельо, мог быть палатализованной формой тюркского слова тенгиз (по-уйг.) или дениз (на османском), что означает море, подобно монг. дала. «Это та же самая форма, что и для монголо-тибетского

этому избранию. Несколько раньше, бааринский предводитель Кортчи уже заявил: «Небо (Тангри) приказало, чтобы Темуджин был нашим ханом. Это мне открыл Дух, и я вам это открываю». Такого же порядка и так называемое «пророчество Мукали». Как-то раз, когда Темуджин ставил свой лагерь в Коргунак Джубуре, дже-лаир Мукали напомнил ему, что на том же самом месте, под тем же деревом, когда-то танцевал и веселился Кутула, последний монгольский предводитель, носивший титул хана, в празднование своего восхождения на трон. «С тех пор, для Монголов наступят тяжелые дни, и среди них больше не будет хана. Но Вечное Синее Небо не забудет свой народ, семью Кутулы. Среди Монголов поднимется герой, который станет грозным ханом и отомстит их обидчикам...».*

Независимо от религиозной атмосферы, которые эти тексты позволяют предположить, избрание Чингиз-хана представляется как выбор предводителя войны и охоты. Присяга "избранников» Чингиз-хана-Алтана, Кутчара и Сатча-баки — так, как ее представляет Секретная История, показательна: «Мы решили провозгласить тебя ханом. В сражении, мы выступим в авангарде; если мы захватим женщин и девочек, то мы их тебе отдадим. Мы пойдем на охоту в первом ряду; если мы настреляем дичи, то мы ее тебе отдадим».**

Тот, кто мог бы и должен был бы опасаться такой новой власти, был правитель Керейтов Тогрул, который должен был бы видеть, как его вчерашний вассал становится ему равным. Но, являясь ограниченным, нерешительным, посредственным предводителем, Тогрул не понял важности события. К тому же новый Чингиз-хан позаботился о том, чтобы предстать как никогда верным и скрупулезным вассалом. Добавим, и это, несомненно, являлось для Тогрула успокаивающим обстоятельством, что Чингиз-хан был еще далек от того, чтобы реализовать единство, собственно говоря, Монголов. Перед ним, выступая против него, находился его соперник, Джамука со своими сторонниками. Наконец, у керейтского правителя были те же самые внешние враги, что и у Чингиз-хана.

далай-ламы, лама-океан. Из письма из архивов Ватикана известно, что Великий хан Гуйюк — второй преемник Чингиз-хана, который считал самого себя океаническим ханом (далай каан по-монг., талюи каан по-тюркски). Были также исследованы другие этимологии в монгольском языке чинга, мощный, сильный.cf. Pelliot, *Les Mongols et la Papauté*, Rev. De L Orient Chretien, 1922—1923, n. 1-2, p. 25). Рашид ед-Дин говорит о слове джингиз = сильный, о чем говорит Эрдман, *Temudschin*, 601. — Наконец Владимирцов считает, что Чингиз относилось якобы к наименованию духа света, так обожяемого шаманами (Чингиз-хан, с. 37-38).

* Ap. Vladimirtsov, *Chingis-khan*, 32.

** Ibid., 36-37.

Мы видели, что один из верных людей Чингиз-хана, джелаир Мукали,* который подтолкнул его, чтобы тот провозгласил себя ханом, сделал это, по свидетельству Секретной Истории, напомнив ему старую вендетту Монголов против Татар. Именно Татары выдали двух членов древней монгольской царской семьи для позорной казни Цинам; именно Татары, объединившись в коалицию с Цина-ми, разрушили в 1161 г. первое монгольское царство; наконец, именно Татары предательски отравили Есугея, отца Чингиз-хана, предложив ему, во время дружеского обеда в степи, отравленную пищу: «Ты будешь ханом, о Темуджин, чтобы отомстить за нас нашим врагам, Татарам, и ты превознесешь славу Монголов!» Ожидаемый случай представился. Татары, кажется, в прошлом взяли верх над Монголами только с помощью цинского двора Пекина. Но, став после этой победы хозяевами восточного Гоби, они не переставали тревожить границы цинского царства. Двор Пекина, расстроив свою систему союзов, решил укрепиться и направить против них кереитско-го правителя Тогрула. Как верный вассал, Чингиз-хан сопровождал того в этой войне, будучи счастлив иметь, таким образом, возможность отомстить потомственному врагу. Окруженные Цинами с юго-востока, Кереитами и Чингиз-ханом с северо-запада, Татары Буир-нора были жестоко разбиты. Кереитский правитель и Чингиз-хан, рассказывает нам Секретная История, продвигаясь вдоль реки Улджа, убили татарского предводителя Мегуджин сеулту (около 1198 г.). Двор Пекина вознаграждает Тогрула, даруя ему китайский титул вана (царя или принца), откуда и имя Ван-хан, под которым, руководствуясь историей, мы будем его отныне обозначать. Чингиз-хан получил также китайский титул, но намного более скромный, и это доказывает, что к этому времени двор Пекина видел еще в нем только безвестного вассала Кереитов.

Именно после этой кампании, полагает Владимирцов, Чингиз-хан наказал многих монгольских принцев, потомков древнего царского дома, которые отказались следовать за ним за Ван-ханом против татар. Сата-баки, правнук великого Кабула и предводитель клана журки или журкин, и два других принца, Тайчу и Бури-боко, были казнены. В своей знаменитой жалобе Ван-хану Завоеватель будет утверждать, что якобы пожертвовал злопамятности Кереитов «этих горячо любимых братьев». На самом деле, он должен был быть очень рад найти столь подходящий повод, для того, чтобы избавиться от

* Или Мукули. Секретная История (транскрипция Хэишиша, с. 65) дает Мукали.

представителей того, что можно было бы назвать «монгольским легитимизмом».

Если придерживаться официальной истории Чингизханидов, то союз Чингиз-хана и Ван-хана особенно был выгоден последнему. Кажется, во всяком случае, что если вначале протекция Ван-хана позволила Чингиз-хану избежать своих врагов, то монгольский герой вскоре должен был даже оказать своему сюзерену аналогичные услуги. В плохо установленную дату,* Ван-хан был лишен владения своим собственным братом, Ерке-кара,** которого поддерживал Инанч-билга, правитель Найманов.***

Он убежал на юго-запад, к р. Чу, к Кара-Китаям, у которых тщетно просил вмешательства. Поссорившись с Гур-ханом, или правителем Кара-Китаев, он убого скитался по Гоби. В результате, совершенно отчаявшись, он просит убежища у Чингиз-хана. Тот приводит в порядок его маленький голодный отряд и помогает ему получить обратно кереитскую страну. В дальнейшем, завоеватель должен будет это ему напомнить на своем грубом и примитивном языке: «Обессиленный голодом, ты шел вперед, подобно гаснущему огню. Я дал тебе баранов, лошадей, имущество. Ты был тощим. За пятнадцать дней, я тебя снова откормил». Другой брат Ван-хана, Джагам-бу,**** искал убежища со стороны Цинской империи. Чингиз-хан вернул к нему брата, отправив отряд для защиты его от Меркитов, которые подстерегали его на переправе. «И вот вторая услуга, которую я тебе оказал», мог еще сказать Чингиз-хан Ван-хану.*****

Так, согласно все той же традиции Чингиз-ханидов, пусть даже и однобокой, но уж очень точной для того, чтобы не скрывать достоверных фактов, Ван-хан показывал себя временами довольно неблагодарным за все эти услуги. Он нарушал, как ему вздумается, пакт военного союза. Не поставив в известность Чингиз-хана, он предпринял успешный набег против Меркитов, вынудил их предводителя Токто бежать через устье Селенги до юго-восточного берега Байкала (в страну Баргу, Баргуджин или Буркуджин из Секретной Истории), убил одного из сыновей Токто, взял в плен

* Д. Охссон (I, 54) находит уместным считать весну 1196 года, временем прибытия беглого и изможденного Ван-хана к Чингиз-хану.

** Секретная История, транскрипция Хениша (с. 36, 48) дает Ерке-кара, Ерге-кара.

*** Yuan che, перевод Краузе, Cingis han, 15.

**** Секретная История, с. 36 приводит имя Джака-гамбу. Относительно этого титула вне сомнения тибето-тангутского происхождения, см. Pelliot, Notes sur le Turkestan, Toung pao, 1930, I, 50-51.

***** См. Д. Охссон, I, 53 и 74.

другого, захватил большое число пленных, скот и трофеи, из которых — все так же нарушая военные договора — он ничего не дал Чингиз-хану. Чингиз-хан, как верный вассал, все-таки последовал за Ван-ханом, когда тот позвал его в совместную экспедицию против Найманов. Случай, впрочем, казался подходящим. После смерти найманского правителя Инанча-билга, разногласия — из-за спора за обладание одной сожительницей — вспыхнули между двумя сыновьями, Тайбука, Тайбога или Байбука, более известным под китайским титулом тай-ван или тайан, по-монгольски — тайан, и Буйуругом. Тайан правил над кланами равнины, то есть, вероятно, со стороны озер провинции Кобдо, а Буйуруг — в горных районах, ближе к Алтаю. Под прикрытием такого разделения, Ван-хан и Чингиз-хан отправились опустошать владения Буйуруга. Тот отступил к реке Урунгу. Они преследуют его, сообщает нам Секретная История, до озера Кизил-баш — имеется, конечно же, в виду оз. Улунгур, куда впадает Урунгу, — где тот, в конце концов, гибнет/(Однако согласно Рашид ед-Дина, и это подтверждается Юань-ши, он находит пристанище на берегу верхнего Енисея, в киргизской стране). Но, в следующую зиму, найманский генерал Коксегу (или Коксеу) Сабраг, один из лейтенантов Буйуруга, внезапно контратаковал двух союзников.*

Шок был очень сильным. За ночь Ван-хан свернул лагерь, не предупредив Чингиз-хана, который должен был в одиночку совершить рискованное отступление. Несмотря на такое предательство, Чингиз-хан, если верить официальной истории Чингиз-ханидов, сохранял лояльность по отношению к своему сюзерену. Найманы пришли в свою очередь грабить керейтскую страну и одного за другим обратили в бегство брата (Джагамбу) и сына (Сангун) Ван-хана, а этот последний обратился с жалобой к союзнику, которого раньше оскорбил. Чингиз-хан незамедлительно отправил к нему своих «четыре великих воинов» (дорбен килууд), а именно: Бо-орчу, Мукали, Борокул, и Чилаун, которые в последний момент спасли Сангуна, прогнали Найманов с керейтской земли и забрали назад захваченный скот.**

* Секретная История указывает на проведение этих операций в пределах Байдарак-бельчир, местности, которую Говорт (The Kireis, 400) размещает в стороне р. Байдарик, которая берет начало в Хангае и течет в направлении северо-юг и впадает в маленькое оз. Бунчаган- Коксе или Сабрах или Сабрак в Секретной Истории (Хениш, 49) имеет форму Жетгоссу Сайрак у Д Охссона (1, 75).

** Yuan che, перевод Краузе (Cingis Han, 17). Транскрипция Секретной Истории, Хениш, стр. 40. Перев. той же Секретной Истории у Говорта, Kireis, 1, с. 400-

Кассар, брат Чингиз-хана, завершил кампанию большой победой над Найманами.

После этой войны, согласно Юань-ши,* Чингиз-хан и Ван-хан совместно выступили против Тайитшиутов, которые были побеждены на верхнем Ононе. Получится так, что близкий враг Чингиз-хана, преследующий его с детства, тайитшиутский предводитель Тарку тай-кирилтуг погибнет от руки доблестного Чилауна.**

Затем, по хронологии Юань-ши, следует коалиция, или скорее заговор различных кланов, напуганных поражением Найманов и Тайитшиутов. В нее входили Катакины, Салджиуты, Дорбены, остатки Татар и Конгиратов. Дай-Сетчен разгромил союзников вблизи озера Буйур. Позднее, в своем знаменитом поэтическом послании к Ван-хану, завоеватель намекал, без сомнения, именно на этот поход: «Подобно соколу, я взлетел на гору и перелетел через озеро Буйур; я взял для тебя журавлей с голубыми лапками и пепельным оперением, т.е. Дорбенов и Татар; переправившись затем через озеро Коло, я еще взял для тебя журавлей с голубыми лапками, т.е. Катакинов, Салджиутов и Конгиратов.***

Если Ван-хан был официально самым могущественным принцем Монголии, его власть имела хрупкое основание. Его предали внутри своей же семьи. Мы видели, что он должен был вырвать кереитский трон у своего дяди Гур-хана, затем оспаривать его у своего брата Ерке-кара. Юань-ши добавляет, что после победы над только что упомянутой нами коалицией, Ван-хана чуть было не свергнул с престола другой его брат, Джагамбу, который, видя свой заговор раскрытым, укрылся у Найманов.****

Монголия была тогда в полном возбуждении. Против гегемонии, которую силились совместно установить Ван-хан и Чингиз-хан, джаджиратский предводитель Джамука формирует контр-лигу. Непokoйный и грозный противник, ему удалось сгруппировать вокруг себя не только предводителей чисто монгольских кланов, восставших против Чингиз-хана, — своих же Джаджиратов, Тайит-

* Krause, Cingis Han, 17.

** Д. Охссон, 1, 60: «Таргутай погиб от руки Чилаокана, сына Сельдуз Шибурган Шире» Шибурган Шире, по Д. Охссону, звучит как Сооркан-шира или Соркан-шира, по Секретной Истории (Haenisch, p.34 et 72). Другой предводитель — тайичуут, Куду-удар, был убит в то же время, что и Таркутай. Третий предводитель того же племени, Акутчу, или Аучу, сумел сбежать.

*** Apud d Ohsson, I, 75-76.

**** Секретная История повествует, что Ван-хан подверг попытке шейной колодкой трех заговорщиков Джагамбу: Еркутура, Кулбара и Арин-тайзе. Арий Howorth, The Kireis etc., 396.

шиутов, Конгиратов, Икирасов, Корласов, Дорбенов, Катакинов и Салджиутов, но также и Меркитов, Киратов, Найманов и Татар. Во время большой ассамблеи, проведенной в 1201 г. в Алкуи-булаа, на берегах Аргуна (нижнее течение Керулена), он провозгласил себя через эту новую конфедерацию Гурханом «вселенским ханом», т. е. императором Монголии.

Таким образом, монгольская империя была на путях становления. Оставалось только узнать, в пользу которого из двух соперников, Чингиз-хана или Джамуки, она должна была установиться. В этом соперничестве, на стороне Чингиз-хана был политический дух, самообладание, искусное применение права в свою пользу и, в начале, поддержка, тогда еще решительная, керейтского Ван-хана. Джамука кажется, обладал примечательной предприимчивостью, но возможно немного несогласованной, беспокойным характером, чувством интриги. Хотя, по крайней мере, если верить источникам Чингиз-ханидов — Джамука был малонадежным союзником и без колебаний грабил племена собственного объединения. В противоположность этому, Чингиз-хан представлялся для тех, кто свято верил в него, неколебимо верным покровителем.

Именно Ван-хан нарушил равновесие между ними. Он пришел на подмогу Чингиз-хану, отправился вместе с ним против Джамуки в Койтан,* несмотря на бурю, вызванную ойратскими и най-манскими колдунами, и заставил его отступить к нижнему Аргуно. Согласно Владимирцову, вслед за этим походом имеет место последняя кампания Чингиз-хана против Тайишиутов, его вражеских братьев, а также знаменитый эпизод «самопожертвования Джел-ме»: Чингиз-хан, отброшенный после первой атаки, даже раненный, получает помощь верного Джелме, который высасывает свернутую кровь из его раны. Каков бы ни был хронологический порядок этих походов, еще столь неопределенный, Чингиз-хан, в конце концов, разбивает Тайитшиутов, истребляет огромное количество, а оставшихся в живых насильно подчиняет себе, восстановив, таким образом, единство клана борджигинов. Один молодой тайитшиут, или скорее есут, воин, который, выстрелив из лука, сразил лошадь Чингиз-хана, ожидая своей казни. Чингиз-хан его простил. Под именем Джебе «стрела», непогрешимый лучник станет одним из лучших капитанов Чингизханидов.**

* Howorth, *The Kirais and Prester John* (J.R.A.S., 1889,395). Он считает, что койтане из Секретной Истории находились в стороне Северного Далай-нора, между Керуленом и Аргуном.

** Его предыдущее имя было Джиркоадай (*Histoire secrete, transcription Haenisch, p.35*).

Вместе со своим славным компаньоном, Суботаем, он будет самым знаменитым стратегом монгольской эпопеи.*

Таким образом, Чингиз-хан смог оплатить по счету давним врагам Монголов, убийцам его отца, Татарам — Чаган-Татар и Алтчи Татар. Для того чтобы лучше проводить операции, он запретил индивидуальный грабеж. Татары, побежденные, были истреблены в больших количествах, а те, кто выжил, были распределены по монгольским племенам (1202 год). Чингиз-хан лично присвоил себе двух красивых Татарок, Ессуи и Ессуган. Три монгольских принца, родственники Чингиз-хана, Алтан, представитель знатной ветви древней монгольской царской семьи, Кутула, сын старого монгольского хана Кутшар, и Дааритай, дядя Чингиз-хана по отцовской линии, нарушили порядок, грабя для самих себя. В итоге у них отобрали добычу. Алтан и Кутшар, даже Дааритай, начали тогда отделяться от Завоевателя и мы увидим, что вскоре они присоединятся к своим врагам — Татарам, и жившим восточнее их, на р. Нонни — Солонам, и должны были признать себя платящими дань.

После разгрома Татар, Юань-ши показывает нам Токта, правителя Меркитов, вернувшегося из Забайкалья (из страны Баргу, на юго-восточном побережье Байкала), где он должен был прятаться и вновь атаковать Чингиз-хана, который разбивает его.** Затем, все также в порядке фактов, предложенных Юань-ши, Токта объединяется с найманским анти-правителем Буйугуга, под знаменем которого также воссоединяются остатки Дорбенов, Татар, Катакинов и Салджиутов. Эта новая коалиция ведет борьбу против сил, объединенных Ван-ханом и Чингиз-ханом, в серии горных выпадов и контрвыпадов, среди снежных бурь, вызванных, по сообщениям Юань-ши, найманскими колдунами. Если топография, как и хронология всех этих походов сомнительна, то они дают нам представление о чрезвычайно мобильных ордах. Они перемещались в ходе их стычек от одного края Монголии до другого, от Большого Алтая до Хингана. Они, соединившись для се-

* Суботай родился в 1176 г., умер в 1248. «Его имя по-монг. пишется Субугатай; в монг. тексте Юань-Чоа пишет Субугатай; Факт, произношение Суботай или Субугатай». (D'apres Pelliot, J.A., 1920, I, 163). Его биография была переведена Ремюза (Nouveaux Melanges Asiatiques, II, 97). Наименование монго-ло-дюрлукинского племени уриангутов, к которым и принадлежал Суботай, вновь появится как торкский народ уриангаи, занимавшимися разведением северных оленей и охотой на Верхнем Енисее. (Courant, L Asie Centrale, 78).

** Перевод. Краузе, Чингиз-хан, 19. Именно Ван-хан, который, как известно, до этого вынудил Токто бежать в страну Баргу или Баркучин. Относительно слова Баргут, см. A.Mostaert, Ordosica, Bull.9, Cath. Un.Pek. 1934, p.37.

зонного похода или для оказания помощи, растворялись после провала, как и после удачного набега. И каждый клан вновь обретал свободу. Один только Чингиз-хан, среди этих правителей со слабыми притязаниями и несогласованными действиями, составлял незыблемую опору, но не оттого что он заранее замыслил четкую программу своих завоеваний, а, несомненно, потому, что его сильная личность позволяла ему выгодно использовать это состояние непрерывной войны.

Разрыв Чингиз-хана с Ван-ханом. Завоевание страны Керейтов

До этих пор, хотя Ван-хан в некоторой мере и неправильно поступал в отношении Чингиз-хана, тот был всегда ему предан. Считаю, что он безупречно выполнял свои обязанности вассала, монгольский герой попросил для своего сына Джучи руки принцессы Чаурбаки,* дочери керейтского правителя. Отказ Ван-хана, сообщает нам Секретная История, глубоко ранила героя.

Керейтский правитель, несомненно, ошибся, не усмотрев в своем клиенте соперника и не убрав его, когда того провозгласили ханом, около 1196 г. Когда у Ван-хана начали возникать подозрения, было уже слишком поздно. Возможно, что он догадывался о чем-то, судя по некоторым приписываемым ему размышлениям; уже пожилой, седовласый, он желал уйти на покой закончить свои дни в мире, но был доведен до разлада своим собственным сыном, Илка или Нилка, более известным под своим китайским титулом цзин-кин, помонг. Сангин.**

Сангин советовал Ван-хану, своему отцу, поддержать Джамуку против Чингиз-хана. Он был лично связан с этим же Джамукой, который, по его наущению, после краха своего эфемерного царства, укрылся при керейтском дворе. Согласно с Сангином, Джамука возбуждал недоверие Ван-хана к своему могучему вассалу, обвиняя последнего в подготовке измены. Так говорил он Ван-хану: «Я — жаворонок, живущий на одном и том же месте, как в хорошее, так и в плохое время года. Чингиз-хан же — дикий гусь, убегаящий зимой»***

* Транскрипция Секретной Истории, изд. Хениш, стр. 41, 42.

** Юань-ше, перевод Краузе, 20. Касательно имен Нилка или Илка, см. Pelliot, A propos des Comans, J.A., 1920, I, 176 et Notes sur le Turkestan, T'oung-pao, 1930, I, 22-24. Что касается титула тзиан-киюн = сангон, см. Pelliot, J.A., 1925, I, 261 (др. заимствования кит. титулов в тюрко-монгольских языках: ту-ту, ставшее в тюркском языке тутук; тайц-гзе, имперский принц, в монгольском - тайджи).

*** Yuan-che, trad. Krause, p.20.

В то же время, Алтан, законный наследник древних монгольских ханов, безутешный оттого, что царство оказалось в руках выскочки, также пришел к Ван-хану, и также подбивал его на войну против старого союзника.

В 1203 г. между Чингиз-ханом и Кереитами произошел разрыв. Он стал решающим поворотом в жизни монгольского героя. Если до сих пор ему отводилась роль блестящего помощника в отношении Ван-хана, то теперь он вел борьбу за себя одного и за первое место.

Кереиты, по наущению Сангина попытались избавиться от Чингиз-хана, вначале заманив его на притворную встречу по примирению, а затем, когда ловушка была обнаружена, организовав внезапную атаку, чтобы застать его врасплох. Два пастуха, Кишлик и Ба-дай, услышав кереитского генерала Еке-черен, который рассказывал своим о готовящемся, помчались предупредить об этом Чингиз-хана. Тот (облагородив их впоследствии)* срочно предпринял военные меры. Сначала он отступил, сообщает нам Секретная История, близ высот Маондур, где он оставил маленький пост. Затем, на следующий день, отступил еще глубже, близ горы, которую Юань-ши называет «А-лан» или «Нга-лан», Охссон, по Рашид ед-Дину, «Халалджин-алт», Хуасинт «Халагун-ола», и которая в Секретной Истории именуется «Калакалджит-елет». В данном случае это один из отрогов горной цепи Хинган, вблизи источника Халха-гол.**

Хотя и вовремя предупрежденный своими фуражирами (людьми Алчидай-найона) о приближении врага, Чингиз-хан разыграл там, несомненно, самую тяжелую партию своей карьеры. Столкновение было ужасным. Лейтенанты Чингиз-хана, старый Джурче-дай найон, предводитель клана урууд, и Куилдар-сетчен, предводитель клана мангкуд, творили чудеса. Куилдар поклялся совершить подвиг и совершил его, воздвигнув свой туг, свое знамя, на кургане позади врага, после того как он прошел сквозь вражеские ряды. Джуртчедай ранил стрелой в лицо кереитского Сангина. Но перед численным преимуществом Кереитов, Чингиз-хан, за ночь, отдалился от поля битвы. Его третий сын, Угэдэй, не явился на поверку, так же как и два из его самых преданных лейтенанта, Боочу и Борокул. Они присоединились, в конце концов, к Борокулу, держа в своих руках, на своей лошади, Угэдэя, раненного стрелой в шею.

* Он назвал их тарханами, имевшими привилегию иметь телохранителей с колчанами (корчин). См. Pelliot, *Toung rao*, 1930, 32.

** Yuan-che, trad. Krause (*Cingis Han*, 21), d Ohsson, I, 70. Перевод отрывка из Секретной Истории Howorth, *The Kirais and Prester John*, *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1889, 405. Transcription de Haenisch, *Manghol in Niuca Tobcaan*, 44.

При виде этого, сообщает Секретная История, железный человек пролил слезы.*

Чингиз-хан, в состоянии явного меньшинства, отступил вдоль Халха-гола,** в направлении Буиг-нора и южного Далай-нора, «близ озера Тон-хо», сообщает китайская летопись Юань-ши.*** В устье Халха-гола на Буир-норе жило племя Конгиратов, из которого происходила жена Чингиз-хана. Тот обратился к ее родственникам и добился их присоединения.

Именно из этого района Буир-нора и Далай-нора**** Чингиз-хан доставляет Ван-хану устное сообщение, восстановленное или резюмированное большинством наших источников и в котором он пытался смутить своего старого сюзерена, напомнив ему о годах дружбы и обо всех оказанных услугах.***** Он собирался, как он говорил, снова войти в милость (но по выражению Сангина, усыпить бдительность Ван-хана.) Он называл Ван-хана своим отцом «хан ет-чиге», констатируя, что всегда скрупулезно исполнял свои обязанности вассала. Его верноподданный характер, его забота о соблюдении права, странно утверждаются в различных вариантах этого известного отрывка. В том же самом духе он напоминал Алтану, этому потомку древних монгольских ханов, что если он, Чингиз-хан, принял ханство, то это произошло по назначению того же самого Алта-на, потому что Алтан и другие представители старших ветвей сами для себя отказались от царства.***** Это сообщение в виде поэмы, облаченное в эпическую и лирическую форму, являлось юридическим актом, свидетельствующим о человеческой и союзнической корректности монгольского предводителя по отношению к своему бывшему сюзерену. Признаемся, что с политической точки зрения, Ван-хан, который разгадал слишком поздно яркую личность своего быв-

* Trad. Vladimirtsov, Chingis khan, 51. Et dans Howorth, The Kireis, 407.

** Чингиз-хан в Секретной Истории пошел вдоль р. Улкусилужеджит (нынешняя Олкуи, берущая начало в горах Хингана и впадающая в небольшое озеро в Восточном Гоби, а затем продолжающая путь вдоль Халха-гола (cf. Howorth, The Kirais and Prester John, I.e., 408. Transcription Haenisch, p.46).

*** Yuan che, trad. Krause (Cingis Han, p.21).

**** Или более точнее по Секретной Истории близ реки Тунгже или Тунгжели, которую Говард считает притоком Онона (Kirais and Prester John, 408).

***** Cf. D Ohsson, 1, 73 et Howorth, Kirais and Prester John, 409. L Histoire secrete des Mongols, Yuan-tchao-pi-che, с одной стороны, le Cheng-wou-ts in-tcheng-lou et Rachid ed-Din, с другой — не дают соответствующих версий «сетований Чингиз-хана». Фактически две группы источников дополняют здесь друг друга, как это мы видели у Д Охссона.

***** Trad Dg | Histoire Secrete dans Howorth, The Kireis, 410.

шего вассала, поступил опрометчиво, беря под защиту начинания этого сильного человека. Но, разорвав союз без веского повода, предательски атаковав Чингиз-хана, он давал тому право действовать таким же образом. И в этой игре, старый керейтский царь, слабовольный, нерешительный, слабый, подлый, разодранный своим окружением, рискующий, если он не пойдет до конца, вызвать мятеж своего сына Сангина, был неспособен вести борьбу против Чингиз-хана.

Пока что, все же, Чингиз-хан, оставленный частью своих людей после его поражения на Калакалджит-елет, проводил самые тягостные часы своего правления. В состоянии полного численного меньшинства, он был вынужден отступить далеко к северу, со стороны Сибири, брошенной на крайнюю границу монгольской страны, к рубежам современного Забайкалья. Он отступил с горсткой верных людей «к истоку реки Тура, на юге Читы»,* рядом с маленьким прудом Балджуна, грязную воду которого он вынужден был пить.**

Он провел на Балджуна лето 1203 г. Его приверженцы, разделив с ним эти горькие часы, «Балджуинцы», были впоследствии блестяще вознаграждены.

Однако, еще один раз, коалиция, сформированная против Чингиз-хана, распалась сама собой, потому что эти непостоянные чочевники предусматривали только сезонные военные договоры. По Рашид ед-Дину, многие монгольские предводители, которые из ненависти к Чингиз-хану, доверились Ван-хану — Дааритай, Кучар, Алтан, Джамука — организовали заговор с целью убийства керейт-ского правителя. Вовремя предупрежденный, Ван-хан напал на них и отобрал их вещи, пока они убегали. Джамука, Кучар и Алтан спрятались у найманов, Дааритай подчинился Чингиз-хану.

Положение было намного для него улучшено, когда осенью 1203 г. он выступил с маршем от Балджуна к Онону для перехода в наступление. Он использовал своего брата Кассара, семья которого попала во власть Керейтов, чтобы усыпить ложными сообщениями бдительность Ван-хана. Убежденный его заверениями, Ван-хан принял за мирные переговоры, отправив с этой целью Чингиз-хану «кровь в бычьем роге» для употребления в принятии клятвы. В то же время, Чингиз-хан, в результате хорошо засекреченного перехода, напал на Керейтскую армию, которая была совершенно застигнута врасплох и разбросана. Эта битва, которая

* Grenard, Gengis-khan, 46.

** Балджуна, это река Панчунь по Юань-ши (в переводе Краузе, Чингиз-хан, 23). Но Секретная История свидетельствует, что это озеро или пруд, Балджуна наур, т. е. Балджуна нор, изд. Хениш, с. 51.

по Секретной Истории имела место в Джеджеерцндуре (гора Чече юун-ту, по Юань ши),* без сомнения между истоками Тулы и истоками Керулена,** обеспечила окончательный триумф Чингизхана. Ван-хан Тогрул и его сын, Сангин, обратились в бегство на запад. Прибыв в найманскую страну, Ван-хан был убит найманским офицером по имени Корисубачи, который его не узнал.*** Его голова была отправлена Тайану, и мать Тайана, Гурбесу, совершила жертвоприношение духу мертвого перед этим мрачным трофеем и «была музыка в его честь». Что касается Сангина, то он пересек Гоби, вел некоторое время разбойную жизнь на границах царства Си-Ся, около Етсин-гола, затем, возможно, со стороны Цайдама и, в конце концов, был непонятным образом убит в Куче, у Уйгуров.****

Кереитский народ подчинился Чингиз-хану и отныне служил ему верой и правдой. Чингиз-хан, из предосторожности, все же разбросал кереитские подразделения по различным монгольским кланам для их слияния. Он проявил особенное почтение к людям Джагамбула (брат Ван-хана), потому что он сам женился на дочери этого принца, именуемой Ибака-баки,***** и его самый младший сын Толуй взял в жены другую дочь Джагамбу, принцессу Соргактани (которая сыграт, как мы увидим, значительную роль в семье Чингизханидов).

Завоевание найманской страны. Объединение Монголии Чингиз-ханом

После того, как Чингиз-хан подчинил Кереитов, единственная независимая власть, которая еще держалась в Монголии, принадлежала Найманам и их царю или Тайану. Или скорее, в это время конца 1203 г., пока Чингиз-хан становился хозяином восточной Монголии, Тайан продолжал владеть западной Монголией. Инстинктивно, все побежденные в предыдущих войнах, все непокоренные враги Чингиз-хана, стали группироваться вокруг Тайана: джаджиратский предводитель Джамука, меркитский предводитель

* Histoire secrete, transcr. Haenisch, 52. Yuan-che, trad. Krause (Cingis Han, 24).

** Alb. Herrmann, Atlas of China, 49, F.2. Howorth, Kirais and Prester John 417. По их мнению, что проход Джеркабчикая и высоты Джеджер Ундур находятся на Нижнем Керулене.

*** Histoire secrete, trad. Pelliot, J.A. 1920, 1, 176.

**** Восстановлено Пельо, А.Ж., апрель-май 1920, 1, 183-184.

***** Позже, после сновидения Чингиз-хан уступил Ибака-баки одному из своих достойных полководцев — Джурчедаю из клана уруудов.

Токта-баки,* ойратский предводитель Кутулга-баки, не говоря о частях разбитых племен, Дорбен, Катакин, Тайан, Онгют, даже клан вставших Керейтов. Все готовились к войне с Чингиз-ханом. Чтобы напасть на него с тыла, Тайан стремился получить помощь Он-гютов, Тюрков, обосновавшихся вокруг Токто, к северу от современной китайской провинции Шанси, на севере современного Суйе-юаня, как пограничников в счет Цинской империи и которые, между прочим, были несторианцами. Но онгютский предводитель Алакуча-тегин, привлеченный таким образом осуществить диверсию против Чингиз-хана, поспешил предупредить монгольского завоевателя, с которым, с той поры, он был заодно.**

Прежде чем отправиться на войну против Найманов, Чингиз-хан издал, сообщает Секретная История, различные указы с целью организации монгольской армии и монгольского государства (см. ниже, в особенности то, что сказано об охране, кашике).***

Затем, приняв решение предупредить наступление Найманов, он созывает Курултай или ассамблею своих людей весной 1204 г. вблизи реки, которую Юань-ши называет Те-май-кай, в Темейенкере, сообщает Секретная История. Большинство военных предводителей полагало, что лошади были слишком истощены в это время года, и что нужно было отложить операции на осень. Молодой сводный брат Чингиз-хана, Белгутай и их дядя Отчигин-найон были за внезапное нападение, чтобы использовать преимущество внезапности. Чингиз-хан оценил их рвение по достоинству, и приблизился к найманской стране, но если по сообщениям одних источников, таких как Юань ши, можно представить, что он сразу же начал вражеские действия, то по другим, можно предположить, что на самом деле он вторгся в найманскую страну только осенью. Тайан со своими союзниками, Джамукой, Токта-баки, Кутула-баки, — со всеми найманскими, джад-жиратскими, меркитскими и ойратскими силами — пошел, как нам сообщает об этом Юань-ши, навстречу Монголам, от Алтая к Хан-гаю. Однако, встретив монгольские авангарды, он ненамного продвинется на этом пути, по крайней мере, если верить Абулгази, кото-

* Касательно имени Токтоа, см. Pelliot, J.A., avril-juin 1920,1, 164 et Toung-pao, 1930, 1,24.

** Об отправке эмиссаров (Юкунан к онгютам, Торбиташи к Чингизхану) — описываю одновременно, говорится в Секретной Истории, Хениш, 55 и у Рашид ад-Дина, Эрдмани, 299-300. Что касается генеологии Алакуштагин-кури, см. Pelliot, Chretiens d Asie Centrale et d Extreme-Orient, Toung-pao, 1914, 631. О Алакуштагин-кури упоминается в Секретной Истории, Хениш, 55. Несторианство у онгютов подтверждается, начиная с начала XII века, (cf. Supra, p. 190 et Pelliot, Chretiens d Asie Centrale, 630).

*** Секретная История в резюме Бартольда, Туркестан, 383-384.

рый считает, что сражение имело место вблизи реки Алтая — Алтай-су — и если искать эту Алтай-су рядом с р. Кобдо, к примеру, как этого хочет Алберт Германн, недалеко от оз. Кобдо, или Кара-Уссу.*

Тайан рассчитывал отступить к массиву Алтая, чтобы измотать монгольскую армию долгими маршами и затем заставить ее врасплох в каком-нибудь ущелье. Его лейтенант Курису-баши постыдил его за такую осторожность: ведь старый найманский правитель, его отец Инанч-билга, никогда не показывал врагу ни свою спину ни круп своей лошади! Пришедший в ярость от оскорбления, Тайан приказал идти в атаку.

Столкновение было ужасным. Кассар, брат Чингиз-хана, командующий монгольским центром, проявил себя умелым полководцем. К вечеру, Монголы были победителями. Тайан, тяжело раненный, был унесен своими людьми на высоту. Здесь, повествование Секретной истории принимает тон эпопеи. « Кто те, спрашивает Тайан у своих верноподданных, кто преследует нас как волки преследуют стадо? » — « Это, отвечает Джамука, четыре охотничьи собаки моего брата Темуджина; кормятся они человеческим мясом и привязаны на железную цепь; черепа у них из бронзы, зубы заточены об скалу, языки словно мечи, сердце — из железа. Вместо плекот у них гнутые сабли; жажду они утоляют росой и несутся вскачь с ветром; в сражениях они пожирают человечесью плоть. Вот они сейчас спущены с цепи, с пеной у рта, они веселятся. Эти четыре собаки - это Джебе, Хубилай, Джелме, Суботай!» Тайан спрашивает опять: «Кто видится сзади, похожий на стремительно приближающегося голодного сокола?» — Это мой анда Темуджин, одетый в железный камзол. Ты говорил, что покажись Монгол, ты сожрешь его как ягненка, не оставив ни кусочка. А теперь...!»**

Напрасно последние верноподданные, продолжает монгольское повествование, спрашивали у Тайана, что они должны были делать. Тот уже умирал. Напрасно, чтобы оживить его, Курису-баши кричал ему, что его жены и мать Гурбесу*** ждали его в палатке. Обессиленный потерей крови, Тайан оставался лежать на земле. Тогда его последние верноподданные, во главе с Корису-баши, вновь спу-

* Alb. Herrmann, Atlas of China, 49, E.2.

** Владимирцов, Жизнь Чингиз-хана, 60. Юань-Ши, как всегда суховат, нам повествует простор, что Джамука, пришедший в ужас от мощи монгольской армии, покинул Тайана и бежал с джарджиратами, не дожидаясь начала сражения (перев. Краузе, Чингиз-хан, 26), бегство, которое подтвердил Ра-шид ед-Дин (перев. Эрдманна, Темуджин, 302).

*** В Секретной Истории пишется (Хениш), 54 и 60), что «Тайан был сыном Гурбесу» Д. Охссон (1,89) считает, что была любимая супруга Тайяна.

стились, чтобы умереть в бою. Чингиз-хан, восхищаясь их безнадежным мужеством, хотел пощадить их, но они отказались сдаться, и были все убиты. Кучлуку,* сын Тайяна, с частью своих людей, очевидно, смог спастись бегством в сторону Иртыша. За исключением этих изгнанников, основная часть найманского народа должна была подчиниться Чингиз-хану.

Меркитский предводитель Токта-баки последовал за Кучлугом в его бегстве.** Помощник меркитского предводителя, Дайир Уссун, подчинился самопроизвольно и отдал в жены Чингиз-хану свою дочь, прекрасную Кулан. Эпизод, рассказанный Секретной Историей, связанный с молодым монгольским офицером Найа, ведущим Кулан к Чингиз-хану через разграбленную мародерами страну, странным образом разоблачает наивную грубость обычаев того времени.***

Юань-ши уверяет нас, что найманский принц Буйуруг, брат Ван-хана, участвовал еще в походах вместе с Кучлугом, Токта-баки и Джамукой, со стороны верхнего Иртыша, около озера Зайсан и гор Улуг-таг, т. е. около горных массивов, сформированных сибирским Алтаем, Тарбагатаем и горами Чингиз. Все четверо умерли один за другим. Буйуруг был застигнут врасплох на охоте вблизи гор Улуг-таг эскадронами чингизидов и убит (в 1206 г.), согласно Юань-ши.****

В 1208 г., осенью,***** Чингиз-хан лично выступил с маршем на верхний Иртыш, чтобы покончить с последними «мятежниками». При переходе, он получил подчинение ойратского предводителя Кутукабаки, который, будучи не в состоянии оказывать сопротивление, присоединился к нему и служил ему направляющим. Кучлуг и Токта, атакованные на берегах Иртыша, были полностью разбиты. Токта погиб в бою. Кучлугу удалось спастись бегством, и он смог добраться до империи Кара-китаев, где мы его вновь най-

* Гучулуг D транскрипции Секретной Истории, Хениш, 61.

** Если так считать, то Юань-Ши (перев. Краузе, 26), Кючлюг и Токтоа отправились на поиски Буйуруга, брата Тайяна, которого когда-то изгнал Чингиз-хан вплоть до Верхнего Енисея. Как мы видели, вопреки Рашид ад-Дину и Юань-ше, Секретная История повествует о смерти Буйуруга некоторое время спустя после его поражения от монголов во время бегства в направлении Урунгу (Говарт, The Kirais, p.398). Но Секретная История весьма скудно осведомлена о том, когда речь идет о кампаниях, отличавшихся некоторой эксцентричностью.

*** Cf. Grenard, Gengis-khan, 57.

**** Перевод Краузе, Чингиз-хан, стр. 28. Противоположные высказывания supra, стр. 261.

***** Бартольд, Туркестан, 361. Та же дата у Юань-ше (перевод Краузе, Чингиз-хан, стр. 29).

дем. Что касается джаджиратского предводителя Джамуки, который вел жизнь искателя приключений во главе банды изгнанников, ставших грабителями, то он был выдан своими людьми Чингиз-хану. Если Д' Охссон полагает, что это событие имело место сразу же после поражения и смерти Тайана, в 1204 г., то Рашид ад-Дин его не датирует. Напротив, Владимирцов, следуя порядку Секретной Истории, считает, что Джамука был взят в плен после смерти Токта, которая была в 1208 г., помня о том, что они были анда, братьями по клятве, Чингиз-хан умертвил его как принца, без кровопролития. «Это было милостью, отмечает Владимирцов, так как, по убеждениям шаманов, душа человека живет в его крови». Что же до традиции, изложенной Рашид ад-Дином, то она кажется неправдоподобной: по ней, Алчидай, племянник Чингиз-хана, которому тот доверил охрану — или казнь — Джамуки, подверг своего пленника пытке, отрезав ему поочередно все конечности. Отметим, что Джамука, человек, вставший антицезарем против Чингиз-хана, в конце концов, показал себя таким же подлецом, как и интриганом. После того, как он вовлек Керейтов и Найманов в войну против своего соперника, он дважды подряд дезертировал до начала военных действий, оставив в час сражения сперва Ван-хана, а чуть позже — Тайана. Этот личный противник завоевателя уступал ему как своим характером, так и как воин.

Последние банды меркитов были разбиты немного позднее монгольским полководцем Суботаем.*

Наконец, и Киргизы верхнего Енисея (Танну Ола и район Минусинска) подчинились без боя с 1207 г.

Вся Монголия была подчинена. Знамя Чингиз-хана, белое знамя с девятью языками пламени, станет флагом всех Тюрко-Монголов.

Уместно заметить, что во время поражения Найманов, в 1204 г., хранитель печати Тайана, Уйгур Тататона, попав в руки Монголов, перешел на службу к Чингиз-хану.**

* Заключительная кампания Суботая при содействии Токучара, зятя Чингиз-хана против последних отрядов меркитов, рассматривается (чему в какой-то мере следует Рашид ад-Дин) в 1217 г., в то время как Секретная История приводит дату 1206 г. но этот последний источник, жизненно важный для внутренней истории монголов, кажется неаргументированным, когда речь заходит о кампаниях, имевших место на отдаленном расстоянии. См. Поражение меркитов от Суботая произошло на реке Чам или Джам, которую Бар-тольд относит к Западной Уйгурии (а Бретшнайдер — к Верхнему Иртышу). См. Бартольд, Туркестан, 362.

** Нам известно имя Татона только благодаря кит. транскрипции. Пелью отклоняет вариант Тататуна, предлагаемый Бартольдом (Бартольд, Туркестан, 387; Pelliot, Notes sur le Turkestan, Toung-pao, 1930, I, 33).

Таким образом, при Завоевателе образовался зародыш монгольской канцелярии с уйгурскими «кабинетами».

Чингиз-хан — император

Чингиз-хан не стал ждать последних актов повиновения или казни для того, чтобы официально закрепить свою власть в племенах. Весной 1206 г., он собрал вблизи истоков Онона на большой ассамблее или курултае* всех уже подчиненных Тюрко-Монголов, в данном случае кочевников современной внешней Монголии. По этому случаю он был провозглашен всеми монгольскими и тюркскими племенами высшим ханом, или, как переводит Секретная История, каганом или кааном согласно старой титулатуре Жуан-жуанов в V в., перешедшей с тех пор ко всем наследственным хозяевам Монголии, Тукю VI в. и Уйгурам VIII в.**

Это тот самый титул, который западные путешественники, Плано Карпини, Рубрук, Марко Поло, Одорик де Порденон выражают словосочетанием «великий хан».

После падения Уйгуров в 840 г., империя степей практически находилась в упадочном состоянии. Чингиз-хан, объявленный высшим ханом «всех тех, кто живет в войлочных палатках», заявлял, что эта старая империя, поочередно находившаяся во власти предков Тюрков (Хун-ну), затем предков Монголов (Жуан-жуаней и Эфталитов), затем заново Тюрков (Тукю и Уйгуров), была окончательно восстановлена в пользу Монголов. Тюрки, как и Монголы, были, таким образом, включены в новую монгольскую нацию (монгол улус, монголджин улус) и отныне именно под этим именем Монголов будут известны победители и побежденные, Ке-реиты и Найманы, как и Борджигины, «все поколения, живущие

* Пельо пришел к выводу, что для этого слова форма курилтай более предпочтительна, чем курултай у Бартольда и Владимирцова. (Notes sur le Turkestan, Toung-pao 1930, 52, et Sur la legende d'Utuz-khan, ibid., 347).

** Каган было древним наименованием титула жуан-жуаней (то есть монголов), использованного впоследствии правителями тюрков тукю, разрушителями и преемниками империи жуан-жуаней во второй половине VI в. Монгольско-чингизханидская форма кахан в Секретной Истории, по транскрипции, приводимой Хенишем и каан, в других текстах (кан в современном ор-досском), см. Mostaert, Ordosica, Bull.Catholic University Peking, n9,1934,p.73) «Я сомневаюсь, пишет Пельо, что Чингиз-хан носил когда-либо титул кагана. Его истинным титулом мне кажется был Чингис-хан, или Чингиз-хан» (Pelliot, Notes sur le Turkestan, Toung-pao, 1930,1,25). Aussi Pelliot, Les Mongols et la Papoute, Revue de l'Orient Chretien, 1923, 19.

в войлочных палатках », и именно этим именем они будут отныне прославляться.*

Плохо известная часть этого курултая 1206 г. была проведена шаманом Кокчу, также называемым Таб-тангри.**

Отец Кокчу, старый Мунглик, или Мунлик, сыграл значительную роль в жизни Чингиз-хана, женившись в итоге на его матери, вдове Елун-еке.***

Кокчу, магические силы которого были окружены суеверным страхом — он поднимался на небо на сером в яблоках коне и беседовал с духами — объявил на курултае, что Вечное Синее Небо признавало Чингиз-хана как универсального кагана. На это небесное признание новый император ссылался как на основу своей власти. Он именовался каганом (или точнее кааном), повинувшись власти, порядку и могуществу вечного неба (монгка тангри — йин кутчун-дур) и этот протокол мы найдем у его последователей, например, на печати его внука, Великого хана Гуйюка, писавшего папе Иннокентию VI.****

Особенным культом, отмечает Владимирцов, было наделено знамя (туг) Чингиз-хана, Белое знамя с девятью хвостами яка,*****

* Чингизханидские монголы иногда называли себя Голубыми Монголами (Кека Монгол). Уже древние туюку на надписях Кошо-Цайдама называли себя Голубыми Тюрками (Кек Тюрк). См. Thomsen, *Inscription de l'Orkhon*, p.98. Эпитет голубой заимствован у неба, тангри, представителями и уполномоченными которого считали себя каганы ту-кю, называвшие себя посланниками неба на земле (джайагату или джайтату на монг. яз. эпохи Чингиз-хана). Впрочем, известно, что монголов неправильно называли татарами или таргарами и по поводу чего они высказывали свой протест во встречах с западными путешественниками в XIII в. «Монголы, отмечает Рубрук, не желают, чтобы их называли татарами, к тому же Татары были другим народом, как бы я выразился, последующим народом, насколько это мне стало известно (Рубрук, гл. XVIII).

** Э. Хениш переводит Таб-тангри (Теб —тенгери в своей транскрипции *Секретной Истории*), как « ganz gottlich, Uebergott, Erzgott» (*Manghol un niuca tubsaan*, p. 119).

*** Мюнглик, как доверенное лицо Есугея и Елен-еке, имел поручение, что после смерти Есугея он пойдет за молодым Тимужиним и он благополучно привел того к себе. Но некоторое время спустя тот же Мюнглик покинул Тимужина, которому было тридцать лет, уведя с собой стада клана. После первых успехов Чингиз-хана, он, впрочем, вернулся обратно. Именно он предупредил вовремя Чингиз-хана отказаться от встречи с кераитским Ван-ханом, которая была ни чем иным, как западней, устроенной Сангюном. Достоверно, что Мюнглик женился на вдове Елен-еке.

**** Pelliot, *Les Mongols et la Papoute*, *Revue de l'Orient Chretien*, 1923, p.22.

***** Cf. Pelliot, *Notes sur le Turkestan, Toung-pao*, 1930, p.32.

рассматриваемого как символ и жилище духа-хранителя (сул-де) императорского клана, золотого клана (алтан урук) «Именно судде, дух Знамени, говорит Владимирцов, вел Монголов к завоеванию мира».

Шаман Коктчу помог Чингиз-хану установить «религиозные» основы его власти. Явно считая себя неприкосновенным, ввиду своих магических сил, а также из-за положения его отца Мунглика в императорской семье, он вскоре повел себя заносчиво, стремясь, своим сверхъестественным престижем, управлять императором и империей. Он поссорился с Кассаром, братом Чингиз-хана. Чтобы потерять своего врага, он объявил хану странным образом тенденциозное откровение: «Дух мне открыл повеление Вечного Неба. Сначала будет править Темуджин, а после него это будет Кассар. Если ты не устранишь Кассара, то будешь в опасности!». Эти речи, действительно, пробудили подозрение в душе Чингиз-хана, который арестовал своего брата, лишив его шапки и пояса, знаков отличия военачальника. Вдова Елун-еке, узнав об этом, поспешила на помощь Кассару, и освободила его, а затем, обнажив свои груди, в патетическом порыве, описанном Секретной Историей, восклицала: «Вот груди, вскормившие вас. Какое же преступление совершил Кассар, что ты хочешь погубить свою собственную плоть? Ты, Темуджин, ты сосал эту грудь, а твои братья Катчиун и Отчи-гин сосали ту. Один лишь Кассар сосал их обе. У Темуджина дух, а у Кассара сила, и это лучший лучник. Каждый раз, когда племена восставали, его лук и стрелы их обуздывали. Теперь, когда враги истреблены, он стал не нужен!»*

Чингиз-хан, сконфуженный, вернул Кассару его титулы и знаки отличия, и довольствовался лишь тем, что отобрал у него некоторых из его людей. Но шаман, тем не менее продолжал воздействовать на императорскую семью. Теперь он взялся за самого младшего брата Чингиз-хана, за Темуже Отчигина, оскорбив его при всех. Мудрая Бортэ, жена Чингиз-хана, предупредила последнего. «Если при твоей жизни можно оскорблять твоих братьев, то после твоей смерти народ восстанет против твоих детей!». На этот раз Чингиз-хан понял и позволил Темуже избавиться от колдуна. Сцена была короткой. Несколько дней спустя, когда Коктчу приехал со своим отцом Мунгликом в гости к Чингиз-хану, Темуже схватил шамана за горло. Чингиз-хан приказал им выйти наружу, что-

* Перевод Владимирцова, Жизнь Чингиз-хана, 83, Гренар, Чингиз-хан, 63. Итак, давно еще в решающей битве найманов против Тайяна в 1204 г., Кассар командовал центром монгольской армии.

бы там выяснять свои отношения. Как только Коктчу вышел из императорской палатки, три охранника, снятых с поста Темуже, с молчаливого согласия Чингиз-хана, переломили ему позвоночник, «не пролив ни капли крови». Мунглик, понимая, что его сын был мертв, не шелохнулся: «Я служил тебе, о каган, намного раньше твоего восшествия на престол, я буду продолжать тебе служить...». Чингиз-хан назначил, как баки на место Коктчу, «на белом коне и в белом одеянии», Узун, самого старого члена племени Баарин, который был великим, заслуживающим уважения, шаманом.*

Так началась на поляне, под двумя войлочными палатками, ссора духовенства и империи, между колдуном и великим ханом. Но она быстро разрешилась после того, как великий хан умело сломил карьеру колдуна.

Новая монгольская империя. Государство и армия

Устранение шамана Коктчу не помешало новой империи чингизидов опираться на религиозную основу, на старый тюрко-монгольский анимизм, более или менее вобравший в себя китайские элементы и элементы маздеизма. Божеством, эманацией которого является великий хан, остается Тангри, обожествленное небо или бог неба, сходный в некоторых отношениях с китайским Тьеном, не говоря уже о воздействии иранского Хормузда.**

Все последователи Чингиз-хана, пока они не будут полностью синизированы на Дальнем Востоке, полностью исламизированы в Туркестане, в Персии и в России, будут выдавать себя за представителей Тангри на земле, их приказание будет его приказанием, восстание против них будет восстанием против него.

Чингиз-хан и сам каким-то особенным образом преклонялся божеству, находившемуся на горе Буркан Калдун, на современной Кентей, на истоках Онона. Когда, в начале своей карьеры, он убежал, благодаря скорости своего коня, от Меркитов, которые забрали его жену Бортэ, то он укрылся именно там. Сразу же после этого он совершил паломничество, взойдя на гору; после того, как в знак повиновения, по монгольскому обычаю, он снял шапку и набросил ремень на плечи, он девять раз преклонил колени и

* Бартольд, Туркестан, 391.

** В связи с этим, напомним, что Чингиз-хан обратился для своей выводу к духу, даже букве древних протоколов каганов ту-кю VII—VIII веков, такими, каковыми они фигурировали на надписях Кошо-Цайдама: «Я тот, кто подобен Небу и я послан Небом, Бильга каган тюрков». (Thomsen, Inscription de l'Orhon-122).

осуществил ритуальное жертвенное возлияние кумыса, ферментированного кобыльего молока, которое являлось спиртным напитком кочевников. Позднее, прежде чем предпринять великую «национальную» войну против Цинской империи Пекина, он вновь совершил паломничество в Буркан калдун и, приняв ту же смиренную позу, с ремнем на плечах, произнес: «О Вечный Тангри, я вооружен, чтобы отомстить за кровь моих предков, которых Цины заставили умереть с позором. Если ты одобряешь меня, то дай мне в помощь свою силу». Так заставляет говорить его Рашид ед-Дин, и другие источники нам показывают его, накануне этой кампании, закрытым в течение трех дней в своей палатке, один с Духом, в то время как вокруг народ умоляет Небо: «Тангри! Тангри!». На четвертый день, хан-сила-Неба выходит наконец-то из палатки и объявляет, что Вечный Тангри пообещал ему победу.*

Из этой старой анимистической религии с ее культом вершин и источников выйдут предписания, обозначенные как мусульманскими писателями, так и христианскими миссионерами: взойти на вершину священных гор, чтобы приблизиться к Тангри и взывать к нему, сняв шапку и накинув на плечи ремень в знак повиновения, как и перед самим великим ханом; спрятаться, когда оно гремит, то есть когда Тангри выражает свой гнев; не загрязнять источники, населяемые духами, ни водные течения, моясь в них или стирая там одежду (в начале это станет серьезной причиной недоразумений с мусульманским обществом, верным практике омовений).

Отметим, что в своей суеверной боязни Неба и магических формул, Монголы считают осмотрительным заполучить помимо своих шаманов и других возможных представителей Божества, то есть всех предводителей культа, способных обладать сверхъестественными Силами — несторианских священников, которых они найдут обосновавшимися у Керейтов и у Онгютов, буддистских монахов Уйгуров и Киданьцев, таоистских кудесников Китая, тибетских лам, францисканских миссионеров, мусульманских мулл.**

Их благосклонность в отношении представителей этих различ-

* Rachid ad-Din, apud d' Ohsson, I, 123, Vladimirtsov, Life of Chingis khan, 92.

** «В высочайших указах императора Чингиз-хана говорится: «Повелеваю, чтобы хо-шаны (буддистские священники), йеликовены (несторианские священники), сьен-шены (таоистские священники) и ташеманы (мусульманские священники), не облагались ни земельными, ни торговыми, ни другого вида, налогами, но предписываю им взывать к небу и молиться о счастье для императора». Указ императора Хубилая 1275 г. у Шаванна, письменные документы канцелярии, Тун-пао, 1908, 377—378.

ных культов обеспечивало такую же дополнительную страховку в отношении Тангри. Суевренная всеобщая взволнованность создавала, таким образом, всеобщую терпимость. А когда они перестанут быть боязливо суевренными, тогда в Туркестане и в Персии потомки Чингиз-хана сделаются нетерпимыми.

Монгольское государство, основанное на этих принципах, позаимствовало у Тюрков Уйгуров свои инструменты цивилизации: письменность и язык их канцелярии. Мы видели, что в 1204 г., при падении найманского царства, Чингиз-хана взял себе на службу Уйгура Тататонгу, хранителя печати покойного Тайана. Тататонге было поручено обучать сыновей Чингиз-хана писать по-монгольски уйгурской письменностью*, и в то же время он должен был скреплять подписью официальные акты, прикладывая тамгу или императорскую печать,** то, что являлось наброском канцелярии. Начиная с 1206 г., Чингиз-хан наделил функциями великого судьи Чиги-кутуку, Тата-ра, которого он сам и его жена Бортэ в свое время усыновили, когда тот был еще ребенком, и воспитали. Чиги-кутуку было поручено записывать, — разумеется, уйгурской письменностью и на монгольском языке — судебные решения и приговоры, а также распределение населения среди монгольской знати, в «синих тетрадах» (коко-даб-лар), что образовывало одновременно кодекс юриспруденции и, по выражению Пельо, «нечто вроде монгольского Хозьер»***.

Ясак, буквально регламент, т. е. кодекс или свод постановлений обычного права чингизидов, должен был получить свой первый набросок (или свою императорское признание) на курултае 1206 г.****

Через ясак, великий хан «сила Неба» налагает как на гражданское общество, так и на армию (которые, впрочем, смешиваются), строгую дисциплину, желаемую Небом. Это был суровый кодекс: смертная казнь за убийство, серьезную кражу, заранее согласованную ложь, супружескую измену, содомию, колдовство, укрывательство и т.д. Гражданское и военное неповиновение уподоблялось преступлениям общего права, и ясак, будучи одновременно гражданским и административным кодексом, являлся дисциплиной, приемлемой для управления миром. Он был дополнен в том,

* Pelliot, Notes sur le Turkestan, dans Toung-pao, 1930, 34.

** Относительно тамги (торк, слово, монг. транскр. тамара), см. Pelliot, Toung-pao, 1930, 35.

*** Pelliot, Toung-pao, 1930, 38, 40 et sq, rectifiant Barthold et Vladimirtsov.

**** Джасак или джасса по-монгольски, ясак или ясса по-тюркски «регулировать, фиксировать». См. Pelliot, J.A. avril-mai 1913, 456 et avril-juin 1925, 256.

что касается юриспруденции, изречениями (билик) Чингиз-хана, сегодня утерянными, как и впрочем, сам ясак.

Результаты этой монгольской дисциплины удивляли западных путешественников. Лет через сорок после курултая 1206 г., францисканец Плано Карпини, возвращаясь из Монголии, отмечает: «Татары (т.е. Монголы) повинуются своим предводителям как никакой из народов в мире, в большей даже степени, чем наши священники повинуются своим вышестоящим по званию. Они почитают их безмерно и никогда им не лгут. Между ними нет никаких спорных вопросов, разногласий или убийств. Отмечают лишь малозначительные случаи воровства. Если один из них теряет скотину, то тот, кто ее находит, не только не посмеет присвоить ее себе, но и чаще всего приводит ее владельцу. Их женщины очень целомудренны, даже когда они развлекаются». Если сравнить это картину с той, что изображала анархию монгольской страны накануне завоевания Чингиз-ханидов или с моральным состоянием современного монгольского народа, то видно, как ясак Чингиз-хана коренным образом трансформировал монгольское общество.*

На вершине общественного здания возвышалась семья Чингиз-ханидов, или золотая семья (алтын урук), во главе которой стоял великий хан (каган, каан), принцами семьи являлись сыновья великого хана (кобегун). Она владела огромными захваченными территориями так же, как и предки Завоевателя владели своей частью родной степи. С пастбищ (нутук, юрт), признанных за четверьмя сыновьями Чингиз-хана, начались, таким образом, будущие ханства Чингиз-ханидов. Монгольское общество, — а точнее, тюрко-монгольское общество, ведь мы видели, что Чингиз-хан ассимилировал значительное количество тюркских племен Алтая, — оставалось аристократическим по своей организации. Старая «степная аристократия», умело показанная Бартольдом и Владимирцовым, аристократия богатырей (багадур) и предводителей (найон),** продолжала обес-

* Вот каким образом Жуэвиль (изд. Вейли, 263) говорит, опираясь на свидетельства францисканских миссионеров о том, что он знает о ясаке: «Статус, который он (Чингиз-хан) придал им, был предусмотрен для того, чтобы держать народ в мире; он был таким, что бы никто не посягал на чужую вещь, не украл ее, если хотел быть в покое и чтобы никто не прелюбодействовал с чужой женой, ни с дочерью другого, если хотели быть в покое и не быть казненными. Он предоставил им другие возможности для обеспечения мира».

** «В слове Хуа йи йи, от 1389, ноянь является эквивалентом куй — благородный. Современное произношение — нойон, но кажется, что оно звучало для иностранцев средневековья как ноин». (Pelliot, *Revue de l'Orient chretien*, 1924, p.306, 110). Pluriel noyad.

печивать командным составом разные социальные классы: воинов и верных, являвшихся в высшей степени свободными людьми (нокур), во множественном числе (нокуд), простолюдинов, образовывавших простой народ (арат, карачу). Наконец, крепостных (унаган богол), относившихся, в принципе, к монгольской расе. Влади-мирцов различает здесь все элементы феодального общества, эшелоны которого, на различных уровнях иерархии, объединялись между собой наследственной связью личной преданности.

В армии, на различных уровнях военной иерархии, царствовал тот же самый феодальный принцип; та же самая связь личной преданности объединяла командиров десятков (арбан), сотен (джагун), тысяч (минган), десяти тысяч (тумен) солдат. Сотники, тысячники и командующие мириадами были предоставлены большой аристократией (найон). Ниже них, основа армии состояла из маленькой знати свободных людей, которые носили старый тюркский титул — тархан (по-монг. дарган) и имели привилегию сохранять в принципе как свои индивидуальные трофеи, добытые на войне, так и дичь, подстреленную на большой охоте.* Впрочем, несколько тарханов, ввиду своей ценности, были возведены в ранг найонов.

Эта армия, «аристократически организованная», как пишет Владими́рцов, сама имела свою элиту, личную гвардию великого хана. Гвардия (кашик) состояла из десятка тысяч человек. Солдаты этой гвардии (в единственном числе — кашикту, во множественном числе — кашиктан), были теоретически распределены на дневную гвардию (туркак), во множественном числе — (туркаут) и ночную гвардию (кабтаул), во множественном числе (кабтавул) или (кабтаут).** К ним надо добавить (кортчин) или лучников «носителей колчанов». «Количество (кабтаут) увеличилось с 800 до 1000, (корчтин) — с 400 до 1000, а тургаут насчитывали 1000 человек. Численный состав гвардии в результате достиг 10 000 человек»***

В нее могли войти только знатные люди или люди, в высшей степени свободные (тархат, даркат). Простой солдат из гвардии имел превосходство над командиром тысячи человек из остальной армии, и именно из гвардии Чингиз-хан выбирал большую часть сво-их генералов.

* Таркан или даркан в принципе, освобожденный от налогов.(Mostaert, *Ordosica*, p.38) Sur le nokur, Ralph Fox, *Gengis-khan*, 109.

** Что касается данных терминов, см. Pelliot, *Notes sur le Turkestan*, Toung-pao, 1930, 28 et sq. корректирующий Бартольда, Туркестан, 383. Et Chavannes, T.p., 1904, 429-432.

*** Бартольд, Туркестан, 384. Нам известно, что группа из 10 000 человек называлась тюмен; из 100 000 человек — туг (от туг — знамя).

Монгольская армия располагалась, в принципе, по трем направлениям. В соответствии с монгольской ориентацией, то есть лицом к югу: левым флангом (джегун-гар, джаун-гар, джун-гар)* на востоке, на первых порах командовал джелаир Мукали. В центре (гол), находившемся под командованием Баарин Найа, молодой Тангут по имени Чаган, которого Чингиз-хан приютил и вырастил как своего сына, командовал тысячами элитных гвардий. Правым флангом — барагун-гар, бараун-гар, барун-гар,** командовал Арулат Боортчу, или Богурджи. После смерти Чингиз-хана, монгольская армия достигнет численного состава в 129 000 человек; левый фланг, ввиду военных условий, усилится на 62 000 человек, а правый фланг - на 38 000 человек, остальная часть будет распределена между центром и резервом.***

Эта ориентация лицом к югу будет соответствовать целям монгольского наступления, направленного по вееру к разным «южным» странам: захват Китая «с левой стороны», Туркестана и восточного Ирана, с центра, и русской степи «с правой стороны».

Китайские живописцы из школы Чао Монфу замечательно изобразили этого монгольского воина, героя эпопеи, и, читая, как изображает его, после своих путешествий в Монголию, Фернан Гренар, историк Чингиз-хана, мы можем наоборот представить себе, как будто бы разворачиваем полотно этих старых мастеров: «В лагере, сообщает Гренар, солдат носит меховую шапку с наушниками, штаны из войлока и сапоги, шуба у него ниже колен. В бою он надевает кожаный шлем, закрывающий затылок, надевает на себя крепкую и гибкую кирасу из кожаных лакированных черных полосок. Наступательное оружие заключается в двух луках на человека и двух колчанов, кривой сабли, топорика и железной палицы, подвешенной на седло, пики, оснащенной крючком для выбивания всадников из седла, веревки из конского волоса со скользящей петлей»****

* Дословно «левая рука».

** Дословно «правая рука».

*** Бартольд (Чингиз-хан. Исл. Энци.с. 831. Допускает, что во всей монгольской армии насчитывалось 129 000 человек. Подобный подсчет, взятый у Рашид ад-Дина, встречается у Д' Охссона, 11, 3-5. Эрдаманн (Темужин, 455) приводит по тем же персидским источникам другие цифры: охрана — 1000, основные силы — 101 000, правый фланг — 47 000, левый - 52 000, охрана принцев императорской семьи — 29 000 человек. Итого — 230 000 человек.

**** Grenard, Gengis-khan, 76. Плано Карпини, указывая дату 1246 г., дает подробное описание этого оружия, в частности, пики с крючком, которую использовали для того, чтобы подцепить и выбить из седла всадника.

С монголом надо ассоциировать монгольскую лошадь. Впрочем, они близки друг другу, это дети одной степи, взращенные на одной и той же земле, в одинаковых климатических условиях, привыкшие к одним и тем же упражнениям: монгол, он маленький, коренастый, с крепкими костями, широкоплечий, необычайно выносливый. Его лошадь, тоже маленькая и коренастая, неприглядная, «с крепкой шеей, толстоватыми ногами, густой шерстью, но в том, что касается ее пыла, прочности, выносливости, невозмутимости, твердой поступи, она просто великолепна».*

Несомненно, что на заре истории, этот скакун северных кочевников обеспечил превосходство «укротителям индоевропейских лошадей». Ну а в конце античного периода, он уже нес гуннов к завоеванию Китая и Римской империи. И вот, в середине средних веков, вся эта степная кавалерия вновь рвется к золотым дворцам Пекина, Тауриса и Киева.

О монгольской тактике было много написано. Ее сравнивали с тактикой Фридриха II или Наполеона. Кахун рассматривал ее как результат из ряда вон выходящих гениальных замыслов, возникших однажды на каком-то сверхъестественном военном совете. На самом же деле, монгольская тактика — это усовершенствованная старая тактика Хун-ну и Тукю, извечная тактика кочевников, привыкших к регулярным набегам на приграничные участки полей, засеянных культурами, а также к большим охотничьим облавам в степи. «Днем, говорит Чингиз-хан в соответствии с традицией, надо быть бдительным, как старый волк, ночью, зорким как ворон. В бою, кидаться как сокол на свою жертву». Терпеливая засада в ожидании оленьих стад научила кочевников посылать вперед своих сил линию бесшумных и незаметных разведчиков, миссия которых заключалась в том, чтобы наблюдать, но ни в коем случае не попадаться на глаза дичи или врагу. Использование на охоте сети загонщиков научило их практике охвата фланга (ту-лугма), позволившей им охватывать вражескую армию с двух флангов, как охватывают стадо убегающих в прерии диких животных.

Благодаря своей подвижной кавалерии, кочевники производят впечатление неожиданности и повсеместности, которое, еще до всяких действий, приводит уже противника в замешательство. Если у того еще есть силы и он продолжает стойко держаться, то монгольские эскадроны не настаивают, они расплываются, исчезая, наподобие всем степным расхитителям, рискуя вернуться, как только китайский копейщик, хорезмский мамелюк или венгерский всад-

* Гренар, то же самое. Добавим, что это переброженное кобылье молоко, кумыс, который был любимым напитком монголов. Cf. Peliot, J.A., 1920, 1, 170.

ник ослабят свою бдительность. Если противник совершит ошибку и начнет преследовать монгольскую кавалерию в ее ложном отступлении, то горе ему: он заблудится, отдалится от своих основных сил, окажется на неведомой опасной территории, попадет в ловушку, где и будет окружен и повален как скот. Легкая монгольская кавалерия помещалась в авангарде и на флангах, и она должна была привести врага в смятение потоком своих стрел, которые страшно опустошали его ряды. Монгол, как когда-то Гунн — это лучник-всадник. Он рожден на лошади и с детства стреляет из лука. Его стреле без промаха удаются выстрелы, поражающие человека на 200, на 400 метров. К своей неуловимой подвижности он добавляет это тактическое превосходство, уникальное для того времени. Уверенные в своем преимуществе, его авангарды часто сменяли друг друга эшелонами, скрывавшимися из вида после каждого «залпа», и только после того, как враг, заманенный довольно далеко, был достаточно деморализован этой стрельбой на расстоянии. Тяжелая монгольская кавалерия, помещенная в центре, стремительно атаковала с саблями, обращая неприятеля в бегство и рубя все подряд. Во всех этих операциях, Монголы превосходно играли на чувстве страха, который внушала их жуткая наружность и смрадный запах, исходивший от них. Появлялись они внезапно, развертывались, заслоняли горизонт, удивительно тихо подкрадывались мелкой рысью, маневрируя без единого крика, только по знакам знаменосцев. Как вдруг, по сигналу атаки, вся эта кавалерия устремлялась вперед с адскими криками.*

Будучи хитрыми наследниками охотника, доводящего зверя до полной потерянности, чтобы тот сдался на его милость, признав себя побежденным, Монгол и его лошадь будут охотиться на Китайца, Перса, Русского и Венгра, как они охотились на антилопу или тигра. Своей стрелой, монгольский лучник поражал незащищенного доспехами всадника так же, как если бы он поражал летящего орла. Самые удачные монгольские походы - на Трансоксиану и на Венгрию — будут похожи на огромные облавы, с целью измотать «дичь», свести ее с ума, окружить, доведенную до изнеможения, и увенчать охоту методической резней.

Впрочем, вся эта тактика была умело показана Плано Карпини, проницательным наблюдателем, свидетелем которого представляет для нас особую ценность: «При виде врага, они атакуют, и каждый из них пускает три или четыре стрелы. Если же враг не

* Cf. Altunian, Die Mongolen und Ihre Eroberungen, p.74 (Kriegskunst und Taktik der Mongolen), Berlin, 1911.

сломлен, то они отступают к своим, но лишь для того, чтобы увлечь за собой врага и заманить его в заранее заготовленную западню. Если они признают, что вражеская армия сильнее них, то они отдалаются на один-два дня и грабят соседние кантоны... Или же разбивают лагерь где-то на хорошо выбранных позициях и, когда вражеская армия начинает дефилировать, они неожиданно предстают перед взором... Их военные хитрости многочисленны. Первому натиску кавалерии они противопоставляют фронт пленных и иностранных помощников; что касается их главных сил, то они располагаются по правому флангу и по левому флангу для того, чтобы с двух сторон охватить противника, да так умело, что тому кажется, что их намного больше, чем на самом деле. Если противник хорошо обороняется, то они размыкают свои ряды, чтобы открыть ему проход и дать ему вырваться, после чего они бросаются за ним в погоню и убивают столько, сколько смогут. Эта тактика была использована Субо-таем против Венгров в 1241 г., в битве при Сайо. Но они как можно реже идут в рукопашную схватку, стараясь только ранить (стрелами) людей и лошадей». Рубрук описывал подобную тактику, говоря о большой монгольской охоте: «Готовясь к охоте, они в большом количестве собираются вокруг тех участков, где знают, что там находятся дикие звери, и потом постепенно сближаются с ними, до тех пор, пока не поймают их как в сеть, чтобы убить их выстрелами из лука».

Завоевание северного Китая Чингиз-ханом

После того, как Монголия была объединена, Чингиз-хан приступил к завоеванию северного Китая.

Вначале он атаковал царство Си-ся, основанное в Кан-су, в Алашане и Ордосе тангутской ордой, тибетской расы и буддистской религии. Как мы видели, под китайским влиянием их культурный уровень поднялся до определенной планки, в частности, на основе китайских знаков у них была развита особая письменность. Начав войну с Си-ся, Монголы впервые направили свои силы против оседлого и цивилизованного народа. Чингиз-хан попробовал таким образом оценить силу своей армии, атаковав самое слабое из трех государств, которые разделяли землю древнего Китая. Более того, по мере захвата территории Си-ся, он брал под контроль дорогу из Китая в Туркестан, одновременно окружая с запада Цинское царство Пекина, традиционного врага Монголов. Разумеется, Монголы, отлично организованные для разрушения вражеских сил в открытом поле, были достаточно неопытными, когда дело касалось взятия укрепленных городов. Это явно проявится в их походе против Цинов. Уже это было видно в их экспедициях в Си-ся, где, в различные

периоды (1205-1207 гг., 1209 г.), Чингиз-хан опустошал страну, но не смог захватить тангутские столицы, Нин-ся и Ланьчжоу. Правитель Сися — Ли Нганюан (1206-1211 гг.), временно спас свой трон, признав себя плательщиком дани, но в 1209 г. Чингиз-хан вернулся еще раз и осадил Чан-нин, нынешний Нин-ся, который он попытался захватить, отведя течение Хуанхэ. Однако эти работы по преграждению плотиной были слишком тяжелы для Монголов и наводнение пошло не в нужном им направлении. Царь Ли Нганюан вновь приобрел мир, отдав Чингиз-хану в жены одну из своих дочерей (1209 г.)*

После того, как Си-ся было сведено к вассальной зависимости, Чингиз-хан повернулся против Джурджитского царства, то есть против тунгусов северного Китая, так называемой Цинской империи. Мы видели огромную территорию этого государства, которое охватывало Маньчжурию и северный Китай: Хань и Хуай с главной столицей, Пекином, и второстепенными столицами, Татин в Жело-ле, Лю-йан, Татон в Шанси, и Кайфонфу в Хунани. Мы также видели, что Чингиз-хан, в молодости, вместе с Керейтами, воевал в счет двора Пекина против Татар. Поэтому он был клиентом, вассалом Цинов, которые платили ему как наемнику и наградили его за заслуги скромным китайским титулом. Но Цинский царь Матаку (1189-1208 гг.), который мог бы напомнить ему об этой вассальной связи, тем временем умер. Чингиз-хан воспользовался приходом к власти его преемника Чонхей (1209-1213 гг.), чтобы с презрением нарушить верность. Цинский посланник хотел, чтобы Чингиз-хан, как вассал, на коленях встретил извещение о восшествии на престол своего хозяина. Завоеватель вспылал: «Достоин ли такой глупец как Чонхей царского престола и должен ли я позориться перед ним?» и он «плюнул в сторону юга». Чонхей и в самом деле был неудачником, без авторитета, без престижа, неспособный, игрушка в руках его собственных генералов. В данном случае, как это произошло в хорезмийской империи, сильный повелитель, каким был Чингиз-хан, имел шанс, что перед ним оказались жалкие или сверх меры хвастливые противники.

Северные границы Великой Стены со стороны Монголии на севере провинции Шаньси охранялись союзными тюрками в пользу цинов, Тюрками Онгютами, которые проповедовали нескорианское христианство.**

* Yuan-che, trad. Krause, Cingis Han, p.28. ** Cf. Pelliot, Chretiens d Asie Centrale et dExtreme-Orient, Toung-pao, 1914, p.630.

Мы знаем, что в противоборстве между монгольскими племенами предводитель онгютов Алакуш тегин, начиная с 1204 г., встал на сторону Чингиз-хана. Преданность династии Алакуша была весьма эффективной в борьбе Завоевателя против Цинов, что помогло ему открыть ворота вторжения, когда онгюты сделали для него доступными приграничные подступы, которые они охраняли (1211). Чингиз-хан отблагодарил онгютов, выдав одну из своих дочерей — Алагай баки за Пояохо, сына Алакуша.*

Чингиз-хан превратил борьбу монголов против цинов в национальную войну.**

В торжественной обстановке он обратился к Тенгри, вспомнив бывших монгольских ханов, посаженных на кол и пригвожденных джурджитами к деревянным козлам. «О, Вечное Небо! Я еще недостаточно вооружен, чтобы отомстить за пролитую кровь моих близких, братьев моего отца Окинбаркаки и Амбагая, которых цины подлым образом умертвили. Если ты одобряешь меня, окажи мне помощь свыше!» В то же время Чингиз-хан представлял себя, как мститель за бывших правителей Пекина, киданей, когда-то ограбленных цинами. В свою очередь кидане с рвением встали на сторону Чингиз-хана. Один из принцев — Юлю Лиуко из последнего царского клана Юелю, возглавил мятеж в пользу Чингиз-хана в бывшей стране киданей Люохо (юго-запад Маньчжурии) (1212). Мы знаем, что кидане говорили на монгольском языке. Безусловно, между ними и Чингиз-ханом установилась расовая солидарность в борьбе против тунгусской династии Пекина. Чингиз-хан принял клятву верности от Юелю Лиуко и послал ему в помощь армию под командованием найона Джебе. В январе 1213 года Джебе помог Лиуко отнять Лиюань у цинов и сделал его «правителем Люо» в бывшем царстве его предков, поставив его под сюзеренитет монголов. До самой своей смерти (1220), этот потомок бывших правителей киданей проявил себя самым преданным вассалом монгольского императора. Границы цинов, таким образом, оказались разорванными, как на северо-востоке, так и на северо-западе, как со стороны киданей, так и со стороны монголов.

Война Чингиз-хана против цинов, начатая в 1211 г., продолжилась, с короткими передышками, до самой его кончины (1227) и закончилась только с приходом его преемника (1234). Дело в том, что если монголы с их мобильной кавалерией отличались тем, что

* «Энергичная женщина Алагай-баки, после смерти своего мужа, правила своим племенем». (Pelliot, Chretiens d'Asie centrale, I.c., 631).

** Монголы называли императора Цин по имени Алтан-хан {алтан, помонг. имеет то же значение, что и *цин* по-кит.: Золотой правитель.)

грабили села и незащищенные города, у них достаточно долгое время не хватало умения захватывать укрепленные поселения, возводимые китайскими инженерами. К тому же они вели войну в Китае, словно находясь в степи, совершая последовательно разбойничьи набеги, после которых уходили с добычей, оставляя после себя цинов, которые вновь возвращались в города, восстанавливали их из руин, заделывали пробоины, укрепляли форпосты, несмотря на то, что в период войны монгольские военачальники были вынуждены дважды и трижды завоевывать одни и те же города. Наконец, монголы на своих степных просторах, были приучены окончательно завершать военные действия путем уничтожения противника или массовой высылкой или всеобщим сбором под Белым Стягом. В оседлых странах, особенно в густонаселенных китайских муравейниках, убийства ничего не решали, так как всегда кто-то оставался: мертвецы оказывали сопротивление. Заметим, что цины, эти бывшие джурджиты, обустроившиеся и перешедшие на оседлый образ жизни уже почти в течение ста лет, сохранили еще всю мощь тунгусской крови. Таким образом, трудности, которые возникали во время осадных боев, к которым монголы не привыкли, удваивались из-за того, что осаждавшие одновременно сталкивались с изобретениями китайских инженеров и храбростью тунгусских воинов. В остальном, как это мы увидим, Чингиз-хан лично руководил военными действиями только в начале этой войны. После осуществления поставленных целей (1211—1215), Чингиз-хан увел из Китая основные военные силы для захвата Туркестана. После ухода По-трясателя Вселенной, его военачальники вели неэффективные военные действия, которые, конечно, наносили урон цинам, но не в такой мере, что можно было нанести по ним окончательный удар.

Однако было бы несправедливым не признавать, что когда монгольский завоеватель находился в Китае, то он вел военные действия с присущим ему упорством.*

В период 1211—1212 г. он методично опустошал приграничные районы Татуана (Сикин у цинских правителей) на крайнем севере Шаньси и региона Сюаньхуа (в то время Сюаньту) и Пангана на севере Хубея. Страна систематически разрушалась, но укрепленные строения оказывали сопротивление. Если на юге Маньчжурии Джебе, один из лучших военачальников Чингиз-хана, сумел в 1212 г., как мы это знаем, захватить Лиюань, благодаря хитрому маневру отступления, сам Чингиз-хан на севере Шаньси не смог одолеть Татун. С еще большим основанием монголы не могли предпринять

* На источник этой кампании указывает Юань-ши, перев. Краузе, Чингиз-хан, стр. 30-31. Он в период засухи дает точную картину топографии.

методическую осаду Пекина, где располагался императорский двор. В 1213 г. Чингиз-хан, став властителем Сюаньхуа, разделил армию на три части. Первая армия под командованием Джучи, Чагатая и Угэдэя проникла в Центральный Шаньси и достигла Тайюаня и Пиньюаня, города, которые она заняла, по свидетельству Юань ши, но оттуда ушла, чтобы унести добычу на север. Чингиз-хан со своим молодым сыном Толуем, возглавил армию в центре, спустился через долину Хубея, где он захватил Хокьенфу, и, пройдя Шантонг, завоевал Тзинань. Кажется, что кроме Пекина не были взяты только несколько других укрепленных городов, таких как Ченьтин и Тамин в Хубее. Монгольское нашествие дошло до южных окраин Чантона. Наконец, третью армию возглавили Кассар, брат Чингиз-хана, искуснейший лучник армии Чингиз-хана и самый младший брат Темюже Очигин. Они двинулись вдоль залива Печили у самых ворот Юонпина и Лиуси.*

Осуществив тройственный поход, Чингиз-хан объединил войска возле Пекина, чтобы, по крайней мере, взять город в блокаду (1213). Там произошла дворцовая драма, которая пошатнула императорский двор цинов. Цинский правитель Чонхей был убит (1213) одним из своих офицеров по имени Хушаху, который посадил на трон племянника своей жертвы — Утупу. Новый правитель (1213—1223) к несчастью был также посредственен, как и его предшественник. Однако Чингиз-хан не был достаточно подготовлен для обычной осады. Будучи осторожным правителем, он дал согласие, несмотря на нетерпеливость своих военачальников, на мир, запрошенный Утупу. Цины выплатили огромную по военным меркам контрибуцию: золото, шелк, три тысячи лошадей, юноши и девушки, одна из которых, джурджитская принцесса, предназначалась для самого Чингиз-хана, и он, взяв добычу, ушел в Монголию через Калган (1214).

Как только монголы ушли, цинский правитель Утупу, считая, что Пекин недостаточно защищен, покинул его и переехал в Кай-фын (1214). Это напоминало бегство. Чингиз-хан сделал вид, что этот отъезд означал возобновление военных действий и воспользовался этим, чтобы самому покончить с перемирием. Он захватил Хубей и взял в осаду Пекин. Между Пекином и Хубеем в Па-чоу была рассеяна армия, пришедшая на помощь с продовольствием. Придя в отчаяние, правитель Пекина Ваньен Ченхуэй покончил жизнь самоубийством. Монголы захватили город, расправились с жителями, разграбили дома и устроили пожар (1215).**

* Yuan-che, trad. Krause, op.cit., p.32.

** Yuan-che, ibid., p.33. Но он молча обходит случаи расправы — Пекин в повествовании Секретной Истории (Хенищ, с. 86) обозначается по-монгольски под наименованием Джунглу, по-кит. — Чонту.

Разбой и разрушения длились тридцать дней. Очевидно, что кочевники не имели представления, что они могли делать с городом, и каким образом можно было его использовать для укрепления и расширения своей власти. В данном случае наблюдается один из самых любопытных фактов для специалистов человеческой географии: замешательство людей степей, когда, без какой-либо подготовки, судьба дарила им возможность обладать древними цивилизованными странами. Кочевники устраивали поджоги и убивали, конечно, не из-за садистских устремлений, а потому что были растеряны, не зная, что предпринимать в таких случаях. Заметим, что у монгольских предводителей, которые оставались верны ясаку, такой разбой не имел никакого интереса. Военачальник Шижи Кутуку отказался от того, что бы оставить себе что-то от цинских трофеев.*

Этим можно объяснить бедственное положение цивилизации. Монголы Чингиз-хана, такими, какими они предстают из летописных текстов и если рассматривать этих степняков в приватном порядке, не представляли из себя негодяев; они подчинялись правилам ясака, в свою очередь являвшегося неблагодарным делом, что было своего рода кодексом чести и достоинства. К несчастью, они странным образом отстали от предшествовавших им орд, в особенности киданей X в. и даже джурджитов XII в., которые, по крайней мере, не допуская массового кровопролития, обеспечивали тут же преемственность предыдущих династий и избегали разрушать все то, что становилось их собственностью. Чингиз-ханидские монголы, несомненно, не являлись более жестокими, чем их предшественники. Благодаря ясаку они были более организованы и под влиянием Чингиз-хана были более уравновешенными. Они старались соблюдать правила морали, но они совершили гораздо больше разрушений просто потому, что были более неорганизованными и даже из-за того, что они более четко вслед за хун-ну, жуань-жуанями, тукю и уйгурами представляли саму сущность варварства.**

* «Я пришел к выводу, сказал Шижи Кутуку Чингизхану, что все что есть в Пекине принадлежит тебе после его завоевания и никто другой, кроме тебя, не имеет право на что-то претендовать». Подобное поведение Шижи Кутуку, с одной стороны, и Онггура и Аркая, с другой — описывается Эрдманном на основе персидских НСТ04ННКОВ.Temudschin, 329. Cf.Histoire secrete, ed.Haenisch, 86.

** Что касается жестокостей, совершенных в Китае, в частности, в Пекине, армией Чингиз-хана, останков трупов, разбросанных по земле, полей, покрытых человеческими костями, эпидемий, возникших в результате кровавой бойни, то о них рассказывается в мусульманских источниках Табакаати Нашири в изложении хорезмского посла Бега ад-Дина Рази, воочию видевшего эти ужасные события (Бартольд, Туркестан, 393-394). Юань-ши, для которого монгольский завоеватель в ретроспективном плане и посмертно является императором Китая, пытается стыдливо завуалировать имеющиеся факты.

Парадокс Чингиз-ханидской истории заключается в том контрасте, который существовал между мудрой, взвешенной и моральной характеристикой Чингиз-хана, который подчинял свое поведение и действия своих подчиненных принципам здравомыслия и солидным образом обоснованного права и грубым поведением народа, только что вышедшего из первобытной дикости. Он стремился подчинить врагов, только прибегая к системе всеобщего террора. Это был народ, для которого жизнь человеческая ничего не стоила, который, ведя кочевой образ жизни, не имел никакого понятия, что представляет собой жизнь оседлого населения, условия городской жизни, занятие сельским хозяйством, словом все то, что не являлось его родной степью. Удивленность современного историка, в сущности, равносильна той, которая возникала у Рашид ад-Дина или составителей Юань ши перед этой почти естественной смесью мудрости или личной воздержанностью предводителя и свирепости в его воспитании, в его наследственных реакциях, в обычаях окружавшей его среды.

Из числа пленников после взятия Пекина или союзников монгольского режима Чингиз-хан выделил киданьского принца Елю Чуцай, который приглянулся ему «своей статной фигурой, великолепной бородкой, мудростью и внушительным тембром голоса». Он назначил его своим советником. Это был удачный выбор, так как Елю Чуцай выпестованный китайской культурой, обладал качествами государственного деятеля. Он, как и уйгурский хранитель печати Тататонга, был тем советником, в котором нуждался новый владыка Азии. В этот период Чингиз-ханиды не были готовы усвоить уроки китайской культуры, непосредственно преподаваемые самими китайцами. И напротив, китаизированный тюрко-монгол, каким был Елю Чуцай, из киданей монгольской расы, смог умело смягчить возникшие трудности усвоения цивилизованной китайской культуры и приобщить к ней Чингиз-хана, а затем его преемника — Угэдэя, к элементам административного управления и политической деятельности в таком виде, в каком их практиковали оседлые цивилизации.

Цинское царство было отныне ограничено вокруг новой столицы Кайфына, Хунанем и несколькими уездами Шеньси. В 1216 г. монгольский военачальник Самука Багадур* отрезал Шеньси от Хунани и захватил укрепленный форт Дунхуан, который доминировал в данной местности над долиной Желтой Реки, но форт потом перешел во владение цингов. Фактически, как мы это увидим, Чингиз-хан был отвлечен военными действиями в Туркестане и уделял недостаточно внимания китайской войне, и цины воспользовались этим, чтобы ото-

* Из племени сальджиутов (Эрдманн, 328).

брать добрую часть провинций, за исключением территории Пекина, которая осталась монголам.

Однако прежде чем пойти на Запад, Чингиз-хан доверил военные операции в Китае одному из своих лучших офицеров — Мукули или Мукали, который, возглавив относительно небольшое войско, составившее половину регулярной монгольской армии в количестве 23 000 солдат, как монголов, так и местного происхождения,* приложив выдержку и умение, одержал выдающиеся победы и за семь непрерывных кампаний (1217—1223) вновь вынудил цинов уйти в Хунань.**

Начиная с 1217 г., он захватил Тамин на юге Хубея, это было укрепленное место, где когда-то Чингиз-хану было оказано упорное сопротивление.***

В 1218 г. он отнял у цинов столицы провинции Шаньси, Тайюань и Пинюан, а в 1220 г. — столицу Шаньдуна — Тзинань. В районе Хунаня на севере Желтой Реки один из его подчиненных офицеров захватил Чанту (1220). В 1221 г. он отнял у цинов несколько городов северного Шеньси, такие как Паонган и Фучеу. В 1222 г. на юге Уэя, древняя столица Шеньси - Чанъан оказалась в его руках. В 1223 г. он отвоевал у цинов важный район Хочона, нынешний Пучеу, который цины внезапно захватили, до этого, на юго-западном изгибе Шеньси, в излучине Желтой Реки, когда он, обессилевший, умер. Хочон после его смерти еще раз был взят цинами, настолько в этой перенаселенной стране, ошетилившейся естественными преградами, войны превратились в нескончаемую череду осадных сражений. Добавим, что после таких сражений монголы приспособились к подобного рода военным операциям, широко привлекая как дополнительную силу самих киданей, союзников джурджитов и китайских инженеров.****

Завоевание монголами древней империи кара-китаев

В то время как Чингиз-хан начал завоевывать Северный Китай, один из его личных врагов — Кучлуг, сын последнего предводителя найманов, стал хозяином империи Центральной Азии, империи кара-китайских гур-ханов.

Нам известна история этого государства, основанного на Или, Чу, Таласе и Кашгарии фамильной ветвью киданей в Северном

* Всего 62 000 по оценке Бартольда, (Чингиз-хан, Ислам. Энцикл., 882.)

** Yuan-che, trad.Krause, loc.cit.,35-38.

*** Но и здесь монголы не закрепились прочно в Тамине, так Мукалибыл вынужден во второй раз в 1220 г. захватить его (Краузе, 36)

**** Это был именно офицер цинов, примкнувший к монголам Миньян, который с также примкнувшим отрядом джурджитов, участвовал наряду с Самукой во взятии Пекина. См.Erdmann, Temudschin, 328.

Китае, известной в истории под именем кара-китаев или черных киданей. Это был народ, как мы это тоже знаем, или вернее, аристократия монгольской расы, впитавшей китайскую культуру, наложенной на мусульманские тюркские народы региона. Кара-китайские монархи, столица которых находилась в Баласагуне, на верхнем Чу, на западе от Иссык-Куля, и носивших имперский тюркский титул гур-ханов «вселенских ханов», имели в качестве вассалов: 1. На востоке — уйгуров, тюркской народности, исповедовавших буддизм и несторианство, проживавших в стране Бешбалыка (Кучана, Турфана, Карашара и Кучи); *

2. На севере — карлуков, другого тюркского народа с нижнего течения реки Или, частично исповедывавших несторианство; 3. На юго-западе — шахов или султанов Хорезма, мусульманских тюрков, историю которых мы вкратце изложили и которые господствовали в Трансоксиане и Восточном Иране.**

При гурхане Юэлиу Челуку (1178-1211) кара-китайская империя пришла в упадок. Этот монарх, который, однако, не был лишен в критические моменты энергии, смелости, но проводивший праздную жизнь и любивший поохотиться, был причиной разложения империи. В 1209 г. Идикут Баурчук, правитель уйгуров, отказался от его сюзеренитета и принял сюзеренитет Чингиз-хана. Представитель гур-хана в Уйгурии, некий Шаукам, который находился в Турфане или Кара-ходже, был казнен.***

Чингиз-хан, который видимо постоянно благосклонно относился к уйгурам, пообещал идикуту в жены свою дочь Альгалтун или Алтун-баки.****

Весь северо-восток зоны обитания кара-китаев перешел, таким образом, в распоряжение монголов. В 1211 году Арслан, повелитель карлуков нижнего Или (со столицей Каялыг) и Бузар, тюркский авантюрист, ставший повелителем Алмалыка (неподалеку от современной Кульджи) на верхнем Или, отказался даже от сюзеренитета кара-китаев, чтобы объявить себя вассалом Чингиз-хана, настолько привлекательность единой Монголии сильно подействовала на всех малых тюркских принцев Гоби и Балхаша. Тем не ме-

* Уйгурские правители в эпоху чингизханидов носили титул идик кутов или идикутов «святейшее величество», которое носили уже в VIII в. предводители тюркского народа басмилов, обосновавшихся в том же регионе Бешбалыка, нынешнем Кучане. См. Бартольд, Тюрки, Ислам. Энцикл., с. 949.

** См. выше, стр. 222.

*** По Джувейни (Бартольд, Туркестан, 362).

**** Альгалтун по Секретной Истории.

нее, не Чингиз-хан нанес сокрушительный удар кара-китаем, а напротив, это осуществил один из личных врагов принца Кучлуга, сын последнего тайяна найманов.

Изгнанный из родных земель великого Алтая, после побед Чингиз-хана, Кучлуг после смерти отца и разгрома своего народа, направился искать удачу в Восточном Туркестане в то же время, что и его старые союзники, остатки меркитов. Последние сделали попытку обосноваться в Уйгурии, но уйгурский идикут Баурчук отразил их нападение.*

Кучлук был вне себя от радости. Старый гур-хан Челуку принял его в Баласагуне, оказал знаки доверия и выдал за него свою дочь (1208). Но найманскому принцу не терпелось быть полновластным правителем. Чувствуя ослабление власти своего тестя, он принял решение, несмотря на все хорошее, что тот ему сделал, сменить его на троне. Он вошел в сговор с одним из вассалов кара-китаев — султаном Хорезма — Мохаммедом для того, чтобы сместить гур-хана и поделить территорию кара-китаев.**

Хорезмийцы первыми начали военные действия, но кара-китайцы организовали энергичное контрнаступление и оккупировали Самарканд (1210). Но в это же время со стороны Или, Кучлуг восстал против гур-хана и разграбил казначейство этого монарха в Юзкенде в Фергане, откуда он направился в Баласагун, столицу кара-китаев. Гур-хан, отказавшись от своих иллюзий, оказал сопротивление и одержал даже победу над Кучлугом около Баласагу-на, но на другом театре военных действий у Таласа его военачальник Таюанку был взят в плен хорезмийцами. Отступавшая армия кара-китаев оказалась перед закрытыми для нее воротами собственной столицы — Баласагуном, жители которой совершили предательство, несомненно, будучи тюркской расы, они посчитали, что наступил час освобождения от господства киданей. Пришедшие в негодование кара-китайцы взяли штурмом Баласагун и опустошили его.***

В пылу этой неразберихи Кучлуг внезапно напал на Челуку и взял его в плен (1211). Кучлуг, впрочем, отнесся к тестю с человечностью и почтением, продолжая рассматривать того единственным монархом в течение двух лет до самой его смерти, после чего он стал править от его имени.

Став полновластным хозяином империи кара-китаев, найманский монарх чуть было не повздорил со своим бывшим союзни-

* См. Бартольд, Туркестан, 362, и 4.

** Бартольд, тоже самое, 356, по Джувейни.

*** Джувейни в данном случае является основным оригинальным источником, он дает две версии событий. См. дискуссию Бартольд, Туркестан, 358, 352, 367.

ком — султаном Мохаммедом Хорезмийским в вопросах делимитации границы. Мы знаем о твердости султана, которую он проявил на севере по линии Сырдарьи в Отраре, Шаше (Ташкенте) и Сайра-ме (Исфиджабе); но, посчитав, что удерживать ту местность было трудным делом, он увел жителей на юг реки.

Фактическое или правовое правление Кучлуга в империи кара-китаев продлилось с 1211 г. по 1218 г. Этому кочевнику из Алтая, ставшему предводителем в большей части оседлого населения, было нелегко им управлять. Кашгария, как известно, управляемая мелкими мусульманскими тюркскими правителями караханидской династии, зависела от империи кара-китаев. Незадолго до своего смещения с трона, гур-хан Челуку взял в плен сына караханидского хана Кашгара.*

Кучлуг освободил молодого принца и отправил его уполномоченным для управления Кашгаром, но кашгарские эмиры отказались принять его, и убили (к 1211 г.). Кучлуг в течение двух или трех лет совершал опустошительные набеги на Кашгарию (1211—1213 или 1214) и, в конце концов, голод вынудил жителей Кашгара повиноваться Кучлугу.**

За этим актом подчинения последовало жестокое преследование по религиозным мотивам. Кучлуг, подобно многим найманам был скорее несториянцем. Вскоре под влиянием своей жены — кара-китайской принцессы, дочери гур-хана, которая была убежденной буддистской, Кучлуг вознамерился, чтобы мусульмане Кашгара и Хотана поменяли религию, дав им возможность выбора между буддизмом и христианством. Глава имамов выразил по этому поводу протест и был распят за это на воротах медресе. После подобных актов насилия, Кашгария, земля полностью исламизированная, вынуждена была относиться к монголам как к освободителям.

Кучлуг не стал отчуждаться от населения Или. Правитель Алмалыка (Кульджи) Бузар, как известно, признал Чингиз-хана. Кучлуг застал его врасплох и умертвил,*** но не сумел захватить город Алмалык, который защищала вдова Бузара — Салбак Туркан. Сын Бузара и Салбак, Сукнак тегин в борьбе против него стал одним из самых рьяных сторонников Чингиз-хана.****

* Этому хана звали Арслан-хан Абуль Модзаффер Юсуф (умер в 1205 году). Его сын — последний караханид, о котором здесь идет речь, это Арслан-хан Фатх Мохаммед — умер в 1211 г. См. Бартольд, Туркестан, 363 и 366 по Джувеини и Джамало Карши.

** Бартольд, 368.

*** К 1211 г., по Джамало Карши, к 1217—1218 годам, по Джувеини. См. Бартольд, Туркестан, 401 и 368.

**** И здесь две различные версии Джувеини и Джамала Карши у Бартольда, Туркестан, 401.

Чингиз-хан практически не мог поставить правителем каракитайского царства своего старого врага. В 1218 г. он поручил одному из своих лучших офицеров — найону Джебе напасть на него с армией в 20 000 человек. Джебе получил приказ вначале защитить Алмалык и вотчину Сукнак тегина, но по его прибытии Кучлуг покинул страну и скрылся в Кашгарии. Баласагун и все нынешнее Семиречье сдались без сопротивления. Джебе пошел оттуда в Каш-гарию, где мусульманское население после недавних преследований встретило его как освободителя. Джувеини, говоря о том, как Джебе навел в своих войсках самую строгую дисциплину, запретил всякий грабеж, что было встречено с одобрением местными жителями, говорит нам, как о благословении Аллаха.*

Что же касается Кучлуга, то он бежал в сторону Памира, но был настигнут гонцами Джебе и убит у реки Сарык-коль (1218).**

Весь Восточный Туркестан с Или, Иссык-Кулем, Чу и Таласом был присоединен к монгольской империи.

Разрушение Чингиз-ханом Хорезмийской империи

Империя Чингиз-хана стала отныне непосредственным соседом Хорезмийской империи.***

На стороне Чингиз-хана находилось все монгольское, тюркское население, шаманисты, буддисты и несторианцы Монголии вместе, после присоединения вотчины кара-китаев, мусульманской Кашгарии, с чисто тюркской культурой, испытавшей незначительное иранское влияние. Со стороны Мохаммеда Хорезмийского напротив существовала мусульманская тюркская династия, полностью иранизированная, с тюрко-иранским населением Трансоксианы, чисто иранское, во владениях: Хорасан, Афганистан и Ад-жемистский Ирак. С личностной точки зрения существовал резкий контраст между Чингиз-ханом и Мохаммедом Хорезмийским. Первый имел уравновешенный темперамент, был осторожным, упорным и настойчивым. Второй, будучи неистовым искателем приключений, отличался фривольностью, был неорганизованным, несобранным, которого первые победы над гуридами и кара-китаями наполнили гордостью, а первое поражение его настолько деморализовало, что он растерял все свои качества настолько, что из героя превратился в бедолагу, почти труса. Из этих двоих персонажей,

* См. Бартольд, Туркестан, 402 по Джувеини и Рашид ад-Дину с критикой Абуль Гази, перевод Демезона, 102.

**Pelliot, Notes sur le Tukkestan, 55.

*** В Секретной Истории монголы называют хорезмийцев сартами, сар-гул, сартагол, Хениш, 87.

варвар-кочевник был из когорты руководителей, в то время как иранизированный тюрк, император мусульман и правитель оседлых стран обладал душой странствующего рыцаря.

В остальном, повторимся, эта империя Хорезма, которую Чингиз-хан разрушил в 1220 г., появилась не ранее 1194 г. Начиная с 1212 г., Мохаммед, покончив счеты с последним караханидом Самарканда — Османом, окончательно обосновался в Самарканде, куда он перевел столицу из Ургенча, что около Хивы. Это была империя в самом расцвете своего создания, совершенно новое господство с неожиданно возникшим хозяином. Станным образом устроенное господство, у которого для поддержки не было ничего аналогичного, что можно было бы сопоставить с ясаком Чингиз-хана, не было ничего такого, что могло бы поколебать солидный престиж возрожденной империи бывших каганов. Этнически разделенная между таджиками, иранским населением городов и культур, с одной стороны, и, с другой — тюрками, составлявшими костяк армии, хорезмийская империя не была основательной. Она не опиралась, как это было у сельджуков, на полный тюркский клан, который полностью принял ислам и был способен создавать военную знать ата-беков. Хорезмийская династия вышла из династии сельджукской знати без клана, который бы стоял за ней. Даже само хорезмийское царство — Хива, была не так велика, чтобы прокормить солидную тюркскую феодальную знать. Результатом явилось то, что армия была создана из случайно завербованных наемников во всех племенах гузз или канкли из киргизских степей, беспринципных воинов, которыми овладевала одна только мысль: предать лишь для того, чтобы быть завербованными в великую Чингиз-ханидскую армию. Заметим, что родня султана была раздираема бесконечной ненавистью. Мать султана, грозная Туркан хатун, питала ко всем отвращение и делала все для своего внука Джелал ад-Дина, любимого сына Мохаммеда, единственного мужественного человека этой династии, которой было суждено исчезнуть.

При такой разнородной и рыхлой структуре, знамя исламизма могло способствовать единению и сплоченности. Подобно наследнику великих сельджуков — Санджару, на которого он стремился походить, Мохаммеду Хорезмийскому предстояло сыграть особую роль. Было бы достаточным, чтобы он провозгласил себя сторонником Ислама, чтобы он призвал к священной войне, к джихаду против монголов-язычников, буддистов или несторианцев. Но в результате огромной глупости, этот монарх, который рассчитывал повторить путь великих сельджуков и стать, как они, султаном Ислама, насмерть поссорился с Багдадским халифом, когда в 1217 г. он на-

меревался напасть на него. Халиф ан-Насир (1180—1225) относился к нему, как к злейшему врагу и скорее помолится бы за монголов, чем за него. Эта смертельная ссора султана и халифа явилась причиной того, что мусульманский мир раскололся и оказался обессиленным перед монгольским вторжением.*

Разрыв отношений Чингиз-хана и хорезмийцев произошел по вине последних. Чингиз-хан пытался установить нормальные торговые и политические связи с Хорезмийской империей. Итак, в 1218 г., караван, отправленный из Монгольской империи и впрочем, состоявший за исключением монгольского посланника Укуны из мусульман, был задержан в Отраре, приграничном городе Хорезмийской империи на средней Сырдарье. Караван был разграблен, а все участники каравана в составе ста человек казнены хорезмийским правителем Инальчиком, известным в истории также под титулом Кадыр-хан.** Чингиз-хан потребовал извинения и возмещения за причиненный ущерб. Получив отказ, Чингиз-хан стал готовиться к войне.***

Мобилизация монгольской армии имела место летом 1219 года на верхнем Иртыше. Осенью Чингиз-хан прибыл в Кайалык на юго-востоке Балхаша к карлукам, правитель которых Арслан-хан присоединился к нему. К Чингиз-хану присоединились также со своими войсками Сукнак тегин, новый правитель Алмалыка и идикут

* Добавим, что даже в Трансоксиане Мохаммед навлек на себя враждебность со стороны мусульманского «духовенства», расправившись в 1216 г. с шейхом Медж ад-Дином Багдада из ордена Суфи Кубрави. — Что касается истории монгольского вторжения в мусульманский мир, у Бартольда имеется критика арабо-персидских источников «Туркестан в период монгольского нашествия», 38-58. Напомним, что тремя оригинальными источниками являются: Несса-ви, в 1223 г., секретарь шаха Хорезма — Джелал ад-Дина, жизнь которого он описал на арабском языке. Джузджани, бежавший в 1227 г. из Афганистана в Индию от монгольского владычества, где он написал к 1260 г. на персидском языке Табагати Нашири, Джувейни, сын перса на службе у монголов, и ставший сам монгольским чиновником с молодых лет. Он совершил в 1249—1251 годах, и снова в 1251-1253 гг., путешествие в Монголию, и монголы назначили его в 1262 г. управляющим (маликом) Багдада, к 1260 г. он написал историю Чингиз-хана («Историю Завоевателя Вселенной», Тарихи Джихан-гушай). Он умер в 1283 г. Наконец Рашид ед-Дин (1247—1318), о котором мы поговорим попозже, в ту эпоху, отчасти, находился в зависимости от Джувейни.

** Что касается данных имен см. Pelliot, Notes sur le Turkestan, Toung pao, 1930, I, 52-53.

*** Нессави связывает эту расправу караванщиков из-за личной скупости Инальчика. Джузджани считает, что его тайно поддерживал Мохаммед. Ибн аль-Атир считает, что в преступлении виноват сам Мохаммад. Джувейни сообщает, что Инальчик был оскорблен одним из караванщиков, который не выказал ему уважения (Бартольд, 398).

Баурчук, предводитель уйгуров. Монгольская армия, по подсчетам Бартольда, насчитывала от 150 до 200 000 человек, по количеству уступала хорезмийским войскам, но отличалась дисциплинированностью и имела весьма оперативный «штаб».

Мохаммед Хорезмийский распределил и расставил свои войска на линии Сырдарьи и укрепленных местах Трансоксианы. Следствием оказалось то, что, несмотря на количественное преимущество всей армии, силы, рассредоточенные по многим участкам, оказались в меньшинстве по количеству. Чингиз-хан проник в Хорезмийскую империю около Отрара на средней Сырдарье. Одна из монгольских армий во главе с двумя сыновьями Чингиз-хана, Чагатаем и Угэдэем, была сосредоточена перед укрепленным городом, который был взят после длительной осады. Другая армия под командованием Джучи, старшего сына завоевателя, спустилась вдоль Сырдарьи, захватила Сыгнак напротив нынешнего города Туркестана и Джэнд, неподалеку от сегоднешнего Перовска. Пять тысяч монголов, которые пошли вверх по Сырдарье, захватили Бенакет на западе от Ташкента и взяли в осаду Ходжент, город, правитель которого, энергичный Тимур мелик сумел после удачной обороны уйти вниз по течению Сырдарьи на барке. Бар-тольд справедливо замечает в связи с этим, что в этой войне у мусульман отмечалось больше актов личного героизма, и было больше рыцарей, чем у монголов, но последние отличались именно высокой организованностью, единством командования и дисциплиной, всем тем, что обеспечивает успех в войне.

Сам же Чингиз-хан со своим младшим сыном Толуем во главе основных сил монгольской армии пошел на Бухару, которую он достиг в феврале 1220 г. Тюркский гарнизон сделал попытку прорваться сквозь ряды осаждавших для того, чтобы вырваться из окружения, но затея оказалась безуспешной, отряд был разгромлен. Население, покинутое своими защитниками, вынуждено было капитулировать (10 или 16 февраля 1220 г.). Крепость, в которой укрылись четыреста человек, была взята штурмом, а ее защитники уничтожены. Город подвергся полному и планомерному разбою. Население было ограблено, подвержено унижениям, с ним обошлись по-варварски грубо, с необычайным насилием, но в принципе казни подверглись те из числа мусульманского «духовенства», которые попытались воспрепятствовать насилию и святотатству победителей. Бартольд считает легендой рассказ Джувейни, в котором говорится, что Чингиз-хан якобы явился в большую мечеть, чтобы выступить перед толпой и представить себя наказанием божьим.*

* Бартольд, Тамерлан, 409-410.

Он также считал, что пожар, в котором Бухара была сожжена дотла, оказался, вероятно, непроизвольным.

Из Бухары Чингиз-хан направился в Самарканд. При подступах к Самарканду его нагнали сыновья — Чагатай и Угэдэй, которые захватили Отрар. Население Самарканда, отчасти иранского происхождения, осмелилось оказать сопротивление, но было наголову разгромлено, а сам город, по свидетельству Джувейни, сдался пять дней спустя (март 1220 г.). Самарканд был полностью разграблен после того, как город был очищен от жителей для удобства проведения грабежей. Многие из жителей были умерщвлены. Жители Самарканда, представляющие ту или иную ценность, как, например ремесленники высокой квалификации, были депортированы в Монголию. Тюркский гарнизон, который спонтанно присоединился к монголам, тем не менее, был полностью уничтожен. В противоположность тому, что произошло в Бухаре, представители мусульманского духовенства отказались от попытки к сопротивлению и в принципе избежали расправы.* Те, кому удалось спастись подобным образом, получили разрешение вернуться в Самарканд, но, в общем, кровавая расправа была настолько ужасающей, что едва нашлось жителей, которые могли бы разместиться в одном квартале. Гурганджи, сегодняшней Ургенч около Хивы, бывшая собственно столица Хорезма, была взята к апрелю 1221 г., после длительной осады, которая сковала силы двух сыновей Чингиз-хана - Джучи и Чагатая, которые к концу осады запросили в помощь третьего Чингиз-ханида — Угэдэя.** Все население города, за исключением искусных ремесленников, депортированных в Монголию, было полностью истреблено. Монголы завершили разрушение города тем, что затопили его в водах Амударьи.

Во время завоевания Трансоксианы монголами султан Мохаммед Хорезмийский, приведенный в ужас от катастрофы, которую спровоцировали его легкомыслие и самолюбование, начав с бахвальства и, закончив полным крахом, оставался пассивным, а затем сбежал в Балх. Оттуда он направился в Западный Хорасан, на-

* То же самое, 413.

** При осаде Ургенча, участвовали Боорчу, командующий отрядом личной гвардии Чингиз-хана и Тулун-черби, командующий тысячным отрядом правого крыла. Оба они являются известными полководцами монгольской военной истории. В период этой довольно тяжелой осады, Джучи проявил себя достаточно посредственным руководителем. Его препирания с Чагатаем, который резко его упрекал за нерешительность, вынудили Чингиз-хана отдать их под начало их брата Угэдэя. Что касается этой осады см. Бартольд, Туркестан, 433, 437, который проанализировал арабские и персидские источники (Нессави, Джувейни, Рашид ад-Дин и др.).

шел убежище в Нишапуре, а затем, все более и более охваченный страхом бежал в Казвин на северо-западе Аджемистского Ирака на дальней границе своего государства. Но Чингиз-хан бросил вдогонку кавалерийский отряд под командованием своих лучших военачальников — Джебе и Суботая. Это была безумная гонка. При приближении Джебе и Суботая, Балх откупился и там был назначен новый правитель. Нишапур отделался тем, что выслал навстречу делегацию: Джебе спешил и не смог остановиться в этом городе. Напротив Туе, Дамган и Семнан были разгромлены Суботаем. Два монгольских военачальника продолжили преследовать Мохам-меда, напали на его след в Аджемистском Ираке и неожиданно захватили Рэй, где они уничтожили все мужское население и взяли в плен женщин и детей. Они кавалерийским галопом двинулись в сторону Намадхана и достигли Каруна, где Мохаммед едва не попал в плен, но затем его следы были потеряны. Монголы отомстили, разрушив Зенджан и Казвин. Что касается неудачливого Мо-хаммеда, то он скрылся на одном из островков Каспийского моря напротив Абескуна. И там, истощенный морально и физически, он скончался к декабрю 1220 года. Далее мы увидим продолжение рейда Джебе и Суботая через Азербайджан, Кавказ и Южную Россию.* Покончив с султаном Хорезма, Чингиз-хан переправился через Амударью весной 1221 г. и предпринял захват Афганистана и Хорасана, преследуя остатки хорезмийских войск.** Он оккупировал Балх, подчинение которого не помешало тотальному разрушению: расправа над жителями, пожары в городе. Он направил своего сына Толуя, перед которым капитулировал Мерв, население которого также было уничтожено (конец февраля 1221 г.). Толуй, восседая в долине на золотом троне, лично командовал этой коллективной резней. Мужчины, женщины, дети были разделены по группам и отправлены по войсковым частям и казнены: «жизнь была сохранена четыремстам мастерам». Мавзолей султана Санджара был сожжен, а его склеп опустошен. (Это было в тот период, когда, следуя традициям, огузский клан, который кочевал в регионе Мерва, направился в Малую Азию, где сельджуки предоставили ему земли и где он заложил основы Османской империи). Далее Толуй нанес вездесуде Нишапур, который имел несчастье немного раньше, в

* См. Бартольд, Туркестан, 420-426, дан критический обзор данных Нессави, Джувейни и Джузджани.

** И здесь я еще следую хронологии, предложенной Бартольдом, Туркестан 427-455. Он дает критический обзор сведений, предоставленных Нессави, Джувейни и Джузджани.

ноябре 1220 г. оказать сопротивление и убить монгольского военачальника Токучара, зятя Чингиз-хана. 10 апреля 1221 г. Нишапур на этот раз был взят штурмом армией Толуя и полностью разрушен. Вдова Токучара главенствовала в резне. Чтобы избежать симулирования, были отрублены головы трупов, были сооружены пирамиды из человеческих голов отдельно мужчин, женщин и детей: «умерщвлены были все, вплоть до кошек и собак». Монголы разрушили около Туса мавзолей халифа Гарун аль-Рашида. Могила Сан-джара, усыпальница Гарун аль-Рашида, все то, что составляло славу этой блестящей арабо-персидской цивилизации, было подвергнуто систематическому разрушению. Затем Толуй захватил Герат, хорезмийский гарнизон которого оказал сопротивление, но его гражданское население открыло врагам ворота города. Монголы расправились с солдатами, но на этот раз пощадили население.

В дальнейшем Толуй присоединился к Чингиз-хану около Талекана. Чагатай и Угэдэй, которые захватили Ургенч, также объединились с войсками Чингиз-хана под Талеканом.

Разрушив Талекан, Чингиз-хан перешел через Гиндукуш для того, чтобы взять в осаду Бамиян. При осаде был убит молодой Мутужен, сын Чагатая и любимый внук Чингиз-хана. Завоеватель сам объявил эту новость отцу во время обеда, запретил, основываясь на ясаке, оплакивать умершего, но устроил в его честь кровавые похороны. Не было никакой добычи: все было разрушено, в плен никто не был взят, «все живое было умерщвлено». Бамиян получил имя проклятого города.*

Тем не менее, хорезмийский монарх Джелал ад-Дин Мангуберди,** сын покойного султана Мохаммеда, избежал катастрофы, которая случилась в Трансоксиане и Хорасане, прорвав в Яесе заградительные отряды монгольских войск. Скрывшись в Газни, в сердце афганских гор, он приступил к воссозданию армии. Он даже разбил монгольский военный корпус в Перване на севере Кабула, которым командовал Шижи-кутуку.***

* По Джувейни и Рашид ад-Дину.- Любопытно, что Джузджани и Нессави не упоминают осаду, но сообщают, что Чингиз-хан направился напрямиком из Талекана в Газну. См. Бартольд, Туркестан, 444.

** Тюрк Мангуберди, «Данный Богом».

*** Раверти задается вопросом, идет ли здесь речь о Перване, который возвышается в долине Пандшира. Он указывает на другой Перван, расположенный близ истоков Лугары, притока реки Кабул. (Raverty, traduct. Du Tabaqut-i Naciri, 288, 1021).

Чингиз-хан, полный решимости отомстить за поражение своего полководца, двинулся с армией в направлении Газни, где Джелал ад-Дин не осмелился выйти к нему навстречу. Газна не оказала никакого сопротивления, но Чингиз-хан, спешивший пленить Джелал ад-Дина, отложил на более поздний срок ритуальное разрушение города. Наконец, он достиг хорезмийского монарха на берегах Инда и разрубил на куски его солдат 24 ноября 1221 г., как об этом свидетельствует Нессави. Сам же Джелал ад-Дин сумел вырваться в полном всеоружии верхом на лошади, и бросился в реку под градом выпущенных в него стрел. Ему удалось здоровым и невредимым перебраться на другой берег, откуда он направился искать убежища у султана Дели в декабре 1221 г.*

Монголы, впрочем, не стали его тут же преследовать на индийской земле. Только на следующий год один из отрядов монголов под началом найона джалаира Балы, провел рекогносцировку вплоть до Мултана, но был вынужден ретироваться из-за наступившей жары. В итоге семья Джалал ад-Дина без него самого попала в руки монголов, которые уничтожили всех детей мужского пола.

Однако монгольское поражение в Перване вдохновило последние города, не подвергшиеся нападению в Восточном Иране. Чингиз-хан прежде всего свел счеты с жителями Газни, которые были полностью уничтожены за исключением ремесленников, которых отправили в Монголию. После парванского сражения восстал Герат в ноябре 1221 г.**

14 июня 1222 г. монгольский военачальник Альжигидай захватил Герат после шести месяцев осады. Все население подверглось казни и кровопролитие длилось целую неделю. «Возвращенцы», которые вновь начали заселять Мере, допустили безумную оплошность, убив персидского префекта, оставленного Толуем и стали приветствовать Джелал ад-Дина. Шижи-кутуку уничтожил их всех до последнего с беспощадным деспотизмом. Завершив кровавую бойню, монголы в целях предосторожности сделали вид, что уходят. Они удалились на определенное расстояние, а несчастные жители, которым удалось избежать кровопролития, скрываясь в окрестностях или подвалах, возвращались один за другим и, когда оставшиеся в живых посчитали, что враг ушел, и поверили в хороший исход, монгольский арьергард, как в страшной сказке, вдруг вновь возникал и принимался за их уничтожение.

* Nessawi, trad.Houdas, 138-141.

** См. Бартольд, Туркестан, 446-449, особенно то, что связано с Нессави и Джувейни.

Следует особо отметить, что в Трансоксиане и Восточном Иране у монголов в общем возникло меньше трудностей, чем в Китае при взятии укрепленных городов. Это объясняется, с одной стороны, тем ужасом, который испытывали перед ними в мусульманских странах, как перед «язычниками», скажем сегодня перед дикими кочевниками, этот ужас был гораздо сильнее, чем то, что происходило в Китае, где к их соседству привыкли с давних времен. К тому же кажется, монголы больше чем на Дальнем Востоке использовали местное население. Для того чтобы захватить город, монголы насильно собирали мужское население близлежащих районов, деревень, неукрепленных городов, а затем они гнали множество людей, вооруженных мечами для атаки, на рвы и крепостные стены. Что из того, что их уничтожали собственные соотечественники, главным было то, чтобы эти рвы наполнились трупами, а частые штурмы обессиливали защитников крепости. Иногда они передевали этих несчастных в монголов, давая каждой десятке по одному монгольскому флагу, таким образом, что гарнизон крепости считал, что имел дело с огромной Чингиз-ханидской армией. Благодаря подобной военной хитрости зачастую случалось, что немногочисленный монгольский отряд одерживал победу. А затем за ненадобностью, они уничтожали эту человеческую массу. Подобная широко распространенная гнусная тактика, доведенная до совершенства духом дисциплины и организованности монголов, превратилась в одну из традиционных тактических приемов. Используя пленников Бухары, Чингиз-хан осуществил осаду Самарканда, в свою очередь пленники Самарканда послужили при осаде Ургенча. Нечто подобное случилось с сельским населением Хорасана, когда Толуй захватил Мерв. Ужас и подавленное состояние были настолько сильными, что никто не думал о сопротивлении. Когда была захвачена Несса, монголы собрали жителей в долине и приказали им связать друг другу руки за спиной. Мохаммед из Нессы пишет: «Они все подчинились. Если бы они разбежались врассыпную, убегая в сторону соседних гор, многие из них остались бы в живых. Когда же они повязали друг друга, монголы окружили их и выпустили в них стрелы, не разбирая, кто мужчина, кто женщина, а кто малое дитя».

Но у монголов постоянно ощущалось право административного чутья, военного чувства порядка. Уничтожая четыре пятых населения, монголы оставляли в живых администрацию, назначали гражданскими чиновниками, даругачами или дарукачами, зачастую из уйгур, иногда даже из персов, писарей, которые могли бы вести деловые книги на двух языках.

Восточный Иран никогда полностью не оправился от Чингизидского нашествия. Такой город как Балх до сегодняшних дней носит отпечаток монгольских нашествий. Тимуридское возрождение этих регионов, имевшее место в XV в. при Шах Рохе, Улугбеке и Хусейне Байкаре, не способствовало полностью восстановлению региона, который подвергся опустошению от края до края. Однако если Чингиз-хан проявил себя как наиболее злостный враг арабо-персидской культуры, если он вел себя так, что мусульманские историографы его называли нечестивцем и дьяволом, у него отсутствовала принципиальная враждебность по отношению к исламу. Если же он запрещал омовение и обычай умерщвлять животных у мусульман, это происходило в связи с тем, что все эти действия не согласовывались с обычаями или предрассудками монголов. Если же он разрушал в Восточном Иране великолепную городскую цивилизацию, в условиях которой выросли Фирдоуси и Авиценна, то это было связано с тем, что он намеревался создать на подступах к юго-западу нечто вроде по *van s land*, искусственную степь, служившей защитной зоной для его империи. Именно с этой целью он губил землю оседлого населения. В нем одновременно совмещались человек с качествами разумного государственного руководителя, не поддерживавшего религиозные войны, и кочевника, плохо разбиравшегося в оседлой жизни, стремящегося разрушить городскую цивилизацию и вместе с тем уничтожить разведение сельскохозяйственных культур. Покидая Восточный Иран, он заставил разрушить зернохранилища, превратить пашни в степь, так она лучшим образом соответствовала его образу жизни и избавляла от лишних хлопот администрирования...

Чингиз-хан долгое время пробыл в Афганистане на юге Гиндукуша. В мае 1222 г. к нему с визитом прибыл известный даосистский религиозный деятель — Кью Чанчуен, которого он запросил из Китая в 1220 г. и который прибыл через Уйгурию, Алмалык, Талас и Самарканд. Завоеватель проявил большой интерес к снадобьям бессмертия, которыми обладали даосистские маги.* Однако он намеревался вернуться в Монголию. Осенью 1222 г. он пересек Аму-дарью, прошел через Бухару, где его заинтересовали основные догмы мусульманской религии: он положительно оценил их за исключением паломничества в Мекку, считая это излишним, так как по-

* Что касается путешествия Кью Чанчуена, он же Кью Чук, см. Bretschneider, *Medieval researches*, 1, 35-108; Бартольд, *Туркестан? 451 et Pelliot, Toung pao*, 1930, 1, 56.

Чанчуен во время своего пребывания у Чингиз-хана, приобрел указ, в котором предписывалась охрана даосистских монастырей. Его спутник монах Ли Ченчен написал в 1228 г. донесение о своем путешествии. См. Chavannes, *Inscription et pieces de Chancellerie chinoises*, Toung-pao, 1908, 298.

лагал, что вселенная это и есть дом божий (Тенгри «Вечное небо» у монголов). В Самарканде он распорядился, чтобы был проведен массовый мусульманский молебен в его честь, так как он сменил султана Мохаммеда. Он даже освободил мусульманское «духовенство» — имамов и судей (кади) от уплаты налогов, что наглядно показывает, что его жестокость по отношению к мусульманскому миру была «фактом военного времени», а не религиозной войной. Он провел зиму в Самарканде, весну 1223 г. — на севере Сырдарьи. В Чирчик-ской долине, у северного притока реки Чирчик, около Ташкента, он провел совещание «имперского двора» варваров, восседая на золотом троне среди своих найонов и багадуров. Затем, все той же весной 1223 г., он организовал курултай совместно со своими сыновьями в степях Уланбаши на севере Александрийских гор. В это время его воины устроили грандиознейшую охоту на дичь. Он также провел лето 1223 г. в степях Таласа и Чу и вполне вероятно, лето 1224 г. — на Иртыше. В Монголию он вернулся весной 1225 г.

Поход Джебе и Суботая на Персию и Россию

Прежде чем осветить последнюю китайскую кампанию Чингиз-хана, мы напомним о походе его двух полководцев — Джебе — найона и Суботая-багадур в регион Каспийского моря.

Мы знаем, что эти два военачальника, лучшие стратеги монгольской армии, имели перед собой задачу, возглавляя кавалерийский корпус в 25 000 человек, по оценке Гренара, преследовать султана Мохаммеда Хорезмийского, когда тот бежал через Персию. После смерти султана они продолжили свою кампанию в направлении на Запад. После того, как они захватили Рей,¹ город, известный своими превосходными историческими изделиями из фаянса, но который так и не оправился после этой катастрофы,^{*} они, по словам Мирхонда, по просьбе некоторых мусульман-суннитов, направились для разгрома шиитского центра в Куме, что они и сделали с удовольствием. Так как Хамадан сдался сам, они ограничились существующим положением дела. После чего они разрушили Зеид-

^{*} Минорский (Рэй, Ислам, Энцикл., 1184) спрашивает, не преувеличил ли Ибн аль-Атир, говоря, что все население Рэи было уничтожено монголами, начиная с 1220 года. Ибн аль-Атир добавляет, впрочем, что в 1224 году была совершена вторая кровавая расправа с оставшимися в живых жителями. «Джу-вейни, замечает Минорский, говорит только, что монгольские военачальники убили много людей в Кхари Рэе (в деревне, населенной шиитами?), но что в Рэе их встретили кади (шиты?), которые подчинились завоевателям, после чего последние пошли дальше. Рашид ед-Дин допускает, что монголы Джебе и Суботая совершили убийства и грабежи в Рэе, но, вероятно, было сделано различие между Рэем и Кумом, где жители (шиты) были полностью уничтожены».

жан и взяли штурмом Казвин, все жители которого в знак наказания были уничтожены. Последний тюркский атабек Азербайджана, старый Узбек, вышедший из той династии местных мамелюков, которые к концу XII в. могли сменить сельджукидов, откупился от них золотом и спас Таурис. Джебе и Суботай в самой середине зимы пересекли долину Моганы и вошли в Грузию. Этим христианским царством тогда правил Георгий Лаша или Блестящий (1212—1223), который находился в зените своего могущества, но два монгольских военачальника в пух и прах разгромили грузинскую армию неподалеку от Тифлиса в феврале 1221 г.*

Оттуда они вернулись в Азербайджан, разграбили Марагу, используя традиционную тактику. Они пустили впереди себя пленников на штурм крепости и убивали тех, кто отступал. Затем происходило взятие крепости и расправа над населением. После этого происходил ложный уход монгольских войск, вселявший уверенность в безопасности возвращения. Но осуществлялось неожиданное нападение арьергарда монголов, которые отрубали головы несчастным жителям, чудом спасшимся ранее (март 1221 г.). Два монгольских полководца готовы были идти походом на Багдад, чтобы разрушить абассидский халифат. Возможность такого нашествия привела бы в ужас арабский мир, потому что именно в это время, как об этом свидетельствует Ибн аль-Атир, крестоносцы захватили Египет и вошли в Дамьегу**

Немногочисленная армия абассидов, сосредоточенная в Дакуку, не могла защитить Арабский Ирак. В этом 1221 г. могло случиться, что одновременно Джебе и Суботай оказались бы в Багдаде, а король Жан де Бриен — в Каире. К счастью для халифа, Джебе и Суботай довольствовались тем, что вновь наложили на Хамадан оплату крупной дани. На этот раз жители оказали сопротивление. Монголы штурмом овладели Хамаданом, уничтожили всех жителей и сожгли город. Оттуда, пройдя через Ардебиль, который они также стерли с лица земли, два монгольских предводителя пошли на Грузию.

Грузинская кавалерия была одной из лучших в то время. Суботай, прибегнув к хитроумной тактике отступления, завлек ее в засаду, где поджидал Джебе и жестоко расправился с ней. Грузины посчитали за счастье, что спасли Тифлис, дав возможность монголам разграбить юг страны. Затем монголы двинулись на Ширван, опустили Шамаху, а затем через Дербент спустились в северные степи Кавказа. Там они столкнулись с объединенными силами ре-

* См. рассказ о нашествии «Сабалды Бахадур» — армянского летописца и хроникера Кирагоса, перевод Дюлорье. И у Броссе., *Histoire de Georgie*, 1, 492.

** R. Grousset, *Histoire de Croisades*, III, 230 et sq.

гиона: аланами, греческого вероисповедания,* христианами, потомками древних сарматов, лезгинами и черкесами, кавказской расы и тюрками кипчаками. Применив ловкость и хитрость, Джебе и Су-ботай добились перехода кипчаков на их сторону, напоминив о тюр-ко-монгольском братстве, отдав им часть своей добычи. Затем они разделились с другими участниками коалиции и бросились на преследование кипчаков, разрубая их на куски и вернули отданную им добычу.**

Однако кипчаки запросили помощи у русских. Один из кипчакских ханов по имени Кутан, дочь которого была замужем за русским князем Мстиславом Галицким, получил от своего зятя и других русских князей объединенную армию против вторжения монголов. Русская армия в количестве 80 000 человек под командованием галицких князей из Киева, Чернигова и Смоленска спустилась по Днестру, закончив перегруппировку сил в Хортице в окрестностях Александрова. Монголы отступили и приняли бой только тогда, когда враг был достаточно утомлен, а его различные отряды находились на удаленном расстоянии друг от друга. События развернулись около Калки или Калмиуса, маленькой прибрежной реки, впадавшей в Азовское море неподалеку от Мариуполя.***

Галицкий князь и кипчаки начали сражение, не дожидаясь подмоги из Киева, были разбиты и бежали 31 мая 1222 г. Киевский князь Мстислав, оставшись в одиночестве, три дня держал оборону в своей ставке и почетно капитулировав, он тем не менее был казнен вместе со своим окружением.****

Это первое поражение русских на этот раз не имело политических последствий. Впрочем, великий князь Владимирский — Юрий, который не успел прибыть со своим войском на Калку, сохранил свою армию в целости. Монголы ограбили генуэзские фактории Судака или Солдажи в Крыму (ничто не свидетельствует, как на это ссылается гипотеза Кахуна, о соглашении между монголами и венецианцами).*****

* Обратите внимание на радушный прием, который они оказали в 1253 году францисканцу Рубруку.

** В тот период кипчаки были на пути христианизации, один из их предводителей, убитый монголами в 1223 году, Юрий Кончакович, носил христианское имя. (Pelliot, A propos des Comans, J.A., 1920, 149).

*** Bretschneider, *Mediaeval Researches*, 1, 297.

**** Cf. Erdmann, *Temudschin*, 434 et sq.

***** Hammer, *Geschichte der Goldenen Horde*, p.87. Политически Солдайя (Судак) находился в зависимом положении от греческой империи Трабзонда. (G.I. Bratianu, *Commerce genois dans la mer Noire*, p.203.

Джебе и Суботай переправились через Волгу в направлении Царицына, одержали верх над булгарами Камы, тюрками канклы Урала и после этого фантастического рейда соединились с великой армией Чингиз-хана в степях севернее Сырдарьи.

Последние годы Чингиз-хана

Чингиз-хан вернулся в Монголию весной 1225 г. Он провел зиму 1225—1226 годов и следующее лето в своих стоянках на Туле, притоке Орхона. Ему было больше семидесяти лет. Его страшились все от Пекина и до Волги. Его старший сын Джучи вознамерился в конце проводить свою политику, что обеспокоило Завоевателя, но умер к февралю 1227 г., до того, как разногласия не обострились.

Чингиз-хан возглавил еще одну кампанию, на этот раз против тангутского царства Си-ся в Ганьсу. В действительности правитель Си-ся, несмотря на то, что был вассалом Чингиз-хана, устранился, чтобы не отправлять воинский контингент для ведения войны против Хорезма. В связи с предложением по этому поводу, как об этом нам ведаёт Секретная История, один из высокопоставленных тангу-тов Ашагамбу имел наглость ответить своему покровителю, что если бы Чингиз-хан не обладал большой армией, то он не мог бы претендовать на верховную власть. Подобного рода выходки не забываются. Завершив дела в Хорезме, Завоеватель задумал отомстить за этот проступок. К тому же, как замечает Владимирцов, Чингиз-хан подумал, что для того, чтобы успешно завоевать цинское царство Северного Китая, где его офицер Мукали потерял жизнь при исполнении приказа, прямое господство над Ганьсу, Алашаном и Ордосом было необходимо монголам. Он начал кампанию осенью 1226 г., захватил в конце года Лигчеу, а весной 1227 г. приступил к осаде столицы Си-ся, сегодняшней Нинся.*

Как и в Афганистане, безжалостным образом была использована система «монгольского ужаса». «Напрасно жители прятались в горах и пещерах, чтобы избежать монгольской казни. Поля были покрыты человеческими скелетами». В то время как продолжалась осада Нинся, Чингиз-хан обосновал свою стоянку летом 1227 г. в районе реки Тзиншуэ и в кантоне Лонгту на северо-западе нынешнего Пиньлина. Именно в тех краях в кантоне на западе Пиньлина Чингиз-хан умер 18 августа 1227 г.** в возрасте семидесяти двух лет. А некоторое время спустя вражеская столица Нинся была взята и в соответствии с посмертной волей Завоевателя, все население было казнено.

* Yuan-che, Перев. Краузе, Cingis Han, p.40. **

Дата Юань-ши.

Часть народа тангутов была передана императрице Юсуи, одной из жен Чингиз-хана, которая сопровождала его в этом походе.

Тело Чингиз-хана было предано земле у священных гор Буркан Калдун, то есть Кентей, где Тенгри когда-то разговаривал с ним у истоков Онона и Керулена. В 1229 г. его преемник устроил в его честь большие жертвоприношения по монгольским обычаям. «Он повелел, чтобы в соответствии с обычаями преподносилось угощение в течение трех дней во славу поминовения отца. Он выбрал в семьях найонов и военачальников самых прекрасных девушек в количестве 40 человек. Их одели в самые роскошные одежды, украсили драгоценностями и по выражению Рашид ад-Дина их послали обслуживать Чингиз-хана в потустороннем мире. К этой церемониальной варварской традиции присовокупили немало превосходных коней».*

Личность и деяния Чингиз-хана

Чингиз-хан считается одним из бедствий человечества. Он стал воплощением двенадцати веков нашествий кочевников степей на древние оседлые цивилизации. Фактически ни один из его предшественников не оставил после себя такой ужасной репутации. Он возвел террор в ранг управления, а казнь — в постоянно действующую систему. Его разрушительные действия в Восточном Иране по степени устрашения превосходили все, что Европа приписывает Ат-тиле, а Индия — Михиракуле. Тем не менее, следует сказать, что его жестокость зародилась скорее от жестких условий выживания, от наиболее грубых тюрко-монголов, чем от природной кровожадности (Тамерлан, другой палач в этом плане, несет гораздо большую ответственность, потому что он был более просвещенным).**

Массовые казни монгольского завоевателя были частью военной машины, это являлось орудием кочевника, направленного против оседлого населения, которое во время не капитулировало и, в особенности, для подавления восстаний после их завоевания. Несчастье состояло в том, что эти кочевники совершенно не поняли экономической роли городской и сельской цивилизации. Подчинив себе Восточный Иран и Северный Китай, они считали вполне нормальным явлением превращение этих стран в огромные степи,

* Д'Охссон, II, 12-13. Как это очевидно, погребальные жертвоприношения близких и лошадей оставались в степи от скифов Геродота, до Чингиз-хана, Геродот, IV, 71-72.

** Чингиз-хан, разумеется, был не только безграмотным, но он даже не говорил по-тюркски, на котором разговаривали многие монголы (Джужджани у Бартольда, Туркестан, 461 и у Д'Охссона, II, 95.

стирая с лица земли города, разрушая традиционное земледелие. Тысяча лет кочевого наследия, грабительских нашествий на границы цивилизации, границы древних земледельческих стран, говорили за них в момент, когда они следующим образом выражали свою чрезмерную радость: «разрубать на куски врагов, гнать их впереди себя, овладеть их имуществом, тискать в своих руках их жен и дочерей!»*

И, напротив, вот такое меланхолическое размышление при мысли, что их внуки сменят на оседлую жизнь тяжкое бремя существования в степи: « После нас люди нашей расы будут одеваться в золоченые одежды, будут питаться жирной и сладкой пищей, будут седлать великолепных скакунов, наслаждаться объятиями самых красивых женщин и они забудут тех, кому они обязаны этим...»**

Даосистская стелла 1219 г., выгравированная по настоянию монаха Ли Чечана, сопровождавшего в 1220—1223 гг. небезызвестного Кью Чанчуена в период военной кампании Завоевателя, любопытным образом через философский язык даосизма передает впечатление, произведенное на китайцев императором кочевников, его образ жизни, его деяния: «Небо устало от малейшей роскоши Китая. Что касается меня (это высказывание приписывают Чингиз-хану), то я проживаю в диком регионе севера; я возвращаюсь к простоте, и я вновь буду жить в умеренности. Если речь идет об одеждах, которые я ношу или пище, которую я принимаю, на мне те же тряпки и я употребляю такую же еду, что пастухи крупного скота и конюхи, к солдатам я отношусь также, как к моим братьям. Участвуя в бесчисленных сражениях, я постоянно находился впереди. В течение семи лет я осуществил великое дело и в шести направлениях света все было подчинено одним и тем же правилам!»***

В рамках своего образа жизни, среды обитания и расовой принадлежности, Чингиз-хан предстает перед нами как человек, обладающий взвешенным разумом, твердым практическим здравым смыслом, необычайно уравновешенным, умеющим слушать, ценящим искреннюю дружбу, великодушным и сердечным, несмотря на суровость, владевшим истинными качествами руководителя, хотя под этим мы понимаем управление кочевым населением, а не оседлыми народами, экономическая жизнь которых ему была мало известна. В этих пределах он проявлял врожденное чувство порядка и добротного управления. Наряду с характеристиками варвара, на-

* Рашид ад-Дин у Д'Охссона, 1, 404.

** Рашид ад-Дин у Д'Охссона, 1, 416.

*** Chavannes, Inscriptios et pieces de chancellerie chinoises de lepoque mongole, Toung-pao, 1908, 300.

водящего ужас, мы обнаруживаем у него неоспоримые качества благородства и возвышенности, благодаря которым «Демон», термин, приводимый мусульманскими историографами, занял свое место в истории человечества, когда речь идет о Чингиз-хане. Одним из самых характерных для него черт игры являлось его врожденное чутье на предателей. Те прислужники, которые считали, что делают нужное дело, предавая своих несчастных хозяев, приговаривались им к казни.*

Напротив, как часто случалось с ним, он награждал или принимал на службу после победоносных военных кампаний тех, кто до самого конца был предан своим господам, его бывшим врагам. Ра-шид ед-Дин и Секретная История описывают немало подобных эпизодов, которые показывают наряду с уважением к несчастным смельчакам, дух моральной солидарности с его правительством. Если он брал под свое покровительство тех, кто потом проявлял слабость, он их защищал до конца и продолжал им содействовать в жизни с непоколебимой верностью. Предводитель онгютов Алакуш тегин был казнен за то, что присоединился к нему в его борьбе против найма-нов. Чингиз-хан поддержал его семью, породнился с его сыном, выдав за него свою дочь, обеспечил благополучие его клана.**

Побежденные в прошлых войнах уйгуры, кидане, не имели более верного покровителя, чем он, так же как позднее сирийские христиане и армяне не имели более верных покровителей, чем в лице его внуков, в Лиאותоне, киданьский монарх Юэлин Лиуко, его вассал с самого начала, умер во время войны с Хорезмом. Вдова обратилась к Завоевателю во время последней кампании в Ганьсу. Он встретил принцессу очень дружелюбно, оказал ей, а также двум сыновьям Юэлию Лиуко самые душевные и самые отеческие знаки внимания.***

Во всех подобных ситуациях у этого кочевника, одетого в шкуры животных, у этого губителя народов, наблюдались природная величественность, исключительная учтивость, подчеркнутое благородство, которые удивили самих китайцев. Происхождением благородный человек, он в душе был аристократом, и все были под впечатлением его головокружительной карьеры.

Наконец, проводя непреклонную политику, воплощением которой он был, сам Чингиз-хан не был безразличен к богатому опыту цивилизованных народов. Он ввел в свое близкое окружение

* К примеру, случай с Кокчю, вероломный шпалмейстер керейтского Сангюна в 1203 г. (Histoire secrete, trad. Pelliot, J.A., 1920, I, 179-180. ** Histoire des Yuan, Перевод Муля, Christias in China, 235. *** Mailla, IX, 78-126.

уйгурских советников, таких как Тататонга, мусульман, подобных Махмуду Ялавачу, киданцев, наподобие Елю Чуцая. Тататонга, который выполнял те же функции при последнем найманском правителе, стал его хранителем печати и в то же время учителем уйгурского языка для его сыновей.*

Махмуд Ялавач служил ему связным с народами Трансоксианы, первым «монгольским»** правителем которых он был. Что касается китаизированного киданца Елю Чуцая, то он сумел привить хозяину некоторые принципы китайской культуры, иногда даже пытался помешать кровавым расправам. Из его биографии известно, что одной из его озабоченностей было сохранение ценных рукописей в разграбленных или подожженных монголами городах. Другой его задачей был поиск медицинских препаратов для борьбы с эпидемиями, вызванными разложением трупов после кровавых войн.***

Нам известно, впрочем, что, несмотря на свою преданность монгольскому государству и Чингиз-ханидской династии, он не скрывал зачастую свое волнение, когда оказывал пощаду городу или провинции, обреченных на уничтожение. «Ты вновь будешь плакаться за народ?» - говорил ему Угэдэй. Его осторожное и справедливое вмешательство нередко препятствовало совершению непоправимых действий. Ремюза пишет: «По происхождению татарин, ставший китайцем благодаря культуре духа, он был естественным промежуточным звеном между угнетателями и угнетенными»****

Будучи с монголами, он не мог напрямую стоять на защите интересов человечности: его просто не поняли бы. Он попытался доказать другим то, что великодушие являлось признаком хорошей политики, в чем он был прав, так как варварство монголов происходило в основном из-за невежества.

В период последней военной кампании Чингиз-хана в Ганьсу, один из военачальников поделился мыслью с Чингиз-ханом по поводу того, что новые китайские подданные не сыграют якобы какой-либо роли. Учитывая, что они были неспособны к войне и что как следствие необходимо было бы лучше истребить все население, которое насчитывало 10 млн. человек, с целью использовать хотя бы землю, превратив ее в пастбища для коней кавалерии. Чин-

* Чингиз-хан поручил ему выучить монгольский язык на основе уйгурской письменности. См. Pelliot, Les systPmes d*Jcriture en usage chez les anciens Mongols, dans Asia Major, II, 2 (1925, 287, et Toung-pao, 1930, I, 34.

** См. Бартольд, Чагатай, Энци. Исл., I, 832.

*** Remusat, Nouveaux melanges asiatiques, I, 64.

**** A.Remusat, Vie de Yeliu Thsoutsai, dans les Nouveaux mJlanges asiatiques, II, 64, Cf.Bretschneder, Mediaeval researches, 1,9. Елю Чуцай (1190-1244) был на службе у монголов в 1214-1215 годах.

гиз-хан положительно оценил подобное обоснование мнения. И тогда Елю Чуцай подал свой голос, будучи противоположного мнения. Девериа пишет: «Он объяснил монголам о преимуществах, о которых они и не подозревали, которые можно было бы извлечь в результате эксплуатации плодородных полей и изобретательных ремесленников. Он доказал, что собирая налоги на обрабатываемую землю и на произведенные товары можно было бы получить 500. 000 унций серебра, 80. 000 кусков шелка и 400. 000 мешков зерна». В этом он был прав. *

Чингиз-хан поручил Елю Чуцаю разработать на этих расчетах объем взимаемых налогов.

Благодаря Елю Чуцаю и уйгурским советникам Чингиз-хана на фоне даже кровавых расправ сформировались, таким образом, основные понятия монгольского администрирования. Безусловно, в этом вопросе завоеватель обладал большим, чем личная благосклонность: стремлением к культуре. Кажется, Чингиз-хан испытывал особую симпатию по отношению к киданям и уйгурам, двум наиболее цивилизованным народам тюрко-монгольского мира. Кидане могли, не теряя национальной окраски, приобщить Чингиз-ханидскую империю к китайской культуре. Уйгуры же привлекали их к древней тюркской культуре Орхона и Турфана, ко всему наследию сирийской, манихейско-несторианской и буддистской традиций. Таким образом Чингиз-хан и его первые преемники выбирали кадры гражданской администрации из уйгуров, также как и язык и письменность для ведения канцелярии. Уйгурская письменность, которая имела немало сходного, послужила, впрочем, монголам для создания их собственного алфавита.

Кровопротития забылись. Административная деятельность, благодаря Чингиз-ханидской дисциплине и уйгурскому делопроизводству, осталась. И подобная деятельность, после стольких первоначальных разрушений, в конце концов послужила для приобщения к цивилизации. Именно с этой точки зрения его современники судили о нем. Марко Поло пишет: «Он умер и это опечалило всех, так как он был мудрым и безукоризненно честным человеком». Наш Жуэнвиль** сказал следующее: «Он держал народ в мире». Подобное суждение парадоксально только внешне. Объединяя все тюр-ко-монгольские нации в единую империю, внедрив железную дисциплину от Пекина до Каспия, Чингиз-хан устранил тем самым вечные военные столкновения племен между собой и обеспечил

* Cf. Deveria, Notes d'epigraphie mongole-chinoise, J.A., 1896, II, 122.

** Marco Polo, ed. Pauthier, 1, 183,-Joinville, ed. Wailly, p.263.

должную безопасность прохождению караванов. Абульгази пишет: «В эпоху правления Чингиз-хана в странах, от Ирана до Турана сложилась спокойная обстановка, что можно было пройти от Востока до Запада с блюдом золота на голове, не испытав при этом малейшего покушения».*

Его якак фактически установил на всей территории Монголии и Туркестана «Чингиз-ханидский мир», который был устрашающим при его жизни, но принял цивилизованные формы при его преемниках, что позволило осуществлению миссий великих путешественников XIV в. В связи с этим можно сказать, что Чингиз-хан подобен варвару Александру, который тоже открыл для цивилизации новые пути.**

2. ТРИ ПЕРВЫХ НАСЛЕДНИКА ЧИНГИЗ-ХАНА

Раздел достояния между сыновьями Чингиз-хана

Каждый из четырех сыновей Чингиз-хана получил, во время, когда он еще был жив, улус, т. е. определенное количество племен, вместе с юртом, то есть территориальный удел, степное пространство, необходимое для пастушечьей жизни этих племен, а также инджу, т. е. доход, пропорциональный нуждам двора и его обитателей, доход, который формируется за счет выплат с оседлого населения подчиненных частей Китая, Туркестана и Ирана.***

Необходимо отметить, что фактически то, что должно было быть разделенным, представляло собой тюрко-монгольскую степь, пастбищную землю кочевников. Завоеванная страна обрабатываемой земли, вокруг Пекина или Самарканда, оставалась землей Империи. Сыновьям Чингиз-хана не приходила даже идея принимать в расчет при разделе своих владений страну оседлых людей, что сде-

* Aboul Ghazi Behadour-khan, Histoire des Mongols et des Tartares. Перевод Демезона, 104. Обратитесь также к грузинской хронике по поводу «прекрасных законов Чингиз-хана, беспристрастность монголов в том, что касается правосудия» (Brosset, Histoire de GJorgie, I, 486) Отметим также впечатление от величественности, порядка, «божественного права», которое отмечает в воспоминаниях о Чингизхане армянин Хэтум. (Documents arméniens des Croisades, N, 148-150). То же впечатление от этого правопорядка и дисциплины находим у Плано Карпини (ст.1V).

** Обратите внимание на то, что накануне войны с Хорезмом, он стремился наладить регулярные торговые связи с хорезмийской империей. Именно покушение, направленное против «монгольского» торгового каравана, как известно, явилось причиной разрыва с султаном Мохаммедом (Бартольд, Туркестан, 396).

*** См. Бартольд, Чингиз-хан, Ислам, энцикл., 1, 882.

ляли бы император Китая, хан Туркестана, султан Персии. Эти идеи, которые возникнут лишь с 1260 г. у их наследников, были даже и для них абсолютно чуждыми. В принципе, разделение степи не приведет ни к чему, по своей сути, и в частности, в империи Чингизханидов. При существовавшей системе, империя продолжала существовать. Более того, как отмечает Бартольд, по законам кочевников, несмотря на абсолютную власть кагана, Государство в меньшей степени принадлежит ему лично, чем правящей семье в целом.

Старший сын Чингиз-хана, Джучи,* умер за шесть месяцев до него, в феврале 1227 г., в степях севернее Арала. Помимо того, что Ченгиз-хан никогда официально не признавал законность его рождения, взаимная нетерпимость обострилась к концу жизни. В течении 1222—1227 годов, со времени взятия Ургенча, где он принимал участие (апрель 1221 г.), Джучи удалился в свой удел в районе Тур-гая и Уральска и не принимал участия в военных походах отца. Эта отставка вызвала подозрение Завоевателя, который задумывался о том, что не замышляет ли его старший сын что-то против него: смерть Джучи возможно предотвратила жестокий конфликт.

Бату (Батый), один из сыновей Джучи, наследовал руководство его уделом. Представленный согласно монгольской традиции в качестве доброго и мудрого принца (он получил прозвище Саин-хан, "хороший хан") и известный Русским как жестокий Завоеватель, он должен был в дальнейшем играть в качестве представителя семейства Чингизханидов важную роль в раздорах за наследство имперского трона, раздорах, где он представлял как "интриган Великих-Ханов".**

Однако, его относительная молодость, смерть его отца, и сомнения в законности этой генеалогической ветви не позволили сыграть "дому Джучи" эффективную роль в делах Империи. Тем не менее, согласно с монгольскими законами, которые закрепляли за старшими ту часть владений, которая была наиболее удалена от ставки родителей, семейство Джучи получило земли монгольской империи, которые простирались в направлении Европы. Фактически, это семейство получило степи западнее Иртыша, "настолько далеко, насколько земля будет касаться копыт монгольских лошадей", то есть Семипалатинск, Акмолинск, Тургай или Актюбинск, Уральск, Адай и Хорезм (Хива), далее с видом на все завоевания западнее Волги, в Кипчакских степях, завоевания, начатые походами Джебе и Суботая.

* Что касается этого имени, см. Pelliot, Sur quelques mots d'Asie Centrale, J.A., 1913, I 459 (возможная этимология: джочин, хозяин, гость). ** См. Бартольд, Бату-хан, Ислам, энц. I, 699.

Второй сын Чингиз-хана, Джагатай* (умер в 1242 г.), который контролировал применение ясака, согласно монгольской дисциплине, был действительно строгий и грозный поборник справедливости, скрупулезно-точный исполнитель, и одновременно педантичный хранитель Чингиз-ханидского свода правил, дисциплинированный солдат, на своем месте, немного ограниченный, и который никогда не выказывал недовольство, даже после того, как его отец предпочел ему на высший пост, младшего брата, Угэдэя. Чагатай получил в качестве удела степную зону старой империи кара-китаев, начиная от страны уйгуров на востоке до Бухары и Самарканда на западе, т. е. в основном зону Или, Иссык-Куля, верхнего течения Чу и Таласа и, во-вторых (так как говорится исключительно об оседлых территориях), Кашгарию и Трансоксиану. Причем в этой последней области города Бухара, Самарканд, и т.д., напрямую управлялись назначенцами Великог-хана. По свидетельству Чан-чу-ен, постоянная ставка Чагатая находилась на южном берегу Или.

Третий сын Чингиз-хана, Угэдэй,** к которому мы еще вернемся, получил земли восточнее и северо-восточнее Балхаша, район Имиля и Тарбагатай, Черный Иртыш и Урунгу, этот последний регион находится у древней страны найманов. Ставка Угэдэя обычно устанавливалась на Имиле.

Наконец, согласно монгольской традиции, Толуй,*** который был младшим сыном Чингиз-хана, оставался, как это и предписано законом, отчигином или оджигином, хранителем дома, то есть наследником родительской вотчины, что находилась в регионе между рекой Тула, верхним течением Онона, и верхним течением Керу-лена. Толуй предстает перед нами в качестве отважного солдата, мечтающего о завоеваниях, и в качестве хорошего полководца (показательна военная кампания под его управлением в Хо-нане в 1232 г.); вместе с тем, склонный к попойкам (он скоропостижно скончался в октябре 1232 г., в возрасте сорока лет) и без особых личных талантов. Однако он женился на женщине исключительно умной, принцессе Сойургактани или Соргактани, из старинного правящего семейства кереитов (она была племянницей последнего ван-хана), при-верженницей несторианской религии, как и все Кереиты, которая смогла позже обеспечить управление империей своим сыновьям.

* Или Чагатай. От монгольского чаган, белый? См. Бартольд, Чагатай-хан, Ислам. Энцикл., I, 831. В этом случае я придерживаюсь формы Джагатай, идущей от классической орфографии во Франции из «тюрко-джагатайского языка».

** Или Огэдэй. «Из монгольского огэдэ, наверху?»

*** Что касается этого имени, см. Pelliot, Quelques mots d'Asie Centrale, J.A., 1913, 1,460 (возможная этимология: толи, зеркало). Cf. Rachid ed-Din, dans Erdmann Temudschin, 641.

Необходимо добавить, что семьи двоих из братьев Чингиз-хана, Кассара и Темуже Отчигина, были также наделены уделами. Так Кассар получил прибрежные районы Аргуна и реки Хайлар, а Темуже-крайний восток Монголии, недалеко от древней страны Джуржитов, входящей сегодня в провинцию Гири.

Всегда, согласно монгольскому праву и в соответствии с титулом хранителя родного очага, Толуй был обязан, после смерти Чингиз-хана, осуществлять регентство (1227—1229 гг.) в ожидании выборов нового великого хана. В этой должности он получил орду, дворцовый шатер своего отца, право располагаться в имперской ставке, и 101 000 человек из 129. 000, которыми располагала монгольская армия в 1227 г. (оставшиеся 28.000 человек были также распределены: по 4 000 направлялись каждому из оставшихся сыновей Чингиз-хана, 5 000 —младшему брату Чингиз-хана, Темуже, 3.000 —сыновьям другого брата Чингиз-хана, Катчуна, 1000 — сыновьям третьего брата императора, Кассара, и 3000 — семье его матери (Елун-еке).

Лишь весной 1229 г. курултай или общее собрание монгольских принцев собрался на берегах Керулена для избрания великого хана. Этот съезд был призван лишь утвердить волю Чингиз-хана, который уже назначил наследником своего третьего сына, Угэдэя.*

Правление Угэдэя (1229—1241)

Угэдэй, которого Чингиз-хан назначил своим преемником, был самым умным из его детей. В нем не было ничего от гения отца, его подавляющей страсти, его неумности, но он унаследовал от отца здравый смысл и основательность в делах. Увалень, добряк и выпивоха, жизнелюб и достаточно милосердный, безгранично щедрый, он воспользовался своим всемогуществом, чтобы кутить и жить в свое удовольствие. В остальном дела монгольской империи шли своим чередом благодаря узаконенной силе ясака.

Угэдэй обосновал свою основную резиденцию в Каракоруме. Выбор этого месторасположения имел историческую значимость. Именно в этом регионе верхнего Орхона большинство прежних тюрко-монгольских империй держали свою «столицу», от хуннов

* По некоторым источникам, официальное восшествие на престол Угэдэя относится к 13 сентября 1229 г. Что касается Толуя, он скончался три года спустя после назначения Угэдэя, 9 октября 1232 г. в возрасте всего сорока лет, как мы об этом знаем, но неплохо справившись с регентством.

древности до восточных туюк раннего средневековья. Неподалеку от этого места в VIII в. располагался Карабалгасун, Орду-Балык уйгурских каганов и этим названием Орду-Балыка (Город-Дворец) называлась прежде столица Чингиз-ханидов. И уже в период правления Чингиз-хана Каракорум или же соседний городок, несомненно, начиная с 1220 г., был избран теоретически столицей, но то, что Каракорум стал настоящей столицей новой империи, которую он построил в 1235 г., окружив ее защитной стеной, является заслугой Угэдэя.*

В то же время Угэдэй полностью доверился китаизированному киданьцу Елю Чуцаю, который приложил усилия для того, чтобы военная империя монголов полностью стала также гражданской империей, наподобие китайского образца. Согласившись с просвещенными уйгурами, он организовал монгольскую государственную канцелярию с китайским, тангутским, уйгурским и персидским отделами (уйгурский отдел длительное время занимал господствующее положение). Для военных потребностей монголы вскоре создали систему имперской почтовой службы. Елю Чуцай и другие приближенные Угэдэя установили вдоль дорог, выделенных для этой цели, почтовые станции на определенных расстояниях друг от друга, где находились зерновые амбары.**

Елю Чуцай, в особенности, постарался сделать так, чтобы у монгольской империи был фиксированный бюджет, чтобы китайцы платили налог серебром, шелковыми тюками и зерном, собранными с каждого двора, а монголы отдавали 10 % лошадей, крупного рогатого скота и овец. С этой целью завоеванные территории Китая, которые рассматривались до того времени, как заброшенные места, куда совершались время от времени грабительские набеги, были разделены в начале 1230 г. на десять официальных департаментов с административным персоналом, составленным из числа монгольских чиновников и образованных китайцев. Елю Чуцай открыл также в Пекине и Пингянге школы для «конфуцианского» воспитания молодых монгольских вельмож и, наоборот, привлек в монгольскую

* Китайское название города Хо Линь, в нормальной транскрипции (Кара) Корум. Что касается даты его основания, см. Pelliot, Note sur Karakorum, J.A., 1925, 1,372 и Бартольд, Каракорум, Ислам. Энцикл., 11, 785. План разрушений Каракорума см. Radloff, Atlas der Alterthümer der Mongolei, p. 1. XXXVI.

** Djouweyni et Rachid ed-Din in d'Ohsson, II, 63. Marco Polo, c.97.

администрацию большое количество присоединившихся китайцев. Он сказал Угэдэю: «Империя создана кавалерией, но ею нельзя управлять на лошадях».*

Так же как и Елю Чуцай, Угэдэй доверял несторианскому керейту Чинкаю, которого в свое время ценил Чингиз-хан и которого Плано Карпини считал «протонотариусом», т. е. хранителем печати империи. Пельо пишет: « Никакой указ не мог быть утвержден в Северном Китае без того, чтобы Чинкай не сопровождал его строчкой, написанной на уйгурском алфавите».**

С военной точки зрения при Угэдэе монголы завершили завоевание Северного Китая, Персии и Южной России.

Разрушение цинской империи монголами

В Китае назревали новые события. После смерти Мукали, в то время как Чингиз-хан действовал на западе, цины стали проявлять активность: этот древний народ джурджитов, в котором еще была сильна тунгусская кровь, проявил доказательства удивительной жизнестойкости. Цины закрепились не только в Ху-нани у Кайфына, их новой столицы, но и отобрали у монголов почти весь бассейн реки Вэй в Центральном Шаньси, включая важный пункт Тонгкуана, который прикрывал вход в Хунань и крепость Хочонг (нынешний Пучэу), которая располагалась напротив на севере Желтой Реки в юго-западном изгибе Шаньси. Последний правитель цинов — Нинкиасу (1223 — 1234) мог рассчитывать на будущее.***

* Но вполне возможно, грубоватый монгол видел дальше своего китайского советника, по крайней мере в том, что касалось интересов монгольского народа. Угэдэй намеревался направить в Китай мусульманский контингент, а на запад — представителей Дальнего Востока. Елю Чуцай отговорил его от этой затеи по причине той усталости, которая может возникнуть в результате подобных походов. Результатом явилось то, что спустя пятьдесят лет монголы Дальнего Востока стали китайцами, а монголы запада стали тюрками или персами (см. Mailla, IX, 2J2).

** Pelliot, *Chretiens d Asie Centrale et d*ExtrLme-Orient*, *Toung rao*, 1914, 628. Пельо замечает, что два сына Чинкай носили христианские имена Яо-шу-му (Яхмут) и Куоликисе (Георгий).

*** Имя Нинкиасу, данное китайскими историками, идет от имени Нан-кийаса или Нан-кийаса, имя которым монголы обозначали китайцев никаза,- по-маньчжурски). По мнению Пельо, монголы придерживались, безусловно, этого термина джурджитов или цинов, означавших по-кит. Саун под именем Нан-кья «люди юга».См.Pelliot Nankias, in: J.A.,1913,1, 460-466, *Toung rao*, 1930, [, 17.

Монголы проявили свою враждебность, захватив в 1231 г. города бассейна Вэй: Пинлинг, Фонгсианг и так далее. Чтобы организовать кампанию в 1232 г. они разработали грандиозный план.*

Не сумев пройти подступы Дунхуана, они повернули на северо-восток и юго-запад. В то время как Угэдэй с основными силами армии и располагая значительным количеством техники, захватил Хочонг, что ему позволило пересечь в низовьях Желтую Реку, его брат Толуй во главе 30 000 всадников совершил огромный рывок, повернув через юго-запад.**

Грубо нарушая границы территории Сун, он прошел по долине Вэя к верхнему Ханю, захватил (на территории династии Сун) Ханьчонг, спустился в Сычуань, в долину реки Киалинг, опустошил район Поаннинга, затем, пройдя в северо-восточном направлении через средний бассейн Ханя (он пересек Хань 31 января 1232 г.), неожиданно возник на территории цинов на юге Хунани у Нанинга. Одновременно Угэдэй со своими основными силами, захватив Хочонг, пересек Желтую Реку и овладел Хунанем с севера (февраль 1232 г.). Две монгольские армии соединились в сердце Хунаня (нынешний Ючэу), города, около которого несколько дней назад Толуй разгромил цинов.

В этой яростной борьбе цины до конца проявили образец мужества, которое вызвало восхищение у монгольских военных, великих знатоков искусства ведения боя. Их военачальники предпочитали идти скорее на верную смерть, чем сдаваться на милость победителю. Но их положение было отчаянным. На северо-западе монголы захватили Дунхуан (март 1232 г.). Угэдэй поручил лучшему монгольскому стратегу — Суботаю, завоевателю Персии и России, взять в осаду Кайфын, столицу цинов. Город сдался после длительного сопротивления в мае 1233 г. Елю Чуцай добился от Угэ-дэя, чтобы город не был разрушен, так как он стал владением монголов. До окончательного поражения повелитель цинов Нинькиа-су покинул Кайфын для того, чтобы организовать сопротивление в провинции. Вначале он скрылся в Куэйто, затем в небольшом местечке в Цайчэу (нынешний Жюнинг). Именно в этом последнем городе, где монголы организовали завершающий штурм, он покончил жизнь самоубийством (февраль—март 1234 г.).***

* Монгольская традиция приписывает Чингиз-хану перед смертью стратегический план окончания борьбы против Цинов.

** Рассказ Юань-ши дан в резюме у Майя, IX, 133-155. Отрывок из Рашид ад-Дина дан в перев. Д' Охссона, II, 613.- Толуя сопровождали в этом походе два бывших военачальника его отца, Шижи-кутуку и Тукулку-черби, брат великого Боорчу. См. Д Охссон, II, 614. et Erdmann, Temudschin, 207 462.

*** Mailla, IX, 156-207. Среди героических смертей при падении династии Цинов, Пельо выделяет смерть несторианца Ма Киньсьяна (умер в 1234 г.).

Суны, для того, чтобы отомстить своим старым врагам, выделили отряды пехотинцев, которые приняли участие в захвате города.

Падение Цайчэу завершило присоединение пинского царства к монгольской империи. Отныне монголы стали непосредственными соседями национальной китайской империи Сун. В качестве вознаграждения за их содействие в конечной стадии войны против цинов, Угэдэй выделил династии Сун несколько уездов в юго-восточной части нынешнего Хунаня. Император династии Сун — Лицзун (1225—1264) или вернее его правительство, посчитав, что их недостаточно вознаградили и позарившись на весь Хунань, совершили безумный поступок, напав на монголов.*

Вначале китайские отряды без боя вновь овладели Кайфыном и Лояном (июль- август 1234 года). Естественно, монголы их тотчас же прогнали оттуда, а Угэдэй, на курултае, состоявшемся в Каракоруме, решил завоевать всю империю Сун (1235).

Три монгольские армии захватили империю Саун. Первая армия под командованием Кадана,** сына Угэдэя, вошла в Сычуань и захватила Чэнду (октябрь 1236 г.); вторая армия под началом Кучу, другого сына Угэдэя и командующего Тэмэтая, оккупировала Сиангян в Хубее (март 1236); третья армия во главе с принцем Кюн-букой*** и полководцем Наганом, дошла до верховьев Хуангчэу нынешнего Ханькэу на Янцзы, но долго там не продержалась. К тому же с 1239 г. Сиангян перешел под власть династии Сун. Фактически эта война уже длилась сорок пять лет (1234— 1279) и Угэдэй был участником ее начала. Четвертая монгольская армия двинулась на завоевание Кореи. Начиная с декабря месяца 1231 г., корейская столица Кайсенг на северо-западе нынешнего Сеула была захвачена монголами, которые взяли страну под свой протекторат с 72 даругачами для ее управления, но со следующего года все монгольские резиденты были уничтожены по приказу правителя Кореи — Коджонга, который затем скрылся на островке Кангхуа на западе от Сеула (июль, 1232).

Новая армия, посланная Угэдэем, почти полностью заняла Корею (1236), по крайней мере ее континентальную часть, так как корейские правители, выражая протест против порабощения (вас-

* Имеется любопытное свидетельство этого у китайского ирредентизма у династии Сун в f Instruction d un futur empereur de Chine en 1193, перевод Шаванна. (Memoires concernant l'Asie Orientate, 1, 1913, 28-29).

** У Джувейни, Кадган. У Рашид ад-Дина, Кадан. В Секретной Истории — Кадаан. (Peliot, les Mongols et la Papaute, Rev. Orient Chretien, 1931-1932, p.63 (203).

* Peliot, Chretiens d Asie Centrale et d'Extreme-Orient, T.p.1914, 631.

сальное посольское подчинение, начиная с 1241 г.), в течение тридцати лет скрывались на острове.*

Завоевание монголами Западной Персии

Когда Угэдэй занял трон, стояла задача вновь захватить Иран. Нам известно, что в ноябре 1221 г., Чингиз-хан заставил Джелал ад-Дина Мангуберди, наследника хорезмской империи скрыться в Индии. Султан Дели — тюрк Ильтутмиш принял ссыльного изгнанника и женил его на своей дочери, но так как Джелал ад-Дин организовал заговор против него, он изгнал его (1223). Чингиз-хан во главе внушительной монгольской армии овладел Туркестаном, оставив после себя полностью разрушенными Хорасан и Афганистан, истребив большую часть жителей, особенно что касается городов, что-то вроде по mans land, где они не создали никакой законной администрации при уходе отсюда, в то время как Центральная и Западная Персия, после разбойного нападения Джебе и Суботая, остались в полной анархии. Это не было собственно говоря завоевание, а напоминало хаотичный разгром силами разбушевавшейся орды, хотя все осуществлялось регулярной армией, действовавшей по всем правилам ведения войны и несмотря на то, что монголы оставались там три года.

Джелал ад-Дин воспользовался тем безразличием, которое монголы продемонстрировали по отношению положения в Иране, для того, чтобы снова вернуться туда (1224).**

Представитель последней законной власти, которая предшествовала монгольскому нашествию, был без особого труда признан султаном атабеком или законными тюркскими наследниками Кирма-на или Фарса (в Кирмане Бурак Хаджип, основатель местной династии Кутлук-ханов, в Фарсе — Сайд ибн-Зенги 1195—1226, из династии сальгуридов). Выступив из Шираза, Джелал ад-Дин захватил Исфаган и Аджемистский Ирак, отняв их у своего брата Гийат ад-Дина, который создал там свое княжество, затем он последовал на захват Азербайджана. Атабек Азербайджана — Узбек (1210—1225), выходец из мощного тюркского феодального клана, которому принадлежала эта провинция с 1136 г., сумел, используя выплату огромной дани, пережить вторжение Джебе и Суботая, но ему не повезло с Джелал ад-Дином, который заставил Таурис капитулиро-

* Hulbert, History of Korea, 189, 195. Demieville, B.E.F.E.O., 1924, I, 195 **
Источники: Nesawi, trad. Houdas, Histoire du sultan Djelal eddin Mankobirti; d 0[сс]у, IV, 64et sq., По Нессави, Джувеини, Новаири и Ибн аль-Атиру. — Джузджани, перев. Раверти.-Spuler,- Quellenkritik zur Mongolengeschichte Irans, Zeitschr. D.Morgenl. Ges., 1938, 219.

вать и был признан всей провинцией (1225). Оттуда хорезмский принц двинулся на Грузию. Это христианское царство четыре года назад подверглось вторжению Джеббе и Суботая. Оно с трудом восстанавливалось при правлении известной царицы Русудан (1223—1247), сестры наследницы Георгия III, когда произошло нашествие Джелал ад-Дина. Султан одержал победу над грузинами в Карни или Гарни (август 1225), а на следующий год он вновь вторгся в Грузию, разорил Тифлис, где разрушил все христианские церкви (март 1226); в третий раз он вернулся в 1228 г. и одержал еще раз победу над грузинской армией под началом Коннатабля Иванэ,* в Миндоре у Лоре. Эти походы на Кавказ завершили укрепление власти Джелал ад-Дина в Азербайджане.

Таким образом, Джелал ад-Дин стал хозяином всего Западного Ирана: Кирмана, Фарса, Аджемистского Ирака, Азербайджана со столицами Исфаганом и Таурисом. Это явилось частичным восстановлением, в основном в западной части, бывшей хорезмской империи. Но этому блестящему воину удивительным образом недоставало политического чутья. Проявив небывалую отвагу, которая принесла ему славу одного из самых примечательных искателей приключений мусульманского мира, наследник султанов Хорезма продолжал вести себя на персидском троне, как странствующий рыцарь. Вместо того, чтобы основательно заняться персидским царством, для того, чтобы быть готовым к неизбежному возвращению монголов, этот выдающийся борец исламского мира поссорился с основными мусульманскими монархами Западной Азии, своими естественными союзниками. Он пригрозил нашествием багдадскому халифу (1224), затем после длительной осады отобрал укрепленное место Хилат (на северо-западе от озера Ван в Армении) у аюбидского султана Дамас аль-Ашрафа (взятие Хилата 2 апреля 1230 г.).**

Он закончил тем, что восстановил против себя коалицию аль-Ашрафа и сельджукского султана Ала ад-Дин Кай-Кобада I, правителя тюркской Малой Азии (султанат Конии). В августе 1230 года эти два монарха нанесли Джелал ад-Дину у Эрзинджана сокрушительное поражение, которое сломило его. И именно в этот период было совершено новое вторжение монголов.

Великий хан Угэдэй решил послать в Персию, чтобы покончить с неожиданной реставрацией хорезмской империи, армию,

* Cf. Minorsky, *Tinis*, Enc. Isl., 795.

** Cf. Rene Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 366.

численностью в 30 000 человек под командованием найона Чормагана или Чормакана.*

Зимой 1230—1231 г. монголы с невероятной быстротой, используя дороги Хорасана и Рэи, до того, как Джалал ад-Дин смог собрать свои войска, устремились прямо на Азербайджан, где находилась его ставка. Узнав эту новость, великолепный рыцарь схватился за голову. Покинув Таурис, он бежал к долинам Могана и Аррана у устья реки Араке и Куры, затем в Диарбекир, постоянно преследуемый по пятам, как когда-то его отец, которого преследовали монгольские передовые части. Его жизнь таинственным образом оборвалась в горах Диарбекира от рук курдского крестьянина 15 августа 1231 г.

Чормаган в течение десяти лет с 1231 по 1241 год находился во главе монгольской армии, которая стояла на северо-западе Персии. Обычно он проводил время в долинах Могана и Арраны на нижнем течении Куры и Аракса,** потому что тамошние степи с их обильной травяной растительностью подходили для выпаса военной кавалерии. По тем же причинам Моган и Арран стали одними из любимых мест пребывания монгольских ханов Персии, начиная с 1256 г. Именно с этих пастбищ на северо-востоке Азербайджана монголы правили в течение столетия древним оседлым Ираном и его угонченной городской цивилизацией.

Как только Джелал ад-Дин исчез с политической и военной жизни, Чормаган бросил свою небольшую армию на ирано-месо-потамские границы. В Армении монголы уничтожили население Битлиса и Арджиша. В Азербайджане они овладели Марагой, где они также учинили кровавый разбой. Извлекая урок из происходящих событий, жители Тауриса предпочли подчиниться, заплатив столько, сколько от них запросили и успокоили Чормагана, организовав производство изысканных тканей для Великого хана Угэдэя (1223). На юге ужасным образом были опустошены Диарбекир и Эрбиль. Ибн аль-Атир делится своими непосредственными впечатлениями от увиденных сцен кровавой расправы. «Один из жителей Ничибина рассказал мне, как спрятавшись в одном из домов, он видел через отверстие, что происходило снаружи; каж-

* Орфография в Секретной Истории, вместо Чармагун у Д Охссона. Об этом военачальнике см. Pelliot, *Les Mongols et la Parapute*, *Revue de l'Orient Chretien*, 1924, 51.

** Арран (с тех пор Карабах) в принципе является долиной между восточным течением Аракса и восточным течением Куры; Моган является долиной на юге и востоке нижнего течения Куры, начиная от притока Аракса до Каспийского моря.

дый раз, когда монголы убивали кого-то, они орали (в насмешку повторяя мусульманское заклинание): "ala-llahi". Завершив резню, они перешли к грабежу и увели с собой женщин. Я видел, — продолжает он, как их тянули за волосы; они хохотали, распевая на своем языке, произнося: "ala-llahi". Вот еще другая история, рассказанная тем же Ибн аль-Атиром: «Мне довелось услышать о случаях, в которые верится с трудом, настолько невероятен был ужас, который Аллах заронил в их сердца. Рассказывают, например, как один из татарских всадников устремился в одну многолюдную деревню и начал истреблять жителей одного за другим и никто не осмелился оказать ему сопротивление. Я слышал о том, как другой татарин, не имея при себе оружия и пожелав прикончить кого-то из жителей, которого взял в плен, приказал тому лечь на землю, сам пошел за саблей, которой зарубил несчастного так и не сдвинувшегося с места. Вот еще рассказ очевидца: «Я и мои семнадцать спутников находились в пути; мы встретили татарского наездника, который приказал нам связать друг другу руки за спиной. Мои спутники стали выполнять его приказ; я сказал им: Этот человек один, давайте убьем его и сбежим. — Мы испытываем большой страх, — заявили они. — Но этот татарин, когда вернется, перебьет вас всех. Так прикончим же его! — Может Аллах нас спасет?! — Клянусь вам, никто из них не осмелился сделать то, что я предложил. Тогда ударом ножа я прикончил его, мы сбежали и нам удалось спастись».*

На Кавказе монголы разрушили Гянджу, затем захватили Грузию и вынудили царицу Русудан бежать из Тифлиса в Кутаиси (к 1236 году). Регион Тифлиса отошел под монгольский протекторат; грузинские феодалы служили во вспомогательных отрядах в монгольских войнах. В 1239 г. Чормаган захватил города Ани и Каре в Великой Армении, которые принадлежали семье грузинского конатейбля Иванэ, и которые были опустошены.**

Отметим, что, несмотря на военные действия в Армении и Грузии, Чормаган в принципе не проявил враждебности к христианству, имея по родственной линии христиан-несторианцев.***

Впрочем, в период его деятельности между 1233 и 1241 гг. Великий хан Угэдэй направил ему в Азербайджан в качестве военного комиссара по христианским делам сирийского христианина

* Ibn al-Athir, ap.d'Ohsson, III, 70.

** Cf. G.Aitunian, Die Mongolen und ihre Eroberungen in kaukasischen und kleinasiatischen Landern, p.35 et sq.

*** Pelliot, Les Mongols et la Papauté, Revue de l'Orient Chretien, p.246 (51).

Симеона, как говорит об этом Раббан-ата,* который сам покровительствовал армянским общинам.**

Преемником Чормагана во главе монгольской армии в Персии (т.е. Могана и Аррана) стал найон Байджу, который исполнял эти обязанности с 1242 по 1256 г.*** Байджу сделал очень важный шаг в монгольских завоеваниях, напав на сельджукский султанат Конию. Это огромное тюркское царство Малой Азии, где правил султан Кай-Хос-ров II (1237—1245), казалось, достигло своего апогея, когда Байджу, захватив и ограбив Эрзерум (1242), разгромил сельджукскую армию под командованием лично султана у Кезадага близ Эрзинджана (26 июня 1243 г.). Это была победа, после которой он оккупировал Сиваш, который сдался во-время и подвергся только грабежу. Токат и Кайсария, которые организовали сопротивление, были полностью уничтожены. Кай-Хосров II взмолился о мире и получил его, став взамен вассалом Великого хана. Эта военная кампания расширила империю монголов до самых границ греческой империи.****

У хитроумного царя Армении, т.е. Цилиции, Хэтума I (1226—1269), хватило дальновидности, чтобы не задумываясь, стать под монгольский сюзеренитет, чему последовали все его преемники и что дало армянам в качестве покровителей в противостоянии мусульманским сельджукам или мамелюкам новых хозяев Азии (1244).*****

В 1245 г. Байджу усилил монгольское владычество в Курдистане, оккупировав Хилат и Амид. Монголы, впрочем, передали Хштат своим грузинским вассалам клана Иванэ. Атабек Мосула Бедр ад-Дин Лулу, такой же осторожный политик, что и Хэтум, также по своей воле признал монгольский сюзеренитет.

* Что касается Раббан-ата (по-кит. Липьен-ата) См. Pelliot, *Les Mongols et la Papeute*, I.e., p.236 (41) et sq.

** Армянский летописец Киракос из Ганджака дает самую яркую положительную характеристику Раббан-ата: «Он построил церкви в городах таджиков (=мусульман), где до того времени было даже запрещено произносить имя Христа, как например, в Таурисе и Нахичевани, где жители, в частности, были враждебно настроены по отношению к христианам. Он построил церкви, воздвиг кресты, дал предписание отмечать христианские церемонии с чтением евангелия, использованием крестов, свечей и песнопений. Те, кто этому воспрепятствовал, были казнены. Все татарские отряды оказывали ему почтение. Его люди, снабженные его печатями, свободно проникали повсюду. Даже татарские военачальники преподносили ему дары...» (ap. Pelliot, I.e., p.244, 49).

*** Что касается Байджу, см. Pelliot, *Les Mongols et la Papeute*, revue de *Г Orient Chretien*, 1924, p.303 et sq. (109 et sq).

**** Д Охссон, III, 83, (по Новайри, Бару Эбраюсу и Макизи.) См. Kaikhusraw, II dans l'Enc. в Ислам, p.679-680. Altunian, *Die Mongolen und ihre Eroberungen*, p.38.

***** Cf. Rene Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 526.

Походы Батыея и Суботая на Европу

В это время, по приказу Великого хана Угэдэя, крупная монгольская армия в составе 150 000 человек, развертывала военные действия в Европе. Она находилась под номинальным руководством Батыея, хана приаральских степей и Урала. В его распоряжении находились представители всех Чингиз-ханидских ветвей: Орда, Берке и Шейбан — братья Батыея, Гуйюк и Кодан, двое сыновей, и Кайду — внук Угэдэя, Мунке, сын Толуя, Байдар и Бури, сын и внук Чагатая.*

Реальным предводителем был Суботай, победитель Персии, России и Китая и ему было шестьдесят лет.

По мусульманским источникам военная кампания началась осенью 1236 г. с разрушения тюркского царства булгар Камы. Суботай опустошил и превратил в руины столицу этой страны, торговый город Булгар, расположенный около Волги на юге притока Камы** (по русским источникам эти события произошли осенью 1237 г.).

В начале весны 1237 г. монголы напали на тюрков язычников, наполовину необузданных кочевников русских степей, называемых мусульманами — кипчаками, команамы' венграми и византийцами — команамы'и русскими-половцами.***

Часть кипчаков подчинилась. Именно эти тюрки, которые в дальнейшем сформировали основу населения монгольского ханства, называемого по имени бывших хозяев страны «кипчакским ханством», известного также под именем Золотая Орда, которая относилась к родственной ветви династии Джучи. Один из кипчакских предводителей по имени Бачман в течение некоторого времени оказывал сопротивление на берегах Волги. Закончилось это тем, что он был захвачен на одном из островов нижнего течения реки (зима 1236-1237).****

Мунке разрубил его на две части. По свидетельству Рашид ад-Дина в 1238 г. состоялась последняя военная кампания Берке, которая завершила разгром кипчаков. Именно тогда кипчакский предводитель Кутан (о нем мы упоминали, когда говорили о кампании Джебе в 1222 г.) эмигрировал с сорока тысячами «семей» и скрылся

* В соответствии с текстом Юань-ши, переведенным Пельо, Бату был, якобы, послан в Европу, начиная с 1234 г., а Мунке только в 1235 г. получил распоряжение к нему присоединиться.

** «Руины Булгара соответствуют современному расположению Булгарское или Успенское в районе Спасска в 115 км. На юге от Казани и в 7 км от левого берега Волги», Минорский, Худуд аль-Алам, 461.

*** См. выше, стр. 241.

**** Pelliot, A' propos des Comans, J.A., 1920, I, 166-167.

в Венгрии, где он принял христианство. Зимой 1239—1240 гг., к декабрю 1239 г., монголы завершили завоевание степей Южной России, завладев под руководством Мунке городом Магас, Манкас или Монкас, который по видимому, являлся столицей Аланов или Азе-сов (Азод по-монгольски).*

В период между этими двумя кампаниями в степях Южной России состоялась поход против самих русских княжеств, территориальная раздробленность которых облегчала задачу монголам. Два рязанских князя — Юрий и Роман, укрылись, один в Рязани, другой в Коломне. Рязань была взята, Юрий убит, а население вырезано (21 декабря 1237 г.). Самый влиятельный из русских правителей — великий князь суздальский Юрий II напрасно выслал подкрепление защитникам Коломны: Роман был побежден и убит перед городом, а Коломна в свою очередь попала в руки захватчиков. Тогда еще незначительная по численности населения Москва была разграблена (февраль 1238 г.). Великий князь — Юрий II не смог помешать монголам разрушить города Суздаль и Владимир. Суздаль была сожжена. Владимир, который был захвачен штурмом 14 февраля 1238 г., подвергся ужасным кошмарам, население уничтожалось в полыхающих от пожара церквях, в которых оно скрывалось. Сам Юрий II потерпел поражение и был убит в решающей битве на Сите или Сити, притоке Мологи (4 марта 1238 г.). Другие монгольские отряды опустошили Ярославль и Тверь. Новгород, который находился в северной части Руси, был спасен только благодаря резкой оттепели.

В конце следующего года возобновились походы, направленные на этот раз против Украинской Руси. Разгромив Чернигов, монголы захватили и полностью разрушили Киев (6 декабря 1240 года). Затем опустошили русское княжество Галич или Галицию, князь которой — Даниил скрылся в Венгрии.

Во время этих походов стали возникать трения между монгольскими принцами. Один из сыновей Угэдэя — Гуйюк и внук Чагатая — Бури, которые очень ревниво относились к превосходству Батая, проявили признаки несоблюдения субординации по отношению к Батью до такой степени, что Угэдэй был вынужден призвать их к себе. Между Батьем и Бури произошла даже крупная ссора. Мунке, сын Толуя, также покинул армию, но оставался в хороших отношениях с Батьем. Эта размолвка Батая с Гуйю-ком и Бури и его дружба с Мунке имела весьма значительные последствия для монгольской истории.

* Cf. Pelliot, A propos des Comans, J.A., 1920, 1, 169. Minorsky, Hudud al-Alam, 446.

Из Украины часть монгольской армии под началом Байдара и Кайду напала на Польшу.*

Зимой 1240—1241 гг. монголы перешли по льду реку Вистуль (13 февраля 1241 г.), опустошили Сандомиры и немедля двинулись в окрестности Кракова. Они разгромили польскую армию в Шмильнике (18 марта 1241 г.) и пошли на Краков, откуда польский принц Болеслав IV сбежал и укрылся в Моравии. Войдя в обезлюдевший Краков, монголы подожгли город. Они проникли в Силезию под командованием принца, которого польские историки называют Пета, коим несомненно, является Байдар. Они перешли Одер в Ратиборе и столкнулись с польским герцогом Хендриком Силезским, под началом которого находились 30 000 человек. Туда входили поляки, немецкие крестоносцы и тевтонские рыцари. 9 апреля эта армия была раздавлена, а герцог убит в Вальштаде у Линитцы. Одержав победу, монголы пошли на Моравию и разрушили страну, но им не удалось захватить город Ольмюц, который защищал Ярослав Стенбергский. Из Моравии армейский корпус двинулся на воссоединение с другими монгольскими армиями, которые действовали в Венгрии.

В это время фактически вся остальная часть монгольских войск под предводительством Батыя и под общим руководством Суботая проникла в Венгрию тремя основными отрядами: первый отряд под командованием Шейбана прибыл с севера, между Польшей и Моравией; второй отряд под началом Батыя, прибыв из Галиции, направился через ущелья Карпат между Унгаром и Мункачой, вынудив обратиться в бегство 12 марта 1241 г. наместника, который должен был защищать эти края; третий отряд под командованием Кадана, прибывшего из Молдавии, захватил Вараден и Гзнад, которые были разрушены, население уничтожено с применением чудовищных зверств. Частично ограниченная мобилизация произошла у Пешта между 2 и 5 апреля.**

* Cf. Strakosch-Grassmann, *Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241- 1242*, Innsbruck, 1893.- Altunian, *Die Mongolen und ihre Eroberungen*, Berlin, 1911.-Capitaine H. Morel, *Les campagnes mongoles*, dans *Revue Militaire française*, j uin-j uillet, 1922.

** Д'Охссон считает, что армия Кадана не принимала участие в общем сборе войск и в битве при Сайо. Кахюн же, напротив, думает, что он успел принять участие в битве. Фактически, сведения, переданные персидскими историками, весьма запутаны. Джувейни и в особенности Рашид ад-Дин, у которых не было достаточных географических сведений о Западе, с очевидностью путали факты в данном случае. События не так уж и мрачно выглядят в ярком описании Кахюна, историческое повествование которого попало под влияние его романа, впрочем, полного жизненности, под названием «Та, которая приносит смерть».

В Пеште венгерский король Бэла IV в спешном порядке собирал армию. Когда он вышел навстречу монголам 7 апреля, они не спеша отступили до места слияния Сайо и Тисы. Именно там на юге Мохи, у слияния рек, Суботай одержал 11 апреля 1241 г. одну из своих самых замечательных побед. Джувейни и Рашид ад-Дин показывают нам Батыя накануне битвы, подымающегося на возвышенность наподобие своего предка Чингиз-хана, чтобы обратиться в течение дня и ночи к Тенгри, Небу, Высшему Божеству монголов. Две армии стояли на разных берегах Сайо. В ночь с 10 на 11 Суботай переправился через реку со своими войсками между Жиринесом и Нажи Чзеком.*

На следующий день утром он бросил в бой отряды с флангов, которые стремительно окружили вражеский лагерь до верховьев Чакалды. По свидетельству Джувейни решительный удар нанес Шейбан, брат Батыя. Венгры были полностью разгромлены, уничтожены или бросились врассыпную. Монголы взяли штурмом и подожгли Пешт, в то время как король Бэла скрылся в стороне Адриатики. Население было подвергнуто неслыханному насилию, которое чаще всего заканчивалось коллективной резней побежденных. Rogeri carmen miserabile полон трагических страниц, почти всегда одинаковых по сути: монголы с большим коварством оказывали содействие успевшим бежать жителям вновь вернуться в родные дома, обещая им полную амнистию; но затем, когда несчастные возвращались, поверив им, то их изрубали всех до последнего. В других случаях они гнали своих пленных впереди себя при осаде укрепленных городов. «Они держались позади этих обездоленных людей и разражались хохотом, когда те падали, и уничтожали всех, кто отступал». Заставив крестьян выращивать для них урожай по их указке, они затем перерезали им горло, наподобие того, что они делали с женщинами из деревень, наглумившись над ними, они отправляли их подальше, чтобы сделать свои грязные дела.**

Вся страна вплоть до Дуная попала под иго, за исключением редких крепостей, таких как Гран (Стигония) и Альба Джулия, которые продолжали оказывать сопротивление. В июле 1241 г. монгольские гонцы достигли даже Нейштадта около Вены. Батый лично переправился через Дунай по льду, 25 декабря 1241 г., и захватил Гран.

* Карта — поле боя Мохи у Шпрюнер-Менеке, *Handatias f. d. Gesch. d. Mittelalters, etc., carte 73.*

** Cahun, *Introduction a l histoire de l Asie*, p.376. Он попытался выразить свое видение некоторых заявлений для того, чтобы доказать, что было положено начало взаимопониманию между мадьярами и монголами. Фактически, в данном случае, как всегда, вероятно, Д'Охссон дает правильную оценку (II, 146-155).

Монголы, которые в венгерских просторах обнаружили сходство с их родными степями, остались там на лето и осень 1241 года. Они ограничились тем, что в начале 1242 г. послали принца Калана по следам короля Бэлы, который скрылся в Хорватии и откуда по приближении передовых монгольских отрядов скрылся на Далматском архипелаге. Кадан последовал до Спалато и Каттаро на Адриатике и вернулся в Венгрию после того, как разрушил второй из этих городов (март 1242 г.).

Однако в Монголии 11 декабря 1241 г. скончался Великий хан Угэдэй. Вопрос о праве наследования способствовал уходу монголов из Венгрии. Как известно, Гуйюк и Мунке уже вернулись в Монголию; другие военачальники спешили сделать тоже самое. Подобное обстоятельство несомненно явилось спасением для Запада от более серьезной опасности, которая нависла над ним со времен Атиллы. Монголы приступили к выводу войск, но вновь прибегли к вероломству, заставив своих пленников поверить в то, что они свободны и могут возвращаться к себе. Затем они нагнали несчастных и порубили их. Батый медленно возвращался по дороге вдоль Черного моря через Болгарию (весна 1242 г.), откуда зимой 1242—1243 гг. он достиг, пройдя Валахию и Молдавию, своих мест обитания на нижней Волге.

Итогом этих кампаний монголов в 1236—1242 гг. стало значительное расширение на западе от Волги владений клана Джучи. Этот улус по завещанию Чингиз-хана включал все территории, где прошли монгольские всадники к западу от Иртыша. Теперь же следы копыт стали маршрутом непрерывного кавалерийского перехода от Иртыша до Нижнего Днестра, т.е. до устья Дуная. Эти необъятные пространства стали законным образом владениями Батыя, который был, хотя и номинально, предводителем военной кампании 1236—1242 гг. С тех пор в истории он носит название завоеванной им страны и носит титул «хана Кипчакии».

Регентство Тораганы (1242—1246)

После смерти Угэдэя (11 декабря 1241 г.), регентство было доверено его вдове, энергичной хатун Торагане.*

Эта принцесса, которая первый раз выходила замуж за меркитского предводителя** и которую считают меркитского происхождения, и вероятно, была найманкой, находилась у власти с 1242 по 1246 г. Угэдэй завещал трон своему третьему сыну Кучу, а затем,

* Что касается этой принцессы, см. Pelliot, *Les Mongols et la Papauté*, *Revue del' Orient Chretien*, 1931-1932, p. 53 (193 du tite a part). ** Для Куду, сыну Токтобаки.

когда тот был убит на войне против династии Сун (1236), трон был завещан старшему сыну Кучу — молодому Ширамону. Но Торагана желала, чтобы Великим ханом стал ее сын Гуйюк. Она продолжала править в качестве регентши, чтобы подготовить избрание ханом Гуйюка.

Период правления Тораганы был отмечен отстранением многих советников Угэдэя, особенно керейтского несторианца Чин-кая, хранителя печати покойного императора* и китаизированного киданьца Елю Чуцая, исполнявшего при Угэдэе функции министра финансов, которому она предпочла мусульманина Аб-дурахмана, который обещал регентше удвоить собираемые налоги. Елю Чуцай, будучи свидетелем отклонения его мудрых советов и зная, что это чрезмерное налоговое бремя плохо отразится на уровне жизни народа, умер некоторое время спустя от горестных переживаний в Каракоруме, едва достигнув возраста пятидесяти пяти лет (июнь 1244 г.). Торагана отстранила от должностей еще двух крупных администраторов: на какое-то время мусульманина Масуда Ялавача, правителя Туркестана и Трансоксианы, и насовсем — уйгура Коргюза, правителя Восточной Персии, которого она велела казнить и заменила его ойратом Аргуном Агхой.**

Регентское правление, несмотря на то, что ему покровительствовал постаревший Чагатай, было, однако, недостаточно организовано.***

Немного времени спустя после начала своего правления, самый молодой брат Чингиз-хана — Темюже Очижин, владения которого простирались, как мы это знаем, между Восточной Монголией и регионом Чжирина, направился со своим войском в имперскую орду с весьма подозрительными намерениями. Прибытие Гуйюка, возвратившегося из Европы в свой улус на Имиле, похоронило его неблагоприятные планы. Более серьезной явилась вражда хана Кипчакии Батыя, личного врага Гуйюка, к которому он питал ненависть из-за того, что тот отказался подчиниться ему в период русской военной кампании и за что был отозван. Батый как смог оттягивал на время созыв курултая, на котором Торагана намеревалась заставить избрать Великим ханом Гуйюка. Когда участники были созваны, то Батый, сославшись на болезнь, не явился на курултай.****

* Он исчез из виду из-за озлобленности Тораганы. Приход к власти Гуйюка, сына Тораганы в 1246 г., дал ему возможность занять свое прежнее место.

** См дальше.

*** Чагатай, который доверил ей регенство, впрочем, скончался на следующий год (1242).

**** См. Бартольд, Бату-хан, Ислам. Энци., I, 700.

Правление Гуйюка (1246—1248)

Курултай состоялся весной и летом 1246 г. около небольшого оз. Кукунор у истоков Орхона, неподалеку от Каракорума. Там был установлен огромный городок из шатров — Сира-орда, Желтая резиденция (золотая), куда съехались все Чингизханидские принцы, за исключением Батыя, а также многочисленные правители провинций и вассалы. Отметим среди них: Масуда Ялавача, ставшего управляющим Туркестана и Трансоксианы, Аргун Аху, управляющего Персией, двух грузинских претендентов — Давида Нарина и Давида Лешу, великого русского князя Ярослава, коннетабля Семпада, брата царя Армении (Цилиции) Хэтума I,* сельджукида Килидж Арслана IV, султана Малой Азии с 1249 г., представителей атабе-ка Кирмана из Фарса и Мосула, а также посланника Багдадского халифа. В соответствии с пожеланиями регентши Тораганы, курултай избрал Великим ханом сына Угэдэя — принца Гуйюка, который был возведен на трон 24 августа 1246 г.**

Новый Великий хан, впрочем, согласился взять на себя полноту власти при условии, что империя останется с наследственным правом по линии его клана. «И тогда монгольская знать обнажила свои головы, расстегнув пояса, усадила на золоченый трон Гуйюка и приветствовала его, выкрикивая титул кагана. Участники курултая оказали честь новому монарху, совершив девять земных поклонов и все те, кто присутствовал в долине, вассальные принцы, иностранные дипломаты, которые почтительно стояли за пределами ограждения имперского шатра, простерлись одновременно лицом вниз к земле»***

Сведения о курултае, состоявшемся в 1246 г. нам хорошо известны из донесения монаха ордена францисканцев Жана Плано Карпини, который был послан к монголам Папой Иннокентием IV в качестве уполномоченного за доставку папского послания, в котором был призыв не нападать на другие нации и принять христианство. Покинув Лион 16 апреля 1245 г., он пересек Германию, Польшу, Русь (он выехал из Киева 3 февраля 1246 г.) и был принят кипчакским ханом Батыем 4 апреля 1246 г. на нижней Волге. Батый направил его к Великому хану через древнюю страну кара-ки-таев на юге Балхаша. Обычно путь проходил через Отрар, Нижний Или и Имиль и через древнюю страну найманов. Плано Карпини прибыл к императорскому двору (сира орда) 22 июля 1246 г., кото-

* Cf. Chronique de Kiragos, J.A., 1858, I, 452, Historiens des Croisades, Documents arméniens, I, 605.

** Торагана умерла два или три месяца спустя после избрания своего сына.

*** D'Ohsson, II, 199.

рый располагался в полдня пути от Каракорума, где собрался курултай. Он присутствовал при избрании Гуйюка, живой портрет которого дошел до нас благодаря ему: «Когда он был избран, то ему было примерно сорок или не более сорока пяти лет. Он был среднего телосложения, очень умен, дальновиден, собран, с серьезным видом и выдержанными манерами. Никто никогда не видел его хохочущим или слишком веселым. «В плане религиозного мировоззрения Гуйюк проявил благосклонность к несторианству. Плано Кар-пини утверждает, что несторианцы справляли мессу перед шатром этого монарха. Несторианцами впрочем были его несколько министров, его наставник Кадак и кереитский хранитель печати Чинкай.*

Одним из его советников являлся «сирийский раввин» Раббан - ата (по кит. Липьената), который отвечал при монаршеском дворе за дело религии».**

Это благодаря посредничеству Чинкай и Кадака, Плано Карпини изложил задачи своей миссии при монгольском дворе. Однако ответ, который Гуйюк дал на Папское послание, врученное Плано Карпини, было малоутешительным для христианского мира, ответ, недавно обнаруженный Пельо в архивах Ватикана. В этом ответном тексте монгольский монарх в угрожающем тоне призвал Папу и христианских монахов до того, как рассуждать о распространении христианства, явиться к нему прямо в резиденцию, чтобы выразить свое почтение. Гуйюк между прочим представлял себе власть, данную ему, как нечто божественное. Он говорил от имени Вечного Неба (по-тюрк. Мангу Тангри, по-монг. — Монка Тангри), словно высший представитель божественности и третейский судья различных вероучений.***

Получив ответ Гуйюка, Плано Карпини покинул Сира орду 13 ноября и вернулся обратной дорогой по Нижней Волге и резиденцией Батыя, до которой он добрался 9 мая 1247 г. На Запад он вернулся через Киев.

* Pelliot, Chretiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient, Toung pao, 1914, 628.

** Pelliot, Chretiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient, Toung pao, 1914, 628, et Les Mongols et la Papeute dans Revue de l'Orient Chretien, 1922—1923, 3—4, 247 (51).-Но само собой разумеется, что Гуйюк, каким бы не было его благосклонное отношение к несторианцам, ни на йоту не отступил от всеобъемлющей «суеверной толерантности» своего круга к другим монгольским религиям. Нам известно, что его младший брат Годан, имевший владения в Ганьсу (он умер в Ланьчжоу в 1251 г.), покровительствовал ламам известного тибетского монастыря Сакии. См. (Pelliot, Les systemes d'écriture chez les anciens Mongols, Asia Major, 11,1,1925, p. 285.

*** Texte persan, preambule turc et cachet mongoi. Cf. Pelliot, Les Mongols et la Papeute, 1922-1923, l.c.I, p.21 (18).

Армянский коннетабль Семпад, которого его брат — царь Армении (Цилиции) Хэтум I в тот же период отправил к Гуйюку (его путешествие длилось с 1247 по 1250 г.), видимо, лучше усвоил, по сравнению с Плано Карпини, те преимущества, которые сулил христианству союз с монголами. Гуйюк оказал ему достойную встречу и вручил ему грамоту, обеспечивавшую царю Хэтуму его покровительство и дружбу. В нашем распоряжении имеется письмо, которое во время путешествия 7 февраля 1248 г. Семпад написал из Самарканда своему зятю — королю Кипра-Генриху I. В нем он отмечает важность несторианского фактора для императорского двора и монгольской империи. Это письмо гласит: «Восточные христиане находятся под покровительством хана, который принял их с большим почетом, предоставил им налоговые льготы и заявил, что он запрещает притеснять их».*

Впечатление о суровости, которое Гуйюк произвел на Плано Карпини подтверждает и Рашид ад-Дин. Будучи энергичным, авторитарным, ревностно относящимся к своей власти, считая, что во время правления снисходительного Угэдэя, а затем и по причине регентства своей матери, ослабили государственные рычаги управления, он принял решение восстановить соответственно положение Великого хана и принцев, которое установилось при Чингиз-хане. Он провел расследование по подозрительному поведению старшего дяди Тэмюже Очижина, который замыслил покушение на регентшу и наказал его окружение. Умирая, хан района Или — Ча-гатай (1242) завещал свое наследство своему внуку — Кара Хулаге (сыну Мутужена, который был убит в 1221 г. при осаде Бамиана). Гуйюк, вмешавшийся в качестве верховного правителя в дела этого улуса, назначил на место этого молодого человека, младшего сына Чагатая по имени Йису-Мангу, который был его личным другом (1247). Он послал в Персию верного ему человека Эльджигидая, назначив его верховным комиссаром, который с 1247 по 1251 г. был приставлен или приравнивался командующему Байджу, который находился во главе монгольской армии Могхана.**

На Дальнем Востоке Абдурахман, финансовый распорядитель завоеванных китайских провинций был казнен за злоупотребления и заменен Масудом Ялавачем. Кереитский несторианец Чин-

* Cf. *Historiens des Croisades, Documents arméniens*, I, 605 et 651. Nangis, *Vie de saint Louis, Recueil des historiens de la France*, XX, 361-363. R. Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 526-527.

** Административные отношения Байджу и Эльджигидая не уточнены достоверно. Однако, вероятно, замечает Пельо, что власть, которой Гуйюк наделил Эльджигидая, была более весомой, чем у Байджу.

кай вновь занял место хранителя печати империи в качестве кого и встретился с ним Плато Карпини. Что касается подданных стран, то Гуйюк поделил Грузию между двумя соперничающими претендентами Давидом Лашой, которому достался Картли и Давидом Нарином, сыном царицы Русуданы, которому досталась только Имеретия. В сельджукском султанате Малой Азии (Кония) Гуйюк посадил на трон Килиджа Арслана IV, которого он предпочел его старшему брату Кай-Кавусу II, который правил до тех пор.*

В своей решимости устранить растущую независимость, к которой начали прибегать представители других Чингиз-ханидских ветвей, Гуйюк столкнулся со старшим из джучидской ветви — Батыем. В начале 1248 г. между ними сложились напряженные отношения до такой степени, что они начали подготовку к междоусобной борьбе. Избрав поводом желание приблизиться к своему родовому поместью в Имиле, Гуйюк двинулся на запад к Каракоруму. Батый со своей стороны, впрочем, тайно предупрежденный принцессой Соргаткани «главой» клана Толуя, двинулся в Семиречье, дошел до Алакмака в семи днях пути до Каялыга (неподалеку от нынешнего г. Капала), без сомнения, как считает Бартольд, в Алатау между Или и Иссык-Кулем. Столкновение было неотвратимым, когда Гуйюк, раньше времени изможденный злоупотреблением алкоголем и близкими отношениями с женщинами, умер в нескольких днях пути от Бешбалыка, вероятно, по мнению Бар-тольда, в регионе Урунгу. Как считает Пельо, на северо-востоке Бешбалыка (Кучена).**

Смерть датируется апрелем 1248 г., а точнее, между 27 марта и 24 апреля, по китайским источникам.***

Ему едва исполнилось сорок три года.

Вполне возможно, что эта смерть спасла Европу от грозной опасности. Гуйюк предполагал не только разгромить кипчакского хана, но также, по свидетельству Плато Карпини, подчинить христианский мир. В любом случае, он обращал пристальное внимание на Запад. И напротив, при пришествии к власти клана Толуя, вначале Мунке, а затем в особенности, Хубилая, основным направлением монгольской армии был избран Дальний Восток.

* Джувейни и Рашид ед-Дин у Д'Охссона, II, 206. Chronique de Kirakos, J.A., 1858, I, 451. Brosset, Hist. De la Georgie, Add.I, 298.

** Бартольд, Бату-хан, Ислам.энц., I, 700. Pelliot, Les Mongols et la Papa; te, Rev.Orient Chretien, 1931, p.58 (196) et 61 (199).

*** В данном случае Бар Эбраюс ошибочно считает дату смерти Гуйюка 22 июля 1249 г.

Регентство Огуль Каймиш

После смерти Гуйюка, его вдова Огуль Каймиш, происхождением из ойратов, как считает D.'ОХССОН, или из меркитов, поправляет Пельо, вполне разумно справлялась с регентством.*

Именно она в 1250 г. приняла в Тарбагатае в регионе Имиля и (Собака принадлежащего наследию династии Угэдэя, посланников Людовика Святого, а точнее, трех доминиканцев — Андрэ де Лонжюмо, его брата Ги или Гийома и Жана де Каркассона, прибывших через Персию (Таурис) и Талас. Она соблаговолила принять в качестве дани подарки короля Франции и потребовала в письменной форме более четкого принятия решения о подчинении монголам. Посланники короля вернулись к Людовику Святому в Цезарию самое раннее в апреле 1251 г.

Огуль Каймиш хотела бы передать трон одному из принцев по родственной линии Угэдэя, или Ширамону,** племяннику Гуйюка, или, что еще предпочтительнее (но он был еще очень молод) — сыну от брака с Гуйюком — Кучу.***

Но Батый, который играл теперь основную роль как дуайен Чингизханидского клана, был полон решимости отстранить угэдэидов от власти. Он был заодно с вдовой Толуя — Суаюргактани или Соргактани. Эта принцесса кереитского происхождения (она была племянницей ван-хана Тогрула) и как все кереиты, исповедывала несторианство, и была как умной, так и дипломатичной.****

Когда то Гуйюк провел тщательное расследование по злоупотреблениям власти и незаконных присвоений должностных функций, совершенных во вред государству различными Чингизханидскими принцами, и было доказано, что благодаря ей поведение клана Толуя было всегда безукоризненным.*****

Теперь она считала, что наступил их час. Она сумела убедить Батыя, чтобы Великим ханом был избран один из ее старших сыновей от клана Толуя, а именно, Мунке.*****

* D'Охссон ошибается (II, 246), когда считает Огуль Каймиш дочерью бывшего повелителя ойратов Кутуку-баки. Поправка Пельо, *Les Mongols et la Paraute, Rev.de f Orient Chretien, I.e.,* p.61 (199).

** Об этом имени (может быть Саломон) см. Pelliot, *Les Mongols et la Paraute, I.e.,* 63-64 (203-204).

*** Cf. Pelliot. *Ibid.*, 1931, 196 (199).

**** Соргактани была дочерью Джагамбу, брата Ван-хана. Она скончалась в феврале 1252 г. после назначения своего сына Мунке.

***** D'Охссон, II, 204.

***** Мунке по-монгольски мангю или мангу, означающего на тюркском языке Вечный. См. Pelliot, *Sur quelques mots d'Asie Centrale, J.A.,* avril-mai 1913, 451.

Таким образом, именно Мунке был выбран Батыем и рекомендован на усмотрение курултая, который он созвал в связи с этим в своем лагере в Алакмаке на севере Иссык-Куля, кажется, в 1250 г. Назначение Мунке, впрочем, было решено только уполномоченными представителями династий Джучи и Толуя, так как, по мнению Бартольда, представители династий Угэдэя и Чагатая, или вообще не прибыли на ассамблею, или покинули Алакмак до окончательного решения вопроса. Когда они узнали, что предлагается кандидатура Мунке, они категорически отказались поддержать это и к тому же курултай проходил вдали от святых мест Чингиз-ханидоз и многие представители не прибыли на него. Батый принял решение созвать второй курултай в более полном составе в одном из устраивающих всех месте на Ононе или Керулене и пригласил на него представителей династий Угэдэя и Чагатая, но на все предложения, адресованные им, естественно, последовал отрицательный ответ.

Продолжая свою линию наперекор оппозиции, Батый поручил своему брату Берке провести курултай в Кода-арале или Котою-арале* на Керулене. Несмотря на протест со стороны представителей династии Угэдэя, которые отказывались соглашаться с устранением их от управления империей, а также, несмотря на возражения Йису-Мангу, предводителя улуса Чагатая, который поддерживал угэзидов, Берке провозгласил Великим ханом Мунке (1 июля 1251 г., по свидетельству Джувейни). Таким образом, империя перешла окончательно от династии Угэдэя к династии Толуя.**

Относительная легкость, с которой произошло это событие, напомиравшее государственный переворот, объясняется тем, что перед сильной личностью Мунке, законные наследники династии Угэдэя были совсем юными и недостаточно проявившими себя принцами. Оно объясняется также той временной диктатурой, которую в период безвластия Батый мог использовать как дуайен Чингизханидского клана и предводитель его старшей ветви. Правдоподобно и то, что устранение династии Угэдэя от власти в пользу клана Толуя, явилось нарушением легитимности, которую основные пострадавшие от такого хода событий не могли принять, не отреагировав соответствующим образом. После устранения от власти клана Угэдэя, в частности Ширамона, его члены явились после подобного переворота к концу курултая, чтобы создать видимость признания Великого хана, но в действительности, кажется, они намеревались с их войском неожиданно захватить его и лишить тро-

* Поправка Пельо, см. *Les Mongols et la Papauté*, I.e., 1931, p.62, 200).

** D'Oxsson, II, 249 et sq. (d'après Djouweyni et Rachid ed-Din).

на. Но их намерения стали известными. Сопровождающий отряд был обезоружен, их советники, в частности, Кадак и Чинкай, были преданы казни,* а все оставшиеся были заключены под стражу.

Мунке сурово расправился с несчастными кузенами. Старая регентша Огуль Каймиш, которую он ненавидел («женщина, хуже чем собака», говорил он Рубруку) была лишена одежды и подвергнута допросу, зашита в мешок и утоплена (май-июль 1252 года). Хубилай, младший брат Мунке, на какое-то время спас Ширамона, которого он призвал в китайскую армию, но в дальнейшем он не смог помешать Мунке утопить этого молодого несчастного принца. Кучу, молодой сын Гуйюка, был отправлен в один из кантонов на западе Каракорума. Не был наказан Кадан, который тут же подчинился Мунке (и сам стал исполнителем мстительного акта, в частности, против Эльджигидая). В живых остался также Кайду. Вдвоем они сохранили за собой угэдэйский улус Имиля. В дальнейшем мы узнаем, что Кайду впоследствии возглавил борьбу за возвращение законных прав угэдэидам и причинил ужасные неприятности преемнику Мунке. Наконец, Мунке приговорил к смерти предводителя чагатайского улуса Йису-Мангу, который выступил против него и заменил его другим чагатаидом, Кара Хулагой, а затем вдовой последнего — принцессой Оргханой (1252). Бури, другой внук Чагатая, который нанес Батью оскорбление в ходе европейской военной кампании, был выдан Батью и умерщвлен им.**

Правление Мунке (1251-1259)

Мунке, которому исполнилось сорок три года, когда он стал императором, был после Чингиз-хана одним из самых примечательных монгольских Великих ханов. Неразговорчивый, противник излишеств и разврата, находя расслабление только во время охоты, он приложил все усилия для усиления ясака и выполнения предписаний своего предка. Полный энергии предводитель, строгий, но справедливый управленец (он до последнего рассчитался с огромными переводными векселями, подписанными его предшественниками, так и не выплаченными последними),*** жесткий, но мудрый политик, доблестный воин, он восстановил полностью мощную структуру, созданную Чингиз-ханом. Ничего не потеряв из черт своей расы (как это произойдет с его преемником Хубилаем), он завершил подготовку для монгольской империи квалифицированных управленческих кадров и превратил подвласт-

* Pelliot, I.e., 63 (201).

** Pelliot, *Les Mongols et la Papauté*, I.e., 1931-1932, 66 (204) et 79 (217).

*** D'Ohsson, II, 266 (согласно Джувейни и Рашид ад-Дина).

ную ему страну в крупное законное государство. В начале своего правления те обязательства, которые он принял по отношению к Батыю (который буквально посадил его на трон), привели фактически с соблюдением закона, как на это указал Бартольд, к некоему разделу власти, так как Батый практически царствовал независимо на западе от Балхаша.*

Но позже, в связи со смертью Батая, Мунке вновь стал единственным всевластным хозяином монгольского мира. Предводители различных улусов и владельцы земель из числа Чингиз-ханидов считали вправе быть освобожденными от налогообложения или передачи части доходов страны уполномоченным центральной власти. Мунке положил конец подобной практике. Вполне очевидно, что если бы он прожил еще больше, а его преемники следовали его политике, то монгольская империя, вместо того, чтобы быть поделенной на ханства Дальнего Востока, Туркестана, Персии и Руси, осталась бы относительно унитарным государством.

Мунке, воспитанный матерью, исповедывавшей несторианство, керейтской принцессой Соргактани, относился благосклонно к несторианству. Хранителем печати он назначил несторианца — Керейт Болгая.**

Но он также с симпатией относился к буддизму и даосизму. С 1251 — 1252 гг. при императорском дворе он назначил предводителя даосистской церкви и «главного хозяина» буддистов. Первым был монах Ли Чачанг, вторым — лама «из западных стран» по имени Намо.***

В эту эпоху особым распоряжением монарха пользовался Ли Чачанг. В 1255 г. Мунке присутствовал на бурном совещании, где участвовали буддистский монах Намо и даосисты.****

В 1256 г. при его дворе в Каракоруме состоялось нечто вроде церковного собора. Он говорил Рубруку: «Все эти религии как пять пальцев одной руки». Но буддистам он говорил, что «буддизм явля-

* Рубрук (глава XXV) считает, что граница двух владений находилась в стороне Ала-Тау на севере Иссык-Куля. По мнению того же путешественника, Мунке и Бату составляли истинную диархию, а сам Мунке говорил Рубруку: «у человека пара глаз, несмотря на то, что у нас два глаза, тем не менее получается один взгляд». Однако Мунке со своим авторитарным характером и чувством экономии сумел отказаться от того, чтобы попросить денег у самого Бату. (d'Ohsson, II, 320-321, согласно Yuan-che).

** Cf. Pelliot, *Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient*, Toung-pao, 1914.629.

*** Cf. Chavannes, *Inscriptions et pièces de chancellerie chinoises*, Toung pao, 1904, 364, 374; 1908, 356, 362.

**** Cf. Bazin, *Recherches sur les ordres religieux chinois*, J.A., 1856, II, 138 et Chavannes, *Inscriptions et pièces de chancellerie*, I.e., 1904, 367, 383.

ется ладонью руки, а все остальные религии — пальцы той же руки". В самом деле, кажется, что, балансируя между буддистами и даосистами, Мунке закончил тем, что склонился в пользу первых, особенно после коллоквиума в 1255 г., где даосисты были уличены в том, что распространяли апокрифы, которые извращали происхождение буддизма. В остальном монгольский монарх использовал все верования в своих политических целях. Именно с учетом этого, он поставил предводителем буддистов бонзу Кай Юаня, а верховным над даосистами назначил личность, также преданную интересам монголов.

Путешествие Рубрука

В эпоху правления Мунке, Людовик Святой послал с миссией к монголам францисканца Гийома де Рубрука (родом из под Касселя).*

Рубрук, покинув Константинополь 7 мая 1253 г.,** добрался Черным морем до итальянских факторий в Крыму (прибыл в Солдаю 21 мая). Он продолжил путь из Крыма в русские степи, то есть в кипчакское ханство, и у него сложилось впечатление, что он попал в другой мир, мир жизни кочевников среди безмолвных просторов, которые после массового истребления древних кипчакских тюрков, были океаном растительности, на горизонте которого неожиданно возникали патрули монгольской кавалерии. «Когда я очутился среди татаров, мне в самом деле привиделось, что я был перемещен в другой век». Описание монгольских орд Рубруком стало хрестоматийным. «У них нет постоянного места жительства, так как они разделили между ними всю Скифию, которая простирается от Дуная до Дальнего Востока и каждый предводитель в соответствии с тем, мало или много находилось под его началом людей, знал границы своих пастбищ и определял, где он должен оставаться в зависимости от времени года. При наступлении зимы они направляются к более теплым краям на юге, летом они возвращаются к более умеренным краям на севере». Рубрук со знанием дела описывает монгольские шатры из войлока, установленные на повозках и зачастую служившими передвижными поселениями. Что касается самих монголов, никто лучше не описал их, чем наш францис-

* R. Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 522.

** Пельо считает, что Рубрук направился из Палестины в Константинополь в начале 1253 г., а не в 1252 г., как на это указывает Рокхилл. (*Mongols et Papauté*, I.e., 1931, p.77 (221)).

канец: «Мужчины сбривают небольшое каре на голове и то, что остается от волос на голове, они завивают в косички, которые свисают с каждой стороны висков, падая до ушей». Укутываясь зимой изделиями из меха, они надевают летом одежды из шелка, доставленного из Китая. Наконец, они не расстаются с огромными сосудами с кумысом, броженным кобыльим молоком, национальным монгольским напитком и вином».*

31 июля Рубрук достиг ставки Сартака, сына Батыя, в трех днях езды от Нижней Волги. Несмотря на то, что наш францисканец не отдавал себе в этом ясного отчета, Сартак был несторианцем и Рубрук был препровожден к нему «неким несторианским христианином по имени Кайат, который относился к знатым людям двора».** И даже если это неправда, что при Сартаке Рубрук встретился с тамплиером, этот принц был достаточно информирован о происходящем на Западе. Когда Рубрук сказал ему, что самым могущественным монархом христианского мира был император, тот на это заметил, что гегемония на тот момент перешла к Людовику Святому. После того, как Рубрук, выйдя из стоянки Сартака, пересек Волгу, он был принят в ставке Батыя на восточном берегу реки. «Батый восседал на высоком месте или троне, величиной с кровать, покрытой позолотой, куда вели три ступеньки. Около него находилась одна из его жен; другие же мужчины находились на правой и левой сторонах от нее». В свою очередь Батый направил Рубрука ко двору Великого хана Мунке. Францисканец пересек Яик или реку Урал и вошел в азиатские степи, «это безлюдное пространство, подобное огромному морю». Он спустился вдоль Чу, провел шесть дней в Таласе, пересек Или, прошел на север Или через город Эквис», населенный таджиками, говорящими на персидском языке и, который, при скрупулезном исследовании Бартольда, может оказаться ни чем иным, как Ики-огузом М. Кашгари,*** затем через «Кайлак» (Кайлык, неподалеку от нынешнего Капала), где процветала значительная несторианская община, а

* Что касается различных видов кумыса, см. Pelliot, J.A., 1920, I, 170.

** Вопреки Рубруку, чьи предупреждения, направленные против несторианцев, были в некоторой степени чрезмерными, несторианство Сартака было признано армянским летописцем Киракосом.

Поспешим уточнить, что замечания Рубрука о полной неосведомленности несторианского «духовенства» подтверждены путешественниками Поло, которым Великий хан Хубилай об этом сказал, когда обратился с просьбой прислать католических богословов для того, чтобы довести до сведения двора истинное католическое учение. (Marco Polo, II Milione, ed. Benedetto, p.70-71).

*** Минорский, Худуд аль-Алам, 246.

также уйгурская буддистская община, где Рубрук слышал чтение *Ot tamī raolme*. Говоря об уйгурах, Рубрук пишет, что «татары (= монголы) заимствовали их письменность и алфавит, а письма, которые хан Мангу (= Мунке) шлет Вашему Величеству (Людовику Святому) написаны на монгольском языке, но уйгурскими буквами».

30 ноября 1253 г. Рубрук покинул Кайлык и, пройдя по восточной части озера Балхаш, пересек регион Имиля или Тарбагатай, вотчины угэдзидов, где начиналась древняя страна найманов на южных отрогах Алтая, и, наконец, он достиг ставки Мунке, который дал ему аудиенцию 4 января 1254 г. «Нас сопровождали во дворец, войлочный полог был приподнят и мы вошли, напевая гимн: *A solis oxtu*. Там все было покрыто золотканными материалами. В самой середине стоял сосуд на огне, наполненный терном, корнями полыни и лепешками из коровьего навоза. Великий хан сидел на небольшой кровати, одетый в богатый, хорошо люстрированный халат из мягкой ткани, напоминавшей шкуру нерпы. Это был человек среднего телосложения, с немного вздернутым и плоским носом в возрасте примерно сорока пяти лет. Хан отдал распоряжение преподнести нам напиток, сделанный на основе риса, цвет которого был светлым, а вкус напоминал белое вино. Затем он приказал принести несколько видов хищных птиц, которых поместил на руку, рассматривая их в течение длительного времени. Потом он повелел нам говорить. Переводчиком у него был несторианец».

В ставке Мунке Рубрук неожиданно встретил жительницу Лотарингии из Метца, по имени Пакетта, которая была привезена из Венгрии и которая была на службе одной из несторианских жен этого монарха. Сама она стала женой русского, работавшего там архитектором. Рубрук также встретил там при дворе Каракорума парижского ювелира Гийома Буше, «брат которого жил у Большого моста в Париже» и который поочередно работал на богатую вдову Соргактани, затем на самого молодого брата Мунке — Арик-богу, с симпатией относившегося к христианам. Рубрук заметил, что во время торжественных приемов при дворе, первыми к посещению допускались несторианские священники с их украшениями для того, чтобы освятить бокал Великого хана, а за ними следовало мусульманское духовенство и «языческие» монахи, то есть буддисты и даосисты. Сам же Мунке иногда сопровождал свою несторианскую супругу во время молебна в церковь. «Он вошел

туда, ему занесли золоченую кровать, на которую он сел рядом с императрицей, своей супругой, напротив алтаря».*

Рубрук прибыл к императорскому двору в Каракоруме 5 апреля 1254 г. Гийом Буше, которого высоко ценили как мастера золотых дел при дворе, встретил его с «большой радостью. Его жена была дочерью сарацина, родившегося в Венгрии. Она хорошо владела французским и команским языками. Там же мы встретили другого человека по имени Базиль, сына англичанина, тоже родившегося в Венгрии и владевшего теми же языками, что и его супруга». В Пасху в 1254 г. Рубруку было дозволено справлять богослужение в несторианской церкви Каракорума, где «ювелир Гийом создал образ святой девы Марии в виде скульптуры, наподобие той, что была сделана во Франции». Неподалеку от несторианской церкви в Каракоруме имелись две мечети и двенадцать пагод или храмов «с идолами». У Рубрука была возможность видеть на дивном богослужении Арикбогу, одного из принцев, наиболее благосклонно относящегося к христианству, «который протягивал нам руку, делая крестное знамение наподобие наших епископов». Однажды, когда возникли разногласия между мусульманами и христианами в присутствии Рубрука, то тот был свидетелем того, как Арикбога публично встал на сторону христиан.

30 мая 1254 г. накануне Троицынова дня в присутствии трех третейских судей, назначенных Мунке, Рубрук вел перед присутствующими в Каракоруме крупную религиозную дискуссию в процессе которой, заняв позицию теизма, он встал на сторону мусульманских богословов в их споре против буддистских философов.**

Рубрук покинул Каракорум 18 августа 1254 г. с ответом Мунке Людовику Святому: «Такова воля Вечного Неба. Есть только один бог на небе и только один монарх на земле — Чингиз-хан, сын Бога».

* По сведениям Рубрука (гл. XXXVI) несторианские праздники заканчивались попойками. В конце церемонии, о которой говорится выше, супруга Мунке выпила много спиртного; «Нам принесли рисовый хмельной напиток ж, светлого вина, сходного с вином Ларошеля, а также кумыс (кумиз). Дама наполнив до краев бокал, встала на колени и попросила благословения. В то время как священники исполняли псалмы, она выпила эту чашу... И так прошел весь день до вечера. Наконец, дама, опьяневшая как и другие, возвратилась на своей повозке к себе, а священники продолжали свое песнопение, или скорее орали во всю ночь, провожая ее».

** Имя Гьюнан, Гьун, под которым Рубрук и другие западные миссионеры называли буддистских монахов, происходит от кит. тао-жен, «люди дороги» или «пути», означавшего чрамана.

И от имени Вечного Неба и каана, его наместника на земле, Мунке предписал королю Франции признать себя вассалом.*

За два месяца и шесть дней Рубрук проделал обратный путь из Каракорума до Волги. По пути он встретился с царем Армении — Хэтумом I, который направлялся к императору, и в сентябре Рубрук достиг ставки Батыя, которая, кажется, в тот момент находилась в новой резиденции в Сарае. Оттуда через страну аланов и Дербентский пролив, Рубрук добрался до Могана, где был встречен найоном Байджу, командующим монгольской армией в Персии, в то время как его переводчик направился в Таурис к Аргуну Ахе, гражданскому управляющему той же Персии. Затем через Нахичевань, где он встретил Рождество, Эрд-зинджан, Кайсарию и Конию в сельджукском султанате, он пошел в направлении Малой Армении, чтобы сесть на судне в Ла-жаццо, чтобы доплыть до Кипра.

Царь Армении (т. е. арменизированной Цилиции) — Хэтум I, которого он встретил по пути следования из Монголии, оказался лучшим дипломатом, чем он.** Рубрук жил с опасением, что будет спровоцировано монгольское вторжение. Что же касается ловкого армянского монарха, то он сумел избежать интервенции, направив ее против мусульманского мира во благо христианства. С этой целью он прибыл вначале в Каре, где находилась стоянка Байджу, командующего монгольской армией в Персии (1253). Оттуда через Дербентский пролив он достиг стоянки Батыя на Нижней Волге, затем резиденции Мунке около Каракорума. Император принял армянского царя 13 сентября 1254 г., "находясь в зените своей славы".

Мунке оказал прекрасный прием верному вассалу, вручил ему охранную, или инвеститурную грамоту,*** "документ, — как гласит армянская хроника Киракоса, — скрепленный печатью и указанием на абсолютный запрет что-либо предпринимать против предъявителя документа или представителей государства Хэтума. Он также вручил грамоту о неприкосновенности церквей где бы это ни было". Другой армянский историк — монах "Хэйтон" в своем труде *Flor des estoirex Orient*, уточняет также, что Мунке заверил своего гостя, что крупная монгольская армия под началом его брата — хана Ху-

* Срав. формулу монаха Хэтума или «Хейтона»: Шанжиюс Кан, император по велению Бога». (*Historiens des Croisades, Documents armeniens*, II, 148-150).

** Crousset, *Histoire des Croisades*, III, 527, 636.

*** Ярлыг по-тюркски, джарлык по-монгольски, императорский указ. См. Pelliot, *Toung pao*, 1930, 292.

лагу нападет на Багдад, разрушит их «смертельного врага» — халифат и вернет Святую Землю христианам.*

В действительности это обещание, по крайней мере, было выполнено частично. Хэтум в полной уверенности покинул императорский двор монголов 1 ноября и возвратился в Цилицию по обычному маршруту: Бешбалык (Кучен), Алмалык (около Кульджи), Амударья и Персия, в июле 1255 г.**

Война Мунке против империи Сун

Мунке вдохнул новый импульс монгольским завоеваниям, практически прерванным после смерти Угэдэя. С одной стороны, во время курултая, созванного в 1253 г. у истоков Орхона, он решил, что его младший брат — Хулагу завершит завоевание Персии, подчинив Багдадский халифат и Месопотамию, после чего Хулагу пойдет на завоевание Сирии (мы увидим дальше продолжение этой военной кампании). С другой стороны, Мунке лично со своим братом Хубилаем*** возобновил войну против китайской империи Сун.

Китайцы же на самом деле вопреки бесхребетности двора Хангчэу, бездеятельности министров и личной мягкотелости принцев династии Сун, оказали монгольскому вторжению неожиданное сопротивление. Доблестный китайский полководец Мин Кин (умер в 1246 г.) отобрал у монголов важный город Сиангян, расположенный на среднем течении реки Хань (1239) и длительное время сражался с ними за обладание Центральным Сычуанем или Чэнду,

* Hayton, Documents arméniens des Croisades, II, 164-166. Cf. Chronique de Kirakos, J.A., 1833, 279 et 1858, I, 463-473. R.Grousset, Histoire des Croisades, III, 527-529. Впрочем, следует исправить то, что невольно некоторые утверждения армянских летописцев могут быть тенденциозными. Планы Мунке против халифата были чисто политического характера. У него не было никакого враждебного отношения к исламу как таковому. А напротив, как утверждает Джувейни, он прислушивался с таким же уважением к мусульманским молитвам, как и христианским и др. Именно таким образом на праздновании байрама в 1252 г., великий судья Джемаль ед-Дин Махмуд из Ходжента прочитал молитву в своей орде. «Мунке заставил его повторить три раза и осыпал мусульман подарками».

** Cf. Bretschneider, Mediaeval researches, I, 168.

*** Специально я использую форму Хубилай, имя принца, наряду с именем Кубилай, которое носил один из офицеров Чингиз-хана, не из-за того, что слово имеет различное происхождение, но чтобы читатель не смешивал эти два персонажа.

дважды опустошенным ими, но окончательно перешедшими в их руки только в 1241 г.*

Дело в том, что в этом огромном человеческом улье Южного Китая, пересеченного множеством рек и с гористой местностью, с большим количеством городского населения, война не смогла быть ничем иным, как осадной войной, когда всадники степей теряли свою мобильность и маневренность. Завоевание Северного Китая было осуществлено до Чингиз-ханидов другими тюрко-монгольскими ордами, хунну и сяньби в IV в., то-па в V в., киданями в X в., цинами в XII в. При завоевании Южного Китая, все, начиная от то-па до цингов, потерпели неудачу.** Для того, чтобы завоевать Южный Китай нужна была тактика ведения войны по-китайски, с использованием большого количества китайских пехотинцев, с применением целой «батареи» осадных машин, задействованных китайскими или мусульманскими инженерами.

Мунке сосредоточил все свое внимание на событиях, происходящих в Китае в целях координирования усилий монгольских войск, которые до тех пор были не согласованы. Его младший брат Хубилай, которого он тоже привлек для осуществления поставленных целей, с большой ответственностью, чем он сам, отнесся к этому, лично увлекшись китайской цивилизацией, и приняв решение искать удачи именно в этом направлении. В 1251 г. Мунке поручил ему управление завоеванными районами Китая, затем передал в его владения Хунань (административная единица, которая была гораздо крупнее, чем современная провинция, которая сегодня называется таким же образом, потому что она включала территорию между Желтой Рекой и Янцзы вплоть до 110° по Гринвичу на западе),*** плюс уезд Конгчанг на Верхнем Вэе в современной Ганьсу. Хубилай, исполняя свои функции, пользовался советами просвещенного китайца Яо Шу, который, когда Хубилай был молодым, обучал его основам китайской письменности. В своих владениях в Хунани он прилагал усилия для восстановления земледелия, разрушенного войной, распределяя среди крестьян инструменты сельскохозяйственного назначения, семена для посевов, заставляя даже солдат стать на время земледельцами.

* Д'Охссон сообщает нам, что монголы захватили Чэн-ду в год смерти Угэдэя (он умер в декабре 1241 г.). В 1252 г. Тонкьен канму описывает сцены грабежа монголами Чэн-ду, что свидетельствует о том, что не было эффективной монгольской оккупации.

** См. стр. 98, 103-108, 183, и 192-193.

*** См. Albert Herrmann, Atlas of China, carte 52.

Перед тем как начать наступление по всему фронту на империю Сун на Нижнем Янцзы, Хубилай по приказу Мунке изменил маршрут. Совместно с Урианкатаем,* сыном великого Суботая, он вышел из Шеньси к октябрю 1252 г., пересек Сычуань и проник в Юннань. Эта последняя страна, тогда еще чуждая Китаю, с VIII в. составляла отдельное царство Наньчао или Тали, некитайское государство по происхождению ло-по или тай, которое было независимым в условиях альпийских высот. Хубилай овладел Тали, вражеской столицей и Шаньсу (Юнаньфу или же Пингтингхианг?), где скрылся правитель Тали, называемый китайцами Туан Хингче (1253).**

Он, впрочем, оставил принца на троне в качестве махараджи, но приставил к нему «монгольского» чиновника, коим являлся присоединившийся китаец Лю Шэчон. Несмотря на то, что бывшая династия была сохранена, весь Юннань был разделен на монгольские командорства.*** Уриянкаитай напал затем на тибетцев и принудил их, по меньшей мере тех, кто был по соседству, признать монгольский сюзеренитет.

В конце 1257 г. Уриянкаитай атаковал королевство Аннам (столица Ханой). Он спустился из Юннаня в долину Тонкина и разграбил Ханой (декабрь 1257 г.). Король Аннама — Тран Тайтонг посчитал благоразумным признать себя некоторое время спустя вассалом (март 1258 г.).

В сентябре 1258 г. на курултае, который состоялся в Монголии, Мунке принял решение взять на себя руководство ведением войны против китайской империи Сун. С основными силами монгольской армии он проник из Шеньси в Сычуане (октябрь 1258), захватил Паопинг (к декабрю 1258), но не смог, несмотря на все усилия, овладеть Хочэу, нынешним Хотэюанем, важным пунктом из-за своего месторасположения на разветвлении Киалингкианга и ее двух притоков. Он скончался в этом городе из-за дизентерии, которой заразился во время осады (11 августа 1259 г.).

В то время, когда умер Мунке, его брат Хубилай, который пришел с Хубея с другой монгольской армией, осадил город Вучэу, современ-

* См. Pelliot, *Revue de l'Orient Chretien*, 1931, p.77 (201). По-персидски Курианкадай.

** См. Chavannes, *Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises d'epoque mongole*, *Toung pao*, 1905, 1-7. Nan-tchao ye-che, trad. Sainson, 109.

*** Правительство Юннаня возглавлялось, наряду с бывшей династией, чингизханидскими принцами, среди которых были Ужечи, сын Хубилая в 1267 г., Туглук и Есен Темюр, сын Южечи. Что касается политики монголов в отношении к Юннаню, и способов, при помощи которых они приблизили к себе бывших правителей Тали, ставших верными союзниками, см. Chavannes, *Inscriptions et pieces*, p.7 et 31, et *Nan-tchao ye-che*, p. 110-112.

ный Вучан на среднем течении Янцзы перед Ханькоу в Хубее. В то же время Уриянкатай (который вернулся из Тонкина в Юннань в конце 1257 г.) прошел от Юннаня до Куангси, где он напал на Куэйлинь и затем прибыл в Хунань для осады Чанша.*

Империя династии Сун была атакована одновременно на севере, западе и юге, когда смерть Мунке дала короткую передышку в военных действиях. В действительности, Хубилай, стремившийся беспрепятственно сесть на Чингиз-ханидский трон, поспешил заключить мир или перемирие с министром династии Сун — Кия Сютао, при котором Янцзы служила бы пограничной линией между двумя империями и вернулся в Хубей во главе своей армии.

3. ХУБИЛАЙ И МОНГОЛЬСКАЯ ДИНАСТИЯ В КИТАЕ

Соперничество Хубилая и Арикбоги

У Мунке осталось трое братьев: Хубилай, Хулагу и Арикбога.** Хулагу, который стал ханом Персии с 1256 г., находился на достаточно отдаленном расстоянии от Монголии, чтобы оказывать какое-то влияние на империю. Оставались Хубилай и Арикбога. В связи с тем, что Арикбога являлся самым молодым, ему было поручено правление родной страной, он возглавил правительство в монгольской столице — Каракоруме. Владая Монголией, он готовился провести там курултай для того, чтобы быть избранным Великим ханом. Но Хубилай опередил его. Приведя свою армию из Вучана к северу, он подошел к подступам Китая и Монголии, в Чаньту, современном Кайпине, где в свое время основал летнюю резиденцию (неподалеку от нынешнего Долоннора, между Чаха-ром и Жехолем). 4 июня 1260 г. он был провозглашен там Великим ханом сторонниками в лице своей армии.*** Ему тогда исполнилось сорок четыре года.****

* Cf. Chavannes, Inscriptions et pieces de chancellerie, Toung pao, 1905, p.6 et 29.

** По-монгольски в Секретной Истории (как омоним) Кубилай. В кит. транскр. Ху-пи-лиё. В персидской транскр. Кубилай или Кублай. Мы сохраняли классическую транскрипцию Хубилай, в равной мере соответствующей монгольской орфографии, и одновременно напоминающей китайскую.

*** Среди чингизханидов, присутствовавших при выборах Хубилая, не упомянуты совсем Кадаан, сын Угэдэя и Тогачар, сын Темюже — Очижина. Среди наиболее рьяных сторонников Хубилая выделим онгютского принца Коргюза, т. е. Георгия (он был несторинцем), который в этом 1260 г. одержал победу над Карабукой, полководцем Арик-боги. См. Moule, Christians in China, 236.

**** Mailla, IX, 275-282.

Известно, что по Чингизханидским законам это поспешное избрание не было полностью легитимным. Курултай по обычаям должен был состояться в Монголии, в присутствии представителей четырех Чингизханидских улусов, которых следовало бы собрать заранее. Со своей стороны в Каракоруме Арикбога также принял решение стать Великим ханом; в этом ему способствовал несторианец-кереит Болгай, который был главным министром Мунке; в Китае даже монгольские военачальники, которые командовали войсками в Шеньси и Сычуане, склонялись на его сторону, но Хубилаю удалось быстро присоединить к себе войска этих двух провинций. Победа Хубилая над Арикбогой на востоке Каньчеу (Каньсу) подтвердила его решимость в овладении монгольским Китаем. Развивая свое преимущество, Хубилай провел зимовку в конце 1260 г. на р. Онгкин на юге Каракорума, в то время как Арикбога отошел к верхнему Енисею. Хубилай допустил ошибку, посчитав, что на этом война закончилась. Он вернулся в Китай, оставив небольшой гарнизон в Каракоруме. В конце 1261 г. Арикбога вернулся, изгнал гарнизон Хубилая и продвинулся в направлении своего соперника. На просторах Гоби произошло два крупных сражения, в первом из которых Хубилай, одержав победу, вновь совершил оплошность, прекратив преследование Арикбоги. А второе сражение, которое имело место десять дней спустя, было весьма ожесточенным и не привело к окончательному результату.

На стороне Арикбоги выступил принц Кайду, предводитель династии Угэдэя, царствовавший на Или, в Тарбагатае и чагатайский принц Алгху или Алулгху, который помог ему овладеть улусом Ча-гатая, оттеснив кузину Органу. Благодаря такой помощи его силы не уступали силам противника, когда к концу 1262 г. Алгху откололся от Арикбоги, чтобы сблизиться с Хубилаем. Такой оборот событий изменил расстановку сил. В то время как Хубилай вновь овладел Каракорумом, изгнав из монгольской столицы войска Арикбоги, который в то время воевал в районе Или против Алтху. Зажатый с двух сторон своими соперниками, Арикбога сдался Хубилаю (1264). Хубилай простил его, но приказал казнить некоторых его основных сторонников, в числе которых находился министр несторианец Болгай (1264).*

Арикбога практически находился в заключении вплоть до самой смерти в 1266 г.

* Pelliot, *ChrJtiens d'Asie Centrale et d'ExtrLme-Orient*, Toung pao, 1914, 629.

Завоевание Хубилаем империи Сун

Освободившись от семейного соперничества, Хубилай предпринял завоевание империи Сун. Император Туцзун (1265—1274) доверил своему злополучному министру Киа Сютао, который нейтрализовал усилия военачальников порой весьма лояльных; и после смерти Туцзуна, Киа Сютао возвел на престол мальчика четырех лет — Канси (1275—1276), от имени которого он правил. Что же касается Хубилая, то в этой войне под его началом находились два замечательных полководца — Баян* и Атчу (последний был сыном Урианкатая и внуком Суботая), которому оказывал содействие уйгур Ариккайа. В 1268 г. Атчу предпринял осаду двух близких городов Сианг-янга и Фанченга, которые являлись главенствующими в нижнем бассейне реки Хань в Хубее. Эта знаменитая осада длилась пять лет (1268—1273). Она была полна героических эпизодов, таких как обеспечение всем необходимым Сианг-янга, с использованием водного препятствия, порученное двум храбрым полководцам Чан Ку и Чан Шуэну, попытка, которая стоила им жизни (1271). Лю Вэнхуан, защитник Сианг-янга, оказал яростное сопротивление. Тогда Ариккайа вызвал из Месопотамии (1272) двух известных мусульманских инженеров Ала ад-Дина из Мосула и Исмоила из Хилла с осадными механизмами, при помощи которых сопротивление осажденных было сломлено.**

В феврале 1273 г. Фанченг пал, а в марте того же года Лю Вэнхуан, взбешенный дворцовыми интригами, сдал город Сианг-янг.

Будучи повелителями бассейна нижнего течения Хань, Баян и Ачу спустились вниз по течению Янцзы, подчинив себе в 1275 г. местности Восточного Хубея (Ханьян, Чичэу, Вуху, Тайпинь и Нинкуо) и Цянсу (Нанкин и Чэнкиан).***

Баян овладел затем Чокиангом, захватил Чангчэу и достиг столицы династии Сун, великого города Хангчэу. Императрица-регентша, обескураженная подобным ходом событий, сдала местность (январь-

* Баян по-монг. означает *богатый, везучий*. Этот военачальник принадлежал к племени Баарин. Китайская транскрипция По-йен.

** Известно, что Марко Поло приписывает строительство этих механизмов своим отцу и дяде. (ed. Pauthier, II, 470-476, Moule-Pelliot, 318).

*** Во время осады Ченчао монголами, отряд Аленов-христиан (греческий ритуал), служивший в монгольской армии, был неожиданно атакован и уничтожен благодаря предательству во время контрнаступления китайцев (июнь 1275), Баян, пришедший в ярость во время окончательного захвата города (декабрь 1275), отомстил за Аленов, жестоко расправившись с населением и предоставив их семьям доходы Ченчао. См. Marco Polo, ed. Benedetto, p. 141; Pelliot, *ChrJtiens d'Asie Centrale et d'ExtrLme-Orient*, Toung-pao, 1914, 641. Moule, *Christians in China*, 140.

февраль 1276). Баян отправил юного императора к Хубилаю, который по-гуманному отнесся к нему (25 февраля 1276).*

По тому времени можно судить, какой этап в развитии прошли монголы со времен Чингиз-хана: за период двух поколений полу-варвары Онона подтянулись до уровня древних китайских цивилизаций.

Оставалось завоевать собственно говоря южную часть, где китайцы оказывали самое упорное сопротивление. Ариккайа захватил крупный город Чангшу в Хунани и Куэлинь в Цзянси (1276). Война, которую Хубилай развязал в Монголии против своих восставших сородичей, дала возможность краткой передышки непоколебимым сторонникам династии Сун, которые предприняли усилия собраться с силами в районе Фуцзяня и Гуандуна. Но монголы, выполняя приказы генерала Согату, один за другим отвоевали порты Фуцзяня (Фучэу, Тзюанчэу, 1277) и Гуандуна (Кантон, 1277 и Чаочэу, 1278). Последние китайские «патриоты», под предводительством славного героя Чанг Шэкиа, укрылись на кораблях своего флота с новым юным принцем династии Сун — Типингом, которому было девять лет. 3 апреля 1279 г. на этот флот у острова Яшань напала монгольская эскадра на юго-востоке Кантона, в результате чего флот был разгромлен, захвачен и рассеян, а император Типинг утонул.

В первый раз весь Китай, включая южную часть, оказался в руках тюрко-монгольского завоевателя. Хубилаю удалось сделать то, что не удавалось совершить тюркам династии Топа в V в., ни тунгусам Джурджитам XII в. Он осуществил мечту, которая подспудно лелеялась вот уже в течение десяти веков «всеми теми, кто жил в войлочных палатках», где сменяли друг друга бесчисленные поколения кочевников. Вместе с ним кочующие пастухи степей, «все те, кто являлся сыновьями Серого Волка и Оленихи», стали, наконец, властителями Китая, то есть самого компактного населения оседлых земледельцев Азии. Однако завоевание проходило достаточно медленно и самые опасные последствия оказались как бы смягченными. Что же касается личности Хубилая, в действительности оказалось то, что внук кочевых народов покорил Китай, который в свою очередь приобщил последнего к китайской цивилизации. Таким образом, он смог осуществить поставленную цель своей личной политики: стать истинным Сыном Неба, сделать из монгольской империи китайскую. В этом плане путь был свободным. После ухода династии Сун, он стал законным властителем империи с пятнадцати вековой историей. Его династии, которая приняла название династии Юань (1280-1368), не оставалось ничего более, чем продолжить

* Marco Polo, ed.Pauthier, 460, ed.Moule-Pelliot, 313. Cf. Moule, Hang-chou to Shang-tou, Toung-pao, 1915, 393.

историю XXII китайских династий прошедших времен. Вот явное свидетельство подобного китаизирования: Хубилай, даже после того, как отвоевал у Арикбоги Каракорум, никогда там не жил. С 1256—1257 гг. он сделал свой выбор, обосновав летнюю резиденцию в Шангтоне или Кайпине у Долоннора в сегодняшнем восточном Чахаре, где отдал распоряжение построить ансамбль дворцов. В 1260 г. он перенес столицу в Пекин. В 1267 г. приступил к строительству на северо-востоке бывшего пекинского городского поселения нового города, который назвал Тайту «Великая столица», который также известен под названием Город Ханов, Ханбалык или Камбалюк в произношении западных путешественников. Город стал зимней стоянкой монгольских монархов, в то время как Шаньту оставался летней резиденцией.*

Военные кампании Хубилая в Японии, Индокитае и Яве

Став императором Китая, Хубилай потребовал признания другими государствами Дальнего Востока, которые традиционная китайская политика рассматривала без особого разбора как естественных союзников.

Корея, несмотря на то, что была оккупирована монгольскими гарнизонами, находилась в состоянии постоянных бунтов. Корейская правящая династия обосновалась на острове Кангхуа, напротив Сеула, откуда она руководила сопротивлением.** Однако в 1258 г. старый правитель Котжон закончил тем, что передал своего сына Вэнтжона в качестве заложника Мунке. Хубилай, после того, как пришел к власти, отправил молодого принца править Кореей. Он женил его на своей дочери и корейская династия, таким образом связанная с династией Юань, стала отныне послушным вассалом.***

* Cf. Bretschneider, *Recherches...sur Peking*, Csrtes III et V, p.52 et 84. Этот титул хан-балыка «города хана», как орду-балыка «города—двора», был неоднократно использован тюрко-монгольскими народами для обозначения царствующих резиденций. В уйгурском переводе описания жизни паломника Сюяньцзана или Синанфу, столицы китайских императоров династии Тан, также обозначены под назв. Канбалык. (A. Von Gabain, *Uigurische Uebersetzung der Biographie Huentsangs*, Sitz. Preuss. Akad.d.Wiss., 1935, VII, p.30).

** Cf. Demieville, *B.E.F.E.O.*, 1924, 1-2, p. 195. Правитель Котжон опирался в своей политике сопротивления монголам на своего министра Чою-у, последнего представителя семьи распорядителей наследственных дворцов, которые исполняли властные функции, начиная с 1196 г.

*** «Корея, пишет Куранг, с тех пор стала просто монгольской провинцией со своими коренными правителями. Последние, поженившись с монголами, сыновья монгольских матерей, поддерживаемые монгольскими резидентами, были к большому удовольствию хана, вызваны в Пекин, высланы и низложены. Они говорили на монгольском языке, носили одежду династии Юань, у них не осталось ничего корейского».

Хубилай потребовал также своего признания от Японии. После того, как регент Японии — шиккен Хойо Токимунэ (1251 — 1284) отказал ему в этом дважды, Хубилай направил против японского архипелага флот в количестве 150 судов с экспедиционным корпусом, который высадился на юго-востоке Кореи, разгромил острова Цусиму и Икишиму и обосновался в бухте Нагасаки на острове Кююсю провинции Шикюзена около пролива Шимоносеки (1274). Но эти военные кампании степных воинов на море не вписывались в их традиционную тактику; к тому же они составляли только костяк армии оккупантов, так как основные военные силы состояли из привлеченных корейцев и китайцев, которые не отличались особой воинственностью. Произошло то, что воины Куйшу, оборонявшиеся за местность Мизу-ки, оказали такое яростное сопротивление, что после короткого замешательства, вызванного применением китайского огнестрельного оружия, они вынудили агрессора убраться восвояси на их судах.

В 1276 г. Хубилай вновь обращается с тем же требованием подчиниться, на что поступает вновь отказ Хожо Токимунэ. В июне 1281 г. Хубилай после длительной подготовки высылает против Японии еще более мощную армаду, в которой, как указывается в источниках, было 45 000 монголов и 120 000 китайцев и корейцев, которые высадились в бухте Нагасаки и на островах Такашима и Хирадо в провинции Хизен. Но и на этот раз монгольские войска постигла неудача, а китайско-корейские солдаты, не представлявшие грозную силу в военном отношении, не смогли противостоять яростной обороне японцев. К тому же 15 августа 1281 г. чудовищный тайфун разбросал, а вернее уничтожил монгольскую эскадру. Армия монголов, оторванная от своей основной базы, была взята в плен или частично уничтожена.*

Хубилаю не повезло и в Индокитае. В то время Индокитай был разделен между четырьмя крупными государствами: королевством Аннам (Тонкин и север современного Аннама) с элементами китаизированной культуры; королевство Чампа (центр и юг современного Аннама), малайзио-полинезийской расы, с элементами индийской, брахманской и буддистской культур; кхмерская империя или империя Камбоджа, мун-кхмерской расы, также впитавшей индийскую, брахманскую и буддистскую культуры; и бирманская империя, бир-мано-тибетской расы, с индийской культурой и буддистской религией, от которой зависела Пегу, мун-кхмерской расы с буддистской

* Cf. Murdoch and Yamagata, *History of Japan*, 1,491- 592. Aussi Yamada, Ghenko, *the Mongol invasion of Japan*, 1916. Также с библиографией японских источников и различных трудов. Отрывки из Гайхики, даны у В. Ж. Астона, *Litterature japonaise*, p. 170. Что касается японской живописи в этой войне, см. Shizuya Fujikake, *On the scroll painting of the Mongol invasion, dans Kokka*, 1921, n.371-379.

религией. В 1280 г. махараджа Чампы — Индраварман IV, запуганный послами Хубилая, согласился на монгольский протекторат, но народ отказался, чтобы его страну разделили на китайские провинции (1281). Тогда Хубилай отправил морем из Кантона в Чампу небольшую армию под командованием Согату (по-кит. *Соту*), которая овладела чампской столицей Виджаей или Шабаном неподалеку от нынешнего Биндинха (1283), но которая не смогла одержать полной победы над чампской герильей и была вынуждена уплыть восвояси. В 1285 г. Хубилай послал в Индокитай, на этот раз из Тонкина через Лангсон, более многочисленную армию под командованием одного из его сыновей — принца Тогана или Тогана, который напал на аннамитов. Тогон, одержавший победу у Бакнинха, дошел до Ханоя, но затем потерпел поражение в Шондонге в Дельте и был отброшен в Китай. В то же время Согату намеревался захватить Тонкий с тыла через южную сторону. Высадившись в Чампе, он поднялся через Нгхеан и Тханхоа навстречу Тогону, но подвергся неожиданному нападению, и был разгромлен аннамитами в Тайкьете (1285). В 1287 г. в результате новой монгольской военной кампании, начатой из Тонкина, был захвачен Ханой, но монголы не могли там удержаться и вынуждены были отступить. Король Аннама Тран Нхонтон (1278—1293), победоносно отразивший все атаки, с триумфом возвратился в свою столицу. Однако с 1288 г. он счел благоразумным признать себя вассалом Хубилая, но из-за того, что он отказался лично явиться в Пекин, Хубилай задержал его посланника Даоту Кия (1293). Император Темюр, преемник Хубилая, вынужден был, в конце концов, помириться со старым «восставшим вассалом» (1294). Король Чампы также признал акт вассального подчинения.*

В Бирме монголы с 1277 г. овладели ущельем Бхамо, которое открывало путь в долину Ирауадди. (Марко Поло очень красочно описал битву, в которой монгольские лучники одержали верх над бирманскими боевыми слонами). В 1283—1284 гг. они вновь оккупировали страну, а бирманский монарх король Паган Нарашихапати (1254—1287) бежал из столицы. Однако только в 1287 г. в течение третьей военной кампании монголы дошли до бирманской столицы Паганы, спустившись по долине Ирауадди, которую они разграбили. В 1297 г. новый король Паганы — Киозва для того, чтобы остановить разбой, признал себя вассалом Хубилая. В 1300 г. монголы вступили в Бирму чтобы восстановить порядок среди мелких шаньских

* Cf. Georges Maspero, *Histoire du Champa*, Toung-pao, 1911, 462 et volume separe 1928, p. 174-187. - Pelliot, *B.E.F.E.O.*, II, 1902, 140.

предводителей, которые могли бы вступить в борьбу за овладение королевским престолом Паганы.*

Влияние монголов должно было распространиться до Камбоджи. В 1296 г. преемник Хубилая император Темюр отправил в эту страну посольскую миссию, в которой находился Чэу Такуан, оставивший свои записи об этой миссии.**

Также, начиная с 1294 г., два тайских королевства (иамских) Ксенгмая и Сокотая признали себя вассалами.***

Наконец, в январе 1293 г. Хубилай отправил экспедиционный корпус в количестве 30 000 человек из Тзюаньчеу на Яву. Главным яванским монархом был король Кедири в восточной части острова. Монгольская армия под командованием китайцев Шэ Пия и Као Хинь одержали над ним победу неподалеку от Маджапахити, благодаря Содействию другого яванского вельможи по имени Раден Виджайи. Монголы захватили вражескую столицу Кедири или Даху. Но затем Раден Виджайя выступил против них и вынудил отступить. Став освободителем острова, он обосновал тогда империю Маджапахит.****

Соперничество Хубилая и Кайду

Эти «колониальные» кампании имели меньше значения для Хубилая, чем борьба, которую он вел в Монголии против чингизхани-дов других кланов, в частности, против Кайду, внука Угэдэя, которому принадлежало угэдэйское наследие в виде р. Имиль и гор Торбагата.*****

Этот монгол, который оставался верным древним традициям и образу жизни своих сородичей, явился живой противоположностью по сравнению с Хубилаем, монголом, который уже был почти китаизирован. Несомненно, многие из монголов и монголоизированных тюрков, озадаченные таким ходом событий, восприняли с сожалением

* Cf. Huber, Конец династии Пагана, В.Е.Ф.Е.О., L909,63 3-680.-Harvey, Histoire ofBurmah(1925),p.64-69.

** Эта редакция Ченла фон туки была переведена и исследована Пельо. (Tcheou Ta-kouan, Memoire sur les coutumes du Cambodje, trad. Pelliot, В.Е.Ф.Е.О., 1902, 123).

*** Cf. Pelliot, Deux itineraries de Chine en Inde, В.Е.Ф.Е.О., 1904. Coedes, Les origines de la dynastie de Sukhodaya, J.A.,1920,1, 242. Царство Ксьенмей или Ланна, а также Сокотай, были соответственно известны на китайском языке под названием Па-пе и Сьен.

**** Cf. Mailla, IX, 452, Krom, Hindoe-javaansche Geschiedenis, p.352-359. В период монгольского нашествия на Яву, раджа провинции Малайу на Суматре, напуганный в какой-то момент, также попал в зависимость. (G.Ferrand, L' empire sumatranais de Crivijsaya, p.231 ou 175.)

***** Кайду был сыном Каши, младшего брата Гуйюка.

превращение империи в побежденный Китай, становление Великого хана Сыном Неба. Первым противником подобных событий явился Арикбога. Кайду оказался тоже в числе таких противников, но представлял собой более сильную личность и был полон неукротимой энергии. В борьбе против династии Тулуя в лице Хубилая, который, казалось, отходил от чисто Чингизханидских традиций, он предпринял усилия по восстановлению славы династии Угэдэя, отстраненной от империи с 1251 г., т. е. в итоге он решил восстановить легитимность в своем лице. Во всяком случае, Кайду вознамерился создать обширное ханство в Верхней Азии в противовес Хубилаю, выступавшего со стороны Монголии, а также в ущерб чагатаидам со стороны Туркестана.

Как мы увидим далее, Кайду выступил сначала против чагатаидов. Между 1267 и 1269 гг. он одержал верх над чагатаидом Бараком, отнял у него Или и Кашгар, оставив только Трансоксиану. Преемники Барака стали простыми вассалами Кайду, который назначал или отзывал их с назначенных постов по своему усмотрению. Став, таким образом, властителем Центральной Азии, Кайду принял титул каана и вступил в противоборство с Хубилаем.

Хубилай поручил вести войну против Кайду своему четвертому сыну — принцу Номохану или Номокану,* послав его с армией в Алмалык в 1275 г., неподалеку от нынешней Кульджи на Или. Номохана сопровождал блистательный штаб принцев, среди которых находились его двоюродный брат Ширажи,** сын Мунке, и Токтемюр. Но в 1276 г. Токтемюр, недовольный Хубилаем, вовлек Ширажию в заговор. Вдвоем они предательски захватили Номохана и объявили о своей приверженности Кайду. Они выдали Номохана кипчакскому хану Мангу-Тимуру, союзнику Кайду. Они привлекли на свою сторону Сарбана, второго сына Чагатая, а также других Чин-гизханидов. Из Алмалыка Кайду дошел до Каракорума (1277). Над Хубилаем нависла угроза. Он вызвал из Китая своего лучшего военачальника Баяна. Последний одержал победу над Ширажи на Орхоне и отбросил того к Иртышу, в то время как Токтемюр скрывался в киргизской стороне в Танну Оле, где его преследовали и где неожиданно он был взят в плен передовыми отрядами империи. После этого поражения Ширажи, Токтемюр и Сарбан поссорились. Ширажи казнил Токтемюра. Сарбан и Ширажи стали враждовать и после ряда разрозненных боев Сарбан взял в плен Ширажи и вернулся к Хубилаю, доставив к нему плененного Ширажи. Хубилай простил Сарбана, а Ширажи он отправил в заключение на один из островов. В

* По-кит. Но-му-хан.

** По-кит. Си-ли-ки.

дальнейшем принц Номохан был отпущен на свободу (1278). В итоге заговор провалился из-за посредственности врагов Хубилая.

Но Кайду оставался в состоянии войны с Хубилаем и, по крайней мере, он обладал качествами предводителя. Властитель Имиля, Или и Кашгарии, сюзерен чагатаидов, которым он оставил только Трансоксиану, оставался истинным ханом Центральной Азии перед лицом Хубилая, хана Дальнего Востока. В 1287 г. он создал новую коалицию, куда вовлек предводителей монгольских кланов, родственных по побочной линии, детей от братьев Чингиз-хана. В эту коалицию вошли принцы Ноян, Сигтур или Сингтур и Кадан. Наян, который был либо потомком самого молодого брата Чингиз-хана, Темюже-Очигина, или же полукровка брата Бельгута, * имел вотчину в стороне Маньчжурии; он был несторианцем и по утверждению Марко Поло выставлял кресты на знаменах или на своем флаге. Сингтур был внуком Кассара, первого брата Чингиз-хана. Кадан был сыном Катчиуна, второго брата Чингиз-хана. **

У них также были владения в Восточной Монголии и Маньчжурии. Если бы Кайду привел свои войска из Центральной Азии и Западной Монголии и соединился с отрядами Наяна, Сингура и Кадана со стороны Маньчжурии, то для Хубилая обстановка оказалась бы опасной.

Хубилай отреагировал весьма быстро на эту возможность возникновения опасности. Он приказал Баяну находиться в районе Каракорума, чтобы воспрепятствовать продвижению Кайду. Сам же он двинулся в Маньчжурию во главе другой армии. С ним находился генерал Юссу-Темюр, сын великого Борчу, самого верного спутника его предка Чингиз-хана. Императорский флот доставил из китайских портов нижнего течения Янцзы в устье реки Леахо огромное количество продовольственных запасов и снаряжение для осуществления этой кампании, где, в самом деле, решалась судьба монгольской империи. Армия Наяна расположилась лагерем у Леаха и была окружена на монгольский манер защитной линией, составленной из повозок. Началась битва. Хубилай, которому исполнилось семьдесят два года, следил за сражением, восседая на деревянном возвышении, которое несли или тащили четыре слона. Рашид ад-Дин свидетельствует, что битва была ожесточенной. В конце концов, Хубилай, безусловно, одержал победу, как об этом говорится в китайской истории, благодаря, как численному превосходству, так и, вне всякого сомнения, также скоординированной сплоченности китайских и монгольских воинов. Наян попал в плен. Как и следовало поступать по отношению к младшему племяннику-

* Рашид ад-Дин (Д'Охссон, II, 546) считает, что линия Наяна восходит к Темюже. Юань-ши относит его к Бельгутаю.

** Cf. D'Ohsson, II, 456 et Erdmann, Temudaschin, 569.

ку Чингиз-хана, Хубилай умертвил его, не проливая крови, а просто задушив племянника под кучей войлочных ковров (1288). Несторианцы, которые попали в немилость, поддерживая Наяна, опасались репрессий, но Хубилай отказался рассматривать христианство как виновника мятежа.*

Темюр Олджайту, внук и будущий преемник Хубилая, завершил разгром восставших, уничтожив Кадана и принеся мир в Маньчжурию и соседние монгольские уезды.

Кайлу потерял надежду что-либо изменить в делах Дальнего Востока. Тем не менее, он оставался хозяином Западной Монголии на западе Хангая и властителем также Туркестана. Один из внуков Хубилая принц Камала,** которому был дан приказ защитить границу у хангайских гор против армии Кайду, потерпел поражение от последнего, был окружен в Селенге, откуда ему с трудом удалось бежать. Хубилай, несмотря на свой преклонный возраст, счел необходимым лично поправить положение на месте (июль 1289). Но Кайду, прибегнув к тактике кочевников, удалился с армией. Баян, который находился во главе императорской армии Монголии со столицей в Каракоруме, провел в 1293 г. победоносную кампанию против войск восставших. В том же году он передал командование армией принцу Те-мюру, внуку Хубилая. Назначенный первым министром Хубилая, Баян скончался в 1295 г., недолго спустя после смерти Хубилая.

Хубилай так и не узнал, чем закончилась война против Кайду. Когда умер Великий император 18 февраля 1294 г., предводитель клана Угэ-дзя оставался по-прежнему властителем Монголии на западе Хангая и Центральной Азии. Внук и преемник Хубилая император Темюр Олджайту (1295—1307) продолжил борьбу. У Кайду в тот период основным союзником и вассалом был Дува, предводитель улуса чагатаев в Туркестане. В течение 1297—1298 годов Дува неожиданно атаковал и взял в плен доблестного онгютского принца Коргюза (т. е. Георгия, так как не будем забывать, что онгюты были несторианца-ми), который командовал императорскими войсками Монголии и был зятем императора Темюра Олджайту.***

Дува попытался затем захватить врасплох также другую императорскую армию принца Ананды, который охранял границу тангутов

* Marco Polo, ed. Moule-Pelliot, 200; ed. Benedetto, p.69-70. Cf. Pelliot, *Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient*, Toung-pao, 1914, 635.

** По-кит.: Кан-ма-ла. Он был сыном принца Чинкима (транскр. Рашид ад-Дина) или Че-кин (транскр. Юань-ше), сам же второй сын Хубилая.

*** Cf. Rachid ed. Din, dans d'Ohsson, II, 513; et Yuan-che, trad. Moule, dans Moule, *Christians in China*, 237-238.

(Западный Ганьсу). Но на этот раз его самого внезапно атаковали и он вынужден был бежать. Он отомстил, казнив Коргюза, которого он взял в плен (1298).

В 1301 г. Кайду предпринял последние усилия в борьбе против империи. В сопровождении многочисленных принцев династий Угэдэя и Чагатая, он направился в сторону Каракорума, где командовал принц Хайшан, племянник императора Темюра. В августе 1301 г. в местечке между Каракорумом и рекой Тамир, левого притока Орхона, разыгралось крупное сражение. Кайду был повержен и скончался во время отступления.

Чапар, сын Кайду, заменил его во главе улуса Угэдэя на Имиле в Тарбагатае, имея перед собой ту же задачу борьбы против императорских полномочий династии Хубилая. Дува, предводитель улуса Чагатая, вначале продолжал рассматривать его как сюзерена, но вскоре, измотанный бесконечными войнами против империи, он убедил его признать в свою очередь сюзеренитет императора Темюра. В августе 1303 г. послы двух принцев прибыли в Пекин для того, чтобы оказать почести императорскому двору, что явилось важным фактом, который способствовал объединению монголов, когда улусы Угэдэя и Чагатая попали в вассальное положение к улусу Толуя. Затем, как мы это увидим в дальнейшем, Дува и Чапар поссорились; Дува взял в плен Чапара и вынудил его отдать ему два Туркестана (к 1306 г.). После смерти Дувы (к 1306—1307 гг.) Чапар попытался установить гегемонию улуса Угэдэя над улусом Чагатая, напав на хана Кебека, сына и преемника Дувы (к 1309 г.), но потерпел поражение от последнего и ему ничего не оставалось делать, как искать убежища у Великого хана Китая.

Таким образом, наступил конец угэдэйскому улусу, который из своего центра в Имиле в Тарбагатае почти в течение сорока лет (примерно 1269—1309) владел Центральной Азией и нарушал благосостояние династии Хубилая.

Клан Хубилая, монгольская династия в Китае являлась единственным сюзереном среди других монгольских ханств. Пекин оставался столицей мира до Дуная и Евфрата.

Для того, чтобы ярче осветить борьбу клана Хубилая против клана Кайду, мы были вынуждены рассмотреть этот вопрос и сделать выводы относительно пятнадцатилетнего периода после смерти самого Хубилая. Нам остается теперь вернуться к тому, что можно было назвать «внутренней политикой» этого монарха.

Правление Хубилая: монгольская и китайская политика

Политика Хубилая была двойственной в зависимости кем его считали и кем себя он считал — Великим ханом, наследником Чингиз-хана или Сыном Неба, преемником девятнадцати китайских династий. С точки зрения монгола он полностью сохранил принцип (или реальность) морального единства Чингизханидской империи. Верховный хан, хранитель авторитета Чингиз-хана и Мунке, он постоянно требовал подчинения других Чингизханидских представителей, ставших во главе автономных ханств. Для того, чтобы подчинить себе кланы Угэдэя (Кайду) и Чагатая, он провел жизнь в войнах в Монголии. Что касается Персии, где правил его брат Ху-лагу, для него это представляло что-то вроде провинции его империи. Ханы Персии — Хулагу (1256—1265), Абака (1265—1281) и Аргун (1284—1291) были в его глазах простыми ильханами или подчиненными ханами, правителями высокого ранга, которые получили от него инвеституру и оставались с ним в тесном контакте.*

Повелитель всего Китая, теоретически сюзерен Туркестана и монгольской России, фактически сюзерен Ирана, Хубилай по замечанию Марко Поло, был действительно «великим государем», «самым влиятельным человеком, владельцем земель и сокровищ, который когда-либо существовал в мире от времен Адама до сегодняшних дней».**

Наследник Чингиз-хана в остальной части Азии, Хубилай намеревался стать в Китае верным продолжателем девятнадцати династий. Никогда еще Сын Неба не принимал так близко к сердцу то, что он свершал. Его благотворное правление затянуло раны вековой войны. После падения династии Сун, он не только сохранил структуры и административные кадры ушедшей династии, но приложил все свои усилия, чтобы объединить вокруг себя действовавших чиновников. Завоевав территорию, он сумел склонить умонастроение в свою пользу и его самым славным деянием может было, впервые в истории, не столько завоевание Китая, а установление там мира.

Объектом особого внимания Хубилая был вопрос коммуникаций и связей, так важных для управления и снабжения огромной империи. Он восстановил дороги империи, посадил деревья вдоль них и воздвиг караван-сарай с соблюдением промежуточной дистанции между ними. Более двухсот тысяч лошадей, распределенных равномерно между участками пути, были выделены для почто-

* См. Бартольд, Хулагу, Ислам. Энци, II, 353.

** Ed.Pauthier, I, 236, ed.Moule-Pelliot, I, 192.

вой службы империи. Для обеспечения продовольствием Пекина он восстановил и расширил большой канал, через который на судах поступал рис из Центрального Китая.*

Для борьбы против голода он ввел государственное законодательство, существовавшее в Китае с незапамятных времен и которое при династии Сун совершенствовал из Кайфына знаменитый Ван Нган-шэ. В урожайные годы излишки урожая закупались государством были складированы в государственных закромах. В период угрозы голода и резкого повышения цен эти закрома открывались, а зерно распределялось бесплатно.**

С другой стороны была произведена реорганизация государственной помощи. В указе от 1260 г. вице-правителям предписывалось оказывать содействие просвещенным людям пожилого возраста, сиротам, больным и инвалидам. Указом от 1271 г. было предписано создать приюты. Уместно видеть в этих свершениях не только влияние традиционной китайской администрации, а результат огромного воздействия буддизма, как нам думается, на образ мышления Хубилая. Распределение риса и проса проводилось регулярно для нужд малообеспеченных семей. По свидетельству Марко Поло сам Хубилай ежедневно кормил бесплатно 30 000 жителей своей страны.***

Единственным менее ярким в действиях администрации были финансовые проблемы. В структурах династии Сун Хубилай обнаружил применение чао или бумажных денег. Он ввел это в обиход и сделал основой своей финансовой политики. В 1264 г. он издал настоящий указ по определению цен, который фиксировал стоимость основных товаров в бумажных деньгах. Его первым министром финансов был мусульманин Сеид Эджель, выходец из Бухары (умер в 1279 г.), который, кажется, сумел сдержать эмиссию денег в разумных пределах.****

* Marco Polo, ed. Pauthier, 481. Moule-Pelliot, I, 322.

** Marco Polo, Pauthier, 345. Moule-Pelliot, I, 250.

*** Marco Polo, *ibid.*, 346, ed. Moule-Pelliot, 1,251.

**** Сеид Эрджелъ, Шемс ед-Дин Омар (в кит. транскр. Сай-тьен-че Шен-се-тинъ Ву-ма-ель), родившийся к 1210 г., умерший в 1279 г. С 1274 г. по 1279 г. Сеид Эрджелъ был администратором в Юннане. Его сыновья Насир ед-Дин (умер в 292 г.) и Хоссейн, заменили его в администрации той же провинции, которую эта же династия мусульманских чиновников стремилась исламизировать. Сеид Эджель сам лично построил две первых мечети страны. Voir Vissiere et Lepage, Documents sur le Seyyid Erjell, dans Vissiere, Mission d'Ollone, Recherches sur les musulmanschinois, 1911, p.20-203, et Vissiere, Le Seyyid Edjell, Revue du monde musulman, IV, n.2, février 1908. Bretschneider, Mediaeval researches, I, 271.- Chavannes, Inscription et pieces de chancellerie, Toung pao, 1905, 19.

Опрометчивые оплошности начались со следующими министрами, прежде всего трансоксианцем — Ахмедом Фенакети (умер в 1282 г.), затем — уйгуром Санга.*

Они двое прибегли к политике безудержной инфляции, которая быстро обесценила чао. Для того, чтобы изыскать средства, они прибегли к частым обменам и обременительным ограничениям монополией. Ахмед, убитый в 1282 г., был посмертно разжалован Хубилаем. Санга был приговорен к смертной казни за осуществление махинаций (1291). После правления Хубилая настала необходимость (1303) отказаться от практики понижения предыдущих эмиссий и выпуска новых ассигнаций, которые, в свою очередь, также обесценились.

Религиозная политика Хубилая и его последователей: буддизм

Хубилай, как об этом говорит Марко Поло,** был примером самого толерантного отношения к религиозным конфессиям, хотя в 1279 г. на какой-то момент он ввел указания Чингиз-хана о порядке умерщвления животного для употребления в пищу, которые не соответствовали мусульманским обычаям, и не однажды он был в страшном раздражении по поводу коранического предписания о ведении священной войны против «неверных»*** К тому же симпатии, которые он испытывал по отношению к буддистам, вынудили его проявить некоторую личную враждебность по отношению к даосистам, традиционным противникам буддизма. Фактически буддизм пользовался у него особым расположением. Именно в этом плане он особенно известен в монгольской традиции. Набожный буддист, каким являлся монгольский историк Сананг Сетчен, дошел даже до того, что к титулам Хубилая он присовокупил титулы кутукту (почитаемый, божественный) и чакравартин («вселенный монарх» в буддистской лексике)**** Еще до своего вступления на престол при правлении Мунке он созвал в Шанту конференцию разных верований, на которой буддисты одержали верх над даосистами (1258). В знаменитом коллоквиуме буддистская доктрина была представлена Намо, который уже выступал с аргументами перед самим Мунке, а также молодым тибетским ламой Фагспа. Как и на коллоквиуме 1255 г. они убедили даосистов в том, что они распространяли апокрифы, которые извращали историю про-

* Ахмед Фенакети, кит. транскр. А-ха-ма. Он управлял с 1270 г. до своего убийства в 1282 г. Санга, кит. транскрипция Сан-ко. Он руководил финансами с 1288 примерно по 1291 г. См. Moule-Pelliot, 214, 238.

** Marco Polo, Il Milione, ed. Benedetto, p.70.

*** Д'Охссон, II, 491, по Рашид ад-Дину.

**** Sanang Setsen, trad. Schmidt, geschichte der Ostmongolen, 113, 115.

исхождения буддизма и превращали его в простого спутника даосизма. После подобных дебатов Хубилай издал указ, который предписывал сожжение на костре подозрительных трудов и заставил даосистов вернуть монастыри, которые те узурпировали у буддистов (указы от 1258, 1261, 1280, 1281 гг.).*

По рассказам Марко Поло однажды император с большими почестями принял реликвии Будды, посланные ему раджей Цейлона.

Основным помощником Хубилая в области буддизма был тибетский лама Фагспа, который родился примерно в 1239 г., а умер без сомнения 15 декабря 1280 г. Фагспа был племянником и преемником знаменитого пандита Саскии, священного преподобного отца монастыря Саскии в провинции Тсанг.** Хубилай, по распоряжению которого Факспу привезли из Тибета, использовал его для того, чтобы тот обращал монголов в буддизм и обеспечил вассальное положение тибетцев. Он назвал последнего «хозяином царства» (куо-шэ), титул, заимствованный у древних китайских буддистов,*** поставив под свое политико-религиозное влияние тибетские провинции (к 1264 г.). Монголы не знали до того другого алфавита, кроме уйгурского. По просьбе Хубилая, Фагспа составил новую письменность, называемую дюрбальджин или квадратную письменность, основанную на тибетском алфавите (1269). Однако роль Фагспа в этом вопросе, как считает Пельо, несколько преувеличена, так как квадратная письменность просуществовала недолго, в связи с тем, что монголы продолжали использовать алфавит, основанный на уйгурской письменности (только с несколькими разновидностями «почерка» и угловатыми буквами), которая стала их национальной письменностью; именно уйгурскими буквами были написаны документы монгольской канцелярии, которые хранятся сегодня в архивах.**** Пельо

* Cf. Chavannes, *Inscriptions et pieces de chancellerie*, Toung-pao, 1908, p.382.

** Pelliot, *Les «Kouo-che» ou «maitres du royaume» dans le bouddhisme chinois*, Toung-pao, 1911, 671.

*** Cf. Huth, *Geschichte des Buddhismes in der Mongolei*, II, 139, *Sahang Setsen*, *Trad Schinidf. Geschichte der Ostmongolen*.

**** Самый древний памятник на монг. яз., известный до сих пор, составлен на основе уйг. письменности. Камень, названный камнем Чингиз-хана, датируемый примерно 1225 г., находится в Азиатском Музее Ленинграда (Санкт-Петербурга). «Также, именно на уйг. языке, говорит Пельо, была написана в 1240 г. эпическая хроника Монгол-ун ниюча тобчиан или Секретная История монголов, которая дошла до нас в кит. транскр. и в кит. переводе». Также на уйг. языке составлена великая надпись монголов 1362 г., обнаруженная Пельо в Ганьсу в 1908 г., и два письма ханов Персии — Аргуна и Олджайту в адрес Филиппа Красивого, которые находятся в Национальных Архивах. Также на уйг. языке монг. надпись на письме Гуйюка Инокентию IV, датир. 1246 г. См. Pelliot, *Les Mongols et la Papauté*, *Rev. de l'Orient Chretien*, 1922-1923, 3-30.

делает замечание по этому поводу, что уйгурская письменность имела недостаток в том, что не имела возможность точно выразить звуки монгольского языка XIII в., не было различия между звуком О и звуком У, опускалось начальное придыхательное Х и так далее. Уйгурский алфавит не представлялся также удобным по сравнению с алфавитом Фагста в выражении гуттуральных звуков.*

Многие из преемников Хубилая также как и он являлись сторонниками буддизма, начиная с его сына Темюра, который царствовал после него (1294-1307). Однако один из внуков Хубилая - принц Ананда (несмотря на то, что его санскритское имя было буддистского происхождения), склонялся к исламу. «Он знал Коран наизусть, прекрасно владел арабским языком» и с рвением пропагандировал магометанство в стране тангутов (Нинся), вице-правителем которой он был. Темюр пытался обратить его в буддизм, и так как это ему не удалось осуществить, он в какой-то период посадил его в тюрьму. После смерти Темюра (10 февраля 1307 г.), Ананда сделал попытку захватить трон, но его кузен Хайшан опередил его и приговорил к смерти.**

В течение своего правления (21 июня 1307 года — 27 января 1311 г.) Хайшан показал себя очень набожным буддистом. Он велел перевести на монгольский язык многочисленные тексты буддистских канонов. Китайские просветители, проникшие конфуцианской культурой, ставили ему в укор то, что он оказывал благосклонное внимание буддистским ламам. Может в результате такого отрицательного отношения к этой благосклонности, администрация лишила фискальных льгот на имущество, как буддистов, так и даосистов, которыми они пользовались до того времени.***

В годы правления Йэсун Темюра, правнука Хубилая, который находился у власти с 1323 г. (4 октября) по 1328 год (умер 15 августа), министр Чан Куэй от имени конфуцианцев публично выразил протест против льгот, которыми пользовались ламы. Кстати, тибетцев было много в Шеньси. «В одной из докладных записок того времени говорится, что было очевидно, что ламы верхом на лошадях объезжали западные провинции, с прикрепленными на их поясах паспортами, с надписями из золотых букв. Они заполняли города и вместо того, чтобы жить в гостиницах, они устраивались в частных домах, хозяев которых они изгоняли, чтобы беспрепятственно заигрывать с

* Cf. Pelliot, Les systemes d'écriture en usage chez les anciens Mongols, Asia Major, 1925, II, 2, p.284.- Pelliot, Les mots a l'initiale, aujourd'hui amuies dans le mongol des XIII et XIV siècles, J.A., 1925, 193.

** D Oxsson, II, 532, d'après Rachid ed. Din.

*** Sarang Setsen, trad. Schmidt, Geschichte der Ostmongolen, 398. D Oxsson, II, 533.

их женами. Не ограничиваясь развратом, они отнимали у населения скудные средства, которыми оно обладало. Необходимо принять строгие меры по отношению к этим ненасытным кровопийцам еще более, чем это делают налоговые агенты».*

Император Йэсун дал распоряжение о регламентировании въезда лам на территорию собственно самого Китая.

Злоупотребления буддийского духовенства, которые китайские просветители вменяют в вину монгольской династии, были, безусловно, причинами, которые привели к падению влияния буддизма. Отметим, что чрезмерное влияние, оказанное буддистской религией на клан Хубилая, не является новым явлением в истории тюрко-монгольских династий на китайской земле. То же самое было при знаменитом Фу Киене в конце IV в., при последних топа в начале VI в. Вначале буддизм оказывал смягчающее влияние на этих жестоких варваров, придавал им гуманные черты, затем усыплял их бдительность и, в конце концов, лишал их способностей сохранить рефлексы самосохранения. И тогда, когда древний конфуцианский Китай, который испытал нашествие варваров, замечал, что эти наводящие ужас покорители становились безопасными, поглощал их, как в случае с то-па, или выдворял их, как это было с Чингизханами. Ситуация могла бы стать исключительно сложной, если бы клан Хубилая принял мусульманскую веру, как это могло бы произойти, если бы в 1307 г. принц Ананда одержал верх в своей борьбе. Торжество ислама было бы сокрушительным ударом по древней китайской цивилизации. Самыми крупными угрозами, которые возникли перед Китаем в течение его многовековой истории были попытка Ананды в 1307 г., и вторжение Тамерлана, которое к счастью китайцев было предотвращено смертью Тамерлана в 1404 г.**

* Mailla, IX, 539. Voir les remarques de Quatremere dans son edition de Rachid ed-Din, p.189.

** Монгольское правление также благоприятствовало в Китае даже сектам магии и секретным обществам, когда-то запрещенным национальными династиями. «Диссидентские секты, которых время от времени беспокоили представители династии Саун, оказали услугу новой династии, которая в знак благодарности обеспечила им не только свободу вероисповедания, но и официальное признание и субординацию. Таким образом, в конце XIII и в начале XIV вв., как и в истории Юаней, так и в сборнике указов Юань тьен чан, часто речь идет об официальном признании «Белого облака», «Голубого лотоса», секты «Джута», не считая упоминания многих даосистских сект и различного рода иностранных религий несторианского и католического христианства, ислама и иудаизма». См. Chavannes et Pelliot, Un traite manicheen retrouve en Chine, J.A. 1913,1.364.

Религиозная политика Хубилая и его преемников: несторианство

Предпочтительное отношение Хубилая к буддизму вовсе не помешало ему оказать признаки симпатии несторианству. При больших христианских торжествах по примеру предшественников, он милостиво позволял несторианским служителям культа, которые относились к его орде, демонстрировать Евангелии, которые он кадил фимиамом и с набожностью прикасался губами к ним. (Марко Поло, издание Бенедетти, с.70). «В 1289 г. он создал даже специальное бюро чонгфусю, которое отвечало за управление исполнением христианского культа в империи». Его указы, также как и указы Угэдэя и Мунке, касались освобождения от налогов и предоставления различных льгот несторианским священникам, а также буддистским и даосистским монахам и мусульманским миссионерам. Напомним в связи с этим, что монголы по древнесирийской этимологии называли христиан по имени тарса и аркагун или аркаюн, во множественном числе аркагюд или аркаюд (в кит. транскрипции: юелико-вэн), в то время как священники и монахи назывались раббан-арка-гюнами, а епископов называли мархсия.*

Видно, что среди монгольских или ассимилированных элементов несторианцев было большое количество, особенно среди керейтов и тюрков-онгютов. Онгюты, занимавшие место древних тюрков Шато на севере Великой Стены, на окраине сегодняшнего Шаньси, обладали ономастикой, которая посредством кит. транскрипции, как это утверждает Пельо, восходит к несторианству: Шэн — Вэн (= Симеон), Кеули-кису (= Георгий), Паолусу (= Павел), Юонан (= Иван), Юаку (= Яков), Тьенхо (= Денха), Юишо (= Ишо, Иисус), Лухо (= Люк).

Большая часть онгютов проживала, как это мы видели, в нынешнем Суэйане, районе сегодняшнего Токто или Куэхуаченге, округе,

* Указы Угэдэя, Мунке и Хубилая касаются освобождения от налогов и предоставления различных привилегий хо-шанам и тоюнам, т. е. буддистским монахам, сьеншенам или даосистским монахам, йеликовенам, то есть аркагюнам или несторианским священникам и ташеманам, т. е. данишмендам или мусульманским богословам. См. *Daveria, Notes d epigraphie mongole-chonoise* (указ Буайнту-хана), J.A. 1896, II, 396. *Chavannes, Inscriptions et pieces de chancellerie Toung-pao*, 1904, 388. *Pelliot, Chretiens d Asie Centrale et dExtreme-Orient*, in *Toung-pao*, 1914, 637. Один из монгольских кланов ордос до сих пор носит название Эркют или Эркут, современная форма средневекового аркагюд. Мос-герт, изучавший этих эркутов уточнил, что они не являлись ни шаманистами ни буддистами, что они почитали крест (в форме свастики) и что они представляли собой, не давая себе в этом отчет, смутную реминисценцию христианства. Из этого он сделал вывод, что они, безусловно, были потомками несторианцев страны онгютов, в чингизханидскую эпоху. (Mostaert, *Ordosica*, in *Bull.*, n.9 of the *Catholic University of Peking*, 1934.

известном в эпоху монголов под названием Тонгиенга, к которому восходит, по мнению Пельо наименование Кошанг т.е. Тошанг, которое употреблялось при жизни Мар Юахбалаха III и Раббана Чомы.*

Что же касается названия Тандюк, использованного Марко Поло для обозначения того же района, то оно, по мнению ученого, восходит к древнему наименованию этой же местности при династии Тан (Тьентю, древнее произношение Тьянтак).**

В этом состояло отличие, выделявшее династию онгютов, клана наследных тюркских принцев тесно связанных с несторианством, в то же время близкородственных Чингизханидскому клану. Этим несторианским принцам клан Чингиз-хана был благодарен и, кажется, это не было забыто. Предводитель онгютов — Алакуштегин*** в решительный момент оказал неоценимую услугу монголам. Когда в начале 1204 г. его попросили войти в коалицию, созданную найманами против Чингиз-хана, он напротив решительно встал на сторону последнего.****

Впрочем, за свою преданность он поплатился жизнью. После войны против найманов при возвращении обратно домой, некоторые члены его племени, сторонники наймановского союза, казнили его, а также его старшего сына — Буйан Шибана. Его вдове удалось бежать в Юнчонг со своим вторым сыном — Пойаохо. Когда Чингиз-хан, одержав победу над Цинами, вошел в Юнчонг, ему доставило радость восстановить семью своего верного вассала во главе страны онгютов. Молодой Пойаохо сопровождал Чингиз-хана в походе на Хорезм. По возвращении завоеватель отдал за молодого принца свою дочь Алагайбаки. После смерти Пойаохо, Алагайбаки, истинная дочь Чингиз-хана, властно правила страной онгютов, и относилась как к своим сыновьям (у нее не было собственных детей) к трем сыновьям от сожительницы своего мужа, Кюн бука, Ай бука и Чолиг бука. Первые два сына женились на Чингизханидских принцессах. Кюнбука взял в жены принцессу Юльмиш, дочь Великого хана Гуйюка, а Айбука — принцессу Юрак, дочь Великого хана Хубилая.*****

Коргюз или Горгюз, т. е. Георгий, сын Айбуки женился поочередно на принцессе Кутадмиш, дочери Ченцина, сына Хубилая, и прин-

* Pelliot, Chretiens d'Asie centrale et d'Extreme-Orient, Toung-pao, 1914, 634. ** Pelliot. Ibid., 630

*** Алакуш-тагин (или текин) — кури; в Секретной Истории (транскрипция Хениша), с. 55.

**** См. выше, стрю 269 и 314, А.С.Moule, Christians in China, 235. ***** Pelliot, Chretiens d'Asie Centrale, 631. Moule, Christians in China, 236.

цессе Айамиш, дочери Великого хана Темюра. Остались рассказы о том, как он был убит, будучи на службе у Темюра в 1298 г.*

Видно насколько этот несторианский монаршеский клан был тесно связан с монгольской династией, которая в рамках всеобщей монгольской толерантности не упускала случая проявлять свою благосклонность в покровительстве над христианством. Жизнь Мар Юах-баллаха и Раббана Чомы показывает нам, как Кюнбука и Айбука одарили двух несторианских паломников знаками доброго расположения и подарками во время их отбытия в «Иерусалим».**

Что касается «принца Георгия», то он в последние годы своей жизни принял католицизм под влиянием францисканского миссионера Жана де Монтекорвино.***

Биография Мара Юахбаллаха и Раббана Чомы нам показывает, что несторианство на северной окраине монгольского Китая не соприкасалось со страной тангютов, и при их отбытии на Запад христианские общины страны тонгутов, т. е. Ганьсу и в особенности «города Тангу-та», т. е. Нинся оказали им незабываемую встречу.**** И в самом деле, несторианские общины существовали во всем регионе в Нинся, Синине, Канчу, Сучэу, и Дунхуане. Как мы увидим, Марко Поло насчитал в одном только Нинся три несторианских церкви.*****

Но несторианцы не остались только у подходов к древнему Китаю, где они негласно оставались со времен династии Тан. Благодаря Чингизханидскому завоеванию, внутренняя часть Китая теперь им была открыта. Можно даже сказать, что несторианство, изгнанное из Китая со времен падения династии Тан, вернулось туда вслед за монголами. В 1275 г. несторианский патриарх Багадада создал архиепископство в Пекине. Вслед за монголами несторианская вера проникла даже в регион нижнего течения реки Янцзы. В 1278 г. Хубилай поручил правление Ченгкиангом (Цингянфу по записям Марко Поло), в нынешнем Цяньсу некоему Мару Саргису (Ма Сиеликисе в китайской транскрипции), который, как на это указывает его имя, был несторианцем, поспешившим тут же возвести там церковь (1281).*****

* Marco Polo, ed. Benedetto, p.60,61. D'Ohsson, II, 513, Moule, Christians in China, 237.

** Moule, *ibid.*, 99.

*** Moule, 208.

**** Moule, 100.

***** Marco Polo, ed. Benedetto, p.58,60., ed. Moule-Pelliot, I, 181.

***** Marco Polo, ed. Benedetto, p. 141. Pelliot, Chretiens d'Asie Centrale, I.e., 637. Moule, I.e., 145.

Другие несторианские церкви были сооружены в Юангчэу и Хангчэ.*

Из истории монгольского несторианства у нас есть известное свидетельство в виде биографии Мара Юахбаллаха III и Раббана Чомы.

Раббан Чома (умер в 1294 г.) и его друг — будущий патриарх Мар Юахбаллах, настоящее имя Маркус (1245—1317), были несторианцами, второй из которых, по крайней мере, был онгютом.**

Отец Маркуса был протодьяконом онгютского города Кошанг или Тошанг, идентифицированного, как мы это видели, Пелью, со средневековым Тонгшэнгом, нынешним Токто, на границе сегодняшних Суэйюаня и Шаньси. Что касается Раббана Чомы, то он был сыном "прихожанина" несторианской церкви в Ханбалыке или Пекине. Раббан Чома первым посвятил свою жизнь монастырской жизни, получил пострижение в духовный сан от митрополита Пекинского — Мара Гиваргиса и удалился в горы на значительном расстоянии от Пекина в скит, где был принят Маркусом. По совету Маркуса два монаха приняли, решение совершить паломничество в Иерусалим. Два онгютских принца — Кюнбука и Айбука, тоже несторианцы, к которым они нанесли визит около Токто для того, чтобы сообщить им о своих намерениях, встретили их наилучшим образом, пытаясь все же отговорить их от этого плана: «Зачем отправляться на Запад, в то время как мы прилагаем столько усилий, чтобы привлечь к нам епископов и монахов, прибывающих оттуда?» Убедившись, что решимость Раббана Чомы и его спутника была непоколебима, онгютские принцы предоставили им лошадей, дали денег и обеспечили всем необходимым снаряжением для того, чтобы они могли пересечь Центральную Азию. Два паломника прошли вначале страну тангутов, т. е. северную часть нынешней китайской провинции Гэньсу около Нинся, местности, где несторианские общины были достаточно многочисленны. «Мужчины, женщины и дети выходили к ним навстречу, настолько вера жителей Тангута была огромной». Через дороги и тропы юга Лобнора и Тарима они достигли Хотана, вступили на землю хана династии Чагатай, которую в то время возглавлял Дува и, как свидетельствует Пелью, это был период 1275—1276 годов.***

* Одна из несторианских церквей Юаньчэу, на которые указывает Одорик де Порденон, была основана в конце XIII в., богатым неогоциантом по имени Абдрахам. Пелью разыскал указ 1317 г., который относится к этой церкви. (Chrétiens d'Asie Centrale, I.e., 638).

** Pelliot, Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient, Toung-pao, 1914, 631, Moule, Christians in China, 94-127.

*** Дува по-сирийской биографии стал Око!

Война, которая разразилась в Центральной Азии между Чингизханидскими принцами, не позволила Раббану Чоме и Маркусу напрямую пройти из Кашгарии в Персию. Они увидели Хотан, где свирепствовал голод, Кашгар, опустошенный войной и перекрытую к западу дорогу Кашгара. Тогда они пошли на север и достигли Таласа, сегодняшнюю Аулие-Ату, местность, где властвовал угдэйтский хан Кайду. *

Тот оказал прекрасную встречу двум несторианцам и вручил им жалованные грамоты, благодаря которым они смогли пройти аванпосты сражающихся армий и, наконец, достигнуть монгольского ханства в Персии, где властвовал в то время хан Абака (1265—1282). Продолжение этой истории мы увидим, когда речь пойдет о Персидском ханстве.

Несторианец, имя которого звучит в китайской транскрипции как Нгайсэ, т. е. Иса (Иисус (1227—1308), был без сомнения, христианином, говорящем на арабском языке, пришедшем из Сирии, выполнял значительные функции при Хубилае. Врач, астроном и полиглот, он служил Гюююку, когда Хубилай назначил его руководителем астрономического бюро (1263). Иса, кажется, был одним из авторов указа от 1279 г., по которому Хубилай воспрепятствовал распространению ислама в Китае. В 1284—1285 гг. Иса сопровождал высокопоставленного монгольского чиновника — чэнксианга Болода, который был послан с миссией к хану Персии Аргуну. По возвращении в Китай он был назначен комиссаром по христианской религии (1291) и, наконец, — министром (1297). Его сыновья — Элиа, Денха, Хейсе, Георгий и Люк, такие же несторианцы, как он сам, занимали также ответственные посты при пекинском дворе. **

К тому же, в особой гвардии в Пекине у Хубилая и его преемников насчитывалось 30 000 христианских аланов, следовавших греческим обрядам, пришедших из Кавказа в период правления Мунке. Как известно, в июне 1275 г. отряд аланов был разгромлен из-за предательства династии Сун во время осады Чэнчао на севере нижнего течения Янцзы. Трофеи города Чэнчао были отданы аланам, погибшим на своем посту. Потомки этих аланов послали 11 июля 1336 г. верительную грамоту о подчинении Папе Бенедикту XII. Посланники, представившие письмо Папе в Авиньон в 1338 г. состояли из Андрея и Гийома Нас-сио, а также алана Тогая. ***

* Moule, I.e., 101.

** Pelliot, Chrétiens d'Asie Centrale, dans *Toung-pao*, 1914, 640 et 1927, 159 et *Les Mongols et la Papauté*, dans *Rev. Orient. Chrétien*, 1924 3-4, p. 248 (52). Sur le *tcheng-siang Bolod*, Pelliot, *Toung-pao*, 1927, 159.

*** De la Roncière et Dorez, *Bibl. De l'Ecole des Chartes*, LVI, 1895, 29. Pelliot, *Toung-pao*, 1914, 641. Пелью обнаружил в Юань-ши имена многих аланских предводителей Пекина, отправивших эту миссию: Футинь, Янь-шань и Джаянбека, ставшими в письме Бенедикту XIII Фодимом Жовенсом, Шиансамом и Шембога.

Пельо установил, с другой стороны, что древний манихеизм при монголах начал вновь набирать силу в Фуцяне, где впрочем, отмечалось его присутствие в период правления династии Сун.*

Путешествие Марко Поло

Николо Поло и его брат Маттео Поло были двумя венецианскими торговцами, которые длительное время пробыли в Константинополе. В 1260 г. они покинули этот город, чтобы совершить торговую поездку в Южную Россию в монгольское ханство Кипчакии. В Сарае на нижней Волге («тигр» по Марко Поло) их принял кипчакский хан Берке (Барка), брат и преемник Батыея, которому они продали целый набор бижутерии (1262). Затем они двинулись по хорезмской дороге в Бухару в чагатайское ханство, где они остались на три года, так как путь обратно им был заказан из-за междоусобных войн монгольских принцев. В конце концов, они приняли решение присоединиться к посланникам, которых персидский хан Хулагу отправил в Китай к своему брату Хубилаю. Вместе с этим посольством они двинулись по традиционной караванной дороге, которая проходила через Отрар, на Сырдарье. Алмалык в долине Или и Уйгуристан (Иогуристан), где находились два города — Бешбалык (около Кученга) и Турфан, который тогда назывался Караходжой (Карашосо по Марко Поло).**

Наконец, через Хами (Кумул по Марко Поло) и Дунхуан или Шачэу (Сашию), они прибыли в Китай и достигли Пекина или Ханбалыка (Камбалюк). Хубилай устроил им прекрасную встречу и во время их отбытия из Китая поручил им передать Папе, что он нуждается в сотне докторов, ученых в семи искусствах.***

Поло покинули Китай в 1266 г. Они добрались до Средиземного моря в Лаясе, Лажаццо или Айасе, городе, который был основным портом армянского царства Цилиции. Оттуда в 1269 г. через Сен-Жан Дакр они достигли Рима. Не имея возможности заполучить миссионеров и докторов, которых запрашивал Хубилай, они направились в сторону Сен-Жак Дакры, откуда двинулись в Китай к концу 1271 г. В этой второй экспедиции они захватили с собой сына Николо — Марко Поло, который оставил нам бессмертные записи о своем путешествии.

* Pelliot, *Les traditions manicheennes AU Fou-kien*, T.p., 1923, 193. Так назыв. христиане, о которых Марко Поло рассказывал Фу-чэу (Фюжью), были, по мнению Пельо, манихейцами. См. ed. Benedetto, 158. Moule, *Christians in China*, 143. Pelliot, *Journal des Savants*, Janvier 1929, 42.

** Марко Поло сообщает Карашочо о наличии несторианской общины (11 Milione, edition Benedetto, p.46, ed. Moule-Pelliot, II, xx) и Шинжкиталасу об асбестовых шахтах в регионе Бешбалыка.

*** Marco Polo, ed. Moule-Pelliot, I, 79; Benedetto, p.70-71.

Покинув Лажацио, Марко Поло, его отец и дядя по сивашской дороге прибыли в сельджукский султанат Малой Азии, персидского монгольского ханства. Война персидского хана Абаки против кузенов, чагатайских ханов Туркестана, которые были на стороне Кайлу и выступали против него, не позволила трем венецианцам добраться до Трансоксианы. Они пересекли Персию прямо по диагонали, через Таурис, Султанию и Кашан, затем, безусловно, через Йезд и Кирман до Ормуза.*

Конечно же, они планировали через Ормуз добраться до Китая, но как замечает Пельо, берега Южного Китая, крупные порты Кантона, Тзюаньчзу, Фучзу и Нанчзу в тот период принадлежали еще династии Сун, а не монголам. Оказавшись в Ормузе, путешественники передумали. Отказавшись от того, чтобы добраться до Дальнего Востока морским путем, они прошли к Верхней Азии через Хорасан (который Марко Поло называет «страной «Сухого Дерева» или «Одиноким Деревом»),** Нишапур, Шебурган (Сапурган) и Балх (Балк).

Обходя Трансоксиану, место действия непрекращающихся войн между ханом Персии и улусом Чагатая, Поло повернули от Балха к северо-востоку через Бадахшан (Бадасиан) и переправились через Памир (Памиер), пройдя горную долину Вахан (Вокан) на севере Болора (Белор). Через древний шелковый путь (Ташкурган, «каменную башню» Птолемея), они спустились к Кашгару (Каскар), прекрасные сады и виноградники которого воспевают Марко Поло, и в то же время отмечает, что жителям присуща коммерческая жилка и, что они «идут по миру, производя товары». Он отметил также, что в Кашгаре существовала несторианская община и была церковь. Далее Поло по дороге, также древней, которая ведет от юга Тарима через Яркенд (Йаркан), Хотан (Котан), Керию (Нэм), и Черчен (Шарашан или Сиарсиан), последовали вдоль Лобнора, посетив город Лоп, который Аурэль Стейн идентифицирует с современным Чаркликом.***

Затем они достигли Дунхуана или Шачеу (Сасию), далее — древнего Тангута (Тангют) Сучеу в Каньсу (Сюсию)**** и Канчеу (Кампи-чию), важного торгового перекрестка, в котором наши венецианцы остановились почти на год, ожидая распоряжений монгольского двора. Марко Поло говорит, что у несторианцев было три церкви в Кан-

* Пельо установил, что Марко Поло говорит в данном случае о Мосуле и Багдаде, это основывалось на слухах. Юле (изд. Юле-Кордые) ошибочно приписал венецианскому путешественнику маршрут Мосул, Багдад, Басра. Наиболее правдоподобным является маршрут, указанный Сикесом, Персия, 262.

** Издательство Юле-Кордые, I, 129; изд. Муле-Пельо, I, 128.

*** Serinda, Ch.IX, 318 sq. Соотношение Пем = Керия дано Пельо.

чеу, а также там находилось немало буддистских монахов, о добродетели которых он отзывался положительно.*

В этом городе, который являлся бывшей тангутской столицей, в подавляющем большинстве население было буддистским, но Марко Поло указывает, что там существовала несторианская община с тремя церквями. Наши путешественники проникли потом в страну онгютов, которую, как мы знаем, Марко Поло называет страной Тандюк и центр которой видимо находился в стороне нынешнего города Токто или Куэйхуачэнга. Марко Поло обращает внимание на то, что ряд онгютских принцев исповедовали несторианство, которых он в связи с этим относит к семье «Священника Жана», то есть бывших керектских королей, но это была ошибка, которую повторил Одорик де Лорденон. Он упоминает «принца Георгия» (Коргюз), который фактически в период путешествия управлял онгютами под сюзеренитетом Великого хана, а также семейными союзами монгольской династии и монаршеского дома династии Онгютов.

Из страны онгютов, Поло прошел в сам Китай или точнее в Северный Китай, который Марко Поло называет, на монгольский манер, Катай по имени Киданей или Хитаев, бывших правителей Пекина XI в. От региона Токто они достигли летней резиденции Хубилая — Шанту (Сиан-дю, Шандю), нынешний Долоннор, которого они достигли в мае 1275 г.

Поло вручил Хубилаю послание Папы Григория X. Хубилай, кажется, проникся дружбой к Марко Поло. Он взял его с собой в зимнюю резиденцию в Ханбалыке (Камбалок), нынешний Пекин. По свидетельству самого Марко Поло, Хубилай ввел его в монгольскую администрацию, поручил ему, как мы увидим, ряд деликатных миссий. Однако, кажется, что Марко Поло не знал никогда достаточно хорошо "китайский язык; напротив, он владел хорошо персидским языком и зачастую он использовал персидскую транскрипцию для обозначения географических названий самого Китая.****

С другой стороны, функции, которые исполняли он, его отец и дядя, не имели особого значения, за исключением неверных трактовок, которые им приписывали. По тому, какие сведения наш путешественник дает по использованию солончаковых земель, Пельо делает

* Изд.Потье, I, 203. Изд. Бенедетто, с. 48. Изд. Муле-Пельо, 159. **

См. изд. Бенедетто, с.52. Изд. Муле-Пельо, 178 (Ergiuul). *** См.

изд. Бенедетто, с.58. Изд.Муле-Пельо, 181.

**** В эпоху Марко Поло персидский язык служил чем-то вроде лингва франка для Восточной и Центральной Азии. (Пельо, А.Ж., 1913,11, 185).

вывод, что он работал в управлении по сбору налогов на соль. В этой должности, точнее, заместителем местного супрефекта, он, по-видимому, работал в Юангчеу в течение трех лет.*

Впрочем, роль, которую Марко Поло приписывает отцу и дяде при осаде Сианюана, в 1268-1273 гг., не соответствует данным китайских источников. Знаменитый венецианец несколько преувеличивает в данном случае значимость своих близких. Но главная суть в том, что благодаря своим обязанностям, даже может второстепенным, которые он исполнял, у него была возможность посетить основные китайские города.

В книге Марко Поло дается описание двух маршрутов, один из Пекина в Юннань, другой из Пекина в Фукцянъ. Описывая первый маршрут, он упоминает Тайюань (Тайанфу), уездный центр современного Шаньси, Пинюангфу (Пианфу), второй город провинции Синганфу, который тогда назывался Фенюаньфу или Кингчаофу (Кенжианфу) в Шеньси, где в то время находился вице-правитель (1272—1280), один из сыновей Хубилая по имени Мангала, о котором упоминает Марко Поло,** затем Ченгтуфу (Синдюфу), в Сычуа-не. Оттуда маршрут был продолжен и было дано значительное количество деталей, которые, кажется, доказывают, что Марко Поло действительно находился с миссией в тех краях в Юнне или бывшем царстве Тали (Караиан, Каражиан), в связи с чем он упоминает два города Тали (Каражиан) и Юннань (Юаши, Иаси), где по его сведениям наблюдалось значительное скопление мусульман.***

Юннань был вторым по значению княжеством, куда стекались Чингизханидские принцы; известно, что действительно там находились попеременно принцы Югечи, сын Хубилая (1267), Туглук (1274) и Есен или Йсен Темюр, сын Югечи (1280). Марко Поло говорит нам, что во время его путешествия там правил Есен Темюр (Ессанте-мюр). Факты, которые нам дает венецианец, касаются войн монголов в Бирме или стране Миен (монгольские походы в 1277, 1283—1284 и 1287 гг.) и что позволяют считать, что он смог быть на границе этих стран после прохождения там монгольских войск. Во всех случаях он детально описывает битву 1277 г., в ходе которой монгольские лучники посеяли панику среди боевых слонов короля Па-ганы и ускорили прохождение Бхамо на верхнем плато Ирауадди. Он

* См. Бенедетто, стр. 137, см. Cf. Pelliot, *Toung-pao* 1927,1, 164-68.

** Марко Поло сообщает также о несториянской общине в Кьенжианфу (изд. Бенедетто, стр. 107-108, изд. Муле-Пельо, 264).

*** См. изд. Бенедетто, с. 115; изд. Муле-Пельо, с. 277. Что касается Каражиана см. Pelliot, *Trois itinéraires*, В.Е.Ф.Е.О., 1904, 158.

рассказал нам также о завоевании монголами Паганы, которое состоялось только в 1287 г.*

Второй маршрут, описанный Марко Поло, пересекает Восточный Китай с севера на юг, параллельно Китайскому морю. Начинаясь из Пекина, маршрут пролег через Хокиенфу, Касанфю, по словам Марко Поло,** Тзанглучен (ни что иное, как Сиангли), Тзиюань (Сиангли), Тзининг в Шандуне (Синжиюматю), Хайган (Соиганжию), около устья Хуайхо (которое в то время было устьем Желтой реки),*** Юанг-чеу (Юанжию), Сучеу (Сюгжию), Ханьчеу (Кинсай), Вучеу Чокианга (Вюжию) на юге Ланкиета и неподалеку от тех мест Киючеу Чокианга (Гиюжию), Чучеу, также в Чокианге (Кюжию), Киеннингфу в Фуц-зяни (Кенлинфу), Фучеу (Фюжию), столица нынешнего Фуцзяня и Тзиюаньчеу (Чайтон). Заметим, что маршрут не продолжается далее Тзиюаньчеу и, как следствие, в описании не упоминается Кантон.

Видимо, Марко Поло смог присоединиться к двум монгольским посланникам, отправленным Хубилаем в Чампу (Сиамба, Сюиамба)**** и в Цейлон, где было необходимо заполучить буддийские мощи, среди которых знаменитый «Зуб Будды». В Цейлоне венецианскому путешественнику удалось узнать жизнеописание Будды Чакиамуни, Сагамони Бюркана,***** про которого Марко Поло оставил весьма точные и очень интересные записи.*****

Весной 1291 г. Марко Поло со своим отцом и дядей получили возможность поехать в Европу. Хан Персии Аргун, который был младшим племянником Хубилая, попросил у последнего разрешения жениться на монгольской принцессе из племени Байаут. Хубилай послал к нему принцессу Кокачин (Кокашин по Марко Поло), которая была уроженкой этого племени. Но дороги Центральной Азии были перекрыты из-за войны между Хубилаем и Кайду. Хубилай поручил венецианцам сопроводить монгольскую невестку в Персию морским путем. В то же время он вручил им для передачи послания Папе, королям Франции, Англии и Кастилии. Несомненно, Поло доставили ее в Виджаю или Шабан (около Бинхдинха), являвшемся столицей Чам-

* Cf. Huber, *La fin de la dynastie de Pagan*, В.Е.Ф.Е.О., 1909, 633-680.

* Касянфу правомерно идентифицируется с Хо-кьен-фу; таким образом Шариньон (Книга Марко Поло, III, 2) видит в нем Чень-тинь фу! См. изд. Бенедетто, с. 128.

** Марко Поло называет Желтую реку Караморанн монгольским именем Кара-мурен или Черная река.

*** Cf. G. Maspero, *Toung-pao*, 1911, 476.

**** Буркан, монгольское имя Будды.

***** Изд. Потье, 588. Изд. Муле-Пельо, 407.

***** Изд. Потье, стр. 325, изд. Муле-Пельо, 239. См. Юле-Кордые, I, 426-430. См. также Ибн Батуту, изд. Дефремери, IV, 259-260.

пы. Далее они напрямик направились к проливам, но вынуждены были задержаться на пять месяцев из-за сильных ветров на Суматре. Безусловно, они, как и все мореплаватели того времени, остановились в Куламе или Килоне (Куалюм), знаменитом рынке пряностей Траван-нора, обогнули западный берег Дехана, проплыв до Камабайского залива, достигли берегов Персии и причалили в Ормузе. Оттуда они двинулись в Персию, естественно, через Кирман (Шерман) и Йезд (Йасд). Персидский хан Аргун только что скончался. Поло передал принцессу Кокачин его сыну Газану, правителю Хорасана, затем отправились в Таурис к новому персидскому хану Гайхату. Три месяца они пробыли в Азербайджане, после чего направились в Трабзонд, чтобы продолжить путь до Константинополя. В Венецию они вернулись в 1295 г.

Экономическое процветание Китая при правлении монголов

Одной из самых интересных частей книги Марко Поло является описание экономической деятельности двух китайских регионов, Северного Китая, который он называл Катай по имени древних киданей и Южного Китая, бывшей империи династии Сун, которую он называет Манзи. Он нам сообщает, что в Северном Китае добывали уголь, «похожий на черные камни, которые извлекают в горных залежах и которые используются наподобие дров и это настолько удобно, что весь Катай пользовался только этим видом топлива». Его поразило использование водных маршрутов. Он отмечает в особенности коммерческую значимость Янцзыциана (Киан или Кьян), жизненной артерии китайской экономики. Необычайно оживленная река, где снует много судов и переправляется множество товаров, что несравнимо с реками и морями христианского мира». Марко Поло добавляет, что «ежегодно двести тысяч судов плывут вверх по течению, не считая судов, плывущих вниз по течению». Он отмечает также важную экономическую роль канала империи, обустроенного и расширенного Хубилаем, что позволяло доставлять в Пекин рис из нижнего течения р. Янцзы.

Для того, чтобы управлять таким огромным внутренним рынком и вести торговлю с Индией и Инсюлиндом, в портах Центрального Китая и регионе Кантона были созданы мощные торговые гильдии, которые могли соперничать с гильдией ремесленников Фландрии и художественных промыслов Флоренции. Говоря о гильдиях Кинся (Ханг-чеу), Марко Поло пишет: «Там было такое изобилие товаров и настолько роскошных, что способствовало расцвету торговли и не было такого человека, который мог бы все это оценить по достоинству. Знайте, что высокие профессионалы, являвшиеся хозяевами мастерских, ни их жены, ничего не получали в руки, но вели настолько богатую и изящ-

ную жизнь, что она напоминала жизнь королей». Широкое использование бумажных денег, которые Марко Поло в шутку называет истинным философским камнем, облегчало торговые сделки. «И я говорю вам, что каждый охотно их использует (бумажные деньги), потому что повсюду, где люди находятся на землях великого хана, могут купить и продать все при помощи этих денег, словно если бы речь шла о чистом золоте».*

Великолепные коммерческие способности китайской расы вызвали восхищение у нашего венецианца. Каждый раз он обращается к описанию этих богатств: корабли, прибывающие из Индии, наполненные пряностями, перцем, имбирем, корицей; джонки, спускающиеся по Янцзы или поднимающиеся по Великому Каналу с рисом; лавки торговцев Хангчеу или Тзюанчэу, переполненные дорогими товарами: шелком-сырцом, камчатными тканями, золоченной парчей, изысканными шелковыми драпировками, сатином и атласом или готовыми изделиями из тканей «Чайтон» и так далее.

В том же духе Марко Поло сообщает нам об основных китайских рынках: Камбалюк (Пекин), центр шелкоткацкого дела Северного Китая («нет ни одного дня, чтобы не было тысячи повозок, груженных шелком, из которого не изготовлялось бы значительное количество золотканных и шелковых тканей») — Синдифю (Ченкту в Сычуане), где производились товары и экспортировали шелковые изделия из Китая в Центральную Азию — Нанынен или Намгин (Нганкин или Кайфын?) и Сюжюи (Сучеу в Киангсу), которые изготовляли золот-канную парчу — Янганжию (Янганчеу в Ганьсу), огромный рисовый рынок в нижнем Янцзы. Отдельное место занимал Кинсай** (Хангчеу, в Чокианге), бывшая столица династии Сун, который при правлении монголов сохранял экономическую активность и к тому же развил ее, так он теперь ассоциировался со всей торговой деятельностью обширной монгольской империи. Марко Поло описывает эту местность что-то вроде китайской Венеции. Это также был значительный сахарный рынок. Многочисленные суда доставляли туда пряности из Индии и Инсюлинда и вывозили оттуда шелка и ткани в Индию и мусульманские страны. Там же пребывала многочисленная колония арабских, персидских и христианских торговцев. Наконец, в Фукиене имелись два крупных порта — Фюжию (Фучеу) и Зайтон или Чайтон (Тзююаньчеу). Торговцы Фюжию «владеют несметным количеством имбиря и других пряностей. В этом городе ведется активная

* Cf. Heyd, traduction Furcy Raynaud, Histoire du commerce du Levant, II, 670, 693.

** Название Кинсай или в соответствии с рукописями Ханса, Хинса, Хинсай, Ханзай, Кансай, Кампсай, идут от кин-цай «временная резиденция».

торговля сахаром и имеется крупный рынок жемчуга и драгоценных камней, доставленных туда судами, прибывшими из Индии».

Самым крупным эмпорием монгольского Китая был Тэюань-чеу, Чайтон по Марко Поло «куда, — как он говорит, — прибывают все корабли из Индии, груженные пряностями, драгоценными камнями и жемчугом, что может быть прекраснее этого. Этот порт, куда устремляются все торговцы из Манзи, известного центра импорта для всего Китая. И я говорю вам, что на один корабль, груженный перцем, следующего из Индии в Александрию или другой порт назначения христианского мира, приходится сто судов, причаливающих в Чайтоне». Эти сведения подтверждаются арабским путешественником Ибн Ба-тутой, который поведал нам о Зайтуне к 1345 г.*

Как видно из вышесказанного, китайский рынок в эпоху правления монголов был тесно связан с индийским и малайским рынками. По свидетельству Марко Поло китайские суда в большом количестве причаливали к портам Явы; они увозили оттуда «черный перец, мускатные орехи, гингал, кубеб, гвоздику и другие пряности, которым торговцы Чайтона уделяли большое внимание».**

С другой стороны, мы знаем, что Хубилай и его преемники заключили настоящие коммерческие договоры с раджами Транвакора и Кар-наты. Целые торговые китайские флотилии регулярно доставляли в Каверипатам, в Кайл (Кайал), в Кулам или Килон и в Цейлон шелк-сырец, разноцветные шелковые товары, атлас, сатин и шитую золотом парчу. Взамен они вывозили в Китай перец, имбирь, корицу, мускатный орех, муслин, индийские изделия из хлопка, жемчуг Индийского океана и бриллианты из Дехана.

Впрочем, царствование в Персии младшей ветви монгольской династии в Пекине способствовало активному торговому обороту между двумя странами. Ханы Персии династии Хулагу со своими монгольскими эстетическими привязанностями в окружении мусульманского мира, доставляли из Китая элементы своей роскоши, особенно что касается шелка и фарфора, не говоря уже о влиянии китайских мастеров на персидскую миниатюру того времени. И, напротив, монгольская Персия экспортировала в Китай ковры, шорные изделия, доспехи, бронзовые и эмалированные изделия.

* «Порт Зайтун является одним из крупнейших в мире. Ошибаюсь. Самый огромный в мире» (Ибн Батута, изд. Девремери, ШМ, 269). Около Зайтуна располагался Тинжью, т. е. То-хуа, также в Фукьене, гончарным изделиям которого Марко Поло дает высокую оценку. Изд. Муле-Пельо, 352, См. Heyd. *Histoire du commerce du Levant*, II, 247).

** Ed. Pauthier, 561, Moule-Pelliot, 368. Heyd, II, 644, et G. Ferrand, *Relation de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks*, I, 31.

Наконец, путешествия Марко Поло и Пратика делла меркатура Пеголотти* свидетельствуют об этом — монгольское правление дало возможность Китаю наладить связи с Европой. Две крупных трансконтинентальных дороги в конце XIII века соединили Европу с Дальним Востоком. Прежде всего, дорога от Кипчакии ло Дунхуана, которая для представителей Запада начиналась от генуэзских и венецианских факторий Крыма или, чтобы быть точнее, от Таны к устью Дона. Основными этапами были Сарай, столица монгольского ханства Кипчакии, далее к нижней Волге и Отрару, среднему течению Сырдарьи, Таласу и Баласагуну и западу Иссык-Куля. После Иссык-Куля дорога продолжалась в направлении Монголии через Имиль, Черный Иртыш и Уренгу, достигая Каракорума на верхнем Орхоне, откуда она направлялась в Пекин. Одна дорога, начинаясь от западной точки Иссык-Куля, проходила в сторону Алмалыка (около Кульджи), далее следовала к Верхнему Или, Бешбалыку (Кученг), Хами, и Сучеу в Кань-су, где она шла на Китай. Другая — проходила через монгольское ханство Персии. Путь начинали или с города Трабзонда, столицы греческого государства с таким же названием, в сторону Черного моря, или же от Лажатцо, самого оживленного порта армянского царства Цилиции, около европейской части Сирии. Как с одной, так и с другой стороны, через восточную часть сельджукского султаната Малой Азии, являвшимся близким вассалом монгольского ханства Персии, достигали Тауриса, города, который равнялся столице этого ханства. После Тауриса обычно основными этапами являлись: Казвин, Реи, Мерв, Самарканд, Ташкент (называемый тогда Шаш), Кашгар, Куча, Турфан, Хами и Каньсу. Или еще Мерв, Балх, Бадахшан, Кашгар, Хотан, Лобнор и Дунхуан. Используя различные караванные пути, негоцианты Дальнего Востока попадали затем прямо в Европу.

Наряду с этими континентальными путями, которые соответствовали древнему шелковому пути, монгольское завоевание способствовало открытию морских маршрутов или дороги пряностей. В то время как арабский и сельджукский Иран был практически недостижим для Запада, монгольские ханы Персии фактически сделали доступным свои государства христианским торговцам и миссионерам, которые стремились попасть туда морским путем. Начиная от падения багдадского халифата до окончательного триумфа ислама в персидском ханстве, западноевропейские путешественники без труда пересекали Иран от Тауриса до Ормуза, для того, чтобы отбыть оттуда в направлении Таны, Килона и Зайтона. В связи с этим, как мы в этом убедимся ниже, при-

* Труд, написанный во Флоренции, между 1335 и 1343 гг. См. Heyd, *Histoire du commerce du Levant*, I, p.XVIII.

мер Одорика Порденона является весьма показательным. Напротив, китайские изделия из шелка и пряности Инслинда и Индии выгружались в Ормузе, оттуда караваны, пересекая монгольскую Персию, шли к великому базару Тариса, а оттуда к христианским портам Траб-зонда или Лажатца.

Необходимо обратить на это особое внимание, так как именно в этом состояла основная выгода монгольского завоевания и было как бы возмещением стольких жертв и трудностей. Объединение Китая, Туркестана, Персии и России в необъятную империю, регулируемой особой системой языков в период правления принцев, внимательно относившихся к безопасности прохождения караванов и толерантности ко всем конфессиям, открывало на суше и на море мировые пути, которые не использовались активно со времен античности. И путешествия Поло свидетельствуют о деятельности далеко превосходящем то, с чем связано имя Маэса Титианоса, оставшемся вроде некоего символа. Фактически, в первый раз в истории, Китай, Иран и Запад серьезным образом налаживали контакты. В конечном итоге, в этом и состоял неожиданный благоприятный результат для цивилизации, отход от ужасного Чингизханидского господства.

Католицизм в Китае при династии монголов

Путешествие Поло не было исключением. В 1291 г. итальянский торговец Петрус Люсалонго добрался из Тариса в Китай через Индийский океан. Он обосновался в Пекине, где разбогател, так как в 1305 г. он передал францисканцу Жану де Монтекорвино земельный участок у самого императорского дворца. Двадцать лет спустя генуэзец Андало де Савиньяно также достиг Китая, где вошел в доверие к Великому хану. Он вернулся на Запад в качестве монгольского посла, затем отправился в Китай в 1388 г., вероятно, используя дорогу Таны.*

Одновременно с этими смелыми торговцами прибывали миссионеры. В 1289 г. Папа Николос II, который узнал, как это мы увидим далее, через Раббану Шому о существовании многочисленных христианских общин среди коренных жителей в монгольской империи, он отправил на Дальний Восток францисканца Жана де Монтекорвино с посланиями персидскому хану Аргуну и Великому хану Хуби-лаю. Монтекорвино задержался на некоторое время в Таурисе при дворе Аргуна. Он выехал оттуда в 1291 г. и направился в Индию, где пробыл тринадцать месяцев в Мелиаппуре вместе с неогоциантом Пет-русом де Длюкалонго. Оттуда он на корабле направился в Китай, где

*Heyd, Histoire du commerce du Levant, II, 218.

внук и преемник Хубилая, Великий хан Темюр оказал ему радушную встречу. Одорик де Парденон пишет по этому поводу: «Один из наших братьев епископов служит при дворе императора. Он дает благословение императору, когда император садится верхом на лошадь и тот с набожностью прикасается губами к кресту».

Монтекорвино построил в Пекине две церкви. На строительство одной из них итальянский купец Петрус Люкалонго выделил безвозмездно деньги и которого он сопровождал от Мелиапур (1305). За несколько лет он обратил в христианскую веру «более десяти тысяч тартар»* и приступил к переводу псалтыря на один из обиходных языков своей паствы. Именно он обратил в католицизм принца онгютов Коргюза, то есть Георгия, по рождению несторианца.**

Весьма любопытное обращение в веру. «Принц Георгий» оказывал очень сильную протекцию миссионерам, так как занимал высокое положение при императорском дворе, как зять императора Темю-ра. Молодой сын Коргюза был крещен под именем Шуангана, то есть Жана, в честь Монтекорвино.

В 1307 г. Папа Клемент V назначил Монтекорвино архиепископом Камбалука. В 1313 г. в этот город, сегодняшний Пекин, прибыли три францисканца, которые стали викарными епископами: Андре де Пэруз, Жерар и Перегрино.***

В тот же период Папа отправил к монголам братьев Томаса, Жерома и Пьера Флоранса. Жером был назначен епископом Крыма (Газария) с правом исполнения епископальных обязанностей в кипчакском ханстве. Жерар стал епископом Зайтона (Тэюаньчеу в Фукуене), городе, где богатая армянка построила церковь. После ее смерти епископство Зайтуны перешло к Перегриню, который скончался в 1322 — 1323 гг., и был в свою очередь замещен Андре де Пэрузом. В письме Андре вышеназванным сановникам монастыря Перкза, поданного из Зайтона в январе 1326 г. говорится особо о той благосклонности, которой пользовались миссионеры при монгольском правительстве. Мы узнаем из письма, что Великий хан — им был в то время Йэсун Темюр — назначил ему пансион в размере ста золотых флоринта. Аид-ре добавляет, что он построил около Зайтона монастырь на двадцать два верующих и, что он занимался богоугодным делом как в церкви, так и в горном ските.

* Pelliot, Chretiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient. Toung pao, 1914, 633.

** Moule, Christians in China, 191.

*** 1318 год дан в письме Андре де Перуза в качестве даты его прибытия в Пекин. Безусловно, это ошибка, которую Муле исправляет, предлагая читать 1313 год (Christians in China, 191-192).

После Монтекорвино и Андре де Пэруза самым известным католическим миссионером монгольского Китая стал францисканец Одо-рик де Порденон (родился к 1265, умер в 1331 г.). Одорик отплыл из Венеции к 1314 г. (по свидетельству некоторых летописцев — в 1318 г.). Он высадился в Трабзонде и вначале направился в монгольское ханство Персии. Он посетил Таурис, торговую значимость которого он оценил высоко. Он говорит, что этот город приносил выгоды персидскому хану больше, чем королевство Франции своему королю. Он указывает на значение многочисленных несторианских и армянских общин Азербайджана. Он рассчитывал проникнуть в Индию через Восточный Иран, но, прибыв в Йезд, он изменил свой маршрут, настолько мусульманский фанатизм оказался бескомпромиссным в тех краях. Дополним, что в 1313—1315 гг. Восточный Иран был погружен в братоубийственную войну: персидский хан Олджайту вел военные действия против чагатайского хана Туркестана Есенбуки и против племянника Есенбуки — Дауда-ходжи, властителя Афганистана. К тому же связи между Восточным Ираном и Индией осложнились в связи с непрекращающимися грабительскими походами с 1305 по 1327 гг. монголов Туркестана чагатайской ветви в провинции Пенджаб. Таким образом, Одорик повернул на запад в направлении Арабского Ирака, где он отплыл в Бассор, в Ормуз и оттуда на корабле направился в Индию. Он достиг Таны около Бомбея возможно в начале 1324 г., может только в конце 1324 г., где забрал мощи четырех францисканцев, ранее казненных мусульманами (9—11 апреля 1321 г.); он посетил Малабар, который являлся именно местом пряностей, царством перца и там он собрал некоторые интересные сведения о том, что так интересовало купеческие круги той эпохи.*

Посетив Сан Томе или Мелиапур, где, как говорили, находилось тело апостола Томаса** и где проживала мощная христианская колония, он обнаруживает вырождение античных несторианских общин, которые, находясь в ярко выраженной идолопоклоннической среде, опустились вниз вплоть до язычества. Рубрук, будучи в Монголии, показал нам несторианское духовенство, боровшееся с шаманизмом на их земле, опустившихся почти до их уровня. Особенно обращалось внимание на ужасные вымыслы индуизма, кровавые последствия отклонений от норм, толкавших верующих фанатиков бросаться под тяжелую колесницу идола, заставляли наших святых испускать такой же крик возмущения, как это было в Хиюаньцанге, когда возмутил-

* Одорик де Порденон, изд. Корлье, с. 99.

** Cf. Hosten, St. Thomas and St. Thome, Mylapore, Journ. Asiat. Soc of Bengale, 1924, 153.

ся буддийский паломник в VII в. Затем Одорик посетил Цейлон, Яву и остановился в Чампе, откуда он отплыл в Китай.

Одорик высадился в Кантоне, который он называет Синкаланом, имитация арабского названия Чинкалан или Чиникалан. Он отмечает высокую плотность населения, богатство страны, изобилие и дешевизну продуктов питания, деловой настрой жителей, врожденных коммерсантов и прекрасных ремесленников, разнообразие народного пантеона.*

Он не меньше интересуется Тзюаньчеу или Зайтоном, который в своих записях называет Кайтаном, город, который «в два раза крупнее Рима», где он был встречен во францисканском монастыре, о котором мы говорили, и где он восхитился собором, построенном в честь святого Франциска, а также скитом, который они построили в горах. Ханьчеу, который в рукописях Одорика звучит как Кансай или Гин-зай, поразил его больше всего. Он говорит, что это «самый крупный город, который существует на земле, расположенный между двумя озерами, каналами и лагунами, как наша Венеция».**

Одорик воздает хвалу монгольской администрации, говоря о различных слоях населения: китайцах, монголах, буддистах, несторианцах, мусульманах и так далее. «Тот факт, что столько разных рас сосуществуют мирно и ими руководит одна и та же администрация, мне кажется самым прекрасным явлением в мире». Отметим, что Одорик встретился в Ханьчеу с одним знатным монголом, который принял католицизм (ранее был несторианцем) от францисканцев и который приветствовал его, называя «ата», то есть «отец» по-тюркски.***

Благодаря знакомству с этим человеком он смог посетить буддистский монастырь и побеседовать с бонзами о переселении душ.

Из Ханьчеу Одорик продолжил путь в Келинфу, который Кордые называет Кинлингфу, нынешний Нанкин, затем Янзу. То есть Йангчеу, где он посетил монастырь францисканцев, а также множество несторианских церквей. Далее Сюнзюматю, то же самое что и Синжиюматю у Марко Поло, безусловно, нынешний Тзинин Шантонга, который наш миссионер называет крупным шелковым рынком. Наконец, он прибыл в «город хана» Ханбалык, сегодняшний Пекин. «Именно там восседает Великий хан в таком обширном дворце, что, по крайней мере, там имеются четыре тысячи башен и куда входят

* Что касается значимости «Чинкалан» (в особенности что касается экспорта китайских гончарных изделий в Индию и Йемен), обратитесь к Ибн Батуте, перев. Дефремери, IV, 272.

** Cf. Moule, *Christians in China*, 241.- Moule, *The ten thousand bridges of Quinsai*, dans *la New China Review*, 1922, p.32.

*** Марко Поло уже указывал на несторианскую церковь в Ханьчеу (изд. Бенедетта, с. 152).

еще немало второстепенных дворцов. Императорский городок также состоит из многих концентрических поясов укреплений, которые также заселены и во втором ряду построек городка проживает сам Великий хан со своей семьей и всей челядью императорского двора. Внутри ограждения высится искусственный холм, на котором возвышается императорский дворец. Он окружен прекрасными деревьями и в связи с чем получил название Зеленого холма. К холму примыкают озеро и пруд. Посредине озера проложен великолепный мост, один из самых прекрасных, который довелось мне увидеть, который отличается высоким качеством и утонченностью архитектуры. У пруда можно увидеть множество птиц, охотящихся за рыбой, утки, лебеди и дикие гуси. Таким образом, Великому хану не надо покидать пределы своих дворцов, чтобы насладиться прелестями охоты. Внутри городка имеется обширный парк, полный диких животных».

Одорик описывает затем торжественные приемы, устраиваемые при Чингизханидском дворце (речь идет о Великом хане Йэсуне Темюре, правнуке Хубилая, правившего с 4 октября по 15 августа 1328 г.). «Когда Великий хан восседает на троне во всем имперском величии, первая императрица находится слева от него, чуть ниже, чем император; затем на третьей ступени сидят три других сожительницы, а затем — дамы высшего света; справа от Великого хана находится его старший сын; внизу располагаются отпрыски благородных кровей». «И я, брат Одорик, я жил три с половиной года в этом городе (Пекине), в окружении наших монахов, у которых там есть монастырь и которые занимают достойное место при дворе Великого хана. Пользуясь тем, что время от времени мы благословляем его, я старался изучить факты и очень внимательно наблюдал за происходящим...И в самом деле, один из наших священнослужителей (Жан де Монтекорвино) является архиепископом при императорском дворе и благословляет каждый раз хана, когда тот собирается в поездку. Однажды, когда монах возвращался в Пекин, наш епископ, наши младшие братья и я сам выходили ему навстречу в двух днях расстояния от города. Мы вереницей шли к монарху, который восседал на императорской повозке. Перед нами мы несли крест, прикрепленный к высокому древку, и пели антифону: Приди, Святой Дух. Когда мы приблизились к императорской повозке, Великий хан, узнав наши голоса, позволил приблизиться к нему. И по мере того, как мы приближались с поднятым крестом, он снял свой головной убор и обратил свой взор на крест. Епископ дал ему благословение, освятил его и Великий хан с набожностью поцеловал крест. Я положил ладан в кадило и наш епископ окурил его божественным финомом. Но так как

этикет требовал этого, чтобы никто не появлялся перед его величеством без подарка, мы преподнесли ему серебряное блюдо, наполненное фруктами, которое он благосклонно согласился принять; он даже соизволил надкусить один из плодов. Затем мы отошли в сторону, чтобы не оказаться на пути сопровождающей его кавалерии. Затем мы приблизились к некоторым высокопоставленным вельможам его свиты, которые прошли крещение (несторианские тюрки, обращенные в католиков) и они также получили наши скромные преподношения с такой же радостью, словно это были божественные дары».*

Одорик описывает нам красочно грандиозные охотничьи загоны, организованные для Великого хана в императорском лесу в двадцати днях пути от Пекина. Живописно представлены охота, Великий хан верхом на слоне, монгольские сановники, выпускающие окрашенные стрелы. Рык животных и лай собак создавали такой адский шум, что ничего не было слышно». Затем, как и при охотничьих облавах его предка Чингисхана, Йесун Темиур, посчитав, что «охота» исчерпана, давал знак о прекращении травли диких животных, и словно следуя буддистским правилам, давал свободу оставшимся в живых животным.

Одорик отмечает, наконец, совершенное функционирование почтовой службы в монгольской империи. «Гонцы скакали во весь опор на необычайно резвых лошадях или использовали быстрых верховых верблюдов. При приближении к месту передачи сообщения для дальнейшего следования, они трубили в рог, чтобы предупредить о своем приближении. Предупрежденные таким образом сторожевые тотчас же готовили другого всадника или наездника на верблюде с новой сбруей. Тот же молниеносно схватывал почту, вскакивал верхом на лошадь или верблюда и скакал до следующего этапа, где происходило то же самое. Великий хан, таким образом, получал каждые сутки новости из стран, обычно расположенных, по крайней мере, в трех днях конного пути».

Одорик де Порденон после двух или трех лет пребывания в Пекине, возможно, покинул столицу к 1328 г. Он вернулся в Европу через Верхнюю Азию. Он пересек страну онгютов, христианских тюрков, как мы это знаем, и один из принцев которых — Георгий (умер в 1298 г.) когда-то был обращен в католицизм Жаном де Монтекор-вино. Так как речь идет о несторианцах, Одорик, также как и до него Марко Поло,** путает онгютских принцев с керайтским «Свя-

* Одорик де Порденон. Изд. Кордые, 375. См. в том же духе, что говорит Марко Поло о том участии, которое принимал Хубилай на больших христианских праздниках. (!! Milione, ed. Benedetto, p.69,70).

** Изд. Бенедетто, с. 60-61.

щенником Жаном», но это точно, что он говорит об онгютских принцах, когда он нам рассказывает о том, что они нередко брали в жены Чингизханидских принцесс. Что касается города Тозана, который он считает столицей онгютов, это был как установил Пельо, средневековый Тонгчен, нынешний Токто или возможно Суэйюань. Из страны онгютов Одорек взял курс на страну Кансан, т.е. Каньчеу в Каньсу, отмечая, что на этом крупном караванном пути города или поселения были построены настолько близко, что, выходя из одного места, сразу видели стены другого города. Одорик выбрал затем одну из дорог Гоби на севере или юге Тарима. По пути он собирал интересные сведения о Тибете и ламаистской теократии, но не заходя в эту страну, как ошибочно об этом говорили.*

Он вернулся в Падую в мае 1330 г. и скончался 14 января 1331 г. в монастыре Удины, продиктовав свой рассказ о путешествии.

Архиепископ Пекина Жан де Монтекорвино, который встречал Одорика, умер некоторое время спустя после отъезда последнего в Италию в 1328 или 1329 годах.**

В 1333 г. Рим послал на его замену другого молодого монаха по имени Никола, который направился в Центральную Азию. Новость о прибытии Николы в Алмалык, что недалеко от нынешней Кульджи в регионе Или, достигла Европы в 1338 г., но кажется, он умер, так и не достигнув Китая.***

В 1339 г. Папа Бенедикт XII послал в Китай францисканца Жана де Мариньоли. Прибыв из Неаполя в Константинополь в мае 1339 г., Мариньоли отплывает в Крыму в сторону Каффы. Прежде он нанес визит Узбеку, хану Кипчакии, которому преподнес дары от имени Папы. Весной 1340 г. он покинул Кипчакию и направился в сторону Алмалыка в чагатайское ханство, где он объединил разрозненных христиан, как мы в этом убедимся далее, которые подверглись преследованиям в предыдущем до его прибытия году. Он вначале пересек Центральную Азию и прибыл в Пекин в 1342 г. 19 августа его принял Великий хан Тоган Темюр, десятый преемник Хубилая, которому он подарил породистую европейскую лошадь. Этот жест понравился монарху.****

* Одорик, изд. Кордые, стр. 450. SM.Lauffer, Was Odoric of Pordenone ever in Tibet? Toung-pao, 1914, 405.

** Письмо пекинских аленов папе Бенедикту XII, датированное 11 июля 1336 года сообщает, что Монтекорвино умер восемь лет назад. (Moule, Christians in China, 198).

*** Moule, Christians in China, 197.

**** Pelliot, Chretiens d'Asie Centrale, Toung Pao, 1914, 642.

26 декабря 1347 г. Мариньоли сел на корабль в Тэюаньчеу. По пути он высадился в Индии в Куламе и Мелиапуре, где он пробыл один год. В Авиньон он вернулся в 1353 г.*

В 1370 г. Папа Урбан V послал архиепископом Пекина преподавателя Парижского Университета Гийома де Прато, а на следующий год он назначил Франциско де Подио легатом в Китае. Но в это время монгольская династия была свергнута. Китайцы — победители из династии Мин, включили христианство в список проскрипции, который они наложили на те иностранные доктрины, которые были внедрены или поощряемы монголами. Китайская национальная идеология рассматривала христианство как монгольскую религию. То же самое произошло в 840 г. при крушении уйгурских каганов, которые поддерживали манихейство и в краткие сроки оно тоже было запрещено как религия, привнесенная варварами.

Последние Хубилаиды. Изгнание монголов из Китая

Говоря о различных религиях при монгольской империи в Китае, мы были вынуждены забежать вперед, нарушая логический ход развития династии Хубилая. Вернемся к тому, о чем мы не сказали.

Император Темнор (1294—1307) был последним из выдающихся личностей монгольской династии в Китае. После него явно обозначилось декадентство. Как кажется Чингиз-хан предусматривал такой ход событий, если то, что ему приписывают верно. Потомки степных охотников, вкушая удовольствие оседлой жизни, купаясь в роскоши, о которой говорят Марко Поло и Одорик де Порденон, забыли о своем примитивном прошлом и перестали задумываться о причинах своей мощи. Мунке, один из последних, который попытался как-то отреагировать на это, вернуть завоевателей мира к мудрой простоте степных обычаев. После него Хубилай решительно повернул свою династию к китаизации, оседлой жизни, цивилизованным радостям. С такой личностью, которую он представлял, (возьмем, к примеру, его внука Темюра) то все удавалось сделать, так как он сочетал с традиционными особенностями монголов, которые у него оставались нетронутыми, всю силу китайской ловкости. Но с появлением слабых и посредственных императоров от этой положительной двойственности остались только нежелательные последствия. Последние Чингизханиды в Китае были чрезмерно китаизированы, были расслаблены дворцовой жизнью, злоупотреблением удовольствиями, отделенные от внешнего мира завесой фаворитов и фавориток, просвещенных людей и бюрократов, для того, чтобы сохранить что-то положи-

* См. хронику Мариньоли у Муле, 254.

ельное от монгольской мощи. Эти потомки самого грозного завоевателя вселенной закончили жизнь в нелепом препровождении, бессилии, в жалких попытках активных действий и в решающий момент проявляли склонность к грустной мечтательности. С другой стороны, оставшись варварами в этом смысле слова, они никогда не восприняли государственную идею китайцев о государстве как о нечто абстрактном целом. На троне сына Неба они оставались кланом, члены которого на глазах у всех устраивали свары, вырывали власть друг у друга и взаимно самоубивались. Когда китайцы восстали против них, они были очень азобщены, их принцы ненавидели друг друга настолько, что вместо того, чтобы помочь друг другу, они один за другим терпели поражение от китайцев из-за отсутствия единства.

В общем, злоупотребление ранней сытной жизнью привело их преждевременно к гибели. Хубилай скончался 18 февраля 1294 г. в возрасте 79 лет. Его любимый сын (второй сын) Ченки — Чинкин по ашид ед Дину, умер в январе 1286 г. Темюр, сын Ченки, провел более достойную жизнь в период разгула закоренелого пьянства и интриг. Он проявил себя гораздо лучшим монархом, чем мог себе представить его предок, но его жизнь оборвалась раньше срока без наследников. Он умер в возрасте сорока двух лет 10 февраля 1307 г. Как мы знаем, борьба за трон развернулась между одним из внуков и правнуков Хубилая — принцем Анандой — вице-правителем Тангута (Каньсу)* и принцем Хайшанем — вице-правителем Каракорума и Монголии, под командованием которого на маньчжурской границе находилась самая могущественная армия империи. Хайшан одержал над ним победу и казнил его. Проявив свои выдающиеся военные качества, особенно в войне против Тайида, он подавал серьезные надежды стать достойным правителем, но, поддавшись искушению алкоголизма и в погоне за плотскими удовольствиями, умер в возрасте тридцати одного года (27 января 1311 г.). Его брат Буйанту (Айурпарибхадра), «кроткий, лагодетельный, прилежный», который поставил целью заставить монголов учиться просветительству у китайцев, умер также рано в возрасте 35 лет (1 марта 1320 г.). Сын Буйанту — Суддихипала в возрасте 17 лет был убит три года спустя придворной кликой монгольских дворцовых вельмож, которые провозгласили императором его кузена Йэсун Те-мюра (4 сентября 1323 г.).

* Эта часть царства, отданная Хубилаем своему третьему сыну Мангале, затем переданная Анаде, сыну Мангалы, включала в себя также Шеньси, провинциальным центром которого являлся Синьянь Фу или Чаньян.

Йэсун Темюр, который командовал армией Монголии, был провозглашен императором в своем военном лагере у берегов Керулена, а торжественно коронован в Пекине 11 сентября 1323 г. в возрасте тридцати лет, а пять лет спустя после этого он скончался от излишеств роскошной жизни, которую он вел (15 августа 1328 г.). Китайские историки описывают его, как глупого, вялого правителя, окруженного бесчисленными придворными, и отличавшихся большой расточительностью. После его смерти начались междоусобные войны. Тог Темюр, сын Хайшана, захватил власть (16 ноября 1328 г.), но затем уступил трон старшему брату Кусале, вице-правителю Монголии. Когда 27 февраля 1329 г. он неожиданно скончался, то на трон вновь воссел Тог Темюр, но злоупотребление дольствиями его также привело вскоре к смерти в возрасте двадцати восьми лет (2 октября 1332 г.).*

Риншенпал, младший сын Кусалы, был провозглашен императором в возрасте шести лет (23 октября 1332 года), но неожиданно умер два месяца спустя (14 декабря). Тоган Темюр, старший брат Риншенпа-ла пришел ему на смену в возрасте тринадцати лет (19 июля 1333 г.).

В период правления Тоган Темюра рухнула монгольская империя в Китае. Когда император был совсем юн, монгольская империя оспаривала власть на фоне дворцовых драм. Власть тогда принадлежала сановнику из меркитов по имени Баян. После его изгнания и смерти (1340), раздоры между группами аристократов привели к окончательному падению престижа империи, что вызвало раздражение центральной власти. Вялый и нерешительный Тоган Темюр, который себя чувствовал уютно только в компании фаворитов и тибетских лам, опустившийся из-за безделья, совсем забросил государственные дела. Он не обратил никакого внимания на нарастающее на юге Китая недовольство народа.

Наличие такого разложения фактически способствовало тому, что китайские «патриоты» восстали против иностранного владычества. Восстание, как и в 1912 г. началось в нижнем течении Янцзы, в регионе Кантона. Оно было неорганизованным и спонтанным, во главе которого находились предводители из числа патриотов и разбойников, которые имели разногласия между собой в тот же период, когда они выступали против монголов. Подобное случилось с Сию Шеухунем, который отобрал у монголов Ханиянг и Чунчанг, и Хубей с пригородами (1352), затем Сиангйанг (1356) и, наконец, стали хозяевами самой большей части двух Ху (Хубей и Юньнань) и Киангсу до того времени (1359), когда его сменил заместитель Чен Йеуленг. Последний был сыном обыч-

* Cf. L. Ligeti, Les noms mongols de Wen-tsong des Yuan, Toung pao, 1930, 57.

новенного рыбака, стал претендентом на власть в империи с резиденцией в Киеукианге на севере озера Пойанг. Того же положения желал достичь Лию Футонг, авантюрист, который от имени якобы потомков династии Сун на какое-то время стал властвовать в Кайфыне (1358), но в дальнейшем был вскоре изгнан монгольским принцем Наганом Темюром (1359). Четвертый предводитель восставших Чанг Шеченг овладел Йангчеу в устье реки Янцзы (1356). Храбрый корсар Фанг Куочен разбойничал у берегов Чокианга и Фукиена.

Все эти авантюристы и искатели приключений были устранены самым ловким из них — Чу Йоаньчангом, будущим императором Хонгву, основателем династии Мин. Сын простого пахаря Нганхуея и сам бывший бонза, он взялся за оружие в 1355 г. в Тайпине на берегах среднего течения Янцзы. Хотя в начале это был просто главарь банды, как и его конкуренты, отличавшийся от них своим политическим мышлением и умелыми человеческими качествами в обращении с населением, которое он смог привлечь к себе убеждением, а не силовым давлением на него. В 1356 г. он отобрал у монголов Нанкин, который стал столицей и где незамедлительно в обстановке анархии, царившей повсюду, создал законное правительство. В 1363 г. он одержал верх над своим соперником Чен Йеуленгом и убил его около Жаочуе на восточной стороне озера Пойанг и присоединил к себе его владения: Хубей, Хунань и Каньсу. Таким образом, он стал полновластным хозяином всей части нижнего течения Янцзы. В 1367 г. он отвоевал Чо-кианг у своего другого соперника Чанг Шеченга, а в 1367 г. порты Фукиена у пирата Фан Куочена. Кантон и два Куанга достались ему без особых трудностей (1368): династия Мин овладела всем югом.

Кажется, что монгольский двор оставался относительно безразличным к потере Южного Китая, бывшей империи династии Сун, завоеванной сто лет назад Хубилаем и утерянной из-за безволия своего глупого преемника. Чингизханидов интересовал прежде всего, Северный Китай, бывший царством Цин, первым завоеванием, который оставался еще нетронутым. Но для защиты этого края им следовало приложить хотя бы минимум единства. Но в тот момент монгольские принцы были разделены как никогда. С 1360 г. два самых энергичных принца из них, самые лучшие военачальники императорских армий — Чаган Темюр, который завоевал Кайфын и Болот Темюр, правитель Татонга в Шаньси, чуть не вцепились друг в друга за право владения Тайюанем (тогдашний Тзининг). Затем уже из Монголии один угэ-дэйский принц попытался использовать сложившуюся ситуацию, чтобы отстранить от власти клан Хубилая. Он двинулся к великой стене, одержал победу над императорской армией в Шангту (Долоннор), но

был предательски убит (ноябрь 1361 г.). А между тем разгоралась междоусобица в стане самих императорских принцев. В 1363 г., когда стояла угроза отделения Южного Китая, Болот Темюр попытался военным путем возглавить Тайюань, то есть Шаньси, отобрав его у Коко Темюра, наследника Чагана. Наследный принц Айурширидхара выступил против Болота и поручил Коко Темюру отобрать Татонг. Болот во главе своей армии вошел в Пекин (9 сентября 1364 г.) и заставил Тогана назначить его генералиссимусом, в то время как наследный принц бежал под покровительство армии Коко Темюра в Тайюане. Болоту не удалось победить двух соперников и в сентябре 1365 года он был убит в Пекине в результате дворцового заговора, в котором участвовал сам император. Коко Темюр вернулся тогда в Пекин с наследным принцем и в свою очередь получил звание генералиссимуса до того периода, пока сам не попал в немилость (1367). Неудивительно, в то время как двор и знать монголов были втянуты в эти междоусобные войны, восставшие китайцы овладели всем Южным Китаем. В ситуации, когда противник был деморализован, предводитель династии Мин предпринял поход на Северный Китай.

Эта была победоносная кампания. Чу Йаньчанг вышел из Нанкина в августе 1368 г. и вошел в Хубей через Куангпинг и Шуэньто. Монгольский военачальник Буян Темюр пытался защитить подступы к Пекину, но был побежден и убит в Тонгчеу лучшим воено-начальником династии Мин — Сию Та. Наследный принц Айурширидхара, увозя с собой «родовые таблички» своих предков, убежал в Монголию. Сам же император Тоган Темюр покинул Пекин в направлении Шангту ночью 10 сентября. Монгольский принц Темюрбука был убит, пытаясь храбро защитить столицу от нашествия.

Представители династии Мин победоносно вошли в Пекин.

Последняя монгольская армия еще занимала Шаньси под командованием Коко Темюра, вице-правителя Тайюаня, который вел себя независимым принцем, прилагая все усилия для защиты своих владений, но при приближении китайской армии под предводительством Сиа Та, он сдал свои позиции. Тайюань был взят, а Коко Темюр бежал в Каньсу. Что касается жалкой личности императора Темюра, то он, не чувствуя себя больше в безопасности в Долонноре, бежал в Йингчанг (Кайлу) в направлении Шарамурены. Именно там он скончался 23 мая 1370 г. полный отчаяния от безысходности из-за потери империи в Китае или скорее, если быть точным, из-за утраты императорских развлечений «моего великого города Тайту (Пекин), утопавшем в сказочном величии, Шангту, моей милой и прохладной летней резиденции и этих великолепных желтеющих долин, очарование и

тдохновение моих божественных предков! Сколько же я наделал
лупостей, чтобы потерять таким образом империю!»*

Ханство, основанное в Китае потомками Чингиз-хана, существовало всего одно столетие от Хубилая до Тогана Темюра. Подобное ханство, которое они основали в Туркестане, просуществовало до XVII в., где произошло множество событий вопреки и в ущерб политике преемственности, которую заложил Самарлан.

4. ТУРКЕСТАН ПОД ВЛАСТЬЮ СЕМЕЙСТВА ЧАГАТАЯ

Джагатайское ханство: общая характеристика и начало правления

Джагатай,** второй сын Чингиз-хана, получил в наследство от отца регион Иссык-Куля, бассейн реки Или на юго-востоке Балхаша, степи Чу и Таласа или, по крайней мере, восточную часть. По сведениям Джувейни, его зимняя ставка находилась в Маравсикиле, летняя став-ка-в Куяше, располагавшейся в долине Или, вторая ставка была в Алмалыке (в сторону нынешней Кульджи). Ему подчинялись, с одной стороны, Кашгария, с другой стороны, Трансоксиана. Следует, однако заметить, что Уйгурия, древняя тюркская страна Бешбалыка (Ку-чан), Турфан (Караходжа) и Куча, которая примерно в 1260 г. перешла в непосредственное подчинение чагатаидов, и кажется, до того времени подчинялась скорее великим ханам Каракорума. Впрочем, на какой-то период правление трансоксианскими городами-Бухарой и Самаркандом также находилось в руках каракорумского двора.

Само по себе Чагатайское ханство или как его называли "Чагатай", так как монарх стал героем, давшим стране свое имя, было древним царством каракитайских гурханов. Так когда-то государство каракитав, которое представляло монгольское владычество над тюркской страной: княжество Туркестана, принадлежало монголам. Но также как и гурханам, каракитаям или еще раньше, в VII в., ханам западных степей, чагатайцам не пришла в голову идея превратить их господство в истинное государство в соответствии с западными моделями или моделями Китая и Персии. Для того, чтобы это осуществить, им не хватало исторических рамок. В Китае, в Персии, их кузены династии Хубилая или династии Хулагу, обращались к тысячелетней традиции равных цент-

Морис Курант. Центральная Азия в XVII и XVIII веках, с.5. ** Или Чагатай.
Секретной Истории, Чаадай. Совместно с Пелью и Бартольдом
(Туркестан), мы следуем привычной на западе форме Джагатай.

рализованных империй, к достойному прошлому в административном управлении юаменов и диванов, наследство которых они переняли. В Китае они становились Сынами Неба, в Персии-султанами. Они были подобны древним государствам с четко очерченными географическими, историческими и культурными рамками. Ничего подобного не произошло с сыновьями Чагатая. Их царство с неопределенными границами сохраняло в виде центра то Пекин, то Гаурис, но приоритетом была степь. Им не пришла мысль обосноваться в Кашгаре или в Хотане, в оазисах Тарима, где сады были слишком тесны для их стад и кавалерии. Они не видели никакого преимущества оставаться среди более или менее иранизированных таджиков и тюрков Бухары и Самарканда, в этих перенаселенных городах, мусульманский фанатизм и неугомонный дух причастия которых вызывали только неприязнь у кочевников, привыкших к кочевому образу жизни. На более долгий срок, чем их родственные племена других улусов, они сохранили абсолютное непонимание условий городской жизни, ее потребностей и практическую пользу. Таким образом, хан Барак, не колеблясь, отдал приказ о разграблении Бухары и Самарканда-сокровищницу своих собственных городов — лишь только для того, чтобы изыскать средства для создания армии.* И до конца своего правления, т. е. до XV в. чагатайцы продолжали вести кочевой образ жизни между Или и Галасом, оставаясь людьми степей. Государственные деятели, которые вышли из этой династии, такие как Аргун, Газан и Ульджайту, Хубилай и Темура, представляли тип монгола, выдержавшегося в историческом развитии. И не потому что противились окружающей среде успешнее, чем хубилаиды, ставшие китайцами, лучше, чем хулагуиды, ставшие персами; живя в тюркской стране, они сильно тюркизировались, начиная с XIV в. и настолько, что их именем с тех пор начали называть восточный тюркский говор: чагатайский тюркский язык. Но также как и сами монголы, илийские тюрки, остатки древних тюркешей и карлуков, не имели культурного прошлого. Династия чагатаидов оставалась в неопределенном положении, не зная к кому примкнуть, между буддийско-несторианской уйгурской культурой Бешбалыка и арабо-персидской культурой Бухары и Самарканда. Вне сомнения, в самом начале чагатаиды, как и в свое время сам Чингиз-хан, испытали влияние уйгурской культуры, культуры тех древних тюрко-монголов, которые оставались верными Будде и несторианскому кресту. Затем, начиная с XIV в., чагатаиды стали обращаться в исламскую веру, но наподобие монголов, без фанатизма и увлечения религиозными течениями таким образом, что они прослыли полуязычниками в глазах набожных му-

* Waccaf, dans d'Ohsson, III, 436.

сульман Самарканда, а военные походы Тамерлана, предпринятые против них, носили характер священной исламской войны.

Чагатай, основатель ханства, которым он правил с 1227 г. по 1242 г., как известно, представлял тот же тип классического монгола. Его отец — Чингиз-хан, к которому он испытывал столько же восхищения, как и боязни, поручил ему следить за ясаком, соблюдением правовых норм и дисциплины, и Чагатай провел свою жизнь в строгом соблюдении законов и тщательного их исполнения окружающими. Однажды, будучи верхом на лошади, он в спешке обогнал своего младшего брата Угэдэя, который в тот период был уже Великим ханом, и на следующий день он явился к последнему просить прощения, словно человек, совершивший преступление.*

Такое отношение к младшему по возрасту нисколько не смутило его, так как это было в рамках предписания отца в соблюдении законодательства. По этой же причине, несмотря на то, что он господствовал над мусульманскими народами, он проявил свое враждебное отношение к исламу, когда речь шла об омовениях и приношении в жертву животных, так как коранические предписания шли наперекор монгольским обычаям и ясаку.**

Тем не менее, один из его министров Кутб ед-Дин Хабаш Амид из Отрава (умер в 1260) был мусульманином.***

Впрочем, в свое время, Чингиз-хан поручил руководство администрацией и организацию фискальной службы в трансоксианских городах в Бухаре и Самарканде и т.д., другому мусульманину-Махмуду Ялавашу, который находился специально для выполнения обязанностей в Ходженте, в Фергане. Чагатай однажды решил лишить последнего его обязанностей, но так как Махмуд непосредственно подчинялся Великому хану Угэдэю, правившему в тот период, он вынужден был признать неправоту своего поступка и вновь вернул тому его прежние полномочия.****

После Махмуда его сын Масуд Ялаваш или Масудбек продолжал управлять административными делами трансоксианских городов от имени Великого хана и также, как это считает Бартольд, другими "цивилизованными провинциями" Чагатая до самой китайской границы. Он участвовал в этом качестве в курултае 1246 г., где были подтверждены его функции. В 1238-1239 годах в Бухаре вспыхнуло народное недовольство мусульман, направленное одновременно против имущих классов и монгольской администрации: Масуд подавил

* Rachid ed-Din dans d'Ohsson, II, 101-102. **
Rachid ed-Din dans d'Ohsson, II, 100, *ibid.*, 93. ***
См. Бартольд, Чагатай-хан. Энцикл., 832. **** См.
Бартольд, там же.

восстание и ему в то же время удалось спасти город от возмездия монгольских войск.*

Умирая, Чагатай завещал (1242) трон своему внуку Кара-Хулагу: этот ребенок был сыном старшего сына Чагатая-Мютюгена, который был убит в 1221 г. при осаде Баймиана и смерть которого причинила столько горя близким. Кара-Хулагу правил с 1242 по 1246 годы при попечительстве вдовствующей хатун Эбюскин. В 1246 г. новый Великий хан Гуйюк заменил его младшим сыном Чагатая, принцем Юиссу-Мангу,** к которому он испытывал чувства дружбы. Принц, между прочим, страдал алкоголизмом и позволил вместо себя управлять своей жене и министру — мусульманину Баха ед-Дину Маргинани, о которых Джувейни в положительных тонах говорит, как о меценате.***

Но Юиссу-Мангу тоже правил совсем недолго (1246-1252) и по тем же причинам. В междоусобице среди преемников власти империи, которая разделила все Чингизханидские династии в 1249-1250 годах, он принял четкую позицию на стороне династии Угэдэя против кандидатуры Монки. Как только Монка стал править империей, он тут же объявил о низложении Юиссу-Мангу и назначил на его место хана улуса Чагатая, того же Кара-Хулагу, которого пять лет назад Юиссу-Мангу лишил власти (август 1252). Кара-Хулагу было поручено умертвить Юиссу — Мангу, который приходился ему родным дядей, тотчас же после отстранения того от власти. Подобное чередование драматических дворцовых событий явно демонстрировало, что чагатайский улус в то время не был самостоятельным и находился в полном подчинении каракорумского двора. Он испытывал на себе все перипетии дворцовых переворотов, которые происходили в высших эшелонах власти. В общем, он оставалось второстепенным княжеством, тесно связанным с центральной властью. Его правители играли побочную роль, на них смотрели как на младших, несмотря на их право первородства по отношению к династии Угэдэя и Толуя.

Однако Кара-Хулагу в момент, когда он намеревался взять бразды правления в свои руки, умер в пути (1252), а его вдова Органа выполнила имперский указ и казнила Юиссу-Мангу.****

* Джувейни, д'Охссон, II, 102-107.

** Мунке по-монг. то же самое, что и Мангу по-тюрк. Я специально использую здесь две транскр. для того, чтобы избежать смешения между чагатаидом, о котором идет речь и Великим ханом, который низложит его с трона в 1252 г.

*** Д'Охссон, II, 204; Бартольд, Чагатай, I, с. 833-834.

**** Д'Охссон, II, 271.

Давний министр Хабаш Амид, бывший сторонником Кара-Хулау, находился в плохих отношениях с Юиссу-Мангу, со своей стороны, отомстил Беха ед-Дин Маргинани, которого также казнили.*

Органа правила чагатайским ханством в течение девяти лет (1252-1261).

Древние династии до Чингизханидской эпохи, которые находились под сюзеренитетом династии Чагатай, также испытывали последствия дворцовых переворотов при дворе Каракорума. Таков случай с уйгурским княжеством Бешбалыка (Кучан), Турфаном и Куча. Нам известно, что уйгурский правитель Барчук всю свою жизнь был верным вассалом Чингиз-хана, что он ему помогал в борьбе против Кучлуга, против шаха Хорезма и против Си-ся. В знак благодарности Чингиз-хан намеревался выдать за него одну из своих дочерей, любимую дочь, которую, как говорят, звали Алатунбаки или Алтунбаки, но свадьба не состоялась по причине смерти Чингиз-хана, а затем и самой принцессы. Сам же Барчук умер некоторое время спустя, в качестве Идикута его сменил сын-Кишмаин, то есть правитель уйгуров, после того, как он был представлен монгольскому двору Великого хана Угэдэя.**

После смерти Кишмаина монгольская регентша Торагана отдала в управление уйгурское княжество брату покойного — Саленди.***

Последний был буддистом и, кажется, проявил враждебность в отношении мусульман, которые жаловались на его произвол. В междоусобице по передаче власти у монголов, между кланами Угэдэя и Мунке в 1251 г., часть населения, по крайней мере, из окружения Саленди, встала на сторону угэдэйцев. В действительности мы видим, что один из высокопоставленных офицеров по имени Бала или Бела из числа заговорщиков Огул Каймиша, был приговорен к смерти взявшим верх Мункой, и по чистой случайности избежал смерти. Саленди, испытавший угрызения совести по этому поводу, поспешил нанести визит Мунке (1252) и вернулся из имперской ставки, когда сгустились тучи. Мусульмане Уйгурии обвинили его в том, что он стремился их уничтожить. Было даже уточнение: эта казнь должна была состояться "в пятницу в мечетях во время молитвы" в Бешбалыке и по всей стране. Уполномоченный Мунки, по вероисповеданию мусульманин по имени Сейф ед-Дин, который находился в Бешбалыке, был проинформирован об этом обвинении и отослал Саленди в

* Бартольд, Чагатай, 834.

** Как отмечает Мохаммед Казвини,-Джувеини дает орфографическую форму (без вокализации) Ksmain (Tarikh i Djahan-goucha, ed.Gibb memorial, 1,34), или Kchmain (тот же источник, изд. Березин, I, 165)

*** По Джувеини, Саленди, I, 34, и у Рашид ад-Дина, изд. Березин, I, 165 (сообщение Мохаммеда Казвина).

Каракорум, чтобы тот отчитался за происходящее перед самим Великим ханом. Несчастный уйгурский правитель был подвергнут допросу и под пытками признался во всем, что от него требовали. Мун-ке отправил его в Бешбалык для того, чтобы понести наказание. Как пишет Дохссон: "Он был обезглавлен в пятницу собственным братом Укенджи* в присутствии многочисленной толпы и к великому удовольствию мусульман, которые, по всей видимости, желали смерти этого принца, ярого приверженца буддизма." Фактически Саленди был казнен за то, что был сторонником династии Угэдэя, в то время как брат занял его место как сторонник Мунки, но семейные распри позволили мусульманскому меньшинству Уйгурии отомстить буддийскому большинству населения (1252).**

Правление Алгху. Попытка чагатаидов к освобождению

Органа, которая по описанию летописцев была красивой, мудрой и рассудительной правительницей, руководила чагатайским ханством с 1252 по 1261 год. В указанный период ханство начало испытывать последствия борьбы, разгоревшейся в Монголии за высшую власть, выражавшееся в столкновениях за соперничество Великого хана Хубилая и его брата Арик-боги. Последний был в то время хозяином Монголии, он назначил ханом "Чагатая" внука Чагатая, принца Алугху или Алгху, сына Байдара, поручив ему охранять границу Амударьи для того, чтобы помешать хану Персии-Хулагу прислать подкрепление Хубилаю. Алгху отправился в Бешбалык, принял власть из рук принцессы Органы и был признан без каких-либо трудностей правителем от Алмалыка до Амударьи. Его правление длилось с 1261 по 1266 год, но он использовал совершенно другую политику, чем ту, на которую рассчитывал Арик-бога.

Фактически в первый раз в истории своей династии Алгху повел себя как самостоятельный хан благодаря борьбе между Хубилаем и Арик-богой. Его сюзерен Арик-бога направил к нему своих уполномоченных для сбора налогов, заготовки оружия и обеспечения скотом. Алгху, не желая делиться добром, присвоил все себе, казнил посланников Арик-боги и объявил о своей поддержке Хубилая (к 1262). Арик-бога, взбешенный подобным предательством, выступил войной против него. Алгху одержал первую победу, разгромив вражеский авангард около Пулада или Болода, между Сайрамом и Эбинором, но, посчитав, что после этой победы он будет в безопасности, допустил ошиб-

* Как говорит Мохаммад Казвини, -этот принц упоминается у Джувеини в форме (без вокализации) Укиндж (Джувеини, I, 38). ** Д'Охссон, II, 271-273, по Рашид ад-Дину.

ку, расформировав армию и спокойно возвратившись к себе в резиденцию на Или. В это время другой полководец Арик-боги подоспел с новой армией, захватил бассейн Или, занял Алмалык и вынудил Алгху бежать в сторону Кашгара и Хотана. Арик-бога лично прибыл для проведения зимовки в Алмалыке, сердце чагатайского улуса, в то время как Алгху ушел в направлении Самарканда (к 1262-1263). Арик-бога обошелся, впрочем, очень жестоко с прекрасным регионом Или, опустошив страну и убив всех сторонников своего врага, в результате чего разразился голод, и многие из его военачальников ушли от него со своими войсками. Видя, как его армия ускользает из рук, он решил заключить мир с Алгху. Как раз около Арик-боги находилась принцесса Органа, выразившая протест против отстранения ее от чагатайского ханства. Арик-бога поручил ей и Масуду Ялавашу пойти с предложениями о мире к Алгху в Самарканд. Но здесь произошла неожиданная развязка. Когда Органа явилась к Алгху, тот женился на ней, а Масуда Ялаваша назначил министром финансов. Союз с Масудом оказался весьма удачным. Этот мудрый администратор сумел собрать с Бухары и Самарканда большие контрибуции, которые позволили Алгху и Органе собрать солидную армию. Алгху удалось отразить нашествие угэдэйского принца Кэйдю, выходяща из Имиля, его родных пенатов, и который в этом первом нашествии потерпел поражение. Что касается Арик-боки, лишившегося всех средств, подвергнувшегося на западе атаке со стороны Алгху, на востоке — великого хана Хубилая, он вынужден был, как известно, сдать последнему (1264).*

Результатом этих событий явилось то, что фактически, а значит и закономерно, чагатайское ханство было освобождено от сильной опеки Великих ханов, которую они осуществляли над чагатайским ханством до этого времени. Масуд Ялаваш (умер в 1289), который до того времени руководил администрацией Бухары и Самарканда в пользу Великих ханов, стал собирать дань в пользу Алгху, который расширил также территориально чагатайское ханство, объявив войну Кипчакскому хану Берке, забрал Отрар, который он разрушил, и занял Хорезм.**

После смерти Алгху (1265-1266), его вдова Органа возвела на трон (в марте 1266 г. по данным Джемаля Кураши), сына от своего первого

* Д'Охссон, II, 352-354. Воспроизведя в деталях в этой главе историю чагатайского ханства, я вынужден вернуться к фактам, о которых в общем говорил, когда освещал историю Хубилая в главе, посвященной монгольскому Китаю (см. выше).

** Бартольд, Чагатай-хан, Энци. Исл., 833, и Берке, там же, 726.

замужества с Кара-Хулагу, Мобарак-шаха, ставшего первым чагатаидом, принявшим ислам под трансоксианским влиянием. Но другой чагатаид-Барак, внук Мютюжена, получил от Великого хана Хубилая звание ярлыга, и назначение служить своему кузену Мобараку.*

Однажды в регионе Или, Барак собрал свои войска, пленил лично Мубарака в Ходженте (в сентябре 1266 года по сведениям Джемалия Кураши), сместил того с трона и низвел его до выполнения обязанностей обер-егермейстера. Несмотря на то, что он был обязан своим положением Великому хану Хубилаю, Барак не замедлил поссориться с ним, когда тот назначил одного из своих подчиненных — Мо-гултая правителем китайского Туркестана. Барак изгнал этого сановника и заменил его своим человеком. Хубилай выслал против него отряд в шесть тысяч всадников для восстановления своего наместника, но в ответ Барак собрал против этого отряда тридцать тысяч человек, вынудивших кавалерию отступить без боя. Барак к тому же позволил своим войскам разграбить город Хотан, находившийся в подчинении Хубилая.

Чагатайское ханство под сюзеренитетом Кайду

Барак был менее удачлив в соперничестве с Кайду. Известно, что Кайду, предводитель династии Угэдэя, царствовавший на Имиле в Тарбагатае, требовал, вступая в соперничество с Хубилаем, титул Великого хана и сюзеренитет над другими Чингизханидскими улусами. Он начал с того, чтобы Барак признал его и совершил на того нападение. В первой битве при Амударье, Бараку удалось завлечь неприятеля в засаду и, одержав победу, он взял в плен многих противников и завладел изрядной добычей. Но Кайду воспользовался поддержкой кипчакского хана Мангу-Тимура, который послал против Барака армию в количестве пятидесяти тысяч воинов под командованием Беркеджера. Барак проиграл последнему в грандиозной битве, ушел затем в Трансоксиану, где благодаря новому давлению на население Бухары и Самарканда, он вновь собрал армию. Он готовился к серьезному сопротивлению, когда Кайду вышел с предложением о мире: Кайду в действительности, желая вести свободно военные действия против Хубилая, был согласен на то, чтобы оставить Трансоксиану Бараку при условии, что последний даст ему

* Обычная форма этого имени Борак или Боррак, является исламской, но Пельо, напоминая о Бараке Марко Поло и Па-ла Юань-ши, уточняет, что монгольским именем было Барак. (Pelliot, Sur la legende d'Ughuz-khan, *Toung pao*, 1930, 339). Что касается правления этого принца, d'Ohsson, II, 359 — 360, et Barthold, *Burak*, Enc. Ist., 814.

свободу действий в Или и Восточном Туркестане и, что даже в Трансоксиане он будет считаться его вассалом. Крупнейший курултай примирения, исходя из этих условий, как об этом ведаёт нам Вассаф, состоялся в Катванских степях на севере Самарканда к 1267 г., а по сведениям Рашид ад-Дина, в Таласе весной 1269 г.*

Бартольд пишет: " Таким образом, в Центральной Азии под сюзеренитетом Кайду была полностью сформирована самостоятельная империя. Все принцы (которые приняли участие в этом соглашении), стали рассматривать взаимно друг друга, как братья по крови (анда); было необходимо защищать собственность городского и сельского населения, принцы должны были довольствоваться пастбищами в степных и горных зонах и содержать стада кочевников в удалении от земледельческих регионов. Две трети Трансоксианы были оставлены Бараку, но вместе с тем, управление земледельческими регионами было поручено Масуду (Ялавашу), которого назначил сам Кайду".

Кайду, ставший сюзереном Барака для того, чтобы отдалить Барака от Восточного Туркестана, отправил его на завоевание персидского ханства, находившегося в подчинении династии Хулагу, представленного ханом Абакой, сыном и преемником последнего. Еще раз Барак, несмотря на возражения Масуда Ялаваша, для того, чтобы собрать новую армию, вновь наложил непосильное бремя налогов на население Бухары и Самарканда, и, если бы не вмешательство Масуда, он полностью бы опустошил казну этих двух городов. Он перешел Аму-дарью и обосновал свой лагерь около Мерва. Во главе армии стояли видные Чингизханиды, составившие его военный штаб: его кузен Ник-пай Огул, другой кузен-Мубаракшах (предыдущий правитель, которого он сместил с трона), Бури и др.**

Его основной задачей было завоевание Афганистана (который он требовал вернуть обратно, несомненно, в связи со смертью его дедушки Мютюгена при взятии Бамиана в 1221 г.).

Военная кампания началась успешно. Барак одержал верх около Герата над принцем Бучином, братом Абаки и правителем Хорасана. Он занял большую часть провинции (к маю 1270 г.), опустошил Нишапур и вынудил Шемс ед-Дин Керта, мелика Герата, оказать ему почтение и заплатить дань. Но персидский хан Абака, поспешивший на помощь из Азербайджана, заманил его в ловушку неподалеку от Гера-

* Именно в Таласе Кайду устраивал обычно свою резиденцию после победы над Джагатаидами (Cf. Pelliot, *Toung rao*, 1930, 272) Собственно там Раббан Чома и Мар Яхбаллаха навестили его по пути из Пекина в Иран.

**Д'Охссон, III, 435 (по Вассафу и Рашид ад-Дину) Не путать с Бури, о котором идет речь с Бури на стр. 341, который приказал казнить Бату в 1252 г.- Никпай должен был звучать как Нагубай (Pelliot, I A, 1927 II 266)

та и нанес ему 22 июля 1270 г. сокрушительное поражение. Барак возвратился в Трансоксиану с остатками своей разгромленной армии. Ставший инвалидом после падения с лошади, он провел зиму в Бухаре, где и принял ислам под именем "султана Гийата ад-Дина".

Однако крах Барака явился причиной предательства со стороны принцев, его родственников и вассалов. Тогда Барак обратился в Ташкент, с просьбой об оказании помощи к своему сюзерену Кайду. Тот направил двадцать тысяч воинов не для того, чтобы помочь последнему, а скорее воспользоваться его неудачами. Говорят, что Барак умер от страха или был тайно умерщвлен людьми Кайду в момент прибытия последнего (9 августа 1271 г., по сведениям Джемала Кураши).*

После кончины Барака, его четыре сына объединились с двумя сыновьями Алгу, чтобы попытаться освободить Трансоксиану от войск Кайду, но их попытки не увенчались успехом. Сами же они принялись в связи с этим грабить города Трансоксианы, которые начали было оживать при мудром правлении Масуда Ялаваша. Но, впрочем, никому из них Кайду не дал в правление ханство Трансоксианы, а передал его другому чагатаиду по имени Никпай Огул (1271). Но когда Ник-пай Агул попытался сбросить с себя ярмо подчинения, Кайлу приказал убить его и назначил ханом Туку Тимура, другого принца той же династии, и, который был внуком Бури (к 1272 г.?). После смерти Туку Тимура, которая наступила некоторое время спустя, Кайлу передал трон Деве, сыну Барака (к 1274 г.?).** В это самое время персидский хан Абака, не забывший агрессию 1270 г., взял реванш. В конце 1272 г. он послал в Хорезм и Трансоксиану армию, которая разграбила Ургенч и Хиву и вошел в Бухару 29 января 1273 г. В течение семи дней все было разграблено и сожжено. Та часть жителей, которая не успела спастись бегством, была уничтожена.*** По возвращении в Персию, этот хулагуид привел с собой пятьдесят тысяч пленников.

Очевидно, какие ужасные условия жизни были созданы кочевниками для оседлого населения. Предводители номадов в ходе нескончаемых родственных междоусобиц использовали любой повод, чтобы периодически нападать и разрушать города и поселения противника, в период, когда сами они, как мы это видели, не разрушали свои собственные города.

После ухода агрессоров, Масуд Ялаваш вновь очистил города от руин, которые появлялись каждый раз после периодических граж-

* Д'Охссон, II, 450-451, III, 427-453. Бартольд, Бурак, Знц. Исл., 814. ** Рашид ад-Дин и Вассаф, у Д'Охссон, II, 451, который считает, что Никпай Огхул умер в 1272 г.

*** Д'Охссон, III, 457-458, согласно Вассафу.

данских войн монголов, разрушавших несчастные города Трансоксианы. Он продолжал восстанавливать города вплоть до своей смерти в октябре-ноябре 1289 г., а его дело продолжили трое сыновей, которые поочередно управляли Бухарой и Самаркандом: Абубекр, до мая-июня 1298 г., Сатылмышбек — до 1302—1303 гг. и Суюнич, начиная с предыдущей даты.* Но они тоже, минуя чагатаидов, зависели от старшего Кайду, который сам назначил на посты первых двух братьев, в то время как третий получил полномочия от Чапари, сына и преемника Кайду.

Дува, который, без всякого сомнения, извлек урок из истории своих предшественников и проявил себя понятливым вассалом Кайду. Идикут уйгуров остался верным Великому хану Хубилаю. В 1275 году Кайду и Дува заняли Уйгурию для того, чтобы заставить идикута поменять свою позицию и двинулись на его столицу (Бешбалык), но армия императора прибыла вовремя и освободила страну уйгуров.**

В 1301 г. Дува продолжал быть вторым лицом у Кайду в борьбе последнего против войск императора Темюра, преемника Хубилая со стороны Хангайских гор на западе Каракорума. Таким образом, в сентябре 1298 г. Дува взял в плен зятя Темюра-онгутского принца-христианина Коргюзя, совершив против того варварский акт убийства. После подобного успеха, Дува стал готовиться к нападению на имперскую границу между Турфаном и Каньсу, когда он сам был захвачен врасплох и разгромлен в пух и прах войсками императора.***

В то же время Кайду и Дува угрожали с тыла хан Белой Орды (восточная ветвь династии Джучи), по имени Баян или Наян, который правил на северо-западе Балхаша и на севере Арала. Наконец, в 1301 г. Дува сопровождал Кайду в походе, организованном для отвоевания Каракорума у императорских войск и стал жертвой разгрома, который последние учинили угэдэйскому анти-цезарю между Каракорумом и Памиром в августе того же года.****

Известно, что Кайду скончался во время отступления.

Кайду, личность которого известна нам только по обрывочным сведениям, благодаря также рассуждениям об истории Юань, ви-

* См. Бартольд, Чагатай-хан, Энц. Исл., 1, 833.

** д'Охссон, II, 451-452 и Кордые, II, 310-311. В 1274 г. Кайду изгнал агентов Хубилая из Кашгара, Яркенда и даже Хотана. В 1276 г. Хубилай вновь захватил Хотан (и даже на некоторое время — Яркенд и Кашгар).

*** д'Охссон, II, 512-515.

**** МаШа, IX, 479. D'Ohsson, II, 516-517.

димо, был весьма примечательным монархом, сильной личностью, что-то вроде неудачника Гуйюка. Этот последний представитель великих угэдэидов, во всяком случае, имел качества истинного правителя. Мудрые меры, которые он предписал для исполнения Алгху, направленные на защиту земледельцев и городского населения Трансоксианы, доказывают, что он умел видеть дальше, нежели ограничиваться привычными грабительскими манерами кочевников.* Сорок одно сражение, в которых он участвовал (он был одним из участников польской и венгерской военных кампаний в 1241 г.), показывают его как подлинного военного руководителя;** он единственный на континенте смог противостоять великому Хубилаю, который, на вершине своей власти, никогда не смог одержать над ним победу. Доброжелательная встреча, которую он оказал несторианским паломникам — Раббану Чоме и Маркусу, надежда, которую на него возлагал папа Никола IV (который написал ему письмо 13 июля 1289 г. с целью привлечь его на сторону католицизма), свидетельствуют, что, как и предыдущие монголы, он испытывал чувства симпатии к христианству.*** Его невезение заключалось в том, что он задержался с приходом к власти. Хубилай прочно обосновался в Китае, другие Чингизханидские родственные ветви были уже наполовину китаизированы или тюркизированы или иранизированы. Со всех точек зрения этот последний хан Верхней Азии был также последним ханом из Монголии.

Апогей чагатайского ханства: Дува, Эсенбука и Кебек

Дува, как известно, до самого конца верно служил Кайду и способствовал его успехам. Тем не менее, это правдоподобно, что после смерти своего грозного сюзерена он стал свободным. Впрочем, он с осмотрительностью подошел к переходному периоду. У Кайду остался сын Чапар, который унаследовал все его титулы. Дува признал его сюзеренитет, но преемник великого угэдэида был не того масштаба, как его отец, чтобы удержать империю, искусственно созданную им. Дува начал с того, что предложил ему признать сюзеренитет императора Темюра и вдвоем в августе 1303 г. они признали главенство Пекина, тем самым положив конец междоусобным войнам, ко-

* «Трансоксиана, — отмечает Вассаф, процветала в период владычества Кайду, справедливого и человечного монарха» (Ap. D'Ohsson, III, 458). ** D'Ohsson, II, 517 et III, 431. Barthold, Buran-khan, Enc. Is. I, 814. *** Moule. Christians in China, 101.

торые сотрясали в течение сорока лет Верхнюю Азию, и установил, наконец, монгольское единство.*

Но как только Дува заручился поддержкой империи, он разорвал отношения с Чапаром. Армии двух правителей столкнулись между Ходжентом и Самаркандом. Вначале Чапар проиграл сражение, но во второй схватке Шах Огул, брат Чапара, одержал верх над армией Дувы. Тот предложил тогда Чапару восстановить былую дружбу и сошлись на том, что Дува и Шах Огул встретятся в Ташкенте, чтобы рассмотреть этот вопрос. Шах Огул, как это случилось с номадами, допустил оплошность, распустив часть своих войск. Дува прибыл в Ташкент со всем своим войском, заставил Шах Огула врасплох и обратил его в бегство, затем занял города Бенакент и Талас, принадлежавшие Чапару. Тот же, расположившись лагерем между Черным Иртышом и Юлдузом, кажется, был в неведении о засаде, когда на него обрушился новый удар: армия императора Темюра, спустившаяся с Каракорума, пересекла Южный Алтай и атаковала его с тыла. Несчастный Чапар не имел другого выхода, как самому сдаться Дуве, который отнесся к нему с почтением, но присвоил себе его вотчину. Таким образом, чагатаиды, потерявшие много в Трансоксиане из-за правления династии Кайду, расширили свои владения в регионе Или и Кашгарии и восстановили целостность их наследия (к 1306 г.).**

Дува недолго пользовался новым положением. Он умер к концу 1306 г. Его сын Кунджук находился на престоле только полтора года. После смерти, его преемником стал внук Бури-Талику. Как пишет Дохссон: "Это был монарх, проведший всю жизнь в войнах. Проповедуя магометанство, он делал все, чтобы распространить ислам среди монголов".*** Но сторонники династии Дувы восстали против него и один из них закончил тем, что убил Талику во время пиршества (1308-1309). Заговорщики посадили на трон Кебека, сына Дувы. Однако возникшие беспорядки вселили надежду угэдэйскому претенденту Чапару, который был когда-то побежден и разжалован Дувой. Он напал на Кебека, но проиграв сражение, пересек Или и нашел прибежище при дворе Кайшана, монгольского императора Китая. По завершению этой победоносной битвы, которая раз и навсегда покончила со всеми поползновениями династии Угэдэя, чагатайские вельможи собрались на большой курултай, в ходе которого они решили назначить ханом одного из сыновей Дувы, находившегося в тот период при дворе Пекина, принца Эсен-бугу или Эсен-буку. Последний

* D'Ohsson, II, 518.

** D'Ohsson, II, 519 et III, 557-558. Barthold, Caghatai, Enc. Isl., 833.

*** D'Ohsson, II, 520.

занял трон, который ему уступил вполне добровольно его брат Кебек, как об этом нам повествует Вассаф. После смерти Эсен-буги в 1320 г., Кебек вернулся к власти.*

Вопреки всем этим изменениям, в среде правителей, чагатаиды, восстановленные Дувой во всей полноте их власти, предприняли действия за пределами империи. Так как им было запрещена всякая экспансия в сторону Китая, Арало-Каспийских степей и Персии, где прочно обосновались династии Хубилая, Джучи и Хулагу, они устремились в сторону Афганистана и Индии. Ханы Персии, императорский двор которых располагался на другом краю Ирана,— в Азербайджане, уделяли слишком мало внимания тому, что происходило в Афганистане. Чагатаиды воспользовались этим, чтобы занять Бадахшан, Кабул и Газну. И действительно, на западной стороне Афганистана у власти находились ловкие и сильные представители местной народности аф-гано-гуридской династии кертов, которые, находясь под сюзеренитетом Персии, были почти независимыми. Видя, что там они не смогут ничего сделать, чагатаиды устремились в Восточный Афганистан и оттуда стали совершать успешные набеги на северо-западную Индию. В 1297 г. Дува разрушил Пенджаб, но потом был отгеснен. Империя Дели, где правил султан Ала ад-Дин Хильджи (1295-1315), действительно представляла собой мощную военную монархию, против которой все атаки джелаидов в конце концов потерпели неудачу, но ясно, что в какой-то момент нависла опасность. Султану и его мамелюкам пришлось приложить все усилия, чтобы отвести эту угрозу. Современники тех событий даже посчитали, что спустя три четверти века Индия вновь подвергнется Чингизханидскому завоеванию.

Один из сыновей Дувы — Кутлук ходжа обосновался в Восточном Афганистане. Едва успев обустроиться на новом месте, как он организовал новый грабительский поход до самого Дели (к 1299-1300?). В 1303 т. произошло еще одно чагатайское вторжение, в котором участвовало сто двадцать тысяч воинов** под предводительством принца Тургая. Монголы разбили стоянку у стен Дели и в течение двух месяцев держали город в блокаде, но затем, опустошив все в близлежащем регионе, эта огромная армия, возможно из-за отсутствия осадных орудий, отступила и возвратилась в Афганистан. В 1304 г. новый поход: сорок тысяч монгольских всадников разграбили Пенджаб на севере Лахора и дошли до Амрохи на востоке Дели, где они потерпели поражение от Туглука, военачальника султана Ала ад-Дина. Девять тысяч монголов были раздавлены боевыми слонами. Чтобы отомстить за

*D'Ohsson, II, 520-521 et IV, 558-559, согласно Вассафу.

** D'Ohsson, IV, 560.

их гибель, чагатайский принц Кебек (будущий хан) разрушил Мултан, но на обратном пути на берегу Инда на него неожиданно напал Туглук, который устроил бойню монголам (1305-1306). И на этот раз пленников отправили в Дели, где они были раздавлены слонами.*

Однако ханы Персии рассматривали как посягательство по отношению к ним создание чагатайской вотчины в Восточном Афганистане, во главе которого Кутлук ходжа имел своего преемника, своего сына Давуд ходжу. В 1313 г. хан Персии-Олджайту послал армию, которая изгнала Давуд ходжу и вынудила его уйти в Трансоксиану. Давуд ходжа обратился слезно за помощью к своему дяде и сюзерену-чагатай-скому хану Эсенбуке или Эсенбуге. Тот послал против персидского ханства армию под началом своего брата Кебека и Давуда хаджи, которая перешла Амударью, разгромила вражескую армию в Мургабе и опустошила Хорасан вплоть до границ города Герата (1315).**

Но этот поход был прерван, так как чагатайский хан был атакован с тыла китайскими монголами. Фактически Эсенбука одновременно вступил в войну с китайской стороной. Он потерпел поражение от китайцев, которыми командовал полководец Тогачи, "около гор Тангри", несомненно, между Кучой и Иссык-Кулем. В знак отмщения он умертвил посланников Великого хана (это был Буйанту или Аюрпарибхат-ра), возвращавшихся из Персии в Пекин; в ответ Тогачи с императорским войском захватил зимнюю резиденцию Эсенбуки на Иссык-Куле, так как его летняя ставка находилась в Таласе. Плюс ко всем неприятностям, один из чагатайских принцев по имени Иассавур, поссорился с Эсенбукой и Кебеком, пересек Амударью и со всеми своими приближенными, многие из которых были жителями Бухары и Самарканда, перешел на сторону персидского хана, который расквартировал вновь прибывших в своих владениях Восточного Афганистана (Балх, Ба-дахшан, Кабул и Кандагар), (1316)*** впрочем, уже принадлежавшим чагатаидам. Некоторое время спустя, Иассавур восстал против персидского ханства и стал властителем части Хорасана (1318). Но чагатайский хан Кебек (он стал преемником своего брата Эсенбуки), — личного врага Иассавура, предложил свою помощь персидскому хану, чтобы уничтожить Иассавура. В самом деле, в то время, как персидская армия атаковала с тыла, чагатайская армия перешла Амударью и атаковала его в лоб. Покинутый своими войсками, Иассавур был убит во время бегства (июнь 1320).****

*D'Ohsson, IV, 561.

** Hafiz-i Abrou, перевод Байани, с. 37-41.

*** Hafiz-i Abrou, 43-46. D'Ohsson, IV, 563-565.

**** Hafiz-i Abrou. 67-74. 80-88. D'Ohsson. IV. 567-568. 618-629. 642-644.

По датам монет, выпущенных при его жизни, Кебек правил примерно до 1326 г. Значимость его правления, по замечанию Бартольда, происходит от того факта, что по сравнению со своими предшественниками, он интересовался древней цивилизованной страной Трансоксианой, проблемами городской жизни: "Он повелел построить в окрестностях Нахшеба или Назефа (на юго-западе Самарканда) замок, которому город обязан своим современным названием-Карши, по-мон-гольски-дворец. Именно он пустил в оборот серебряные монеты, названные позже кебеками, которые являлись первыми, которые можно рассматривать, как первые официальные денежные металлические единицы чагатайского государства. Ранее бытовали только монеты отдельных городов или местных династий" (Бартольд, Чагатай, 834). Однако, несмотря на всю привлекательность трансоксианской жизни, Кебек не принял мусульманства.

Раскол в чагатайском ханстве: Трансоксиана и Мо го листан

Преемниками Кебека стали трое его братьев: Ельджижидай, Дува-Тимур и Тармаширин. Два первых брата правили недолго. Самым длительным оказалось правление Тармаширина (к 1326-1333?). В 1327 г. он возобновил традиции крупных грабительских кампаний в Индию, дошел до Дели и по сведениям некоторых источников, прекратил военные действия только после того, как получил крупную контрибуцию. По другим же источникам, делийский султан Мохаммед ибн-Туглук отразил нападение и стал его преследовать до Пенджаба.*

Впрочем, Тармаширин, несмотря на свое буддийское имя, восходящее к санскриту (Дхармашри), принял ислам и стал султаном Ала ед-Дином. Но если это обращение в мусульманскую веру обрадовало жителей Трансоксианы, то у кочевников Иссык-Куля и Или оно вызвало осуждение, так как они расценили этот поступок как нарушение Чингизханидского ясака. В связи с этим вспыхнуло восстание, направленное против Тармаширина (к 1333-1334), которое закончилось тем, что на престол взошел хан Дженкши, внук Дувы, который находился у власти примерно в 1334-1338 годах, в долине Или. Антимусульманская реакция, которая характеризует этот период правления, пошла на пользу несторианцам, которых было немало в древних христианских очагах Алмалыка и Пишпека,** так же как и католическим миссионерам, которые смогли вновь в течение нескольких месяцев проповедовать свою веру и строить храмы. Один из сыновей хана

* D'Ohsson, IV, 562.

** Надгробные плиты на сирийском и тюркском из Пишпека (Семиречье) с 1264 по 1338 гг., Музей Гиме (Nau, Expansion nestorienne, I.e., 300, B.V. 40, 1913).

Дженкши в возрасте семи лет, кажется, с согласия своего отца получил крещение под именем Иоана.* В 1338 г. Папа Бенедикт XII назначил в "Армалехе", т. е. Алмалыке епископа, которым оказался францисканец Ришар Бургундский. Но очень быстро к 1339-1340 г. Ришар был замучен мусульманами Или со своими спутниками по апостольской миссии: Франциском Александрийским, Паскуалем Испанским, Лораном Ансонским, монахом Пьером, "индусским" монахом, который служил переводчиком, не говоря уже о торговце Жилотто.** Это правда, что на следующий год в долину Или прибыл папский посол Жан де Марвиньоли. Как известно, он прибыл с официальной миссией к великому хану Пекина через Каффу, Кипчакское и Чагатайское ханства. По приезду в Алмалык он смог вести проповеди, построить или отремонтировать церковь, провести крещение многочисленных сторонников своей веры.*** В качестве посланника к великому хану он снискал уважение там, где были казнены его предшественники, но после его отбытия христианская община Алмалыка быстро сошла на нет. То, что оставалось от бывшего несторианского очага в Или, не смогло выжить в условиях тимуридского притеснения.****

Трансоксиана в период правления эмира Казгана

Бывшее чагатайское ханство было поделено на два ханства, принадлежащих двум различным ветвям царствующей семьи: с одной стороны Трансоксиана, с другой — "Моголистан", т. е. территории вокруг Иссык-Куля, между Таласом и Манасом.

В Трансоксиане правил хан Казан с резиденцией в Карши (к 1343-1346), который являлся сыном Йассаура и которого Зафар-наме представляет как тирана.***** В самом деле создается впечатление, что он пытался воспрепятствовать неподчинению тюркской знати Трансоксианы, которая посадила его на трон. Предводителем этой знати был тогда эмир Казган, владения которого находились в пределах Сали Сарая на северном берегу Амударьи, немного южнее юго-востока нынешнего Кабальяна, прямо на севере Кундуза. Он восстал против Казана, который одержал над ним победу в первом сражении на севере от Железных Ворот, между Термезом и Карши, как говорят, стрелой

* Бартольд, Чагатай, I.e., 834.

** Moule, Christians in China, 255-256.

*** Moule, I.e., 255.

**** В 1362 г. последний миссионер Жак Флорентийский, номинальный епископ Зайтона, т. е. Цзиуан-чеу в нынешней кит. провинции Фу-кьен, был подвергнут мученической смерти в Центральной Азии, т. е. видимо, в Чагатайском ханстве, по крайней мере не в Персии (Moule op. Cit., 197 et 255).

***** Zafer-name, trad. Petits de la Croix, 1, 2.

проткнул один глаз Казгана. Но Казан, вместо того, чтобы продолжить свое наступление, пошел зимовать в Карши, где часть войск ушла от него. Роковая небрежность. На него вновь напал Казган, одержал над ним победу и убил его около этого города (1346-1347).*

Став настоящим правителем Трансоксианы, Казган, не колеблясь, порвал с чагатайской легитимностью, предоставив трон Трансоксианы, впрочем, простой трон фигуранта, -потомку Удэгэя по имени Да-нишмендиа (к 1346-1347), после чего тот же вершитель судеб правителей погубил свое создание и представил чагатаидам персону Буйанку-ли, внука Дувы (1348-1358). Хвала, которую Зафар-наме расточает в отношении Буйанкули, доказывает, что он был послушным инструментом в руках Казгана, который этого и желал.**

Фактически, чагатаиды Трансоксианы представляли из себя ленивых правителей, и вся власть оказалась в руках предводителей местной тюркской аристократии. Сегодня-Казган, завтра-Тамерлан. Так называемое монгольское ханство не было больше ничем иным, как тюркским царством.

Правление Казгана (1347-1357) не было бесславным. Он заставил прочувствовать трансоксианскую силу в Иране. Иранский правитель Герата-Хусейн Керт решился ограбить провинции Андхоя И Шебургана, несмотря на то, что они находились южнее Амударьи и подчинялись Трансоксиане. Казган в сопровождении хана-ленивца Буйанкули взял в осаду Герат (1351) и вынудил Керта признать себя вассалом и явиться некоторое время спустя лично, чтобы пойти на поклон правителю Самарканда.***

Таким образом, в то время, как мы это увидим, исчезновение монгольского ханства в Персии давало Восточному Ирану неожиданное иранское возрождение (Керты в Герате, Сарбедары в Себзеваре, Мо-заффериды в Ширазе), а Казган, истинный прообраз Тамерлана, вмешался для того, чтобы обеспечить превосходство тюрков над иранцами во главе трансоксианской знати.

Когда Казган был убит (1357),**** его сын Мирза Абдаллах сумел продолжить дело, начатое отцом. Позарившись на жену хана Буйанкуха, он, для того, чтобы завладеть ею, умертвил принца в городе Самарканде (1358), чем вызвал неодобрение трансоксианских феодалов, в особенности настроил против себя враждебно Байан Селдза и Хаджи (буквально Хаджджи) Барласа-дядю Тамерлана-сановника из Кеши, нынешнего Шахрисабза ("Зеленый город") на юге Самар-

* Hegire 747. Год свиньи. Zafer-name, I, 4. **

Zafer-name, I, 4-5.

*** Zafer-name, trad. Petis de la Croix, I, 6-18. ****

Hegire 759, год собаки (Zafer-name, I, 19).

канда. Эти двое знатных людей погнали Абдаллаха до Андереба на севере Гиндукуша, где тот и умер.*

Эта рознь между трансоксианскими феодалами явилась причиной их ослабления, что спровоцировало неожиданную реакцию со стороны Чингизханидов.

Туглук Тимур: восстановление целостности государства Чагатая

В самом деле, в то время, как чагатайдская ветвь Трансоксианы превращалась в династию ленивых правителей на службе местной феодальной знати, кочевники "Моголистана", то есть Таласа, Верхнего Чу, Иссык-Куля, Лобнора и Манаса, которые какое-то время пребывали в анархии, восстановили чагатайское государство. Основным монгольским кланом региона были Дуглаты или Дуклаты, которым принадлежали весьма обширные владения как в Моголистане, вокруг Иссык-Куля, так и в Кашгарии, известной в то время под названием Алтишара — "Шести городов".**

В середине XIV века во главе клана Дуглатов находились три брата: Тулик, Буладжи или Пулатчи и Камар ад-Дин, которые являлись истинными хозяевами страны. По данным Тарихи Рашиди, Буладжи правил к 1345 году Иссык-Кулем, в Куче и Бугуре, и от границы Ферганы до Лобнора со столицей в Аксу.*** Именно Буладжи взял на себя инициативу найти потомка чагатайской династии, который не подчинялся Трансоксианцам для того, чтобы восстановить, используя его, Илийское ханство или, как тогда говорили, Моголистан.

Если быть точным, то, в результате авантюры, носящих романтический оттенок, Туглук Тимур, которого называли сыном Эсенбуки, жил почти в безызвестности, в восточной части Моголистана. Он был подлинный или предполагаемый чагатаид, за которым Буланджи и послал своих людей.**** Он принял его в Аксу в торжественной обстановке и провозгласил каганом. Старший брат Буланджи-Тулик стал улус-беги, то есть первым эмиром империи.

Если дуглаты желали назначить только номинального хана для того, чтобы противопоставить чагатайдское право наследования чагатайдскому праву трансоксианцев, то при дальнейшем повороте событий они почувствовали разочарование. Туглук Тимур оказался до-

* Zafer-name, I, 21-22.

** См. Бартольд, Дуглат, Энцикл. Исл., I, 1112.

*** Тарихи Рашиди, перевод Дэнисон Росс, с. 7-8.

**** Тарихи Рашиди, перевод Дэнисон Росс, с. 6-9.

статочно сильной личностью, что проявлялось во многих делах. Его правление (1347-1363) сыграло очень важную роль. Прежде всего с религиозной точки зрения. Если тюрко-таджики Трансоксианы, жители Бухары и Самарканда, были фанатичными мусульманами, то тюрко-монголы Моголистана, полукочевники Или и Аксу оставались еще в большинстве своем "язычниками", буддистами и шаманистами. Но и среди них успешно велась пропаганда ислама. Уже старший из дуглатов-эмир Тулик, резиденция которого находилась в Кашгаре, принял мусульманство. То же самое сделал Туглук Тимур три года спустя, в результате данного себе обета в тяжкие годы невзгод, как об этом повествует Тарихи Рашиди. "Он сделал обрезание и в тот же день 160 000 человек побрили головы и приняли исламскую веру".*

Туглук Тимур, таким, каким его нам представляют воспоминания Мохаммеда Хайдара Дуглата, предстает перед нами как энергичный и умелый руководитель. В независимости от духовного влияния, которое ислам мог оказать на него, он, несомненно, рассчитывал на ту роль, которую сыграет принятие мусульманской веры в деле распространения власти на Трансоксиану. Бухара и Самарканд стоили того, чтобы принять каноны Корана... Во всяком случае, укрепившись в Моголистане, Туглук Тимур думал о распространении своих прав на западную часть бывшего улуса Чагатая. Момент оказался подходящим. После ссылки эмира Абдаллах ибн-Казгана, Трансоксиана стала объектом раздора и анархии. Два эмира: Баян Сельдуз и Хаджи Барлас, одержавшие верх над Абдалла-хом, оказались неспособными к скоординированному правлению. Баян Сельдуз, которого Зафарнаме описывает как "милосердного и благодушного" человека, был опустившимся пьяницей. Хаджи Барлас, несмотря на то, что прочно обосновался в своей вотчине-Кеше, в дальнейшем по ходу истории показал себя довольно слабой личностью. За исключением последних двух правителей, оставшаяся часть Трансоксианы раздиралась между другими представителями местной тюркской феодальной знати. Туглук Тимур посчитал, что наступило время действовать. В марте 1360 г. он захватил Трансоксиану, последовав прямоком на Ташкент через Шахрисабз. Хаджи Барлас со своими войсками Шахрисабза и Карши вначале вознамерился оказать сопротивление, но, оказавшись перед преобладающей по численности армией соперника, ушел за Сырдарью и укрылся в Хорасане.**

* Там же, с. 10-15.

** Зафер-наме, перев. Денисон Росс, в перев. Тарихи Рашиди, с. 15.

Триумф Туглук Тимура был настолько впечатляющим, что собственный племянник Хаджи Барласа, тот самый Тамерлан, в возрасте двадцати шести лет, предпочел проявить осторожность и присоединиться к победителю. Существует панегирик в честь тимури-дов, в котором Зафар-наме изощряется доказать, что Тамерлан согласился пойти на этот шаг, чтобы лучше оказать сопротивление вторжению, и что он сделал это по согласию своего дяди, который был добровольным ссыльным и т.д.**

Опровержение этих публичных утверждений находится в самом тексте. Тамерлан, за то, что он подчинился Туглук Тимуру, получил вотчину в Шахрисабзе, которая принадлежала Хаджи Барласу. Это правда, что Туглук Тимур некоторое время спустя возвратился в Моголистан, а Хаджи Барлас вернулся в Хорасан в Трансоксиане, разгромил Тамерлана и заставил того не только вернуть Шахрисабз, но и беспрекословно подчиниться, как младший Барлас сделал тоже самое перед предводителем клана.***

Только Туглук Тимур не стал задерживаться для возвращения из Моголистана в Трансоксиану. Как только он вошел в Ход-гент, трансоксианская знать встретила его, проявив знаки полного ему подчинения. Баян Сельдуз сопровождал его до Самарканда и на этот раз Хаджи Барлас оказал ему знаки почтения, но вскоре, когда хан физически устранил эмира Ходжента, Хаджи Барласа обуяла паника и он сбежал в Хорасан, но был убит бандитами около Сабзавара.****

Результатом этой драматической развязки явилось то, что Тамерлан стал во главе клана Барласа, будучи в то же время признанным хозяином своей вотчины Шахрисабза, которую он принял с покорностью, находясь под сюзеренитетом хана Туглук Тимура. Внук Каз-гана, эмир Хуссейн, имел владения на северо-востоке Афганистана, с Балхом, Кундузом, Бадахшаном и Кабулом с двух сторон Гиндукуша. Туглук Тимур лично выступил с войском против него, одержал победу на реке Вахш, пошел на Кундуз, продвинулся до Гиндукуша и подобно своему предку Чингиз-хану, провел лето и зиму в этой стране. Возвратившись в Самарканд после этого похода, он умертвил Баян Сельдуза, одного из предводителей трансоксианской знати, и, вернувшись в Моголистан, он поставил в Трансоксиане вице-правите-

** Зафар-наме, перевод Пети де ла Круа, с. 29-32.

*** Перев. Пети, 37-38.

**** Перев. Денисон Росс, с. 18.

лем своего собственного сына-Ильяс-ходжу, назначив Тамерлана его советником, настолько поведение последнего, казалось, давало гарантию его лояльности.*

Таким образом, территориальная целостность бывшего чагатайского ханства была полностью восстановлена при энергичном и грозном хане. Никто в тот момент не мог предвидеть, что тот самый Тамерлан, которого он назначил ментором и министром при своем сыне, положит, через несколько лет, конец этому возрождению чагатаидов и создаст новую, свою империю. Но прежде чем рассказать историю трансоксианского завоевателя, необходимо сделать обзор прошлого для того, чтобы исследовать, как формировалось и рухнуло персидское монгольское ханство.

5. МОНГОЛЬСКАЯ ПЕРСИЯ И СЕМЕЙСТВО ХУЛАГУ**

Монгольский режим в Персии до прихода Хулагу: Тчормаган, Байджу и Алджигидай

Мы уже видели, что Персия, после окончательного завоевания ее Монголами, разрушения нео-хорезмийского государства Джелал ад-Дина (1231 г.), оставалась под властью временной и достаточно неестественной. Западная группировка монгольской армии, расквартированная по берегам нижнего течения Куры и Аракса, в степях Аррана и Могана, оставалась под командованием полководцев, наделенных полной властью. Прежде всего, речь идет о Тчормагане, разрушителе государства Джелал ад-Дина (1231-1241), затем Байджу, победителе Сельджукидов Малой Азии (1242-1256). Этой военной администрации Округов непосредственно подчинялись вассалы Запада, грузинские князья, сельджукидские султаны Малой Азии, армянские цари Силисии, атабеги Моссула, причем частично их взаимоотношения — с самого начала имели более или менее общие черты.

Тчормаган, который, как отмечает Пельо, имел двоих зятьев-несторианцев, был достаточно хорошо предрасположен к христианству.***

Во время его командования, великий хан Угэдэй направил между 1233 и 1241 гг. в Торис, сирийского христианина по имени Си-

* Зафер-наме, перевод Пети де ла Круа, с. 41-45. Перев. Денисон Росс. Op. Cit., p. 20-22.

** Что касается Тчормагана см. Pelliot, Les Mongols et la Papaute, Revue de l'Orient Chretien, 1924, p.247 (51).

*** Cf. Spuler Quellenkritik z. Mongolengesch. Irans, Z.D.M.G. 92, 1938, 219.

меон, более известного под сирийским титулом Раббан-ата (в кит. транскр. Лие-пиен-а-та), и который позже был официально назначен уполномоченным по делам христианской религии при Великом хане Гуйюке.*

Этот Раббан-ата, прибывший в Персию с безграничными полномочиями, предоставленными ему Угэдэем, вручил Тчормагану имперские предписания, запрещающие уничтожение безоружных христиан, которые признавали монгольскую власть. "Прибыв на место, — отмечает армянский летописец Киракос из Санджака, Раббан-ата принес христианам большое облегчение, избавление от смерти и рабства. Он строил церкви в мусульманских городах, где (до Монголов), равно как и защищал имя Христа, в частности в Таурисе и в Нахичевани. Он строил церкви, устанавливал кресты, предписывал днем и ночью устраивать звонницы (эквивалент колокольному звону у православных христиан), предписывал хоронить усопших под звуки Евангелия, с крестом, свечами и пением. Даже татарские полководцы ему преподносили подарки". Результатом миссии Раббан-аты явилось то, что монгольский режим, после жестокого уничтожения на раннем этапе христианского населения западного Ирана, постепенно создал для них условия, значительно более благоприятные, чем те, которые были до этого.

Чормаган был поражен мутизмом (несомненно, он был парализован) к 1241 г. Байджу, сменивший последнего в 1242 г., возможно, был менее благосклонен к христианизму.**

Это, видно из той встречи, которую он оказал доминиканцу Асцелину и его четырем спутникам, посланных Папой Иннокентием IV. Асцелин посетил Тифлис, где к нему присоединился новый спутник Гишар де Гремон (так как с 1240 г. в Тифлисе существовал доминиканский монастырь). Он прибыл 24 мая 1247 г. в лагерь Байджу, расположенный в стороне Аррана на севере Аракса к востоку от оз. Гокча.***

Без особых дипломатических церемоний он стал умолять монголов прекратить бесчинства и признать духовный авторитет Папы. К тому же он отказался совершить перед Байджу троекратное коленопреклонение, которое необходимо делать в присутствии хана.

* Pelliot, Ibid., p.244 (49).

** Что касается Байджу, см. Pelliot, *Les Mongols et la Papauté*, Rev. de l'Orient Chretien, 1924, p. 303 et sq. (109 et sq).

*** Эта летняя стоянка монгольского генерального штаба называлась Сисиан или "Ситьен" в армянских и латинских источниках. Вероятно, ее следовало локализовать в кантоне Хабанд между Сиуни и Артсах, "в горах прямо на востоке от оз. Гокча" (Pelliot, *Revue de l'Orient Chretien*, 1924, 302, 106).

Вне себя от гнева, Байджу пригрозил казнить пять доминиканцев. Между тем в лагерь Байджу 17 июля 1247 г. прибыл с монгольской доминиканской миссией Эльджигидай, посланный Великим ханом Гуйюком.*

Байджу поручил Асцелину передать Папе ответ, подобный тому, который Гуйюк послал Папе через Плано Карпини в ноябре 1246 года, текст которого был известен Эльджигидаю. Монголы резервировали за собой божественное право быть вселенной империей, и предписывали Папе явиться лично, чтобы отдать дань уважения и признания хана и что в противном случае он будет рассматриваться неприятелем. Асцелин покинул ставку Байджу 25 июля 1247 г. Байджу дал ему двух «монгольских» сопровождающих, один из которых имел тюркское имя Айбек, возможно, по мнению Пельо, им был уйгурский чиновник на службе в монгольской администрации, — другого звали Саржис, безусловно, тот был несторианцем.**

Таким образом, оставленный караван двинулся по обычной дороге через Таурис, Мосул, Алеппу, Антиоху и Акру. Из Акры монгольские посланники отплыли в 1248 г. в Италию, где Иннокентий IV принял их на длительное время. 22 ноября 1248 г. Иннокентий вручил им ответное послание для Байджу.

Несмотря на негативный результат посольской миссии Асцелина, Эльджигидай более расположенный, чем Байджу в отношении христианства, послал в конце мая 1248 г. королю Франции Людовику IX двух восточных христиан — Давида и Марка, которым он вручил весьма любопытное письмо, несомненно, на персидском языке, перевод которого у нас есть на латинском. Эльджигидай говорит в этом послании, что ему доверена Великим ханом Гуйюком миссия для того, чтобы освободить от мусульманского поглощения восточных христиан и позволить свободно исповедывать свою религию. От имени Великого хана «повелителя земли», он доводит до сведения своего «сына» — короля Франции, что монголы намерены оказать покровительство всем латинским, греческим, армянским, не-сторианским и яacobинским христианам, не разделяя их по церквям. Людовик IX принял это «посольство» во время своего пребывания на Кипре во второй половине декабря 1248 г.***

* Что касается Эльджигида (алджигидай) см. Pelliot, *Les Mongols et la Papauté*, I.e., 1931-1932, p. 33(171).

** Что касается Айбега и Саргиса, см. Pelliot, *Ibid.*, 1924, p.327 (131).

*** Pelliot, *Mongols et la Papauté*, *Rev. Orient Chretien*, 1931-1932, p. 172 (174) et 193 (195). R. Grousset. *Histoire des Croisades*, III, 520.

Несмотря на то, что достоверность подобной дипломатической миссии ставится под сомнение, кажется, что Эльджигидай действительно, как это предполагает Пельо, вынашивал планы, начиная с 1248 г. совершить нападение на Багдадский халифат, нападение, которое Хулагу осуществил десять лет спустя, и, что в связи с этим он решил совместить это с крестовым походом, который Людовик Святой намеревался предпринять против арабского мира в Египте. 27 января 1249 г. два христианских «монгола», попросившись с Людовиком Святым, покинули Никосию на Кипре в сопровождении трех доминиканцев: Андре де Лонжюмо, его брата Гийома и Жана Кар-кассона. Андре и его спутники, несомненно, достигнув стоянки Эльджигидая к апрелю-маю 1249 г., были отосланы им в монгольский императорский двор, точнее к регентше Огульаймиш, находившейся в бывших угэдэйских землях на Или и в Кобаке в Тарбагатае. Они вернулись обратно к Людовику Святому в Цезарею самое раннее в апреле 1251 г.*

Эльджигидай, доверенное лицо Великого хана Гуйюка, после избрания ханом Великого хана Мунке, был включен в общий список проскрипции, который затрагивал сторонников угэдэйской ветви.**

В промежутке между серединой октября 1251 г. и серединой февраля 1252 г., Мунке приказал арестовать Эльджигидая и казнить.***

Байджу остался в единственном числе, военное правительство на передовых рубежах, где он находился до прихода к власти Хулагу в 1255 г.

Деятельность Байджу была в основном направлена на управление Грузией и Малой Азией. После смерти царицы Грузии — Русуданы, раздраженный ее упорным сопротивлением, которая до своего конца отказывалась подчиняться монголам, он предложил отдать корону царицы Грузии племяннику умершей царицы — Давиду Лаше, который был более сговорчив, чем она. Но хан Кипчакии — Батый взял Давида Нарина, сына Русуданы под свое покровительство. Оба претендента обратились за разрешением конфликта к Великому хану Гуйюку (1246). Известно, каким образом распорядился тот, передав Картли — Лаше, а Имеретию — Нарину.****

* Pelliot, *Ibid.*, 175 (177) et sq.- Grousset, *op. Cit.*, 521.

** Его сын Аргасун или Харгасун, организовал заговор против Мунке и был приговорен к смерти в Монголии.

*** Pelliot, *Les Mongols et la Papauté*, *Revue de l'Orient Chrétien*, 1931-1932, p.65 (203).

**** Библиография (грузинские и армянские источники и Джувеини) у Минорского, Тифлис, Энц. Исл., 796.

Подобный спорный случай имел место в сельджукском султанате Малой Азии. В 1246 г. Великий хан Гуйюк передал трон молодому принцу Килиджу Арслану IV-му, который посетил его в Монголии, когда прибыл к своему старшему брату Кай-Кавусу II. В то же время Гуйюк назначил сельджукам ежегодную выплату оброка: «1200 000 монет, 600 кусков тканей, тисненного шелком и золотом, 500 лошадей, 500 верблюдов, 5 000 голов мелкого скота и, кроме того, дары, которые удвоили сумму оброка». В 1254 г. Мунке принял решение, что Кай-кавус будет править на западе, а Килидж Арслан — на востоке Кизилirmaка. Однако два брата вступили в сражение друг против друга, Кай-Кавус оказался победителем, и взял в плен младшего брата. В 1256 г. Байджу, недовольный тем, что Кай-Кавус медлил со сбором оброка, напал на него и одержал верх около Аксарая, в результате чего султан был вынужден бежать к грекам Ницеи, в то время как монголы поставили на его место Килидж Арслана. В дальнейшем Кай-Кавус вернулся некоторое время спустя и получил часть царства со своим братом на основе решения Мунке.*

В общем, сюзеренитет монголов на передовых позициях юго-запада ощущался не столь сильно и напоминал о себе периодически, то неожиданно и неистово, то с периодами затишья. Чормаган, затем Байджу, жестко демонстрируя силу государствам-вассалам, вынуждены были постоянно обращаться ко двору в Каракоруме, удаленность которого задерживало принятие решений в течение нескольких месяцев и зависимые принцы, словно посланники, обращались за помощью в случае возникновения семейных дрызг в клане Чингизханидов.

Монгольское правление в Персии до прихода к власти Хулагу: Коргюз и Аргун Агха

В этот период шло создание гражданской администрации в Хорасане и Аджемистском Ираке. Монгольский военачальник Чин-тимур завершил в 1231 г. разгром последних очагов хорезмийско-го сопротивления в Хорасане, в то время как на северо-западе Чормаган одержал победу над Джелал ад-Дином. В 1233 г. именно Чин-тимур был назначен Великим ханом Угэдэем правителем Хорасана и Мазандерана.**

* Cf. Kaika us II, dans L'Enc. de l'isl., 677-678.

** Cf. d'Ohsson, III, 103-107 (по Джувейни).

Фактически на тот период речь приблизительно шла только о налоговой политике; налоговые сборы, поделенные, впрочем, между Великим ханом и руководителями трех других Чингизханидских улусов, буквально вырывались у несчастного населения с еще большей жестокостью, чем даже при расправах и разрушениях предыдущих лет, которые полностью опустошили эту землю. Однако даже такой правитель как Чинтимур начал привлекать просвещенных иранцев; его сахиб-диван или начальник финансовой службы был отцом историка Джувейни.*

У Чинтимура, который умер в 1235 г., был преемник после небольшого промежутка времени — уйгур Коргюз, который, несмотря на христианское имя Георгий, был сам буддистом (1235—1242). Родом из предместий Бешбалыка (Кучен), он был известен как просвещенный человек среди уйгуров и таковым признавался при жизни Чингиз-хана принцем Джучи и получил предписание Завоевателя научить уйгурской письменности его детей. Благодаря протекции «начальника канцелярии» — несторианца Чинкая, Угэдэй поручил ему провести перепись населения и повысить уровень налогов в Хорасане. «Каждый найон, каждое должностное лицо вел себя полновластным хозяином округа, где он командовал и использовал по своему усмотрению большую часть налогов. Каргюз положил конец такой практике, заставил всех отдавать дань целиком. Он оберегал жизнь и имущество персов против тирании монгольских военачальников, которые больше не могли применять суровые меры по своей воле».**

Несмотря на то, что он был буддистской веры, Коргюз покровительствовал мусульманам и, в конце концов, сам принял ислам. Обустроившись в Тузе, который он восстановил, этот умный, ловкий и энергичный уйгур попытался создать больше на благо иранского населения, чем для монгольской казны, законный режим и если можно так сказать, гражданскую администрацию. Великий хан Угэдэй под большим влиянием его идей дал указание в 1236 г. восстановить Хорасан. Он приступил к возвращению населения в Герат. Но после смерти Угэдэя монгольские

* Беха ад-Дин, отец Джувейни, был взят в плен в Тузе монгольским предводителем Кул-Булатом. К нему относились с большой благосклонностью и благодаря монголам он стал сахиб-диваном Хорасана, и продолжал оставаться до своей смерти в 1253 г. в Исфагане. См. Бартольд, Джувейни, Энци. Исл., I, 1100.

** D*Ohsson, III, 116-117 (согласно Джувейни).

должностные лица, которым он чинил препятствия в разграблении населения, выставили его на суд регентши Тараганы. Затем выдали Кара-Хулагу, внуку Чагатая, который нанес ему оскорбление и послал на гибель (1242).*

Торагана отдала управление Хорасаном и Аджемитским Ираком ойрату Аргуну Агхе, который был назначен в связи с тем, что знал уйгурскую письменность и, благодаря этому работал в канцелярии Угэдэя.**

В период своего правления (1243—1255) Аргун Агха прилагал усилия подобно Коргюзу, чтобы защитить население от злоупотребления в системе налогообложения и вымогательств со стороны монгольских чиновников. К удовольствию Великого хана Гуйюка, он отменил ассигнации, освободил от налогов и лишил патентов, которые Чин-гизханидские функционеры без разбора увеличили по всей стране и благодаря которым они лично распоряжались доходами монгольской казны. Он нашел поддержку также у Великого хана Мунке, к которому он явился в 1251 г. По его просьбе Мунке вместо неупорядоченного налогообложения в начале завоевания, ввел в Персии систему, уже практикуемую в Трансоксиане Махмудом и Масудом Яла-вачами, т. е. подушную подать в соответствии с реальными возможностями налогоплательщика, поступления от данной подати должны были быть направлены на содержание армии и обслуживание государственной почтовой службы. Аргун Агха умер в почтенном возрасте в Тусе в 1278 г., у него остался сын, известный эмир Науруз, бывший какое-то время вице-правителем Хорасана.***

С другой стороны, Великий хан Мунке передал в управление в 1251 г. провинцию Герат, которая восстанавливалась из руин, сановнику из уезда Гора керт — Шамс ед-Дину Мохаммеду, по происхождению афганца, по вероисповеданию — суннита, который прибыл служить ему при дворе в Монголии. Шемс ад-Дин был внуком аристократа последних гуридских султанов Восточного Афганистана и с 1245 г. стал наследным владельцем Горы. Кертские принцы, у кото-

* D'Ohsson, III, 120 (согласно Джувейни).

** Джувейни, который вместе со своим отцом работал чиновником под началом Аргуна Агхи, позволил себе резко выступить против верховенства образованных уйгуров над образованными арабами и персами: «В бурных событиях, которые перевернули мир, были разрушены школы, а над учеными совершили расправу, в особенности в Хорасане, который был светочем знаний, местом встречи образованных людей. Все, кто отличался знаниями, погибли под ударами меча. Те, кто вышли из небытия, заменив их, выбрали уйгурский язык и письменность» (Ap. D'Ohsson, Hist. des Mongols, I, p. XXV).

*** Djouweyni et Rachid ed-Din, ap. d'Ohsson, III, 121-128.

рых был титул мелика (правитель), вынуждены были быть осторожными и предупредительными, верно служить своим монгольским хозяевам, умело лавировать, чтобы не впасть в немилость в период междоусобных войн Чингизханидов и, в конце концов, выжить в их маленьком царстве в Герате, будучи под монгольским игом (1251—1389). Долгое правление Шемса ад-Дина снискало признание его клана в стране. Это гуридское возрождение было тем более примечательным, что оно происходило под прикрытием монгольской администрации и в полном согласии с нею.*

Монголы терпеливо отнеслись также, по крайней мере, вначале, как к вассалам, к династии атабеков Кирмана, клану Кутлугшахов и сульгуридским атабекам Фарса. Клан Кутлугшахов был основан Бораком Хаджибом (1223—1235), весьма хитрой личностью, которому удалось выжить в период правления неистового Джелал ад-Дина. Его сын Рох ад-Дин Ходжа (1235—1252) во-время ушел служить ко двору Великого хана Угэдэя в Монголию (1235), а затем за ним последовал Котб ад-Дин (1252—1257), который прослужил в монгольской армии в Китае и которому в свою очередь было выделено княжество в Кирмане Великим ханом Мунке. Так же и в Ширазе сальгурид Абубекр (1231—1260) сумел склонить на свою сторону Угэдэя и последующих Великих ханов, которые сохранили его трон.**

Правление Хулагу. Уничтожение Ассасинов, завоевание Багдада и разрушение халифата

Только двадцать лет спустя после завоевания Персии монголы подумали о том, что следовало положить конец временному режиму, который они там установили, и покончить с двойственностью чисто военного правления в Арране и Могане и налогового управления в Хорасане и Аджемистском Ираке, путем установления над ними законной политической власти. На курултае 1251 г. Великий хан Мунке решил передать вице-правление Ираном своему младшему брату Хулагу.***

Кроме этого, Хулагу получил от Мунке задачу устранить два духовных течения в Персии: княжество исмаилитов в Мазандаране и аббасидский халифат в Багдаде, а затем завоевать Сирию». Распрост-

* D'Ohsson, III, 129-131.

** D'Ohsson, III, 131 - Minorsky, Kutlugh-khan, Enc. Isl., 1238. T.W.Huig, Salghurides, Enc. Isl., 109.

*** В монгольском языке Хулагу происходит от хула-, или ула — «быть сверх того». В персидском языке Хулаку. (Pelliot, Les mots a Hinitial, aujourd'hui amui, en mongol des XIII et XIV siecles, J.A., 1925, I, 236).

раная обычаи, традиции и законы Чингиз-хана на берегах Амударьи вплоть до границ Египта, обходясь по-доброму и благосклонно ко всякому человеку, который показывает себя смиренным и подчиняется твоим приказам. Тот, кто не будет тебе повиняться, подвергни его унижениям».*

Прибыв из Монголии несколькими небольшими отрезками пути через Алмалык и Самарканд, Хулагу пересек Амударью 2 января 1256 года. На персидском берегу реки его с почетом встретили представители новых вассалов, начиная от Керта Шемс ад-Дина, мелика Герата и сальгурида Абубекра, атабека Фарса, до двух сельджукидов Малой Азии — Кай-Кавуса II и Килидж Арслана IV. Согласно плану, намеченному Мунке, он вначале напал на исмаилитов или Ассасинов (убийц) в их орлином гнезде в Мазандеране, Меймундизе и Аламуте. Великий властитель исмаилитов Рох ад-Дин Куршаш, взятый в осадуг Меймундже лично самим Хулагу, сдался 19 ноября 1256 г.**

Хулагу отправил его в Монголию к Великому хану Мунке, но по пути пленник был убит. Защитники Аламута сдались 20 декабря. Наводящая ужас секта, которая в XII в. сводила на нет все усилия сельджукских султанов, повергла в страх и султанат и халифат, став причиной деморализации и развала во всем исламском мире Азии, наконец, была ликвидирована. Это явилось огромной услугой, оказанной монголами для наведения порядка и ведения цивилизованного образа жизни.

Хулагу затем напал на аббасидского халифа Багдада, духовного лидера суннитского ислама и властителя небольшого временного владения в Арабском Ираке

Правящий халиф аль-Мустахим (1242—1258) был слабохарактерным человеком, который рассчитывал, что при помощи хитрости ему удастся избежать монгольской угрозы, как это удавалось его предшественникам, которые последовательно оставались править в Иране: буиды, сельджукиды, хорезмийцы и даже монголы.***

Когда правители того времени прочно встали на ноги, халифат пошел на уступки, позволив править бунду эмиру аль-Омару в X в., и сельджукскому султану в XI в. Он покорно смирился, сразу же занявшись на какое-то время духовными функциями в ожидании, пока это эфемерное правление пойдет на убыль. Прошло время и халиф постепенно обретал силу, был третьей стороной, содей-

* Rachid ed-Din, traduction Quatremere, p. 145. D'Ohsson, III, 139.

** Cf. Rachid ed-Din, trad. Quatremere, 217, 219. D'Ohsson, 111, 197.

*** Cf. Aboul Fida, Historiens des Croisades, Historiens Orientaux, I, 136. Rachid ed-din, trad. Quatremere, 247. D'Ohsson, III, 212 (d apres Waccaf)- R.Grousset, Histoire des Croisades, III, 568

ствовал тому, чтобы они потеряли влияние. Это была почти божественная сила, которая позволяла править короткое время или век и, имея, как они считали, целую вечность перед собой. Но империя вселенной, которую Чингизханиды считали даром Тенгри, Вечного Неба, не допускали исключения из правил. Письменный диалог между Хулагу и халифом, таким, каким его нам представляет Рашид ад-Дин, является одним из самых примечательных в истории. Хан требовал возвращения от наследника тридцати шести халифов династии Аббаса временно данную власть Багдаду в руки буидских эмиров аль-Омари, затем великим сельджукским султанам: «тебе известна судьба, которую со времен Чингиз-хана создали миру монгольские армии. Какому унижению подверглись, благодаря помощи Вечного Неба династии шахов Хорезма, сельджуков, дейлемских правителей и других атабеков! Тем не менее, врата Багдада всегда были открыты всем расам, которые устанавливали там свое владычество. Так как же вход в этот город может быть закрыт для нас, для тех, кто обладает такой силой и властью? Так берегись, если вздумаешь препятствовать нашему победоносному Знамени!»*

На это официальное предупреждение Чингизханида, халиф ответил отказом. Он не желал отречься от преходящего аббасидского правления, которое было отобрано его предками у последних персидских сельджукидов. Он противопоставлял Чингизханидской вселенной империи духовную независимость, не менее универсальную мусульманского «папства»: «О, молодой человек, только что начавший восхождение в жизни, в сладкой и быстро исчезающей эйфории благополучия, вы считаете себя выше всех в этом мире, неизвестно ли вам, что, начиная от Востока до самого Магреба, все поклонники Аллаха, начиная от верховных правителей до нищих, все являются покорными слугами этого двора и, что я могу им дать приказ объединиться?»**

«Тщетные угрозы. Аюбидские султаны Сирии и Египта, испытывавшие ужас от соседства монголов, промолчали. Что касается Хулагу и его военачальников в лице шаманистов, буддистов или несторианцев, то их вовсе не тронули мусульманские пророчества, с которыми к ним с таким пафосом обратился халиф.

Продвижение монгольских войск на Багдад началось в нояб-ре 1257 г.***

* Rachid ed-Din, trad. Quatremere, 231.

** Рашид ад-Дин, согласно Д'Охссон, III, 217.

*** См. Р. Груссе, История Крестовых походов, III, 571.

Армия Байджу двинулась по дороге в Мосул, чтобы захватить Багдад с тыльной стороны западного берега р. Тигр. Лучший военачальник под командованием Хулагу — найман Китбука (который был, кстати, несторианцем), направился с левым крылом на аббасидскую столицу по дороге Луристана. Наконец, сам же Хулагу спустился из Хамадхана на Тигр через Кирманшах и Холван. 18 января 1258 г. перегруппировка монгольских войск завершилась, и Хулагу разбил свою ставку в окрестностях Багдада. Немногочисленная армия халифата, пытаясь оказать сопротивление, занимая выгодное положение, все же была полностью разгромлена (17 января). 22 января монгольские военачальники — Байджу, Бук Тимур и Сугунджак или Сунджак, заняли свои позиции в пригороде Багдада, расположившись на западе реки Тигр, в то время как противника поджимали с другой стороны Хулагу и Китбука. Для того чтобы успокоить монголов, халиф выслал к ним своего визиря, неистового шиита, который возможно в душе был с ними,* и несторианского католика Макиху. Но уже было поздно. Яростные атаки уже дали возможность монголам успешно продвигаться в восточном секторе крепостных фортификаций (5—6 февраля). Осажденным не оставалось ничего как сдаться. Солдаты крепостного гарнизона пытались бежать. Монголы настигли их, распределили между отрядами и предали смерти всех до одного. 10 февраля халиф лично явился к Хулагу, чтобы сдаться. Хулагу приказал ему, чтобы тот дал распоряжение всему населению выйти из города и сдать оружие. Разоруженные жители шли толпами, сдаваясь монголам, которые на месте казнили их.**

«Монголы, войдя в город, устроили массовую бойню и уничтожили тех, кто не выполнил распоряжения, после чего город был подожжен (13 февраля).***»

Бесчинства продолжались семнадцать дней. Погибло девяносто тысяч жителей.

Что касается халифа, то монголы, заставив его отдать казну и потайные сбережения, учитывая его сан, не стали подвергать кровавой казни, а зашив в мешок, бросили под копыта скачущих лошадей (к 20 февраля).****»

«Большая часть города была сожжена, в том числе святая мечеть, и были разрушены могилы аббасидов».

* Aboul Fida, *Historiens des Croisades*, I, 136.

** Rachid ed-Din, trad. Quatremere, 299. Cf. Kirakos, trad. Dulaurier, J.A. Juin 1858, 489.

*** Cf. Kirakos, J.A., 1858, 491.

**** Aboul Fida, 137.

Благожелательное отношение Хулагу к христианству

Взятие Багдада монголами было для восточных христиан реваншем, ниспосланным небесами. Монголы же, среди которых находилось множество несторианцев, подобно найману Китбуке, не говоря уже о вспомогательных силах грузин под началом Хасана Броша, армяно-грузинского принца Хатчена, пощадили несторианское население во время разгрома Багдада. «Во время взятия Багдада, как пишет армянский историк Киракос де Кантзаг, — Докуз-хатун, супруга Хулагу, которая исповедовала несторианство, заступилась за христиан несторианской и других вероучений и попросила не убивать их. Хулагу оставил им жизнь и все их имущество».*

Как свидетельствует Вартан: «Фактически христиане Багдада в момент осады города скрылись за стенами церкви по совету несторианского патриарха Макихе: монголы отнеслись с уважением к церкви и ко всем верующим.**

Хулагу даже передал патриарху Макихе один из дворцов халифа, в котором размещался деватдар или вице-канцлер.***

Армянин киракос Кантзаг вот так описывает впечатление от радости, почти триумфа всех этих восточных христиан при падении Багдада: «Этому городу исполнилось пятьсот пятнадцать лет. В течение всего этого времени, пока существовала империя, она была подобна ненасытному кровопийцу, истощившему всех вокруг. Она возвратила все, что забрала. Была отмщена за пролитую кровь, за зло, которое причинила. Ее неправедность была сполна наказана. Тирания мусульман длилась шестьсот сорок лет»****

Наводящие на всех ужас монголы, в глазах несторианцев, яacobитов и армян, предстали мстителями за униженных христиан, они были словно спасителями, ниспосланными провидением, пришедшими из глубин Гоби для того, чтобы нанести неожиданный удар по исламу и расшатать его до самого основания. Кто мог предположить, что эти смиренные несторианские миссионеры, покинувшие в VII веке Селюцию на Тигре или Беит Абе для того, чтобы распространить Евангелие на неблагоприятных землях Восточного Туркестана и Монголии, смогут стать свидетелями такого торжества?*****

* Kirakos, J.A., 1858,493 (et 202).

** Vartan, J.A., 1860,11,291.

*** D'Ohsson, Hl, 270. См. повествование Хейтона, *Historiens des Croisades, Documents armeniens*, 11, 169-170. R.Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 574-575.

**** Kirakos. J.A.Juin 1858, 492. ***** R.Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 575-576.

Благосклонность, которой пользовались христиане при Хулагу в большей степени, как мы знаем, связана с влиянием Докуз хатун, первой супруги монарха. Докуз-хатун была кераитской принцессой, родной племянницей последнего кераитского правителя ван-хана Тогрула.*

Мунке, который высоко ценил ее за мудрость, порекомендовал Хулагу советоваться с ней при решении важных дел.**

«Так как кераиты с давних пор были связаны с христианством, — пишет Рашид ад-Дин, Докуз-хатун постоянно старалась оказывать протекцию христианам, которые всю жизнь находились в достойном положении. Хулагу, для того, чтобы доставить удовольствие этой принцессе, одаривал христиан своим вниманием и подчеркивал свое уважение к ним. Стало привычным, что на территории всего государства ежедневно строили новые церкви, и что рядом с дворцом Докуз-хатун постоянно действовала часовня, и были слышны переливы колоколов»***

«Персидские монголы, — подтверждает армянский монах Вартан, — возили с собой полотняный шатер в виде церкви. Джамахар (трещотка) призывала верующих на молебны. Богослужение проводилось ежедневно с участием священников и дьяконов. Там в мире и согласии молились духовные лица, представлявшие христиан, говоривших на разных языках. Они приходили с прошением о мире, и умиротворенные, возвращались с дарами»****

Племянница Докуз-хатун — Туки-хатун, которая также была одной из жен Хулагу, с не меньшим рвением исповедовала несторианский христианизм.

С христианством Докуз-хатун связывали не просто прародительские узы. «Она надеялась, — говорит нам Вартан, который был ее духовным наставником, — что христианство глубоко пустит свои корни. Все, что было хорошего у христиан тех краев того времени, связано с ее деятельностью». Несмотря на то, что Хулагу был буддистом, он, по крайней мере, разделял ее симпатии. Продолжение рассказа Вартана яркое тому подтверждение. «В 1264 г., — пишет армянский святой верующий, иль-хан Хулагу пригласил нас к себе, меня, вартабедов Саркиса (Сергия) и Крикора (Григория), Авака, тифлисского священника. Мы прибыли к этому могущественному монарху

* Дочь Джагамбу или Джакамбу, брата Ван-хана. См. выше.

** Rachid ed-Din, trad. Quatremere, 145. *** Rachid ed-Din, trad. Quatremere, 94-95.

**** Vartan, trad. Dulaurier, J. A., 1860, II, 290 et 309. Historiens des Croisades, Documents armeniens, I, 433.

в начале татарского нового года, в июле, времени проведения курултая. Когда мы предстали перед Хулагу, он освободил нас от традиции коленопреклонения и низкопоклонства, принятых татарским этикетом, ведь христиане преклоняются только перед богом. Нас попросили освятить вино, и выпили его с наших рук. Хулагу мне сказал: — «Я пригласил тебя, чтобы ты познакомился со мной и, чтобы ты молился за меня от всего сердца. После того, как нас усадили за стол, сопровождающие нас монахи исполнили торжественные гимны, греки справили свой молебен, то же самое сделали сирийцы и грузины. Иль-хан сказал мне: — «Эти монахи прибыли с разных краев и благословили меня. Это доказывает, что господь склонился на мою сторону».*

Как-то Хулагу поделился воспоминаниями о своей матери — несторианке Соргактани. «Однажды он попросил всех, кто был рядом, удалиться и, только в сопровождении двух лиц он долго беседовал со мной о жизненном пути, о своем детстве и матери, которая была христианкой». Дело не в том, что Хулагу лично не исповедывал христианство. Нам известно, что он всегда оставался буддистом и, в частности, молился за ботхисатву Майтру. Но в его иранском царстве почти не было буддистов, в то время как многочисленными были как несторианцы, так и яacobиты, армяне и грузины. Естественно, что ввиду отсутствия своих собратьев по вере, он благосклонно относился к тем, кто исповедывал ту же религию, что и его мать и жена. В беседе, которая состоялась между ним и монахом Вартаном, он признался, что испытывал симпатии к христианству, что стало началом недопонимания между ним и его кузенами, Чингизханидскими ханами Южной России и Туркестана (ханство Кипчакии и Чагатая): «Да, мы любим христиан, — сказал ему Вартан, — в то время как и они благосклонны к мусульманам».**

Поход Хулагу на Сирию

После взятия Багдада и разрушения халифата, Хулагу, избрав путь через Хамадан, двинулся в Азербайджан. По примеру монгольских полководцев — Чормагана и Байджу, которые властвовали над Персией до него, он основал ставку династии на севере этой страны. Города Азербайджана — Таурисарага являлись столицами в соответствии с тем, что кочевые правители располагались вблизи городов. Хулагу распорядился построить несколько зданий в регионе озера Урмии, где он

* Vartan, J.A., 1860, II, 300-301.

** Vartan, J.A., 1860, II, 302. Corroboire par Rachid ed-Din, trad. Quatremere, 393.

предпочел сделать свою резиденцию, «наблюдательный пост на холме на севере Мараги, дворец в Алатаге. Храмы язычников (бутханаха) в Хое». Сокровища, привезенные в качестве трофея из Багдада, были размещены в укрепленной крепости на одном из островов озера.*

Долины Могана и Аррана были избраны для обустройства зимних стоянок для Хулагу и его преемников, которые, как когда-то Чормаган и Байджу, перевели своих лошадей на подножный корм. В летнее время принцы клана Хулагу уходили в горы Алатаг, отроги Арарата.

Мусульманский мир был в ужасе от падения Багдада. Бывший атабек Мосула — Бедр ад-Дин (1233 — 1259) в возрасте восьмидесяти лет, неудовлетворенный тем, что должен был сделать, вывесив головы багдадских правителей на стенах города, лично явился с визитом к Хулагу, который в тот момент находился в резиденции в Мараге. Затем последовал через Фарс в Абубекр, послал своего сына Сада поздравить хана со взятием Багдада. Одновременно в резиденцию Хулагу, расположенной около Тауриса, прибыли два сельджукских султана Малой Азии, два соперничающих брата Кай-Кавус II и Килидж Арслан IV. Кай-Кавус испытывал страх, так как в 1256 году его войска, как это нам известно, пытались оказать сопротивление монгольскому военачальнику Байджу, который разгромил их в Аксаре. Он умиротворил Хулагу неслыханной лестью. Он дал распоряжение своим художникам нарисовать свой портрет на подошве одной пары сапог и предложил их раздраженному хану со словами: «Ваш раб смеет надеяться, что его повелитель окажет честь голове его прислуги, поставив на нее свою августейшую ногу».**

Подобный жест демонстрирует ту степень унижения, которая выпала мусульманам в тот период.

Для того чтобы осуществить цели, которые наметил Мунке, Хулагу надо было подчинить Сирию и Египет. Сирия была поделена между франками и мусульманской династией Айюбидов. Франки владели прибрежной зоной, разделенной на два различных региона: на севере — княжество Антиохии и графство Триполи, то и другое принадлежали принцу Бозмонду IV, на юге — королевство Иерусалим, лишённое эффективной власти и сформированное фактически из федерации поместий баронов и общин, поместье Тир, община Акр, графство Яффы.***

* Бартольд, Хулагу, Энци. Ислам, 353.

** Rachid ed-Din, trad. Quatremere, 225. Korikos, J.A., 1858,1, 484. D Ohsson, III, 262.

*** R.Grousset, Histoire des Croisades, III, 549.

Добавим к этому, что принц Антиохии — Триполи, Бозмонд IV был близким союзником своего северного соседа — короля Армении (= Цилиции) — Хэтума I, на дочери которого он был женат.*

По примеру Хэтума ему следовало немедленно заключить союз с монголами. Напротив христианской Сирии, внутренняя территория страны с Алеппо и Дамаском, принадлежала древней айюбидской династии, курдского происхождения, полностью арабизированной, основанной великим Саладином и представляемая в ту эпоху султаном ан Насиром Юсуфом (1236—1260), который отличался посредственностью, нерешительностью, с 1258 г. принявшем вассальное подчинение, послав Хулагу своего сына аль-Азиза.**

Несмотря на заверения вассального подчинения, Хулагу решил забрать у айюбидов Западную Месопотамию и мусульманскую Сирию. Кампания началась с местного похода против эмирата Майафарикина в Диарбекире, которое принадлежало одному из младших членов династии айюбидов аль-Камилю Мохаммеду.***

Одной из претензий, предъявленной монголами аль-Камилю было то, что он, являясь фанатичным мусульманином, распял на кресте христианского якобинского священника, прибывшего в страну, будучи монгольским подданным. Хулагу взял в осаду Майафарикин силами монгольского отряда, которому помогал грузинско-армянский корпус под командованием грузинского предводителя Хасана Броша. Во время осады был убит армянский принц Севата де Качен или как свидетельствует армянская хроника Вартана «он покрыл себя неуязвимой славой, вечно преданный Богу и ильхану: он будет разделять триумф тех, кто пролил кровь за Христа»****

Следует обратить внимание на такое сочетание креста и Чингизханидского стяга; у христиан Востока сложилось впечатление, что, следуя за монголами против мусульман Сирии, они участвовали в своего рода крестовом походе.

После длительной осады Майафарикин был взят, а аль-Камиль погиб в невыносимых пытках. Монголы содрали с него куски кожи, засунув их в рот пленника, после чего тот задохнулся и умер. Его голова, насаженная на пику, была с триумфом пронесена монголами по крупным городам мусульманской Сирии от Алеппы до Дамаска в сопровождении песнопения и барабанщиков. Мусульманское население эмирата Майафарикина было большей частью уничтожено. В живых остались только христиане в достаточно большом количестве,

* Grousset, *Croisades*, III, 515.

** *Ibid.*, 579.

*** *Ibid.*, 577-578.

**** Vartan, J.A., octobre 1860, 294.

так как город был древним яacobитским епископством, а также армянским центром. «Церкви остались в целости и сохранности, — отмечает Киракос из Кантзаги, как и многочисленные реликвии, собранные святым Марутой».*

В то время как велась осада Майафарикина, Хулагу завоевал мусульманскую Сирию.

По сведениям армянского историка «Хэйтона», план военной кампании монголов видимо решался на встрече между Хулагу и его верным вассалом — царем Армении (Цилиция) — Хэтумом I. «Хан предложил Хэтуму присоединиться со всей армянской армией на высоте Эдеса, так как он намеревался дойти до Иерусалима, чтобы очистить Святую землю от мусульман и передать ее христианам. Царь Хэтум, вне себя от радости от подобной новости, собрал внушительную армию и соединился с войсками Хулагу». Со своей стороны, — говорит Вартан, — армянский патриарх благословил хана.**

Таким образом, кампания внука Чингиз-хана приняла формы армяно-монгольского крестового похода. Фактически, как мы это знаем, армянский царь Хэтум в своих связях с монголами действовал не столько ради себя, сколько для своего зятя Боэмонда VI, принца Ан-тиохии и графа Триполи. Это подтверждает и Тамплиер из Тира в своих Кипрских Назиданиях: «Хэтум, царь Армении вступил в союз с Хулагу и в интересах своего зятя Боэмонда и с тех пор Боэмонд был в большом фаворе у Хулагу»***

Огромная монгольская армия вышла из Азербайджана в Сирию в сентябре 1259 г. Найон Китбука, найманский несторианец, о роли которого мы знаем по истории завоевания Багдада, находился в авангарде армии. Правым крылом армии командовал старый Байджу с Сокором, левым крылом — Сугунджак или Сунджак, в центре находился лично Хулагу в сопровождении христианской супруги До-куз-хатун.****

Спустившись через Курдистан в Джезире, хан захватил Ничибин, подчинил себе Харран и Едессу, уничтожил жителей Саруджа, которые оказали ему сопротивление. Оккупировав аль-Биру, он пересек Евфрат, разграбил Менбиджу и взял в осаду Алеппо. Султан аль-На-сир, вместо того, чтобы находиться в этом городе, оставался в Дамас-

* Kirakos, J.A., 1858, I, 496. Rachid ed-Din, trad. Quatremere, 330-331, 350-375. **

Hayton, La flor des estoires d'Orient, Hist. Des Croisades, Documents armeniens, II, 170. Vartan, J.A., 1860, II, 293.

*** Gestes des Chiprois, Documents armeniens, I.c., 751. Grousset, Croisades, III, 581.

**** Bar Hebraeus, ap. D'Ohsson, III, 316.

ке. Якобитский митрополит Алепа — историк Бар Хебраюс явился к монголам и нанес визит признания Хулагу.*

18 января 1260 г. монгольская армия под командованием самого Хулагу с вспомогательными отрядами армян царя Хэтума и франков Боэмонда VI —го, начала штурм Алеппо, которую защищал старый айюбидский принц по имени Тураншах.**

«Они выставили батарею из 28 катапулт и 24 января вошли в город и стремительно захватили его, кроме крепости, которая оказывала сопротивление до 25 февраля». Массовая и педантичная кровавая расправа продолжалась по всем канонам Чингизханидской тактики в течение всех шести дней до 30 февраля и была внезапно прекращена по велению Хулагу. Армянский царь Хэтум поджег самую большую мечеть. Естественно, якобитская церковь осталась в неприкосновенности. Хулагу дал царю Хэтуму часть трофеев и вернул многие уезды и дворцы, которые мусульмане Алеппо забрали у армянского царства. Он также вернул Боэмонду VI земли княжества антиохии, которые были завоеваны мусульманами еще в эпоху Саладина.***

Вся мусульманская Сирия была охвачена невообразимой паникой. Не дожидаясь прихода монголов, многие мусульманские принцы объявили себя вассалами. Под Алеппо сам Хулагу принял айюбид аль-Ашрафа Мусу, бывшего правителя Хомса, которого лишили власти свои же и который был восстановлен в правах монголами. За падением Алеппо последовала сдача без боя Хамы. Султан ан-Насир Юсуф не защищал также Алеппо, как он не защищал Дамаск. Узнав, что Алеппо пало, он бежал в Египет. Дамаск, покинутый своими защитниками, не смог долго устоять. 1 марта 1260 г. Китбука вошел в город с монгольским оккупационным корпусом в сопровождении царя Армении и Боэмонда VI. Управление Дамаском было возложено на монгольского правителя и трех его персидских помощников. Крепость, которая оказывала упорное сопротивление, капитулировала 6 апреля. По приказу Хулагу, Китбука лично отрубил голову правителю города.****

В последующие три недели Китбука завершил завоевание Сирии. Монголы вошли в Самарию и жестоко расправились с гарнизоном

* D'Ohsson, III, 308-309. Grousset, Croisades, III, 581-582.

** About Fida, Hist.Or., 1, 140.

*** Aboul Fida, ibid. Bar Hebraeus, Chroniconsyriacum, 533. Hayton, Documents armeniens, II, 171. Grousset, Croisades, 583.

**** About Fida, 141. Gestes des Chiprois, Doc.arm., 11, 751. Grousset, Croisades, III, 586.

Наплюза, оказавшего сильное сопротивление. Они беспрепятственно заняли Газу. Султан ан-Насир Юсуф был взят в плен в Белке. Китбука использовал его, чтобы заставить капитулировать Аджлуну, а затем выслал его к Хулагу. Младший из айнобидов, который правил в Баниасе, присоединился к победителю.*

Взятие монголами Дамаска явилось для местных христиан сирийско-якобитской или греческой общин настоящим реваншем за шестивековое угнетение. Они организовали на улицах массовые шествия, исполняя псалмы и неся с собой кресты, вынуждая мусульман вставать перед ними. Они осмелились даже «забить в колокола и оросить вином дорогу до самой мечети омейядов». Тамплиер из Тира сообщает, что царь Армении — Хэтум и его зять — принц Антиохии Бозмонд VI, после того как оказали содействие монголам во взятии Дамаска, добились от Китабуки упразднения мечети или вернее восстановление христианского храма, бывшей византийской церкви, которую мусульмане превратили в мечеть. Мусульмане обратились с жалобой к Китбуке. Но тот, давая свободу своей набожности, посещая церкви и встречаясь с церковнослужителями различных христианских конфессий, никоим образом не отреагировал на просьбы мусульман.**

Казалось, что эти завоевания стали завершающими, когда одно непревиденное обстоятельство нарушил ход событий. 11 августа 1259 года в Китае умер Великий хан Мунке, в результате чего разразилась война за раздел престола между его двумя братьями — Хубила-ем и Арикбогой. Хулагу, который был четвертым братом, находился на удаленном расстоянии от Монголии, не входил в число кандидатов на трон и был достаточно облечен властью и богатством, был на стороне Хубилая, а его поддержка или весомое мнение могло сыграть свою роль. С другой стороны, Хулагу грозила опасность на кавказской границе от его кузена, хана Кипчакии — Берке, который к исламу относился так же благожелательно как Хулагу относился к христианству и который ставил ему в упрек кровавую расправу над жителями Багдада.***

С учетом этих факторов Хулагу оставил в Сирии и Палестине оккупационный корпус под командованием Китбуки, — по данным Ки-

* Aboul Fida, 143.

** Aboul Fida, Ibid. Chiprois, I.e., 751. D'Ohsson, III, 325. Grousset, Croisades, III, 589.

*** D' Ohsson, III, 377. Бартольд, Берке, Энци. Исл., I, 725-726.

ракоса — 20. 000 солдат, по сведениям Хайтона, только 10. 000 и возвратился в Персию.*

Китбука, который стал правителем Сирии и Палестины, завоеванных монголами, имел самые благоприятные намерения относительно христиан, не только потому, что сам был несторианцем, но по причине того, что он понимал значимость для двух сторон поддержания франко-монгольского союза.**

К сожалению, если принц Антиохии — Триполи — Боэмонд понимал и разделял эту точку зрения, то бароны Акры продолжали видеть в монголах только варваров, которым они предпочли даже мусульман.***

Один из этих баронов — граф Жюльен из Сидона, напал на монгольский патруль и убил племянника Китбуки. Приведенные в ярость монголы разрушили Садон. Так был положен конец очевидному или молчаливому альянсу между франками и монголами.****

Благодаря этому роковому инциденту мусульмане воспряли духом. Несмотря на то, что айюбидский султанат Алепы и Дамаска был в руках монголов, оставалась непокоренной мощная мусульманская держава мамелюков, властителей султаната Египта. Как известно, мамелюки были наемниками, обычно тюркского происхождения, которые пополняли армию айюбидских султанов Египта, которые в 1250 году свергнули эту династию, чтобы стать единственными правителями страны, где их военачальники захватили власть в султанате. Мамелюкский султан Куруз, правивший в то время в Каире (1259—1260) понял, что сложились благоприятные обстоятельства. Хулагу отбыл в Персию с крупной монгольской армией, Китбука, у которого максимум оставалось 20 000 воинов, не имел возможности сохранить завоевания на побережье без альянса с франками. А так как франки порвали отношения с монголами, у мамелюков появилась возможность влиять на события. 26 июля 1260 г. передовые отряды под командованием эмира Бейбарса выступили из Египта в направлении Палестины. Небольшой монгольский отряд под командованием Байдара, оккупировавший Газу, не мог устоять перед численно превосходящим противником.*****

* Kirakos, J/A., 1858, I. 498. Hayton. Doc.arm., II, 173.

** Hayton, 171.

*** Delaborde. Lettres des Chretiens de Terre Sainte, 1260, Revue de l'Orient latin, 1894, II, 214. Grousset, Croisades, III, 581.

**** Hayton, I.e., 174. Chiprois, ibid., 752. Grousset, Croisades, III, 594.

***** Rachid ed-Din, trad. Quatremere, 347.

Франки Акры, вместо того, чтобы помириться с Китбукой, позволили мамелюкам пересечь их территорию и обеспечить себя провиантом и снаряжением у самых стен Акры.*

Разрешение на продвижение вдоль Франкского побережья и временного размещения войск, а также обеспечение снабжением, подготовленного франками, явилось серьезным в начале преимуществом мамелюков. Их численное превосходство доделало остальное. Китбука, веря в несокрушимость закаленных в боях Чингизханидских отрядов, мужественно принял вызов. Мамелюки, проведя перегруппировку войск у стен Акры благодаря содействию франков, направились в сторону франкской Галилеи к Журдену. Китбука со своей кавалерией и несколькими отрядами грузин и армян неожиданно возник перед ними.***

Битва состоялась в Эн-Джалуде около Зерина 3 сентября 1260 г. Китбука не мог противостоять численно превосходящему противнику, но, проявляя храбрость, спас честь и достоинство Чингизханидского знамени: «Одержимый в своей энергии и храбрости, пишет Рашид ад-Дин, он метался справа налево, нанося страшной силы удары. Напрасно отговаривали его отступить. Он отверг эти советы, воскликнув: «Во что бы то ни стало мы должны умереть здесь!» Кто-то из солдат предстанет перед ханом и скажет ему, что Китбука презрел бесславное отступление и что пожертвовал жизнью, чтобы исполнить свой долг. Вовсе нет необходимости, чтобы потеря части монгольской армии причинила хану столько печали. Пусть он просто считает, что в течение года жены солдат не забеременели от своих мужей, что не пополнились жеребятами конюшни хана. Благодатной жизни хану!» «Несмотря на то, что он остался в меньшинстве,— продолжает Рашид ад-Дин, —Китбука героически сражался с тысячами врагов, но в конце концов, когда его лошадь была убита, он попал в плен». Ему связали руки, привели к Кутузу, который обошелся оскорбительно с поверженным завоевателем: «Свергнувший столько династий, ты сам наконец попался в ловушку! Ответ монгольского несторианца явился достойным славе Чингизханидской династии: «Если я умру от твоих рук, я утверждаю, что это воля господня, а не твоя. Не упивайся так быстротечным успехом. Как только молва о моей смерти дойдет до ушей Хулагу-хана, его внев взбурлит, подобно бушующему морю. На-

* Rachid ed-Din, trad. Quatremere, 347.

** Chiprois, 753. Manuscrit de Rothelin, Historiens des Croisades, 657, Grousset, Croisades, III, 601-603.

*** Kirakos, J.A. Juin 1858, 498.

чиная от Азербайджана до самых врат Египта, все будет растоптано под копытами монгольской конницы!» Испуская предсмертные крики от имени верных и преданных монголов, Чингизханидских законов и величия, он нанес оскорбления мамелюкским султанам, этим правителям по случаю, для которых убийство своих предшественников является обычным путем к достижению власти: «С тех пор, как я существую, я раб хана; и в отличие от вас я не убийца своего хозяина!» — как только он произнес эти слова, ему отрубили голову.*

Султан Кутуз с триумфом возвратился в Дамаск. Христиане города дорого заплатили за их лояльность к монголам. Вся мусульманская Сирия до Евфрата была присоединена к мамелюкскому султанату Египта. Хулагу предпринял еще одну попытку вернуться. В конце ноября 1260 года монгольский отряд вновь проник в Сирию и во второй раз разграбил Алеп, но был оттеснен мусульманами около Хомса (10 декабря) и отброшен вновь к востоку от Ефрата.

Последние годы правления Хулагу

Хулагу потерпел неудачу в своей попытке завоевать мусульманскую Сирию. Это произошло также в связи с тем, что его кузен — хан Кипчакии Берке выступил против него. Этот Чингизханид старшей ветви клана, который властвовал в степях Южной России, относился к исламу возможно с еще большей симпатией, чем Хулагу относился к христианству. А победы Хулагу вызывали у него неприязнь: "Он опустошил города мусульман, — так Рашид ад-Дин приводит слова хана Кипчакии, которые были сказаны в адрес хана Персии, он, не посоветовавшись со своими сородичами, погубил халифа. Если Аллах мне поможет, я потребую у Хулагу ответа за невинно пролитую кровь!"**

Испытывая такие чувства, Берке без колебаний сблизился с мамелюками, исконными врагами монголов, но защитниками мусульманской веры, чтобы пойти против персидского хана, главного действующего лица в монгольских завоеваниях, но покровителя христиан. Новый султан мамелюков — Бейбарс (1260—1277) по происхождению тюрк из Кипчакии, поддержал его намерения. С 1262 г. Берке приступил к обмену посольствами с Бейбарсом и объявил войну Хулагу.***

В ноябре-декабре 1262 г. Хулагу перешел в наступление, пересек Дербентский пролив, который на Кавказе являлся границей между

* Rachid ad-Din, trad. Defremery, 351-353. ** Ibid., 393. Cf. Vartan, J. A., 1860, II, 302. *** Cf. Barthold, Berke, Enc. Isl., I, 726. Cf. Hayton. Doc. Arm., II, 176.

двумя ханствами, продвинулся на "кипчакскую" территорию, дошел до Терека, но некоторое время спустя на него напала армия Берке под командованием Ногая, племянника Берке и он был отброшен в Азербайджан.*

Враждебность кипчакских ханов, проявленная с самого начала, а также последовавшая вслед за этим враждебность со стороны ханов по чагатайской линии, ограничивали действия персидского ханства, лишали активных действий путем непрерывных нападений с тыла со стороны Кавказа или Амударьи, полностью помешали вести военные действия для полного завоевания Сирии. Эти две междоусобные войны между Чингизханидами положили конец монгольским завоеваниям.

Но Хулагу по крайней мере завершил территориальное объединение Персии, ликвидировав многочисленные местные кланы. Ата-бек Мосула, старый Бедр ад-Дин Лулу (1233—1259) спас свой трон благодаря своему раболепству перед монголами, но его сыновья совершили оплошность, встав на сторону мамелюков, в результате чего Хулагу захватил Мосул, разграбил его и присоединил к своим территориям (1262).**

Таким образом атабек Фарса — Сельджук-шах (1262 — 1264) из династии Сальгуридов тоже организовал мятеж, но был убит монголами при взятии Казеруна (декабрь 1264). Хулагу передал трон Фарса сальгуридской принцессе Абиш-хатун, выдав ее замуж за своего четвертого сына — принца Мангу Тимура, брачный союз которых означал аннексию Фарса.***

Также другой сын Хулагу, его наследник Абака женился на Падше-хатун, наследнице династии Кутлук-шахов Кирмана.****

Интересным моментом по которому у нас нет достаточных сведений, является деятельность буддизма в Персии в эпоху правления Хулагу и его первых преемников. Нам известно только, что определенное количество буддистских монахов прибыли из Уйгурии, Китая и Тибета, чтобы обосноваться в царстве Хулагу и где они соорудили многочисленные пагоды, украшенные рисунками и статуями.*****

* Rachid ad-Din, ed. Quatremere, 399. D'Ohsson, III. 380-381.

** D'Ohsson, III, 362, 370-374, d'apres Rachid ad-Din et Bar Hebraeus.

*** D'Ohsson, III, 397-404, d'apres Rachid ad-Din et Mirhond. Cf. T.W.Haig, Salghurides, E.I, 109.

**** Cf. Rachid ad-Din, trad. Quatremere, 403. Minorsky, Kutlugh-khan, E.I., II, 1238.

***** D'Ohsson, IV, 148.

Мы узнаем также, что хан Аргун, внук Хулагу, украсил пагоды картинами, где был изображен его портрет. *

Что же касается китайской живописи Юаней, то приходится только огорчаться, что она утрачена, так как ее наличие объяснило бы некоторые особенности последующей персидской миниатюры.

Наконец, несмотря на то, что Хулагу из-за своих бесчинств в Багдаде рассматривался мусульманами как бич божий, он тем не менее положительно относился к персидской литературе. Известный персидский историк Ала ад-Дин Джувейни — яркое тому свидетельство. Его отец, Беха ад-Дин (умер в 1253 г.), фамильным родом из страны Нишапура, служил уже при монгольской администрации и был назначен ответственным за финансовые вопросы Хорасана. Джувейни же сам выбрал административную карьеру. В 1256 г. он помешал Хулагу сжечь богатейшую библиотеку, собранную исмаилитами в Аламуте. Посетив дважды Монголию (1249—1251, 1251 — 1253) и разбираясь глубоко в проблемах Центральной Азии, к 1260 г. он написал свою замечательную "Историю Завоевателя Вселенной" (Тарихи Джахангушай), то есть историю Чингиз-хана и его преемников до 1268 г. В 1262—1263 гг. Хулагу назначил этого примкнувшего к ним перса управляющим (медиком) Багдада. Отметим, относясь к нему с почтением, что в 1268 г. в период взрыва мусульманского фанатизма, несторианец Мар Денха нашел убежище в его доме.**

Добавим, что его брат Шамс ад-Дин Джувейни был министром финансов (сахиб-диван) при ханах Хулагу, Абаке и Текудуре примерно с 1263 по 1284 г.

Правление Абаки

Хулагу умер около Мараги 8 февраля 1265 г. Вслед за ним через некоторое время скончалась императрица Докуз-хатун. С собой они унесли единодушную печаль восточных христиан, которые оплакивали с их уходом "две великие звезды христианской веры", "одна из которых подобна Константину, а другая — Елене", как с волнением писали Бар Эбраюс от имени, якобы сирийской, церкви и Киракос из Кантзага от имени армянской церкви.***

Преемником Хулагу был старший сын Абака (1265—1282). Новый хан оставался в Азербайджане, но в то время как при Хулагу роль столицы выполняла Марага, то при Абака эта функция столицы пере-

* Ibid, IV, 281.

** Бартольд, Джувайни, Э. И., 1, 1100.

*** Ap.d'Ohsson, III, 407-408.

шла к Таурису, которая сохраняла ее до конца правления династии, за исключением периода правления Олджайту (1304—1316), который выбрал своей столицей Султанию. Добавим, что по примеру Хулагу, Абака считал себя всегда только простым подчиненным при Великом хане Хубилае, который по его просьбе обеспечил его инвеститурой.

Абака, несмотря на то, что безусловно был скорее буддистом, как и его отец, был также благосклонен к христианским общинам — армянской, несторианской и якобитской — внутри страны, был в альянсе с христианством в борьбе против мамелюков Египта и Сирии — вне пределов своей страны. В год пришествия к власти он женился на Марии, дочери византийского императора Михаила Палерлога. Что касается сирийцев, то Абака был покровителем несторианского патриарха Мар Денхи* до того, как мы это увидим, как он стал другом преемника последнего, известным Маром Йахбаллахом III.

Выше мы говорили о паломничестве, которое совершили два несторианских монаха, которые были родом, один из региона Токто на севере Шаньси, другой из региона Пекина, Раббаха Чомы и Маркуса, намеревавшихся посетить Иерусалим. Мы знаем, что после пересечения Кашгарии между 1275 и 1276 гг., они достигли Персии. Их сирийская биография показывает важное значение несторианской церкви в Персии в период правления монголов. По прибытии в Хорасан они обнаружили около Тусы несторианский монастырь Мара Чэхиона.**

В Азербайджане около Мараги они встретились с патриархом Маром Денха, который, как об этом свидетельствуют историки, пользовался благосклонностью у монгольских властей.***

Оттуда они спустились в Багдад, где располагался несторианский епископальный центр, за которым укрепилось старое имя Сэлюции. Затем добрались до Ассирии, где находились другие известные святилища и монастыри в Арбеле, Бет Гармае и Низибе.****

Раббан Чома и Маркус остались в монастыре Святого Михаила в Тареле около Низибы, когда патриарх Мар Денха обратился к нему, чтобы им было разрешено посетить Абаку. Тот не только оказал самую радушную встречу, но и вручил им жалованные грамоты для того, чтобы облегчить им паломничество в Иерусалим. Однако военное противостояние персидского ханства, с одной стороны, и кипчакского

* Мар Денха, Патриарх с 1266 по 1281 гг., заменил Макиху.

** W. Budge, *The monks of Kub ai-khan*, 139-140.

*** *Vie de Mar Yahballaha*, trad. Chabot, *Revue de l'Orient latin*, 1893, 593-594. ****
Отправившись из Китая в 1275 г., они прибыли в Месопотамию в 1278 г. (Пельо).

ханства и мамелюков, с другой стороны, помешали осуществить это паломничество. Мар Денха назначил тогда Маркуса митрополитом страны онгютов и страны китанов, то есть Северного Китая, а Раббана Чому его коадьютором,* но, прежде чем они приступили к своим обязанностям, Мар Денха скончался (24 февраля 1281 г.). Несторианский церковный собор, который прошел неподалеку от Багдада, избрал Маркуса патриархом под именем Мара Йабаллаха III. Избрание носило явно политический характер. Несмотря на свою большую набожность, новый епископ весьма посредственно изъяснялся по-сирийски и не знал вовсе арабского языка. Но он был «монголом» и, во всяком случае, принадлежал тюрко-онгютскому народу, принцы которого были тесно связаны с Чингизханидским кланом. Персидские священники решили, что лучшей кандидатуры на пост патриарха, к которому благоволил хан Персии, не было. И в самом деле, когда Мар Иахбаллах явился к Абаке, чтобы получить инвеституру, монгольский монарх встретил его как друга. «Он накинул на него мантию со своего плеча, предложил ему собственное кресло, служившее малым тронem. Он также дал ему почетный зонтик и табличку из золота, где были выгравированы имена монархов с крупной печатью патриархов».**

2 ноября 1281 г. пекинский прелат должен был принять сан патриарха несторианской церкви в соборе Мара Коки неподалеку от Сэ-люции в присутствии Мара Абрахама, митрополита Иерусалимского, Мара Жака, митрополита Самаркандского и Мара Иесубрана, митрополита Тангутского, то есть Каньсу в Китае.***

За пределами Монголии он приостановил войну, начатую его отцом против Берке, хана Кипчакии. Ногай, племянник Берке предпринял весной 1266 г. наступление, переправился через Дербент и Куру, но был разгромлен военачальниками Абаки на Аксу и отброшен в Ширван. Берке лично пересек с внушительной армией Дербент и поднялся к Куре, чтобы переправиться через нее, но внезапно умер (1266). Его кончина прервала наступление.****

Как нам известно, на северо-востоке Абака противостоял вторжению чагатаида Барака, хана Трансоксианы, который в 1269—1270 годах овладел Хорасаном и занял Мерв и Нишапур. Нам также извест-

* Budge, *op. Cit.*, 148.

** Chabot, *I.e.*, *Revue de l'Orient latin*, 1893, 607-608.

*** Chabot, *ibid.*, 609-610.

**** D'Ohsson, *HI*, 418-419.

но, что применив хитроумную тактику отступления, которой поверили соперники, Абака разгромил Барака около Герата 22 июля 1270 г.*

Заметим в связи с этим, с какой ловкостью мелик Герата — Шемс ад-Дин Керт смог избежать нежелательных неприятностей в разгар междоусобицы между монголами: накануне вторжения чагатаидов и для того, чтобы спасти город, этот ловкий афганец согласился признать себя вассалом, но как только Абака явился со своим войском в Хорасан, Шемс ад-Дин вновь стал сотрудничать с ним и что есть силы защищал Герат, что позволило хану Персии завлечь неприятеля в засаду, где он и был разгромлен.

В январе 1273 г. Абака одержал реванш; он перенес военные действия в Трансоксиану и послал армию, чтобы опустошить Бухару. Несмотря на преданность, которую проявил мелик Герата Шемс ад-Дин в 1270 г., Абака не доверял ему. Внешне осыпая его титулами и почестями, в 1277 г. он завлек его в Таурис, где тайком отравил (январь 1278 г.). Но в 1279 г., тем не менее, он назначил сына своей жертвы — Рох ад-Дина правителем Герата, который известен в истории как Шемс ад-Дин II.**

На западе Абака продолжил борьбу, начатую его отцом против мамелюков, которые в тот момент были властителями не только Египта, а и мусульманской Сирии. Мамелюкский султан Бейбарс, проповедник ислама в мире, и один из самых грозных воителей своего времени (1260—1277), предпринимал неоднократно наступление, несколько раз опустошая армянское царство Цилиции, которое было преданным и близким союзником монголов. В апреле 1275 г. он разграбил основные города страны: Сие, Адану, Таре и Лажаццо, после чего вмешался в дела сельджукского султаната Малой Азии. Как известно, это государство было тесно связано как вассал с персидским ханством; в младенческие годы юного султана Кай-Хосрова III (1265—1283), он находился под протекторатом Монголии, которым управлял перване (канцлер) Муин ад-Дин Сулейман. Этот министр, любитель интриг, кажется, завязал тайные связи с Бейбарсом, который безусловно стремился привлечь его для того, чтобы освободить страну от монгольской опеки. Известно, что в 1277 г. Бейбарс проник в сельджукский султанат и 18 апреля разбил монгольскую армию в Алибстане на верхнем Джейхуне при въезде в Каппадос, в то время как Перване, который командовал сельджукскими частями, обратился в бегство. Бейбарс с триумфом вошел в Кайсарию в Каппа-досе (23 апреля), а затем ушел в Сирию.

* См. выше, и d'Ohsson. III, 432-449 (d'apres Rachid ed-Din). **

D'Ohsson, III, 441-442, IV, 179-183.

Узнав об этом поражении, Абака немедленно прибыл в Анатолию (июль 1277). Он сурово обошелся с сельджукскими тюрками, которые были гораздо преданнее мусульманской вере, чем Чингизха-нидской лояльности, сражались совершенно безвольно и, проведя расследование, Абака казнил Перване (2 августа).*

Абака хотел бы заключить прочный союз с романскими государствами для борьбы против мамелюков. С 1273 года он обращается с таким предложением к Папе и королю Англии — Эдуарду I. Его два посла явились в мае-июле 1274 года к Григорию X и священнослужителям Лионского собора. Другие представители хана были в Италии в ноябре 1276 г. (Жан и Жак Васселюсы), затем в 1277 г. — в Англии при дворе короля Эдуарда I. Но ни Папство, ни Франция, ни Англия не решились откликнуться на предложение монголов.**

Абака принял решение действовать самому. Начиная с конца октября 1271 г. он послал десять тысяч всадников для разбоя в провинцию Алеппо. В сентябре — октябре 1280 г. он выслал еще больший отряд, который на какое-то время оккупировал Алеппо, за исключением крепости и поджег мечети (20 октября). Это была только предварительная разведка. В сентябре 1281 г. монгольская армия в составе 50 000 солдат вошла в Сирию. Царь Армении (Цили-ции) — Леон III, преданный вассал монголов, как и его отец — Хэ-тум, присоединился к монгольской армии. К 50 000 монголам примкнули также 30 000 армян, грузин и франков. Всеми этими силами стал командовать брат Абаки, принц Мангу Тимур. 30 октября 1281 г. монгольские войска с союзниками столкнулись около Хомса с мамелюкской армией под командованием султана Калавуна. Правый фланг монгольской армии, где находился Леон III с армянами и грузинами поверг в бегство силы противника, а в центре Мангу Тимур, получив ранение, покинул поле боя и его отсутствие стало причиной поражения его отряда. Еще раз монголы были вынуждены пересечь Евфрат.***

Абака умер некоторое время спустя после этого поражения (1 апреля 1282 г.).

* Aboul Fida, I.e., 155. Hayton, I.e., 180. D'Ohsson, III, 481-488. Grousset, Croisades, III, 694.

** Cf. Hayton. L.c., 180-181.

*** Cf. Aboul Fida, I.e., 158-159. Hayton, 183-184. Bar Hebraeus, I.e., 592-593. D'Ohsson, III, 524. Rohricht, Les batailles de Hims, Archives de l'Orient latin, I, 638. Grousset, Histoire des Croisades, III, 699.

Правление Аргуна

Тэкудер,* брат Абаки и его преемник (6 мая 1282 года), нарушил традиционную политику своей династии. Несмотря на то, что он был сыном, возможно, несторианки (принцессы Кутуи-хатун), крещенной в молодости, как это утверждает монах Хэйтон, взял власть в свои руки, принял мусульманскую веру, получил имя Ахмед, титул султана и приступил к реисламизации Персидского ханства. «Он приложил все свои способности, чтобы обратить татар в ложную веру Магомета» — писал монах Хэйтон.**

В августе 1282 г. он послал мамелюкам предложение о мире и союзе. «Старая монгольская», буддистская и несторианская часть населения заявила протест Великому хану Китая — Хубилаю, дяде Тэ-кудера, являвшемуся сюзереном Персидского ханства. По свидетельству Марко Поло, взбешенный Хубилай пригрозил вмешаться. Тэкудер возложил вину за подобное обращение к императорскому двору Пекина на патриарха Йахбаллаха III и его коадьютера Раббана Чому. Патриарх был брошен в тюрьму и, возможно, спасен, благодаря вмешательству матери-правительницы Кутуи-хатун, которая освободила его.***

Однако все те, кто выражал недовольство, монголы, буддисты и несторианцы, стали группироваться вокруг принца Аргуна, сына Абаки и правителя Хорасана. Вскоре началась междоусобная война. Ставка была весьма серьезной, речь шла о том, останется ли монгольская Персия монгольской или она станет обыкновенным мусульманским султанатом, будет ли она продолжать поддерживать несторианцев и якобитов внутри империи, а вне ее пределов — армян и франков, или она войдет в союз с мамелюками. Борьба вначале обернулась против Аргуна. Он восстал в своем Хорасане, откуда он двинулся на Адже-мистский Ирак, но был разбит в Ак-Ходже около Казвина 4 мая 1284 г. и вынужден был сдаться Тэкудеру. Однако заговор воено-начальников спровоцировал дворцовый переворот. Тэкудер, покинутый армией, был предан смерти 10 августа 1284 г., а на следующий день был провозглашен Аргун.

Аргун приостановил исламизацию Персии. Лично исповедуя буддизм, как Абака и Хулагу, он доверил множество из основных государственных постов христианам или евреям, особенно в сфере управления финансами. В качестве министра финансов и главного совет-

* По монг. — Тагхудар.

** Hayton, I.e., 185.

*** Mar Yahballaha, trad. Chabot, Rev. de l'Orient latin, 1893, 75-77.

ника он назначил еврейского врача Сад ад-Даулэ, который с 1288 г. до последней болезни Аргуна (февраль 1291 г.) пользовался полным доверием принца. Умный, гибкий, знавший тюркский и монгольский языки, угодливый придворный (он заслужил свою благодарность от правителя за то, что в нужное время прописал лекарства для очищения желудка монарха), он сумел добиться расположения Аргуна, который его ценил также за преданность интересам государства. Превосходный администратор, он навел порядок в финансовых делах, положив конец откровенному грабительству со стороны вельмож. Он запретил военным руководителям опротестовывать решения трибуналов, лишил приближенных права обременять народ чрезмерными поборами, короче, объявил войну злоупотреблениям и стал искать пути, каким образом повернуть полностью военное правление монголов в сторону законной гражданской власти. Далекий от того, чтобы притеснять мусульман, он способствовал тому, чтобы судебные разбирательства между мусульманами проходили в соответствии с законами Корана, а не по монгольским обычаям, увеличил фонды религиозных пожертвований, оказывал содействие и материальную поддержку ученым и литераторам. Мусульмане могли его упрекнуть лишь в том, что он распределял основные руководящие посты своим единоверцам — иудеям, и в частности, распределил своим родственникам все откупы от налогов, за исключением Хорасана и Малой Азии, так как эти провинции являлись принадлежностью принцев Газана и Гайкату, сына и брата Аргуна. Чтобы там ни было, еврейский министр навлек на себя ужасное недовольство окружающих. Монгольские сановники были злы на него за то, что он мешал им в грабеже населения, а набожные мусульмане утверждали, что он совместно с Аргуном намеревался основать новую религию, заставить верующих перейти в «язычники», превратить Каабу в Мекке в храм идолов — безусловно превратить в буддистский храм и так далее. Явно, что эти обвинения были абсурдными, но они в последующем привели к гибели незаурядного человека.*

Одна из жен Аргуна — Урук-хатун, по происхождению кераитка, и племянница умершей правительницы Дукуз-хатун, была несторианкой. В августе 1289 г. она крестила одного из своих сыновей — будущего хана Олджайту и дала ему имя Николай в честь Папы Николая IV. Монах Хэйтон пишет: «Аргун любил и очень уважал христиан. Христианские церкви, которые Тэкудер разрушил, были восстановлены /tynrfcoAi ». В самом деле, мы знаем из жизни несторианского патриарха Мара Йахбаллаха, что им были реконструированы многие бывшие храмы, один из которых — церковь Мар Шалита в Мараге.

*Cf. d'Ohsson, IV, 31-38, 49-57 (d'apres Waccaf).

Пребывание Раббана Чомы на Западе с посольской миссией

Полный намерений продолжить борьбу против мамелюков, Аргун ал искать альянса с христианским миром. Он предложил организовать единый фронт против них, захватить силами монголов Иерусалим, Исфахан, Александрию, Иерусалим, Сирию, приурочивая это к прибытию крестоносцев Сен-Жан Дакр или Дамьету, затем приступить к передаче монголам Иерусалима, Алеппо и Дамаска, а Иерусалим — крестоносцам. С этой целью в 1285 г. Аргун отправил Папе Гонориусу IV письмо, перевод которого на латинский язык хранится в Ватикане и в которомложена конкретная программа действий. В этом известном документе Персидский хан, упомянув имя Чингиз-хана, «предка всех татар», и напомнив также о Великом хане Хубилае, императоре Китая, своем великом дяде, сюзерене и союзнике, очертив линию связи христианства с Чингизханидской династией: матерью, которая была христианкой, бабушкой Хулагу, отцом Абакой, которые все были покровителями христиан, и, наконец, Великого хана Хубилая, который взял на себя миссию освобождения и оказания покровительства «земле христиан». Он закончил тем, что обратился с просьбой совершить высадку крестоносцев в то время, когда он захватит Сирию. «Так как земля сарацинов находится между вами и нами, мы окружим ее и сожжем в кольцо... Мы изгоним сарацинов с помощью Господа Бога, Папы и Великого хана!»*

В 1287 г. Аргун послал на Запад с той же целью новую миссию, которую он поручил несторианскому прелату Раббану Чоме. Мы в курсе необычайной одиссеи из Китая до Персии этого онгютского или тибетского монаха, который родился около Пекина. Раббан Чома плыл на корабль на Черном море, несомненно, в Трабзонде и высадился в Константинополе. Византийский император Андроник II (1282—1328) оказал самую прекрасную встречу посланнику Аргуна, к тому же сельджукская Анатолия, примыкавшая к византийской империи, принадлежала Персидскому ханству.**

Помолившись в церкви Святой Софии, Раббан Чома взял курс на Италию, вначале в Неаполь, где он стал свидетелем морского сражения в бухте 23 июня 1287 г. между анвинским и арагонским флотами.***

Из Неаполя он прибыл в Рим. К несчастью, Папа Гонориус только что скончался (3 апреля 1287 г.), а его преемником еще никто не был избран. Раббан Чома был принят действующими кардиналами. Он

Chabot, relations du roi Arghoun avec l'Occident, Rev. de l'Orient latin, 1894, 571. Coule, Christians in China, 106. Grousset, Histoire des Croisades, III, 711. ** Revue de l'Orient latin, 1894, 82-83. ***Ibid., 89.

указал на важное значение монгольского христианства: «Знайте, что многие наши преподобные отцы церкви (несторианские миссионеры, начиная с VII в.) ступили на землю тюрков, монголов и китайцев и просветили их. Сегодня многие монголы приняли христианскую веру; среди них потомки правителей и правительниц, принявших крещение и верующих в Христа. Там воздвигнуты церкви, где они служат богу. Правитель Аргун намеревается захватить Сирию и обращается к вам за помощью для освобождения Иерусалима».*

Выполнив религиозные обряды в церкви Святого Петра и других церквях Рима, Раббан Чома отправился во Францию через Геную. Генуэзцы, у которых имелись значительные фактории в Крыму и Траб-зонде и немало негодантов в монгольской Персии, также оказали достойную встречу посланнику Аргуна.**

Прибыв в Париж 10 сентября 1287 года, Раббан Чома был принят Филиппом Прекрасным, который в его честь устроил торжественный прием в церкви Сент-Шапель. После посещения Парижа, Сорбонны в Сен-Дени, Раббан Чома направился в Бордо к королю Англии Эдуарду I (конец октября, начало ноября). Как и король Франции, король Англии оказал ему самый почетный прием, но никто из принявших его не заключил никакого конкретного военного соглашения, для достижения которого и был послан Раббан Чома.*** Несколько обескураженный таким ходом событий, Раббан Чома направился в Рим, где наконец 20 февраля 1288 года Папой был избран Николай IV. Папа выслушал монгольского прелата с большим интересом и вниманием, допустил его к церемониям святой недели, предоставляя повсюду почетное место и причащая его со своих рук. Раббан Чома уехал, полный умиротворения. Читая его воспоминания о путешествии, видим, что прелат, родившийся около Пекина, никогда не думал с религиозной точки зрения и чисто внутренних ощущений, что получил такое глубокое удовлетворение.**** Но с политической точки зрения его миссия окончилась полным провалом. Западные государства не решались организовать крестовый поход, который во взаимодействии с монгольской армией Персии мог бы спасти франкские владения в Сирии. Сетования Раббана Чомы кардиналу Гускулуму, которые он выразил во время второго путешествия в Геную, скрывают глубокий смысл: «Что же скажу тебе, мой преподобный и высокочтимый? Я прибыл с посланием от имени прави-

* Ibid., 91. Cf. Grousset, Histoire des Croisades, III, 715-716.

** Chabot, Revue de l'Orient latin, 1894, 104. *** Ibid., 106-111. Grousset, Croisades, III, 717-718. **** Chabot, I.e., 113-121.

теля Аргуна и патриарха, чтобы обсудить вопрос об Иерусалиме. Вот уже и целый год прошел... Что я отвечу, с чем я приду, когда вернуться к монголам?»*

Раббан Чома возвратился в Персию с письмом Николая IV, Филиппа Прекрасного и Эдуарда I хану Аргуну.**

Он прибыл ко двору повелителя Персии к концу лета 1288 года. Аргун выразил большую признательность и ввел его в свой двор в качестве несторианского капеллана: «Аргун приказал возвести часовню вблизи ханской стоянки и таким образом, чтобы строение часовни соприкасалось с ханским шатром. Он дал указание, чтобы звон колоколов всегда звучал в этом храме»***

После празднования Пасхи (10 апреля) 1289 г., Аргун отправил к Папе Николаю IV, Филиппу Прекрасному и Эдуарду I, нового посланника — генуэзца Бюскареля Жизольфа. Бюскарель прибыл в Рим между 15 июля и 30 сентября 1289 г. Принятый Папой Николаем IV, а затем (ноябрь-декабрь) Филиппом Прекрасным, он повторил вновь просьбу хана о создании наступательного союза для того, чтобы освободить святую землю. Мы располагаем текстом письма Филиппу Прекрасному, написанном на монгольском языке с использованием уйгурского алфавита: «Обращаясь к святым силам Вечного Неба, под покровительством Верховного хана (Ху-билая), вот вам наши слова: Король Франции, мы тебе предлагаем выступить в последний месяц года пантеры (январь 1291 г.) и расположиться лагерем перед Дамаском к 15 числа первого месяца весны (к февралю 1291 г.). Если ты выступишь с твоей стороны с войсками в назначенное время, мы захватим Иерусалим и отдадим его тебе. Но если ты не соизволишь встретиться с нами, то нам нет необходимости идти с нашим войском». В официальном приложении на французском языке, которое Бюскарель передал Филиппу Прекрасному, Аргун брал на себя обязательства при условии, если крестоносцы высадутся в Сирии, обеспечить его необходимым продовольствием и снаряжением, а также предоставить 30 000 лошадей для пополнения кавалерии.****

* Chabot, I.e., 112. Grousset, Croisades, III, 720.

** Chabon, Relations du roi Argoun ave l'Occident, Rev.Or.lat., 1894, 576-591.

*** Chabot, *ibid.*, 121-122. Раббан Гумажилице четыре года. Он умер в Багдаде 10 января 1294 г.

**** Chabot, *ibid.*, 604, 611, 612.- Moule, Christians in China, 117-118. Grousset, Croisades, III, 724.

В 1290 г. Аргун отправил Николаю IV, Филиппу Прекрасному и Эдуарду I четвертого посла по имени Чаган или Заган, крещенного под именем Андрея в сопровождении Бюскареля Жизольфа, для которого это была вторая поездка.*

И на этот раз западные государства не дали положительного ответа, ограничиваясь только протокольными формулировками и в результате чего объединенный поход франков и монголов так никогда и не состоялся.

Аргуну ничего не оставалось делать, как мобилизовать армию для защиты северных границ в Хорасане и Закавказье. Он передал правление Хорасаном своему старшему сыну Газану, у которого заместителем был назначен эмир Науруз, сын ойратского администратора Аргуна Аги. Как мы знаем, последний руководил административными делами Восточной и Центральной Персии с 1243 по 1255 годы от имени Великого хана с почти неограниченной властью и даже после прихода к власти хулагуистской династии, он сохранял значительное влияние до самой своей смерти около Тусы в 1278 г. Науруз, воспитанный в условиях уважения и почестей, рассматривал Хорасан как бы своей личной собственностью. В 1289 г. он восстал и чуть было не захватил лично принца Газана, но после первоначального успеха, его стал преследовать хан Аргун и он вынужден был скрыться в Трансоксиане у хана Кайду, предводителя угэдэйской династии (1290).**

Хан Кипчакии, пройдя в кавказском направлении Дербентский пролив, напал на приграничный район Персидского ханства, но военачальники Аргуна отразили нападение передовых отрядов 11 мая 1290 г. на берегах Карасу в Циркассии и нашествие было предотвращено.***

Правление Гайхату и Байду

Ответная реакция на центристскую политику Аргуна началась со времени его последнего заболевания. Умер он 7 марта 1291 г. С 30 февраля придворные сняли с должности и казнили иудейского министра Сада ад-Даулэ. Наиболее влиятельные военачальники назначили ханом брата Аргуна — Гайхату, который в тот период был правителем сельджукской Анатолии. Этот принц был ограниченным, любителем выпивки, увлекавшимся женщинами и имевший склонность

* Chabot, *ibid.*, 617, 618. **

D'Ohsson, IV, 42-49.

*** *Ibid.*, 42. Cf. Бартольд, Мангу-Тимур, Энцикл., 260, после внесения поправок в свою другую статью (тоже самое, 436) об Аргуне.

к мужеложеству, безумным транжирой, не обладавший никакими качествами руководителя. Совместно со своим министром чадрджиха-ном — Ахмедом аль-Халиди, у него возникла злосчастная идея ввести в Персии в мае 1294 г. оборот бумажных денежных знаков или чао по примеру того, что осуществил в Китае Великий хан Хубилай.*

Первая эмиссия бумажных денег была осуществлена в Таурисе 12 сентября того же года. Результат оказался еще более плачевным, чем это было в Китае. Перед угрозой волнений со стороны торговцев и возникновения бесчинств на базаре, использование бумажных купюр было приостановлено.

Что касается религиозных событий того времени, то по жизнеописанию Мара Йахбаллаха III явствует, что Гайхату проявил доброжелательность к патриарху, а также к Раббану Чоме и, что он с удовольствием посетил несторианскую церковь, построенную последним в Мараге.**

Однако политика чадрджихана, всемогущего министра, стремившегося отстранить монгольских эмиров от участия в управлении государством, была направлена, по утверждению Бартольда, на особое положительное отношение к мусульманам.

Гайхату был свергнут группой монгольских высокопоставленных лиц, недовольных тем, что происходило в стране. 21 апреля 1295 г. он был задушен при помощи тетивы в лагерной стоянке в Могане, он был убит «без кровопролития». Вельможи назначили на его место его кузена — Байду, другого внука Хулагу. Новый хан представлял собой довольно заурядную личность, который согласился стать правителем только потому, что это было для него спасительным решением.***

По свидетельству Бара Хэбрауса, он проявил благосклонность к христианству. «В результате общения с греческой принцессой, супругой Абаки, у него сложилось хорошее мнение о христианах. Он позволял строить часовни и использовать колокола в его окружении. Он даже говорил, что был христианином и носил крест на шее, но не осмеливался в открытую демонстрировать свою приверженность к ним... Мусульмане не стали держать на него обиду, по крайней мере, за его благосклонность к христианам, так как в период его правления, которое не было долгим, они получили немало мест на государственной службе»****

Против Байду выступил принц Газан, сын Аргуна и вице-правитель Хорасана, который стремился к отцовскому трону. Газана под-

* D'Ohsson, IV, 101-106. Бартольд, Гайхату, Энци. Исл. II, 135.-Гайхату осведомился у ченьсяня Болода, посланника Хубилая к персидскому двору. ** Chabot, Rev.Or.lat., 1894, 127-128. *** Ibid., 133. **** Bar Hebraeus, Chronicon syriacum, 609. Cf. d'Ohsson, IV, 141.

держивал эмир Науруз, о котором мы говорили выше, который с 1294 г. помирился с ним и ходил у него в заместителях. Науруз, который был рьяным мусульманином, убедил Газана отречься от буддизма в пользу ислама для того, чтобы в борьбе против Байду найти опору в лице персидской стороны. Эта политика была вполне естественной, потому что, как нам известно, Байду опирался на представителя христианства.*

Байду стал, впрочем, жертвой своего благодушия. Во время встречи с Газаном, его приближенные оказывали на него давление, чтобы он не вступал в дружеские отношения с последним, и, отдавая дань прежним привязанностям, он отказался. Его врагов не мучили никакие угрызения совести. Благодаря интригам Науруза, он постепенно удалился от своих и был побежден без боя. Он пытался убежать из Азербайджана в Грузию, но был взят в плен у Нахичеваня и казнен (5 октября 1295 г.).

Правление Газана

Наконец-то Газан взошел на трон, которого так жаждал после смерти своего отца — Аргуна. Несмотря на принятие исламской веры, он был истинным монголом. Его описывают нам низкорослым, безобразным на лицо, в связи с чем он пользовался неприязнью в армии, как об этом свидетельствует монах Хэйтон, и был полон железной энергии, был хитрым, терпеливым, умеющим скрывать свои эмоции, о чем свидетельствует его отношение к Наурузу. Он отличался непримиримостью к своим врагам, ни во что не ценил человеческую жизнь, когда речь шла об осуществлении своей политики, но был благоразумным руководителем и в связи с этим обладал гуманными чертами. В конце концов, он был неплохим военачальником и храбрым воином (об этом свидетельствует битва при Хомсе, которую он выиграл, можно сказать, в одиночку, когда его приближенные намеревались покинуть поле боя), короче, он напоминал издали с учетом прошедших эпох своего предка Чингиз-хана. В остальном он был умным и образованным: «монгольский язык, — как пишет Рашид ад-Дин, — был его родным языком, но он немного владел арабским, персидским, индийским, тибетским, китайским и франкским языками. Он превосходно разбирался в истории монголов, которой он уделял, как и представители его национальности, самое большое внимание. Газан знал наизусть, лучше чем кто-нибудь из монголов, за исключением Болота Аги, генеалогию своих предков и всех монгольских предводителей и полководцев.**

* D'Ohsson, IV, 132.

** Rachid ed-Din, dans d'Ohsson, IV, 359-360.

«Никогда еще Чингизханид так четко не отдавал себе отчет о принадлежности к своей расе, как этот монарх, который в результате создавшихся обстоятельств приступал, сам того не позревая, к денационализации своего народа, увлекая его на путь исламизма».

В начале своего правления, Газан, в самом деле, несмотря на то, что был сильной личностью, был вынужден осуществлять не свою собственную политику, а политику своих сторонников. Взойдя на трон, благодаря поддержке эмира Науруза и мусульманской части сторонников, он должен был выполнить то, что они задумали. Монгольское государство Персии официально приняло исламскую веру. Монголы стали носить тюрбан, внешний признак принятия мусульманства. Бурная реакция мусульман, вдохновленная Наурузом, явилась противоположностью политики Хулагу, Абаки и Аргуна. Как только Газан вошел в Таурис, то он, оказавшийся заложником своих сторонников, приказал разрушить христианские церкви, иудейские синагоги, маз-деитские святилища и буддистские пагоды. Буддийские идолы и христианские иконы, расколотые и разломанные, связанные воедино, были выставлены напоказ на улицах Тауриса. Буддистские бонзы получили предписание перейти на сторону ислама. Аргун, отец Газана, уничтожил свое изображение на стенах пагоды. Газан сам лично отдал распоряжение уничтожить рисунки.*

Христиане и иудеи не могли появляться в общественных местах без отличительных признаков одежды. Науруз, превышая полномочия, данные ему монархом, доходил до того, что умертвлял бонз и христианских священников. Фактически многих буддистов заставляли отречься от своей веры. Достопочтенный несторианский патриарх Мар Йахбаллах III, несмотря на свой преклонный возраст и «монгольское» происхождение, был задержан в своей резиденции в Мараге, посажен в тюрьму, подвешен головой вниз, осыпан ударами, в то время как мусульманское население опустошило несторианское святилище Мар Шалиты. Мар Йахбаллах, которого Науруз хотел подвергнуть казни, был спасен благодаря вмешательству царя Армении (Цилиции) — Хэ-гума II, который, будучи проездом в Таурисе, попросил Газана пощадить старого человека. Монгольская знать, несмотря на жесткую форму преследования инакомыслящих, не осмелилась пойти наперекор верному армянскому вассалу, который обеспечивал защиту империи на границе с мамелюкским султанатом. Газан полностью принял исламскую веру, безусловно понимая, что было необходимо принять новую

* Rachid ed-Din dans d'Ohsson, IV, 281-282.

веру династии, чтобы править в мусульманской стране,* но он ни в коей мере не разделял религиозную ненависть своего министра Науруза. Он был истинным монголом, чтобы не совершать такого. Как только он стал свободным в своих действиях, он восстановил Мар Йахбаллаха в его прежних почетных обязанностях, в благородных званиях, монгольские корни которого давали ему право на уважительное отношение к нему (март— июль 1296). Однако на следующий год, разъяренные мусульмане подняли в Мараге новый бунт и опустошили в этом городе резиденцию патриарха и несторианский собор (март 1297). В то же время курдские горцы, подогреваемые сподручными Науруза, осадили цитадель в Арбеле, месте, где скрывались несторианцы.**

Однако Газан, обладавший сильным характером, ревностно относившийся к своему авторитету, в скором времени пришел к выводу, что диктатура Науруза превысила разумные пределы. Тот же думал, что ему все было дозволено. Сын монгола, который был почти абсолютным вице-правителем Восточной Персии, женатый на принцессе, дочери хана Абаки, он себя считал неприкосновенным с тех пор, как помог Газану овладеть тронem. В знак возмещения за оказанные услуги, Газан предоставил ему огромнейшие полномочия от своего имени на всей территории государства. Наступило время, когда чванство и наглость эмира перешли все рамки дозволенного. Неожиданно рука монарха покарала его. В марте 1297 г. Газан внезапно арестовал всех приближенных Науруза, которые находились при дворе и тотчас же велел их казнить. Науруз же, который находился во главе армии Хорасана, подвергся атаке лояльных Газану войск и был разгромлен около Нишапура. Науруз скрылся в Герате у мелика этого города — керта Факр ад-Дина, сына и преемника Рох ад-Дина, на содействие которого он рассчитывал. Но политика кортов заключалась в том, чтобы не вмешиваться в межусобные войны, выжидая терпеливо, кто же из соперников окажется победителем. Позволял ли себе ловкий и хитрый афганский клан столкнуться с Чингизханидской династией из-за какого-то потерявшего власть министра? Так как правительственная армия осадила Герат, чтобы задержать лично Науруза, Факр ад-Дин цинично выдал беглеца, которого тотчас же казнили (13 августа 1297 г.).***

* Рашид ад-Дина, которого нельзя уличить в фанатизме, берет на себя право говорить о религиозной искренности Газана, который, якобы, еще до своего прихода к власти, намеревался порвать с культом буддистских «идолов» в пользу магометанства (у Д'Охссона, IV, 148).

** *Vie de Mar Yahballaha*, trad. Chabot, *Revue de l'Orient latin*, 1894, 134-142, 239-250.

*** D'Ohsson, IV, 174-190 (согласно Рашид ад-Дину и Мирхонду).

Освободившись от опеки Науруза, Газан в полной мере проявил себя. Как мы знаем, оставаясь настоящим монголом, несмотря на свою приверженность к исламу, он показал себя энергичным правителем, одновременно трезвомыслящим и строгим. Он восстановил авторитет центральной власти без всякой жалости подвергая казням, порой по малейшему подозрению, родовых принцев, эмиров или чиновников, которые могли стать помехой в решении его приказов. «Как монарх и законодатель, — пишет Бартольд, — он развернул грандиозную деятельность, полностью раскрепощенный от узкого понимания этикета. Он сосредоточил свое внимание на финансовом положении страны, особенно что касается использования денежных знаков. На его монетах были надписи на трех языках (арабском, монгольском и тибетском). На них изображение Газана, как это было у его предшественников, не являлось представлением Великого хана Пекина, а это было изображение монарха, ниспосланного божественной милостью: тангриюнкучундур (слово в слово: добродетель Неба)».*

Однако, несмотря на это утверждение полностью монархического содержания, послы Газана в Китае продолжали отдавать почести Великому хану Темюру, как предводителю Чингизханидской династии и, в частности, клану Тогуя.

Если Газан был непримиримым в отношении заговоров и казнокрадства высокопоставленных лиц, то его администрация с бдительностью «защищала сельское население от притеснения и вымогательства». Однажды он сказал своим чиновникам: «Вы хотите от меня, чтобы я разрешил вам обирать таджиков (персидских крестьян). Но что вы будете делать, если вы лишите их скота, а земледельцев — семян для посева? Если вы явитесь ко мне после этого и скажете, что у вас нечего есть, я вас подвергну жестокому наказанию!**»

После стольких разрушений и опустошительных набегов большая часть возделываемой земли в Хорасане и Аджемистском Ираке оставалась под паром. Господство кочевников принесло гибель земле. «Земли, — как отмечает Рашид ад-Дин, — были в большей своей части невозделанными. Кому бы они не принадлежали, общинам или частным лицам, никто не осмеливался обрабатывать их из-за боязни потерять их, вложив для возделывания культуры очень много усилий и средств». Газан приступил к «пересмотру земельной политики». «Он почувствовав, продолжает Рашид ад-Дин, необходимость оказания содействия этому виду деятельности и специальным указом обеспечивал земледельцам пользоваться плодами их труда на приемлемых условиях. Зем-

* Бартольд, Газан, Энци. Исл., И, 158. **

Rachid ed-Din, dans d'Ohsson, IV, 367

ли общин, оставшиеся невозделанными в течение ряда лет, должны были передаваться тем, кто хотел бы их возделывать с освобождением от налогообложения в первый год работы на земле. Что касается земель, передаваемых по наследству, было предписано тем же указом, что землями, заброшенными в течение нескольких лет, могут воспользоваться новые земледельцы без согласия бывших собственников».* Контроль, осуществляемый над должностными злоупотреблениями высокопоставленных лиц позволил в то же время увеличить поступления в казну государства от 1 700 до 2 100 томанов.

У Газана министром был великий персидский историк Рашид ад-Диг (Фадл Аллах Рашид ад-Дин Табиб из Хамадана, родившийся к 1247 г., умерший в 1318 г., облеченный почетным званием — чандр в 1298 г.).**

Сам Газан обратился к Рашид ад-Дину написать историю монголов. Именно таким образом знаменитый ученый приступил к написанию бессмертного Джамиет —Таварих. Как мы знаем, и отметим, что Газан прекрасно знал прошлое своего народа, был одним из основных источников для Рашид ад-Дина, а вместе с ним и ченсианг Болот, посланник Великого хана Китая при персидском дворе.

При Газане в столице Таурис появились грандиозные сооружения, мечети, медресе, благотворительные учреждения и так далее. По замечанию Рашида ад-Дина «монголы, которые до того времени занимались тем, что только разрушали, приступили к созиданию». Правление Газана и в самом деле явилось периодом, когда в Персии вечные кочевники стали постепенно переходить к оседлому образу жизни. Злосчастная судьба распорядилась таким образом, что этот переход к «оседлой жизни» был отнюдь не простым. Отказываясь от всеобщей толерантности для того, чтобы принять ислам в его сек-тарном виде (я думаю о терзаниях Рашид ад-Дина), персидские монголы в скором времени начали терять свою самобытную национальную идентичность, свои присущие им качества, стали растворяться в среде и исчезать как национальность.

Ни одно из этих нежелательных последствий ни во временном отношении, ни в средствах проявления, не выявляло себя в период правления энергичного Газана. В Малой Азии, к примеру, этот монарх резко отреагировал на проявление центробежных тенденций. Внук найона Байджу по имени Суламиш стремился в этом плане заполучить независимое княжество при содействии тюркского эмира Мах-

* Rachid ed-Din, dans d Ohsson, IV, 417-418. **

Berthels, Rachid ed-Din Tabtb, Enc. Isl.,1202.

мудбека, фактического основателя династии Караманов в бывшей Лиаконии (юго-восток Каппадосы). 27 апреля 1299 г. эта попытка была в корне раздавлена правительственной армией в Акшехире неподалеку от Эрзинджана. Что касается последних сельджукских султанов Кони, назначенных или разжалованных по прихоти правителей Тау-риса, то у них было гораздо меньше власти, чем у любого монгольского префекта. Таким образом, Газан низложил султана Масуда II (1295), посадил на трон Кай-Кобада II (1297), затем освободил его от власти (1300) и восстановил Масуда II (умер в 1304 г.), который стал последним принцем этой известной династии.

Газан, который в этом плане последовал внешней политике, которую осуществляли Хулагу и Абака, совершил новое нашествие в Сирию. Он оккупировал Алеппо, за исключением цитадели (12 декабря 1299 г.), разгромил мамелюкскую армию у Хомса (22 декабря) и вошел в Дамаск (6 января 1300). Следует отметить, что царь Армении (Цилиции) — Хэтум II, верный вассал монголов, как и все принцы этого клана, предоставил ему свои войска. Но после потери нескольких франкских владений, с одной стороны, и окончательное принятие ислама в Персии, с другой стороны, эти победы монголов не имели существенного значения, так как они явились «запоздалыми». В дальнейшем Газан, тотчас же после этого замечательного успеха, вернулся в Персию (февраль 1300 г.), а мамелюкам удалось вновь овладеть Сирией.

Действительно подрывные действия чагатаидов в Восточном Иране еще раз лишили Персидское ханство маневренности. Принц Кут-лук-ходжа, сын хана Туркестана — Дувы, который присовокупил себе вотчину в Афганистане, в Газне и Горе, во время похода Газана в Сирию, совершил набег на Кирман и Фарс. Весной 1303 г. Газан отправил новую армию в Сирию, но Кутлук-шах, которого он поставил во главе войска, проиграл сражение мамелюкам в Мардж аш-Шаффаре около Дамаска (21 апреля 1303 г.). Это стало последней интервенцией монголов в Сирию.

Газану в целом удалось скоординировать полностью мусульманскую внутреннюю политику с обновленной внешней политикой, заимствованной у Хулагу, Абаки и Аргуна. Как мы это видели, Рашид ад-Дин полностью разделяет точку зрения в этом вопросе, здесь не место ставить под сомнение искренность и окончательный характер принятия исламской веры. В данном случае Газан бесповоротно порвал с буддизмом, то есть если говорить точнее, с той религией, которую исповедовала его династия, так как он обязал бонз и буддистских лам перейти в другую веру или покинуть пределы страны. И безусловно, напротив, он прекратил преследование несторианцев и

оказал дружеское расположение Мару Йахбаллаху III именно в соответствии с положениями своей внешней политики. В июне 1303 г. он нанес визит старому понтифику в монастыре, который тот построил вновь в Мараге и оказал ему знаки внимания, осыпал почестями и вручил подарки.*

Правление Олджайту

Газан умер 17 мая 1304 г. Его преемником стал младший брат Олджайту (1304-1316).**

Сын несторианской принцессы Урук-хатун и крещенный ею под именем Николай, позднее он принял ислам под влиянием одной из своих жен. На какое-то время он даже примкнул к персидскому шиизму.***

В период его правления исламизация Персидского ханства продолжалась с еще большим успехом. Несторианский патриарх Мар Йахбаллах, который считал, что он пользовался той же благосклонностью, что и при Газане, встретил со стороны Олджайту, как пишет биограф, только сдержанную вежливость. Мусульмане воспользовались этим, чтобы продолжить преследование несторианцев. Для того, чтобы воспрепятствовать переустройству церкви в Таурисе в мечеть, потребовалось вмешательство монгольского эмира Иранд-жина, принца кераитского происхождения, племянника Докуз-ха-тун и дяди Олджайту по материнской линии, которые, как и все кераиты относились по-прежнему с симпатией к христианству. Как мы знаем, у несторианцев находилось безопасное место, крепость Арбель или Эрбиль. Весной 1310 г. правитель страны предпринял попытку отобрать ее при помощи курдов. Несмотря на усилия Мара Йахбаллаха, направленные на то, чтобы избежать непоправимой ситуации, христианская община Арбеля подняла бунт. В конце концов цитадель была взята правительственными войсками вместе с горными курдами 1 июля 1310 г., а защитники крепости были полностью уничтожены. Мар Йахбаллах пережил эти страшные события и умер в Мараге 13 ноября 1317 г., полный горечи по отношению к монголам, которым он так верно служил и которые отвергли его, как и отвергли самих себя.****

*Vie de Mar Yahballaha, trad.Chabot, Rev. de l'Or.lat., 1894, 251-265.

** По монгольски Улджайту.

*** J.H.Kramers, Olcaitu Khudabanda, Enc.Isl.,1042.

**** Op.cit.,trad. Chabot, rev.Or.lat., 1894, 266-300.

Несмотря на отход от традиционных Чингизханидских симпатий по отношению к несторианцам, Олджайту в общем продолжил политику своего брата Газана. Несмотря на то, что уступая Газану, как сильная личность, он сумел сохранить основательные административные структуры, которые создал его предшественник. Мусульманские летописцы показывают его как либерального и добродетельного монарха.*

Он оставил в качестве министра великого историка Рашид ед-Дина, который был превосходным администратором и мудрым государственным деятелем, и в период его правления пользовался еще большим влиянием, чем при Газане. Рашид ед-Дину удалось склонить Олджайту к доктрине шафиитов. В то же время как и Рашид ед-Дин, Олджайту покровительствовал другому историку той эпохи — Вассафу. Олджайту наконец был инициатором большого строительства. В 1305—1306 гг. он обустроил свою столицу в Султании, на северо-западе Ад-жемистского Ирака, на том месте, на которое уже указывал его отец Аргун, и которое он сделал красивым. Он проявил интерес к наблюдательному посту в Мараге. Таким же как и он, прекрасным строителем показал себя Рашид ед-Дин, который воздвиг в 1309 г. целый квартал в Газании на востоке Тауриса.**

В вопросах внешней политики, Олджайту, несмотря на свою глубокую приверженность исламу, продолжил, подобно Газану, политику своих предков, направленную против мамелюков, объединяясь с христианской Европой. Он отправил в качестве посла к монархам Европы христианина Томаса Ильдучи. До нас дошли письма, которые он адресовал Папе Клементию V, королю Франции Филиппу Прекрасному и королю Англии Эдуарду II. В наших национальных архивах, кстати, хранится его письмо Филиппу Прекрасному, датированное маем 1305 г., в котором хан Персии выражает удовлетворение единением, которое сложилось между ним и другими представителями Чингизханидских улусов, Тамюром — Великим ханом Китая, Чапа-ром — правителем улуса Угэдэя, Дувой — предводителем Чагатайского улуса и Токтой — ханом Кипчакии. Олджайту выражает в нем стремление поддерживать хорошие отношения своих предшественников с руководителями христианского мира.***

В это же самое время между Персидским ханством и мамелюкским султанатом Египта возобновилась приграничная война. В 1304—1305 гг. мамелюки совершили разбойничьи нападения на армянское царство Цилиции, вассала монголов. Во второй раз в сражение

* Hafiz i Abrou, Chronique des rois mongols en Iran, trad. K. Bayani, 1936, p.4 **
Berthels, Rachid ed-Din, Enc. Isl., 1202. О создании Султании, см. Hafiz i Abrou, trad. Bayani, p.5-7.

*** D'Ohsson, IV, 587-597.

вступили монгольские гарнизоны Малой Азии, которые нанесли им сокрушительные удары.*

В 1313 г. Олджайту взял в осаду крепость Рахибу, пограничное укрепление мамелюков на Среднем Востоке, но наступившая жара заставила их снять осаду до того, как капитулировал город.**

В Малой Азии в 1302 г. сельджукская династия сошла на нет. Монгольские вице-правители, осевшие в Кони, взяли на себя прямое управление страной. В действительности, исчезновение удобной сельджукской «ширмы» оставило монголов в прямом соприкосновении с незначительными тюркскими эмирами, которые стремились воспользоваться отсутствием централизованной власти для того, чтобы отделиться. Возьмем, к примеру, эмиров Карамана, тюркских вождей, находившихся в гористой местности Эрменека, которые намеревались с этого периода заменить сельджуков в регионе Кони, которых в свое время в 1299 г. наказал Газан. Между 1308 и 1314 гг. эмир Карамана Махмудбек стал властителем Кони. Олджайту направил против него армию во главе с военачальником Чопаном, который вынудил того бежать и затем заставил последнего подчиниться Олджайту (1319).***

Со своей стороны, в связи с исчезновением сельджукского султаната, Османские турки, обосновавшиеся на северо-западе Фригии и Битюнии, приступили к расширению своих владений за счет Византийской империи. Основатель Османской империи — Осман I угрожал, в частности, крупному византийскому городу — Ницее. Император Византии — Андроник II, для того, чтобы противостоять ему, пошел на сближение с Олджайту, которому он предложил в жены свою сестру Марию.****

Вероятно, что в результате подобного союза монгольский воинский контингент захватил османскую провинцию Эски-шехир, но оттуда он был выбит Орханом, сыном Османа.*****

Тюрко-византийские границы на северо-западе Анатолии не представляли для монголов Персии особого интереса. Как же могли они предугадать, что небольшой османский эмират, который там возник, через один только век превратится в самую мощную мусульманскую державу мира? Они уделили особое внимание происходящему на востоке Ирана. Там они выступили против посягательств их кузенов, чагатайских ханов Трансоксианы и в то же время направляли свои усилия для недопущения реализации тайных намерений к отделению,

* D'Ohsson, IV, 532 (согласно Новари и Макризи).

** Хафизы Абру утверждает (стр.35), что осажденные сдались.

*** D'Ohsson, IV, 576, J.H.Kramers, Karamen-oghlu, Enc.Isl., 794.

**** Pachymere, II, 433-444. D'Ohsson, IV, 536.

***** J.Kramers, Othman. I, Enc. Isl., 1075.

которыми и руководствовались их собственные вассалы, афганцев, клана кертов, обосновавшихся в Герате.

В 1306 г. Олджайту направил армию под началом Данишменда Бахадура для взятия в осаду города Герата, где мелик Фахр ед-Дин, третий принц династии Кертов, вел себя как независимый монарх. Фахр ед-Дин предпочел скрыться в крепости Аман-кох, и Данишменд занял сам город Герат, но крепость, которую защищал один из воена-чальтников Фахр ед-Дина по имени Мохаммед Сам, продолжала оставаться неприступной. Мохаммеду Саму удалось завлечь туда доверчивого Данишменда и убить его (сентябрь 1306). Тогда Олджайту послал на Герат новую армию под командованием эмира Яссавула и Буд-жая, сына Данишменда. После длительной блокады и невероятных приключений город и крепость Герата сдались, как по причине голода, так и из-за гнусного вероломства и предательства (1307).*

Что касается Фахра ад-Дина, то он тем временем скончался в Аман-кохе. Но вместо того, чтобы, воспользовавшись сложившимися обстоятельствами, чтобы обессилить династию кертов, Олджайту тут же передал княжество Герата Гийат ад-Дину, брату Фахра ад-Дина (июль 1307). В какой-то момент, когда на Гийат ад-Дина пало подозрение в подготовке нового заговора, он явился с оправданием к Олджайту, ему удалось убедить того в обратном и он окончательно стал повелителем Герата (1315).**

Как известно, Олджайту в 1313 г. отобрал Восточный Афганистан у младшего из чагатаидов — Давуда-ходжи, чем спровоцировал вторжение самого чагатайского хана Эсенбуки, который, одержав победу на Мургабе, занял часть Хорасана (1315). Но, как об этом мы уже знаем, Персия быстро восстановила свою целостность благодаря отвлеченному маневру, осуществленному Великим ханом Китая, войска которого, атаковав чагатайцев с тыла, проникли до Таласа (к 1316 г.).***

Но, тем не менее, некоторое время спустя стала исходить угроза чагатайского принца в изгнании по имени Яссагур, которого Олджайту имел оплошность принять и, который стремился стать независимым (1318). К счастью для Персии Яссагур был убит его личным врагом ханом «Чагатайского ханства» Кебеком (июнь 1320).****

В ходе этой войны эмир Герата Гийат ад-Дин из кертов, который оказался осажденным в городе силами Яссагура (май 1319), успешно

* Hafiz i Abrou, trad. Bayani, 17-29.- D'Ohsson, IV, 497, 527.

** D'Ohsson, IV, 568-571. Hafiz i Abrou, 37, 43, 67.

*** D'Ohsson, IV, 562-564.

**** Hafiz i Abrou, p.86. D'Ohsson, IV, 565, 567-568, 612-629, 642-644.

оказывал сопротивление, доказывая тем самым, что он защищал дело хулагуидского лоялизма, за что правители Тауриса его горячо приветствовали. Но фактически это было делом укрепления влияния династии на княжество Герата.*

В конце жизни (он умер в 1329 г.) он практически стал независимым и рассматривался двором Тауриса основным передовым защитником северо-западных подступов.

Правление Абу Саида

Эти последние события разворачивались в период правления Абу Саида, который в двадцать лет стал преемником своего отца, умершего в Султании 16 декабря 1316 годла. Абу Саид, который правил на троне с 1317 по 1334 годы, всю свою жизнь оставался игрушкой в руках монгольских вельмож, которые руководили от его имени, вступая в раздоры между собой за обладание властью и провинциями. Великий историк Рашид ад-Дин, который в качестве министра всегда стоял на защите интересов государства, был выдан камарилье и казнен из-за тяжких ложных обвинений (18 июля 1318 г.).**

В период первой половины правления Абу Саида власть была сосредоточена в руках монгольского сановника эмира Чопана или Джубана,*** который с 1317 по 1327 год был истинным хозяином Персии, которой он правил, впрочем, с твердостью: в 1322 г. он подавил мятеж своего собственного сына Тимурташа, вице-правителя Малой Азии; в 1325 г. он возглавил победоносную кампанию против кипчакского ханства; в 1326 г. один из его сыновей — Хусейн одержал победу под Газной и отбросил в Трансокс-сиану чагатайского хана Тармаширина, который захватил Хорасан. Но в 1327 г. Абу Саид, уставший от его опеки, порвал с ним отношения.****

Чопан, который находился в Хорасане, стал во главе мятежа и был полон намерений пойти из Мешхеда на Азербайджан, но его войска ушли от него и ему не оставалось ничего, как скрыться в Герате при мелике Гийат ад-Дине. Тот же задушил его и «послал его палец» Абу Саиду (октябрь — ноябрь 1327 года).*****

* Hafiz i Abrou, p.71, 80-86. D'Ohsson, IV, 620-629.

** Hafiz i Abrou, p.56. D'Ohsson, IV, 609-612.

*** Об этимологии этого слова, Бартольд, Суран, Enc.Isl.,I, 904.

**** Касательно романтических причин разрыва, см. Хафизу Абуру, 91.

***** Hafiz i Abrou, 100-105.

Один из сыновей Чопана — Тимурташ, вице-правитель Малой Азии, сбежал в Каир к мамелюкам, которые, чтобы не портить отношения с Абу Саидом, умертвили его.*

Конец такого сильного правителя, как Чопан, наступивший после официальной казни великого министра — Рашид ад-Дина, нанес смертельный удар по персидскому ханству. Когда через несколько лет ушел с политической сцены сам Абу Саид, не нашлось никого, ни во главе армии, ни во главе правительства для того, чтобы сохранить монголо-персидское государство. Таким образом, закатилась эра улуса Хулагу.

Смерть Чопана имела еще другое последствие: предоставление тюркской Анатолии своей собственной судьбе. После исчезновения сельджукского султаната Кони со смертью султана Масуда II, монгольские вице-правители, назначенные персидским двором для осуществления руководства страной, стали стремиться вести себя, как самостоятельные принцы. Нам известно, что Тимурташ, сын Чопана, уже строил планы к отделению. Вполне вероятно, что если бы не катастрофа с династией, он смог бы после кончины Абу Саида основать в Кони или в Кайчарии монгольский султанат Анатолии, который несомненно стал бы существенным препятствием для расцвета Османской империи.**

И напротив, падение Тимурташа в 1327 г., за которой восемь лет спустя последовала смерть Абу Саида, лишила Анатолию хозяина и связала руки местным тюркским эмирам в Карамане на юго-востоке и в Османии на северо-западе. Стремительный рост Османской империи косвенно был обязан драматическим событиям монгольской монархии в Персии в эти исключительно решающие 1327—1335 годы.

Распад монгольского ханства в Персии

Смерть Абу Саида (30 ноября 1335 г.) привела к распаду монгольского ханства в Персии. Вместо того, чтобы избрать нового хана династии Хулагу, сановники избрали на это место Чингизханида из другой ветви Арпагаона или Арпакавана, потомка по линии Арик-боги, брата Мунке, Хулагу и Хубилая. В 1336 г. этот неожиданно избранный хан был побежден и убит мятежным правителем.***

* Hafiz i Abrou, 107.

** Тимурташ проявил себя как правитель Рума (Сельджукская Анатолия), благодаря своим победам, которые позволили ему дойти до берегов Средиземного моря, где еще никогда не появлялись монголы, и одержал победу над греками и оставшими турками». (D'Ohsson, IV, 686).

*** Hafiz i Abrou, p. 111-119.

Затем два феодала, вокруг которых разделилась монгольская знать, стали бороться под прикрытием марионеточных правителей. Один из них правил Малой Азией, Хасан Бузург (длинный) или Хасан Джалаир, как его называли в честь монгольского клана, выходцем из которого он был.*

Другой правитель — Хасан Кючюк (маленький), также монгол по происхождению, был внуком Чопана, избегавшего гибели от своих сородичей.**

В 1338 г. Хасан, сын Чопана, сумел отторгнуть Таурис, столицу страны у своего соперника Джалаира. Он смог создать царство на северо-западе, включая Азербайджан и Аджемистский Ирак, владения, которые после его смерти (1343) перешли к его брату Ашрафу, который занял его престол со столицей в Таурисе.***

В этот период Джалаир правил в Багдаде, где в 1340 году он объявил себя независимым правителем и откуда в 1347 году он отразил все нападения Ашрафа, сына Чопана.

В разгар этой анархии произошло иностранное вторжение. В 1355 г. Джанибек, хан Кипчакии (Южная Россия) вошел в Азербайджан и убил Ашрафа, сына Чопана, затем возвратился в Россию, не предпринимая ровно ничего, чтобы упрочить свое завоевание.**** Такой катастрофический оборот событий пошел на пользу Джалаи-рам. Джалаир Хасан Бузук также скончался (1356), его сын Увейс, который стал преемником Багдадского трона, направился на Азербайджан и после первой неудачи, все же завоевал его (1358).*****

Одновременно правитель Багдада и Тауриса, он находился у власти до самой смерти (1374) в Западной Персии и на его место пришел Хусейн Джалаир (1374—1382). Ахмед Джалаир, брат и преемник Хусейна, как мы это увидим, вступит в соперничество с Тамерланом за право обладания Таурисом и Багдадом.

В это же время в Герате и Хорасане афганское королевство кертов стало полностью независимым. Искусный правитель — Гийат ад-Дин умер в октябре 1329 г., а его два старших сына — Шемс ад-Дин II и Хафиз находились у власти всего несколько месяцев. Но Моиз ад-Дин, третий сын Гийат ад-Дина, который стал правителем, несмотря на свой юный возраст, в период своего длительного правления (1332—1370), создал из своего царства относительно мощное

* Hafiz i Abrou, 120 D'Ohsson IV, 723-742.

** Сын Тимурташа, бывший вице-правитель Анатолии, сам сын Чопана. Cf Hafiz i Abrou, 124. D'Ohsson, IV, 726-734.

*** D'Ohsson, IV, 735. Hafiz i Abrou, 127-140.

**** D'Ohsson, IV, 741-742. Hafiz i Abrou, 153-156.

***** D'Ohsson, IV, 742, 745. Hafiz i Abrou, 153.

государство, которое смело вмешалось в какой-то момент в дела Трансоксианы.*

В Западном Хорасане ничем не примечательный главарь банды, Абдер Раззак, который, в полном разгаре всеобщей анархии, захватил в 1337 г. крепость Себзавар, создал новое княжество сарбедар-цев. Его брат Ваджих ад-Дин Масуд, умертвивший его (1338), продолжил его дело, захватив тотчас же Нишапур.**

Монгольский принц по имени Тога Тимур, потомок Кассара, брата Чингиз-хана, также в условиях полной неразберихи в стране, был провозглашен ханом в 1337 г.***

Он обосновался в Бистаме на северо-западе Хорасана и правил также в Мазандеране. Он способствовал расцвету Мешхеда и нам известно, что он проводил лето неподалеку от него в Радкане, а зимовал в Гуржене, у Каспийского моря. Сарбедарцы номинально признавали его сюзеренитет. К декабрю 1353 г. они убили Тогу Тимура и таким образом стали единственными властителями всего северо-запада Хорасана, а керты владели юго-востоком. Разумеется, эти два иранских клана вели между собой ожесточенную войну, осложненную политическими мотивами: керты были афганскими суннитами, сарбедарцы — персидскими шиитами.

Третья иранская или точнее арабо-иранская династия мозафферидов владела Кирманом и Фарсом.****

Ее основатель — араб Мобарис ед-Дин Мохаммед, обосновавшийся уже в Йезде и Кирмане, стал хозяином Шираза (1353) и Ис-фагана (1356—1357). В 1358 г. он был низложен и лишен зрения своим сыном Шах Шуджой (умер в 1384 г.), который стал его преемником в Ширазе, в то время как Исфаган перешел другим мозафферидам.

Чтобы завершить эту картину, обратим внимание на то, что среди властителей той эпохи зарождались уже правители другой эпохи, скорее отдаленного будущего, как к примеру в Западной Персии, где тюркское племя было кочевым, которое по названию своего символа называлось племенем Черной Овцы, Кара Коюнлу. Члены этого племени при разделе хулагуидского ханства, находились в армянской провинции Муш и претендовали вплоть до Мо-сула, откуда Увейс Джалаир прогнал их (к 1336 г.). После смерти

* См. выше, стр.416. D'Ohsson, IV, 713-714. T.W.Haig, Kart, Enc. Isl.,11, 822. Zafer-name, trad. Petis de la Croix, I, 6.

** Cf.V.F.Bu'chner, Serbedars, Enc. Isl., 240.

*** Cf. Minorsky, Tughra Timur, Enc.Isl. 863. Hafiz-i Abrou, 122.

**** D'Ohsson, IV, 743-747. Zettersteen, Muzaffarides, Enc. Isl.,852.

Увейса (1374), предводитель Кара Коюнлу — Байрам Хваджа вновь оккупировал Мосул и Синджар. Его внук Кара Юсуф расширил владения своего клана, отобрав у джалаириров город Таурис (1387), откуда он был изгнан только Тамерланом.*

В древней Малой Азии сельджукидов, лишенных юридических прав на имущество в результате постепенного спада знатного сельджукского клана (к 1304), затем падения сюзеренного ханства Персии, две тюркских группировки враждовали из-за Кападоса. В Сиваше и Кайчарии это был клан Артена-оглу, который унаследовал с 1380 по 1399 год известный тюркский поэт Бурхан ад-Дин,** на смену которому в 1400 г. пришел другой тюркский клан под названием Белая Овца (Ак Коюнлу).***

Наконец, в Ларанде (нынешний Караман) обосновалась тоже тюркская династия эмиров Карамана, которая на каком-то отрезке времени боролась за гегемонию в Малой Азии и передачу прав сельджукских султанов османским тюркам битино-фригийских пограничных территорий.****

Далее мы узнаем о том, как Тамерлан ворвался в мир раздора и соперничества.*****

6. КИПЧАКСКОЕ ХАНСТВО

Джучи и его сыновья. Золотая

Орда, Белая Орда и улус Шейбани

Известно, что Чингиз-хан отдал своему сыну Джучи, который умер в феврале 1227 г., на шесть месяцев раньше самого Чингиз-хана, долины к западу от Иртыша, где находятся современные Семипалатинск, Акмолинск, Тургай, Уральск, Адай и собственно Хорезм (Хива). Перед смертью Чингиз-хан завещал эти владения детям Джучи, и в основном второму из них — Батью, который, после победоносных кампаний 1236-1240 гг., присоединил все бывшие кипчакские и болгарские территории, не говоря уже о сюзеренитете над русскими княжествами.*****

Только европейская часть ханства составляла необъятные владения: прежде всего продольная зона северных степей Черного

* Cf. Huart, Kara-koyun-lu, Enc. Isl., II, 785.

** Artena, Enc. Isl., I, 469. Huart, Burhan al-Din, ibid., 817.

*** Huart, Ak-koyunlu, Enc. Isl., I, 228.

**** J. Kramers, Karaman-oghlu, Enc. Isl., 11, 792.

***** См. стр. 504.

***** См выше, с. 329.

моря, бассейн реки Урал, нижнее течение Дона, Донца, Днепра и Буга, устье Днестра и нижнее течение реки Прут, степи, которые простирались до Северного Кавказа в бассейнах рек Кубани, Кумы и Терека, словом, вся древняя Скифская Европа. Что же касается страны булгар, то там к Батыю отошли земледельческие и лесные зоны, орошаемые Средней Волгой и ее притоком Камой. Геродот описывает древнюю Скифию, говоря о ней, как о "малозаселенном пространстве" с безграничными степями, как о "Европейской Монголии", о которой Рубрук говорит следующее: "Постепенно продвигаясь дальше на Восток, на нашем пути мы видели только небо и землю и иногда с правой стороны море, через каждые два льё путешествия мы обнаруживали, то тут, то там, куманские захоронения (курганы)".*

В этих безлюдных пространствах кочевали монгольские орды или скорее-тюркские войска, возглавляемые монголами, так как "завешание" Чингиз-хана, как об этом говорит Рашид ад-Дин, передало Батыю только четыре тысячи коренных монголов. Вся же оставшаяся часть армий состояла из представителей разных союзнических тюркских племен: кипчаков, булгар, огузов и т.д., что объясняет тот факт, что ханство Джучи так быстро тюркизировалось.**

Батый кочевал вдоль Волги, поднимаясь весной к бывшей стране булгар со стороны Камы, где располагался торговый город булгар, являвшийся центром чеканки монет, а в августе спускался к устью реки, где была его ставка, послужившая основанием будущей столицы, великого Сарая.***

Именно там, в нижней части Волги он принял Рубрука в своем ханском шатре: "Батый находился на высоком сиденье или троне, размерами с кровать, покрытом золотом и к которому вели три ступеньки. Рядом с ним находилась одна из его жен. Другие присутствующие расположились с правой и с левой стороны от нее. У входа в шатер стояла скамья, где стояли сосуды с кумысом (перебродившее кобылье молоко) и крупные золотые и серебрянные чаши, украшенные драгоценными камнями. Батый смотрел на нас, не отводя глаз. Лицо его было красноватого цвета, и т-д."****

* Rubrouck, chapitre XV.

** Rachid ed-Din dans Erdmann, Temudschin, 453.

*** Баргольд, Бату-хан. Энци. Исл., I, 698. Баргольд, Сарай, Энци. Исл., 163.

**** Rubrouck, chapitre XXI.

Один из братьев Батыя по имени Орда, который являлся старшим братом в семье, хотя он ничем особенным не выделялся, получил в удел территорию современного Казахстана.*

Его владения включали на юге левый берег Сырдарьи, примерно начиная от города Сыгнака у гор Каратау, до дельты реки, впадающей в Аральское озеро, а также, наверняка, полосу суши левого берега до дельты Амударьи. то есть всей восточной стороны озера; на севере-бассейн Сарысу и массив Улугтага (Улытау), разделяющий это место от Тургая. Последний преемник Орды-Токтамыш взял в свое подчинение в 1376 г. города Сыгнак и Отрар, находившиеся на стыке оседлым миром.**

Ханство Батыя известно в истории как кипчакское ханство и ханство Золотой Орды (Алтан-ордо, Алтун-орду), а ханство Орды под именем Белой Орды (Чаган-ордо, Ак-Орду).

Другой брат Батыя-Шейбан, проявивший себя в 1241 году во время похода на Венгрию, получил во владение земли к северу от территории Орды, то есть вотчину на востоке и юго-востоке Южного Урала, в частности, в этом направлении, значительную часть нынешней провинции Актюбинска и Тургая. Вероятно, что в летнее время эта орда кочевала между Уральскими горами, рекой Илек (приток реки Урал на юге Оренбурга) и рекой Ирғизом; зимой он перекочевывал в направлении юга, ближе к улусу Орды. Шейбаниды в дальнейшем расширили свои владения, включая Западную Сибирь.***

Батый и Берке

Говоря об основной орде, мы видели, что Батый, правление которого длилось с 1227 по 1255 г., оказал существенное влияние на общую монгольскую политику, и он являлся главным действующим

* Cf. Rachid ed-Din dans d'Ohsson, II, 335-336.

** См. ниже, стр. 484 и Zafer-name, trad Petit de la Croix, p.278.

*** Как мы это увидим, шейбаниды подчинили к 1480 г. сибирское ханство Тюмени или Сибири, которое оставалось в их владении до русского завоевания 1598 г. (см. с. 567). Мы узнаем также, каким образом в период, когда предводитель Белой Орды — хан Токтамыш, в 1380 г. завоевал Золотую Орду и большая часть Белой Орды двинулась вместе с ним в Европу, и каким образом, бывшая вотчина Орды на севере нижнего течения Сырдарьи была лишена своих жителей и постепенно была вновь занята Ордой Шейбанидов. Шейбанид Абулхайр, который пришел к власти в 1428 г. в районе Туры в Западной Сибири, стал властвовать от Волги до Урала, с центром в Сыгнаке на Сырдарье. Его внук — известный Мохаммед Шейбани основал в 1500 г. в Бухаре и Самарканде узбекскую империю, о которой мы поговорим далее (с.559-564).

лицом (несомненно, с согласия его брата Орды) старшей ветви Чингизханидов.* Однако следует заметить, что он никогда не претендовал на высшее главенство в ханстве. Даже в самом начале он с уважением отнесся к решениям своего предка, оставившего в наследство империю династии Угэдэя. Подобная воздержанность на самом деле объясняется фактами, вызывающими сомнения в родовой принадлежности Джучи. Ходили слухи, что Бертэ, жена Чингиз-хана, мать четырех имперских принцев была украдена одним из татарских военачальников, и, может быть, тогда и был зачат Джучи? Видимо, в данном случае этот вопрос умышленно скрывался.**

Впрочем, наблюдалось прохладное отношение Чингиз-хана к своему старшему сыну, странное поведение Джучи после осады Ургенча, когда он провел последние пять лет своей жизни в своих вотчинах в Тургае, Эмбе и Урале, не принимая участия в походах Чингиз-хана; в конце концов разногласия между отцом и сыном стали известны всем.***

Подобного рода факты с самого начала предопределили джучидам весьма скромную роль. Батый же взял реванш в 1250—1251 гг., сыграв решающую роль, как мы это видели, в низложении династии Угэдэя и прихода на трон династии Тулуя. Мы привели пример его решительного вторжения в Алакмаке в 1250 г., показали как в 1251 г. он послал своего брата Берке в Монголию для того, чтобы поставить правителем Монгка, сына Тулуя, которому он был обязан, в ущерб династии Угэдэя.****

Монгка, впрочем, стал должником Батыя. Он заявил Рубруку в 1254 г., что его могущество и могущество Батыя распространилось по всей земле, подобно лучам солнца, что вызвало мысль о некоторого рода кондоминиуме или неразделимой империи. Рубрук, кстати, отмечает, что на территории, где правил Монгка, посланникам Батыя оказывалось больше почтения, чем посланникам Монгка у Батыя.*****

Впрочем, как об этом говорит Бартольд, между 1251-1255 годами монгольский мир практически был поделен между Великим ханом Монгкой и "старейшиной" Батыем, границы владений которых проходили через степи между Чу и Таласом.*****

* Плано Карпини удачно отметил, что Орда был, однако, дуайеном старшей ветви чингизханидов «орду — самый старший предводитель и князь Тартаров» (Ch.V).

** См. выше, с. 256.

*** См. выше, с.308-309.

**** См. стр. 339-340.

***** Rubrouk, chapitres XXV et XLVI.

***** Бартольд, Бату-хан, Энци. Исл., I, 699.

Батый пользовался среди других членов Чингизханидской династии положением верховного арбитра, и вершителем власти. Что касается самого Батыя, то отношение к нему было неоднозначным. Монголы звали его Саинханом, "хорошим монархом", и воздавали ему хвалу за его добродушие и щедрость. Что же касается характеристики, данной ему христианским миром, то он предстает нам как виновник неслыханных злодеяний в период военных кампаний 1237—1241 гг. в России, Польше и Венгрии. Плано Карпини сумировал эти несоответствия, характеризуя его как "мягкого, приветливого и благожелательного по отношению к своим, но невероятно жестокого в военных кампаниях".*

Этот "Европейский поход" 1237-1241 годов в славянскую Русь, Польшу, Силезию, Моравию, Венгрию и Румынию, в котором приняли участие представители всех Чингизханидских родовых ветвей, был проведен собственно в пользу Батыя. Он был его предводителем, по крайней мере на официальном уровне (стратегическое руководство от его имени возглавлял Суботай). И только он один извлек из этого пользу. Были разгромлены не только последние кипчакские тюрки, но ему покорились русские княжества Рязани, Суздали, Твери, Киева и Галиции. В течение более чем двух столетий они оставались вассалами Золотой Орды. Эта вассальная зависимость была настолько сильной до конца XV в., что хан назначал и расправлялся по своему усмотрению с русскими князьями, которые были обязаны являться к нему с "челобитием" в его резиденцию на нижней Волге. Подобная политика униженной зависимости была начата Великим князем Владимиром Ярославлем, который в 1243 г. преклонил колени перед Батыем и был признан им "старейшиной русских князей".**

В 1250 г. князь Данила Галицийский (принявший княжеский титул в 1255 г.), также подчинился ему и попросил его освящения. Великий князь Александр Невский (1252—1263), сын и наследник Ярослава, извлек двойную выгоду от жесткого монгольского протектората для того, чтобы по меньшей мере противостоять врагам Руси со стороны прибалтов. Такого рода зависимость была единственным средством, позволившими Руси пережить эти ужасные

* Plan Carpin, chapitre III.

** Подобное подчинение монгольскому сюзеренитету не обошлось без опасностей, даже для русских князей, которые пользовались покровительством. Плано Карпини (гл. XIII) сообщает нам, что Ярослав отправился с визитом вежливости в Монголию (он присутствовал при выборах Великого хана Гуйюка в 1246 г.) и мать — императрица Торагана угощала русского князя «собственноручно», после чего, вернувшись к себе домой, он заболел и скончался неделю спустя. Его тело было покрыто подозрительными пятнами.

времена. Московия оставалась поработанной до своего освобождения Иваном III в конце XV в.

История кипчакского ханства разительно отличается от истории других Чингизханидских ханств. После одержанных побед в других странах, завоеванных монголами, последние более или менее приспособивались к среде и плохо или хорошо, уживались с побежденными. И в то время как в Китае же Хубилай и его потомки становились китайцами, а потомки Хулагу в лице Газана, Олжайты и Абу-Саида стали в Иране персидскими султанами, их собратья-ханы Южной России не были ассимилированы славяно-византийской цивилизацией, не стали русскими. Как об этом свидетельствует географический словарь, они остались "кипчакскими ханами", т. е. представителями тюркской орды, которая носила это название, и были простыми продолжателями этих "куманских" тюрков или половцев без прошлого, не оставивших память о себе и в конце концов пребывание которых в русских степях выглядит для истории так, словно их там и вовсе не было. Не внесло никаких изменений в эту ситуацию и принятие ислама кипчакскими монгольскими ханами, которое было поверхностным с культурной точки зрения и разобщающим с европейской точки зрения. И напротив, исламизация, которая в действительности не приобщала их к древней цивилизации Ирана и Египта, завершила их отделение от западного мира, что привело к тому, что они, как это случилось позже с Османской империей, стали чужеродными на европейской земле, которые не могли не ассимилироваться, ни быть ассимилированными.*

В течение всего периода существования Золотой Орды, Азия начиналась с южных окраин Киева. Плано Карпини и Рубрук удачно выразили впечатление, которое было у людей, пришедших с Запада, прибывших в ханство Батая, которое выражалось в том, что это был совершенно другой мир.** Конечно, у хазарских тюрков X века было больше "западного", чем у наследников Джучи.***

Тем не менее следует сказать, что судьба могла повернуться иначе. Что бы не говорил об этом Рубрук, который имел неприятные впечатле-

* Нет необходимости, чтобы я говорил здесь об Османской империи, а не о кемалистской Турции, что совершенно неоднозначно.

** Cf. R.P. Batton, Wilhelm von Rubruk, p. 37-45, 62 etc.

*** Это не значит, что нельзя найти в исламском и русском и так далее вкладах, элементы «цивилизации» Золотой Орды. См. в связи с этим Balodis, *Neuere Forschungen über die Kultur der Goldenen Horde*, dans *Zeitschr. f. Slavische Philologie*, IV, 1927. Недостаточно придти к общему мнению о значимости данной культуры.

ния от невежества и пьянства несторианского духовенства, и не очень глубоко вник в политическую миссию несторианской церкви в монгольской империи, христианство прижилось даже в доме самого Батыя.*

Сартак, сын Батыя, стал несторианцем вопреки утверждениям францисканского путешественника.**

По данному поводу к тому же выводу пришли армянские (Киракос), сирийские (Бар Эбрауэс) и мусульманские (Джужджани и Джувейни) источники.***

И лишь ряд трагических обстоятельств не позволил несторианскому монарху занять отцовский трон. Когда Батый в возрасте сорока восьми лет скончался в 1255 г. в своей ставке на нижней Волге, Сартак находился в Монголии, куда он направился, чтобы оказать почести другу своего отца-Великому хану Монгка. Монгка вручил ему кипчакское ханство, но Сартак умер или по пути обратно в ставку или после возвращения к себе на Волгу. Монгка тогда назначил кипчакским ханом молодого принца Улакчи, которого Джувейни представляет сыном, а Рашид ад-Дин считает братом Сартака. Регентство было передано Боракчин, вдове Батыя. Но Улакчи скончался в 1257 г. и ханом кипчаков стал Берке, брат Батыя.****

Правление Берке (примерно между 1257—1266 годами) окончательно определило дальнейшее развитие кипчакского ханства.*****

Что бы не предполагал Рубрук, если бы Сартак был жив, можно сказать, что христианство пользовалось бы благосклонностью монарха. Берке же, наоборот, склонялся больше к исламу. Не из-за того что монголы отказались от религиозной терпимости, привычной для всей Чингизханидской династии. Несторианство было одной из религий, существовавшей в империи и было бы оплошностью тут же запретить его. Но в конце концов и особенно во внешней политике, симпатии правителя оказались скорее на мусульманской стороне. С учетом доводов Бартольда и назревших тенденций в ту эпоху, следует признать по этому поводу, что это было начало принятия ислама кипчакским ханством.*****

* Rubrouck. Chapitre XIX.

** Что касается имени Сартак («Сарт, Сарта-ул) см. Pelliot, *Les Mongols et la Paraute*, *Revue de l'Orient Chretien*, 1931-1932, p.78 (217).

*** В частности, Kirakos, J.A., 1858, 1, 459.

**** Бартольд, Берке, 725-726. Qjouweyni, ap. D Ohsson, II, 336.

***** Влияние Берке было настолько сильным, что страна кипчаков (дословно, Дешт-и Кипчак или «кипчакская степь») обозначалась до XV в. под именем страны Берке, Дешт-Берке. См. например, Ибн Арабшаха (*Vie de Tamerlan*, trad. Sanders, 1936, p.73).

***** Ибн-Арабшах, там же, 77-78.

Берке, как мы это видели, был замешан во всех междоусобных войнах между Чингизханидами. Нам известно, что он был на стороне Арикобги против Хубилая, не оказывая, между прочим, эффективной помощи.*

Он воевал затем, но безуспешно, против чагатайского хана Туркестана-Альгу, который между 1262 и 1265 гг. отобрал у него Хорезм, страну, которая до тех пор рассматривалась как принадлежащая кипчакскому ханству и, которая, с тех пор стала частью чагатайского ханства. Некоторое время спустя (до 1266 г.) Альгу отнял даже у Берке Орды, брата Берке, местность Отрара, промежуточный караванный этап на северном берегу среднего течения Сырдарьи, разрушил этот город, который связывал степи Западного Чу с чагатайским ханством, тем самым нанеся ущерб потомкам Джучи. Берке, об этом мы будем еще говорить, ничего не смог предпринять против этого врага, так как его основные военные силы находились на Кавказе.**

Если симпатии Берке к исламу, как об этом пишут арабо-персидские историки, не явились причиной разрыва с персидским ханом Хулагу, по крайней мере они явились дипломатическим поводом в этой конъюнктурной обстановке. Персидские историки отмечают, что кипчакский хан в самом деле ставил Хулагу в упрек, что тот без согласования с другими Чингизханидскими сановниками устроил массовую бойню в Багдаде и предал казни халифа.***

Практически династия Джучи рассматривала утверждение Хулагу в Азербайджане как незаконный захват и посягательство на права других.****

Что же касается своих кузенов, персидских монголов, он не колеблясь заключил союз с личными врагами Чингизханидов, с ярыми сторонниками мусульманского сопротивления, с мамелюками Египта, которыми руководил султан Бейбарс. Начиная с 1,261 года, две стороны обменялись посольскими делегациями, представители Бейбарса прибыли в Солодажу (Судак) в Крыму, а посланники Берке прибыли в Александрию. В 1263 г. между двумя монархами было заключено четкое соглашение, направленное против персидского ханства.*****

Бейбарс извлек из этого двойную выгоду. Отныне у него появилась возможность набирать в свои войска кипчакских тюрков из

* См. выше, стр. 352. ** См.

выше, стр. 404 и 440.

*** Rachid ed-Din. Trad. Quatremere, p. 393. Grousset, Histoire des Croisades, III, 612.

**** Waccaf, dans d'Ohsson, III, 379.

***** Rachid ed-Din, trad. Quatremere, p.399. Maqrizi, p.211. D'Ohsson, III, 380-381.

Золотой Орды, пополнять армию новыми мамелюками (он сам, как известно, был из тюрков-кипчаков). Благодаря самой удачной дипломатической победе, Бейбарс помог Чингизханидам нейтрализовать одних другими. Ему удалось, опираясь на поддержку династии Джу-чи, благодаря диверсиям, проведенным Берку на Кавказе, окончательно остановить продвижение Хулагу в сторону Сирии. Испытывая угрозу наступления на Дербент, персидские ханы не могли больше, со стороны Алеппо, взять реванш от поражения Эн Джалуда. Хулагу, как мы об этом говорили выше, очень ясно осознал ущерб, который нанес ему Берке. В ноябре-декабре 1262 г., как мы это знаем, он перешел дербентский пролив, являвшийся разделительной полосой между двумя ханствами, дошел до Терека, но некоторое время спустя, у реки, на него неожиданно напали его враги и он был отброшен в сторону Азербайджана вражеской армией под командованием Ногая, младшего племянника Берке.*

Множество всадников армии Хулагу утонули при переходе Терека по льду, который треснул под копытами лошадей. Таковыми были печальные последствия раздоров между Чингизханидами: Хулагу казнил всех торговцев кипчакского происхождения, которые были в Персии. Берке расправился таким же образом с персидскими негоциантами, которые торговали с кипчаками.**

В 1266 г. Ногай переправился, в свою очередь, через Дербентский пролив, пересек Куру и стал непосредственно угрожать Азербайджану, центру персидского ханства. Но он потерпел поражение в Аксу от Абаки, преемника Хулагу в качестве хана Персии. Ногай был ранен в глаз, а его армия в беспорядке отступила к Ширвану. Берке явился лично, возглавив военное подкрепление. Он поднялся вдоль северного берега Куры, чтобы перейти реку и пойти в направлении Тифлиса, но умер в этом же 1266 г.

Что касается христианской Европы, то русский князь Даниил Галицкий восстал против монгольского покровительства (1257). Он рискнул даже атаковать границы ханства, но быстро был возвращен в подчинение без личного вмешательства Берке и по приказу хана снес большинство крепостей, которые он возвел. С другой стороны, хроника Кромеруса, относящаяся к 1259 г., свидетельствует о новом кавалерийском продвижении монголов на Запад. После вторжения в Литву, они вырезали всех жителей, которые не

* См. выше, стр. 440.

** Waccaf, dans D'Ohsson, III, 381.

успели укрыться в лесах или болотах, затем монголы вошли в Польшу со вспомогательными отрядами русских, которых они вынудили следовать за ними. "После того, как они сожгли во второй раз Сандомиры, они взяли в осаду цитадель, за которой укрылись жители. Комендант крепости Пьер де Крэмпа отказался сдаваться. Монголы отправили к нему брата и сына Даниила Галицийского, который убедил последнего сдаться на очень благоприятных условиях. Монголы, тотчас же, как обычно, совершая клятвопреступление, уничтожили всех несчастных защитников. Оттуда они двинулись на Краков, который сожгли дотла. Король Болеслав Целомудренный укрылся в Венгрии. Монголы опустошили страну вплоть до Бытома в районе Оппельна и вернулись в Кипчакию спустя три месяца, нагруженные богатой добычей".

В период правления Берке монголы Кипчакии участвовали в решении балканских проблем. В частности, по просьбе Константина Теша, царя болгар, они вступили в борьбу против византийского императора Михаила Палеолога. Монгольский принц Ногай, младший племянник Берке, пересек Дунай с 20 000 всадниками. Михаил Палеолог двинулся к ним навстречу, но по мнению Жоржа Ра-химера, греки по прибытию к болгарской границе, были охвачены паникой при виде монголов. Они бросились врассыпную и были почти все уничтожены (весна 1265 г.). Михаил Палеолог добрался до Константинополя на гонуэзском судне, в то время как монголы опустошили Фракию.*

В течение этого похода (а по некоторым источникам, только в зимнее время 1269—1270 годов), Ногай освободил бывшего сельджукского султана Кай-Кавуса II, который жил в полу-невole в Константинополе. Кай-Кавус последовал за монголами, которые возвращались к себе домой с награбленным. Он женился на дочери хана Берке, который отдал ему во владение город Саладжу или Судак (в 1265—1266 годах), важный центр торговли в Крыму.**

Тем не менее, Михаил Палеолог понял значимость монгольского фактора. Он отдал замуж свою внебрачную дочь Ефросинью за могущественного Ногая и выслал ему замечательные шелковые ткани, на что Чингизханид, впрочем, заявил, что он предпочитает бараньи шкуры.***

* Conrad Chapman, Michel Paleologue, p.75 (d'apres Pachymere) G.I. Bratianu, Recherches sur le commerce genoais dans la mer Noire, p. 233-234.

** G. I. Bratianu, Commerce genoais dans la mer Noire, 205.

*** Chapman, Michel Paleologue, 80. G.I. Bratianu, Recherches sur Vicina et Cetatea Alba. 39.

Но союз, который, как мы увидим, отныне был заключен между Михаилом Палеологом и кипчакским ханством, сослужил большую пользу первому. В какой-то период между ними и мамелюкским султанатом Египта возник настоящий Тройственный Союз, направленный одновременно против романских народов (Шарль Анжуйский, Венеция) и Персидского ханства.*

Мамелюкские дипломатические посланники оставили нам почти живой портрет Берке: это был настоящий монгол, с желтоватым цветом лица, с редкой бородой, с волосами, собранными в косу за ушами. На голове у него был высокий колпак, на одном ухе висела золотая круглая серьга с драгоценным камнем. Он был опоясан болгарским зеленым кожаным поясом, украшенном золотом и драгоценными камнями. На ногах у него были красные кожаные сапоги.

У первых монголов Кипчакии не было других резиденций, кроме огромных стоянок из юрт и повозок, которые в соответствии с временами года перемещались вдоль берегов Волги и вызвали впечатление у Рубрука передвигающихся городов. Берке отдал приказ или завершил создание оседлого города Сарая, строительство которого возможно было начато при Батые. Этот город, где постройки концентрировались вокруг привычной стоянки Батыея, располагался на правом берегу нижнего Поволжья, около устья реки, впадавшей в Каспийское море. Если только, как говорит Бартольд, Сарай Батыея не соответствовал нынешнему поселению Селитренное и не был отдален от Сарая, построенного Берке, который можно соотнести с сегодняшним Царицыным.**

Что бы там ни было, Сарай Берке выполнял функцию столицы кипчакского ханства с1253 г., даты ее основания, до 1395 г., когда она была разрушена Тамерланом. К тому же, по сравнению с бывшей столицей хазаров, располагавшейся по соседству,*** она быстро приобрела значительный торговый статус, как передовое месторасположение караванов, которые отправлялись в Центральную Азию и Дальний Восток через Отрар, Алмалык, Бешбалык, Хами, страну тангутов, онгутов и Пекин.****

Берке и его преемники, в частности, ханы Узбек и Джанибек, пригласили в Сарай мусульманских богословов как ханефитского, так и ша-феитского толка, которые активизировали исламизацию страны.*****

* Canard, Le traite de 1281 entre Michel Paleologue et le sultan Qalaun Byzantion, 1935, 669-680. Rene Grousset, Histoire des Croisades, III, 613, 625.

** Бартольд, Сарай, Энци. Исл.ЛБЗ.

*** См. выше, стр. 236.

**** Ibn Arabchah, trad. Sanders, 76-79. Cf. Heyd, Commerce du Levant, II, 227-229.

***** Arabchah 78

Преемником Берке стал его племянник-Мангу Тимур (по-тюрк.) или Монгка Теймюр (по-монг.), внук Батья по линии Тутукана или Тукукана.*

Мангу Тимур, который правил в Кипчакии с 1266 по 1280 гг., во время междоусобных войн Чингизханидов Центральной Азии, был на стороне угэдэйца Кайду, хана Имиля, против чагатайца Барака, хана Туркестана. Как известно, в 1269 г. он послал в Центральную Азию 50.000 человек под командованием принца Беркеджара, который помог Кайду в победе над Баракком.**

В борьбе, направленной на оказание помощи Кайду, чтобы вырвать империю у Великого хана Хубилая, Мангу Тимур, по крайней мере дипломатическим путём, привлек на свою сторону Кайду. Известно, что в 1277 году ему был передан принц Номохан, сын Хубилая, который был взят в плен в Монголии, и которого, впрочем, он в дальнейшем вернул его отцу.***

Благодаря этим событиям, кипчакское ханство утвердило свою независимость от Великого хана. Золотые монеты Золотой Орды, отчеканенные в городе Булгар, носившие до тех пор имена Великих ханов, носили теперь имена только Мангу Тимура и его преемников.

Мангу Тимур продолжал политику, выработанную Берке по отношению к мамелюкскому султанату Египта с одной стороны, и по отношению к византийской империи с другой стороны. Он составил указ, увековечивающий на земле ханства привилегии священников православной греческой церкви и неоднократно посылал архиепископа Сарая-Теогноста в качестве посла в Константинополь.****

Ногай и Токтай

Туда Мангу (1280—1287), брат и преемник Мангу Тимура, который по свидетельству Новайри, был очень набожным мусульманином, "строго соблюдавшим говенье (уразу), постоянно окруженным шейхами и факирами", представлял из себя никчемного правителя. Он был вынужден отказаться от власти и на престол был возведен Тула-бука (1287—1290), племянник двух предыдущих ханов. Истинным хозяином ханства был Ногай, представитель младшей джучидской ветви, который возглавлял военные походы против Персии в бытность Берке, в 1262 г. и в 1266 гг., а также против византийской империи в 1265 р.*****

* Бартольд, Мангу-Тимур, Энци. Исл., 261.

** См. выше, стр.404.

*** См. выше, стр. 360.

**** Cf. G.I.Bratianu, Le commerce genois dans la mer Noire, 259.

***** Cf. G.I.Bratianu, Recherches sur Vicina et Cetatea alba. 38-39.

Францисканец Ладислас, глава миссии Газарии (Крым), давая отчет генералу своей гильдии 10 апреля 1287 года о посещении его братом Моисом кипчакских правителей, говорит о Ногае в тех же тонах, что и о Тула-буке и называет его соимператором.*

Кажется, что в то время как собственное владение Туды-Мангу, затем Тула-буки располагалось в пределах Сарая, в нижнем Поволжье, владения Ногая находились в районе Дона и Донца.**

Из летописи францисканцев следует, что Ногай не был настроен враждебно к христианству: одна из его жен Алака, которую францисканцы звали Джайлакой и Пакимерой, явилась к францисканцам, чтобы пройти обряд крещения в Киркьере или Чуфуткале. Мусульмане сняли колокол с католической часовни Солхата или Со-лгата в Крыму, и монгольский сановник прибыл для наказания виновных и т.д.

Ногай проявил себя по отношению к византийцам, как достаточно верный союзник. В 1280 г. он помог им свергнуть короля болгар Ивайло или Лаханаса, на место которого после многочисленных событий был вознесен на трон Тырново, с их позволения, боярин "куманского" происхождения, то есть тюрк-кипчак по имени ЖоржТертерий.***

В период правления Тертерия (1280-1292), как об этом говорили П. Ников и Ж. Каген, Болгария перешла под действительный протекторат монголов, тесно связанных с самим Ногаем. Сын Тертерия-Святослав был взят в заложники при дворе Ногая, а его сестра вышла замуж за Чаку или Джеку, сына грозного монгольского предводителя.****

Могущество Ногая вызвало недовольство у молодого хана Тулабуки, который собрал армию, чтобы свергнуть последнего; но старый вояка сумел усыпить бдительность Тулабуки и пригласил его на дружескую встречу, которая оказалась настоящей западней. В самом разгаре переговоров молодой правитель был окружен воинами Ногая, сброшен с седла и связан по рукам и ногам. Ногай выдал его сыну Мангу Тимура по имени Токтай, Токта или Токтоа, кото-

* R.P. Golubovitch, Bibliotheca Bio-bibliografica dell Oriente francescano, II, 444. Eloge de Nogai dans Marco Polo, ed. Moule-Pelliot, 488.

** Hypotheses diverses chez Cheshire. The great Tartar invasion of Europe, dans Slavonic Reviv, V.1926, 101 et chez Bruce Boswell, The Kipchak Turks, ibid.,VI, 1927, 82.

*** Chapman, Michel Paleologue, 136-137. G.I. Bratianu, Commerce genois dans la mer Noire, 234.

**** G. Cahen, Les Mongols dans les Balkans, Rev. Hist. 1924, 55.-G.I.Bratianu, Recherches sur Vicina, 109. О Ногае существует монография Веселовского в Архивах Академии наук СССР. XIII, 1922 (на рус. яз.). Отметим, что дочь Ногая вышла замуж за русского князя Федора Рязанского.

рый был личным врагом несчастного принца и который предал его смерти. После этих событий Ногай посадил на трон этого же Токтая, будучи уверенным в том, что прежде всего новый хан станет послушной игрушкой в его руках (1290). Но Токтай также не смог долго терпеть попечительство вершителя судеб. Он атаковал Ногая и при первой же битве у Дона в 1297 г. был полностью разгромлен. Ногай уже на склоне лет допустил ошибку, не пойдя на Сарай, куда ушел его противник.*

В 1299 г. во второй битве, развернувшейся у Днепра, он проиграл Токтаю, оставшись наедине. "Его сыновья и войска спешно отступили на исходе дня. правитель был уже достаточно стар, его густые брови застилали ему глаза. Его подобрал русский солдат из армии Токтая, который намеревался покончить с ним. Ногай признался, что он хан и попросил солдата отвести его к Токтаю, но русский воин отрубил ему голову, отнеся ее потом хану. Токтай был удручен смертью старого правителя и в наказание казнил убийцу".**

Сыновья Ногая попытались унаследовать его власть, но из-за междоусобиц Токтаю удалось разгромить их. Один из сыновей Ногая-Чака, за которым Токтай устроил погоню, по свидетельству Новайри, укрылся вначале у башкиров, затем у азесов (аланов), и далее в Болгарии, где правил его зять Святослав, который опасаясь репрессий со стороны хана Токтая, казнил Чаку в Тырново (1300).***

В то время как междоусобные войны наводили смуту на Золотую Орду, Белая Орда в степях Сарысу и Тургая, по свидетельству Рашид ад-Дина, под предводительством хана Найана или вернее Баяна (1301-1309), внука основателя Орды, находилась в состоянии вражды из-за восстания его кузена и соперника Куйлека или Коблука, которого поддерживал угэдэйский хан Имиля-Кайду и чагатайский хан Трансоксианы-Дува, которые правили в Туркестане. Баян стремился заручиться поддержкой великого хана Китая Теймюра, но из-за разделявшего их расстояния не смог получить конкретной помощи. Однако, ему удалось остаться властителем родных степей.****

В течение полувека генуэзцы и крымские венецианцы установили свои фактории в Газарии (Хазарии), название, доставшееся от тюркской народности, когда-то там проживавшей. И, кажется, в 1266 г.,

* В декабре 1299 г. Ногай оказался перед Солдажей (Судак) в Крыму, когда он отправился оттуда, чтобы провести на Днепре свою последнюю битву. ** Nowari et Rachid ed-Din dans d'Ohsson, IV, 755 et 758. *** Cf. G.I. Bratianu, Recherches sur Vicina, 39-40, 72. **** Rachid ed-Din, dans d'Ohsson, IV, 515.

монгольские правители предоставили генуэзцам в Каффе участок для устройства консульства и создания складских помещений, что положило начало обустройства крупной генуэзской колонии в Крыму.*

Итальянские негодянты торговали даже в нижнем Поволжье в г. Сарае, столице кипчакских ханов, где велась торговля пушниной из северных краев. Нам известно также то, что они покупали там молодых рабов тюркского происхождения, которых они перепродавали мамелюкам Египта, поставляя им, таким образом, новых воинов. Хан Токтай, недовольный тем, что из-за подобной торговли степь лишалась лучших своих сыновей, стал враждебно относиться к итальянским торговцам. В 1307 г. он арестовал генуэзских торговцев в Сарае, затем направил армию для нападения на генуэзскую колонию в Каффе. 20 мая 1308 г. Генуэзские колонисты сами сожгли город и ушли восвояси на своих торговых судах. Ситуация оставалась напряженной до самой смерти Токтая (август 1312).**

Узбек и Джанибек

На смену Токтаю пришел его племянник — Узбек (1312-1340).*** Сведения, касающиеся его религиозных взглядов являются достаточно противоречивыми. По словам Рашид ад-Дина, в период правления Токтая, Узбек вызвал недовольство монгольских правителей своим безграничным мусульманским прозелитизмом: "Они ему говорили: Довольствуйся нашим послушанием. Какое тебе дело до нашей религии? И почему мы должны отказаться от яссака Чингиз-хана ради арабской религии?" После смерти Токтая, монгольские правители, прежде чем назначить ханом сына покойного, приняли решение устранить кандидатуру Узбека, пригласив его на празднество, где планировали убить его. Но Узбек, осведомленный о готовящейся расправе, быстро умчался и вернулся со своей армией. Он окружил место проведения празднества, и разом уничтожил заговорщиков и наследника Токтая, после чего сам взошел на трон. По просьбе мамлюкского султана Египта — Эн-Насира, после длительных проволочек он решил выдать за него замуж Чингизханид-скую принцессу, что было невиданной благосклонностью в понимании монголов и тесно сближало кипчакское ханство с официальными сторонниками ислама (1320).****

* Heyd, Commerce du Levant, II, 163. G.I.Brătianu, Commerce genois dans la mer Noire, 219. Hammer, geschichte der goldenen Horde, 254. ** Heyd, II, 170. G.I.Brătianu, Commerce genois, 282-283. ***Т¹ произносится озбер. **** D'Ohsson, IV.573-575.

Однако, магометанские устремления Узбека не помешали ему проявить себя весьма либеральным по отношению к христианству.*

В своем письменном послании от 13 июля 1338 г. Папа Иоанн XXII выражает благодарность хану за его доброжелательное отношение к католическим миссиям.**

В 1339 г. Узбек принял францисканца Жана де Мариньоли, посланника Папы Бенедикта XII, который направил ему в качестве подарка отменного боевого скакуна, прежде чем продолжить путь в Кипчакию в направлении государства Чагатай и в Пекин.***

В то же самое время Узбек заключил торговое соглашение с генуэзцами и венецианцами. Послы Генуи-Антонио Грильо и Николо ди Пагана, получили разрешение на восстановление фактории и строительство складских помещений в Каффе. С 1316 г. эта колония вновь развернула свою деятельность.****

В 1332 г. Узбек даже позволил венецианцам развернуть факторию в Тане, в устье реки Дон.*****

Что же касается русской стороны, то жители Твери уничтожили 15 августа 1327 г. монгольских эмиссаров, прибывших для взимания податей и даже казнили одного из кузенов Узбека. Хан распорядился наказать князя московского Ивана. В связи с этим, он направил пятидесятитысячную армию. Московские князья заложили основы их будущего величия, именно в качестве исполнителей воли хана.

Хан Джанибек (1340-1357), сын и преемник Узбека, начал с подтверждения своих привилегий (1342), но после стычки между итальянцами и мусульманами, вспыхнувшей в Тане в 1343 г., он изгнал венецианцев и генуэзцев из Таны, и дважды атаковал Каффу (1343, 1345).*****

Генуэзская колония, впрочем, оказала ему такое достойное сопротивление, что он был вынужден снять осаду города.*****

Тогда Генуя и Венеция заблокировали монгольские берега Черного моря на восток от Керчи. В итоге, в 1347 г. Джанибек был вынужден дать разрешение на восстановление колонии в Тане.*****

* Его сестра Кончака, между прочим, вышла замуж за Великого русского князя Георгия (1318).

** А также Узбек, по просьбе митрополита Московского — Петра, предоставил широкие полномочия Русской церкви (1313).

*** Moule, *Christians in China*, 255.

**** Heyd, *Commerce du Levant*, 11, 170. G.I. Bratianu, *Commerce genois*, 283.

***** Heyd, 11, 181-183. G.I. Bratianu, 286.

***** Heyd, II, 187etsq.

***** Эта осада спровоцировала распространение Черной чумы на Западе (1348).

***** Heyd, II, 197etsq.

Враждебное отношение к пришельцам с Запада сопровождалось новой волной исламизации. Успехи в упрочении позиций ислама, которые были весьма ощутимы, в период правления Узбека, принесли положительные результаты, также как и растущее влияние мамелюкского Египта во всех областях общественно-политической жизни. От традиционной религиозной терпимости Чингизханидов Белая Орда переходила к "всеобщему" мусульманскому фанатизму мамелюков.*

Джанибек воспользовался беспорядками, царившими в Персии после падения хулагидского ханства, для того, чтобы реализовать давнишнюю мечту династии: завоевание Азербайджана. В 1355 г. ему удалось захватить эту провинцию вместе с Таурисом, бывшей столицы персидских ханов. Он напал на местного правителя Ашрафа Чо-панского и убил его, выставив отрубленную голову над воротами самой большой мечети города. Но его сын Бердибек, которого он оставил вице-правителем в Таурисе, тотчас же вернулся в Кипчакию в связи с болезнью своего отца, и в 1358 г. кипчаки были изгнаны из Азербайджана джалаирами.**

Мамай и Тохтамыш

Правление Бердибека было недолгим (1357—1359). После него для Кипчакии наступили смутные времена, так как в борьбу за престол вступили многие джучииды. Фактически власть перешла в руки нового вершителя судеб, энергичного Мамаю или Мамака, который с 1361 по 1380 гг. был как когда-то Ногай, истинным правителем Золотой Орды.***

Однако прочной власти монголов помешали их междоусобные войны, а начиная с 1371 г. русские князья перестали оказывать знаки уважения правителям Сарая и даже не стали платить дань. Великий московский князь Дмитрий Донской оказал сопротивление монгольским войскам, пришедшим для наведения порядка (1373), и, в свою очередь, начал осуществлять военные походы в направлении Казани (1376). 11 августа 1378 г. в первый раз он одержал победу над Мамаем при Воже. 8 сентября 1380 г. он организовал второй поход на Мамаю. Битва на Куликовом поле между притоком Дона и Непрядвой стала решающей и в результате жестокого кровавого столкновения, Мамай отступил, понеся значительные потери. Несмотря на свое активное правление, Мамаю постигла неудача в борьбе про-

* Запрет звонить в колокола был принят Узбеком в 1320 г. (Heyd, II, 204). D'Ohsson, IV, 741-742.

** D'Ohsson, IV, 741-742.

*** Вначале на Доне, а затем также в Сарая. Hammer, Goldene Horde, 318-326.

на свое активное правление, Мамаю постигла неудача в борьбе против генуэзской колонии в Крыму. После безуспешной атаки, монголы были вынуждены признать владения всей "готии" между Солда-жем (Судаком) и Балаклавой (1380).*

Казалось, что с этого момента кипчакское ханство должно было развалиться перед контрнаступлением христианских стран. Но неожиданно произошли изменения в связи с появлением на арене истории другого действующего лица с Востока — Токтамыш, хана Белой Орды.

Как мы видели, степи Сарысу, начиная от Улытау на севере и нижнего течения Сырдарьи на юге, вплоть до Сыгнака (со стороны сегодняшнего Тюменарыка), достались при разделе между сыновьями Джучи — Белой Орде, первым правителем которой был Орда, старший брат Батья и Берке. Шестой по счету преемник Орды, вставший во главе Белой Орды, — хан Урус (1361 — 1377) вступил в борьбу с одним из своих сородичей по имени Токтамыш, являвшимся, по некоторым источникам, его племянником или, по сведениям Абуль Гази, дальним кузеном, потомком Тукай-Тимура, брата Орды, Батья и Берке.**

Токтамыш отправился в Самарканд, чтобы запросить помощь у правителя Трансоксианы — Тамерлана. Тот, как мы это увидим, удовлетворенный тем, что к нему обратился за содействием Чингизханид-ский отпрыск, отдал ему города Отрар, Чабран и Сыгнак, которые располагались на северном берегу среднего течения Сырдарьи, на границе Трансоксианы и Белой Орды.***

Однако, Токтамыш не был пассивным властителем этих земель. Неоднократно он сталкивался с Урусом и его тремя сыновьями: Кутлук-букой,**** Тохта-кийя, и Тимур-меликом, и каждый раз уступал им. Первый раз Кутлук-ука взял над ним верх и изгнал его, но был убит, одержав победу. Токтамыш вернулся в Трансоксиану, чтобы попросить помощи у Тамерлана, что ему позволило вернуть Чабран, впрочем, ненадолго, так как Тохта-кийя изгнал его оттуда без особых на то усилий. Тамерлан лично возглавил военные действия против степи и в начале 1377 г. нанес сокрушительное поражение Белой Орде. Постаревший хан Урус умер некоторое время спустя, ему на смену пришли два сына, вначале Тохта-кийя, а затем Тимур-мелик. В сущности, все осталось по-прежнему. Когда же Тамерлан возвратился к себе в Трансоксиану, Тимур-мелик, в том же 1377 г. вновь одержал победу

* Heyd, Commerce du Levant, II, 205.

** Бартольд, Токтамыш, Энц. Исл., 850.

*** Zafer-name, trad. Petit de la Croix, I (II, chap. XX-XXI), p. 278.

**** Или Кутлуг-буга.

над Токтамышем. В конце концов, зимой 1377-1378 гг. Токтамыш, еще раз благодаря содействию Тамерлана, взял верх над Тимур-меликом и объявил себя ханом Белой Орды.

Встав во главе этой орды, Токтамыш, который до того времени являлся тенью Тамерлана, почувствовал вкус власти. В то время в западной части реки Урал кипчакское ханство «Золотой Орды» столкнулось с бунтом своих русских вассалов. Ловко используя эти затруднения и усиливая их своим непосредственным вмешательством, Токтамыш стал претендовать на престол Кипчакии. Весной 1378 года, если следовать летоисчислению Бартольда, он отправился из Сыгнака для завоевания Руси, находившейся под игом монголов. Противостояние, о котором мало что известно, длилось несколько лет. Повелитель Золотой Орды-Мамай оказался заложником русских князей; 8 сентября 1380 г., как нам известно, он проиграл сражение на Куликовом поле великому князю Руси-Дмитрию Донскому. Некоторое время спустя Токтамыш, напав на Мамай на южном фронте, разгромил его в сражении, разыгравшемся неподалеку от Азовского моря, в регионе Мариуполя, около р. Калак или Калмиуса, где сто пятьдесят лет тому назад Суботай одержал свою знаменитую победу. Мамай скрылся в Каф-фе, в Крыму, где был предательски убит генуэзцами.

Токтамыш стал во главе Золотой Орды. Будучи уже повелителем Белой Орды, он направил свои усилия на укрепление владений своего предка-Джучи. Из столицы-Сарая, он теперь властвовал над всей степью, которая растянулась между устьем Сырдарьи и Днестра.

Токтамыш незамедлительно использовал свою власть, чтобы потребовать от русских князей тех же традиционных почестей, которые те оказывали кипчакским ханам. Последние, возгордившиеся победой на Куликовом поле, отказали ему в этом (1381). Тогда Токтамыш захватил русские княжества, и потопил их в крови. Он все сжигал дотла, опустошив Суздаль, Владимир, Юриаль, Можайск, и наконец, 13 августа 1382 г. — Москву, которую он разрушил до основания. Литовцы, попытавшиеся вмешаться в развитие событий на Руси, потерпели кровавое поражение у Полтавы. Еще на сто лет христианская Русь попала под монгольское иго.

Посредством неожиданной инициативы, Токтамышу удалось восстановить мощь Кипчакского ханства. Объединение Золотой Орды и Белой Орды, разграбление Московии, сделали его новым Батыем и новым Берке. Это возрождение приобретает особую значимость в связи с тем, что именно в это время Чингизханиды были вытеснены из Китая, уничтожены в Персии, исчезли в Туркестане. Единственный из этой блистательной династии, Токтамыш, держался уверенно. Рестав-

ратор монгольского величия, он вполне естественно полагал, что сможет возродить деяния своего предка — Чингиз-хана, и безусловно, эти мысли подтолкнули его начать вторжение в Трансоксиану и в Персию. Возможно, если бы это произошло на двадцать лет раньше, в период анархии, в которой находились эти две территории, он бы имел успех. Но, в течение последних лет, Трансоксиана и Персия превратились в собственность одного человека, который отслеживал намерения Токтамыша: Тамерлана. Война, которая разразилась между ними в 1387 г. и которая продолжалась до 1398 г., предполагала решить, сможет ли империя степей остаться во власти старой монгольской династии, или она подвергнется новому завоеванию тюрков.

7. ТАМЕРЛАН

Трансоксиана, освобожденная Тамерланом от монголов

Тимур по прозвищу Тимурлэнг (Хромоногий), имя, которое мы произносим как Тамерлан, родился в Трансоксиане 8 апреля 1336 г. в Кеше, нынешнем Шахрисабзе (Зеленый город), расположенном на юге от Самарканда. Тимуридские историки стремились показать его как потомка человека, который был близок к Чингиз-хану, т. е. искали его родственные связи с Чингизханидской династией. На самом деле Тамерлан был тюрком, а вовсе не монголом. Он был выходцем из аристократической семьи из Трансоксианы, связанной с кланом Барласа, который имел владения в Кеше, где он господствовал.

Мы показали, что из себя представляла в тот период Трансоксиана, рассказывая об истории чагатайского ханства, которой подчинялась эта семья. Мы увидели, как под мощным влиянием "владыки дворца" Казгана, эта страна, теоретически-монгольское ханство, практически-тюркская конфедерация, начала играть существенную роль в Центральной Азии. Но убийство эмира Казгана привело к анархии (1357). Мирза Абдаллах — сын покойного, был изгнан дядей Тамерлана-Хаджи Барласом, который был вельможей Кеша и Баян Сельду-зом, другим влиятельным местным тюркским сановником (1358). Ни один из этих людей не обладал достаточными политическими способностями, чтобы достойным образом возвыситься над трансоксианской тюркской аристократией. К тому же Мир Хусейн, внук Казгана, стал повелителем крупного княжества в Афганистане, включавшим в себя Кабул, Балх, Кундуз и Бадахшан. То был период феодальной раздробленности страны. Мы видели, что Туглук Тимур, чагатайский хан Или, воспользовался смутой, чтобы захватить Трансоксиану, подчи-

нить ее и восстановить таким образом в свою пользу целостность бывшего улуса Чагатая (март 1360 по сведениям Зафер-наме).*

Дядя Тамерлана-Хаджи Барлас сбежал из Кеша в Хорасан, отказавшись от бессмысленной борьбы.

Тамерлан оказался более сообразительным. Этот молодой человек, двадцати пяти лет от роду, быстро понял, что ситуация оказалась благоприятной, чтобы выйти из тени. Разумеется, он не стал тотчас же отчаянным героем тюркского сопротивления Трансоксианы в борьбе против нового вторжения монголов Или. Напротив, он уловил в этих событиях, которые происходили в его стране, путь к легальной смене своего дяди-Барласа в управлении кланом и господстве над Кешем; с этой целью он своевременно и в категорической форме проявил акт вассального подчинения хану-завоевателю Туглуку Тимуру. Речь, которую Шараф ед-Дин вкладывает по этому поводу в уста своего героя, является образцом дворцового лицемерия: подчиняясь, чего бы это ему не стоило, он приносил себя в жертву государственным интересам, занимая место и положение своего дяди, бегство которого угрожало спровоцировать крах их династии.** И в самом деле, Туглук Тимур, ошарашенный исключительно ценным фактом присоединения, отблагодарил Тамерлана и передал ему в управление Кеш. Доблестный Тамерлан не стал выжидать и напал на него, но несмотря на первую одержанную победу, его войска ушли от него, ему ничего не оставалось делать, как принести публичное покаяние Хаджи Барласу, который, впрочем, простил его.*** Возвращение хана Туглук Тимура из Или в Трансоксиану сыграло на руку Тамерлану (1361).**** По возвращении хана, вся трансоксианская знать: Мир Баязид, эмир Ходжента, Баян Сельдуз, Тамерлан, и даже сам Хаджи Барлас, явились к нему с поклоном. Но монгол захотел преподнести впечатляющий урок слишком неугомонной тюркской аристократии. Без видимых на то оснований он приказал казнить Мир Баязида.*****

Такое событие навело страх на Хаджи Барласа и тот быстро регировался. Но его настигло несчастье: по пути в Хорасан он был убит около Себзара. Тамерлан тотчас же казнил убийц. Фактически же ему удалось во-время избавиться от соперника и он становился окончательно единственным властителем Кеша и предводителем клана Барласа. Туг-

* Зафер-наме, перевод Денисон Росс, в переводе из Тарихи Рашиди, с. 15.

** Зафер-наме, перевод Пети де ла Круа, I, 28.

*** Там же, 36-38.

**** Зафер-наме, перевод Денисон Росс, с.18.

***** Также как и позже Баян Сельдуза.

лук Тимур, которому понравилась не по годам зрелая мудрость Тамерлана, назначил его советником своего сына Ильяса Ходжи, которого он, по возвращении в Или, назначил вице-правителем Трансоксианы.*

До сих пор Тамерлан разыгрывал карту верноподданного чагатайца. Без сомнения, он рассчитывал занять ведущее место в чагатайской администрации. Он оказался вторым, так как хан передал верховное правление при его сыне Ильясе Ходжи другому эмиру, по имени Бегджик. На этот раз Тамерлан разорвал отношения с представителями хана. Он обратился к Мир Хуссейну, правителю Балха, Кундуза и Кабула, которому он когда-то оказал услугу, помогая ему установить господство в Бадахшане, и, который, к тому же, был его шурином. Вдвоем они ушли в Персию, где ведя жизнь наемников, они стали служить принцу Сейстана, после чего они отправились в сторону Кундуза в Афганистане, во владения Мир Хуссейна, чтобы восстановить силы, а затем проникли в Трансоксиану.**

Чагатайская армия попыталась остановить их на Железном мосту (Пули Сенги) Вахша.***

Тамерлан переправился через реку, прибегнув к военной хитрости, одержал победу над противниками, пройдя Железные ворота и освободил свой город Кеш. Чагатайский принц Ильяс Ходжа, в последний раз попытался дать ему отпор, но проиграл Тамерлану в крупном сражении, о котором говорится в Зафер-наме, что она состоялась между Таш Аригией и Каба-Матаном или Митаном, неподалеку от Кеша и Самарканда. Ильяс Ходжа чуть было не попал в плен и вынужден был бежать что есть сил в сторону Или.****

Тамерлан и Мир Хуссейн преследовали его до Ходжента, и остановились только в Ташкенте. Трансоксиана была освобождена от монголов (1363). Ильяс Ходжа узнал о смерти своего отца Туглук Тимура, который умер в Или, в период между битвами на Железном мосту и Каба-Матаном.

Итак, Трансоксиана была освобождена от власти чагатайцев. Но ни Тамерлан, ни Мир Хуссейн, ни другие предводители местной тюркской знати не думали отказываться от чагатайского правителя. Чингизханидский легитимизм оставался настолько неоспоримым по крайней мере в своей форме, что победители посчитали, что их победа могла быть санкционирована под прикрытием чагатайца, от имени которого они, разумеется, правили бы. Они обнаружили правну-

* Зафер-наме, перев. Денисон Росс, с.22.

** Зафер-наме, перев. Пети, I, 45,54

*** Зафер-наме, перев. Пети, 68-74. Перев. Денисон Росс, 27-29.

**** Зафер-наме, перев. Пети, 75.

ка Дувы по имени Кабилшах или Кабулшах, скрывавшегося под одеяниями дервиша. Это был тот человек, который им был нужен. "Его воздвигли на трон, ему представили царский двор и все родовитые представители аристократии разом совершили перед ним девять раз ритуальное коленопреклонение", после чего все потеряли к нему интерес, но его присутствия во главе государства Трансоксианы было достаточно для того, чтобы соблюсти легитимность и узаконить его по Чингизханидскому праву.*

Чагатаец Ильяс Ходжа не мог более вмешиваться в дела Трансоксианы, потому что в Бухаре и Самарканде у власти находился другой чагатаец, другой хан с божественным правом, от имени которого Тамерлан и Мир Хуссейн действовали со спокойной совестью и сознанием должным образом исполненных юридических формальностей.

Ильяс Ходжа, после того, как он отправился в Илийский регион, для того, чтобы стать преемником своего отца, приложил последние усилия для укрепления власти. В 1364 г. он вернулся с новой армией и одержал победу над Тамерланом и Мир Хуссейном на левом берегу Сырдарьи, между Ташкентом и Чиназом, в битве, известной под названием "битвы болот" (1365). Мир Хуссейн и Тамерлан отступили до Амударьи, первый в сторону Сали-Сарая (на севере Кундуза), второй в сторону Балха, оставив, таким образом Трансоксиану открытой для вторжения Ильяса Ходжи, который расположился военным лагерем под Самаркандом.**

Но удача отвернулась от него. Население Самарканда, вдохновляемое мусульманскими "клерикалами", энергично оборонялась, тогда как вражескую армию охватила эпидемия. В конце концов Ильяс Ходжа ушел в Или (1365), оставив Трансоксиану. Мы увидим, что став жертвой восстания эмира Дуглата, он недолго прожил после своего поражения.

Соперничество Тамерлана и Эмир Хуссейна

Тамерлан и Мир Хуссейн окончательно освободили Трансоксиану. Этот двойной триумvirат, впрочем, скрепленный семейными узами (Тамерлан, как мы знаем, был женат на сестре Хуссейна), с самого начала выявил несовпадение взглядов двух лидеров. Хуссейн казался более сильным: у него, кроме Трансоксианы было афганское владение, включавшее Балх, Кундуз, Хулм и Кабул.***

* Зафер-наме, перевод Пети, I, 76-78. Перевод Денисон Росс, 29-31. ** Зафер-наме, перевод Пети, I, 80-92. Перевод Д.Росс, 31-37. *** Тем не менее, Хуссейн устраивал резиденцию обычно в Сали Сараяе, на левом берегу Амударьи, севернее Кундуза.

Что же касается Тамерлана, то он прочно чувствовал себя в своих провинциях в Кеше и Карши, почти у самого Самарканда и что в особенности его отличало, так это его неординарная личность. Для того, чтобы заняться переустройством государства после бегства Ильяса Ходжи, он вместе с Хуссейном прибыл в Самарканд. Хуссейн вел себя на правах главного, облагая налогом даже самых именитых вельмож. Для того, чтобы привлечь последних на свою сторону, Тамерлан поспешил предоставить им необходимые средства из своих личных богатств: он даже с поддельной покорностью, что являлось оскорбительной выходкой, вручил Хуссейну драгоценности его собственной жены, которая приходилась сестрой Тамерлану.*

Смерть принцессы окончательно разделила двух соперников. Вначале у Хуссейна было преимущество. Он изгнал Тамерлана из Карши. Тамерлан вернул город штурмом, и сразу стал властителем Бухары. Хуссейн во главе численно превосходящей армии выступил из Сали Сарая на севере Кундуза, где у него была ставка, для того, чтобы захватить Трансоксиану. Он забрал у Тамерлана Бухару и Самарканд, а сам Тамерлан, рассчитав, что силы были неравны, бесстыдно бежал в Хорасан.**

Это бегство после ряда отступлений и военных неудач прошлых лет от войск Туглука Тимура или Ильяса Ходжи дает последний штрих в описании портрета Тамерлана. Не то, что это дает право считать данный поступок актом трусости. Его воинская доблесть не подвергается никакому сомнению. Но несмотря на это бегство, которое в подходящем случае могло всего лишь бросить его в атаку, Тамерлан знал, что когда потребуют этого политические обстоятельства, он будет терпеливо выжидать, чтобы овладеть более благоприятной ситуацией. Пока шло время, он вновь вел жизнь странствующего рыцаря, быстро перемещаясь, через тысячу приключений, от Хорасана до Ташкента, где, впрочем, он не гнушался заключить во второй раз договор с монголами Или, извечными врагами своего народа. Что еще впечатляет: он приложил усилия, чтобы следующей весной спровоцировать вторжение монголов-чагатаидов Или на Трансоксиану.***

Таким образом, освободив от них в дальнейшем Трансоксиану, он готовился отвоевать, благодаря им, владение эмира Хуссейна. Риторика Зафар-наме с трудом пытается выделить моральные аспекты этого жизненного периода великого интригана. Дополним только, что Тамерлану не было необходимости прибегать к полной измене. Перед

* Зафер-наме, перевод Пети, I, 97.

** Зафер-наме, перевод Пети, I, 127-132.

*** Там же, I, 148-156.

угрозой монгольского нашествия, подготовленного соперником, Хуссейна обуял страх. Он предложил Тамерлану мир, ссылаясь, конечно на то, что их связывает мусульманская вера, необходимость объединения, чтобы воспрепятствовать вторжению вражеских, наполовину "языческих" монголов Или и Юлдуза, которые придут грабить священную землю Трансоксианы.* Тамерлан только этого и ждал. Он заявил, что был тронут такими благими речами. Он даже подумал, что это сон. Мир был заключен, статус-кво восстановлен. Но договор о совместном управлении не был строго обозначен между Хуссейном и Тамерланом. И он вновь захватил свое прежнее владение Кеш.

Дальнейшие события представляли собой невообразимый восточный спектакль лицемерия, где были заверения в преданности, дружеские объятия, благочестивые суры из Корана, звучавшие то тут, то там, а затем-сцены измены, различные трюки и молниеносные жестокие расправы.

Кажется, Тамерлан делал вид, что честно выполнял роль союзника Хуссейна; именно так он помог последнему захватить крепость восставшего Кабула, затем подавить восстание Бадахшанских горцев, но эта помощь носила теперь характер контроля, превосходства и угрозы. Хуссейн, чувствуя, что Трансоксиана переходила в руки соперника, проводил все больше времени в Афганистане. Он поспешно возвел в Балхе крепость, что, как говорят, "не понравилось Тамерлану".**

"Если Всевышний, — как об этом слащаво вещает Зафар-наме, на это имел причины, то все произошло так, как решило провидение. Бог предначертал Тамерлану и его потомкам империю Азии, так как узрел мягкую гибкость его правления, что должно было осчастливить народы".***

Подобный набожный тон, который в данном случае выглядит парадоксальным, прямо противоречит тому, что было на самом деле. И в самом деле, Шараф ад-Дин стал благочестиво рассуждать о жадности Мир Хуссейна, об отсутствии у него гибкости, что отталкивало от него феодалов, его политической недальновидности и т.д. В дальнейшем последовала целая серия достаточно запутанных интриг, с которыми, естественно, Хуссейн был связан и вследствие которых его обвинили в том, что он устроил западню Тамерлану. И как это бывало не раз, Тамерлан, без объявления войны, совершенно неожиданно напал на Хуссейна. Выйдя из Кеша, он пересек Амударью в Термезе и захватил Бактрию, вотчину своего соперника. Застигну-

* Там же, 157-160.

** Зафар-наме, I, 160-175.

*** Там же, 175.

тый врасплох гарнизон Хуссейна сдался без боя, также как и Бадахшан. Тамерлан возник внезапно перед Балхом, где Хуссейн оказался в осаде, не успев сосредоточить свои войска. Попав в засаду без всякой надежды на помощь, несчастный Хуссейн капитулировал, отказался от власти и пообещал совершить паломничество в Мекку. А в остальном Тамерлан великодушно простил его, пустив слезу от нахлынувших чувств при прощании с ним, но "без его ведома" — как утверждает Зафар-наме, — окружение Завоевателя уничтожило беглеца... Жители Балха в большинстве своем были казнены, обвиненные в верноподданничестве Хуссейну.*

Тамерлан, правитель Трансоксианы и тимуридской империи

Эта классическая трагедия обнажила всю сущность Тамерлана.** Что бросается в глаза, это, прежде всего, неиссякаемое вероломство, явное лицемерие, отождествленное с государственными интересами. Он был похож на Наполеона с душой Фушэ, на Филиппа II, потомка Аттилы. "Серьезный и мрачный, враг веселья", как монах из Эскуриала (Испания), такой же набожный, но и как солдат, полный неистовства, словно опытный и осторожный капитан, и вместе с тем друг людей искусства и литераторов, впитавший в себя, наподобие Ширази, персидскую поэзию. Таковым был человек, который овладел Балхом и стал полновластным правителем Центральной Азии. Расчетливая медлительность на пути к власти, холодный рассудок, который заставлял его отступать, когда это было необходимо, уступать и скрываться, если этого требовали правила игры, напоминают нам Чингиз-хана. Также как и у монгольского завоевателя, у победителя Трансоксианы были смутные времена вначале, он заставил себя быть в подчинении в эпоху эмира Хуссейна, посредственного феодала, также как Чингиз-хан, он был в подчинении у глупого хана. Бегство Тамерлана в Хорасан, — жизнь, полная приключений в Сейстане и Ташкенте, напоминают нам мрачные дни Чингиз-хана в Балджуне. Он порвал с Хуссейном, соблюдая, по-крайней мере, юридические формальности, так же как и Чингиз-хан порвал все отношения с кераитским правителем: речи, напоминающие выдержанные в духе Тита Ливия, приведенные в Зафер-наме, отдаленно напоминают по благочестивому тону ислама или, по крайней мере, грубой простоте монгольского пастуха", известный политический речитатив Секретной Истории.***

* Там же, 180-194.

** Неистовые проклятия Ибн Арабшаха, направленные против Тамерлана (перев. Ж.Сандерса, 1936) не идут в сравнение с набожным восхвалением Шараф ад-Дина. Защита в данном случае еще более ужасна, чем памфлет.

*** См. выше.

Используя основы права, подкрепленные ссылками на суры из Корана, Тамерлан, для того, чтобы защититься от подлости, совершенного или предполагаемого предательства бывшего союзника, сам прибегая также к измене, напал, застигая противника врасплох и уничтожил его, также как и Чингиз-хан победил Тогрула.*

Только Чингиз-хан довел до конца свое дело. Он сам себя провозгласил ханом, единственным и верховным императором. Он и не думал, под предлогом того, что он был второразрядным сановником, о том, чтобы опираться на призрак некоего прямого потомка бывших монгольских правителей, который имел бы больше законных прав на это, и еще меньше о том, чтобы завоевать Дальний Восток под прикрытием младшего брата кераитского властителя или цинского императора. Что касается Тамерлана, то он заставил признать себя правителем побежденного Балаха. 10 апреля 1370 г. (ему было 34 года), "он взшел на трон, надел золотую корону на голову и сам себя опоясал императорским поясом в присутствии принцев и эмиров, которые бросились к нему в ноги". Как говорится в Зафер-наме, он объявил себя наследником, продолжателем дела Чингиз-хана и Чагатая. Но присвоение титула оставалось сомнительным. Только в 1388 г. он однозначно получает титул султана. Однако Тамерлан не осмелился устранить пассивных правителей династии Чингиз-хана, несмотря на то, что Кабулшах, возведенный когда-то на трон самим Хуссейном и им самим, активизировал в последнее время свои действия, направленные против Тамерлана в пользу Хуссейна. В действительности, как нам сообщает Тарихи Рашиди, Тамерлан думал, что можно обойтись без ханского титула, но он вскоре понял, что для того, чтобы подчинить себе трансоксианскую знать, ему необходимо было укрепить свой авторитет, используя неоспоримое юридическое право.** Он ограничился тем, что физически устранил Кобулшаха и заменил его другим верным Чингизханидом-Соургатмишем, который был ханом тимурид-ской Трансоксианы с 1370 по 1388 гг.***

После смерти Соургатмиша, на его место он назначил сына поветеля Махмудхана, который правил с 1388 по 1402 год.****

Все указы тимуридского правительства с почтением и соблюдением протокола содержали все имена выходцев из этой известной династии.*****

* См. выше.

** Тарихи Рашиди, перевод Денисон Росс, 83.

*** Зафер-наме, I, с.186 и 193 (см. там же, с. 181).- Тарихи Рашиди, перев. Денисон Росс. 72 и 83.

**** Зафер-наме, II, 19-20; IV, 40.

***** Тарихи Рашиди, с. 83.

Без сомнения, речь шла о тех иллюзорных ставленниках, которые исполняли роль правителей, беспрекословно преданных Тамерлану, назначенных самим Тамерланом, никчемные, ничего не значащие подставные лица, которые никому не были нужны и о которых никто не беспокоился. Мирза Мухаммед Хайдар Дулати пишет: "В те времена в Самарканде к ханам относились как к политическим заключенным".

Верно также то, что Тамерлан рассматривал, таким образом, вопрос о политическом суверенитете окольным путем как казуист. Он не решался создать новый свод права и ограничивался констатацией новой сложившейся ситуации. Фактически, он заменил монгольское владычество тюркским, Чингизханидскую империю-тюркской. Что касается законодательства, то он воздерживался в большей или меньшей мере от проведения каких-либо перемен. К тому же он никогда не заявлял, что он ликвидировал Чингизханидский ясаk, заменяя его по мусульманским законам на шариат. Напротив, как об этом говорит Ибн Арабшах, называя его, как ни странно нам кажется подобное утверждение, неблагочестивым мусульманином за то, что "он предпочел свод законов Чингиз-хана правовым нормам Ислама".*

Возможно данное обвинение основано чисто на формальной точке зрения, так как Тамерлан стремился показать себя продолжателем Чингиз-хана, новым Чингиз-ханом в глазах населения Центральной Азии. Практически все было наоборот... Тамерлан постоянно обращается к Корану. Именно имамы и дервиши пророчествуют ему успехи. Его военные кампании носят отпечаток джихада, священной войны, даже когда речь идет (как впрочем было всегда) о сражениях против мусульман: достаточно было обвинить этих мусульман в мягкотелости, как это было в случае чагатайцами Или и Уйгурии, которые поздно пришли в исламскую веру, или султанов Дели, которые терпимо относились к миллионам своих подданных индуистов, не прибегая к массовому уничтожению...

Таким образом, с самого начала империя Тамерлана была в подвешенном состоянии, без прочности, четкости, солидной основы, в отличие от Чингиз-хана. Тамерлан проникся тюрко-персидской культурой, являлся тюрко-Чингизханидом по праву, и нес в себе разноликий характер, подобно нашему Карлу V. Эти противоречия не обнаруживаются в нем, или скорее, их блистательное сочетание возвеличивает его личность, так как в самом деле, речь идет о выдающейся неординарной личности, о сверхчеловеке на пересечении многих цивилизаций, на перепутье двух великих эпох. Высокорослый, с крупной головой, загорелым цветом лица, этот хромец рыскал повсюду на свете, всегда ловко владел саблей,

колепно стрелял из лука, "натягивая тетиву до уха", такой же негибимый, каким когда-то был Чингиз-хан, так же как он правил империей. Чингиз-хан канул в вечность, но Чингизханидская империя со своими жалкими монархами продолжала существовать. Империя Тамерлана со своими талантливыми, даже гениальными последователями, такими как Шахрох, Улугбек, Хусейн Байкара, Бабур, быстро сойдет со сцены, уменьшившись до размеров, равных небольшой родной Трансоксианы и присоединенного Хорасана...

Длительное влияние эпохи Чингиз-хана объясняется тем, что основа, на которой стояла империя Чингиз-хана, оказалась солидной. Что досталось Чингиз-хану, так это была древняя монгольская империя, вечная империя степей, которая со своим центром в Орхоне существовала, начиная с эпохи древних хунну, империя, которую хун-ны передали жуан-жуанам и эфталитам, а жуан-жуани-тукюям. От тукю империя перешла к уйгурам, а при рождении Чингиз-хана она перешла во власть кереитов. Там были физические рамки, границы степей, социально-этнические основы, единство тюрко-монгольского кочевого образа жизни, которое было также прочным, как и просторным, так как речь шла только о том законе природы, который толкал кочевого пастуха на грабежи, и, когда это было, возможно, на приспособление к своей жизни оседлого сельского хозяйства; основы и периодическое возрождение империи степей вытекали в связи с этим из закона человеческой географии. До того дня, еще в отдаленном будущем, пока оседлое население периферии путем использования научных достижений, придет к искусственно созданному превосходству, кочевник командовал ими, его империя восстанавливалась в различные исторические эпохи, словно река, которая время от времени выходит из берегов.

Ничего подобного не случилось с империей Тамерлана. Его Трансоксиана только внешне является географическим центром, я бы сказал, что она вовсе не представляет сама по себе динамическо развивающегося центра. Условия, которые способствовали в конце XIV в. стать ей центром противодействий, явились простой случайностью. За период развития истории Азии возникло всего два центра настоящего господства: господство древних оседлых цивилизаций периферии-Китая, Индии, Ирана и т.д., которые, несмотря ни на что, сумели постепенно победить "варваров" благодаря ассимиляторской политике, которая во временном отношении гораздо долгосрочнее, чем использование оружия и в центре континента увеличивалась дикая мощь кочевников, которые изголодались, подобно истощенному волку, который в какой-то момент движимый этой силой, случается, бросается на прирученных животных. Но Трансоксианская империя, если быть

точным, не отвечала ни одному из двух критериев. И если, тем не менее, ей удалось в течение ряда лет взбудоражить старый мир, то это произошло, прежде всего, в связи с необычайной личностью самого Тамерлана, которому вполне естественно соответствует этимологическое толкование его тюркского имени: Тимур — железный человек.

Это произошло благодаря соединению этой железной расы старого мира, каковой являлась тюркская раса с монгольской или, по меньшей мере, благодаря ее воспитанию в условиях Чингизханидской дисциплины в конце XIV в. между Ташкентом и Амударьей, когда был создан превосходный режим. Повторим, что это было преходящим явлением. Трансоксианские тюрки, несмотря на их отвагу, вовсе не являлись образцом дисциплины в период, предшествовавший эпохе Чингиз-хана. Чтобы подтвердить это, укажем на пример жалких паладинов Хорезма XIII в. или, к примеру, Мохаммеда Хорезмийского или Дже-лал ад-Дина, не говоря уже о Санджаре. Что касается анархических склонностей туркмен и киргизов более близкого нам периода, то это даже не стоит дальнейших обсуждений. Напротив, по замечанию За-фар-наме, у трансоксианских тюрков времен Тимура в жилах текла кровь военной дисциплины: в шеренгу вставали до того, как раздавалась соответствующая команда, приказы понимались уже до того, как об этом возвещали гул барабанов и звуки боевых труб, молодые люди закалялись в военном деле в течение двух веков благодаря безжалостному внедрению ясака. Ярким тому доказательством явились походы Тамерлана в условиях зимы Сибири или невыносимой жары Индии. Наконец, этот режим натренировал тюркскую храбрость благодаря Чингизханидской дисциплине. В течение двух веков это военное искусство не давало свободно проявиться воинственному темпераменту. Воины Орхона во главе с Хубилаем завоевали весь Дальний Восток, всадники Золотой Орды достигли ворот Вены, солдаты Хулагу дошли до истоков Нила. И только тюрко-монголы этого "срединного царства", коим являлся чагатайский Туркестан, разделенный между тремя другими Чингизханидскими улусами, должны были оставаться на месте. Но вот неожиданно преграды, окружавшие их, были устранены. Не стало Персидского ханства, которое могло бы задержать трансоксианцев на западе; ослабевшая Золотая Орда была не в силах преградить путь на северо-запад; захиревший "Моголистан" был не в состоянии защищать Гоби; потерявший на какое-то время былую силу Делийский султанат, уже не мог, как это происходило в эпоху ранних чагатаидов, охранять берега Инда. Трансоксианцы Тамерлана ринулись во всех этих направлениях. За ними оставался длительный период бездействия, который следовало компенсировать с тех времен, когда победы доставались тюрко-мон-

гольским улусам периферии. Обделенные величием и победами, которые были у монгольских воинов, они решили, что час их настал.

Эпопея Тамерлана, если так можно охарактеризовать целую вереницу предательств и убийств, несмотря на то, что все это этнически было связано с тюрками, по-прежнему относилась к эпохе монголов, задержавших историческое развитие.

Завоевание Тамерланом Хорезма

Победоносное шествие Тамерлана начиналось от Волги до Дамаска, от Смирны до Ганга и Юлдуза, и его военные кампании в различных странах не придерживались никакой географической логики. Тамерлан из Ташкента устремляется в Шираз, из Тауриса в Ходжент, идя навстречу любой вражеской агрессии; поход на Россию имел место между двумя персидскими военными кампаниями, завоевание Центральной Азии проходило между двумя походами на Кавказ. Здесь мы не видим того расклада, который был присущ стратегии Чингиз-хана: походы на Монголию, Дальний Восток, затем в Туркестан и Афганистан, возвращение на Дальний Восток. Военные кампании Тамерлана, напротив, хаотичны, потому что в отличие от Чингиз-хана, который оставлял после себя одни разрушения, Тамерлан после побед успешных военных кампаний, за исключением Хорезма и Персии (и то только в конечный период походов) оставлял страну, не сводя с ней счеты. Несомненно он уничтожал своих врагов сознательно, так же как это проделывал монгольский завоеватель. Об этом красноречиво свидетельствуют пирамиды, сложенные из человеческих голов, которые он оставлял после победоносных сражений в назидание другим. Тем не менее, оставшиеся в живых забывали таким образом преподнесенные уроки и все в скором времени исподтишка или в открытую начинали сопротивляться и каждый раз приходилось начинать заново. Создается впечатление, что эти кровавые пирамиды скрывали от Тамерлана реальную задачу, которую следовало бы выполнить: Багдад, Брусс, Сарай, Карашар, Дели были разгромлены Тамерланом, но он не разрушил Османскую империю, ни Золотую Орду, ни ханство Могулистана, ни Индийский султанат, ни даже джалаирав Арабского Ирака, которые вновь поднимали голову после его ухода. Он трижды завоевывал Хорезм, шесть или семь раз — Или (ему удавалось наводить порядок только во время проведения военной кампании), дважды Восточную Персию, трижды организовывать походы для завоевания Западной Персии, совершить две военные кампании против России и так далее.

В этих условиях военные кампании Тамерлана «следовало всегда начинать вновь» и в самом деле, он бесконечно возвращался к своим военным походам. Мы можем признать, что эти военные кампании, несмотря на их тщательную стратегическую подготовку, несмотря на их блестящее тактическое исполнение, с точки зрения чисто политической истории представляли какую-то вереницу разрозненных действий, которые, если следовать хронологическому перечислению фактов, создавали впечатление хаотичности, вернее несогласованности, не имевших другой цели, как возвеличивать романтическую харизму героя. Лучшим способом в таком случае для достижения исторической ясности является их систематизация с учетом завоеванных регионов, начиная от Трансоксианы, заканчивая периферией. Таким образом, мы сможем рассмотреть деятельность Тамерлана в Хорезме, в Восточном Туркестане, Персии, России, Турции и в Индии.

Хорезм, с сегодняшней Хивой, расположен в нижнем течении Амударьи с дельтой реки, впадающей в Аральское озеро, сыграл существенную, хотя и недолговечную роль в истории Востока в конце XII в. и в начале первых восемнадцати годов XIII в. (1200—1218) при Великой хорезмийской династии тюркского происхождения, которую Чингиз-хан изгнал в 1220 г. Затем был в принципе присоединен к кипчакскому ханству, впоследствии отторгнутом от кипчакского хана Берке чагатайским ханом Алгу (между 1260 и 1264 гг.).*

В то время Хорезм составлял неразрывную часть чагатайского ханства, что впрочем не противоречило географическому раскладу, но это завоевание длилось недолго. В соответствии с исследованиями Бартольда, Хорезм позднее был разделен между кипчакским ханством, в распоряжении которого находились дельта Сырдарьи с Ургенчем и чагатайским ханством, властителем южного региона с Катом (Шах Аббасвали) и Хивой.**

Тюркский предводитель из племени кунрад по имени Хуссейн Чуфи воспользовался беспорядками, имевшими место в Кипчакии для того, чтобы основать после 1360 г. независимое государство Хорезм. Он извлек выгоду из войн, которые происходили в Трансоксиании до пришествия Тамерлана, чтобы отнять у трансоксианцев Кат и Хиву. Но Тамерлан, став властителем Трансоксианы, потребовал у него земли этих двух городов (1371).***

* См. выше.

** Бартольд, Хорезм, Энци. Ислам, 962.

*** Зафер-наме, I, 226.

Получив отказ Хуссейна Чуфи, он захватил Кат и напал на своего врага в Ургенче.*

Хуссейн Чуфа умер во время осады города..Его преемником стал брат — Юсуф Чуфи, который, запросив мира, получил его, передав Тамерлану Кат (регион Хивы).**

Юсуф Чуфи испытал некоторое время спустя сожаление по этому поводу и напал на страну Кат.***

Тамерлан возобновил войну (1373),**** вскоре утихомирился, заполучив для одного из своих сыновей (Джахангира) дочь Юсуфа, прелестную Ханзаду. Однако в 1375 г.***** война возобновилась, но Тамерлан был вынужден уйти в Самарканд, где восстали двое его военачальников.

Последовавший затем мир оказался недолговечным. Пользуясь тем, что Тамерлан воевал против Белой Орды на севере нижнего течения Сырдарьи, Юсуф Чуфи в самом сердце Трансоксианы опустошил окрестности Самарканда. Следовало покончить с таким опасным соседом, который, как только армия Тимура отправилась в поход, начинал создавать угрозу для его столицы. После того, как в 1379 г.***** Юсуф спровоцировал Тамерлана, который явился к границам Ургенча, чтобы встретиться с ним в необычной схватке. "Он облачился в легкие доспехи, нацепил свой меч, с перекинутым за плечами щитом, с королевской каской на голове, оседлав коня, двинулся к городу. Помолившись Богу, он в одиночестве пошел к краю рва и позвал Юсуфа, чтобы помериться с ним силами. Но Юсуф, предпочитая жизнь чести, хранил полное молчание".*****

Осада Ургенча длилась три месяца. Юсуф, вокруг которого сжималось все более и более кольцо осады, умер от отчаяния. Город был захвачен штурмом, но без обычной кровавой бойни (1379).*****

Присоединение Хорезма расширило границы Трансоксианы.

* Весна 773 (1372), год Мыши, Зафер-наме, I, 229.

** Зафер-наме, I, 239.

***Там же, 242.

**** Рамадан 774 (24 февраля — 25 марта 1373 г.), год Быка. Зафер-наме, I, 243.

***** Весна 777 г. (2 июня 1375 — 20 мая 1376 года), года крокодила, Зафер-наме, I, 260. Перев. Росс. 44.

***** Война началась в месяце шаваль 780 г. (21 января-18 февраля 1379 г.), год барана, I, 299.

***** Зафер-наме, I, 301-302.

***** Зафер-наме, I, 305-306.

Походы Тамерлана в Моголистан и Уйгурию

Как только Тамерлан укрепил свою власть правителя Трансоксианы, он был вынужден пойти войной против бывшего Восточно-Чагатайского Ханства (регионы Или и Юлдуза).

В стране произошли коренные изменения. Мы видели какое привилегированное положение занимала монгольская династия дулатов, которая почти полностью владела Кашгарией с центром в Аксу и, кроме того, имела значительные владения в зоне чисто чагатайского влияния Или, где их ханы располагали ставками.*

Именно дулатский эмир Пуладши или Буладжи, как мы знаем, после ряда лет беспорядков, взял на себя инициативу в 1347 году восстановить на троне Или чагатайского хана Туглук Тимура.**

После смерти Буладжи в период правления Туглук Тимура (1347—1363), права улус-беги, которые равнялись с правами дворцового распорядителя, были переданы юному сыну Худайдаду. Брат Буладжи, эмир Камар ад-Дин, желавший иметь эти права, безусловно пытался опротестовать это решение хана Туглук Тимура.***

Он взял реванш после смерти Туглук Тимура, убив сына монарха Ильяса Ходжу, возвращавшегося из Трансоксианы, изгнанного оттуда в результате побед Тамерлана (1365—1366). Камар ад-Дин, низложив чагатайскую династию, присвоил себе титул хана и стал правителем Моголистана, т. е. региона Таласа, Иссык-Куля, Юлдуза и Манаса, а также вне всякого сомнения большей части Алтышара или Кашгарии с 1366 г. примерно до 1392 г. Один из младших братьев Ильяса Ходжи по имени Хизр Ходжа избежал вспышки гнева Камар ад-Дина благодаря Худайдаду, который помог ему уйти в Кашгар в горы Памира, где молодой принц скрывался в ожидании лучших времен.****

Именно против Камар ад-Дина Тамерлан предпринял ряд походов, менее известных в истории по сравнению с кампаниями, проведенными в Персии, Дели или Анкаре. Может они были не такими выдающимися, имевшими скорее предупредительный характер, и проводились в стране с гораздо более трудными условиями, против неуловимого врага, имевшие целью защитить окончательно Трансоксиану и положить конец регулярным нашествиям кочевников. Разведывательный отряд под командованием военачальников Тамерлана был выслан в направлении Алматы, впоследствии город Верный на севере

* Бартольд, Дуглат, Энци. Ислам, I, 1112.

** Тарихи Рашиди, 38.

*** Там же, 38-39.

**** Тарихи Рашиди, 39, 51.

Иссык-Куля. Отряд вернулся, заключив мир или перемирие, которое было дезавуалировано Тамерланом. Хан, отправившись из Ташкента, пошел на Сайрам (на севере этого города) к местности, которую Тарихи Рашиди называет Танки, где, по мнению Элиаса и Денисона Росса, находился Янги, т. е. Талас, нынешний Аулие-Ата и обратил в бегство кочевников, захватив богатую добычу.*

В 1375 году Тамерлан совершил третий военный поход.**

Выйдя из Сайрама, он пересек регион Таласа, Токмака и дошел до истоков Чу. Камар ад-Дин, придерживаясь классической тактики кочевников, вначале отступил до поселения Биркехи Гуриан или Аршал Атар, упомянутого в рукописях Зафер-намэ, которое Элиас и Денисон Росс предлагают называть Отраром, на северо-западе Кастека в верхнем течении Или в северных отрогах Алатау.***

Во всяком случае думается, что следовало бы искать поселение в горах на северо-западе Иссык-Куля. Джахангир, старший сын грозного правителя неожиданно напал на врага, который в беспорядке отступил в сторону Или. Тамерлан разорил этот регион Или (Апили), являвшимся центром бывшего Восточного Чагатайского ханства, затем, кажется, двинулся в направлении долины Верхнего Нарына, где по сведениям Зафер-намэ действовал у р. Арпа и Язы на северо-западе Кашгара.****

Он взял в плен дочь Камар ад-Дина, принцессу Дилынат Ага, которую определил в свой гарем. Затем он вернулся в Самарканд через Фергану, пройдя Озкен и Ходжент.

Но Камар ад-Дин не был побежден. Когда тимуридская армия вернулась в Трансоксиану, он атаковал Фергану, принадлежавшую Тамерлану, опустошил город Андижан. Тамерлан пришел в ярость и поспешил в Фергану, стал преследовать его до Юзкента и гор Яссы вплоть до долины Атбаши южного притока Верхнего Нарына. Продолжая свой путь через Тянь-Шань, Тамерлан попал в засаду, устроенную ему Камар ад-Дином, который уже ждал его там. Тамерлану удалось избежать поражения благодаря личной храбрости, благодаря "его копыю, сабле, доспехам и умению владеть крепким арканом", он еще раз обратил противника в бегство, вернулся затем в Самарканд, где скончался его сын Джахангир (1375—1376).*****

* Зафер-наме, перевод Денисон Росс, 40.

** Поход начался в месяце шабан 776 г. (5 января—2 февраля 1375 г.). Зафер-наме, перев. Д.Росс, I, 41. Перев. Пети, I, 251. *** Там же, 41.

**** Зафер-наме, перевод Д.Росс, 42. Перевод Пети, I, 255. *****

Зафер-наме, перевод Росс, 46-47. Перевод Пети, I, 264-269.

В течение последующих лет (1376—1377) Тамерлан организовал пятый поход на Камар ад-Дина. Он дал ему бой в ущелье западного Иссык-Куля, затем погнал его до Кочкара на самой крайней западной точке озера.*

Как свидетельствует Зафер-наме, в 1383 г.** Тамерлан в шестой раз двинул свою армию для нападения на Камар ад-Дина на Иссык-Куле, но и на этот раз тот оказался неуловимым.

В 1389—1390 годах Тамерлан предпринял решительные усилия, чтобы закончить раз и навсегда с кочевниками Моголистана.***

В 1389 г. он буквально прочесал весь край Или и Имиля на юге и востоке оз. Балхаш (Атрек-куль по Зафер-наме) и вокруг Ала-Куля, территорий, которые вошли в состав русской провинции Семиречье и китайский протекторат Тарбагатай, составлявших центр Моголистана. Он взшел на трон победителя и направил свои летучие эскадры во все концы исторических степей, где чагатайские и угэ-дэйские ханы содержали когда-то свой двор и' придворных кочевников в регионе нынешней Кульджи и Чугучака, в то время как его передовые отряды скакали вслед за монголами, преследуя их до Черного Иртыша на юге Большого Алтая.****

Затем армия, разделенная на несколько колонн, направилась через горы Тянь-Шаня, прошла бассейн озера Балхаш в сторону Баграш-Куля. Общий сбор армии состоялся в долине Юлдуза, куда Тамерлан прибыл через долину Кунгес.*****

По свидетельству Зафер-наме, передовые отряды тимуридского войска прошли дальше на восток до Караходжи, т. е. дошли практически до Турфана.*****

Зафер-наме выделяет среди монгольских правителей, над которыми Тамерлан одержал победу в этом краю, наследника чагатайской династии Хызр Ходжу. Тот временно был изгнан с трона узурпатором Камар ад-Дином, и как нам сообщает Тарихи Рашиди, скрылся в самой отдаленной восточной части Восточного Туркестана (вначале в Хотане, а затем в Лобноре), где он пытался создать новое ханство, силой обращая в мусульманскую веру последних турфанских уйгуров.*****

* Зафер-наме, перевод Росс, 50. Перевод Пети, 275-276.

** Год 785 Хиджры (6 марта 1383-23 февраля 1384 г.), год мыши, Зафер-наме, перев. Пети, 361

*** Кампания началась в 791 г. Хиджры (31 декабря 1388 — 19 декабря 1389 гг.) Зафер-наме, II, 35.

**** Зафер-наме, II, 43.

***** Зафер-наме, II, 45 и 51. См. Шаванн, Докум. о Западных Ту-кю, 270, н.5.

***** Там же, II, 46.

***** Тарихи Рашиди, 52.

Несмотря на то, что основным врагом являлся Камар ад-Дин, бывший также врагом Хызра Ходжи, Тамерлан, не колеблясь, напал на последнего, опасаясь, по-видимому, что династия чагатайцев может укрепить свои позиции в Уйгуристане. Хызр Ходжа потерпел поражение и скрылся в Гоби.*

Тамерлан в качестве победителя провел военное совещание в Чалыче или Джалише, нынешнем Карашаре и распределил среди своих воинов добычу, захваченную у кочевников.**

Зафер-наме четко указывает на то, что оказавшись у власти в сердце Верхней Азии, Тамерлан вел себя как преемник Чингиз-хана. Фактически он свел на нет монгольское господство в Восточном Туркестане именно в тот период, когда приход к власти династии Мин покончил с господством монголов в Китае.

Прежде чем вернуться в Самарканд, Тамерлан отправил из Юлдуза через Уч-Ферман (Уч-Турфан) и Кашгар своего сына Омар Шейха во главе передового отряда.***

Нам неизвестно как Тамерлан во главе основных сил армии последовал в дальнейшем тем же путем или вернулся из Юлдуза через Или, Чу и Талас.

Но вот еще раз, несмотря на то, что Тамерлан дошел до Гоби, разрушая все на своем пути, его первейший враг Камар ад-Дин так и не был окончательно побежден. Как только армия Тамерлана вернулась в Трансоксиану, Камар ад-Дин тут же восстановил свое господство в долине Или. В 1390 г. Тамерлан вновь выслал против него еще одну армию, которая, отправившись из Ташкента, прошла через Иссык-Куль, пересекла Или в Алмалыке, достигла Каратала и стала преследовать Камар ад-Дина по дороге к Черному Иртышу, где и затерялся след хана. Камар ад-Дин исчез в Алтае, в «краю куниц и соболей» и больше никто о нем ничего не слышал. Воины Тамерлана, развлекаясь, выжгли каленым железом имя своего владыки на соснах Алтая, а затем возвратились в Трансоксиану вдоль берегов Атрек-Куля, т. е. оз. Балхаш.****

Исчезновение узурпатора Камар ад-Дина позволило чагатайцу Хызр Ходже вернуть трон Моголистана. Новый предводитель династии Дуглат эмир Худайдад, племянник Камар ад-Дина, и который всегда старался быть «законником», стал первым, кто пригласил Хызр Ходжу и помог тому вернуть власть.*****

* Зафер-наме, II, 50-53. **

Там же, II, 53. *** Там же, II, 54-55.

**** Зафер-наме, перевод Пети, II, 66-70 (Начало 792 г. Хиджры, начало 20 декабря 1389 г., года Лошади). См. Минорский, Худуд ал-алам, 195-196. ***** Тарихи Рашиди, 56.

Новый хан был решительным сторонником ислама. Мы знаем, что как только он подчинил себе Караходжу, нынешний Турфан, он обратил в мусульманскую веру последних уйгуров края.*

Подобные действия сближали его с Тамерланом. Между двумя монархами был заключен мир, в результате которого в 1397 г. Хызр Ходжа выдал свою дочь за Тамерлана. Это был многозначительный союз для последнего, так как позволил этому великому выскочке войти в клан чингизидов.**

Хызр Ходжа скончался в 1399 г. И как нам повествует Тарихи Рашиди, на илийском троне его сменили по очередности три его сына: Шамай Джахан или Шами Джахан (1399—1408), Накши Джахан и Мохаммедхан (умер в 1428 г.), который по нашим сведениям отличался мусульманской набожностью.***

Все трое жили под опекой и покровительством дуглатского эмира Худайдада. Что же касается Тамерлана, то он воспользовался смертью своего тестя Хызыра Ходжи, чтобы отправить свою армию в регион Или, по меньшей мере в Кашгарию (1399—1400). Войска под командованием Мирзы Искандера, внука великого завоевателя вошли в Кашгар, ограбили Яркент, захватили сильно укрепленный город Аксу, жители которого откупались, выдав богатых китайских негодяев, проживавших в их городе. Затем Мирза Искандер отправил отдельный отряд на северо-восток, который опустошил города Бай и Куча. В дальнейшем он вошел в Хофан, жители которого встретили его весьма гостеприимно, заявив, что они сторонники Тамерлана, после чего он возвратился в Самарканд через Фергану по андижанской дороге.****

Завоевание Тамерланом Восточного Ирана

Как только Тамерлан создал царство Трансоксиану, которое почти полностью было тюркским, условно считавшимся Чингизханидским ханством, возобновил борьбу тюрко-монголов против «таджиков» в Иране.

Полная раздробленность страны способствовало тому, что иранский народ оказался беззащитным перед решительным врагом. Когда-то Чингиз-хан встретил на своем пути единую власть в лице хорез-

* Тарихи Рашиди, 52.

** Тарихи Рашиди, 52, Зафер-наме, II, 421.

*** Таков порядок Тарихи Рашиди. Зафер-наме и Мирхонд знают только Мохаммед-хана и Накши Джахана (в таком порядке). Минь ше да ет такой список: Шамай Джахан, Мохаммед-хан, Накеши Джахан (N. Elias, History of the Mongols of Central Asia, 41-42).

**** Зафер-наме, III, 213-220. Рассказано под рубрикой 802 г. Хиджры (3 сентября 1399 — 21 августа 1400 г.), года кролика, когда новости об этой кампании дошли до Тамерлана, находившегося в Персии.

ийской империи, растянувшейся от Кабула до Хамадана. Что же касается периода нашествий Тамерлана, то напротив, Иран был представлен четырьмя или пятью враждующими ханствами, среди которых случайно оказалось бывшее древнее хулагидское ханство и которые стали почти непримиримыми и которым не могла даже прийти в голову мысль объединиться против тюркских завоевателей. Керты афганского происхождения, мусульмане суннитского толка в Герате были заклятыми врагами сарбедаров персидского происхождения, мусульман шиитского толка в Себзеваре; мозаффериды арабо-персидского происхождения в Фаре были соперниками джелайридов монгольского происхождения, являвшихся хозяевами Тауриса и Багдада; и к тому же в мозауеридском клане, где сыновья выкалывали глаза у своих отцов, где принцы ненавидели и предавали друг друга, вступали в войну в споре за небольшие территории. Тамерлан, который прилагал огромные усилия в войне против кочевников Моголистана или Кипчакии, оказался в выгодной ситуации, когда противники сами шли сдаваться. Персия 1380 г. была готова к захвату Тамерланом.

Фактически после крушения хулагидского ханства Восточный Иран, ставший вновь независимым в короткое время, ощутил надвигающуюся угрозу со стороны Трансоксианы. Мы знаем, что с 1351 г. небезызвестный эмир Казган, предводитель трансоксианцев, посадил город Герат и обратил Керт в свое подданство. Тамерлан возобновил дело, начатое Казганом. В 1380 г. на своем курултае он поставил мелика или правителя Герата — Гийат ад-Дина II Пир Али стать его вассалом. Гийат ад-Дин II (1370—1381), сын и преемник Моиз ед-Дина Хуссейна и седьмого принца династии Керт, не обладал той политической гибкостью, позволившей его отцу и предкам лавировать в хулагидских войнах и добиться терпимого отношения со стороны Казгана. Выражая недовольство своим подчиненным положением, он стал вести выжидательную тактику. Весной 1381 г. Тамерлан двинулся в сторону Герата. В это самое время Гийат ад-Дин отобрал Нишапур у другой восточной иранской династии сарбердарцев. Эта война, которая противопоставила кертов и сарбердарцев, дезорганизовала Хорасан.*

Ко всему тому же его родной брат, Гийат ад-Дин, у которого была серакская крепость на юге Герата, безоговорочно подчинился Тамерлану и «был достоин чести облобызать ковер великого завоевателя». Крепость Бушанга на северо-востоке Герата была захваче-

* Зафер-наме, I, 317. Муин ад-Дин, История Герата, перев. Барбье де Мейяр, К. А., 1861, 515-516.

на штурмом. В Герате, где скрывался Гийат ад-Дин, гарнизон, состоявший из суровых афганцев Гора, оказал сопротивление и даже осуществил вылазку, но горожане, «которые предпочитали спокойную жизнь в домах, украшенных превосходным кашанским фаянсом», отказались от военных действий. Гийат, ад-Дин был вынужден капитулировать.*

Тамерлан оказал ему любезную встречу, «оказал ему честь прикоснуться губами к царственному ковру», но заставил последнего отдать все богатства города. Отец одного из сыновей мелика, защищавшего недоступную цитадель Аманкоха или Ишкальчи, заставил его сдать лично.

Тамерлан оставил Гийат ад-Дина почетным правителем Герата. Но город, стены которого были разрушены, перешел во владение тимуридской империи. Сам же Гийат ад-Дин стал выполнять роль униженного вассала и был насильно отправлен жить в Самарканд. Ситуация могла бы так и продолжаться, если бы к концу 1382 г. отряды афганцев Гора при содействии населения Герата не попытались бы восстать и стать вновь полновластными хозяевами города.**

Принц Мираншах, третий сын Тамерлана, жестоко подавил мятеж: из человеческих голов были сооружены высокие пирамиды. За-фер-наме доводит до нас сведения, что в результате этих событий Гийат ад-Дин и члены его семьи, которых несомненно заподозрили в заговоре, были приговорены к смерти в Самарканде.***

Таким образом пришел конец афганской династии кертов, которой удавалось, благодаря гибкой политике, править около ста тридцати лет в период нашествий на крепость Герата, захват которого жаждали многие завоеватели.

Подчинив себе кертское царство Герата, Тамерлан в 1381 г. начал военную кампанию против Восточного Хорасана. Страна была объектом соперничества двух княжеств. С одной стороны, княжества сар-бедаров, представленных Али Муайадом (1364—1381), столицей которого был Себзевар.**** С другой стороны, авантюриста Эмира Вали (1360—1384), который после смерти Туга Тимура, провозгласил себя правителем Мазандерана, куда входили Астерабад, Вистам, Дамган и Семнан.*****

* Месяц Мохаррам 783 г. Хиджры (28 марта — 26 апреля 1381 г.), года собаки. Зафер-наме, I, 326.

** Конец 784 года (1382-1383), Зафер-наме, I, 359.

*** Зафер-наме, I, 361.

**** Минорский, Туга Тимур, Энц., Ислам, 863.

***** Д'Охссон, IV, 739-740.

Был еще и третий сановник — Али-бек, властитель Келата и Тусы. По прибытию Тамерлана, Али-бек тут же подчинился ему.*

Али Муайад, которому угрожал Эмир Вали, обратился к Тамерлану за помощью. Он встретил великого завоевателя, оказал ему почести в Себзеваре и объявил себя его вассалом (1381).**

Он с того времени жил у Тамерлана и в 1386 году был убит на службе. В дальнейшем Тамерлан после недолгой осады забрал Исфган у Эмира Вали и разрушил город.***

После короткого отдыха в Самарканде, Тамерлан вновь продолжил свой поход на Иран. Зимой 1381 — 1382 годов он взял в осаду Али-бека в его орлином гнезде Келата и заставил того подчиниться.****

Некоторое время спустя, Али-бек был выслан в Трансоксиану и казнен (1382). Тамерлан продолжил войну против Эмира Вали, властителя Джорджана и Мазандерана, который выплатил ему дань.*****

В 1383 г. Тамерлан вернулся из Самарканда в Персию. Он жестоко расправился с восставшим Себзеваром. «Были воздвигнуты башни из положенных друг на друга живых пленников, которых замуровали заживо при помощи глины и кирпичей».*****

Такая же участь постигла Сеистан. «Наши воины навалили огромную грудку обезглавленных тел, а из голов убитых воздвигли башни». В Зарендже, столице Сеистана, Тамерлан «уничтожил всех жителей, мужчин и женщин, молодых и старых, начиная от столетних стариков до младенцев в колыбели».*****

Тамерлан безжалостно разрушил систему водоснабжения сеистанских поселений, которые превратились в пустынные края. «И когда они прибыли на берег р. Хильменд, они разрушили плотину, которая называлась плотиной Рустама и от этого древнего сооружения не осталось камня на камне».*****

* Зафер-наме, I, 329-330. **

Зафер-наме, I, 330. *** Зафер-наме, 331. **** Зафер-наме, I, 338-346. ***** Зафер-наме, I, 353.

***** Зафер-наме, I, 377. Ибн-Арабшах, перевод Сандерс, 25-27. *****

Взятие Заренджа имело место в месяце шавале, 785 г. Хиджры (27 ноября-25 декабря 1383 г.), год мыши. ***** Зафер-наме, I, 379

Руины этой древней страны Сеистана, которые потрясают еще сегодня путешественников, возникли из-за жестоких разрушений и кровавой резни.*

Тимуридские турки завершали дело, начатое чингизидскими монголами. Турки и монголы, или по причине вечного кочевого образа жизни или из-за регулярной системы разрушений, повсюду показали себя как активные соучастники тотального опустошения для которого ввиду географической эволюции центр Азии имеет соответствующие условия. Уничтожая культурные ценности для возрождения степи, они явились на обширной территории планеты, не осознающими свои деяния разрушителями жизни на земле. Турко-мон-голы губили растения, сводили на нет сады, превращали драгоценные источники воды в болота, а плодородные земли в пустыню. Особенно это касается верхнего плато Ирана, где вода и растительность были скудны, где возделываемые с таким рвением сельскохозяйственные культуры не могут существовать друг без друга, где шла вечная борьба за то, чтобы земля оставалась благодатной.

Из Сеистана Тамерлан направился в Афганистан для того, чтобы захватить Кандагар (1383). После трехмесячной передышки в своем благословенном Самарканде, Тамерлан возвратился в Персию, чтобы покончить навсегда с принцем Мазандерана — Эмиром Вали. Тот, проявляя храбрость, защищал каждую пядь своей земли от Атрека до самых лесов; даже ему чуть не удалось захватить однажды ночью лагерь тимуридов,** но в итоге Тамерлан одержал полную победу и овладел Астерабадом, вражеской столицей, где он разрушил буквально все, «даже уничтожил грудных младенцев» (1384).***

Вали бежал в сторону Азербайджана. Тамерлан проник затем в Ирак Аджемию.

Завоевание Тамерланом Западного Ирана

Как на это мы указывали, Аджемиетский Ирак, Азербайджан и Багдад принадлежали монгольской династии джалаиридов, которыми с 1328 г. руководил султан Ахмед Джалаир ибн Увейс. Ахмед являлся типичным монголом благородных кровей, которого сформировала среда в которой он вращался и стал арабо-персидским султаном по примеру сельджуков и хорезмшахов XII в., был «жес-

* Миссия Хаккина в 1936 г. исследовала руины города Сар-Отар или Тар-Уссар, в Сеистане, в стране древних культур, покрытого песчаными дюнами с периода его разрушения тимуридами в 1384 г.

** Месяц Шаваль 786 г. Хиджры (16 ноября—14 декабря 1384 года).

*** Зафер-наме, I, 388-395.

токим и коварным деспотом, одновременно, смелым воином, покровителем ученых и поэтов».*

Он пришел к власти, уничтожив старшего брата Хусейна (1382), впоследствии одержал верх над остальными братьями (1383—1384). Когда Тамерлан приблизился к границе, он находился в Султании, являвшейся в то время центром Аджемистского Ирака: султан незамедлительно бежал от войск Тамерлана, который превратил город в свою ставку.**

Ахмед Джалаир скрылся в Таурисе. Тамерлан не стал его преследовать и вернулся в Самарканд через Амол и Сари, где он обычно имел привычку восстанавливать свои силы после каждой военной кампании (1385).

И только в 1386 г. Тамерлан вновь двинул свою армию на Западную Персию и где в течение двух лет он вел военную кампанию. Одной из причин побудивших его начать военный поход, было благое желание, которое неожиданно нашло на него, было подвергнуть наказанию горцев Луристана, ограбивших караван, шедший из Мекки. Он успешно завершил эту карательную миссию во время которой «большинство разбойников были взяты в плен и сброшены с высокой горы»***

Далее Тамерлан пошел в Азербайджан и захватил Таурис. При наступлении войск Тамерлана, Ахмед Джалаир бежал из Тауриса в Багдад****

Тамерлан обосновался в Таурисе, где провел лето 1386 г., а затем через Нахичевань, отправился на завоевание Грузии. Так как грузины были христианами, военные действия против них позволили Тамерлану придать этой кампании характер религиозной войны. Выйдя из Карса в 1386 г., который он снес с лица земли, он штурмом овладел Тифлисом и взял в плен царя Грузии — Баграта V (который несколько позже был освобожден, потому что сделал видимость, что принял мусульманскую веру)*****

Тамерлан вернулся на зимовку в Карабах в степи нижнего течения Куры. Там неожиданно (мы об этом поведаем позже), на него напал его протеже — кипчакский хан Токтамыш, который пересек дербендский пролив во главе сильной армии, для того, чтобы отвоевать у него Азербайджан (начало 1387 г.). На севере Куры разгорелось небывалое сражение. Армия, посланная Тамерланом, вначале потерпела поражение, но затем его сын Мираншах, который прибыл с подкреплением, одержал победу над войском Токтамыша и оттеснил врага на

* Бартольд, Ахмед Джалаир, Энци. Исл., 1, 200. См. Арабшах, 63-64. ** 787 год Хиджры (12 февраля 1385 г. — 1 февраля 1386 г.), год Пантеры. Зафер-наме, I, 399-400. См. Арабшах, 54. *** Зафер-наме, I, 407, Арабшах, 55. **** Зафер-наме, I, 408-411. Арабшах, 57-58. ***** Зафер-наме, I, 414. См. Минорский, Тифлис. Энци. Исл. 796

север Дербента. Тамерлан, отличавшийся безжалостностью, когда речь шла о мщении афганцам и персам, на этот раз проявил небывалое великодушие: он выслал всех пленников хану Кипчакии и ограничился почти отеческим порицанием последнего. Тюркский баловень судьбы все еще находился, несмотря ни на что, под влиянием Чингизханидского наследственного права на престол, воплощением которого он видел в личности Токтамыша.*

Обосновав свою ставку на берегу озера Гекчи, Тамерлан пошел на завоевание Великой Западной Армении. Эта страна была поделена между несколькими эмирами тюркского происхождения, принявших мусульманскую веру, и выступив против которых, по сведениям Зафер-наме, Тамерлан объявил, что пошел на священную войну под предлогом того, что тюрки атаковали караван из Мекки.**

За одни сутки он овладел Эрзерумом. Тюркский эмир Тахертен, правитель Эрзинджана тут же подчинился ему: Тамерлан оставил его титулы в неприкосновенности. Затем Тамерлан послал своего сына Мираншаха с армией в Муш и Курдистан против тюркской орды под названием Черная Овца или Кара-Коюнлу, которую возглавлял Кара Мухаммед Турмуш. Сам же Тамерлан ограбил провинцию Муш, а солдаты противника скрылись в труднодоступных горных ущельях.

Завершив завоевание Армении после падения городища Ван, защитников которого он повелел сбросить вниз со скал, Тамерлан направился против государств мозафферидской династии, правившей Фаром (Шираз), Исфаганом и Кирманом.

Мозафферидский принц Шах Шуджа, которого Ибн Арабшах представил нам как образец всех добродетелей (и это при том, что тот, ослепив своего отца, оставил его умирать в подземелье), не так давно был вынужден подчиниться Тамерлану.***

Шах Шуджа незамедлительно признал сюзеренитет завоевателя, предотвратив, таким образом, опасное вторжение в эти страны. Умирая в своей столице — Ширазе, он передал Шираз и Фарс своему сыну — Зейн-аль-Абидину, Кирман — другому брату Ахмеду, в то время как за Исфаган и Йезд за право обладания ими в борьбу вступили его племянники — Шах Яхья и Шах Мансур (первому, в конце концов, достался Йезд, второй чуть позже завладел Исфаганом).****

Перед смертью Шах Шуджа определил свою семью под покровительство Тамерлана. Несмотря на доверительный тон этого письма

* Зафер-наме, I, 425-429 (начало в 789 г. Хиджры, год Зайца, наступивший 22 января 1387 г.).

** Зафер-наме, I, 432.

*** Арабшах, 27-30.

**** Cf. Zettersteen, Muzaffarides, Enc. Isl., 853. Арабшах, 36.

(текст которого нам предоставляет Зафер-наме), чувствуется, что Шах Шуджа был полон неуверенности.*

В самом деле Тамерлан тотчас же воспользовался кончиной своего вассала и захватил мозафферидские владения (октябрь—ноябрь 1387 г.). Пройдя через Хамадан, он напрямик двинулся на Исфаган. Мозафферид Каши поспешил передать ему ключи от города; Тамерлан торжественно вошел в Исфаган, а затем устроил стоянку за его пределами. Казалось, что все проходило мирно, как вдруг в одну из ночей жители города убили тимуридских уполномоченных по сбору налогов, а также трансоксианских воинов, оказавшихся на их пути. Тамерлан, придя в бешенство, приказал устроить массовую резню населения. Каждый отряд армии обязан был «вывесить» на обозрение соответствующее количество отрубленных голов. Зафер-наме, официальный рупор Тамерлана, приводит цифру в 70 000 голов, «которые были сложены в кучу за стенами крепости Исфагана и из которых затем воздвигли башни в различных участках города». Сцены кошмарных ужасов, описанных в связи с этим Арабшахом выглядят еще более отвратительными, чем те, о которых повествуют летописцы Чингиз-хана, когда речь шла о кровавых бойнях в Балхе, Герате и Газне в 1221 г. Ведь монголы были простыми дикарями, в то время как Тамерлан относился к образованным тюркам, был большим почитателем персидской литературы, разрушившим цветок иранской цивилизации, набожным мусульманином, приведшим в руины столицы мусульманского мира.**

Превратив Исфаган в оссуарий, Тамерлан двинулся на Шираз, откуда сбежал мозафферидский принц Зейн аль-Абидин. Приведенный в ужас город старался угодить Тамерлану, который устроил там свою стоянку. Мозафферид Кирмана — Шах Ахмед и мозафферид Йезда — Шах Яхья, дрожа от страха, «склонились, чтобы поцеловать царский ковер». Тамерлан, учтя их раболепность, оставил в распоряжении первого — Кирман, второго — Фарс. Наиболее искусные ремесленники Шираза были отправлены в Самарканд, чтобы еще больше украсить столицу тимуридов.***

Как мы это увидим, Тамерлан был вынужден в тот период вернуться в Самарканд из-за вторжения хана Кипчакии в Трансоксиану (конец 1387 г.). В Персию он возвратился только в 1392 г. и начал войну, которая продолжилась пять лет (1392—1396). Театром военных действий он избрал Мазандеран в период своей первой военной кампании. Он отвоевал Амол, Сари, и Мешхедхиссар у местного пра-

* Зафер-наме, I, 442-447.

** Зафер-наме, I, 449-454, II, 173-183. Арабшах, 43-46. *** Зафер-наме, I, 454-462 (вступление Тамерлана в Шираз, 1 зулкада 789 г. Хиджры = 13 ноября 1387 г.).

вителя Сейидов, проложил дороги в нетронутых густых девственных лесах края и приложил усилия для того, чтобы обратить в ортодоксальных суннитов шиитское население, постоянно прибегавшего к пережиткам исмаилитов.* Проведя зимовку в Мазандеране, он вернулся в Луристан через Нехавенд, и где он сурово расправился с закоренелым бандитизмом лурчан в Луре, затем в Дизфуле и Шустере, далее он усмирил восставших мозафферидов.

Фактически после ухода Тамерлана один из мозафферидских принцев, отличавшимся по сравнению с другими своей энергичной деятельностью, Шах Мансур устранил последних и в противовес Тамерлану укрепил в свою пользу наследные владения. Он лишил зрения своего кузена Зейн аль-Абедина, обязал брата Яхью уйти из Шираза в Йезд, завладел Ширазом, который он сделал столицей и взял Исфаган. Вероломный, как и его сородичи, он отличался активностью, энергией, необычайной отвагой и осмелился оказать сопротивление Тамерлану. В апреле 1393 г., после того как Тамерлан осуществил объединение армии в Шустере, он пошел на Шираз. По пути в начале мая он захватил крепость Калайи-Сефид, которая считалась неприступной. Мансур вышел к нему навстречу и ввязался в жестокий бой в окрестностях Шираза. Благодаря личной храбрости мозаффериду удалось расстроить ряды трасоксианской гвардии, проникнуть к стоянке Тамерлана и нанести последнему два удара мечом, самортизированных прочной каской Тамерлана. Но в итоге Мансур был умерщвлен, его голова была разрублена на две части юным сыном Тамерлана — Шахрохом, которому было семнадцать лет, который бросил голову врага к ногам своего великого отца (май 1393 г.).**

Возвращение Тамерлана в Шираз было триумфальным. Ему отдали все сокровища древнего города и он получил громадную военную контрибуцию. Зафер-наме красочно описывает это событие: «Целый месяц прошел в празднестве и удовольствиях. Играла музыка, звучали арфы, доброе красное вино Шираза наполнялось в золотые кубки руками самых прелестных красавиц города». Оставшиеся в живых мо-заффериды — Шах Ахмед, принц Кирмана и Шах Яхья — принц Йез-да, с раболепной покорностью предстали перед завоевателем, но некоторое время спустя Тамерлан казнил почти всех членов семьи и отдал их владения своим подчиненным.***

* Зафер-наме, II, 143-154.

** Зафер-наме, II, 183-198. Арабшах, 36-42.

*** Арабшах, 48-49. Зафер-наме, II, 201-207.

Ученые, искусные ремесленники и художники Фарса были переправлены в Самарканд, город, который Тамерлан решил превратить в столицу Азии.

В июне 1393 г. Тамерлан из Шираза направился в Исфаган и Хамадан, где он устроил свою ставку, а затем приступил к завоеванию Багдада и Арабского Ирака, принадлежавших султану Ахмеду Джаелаиру, последнему представителю монгольской династии Джалаиридов. В начале октября он прибыл к подступам Багдада. При приближении Тамерлана Ахмед Джалаир бежал на запад. Он едва не попал у Карбелы в плен Мираншаху, который пустился за ним в погоню, но ему удалось ускользнуть от преследователей и скрыться в Египте, где он был принят мамелюкским султаном Бар-куком. Тамерлан вошел в Багдад без боя. По восторженным записям Зафер-наме следует, что «Татарские отряды ворвались в Ирак подобно полчищам муравьев и саранчи, они заполнили селения со всех сторон, грабя и опустошая все на своем пути. Тамерлан провел три месяца в Багдаде для восстановления сил, «отдыхая в загородных виллах на берегу Тигра»*

Далее Тамерлан пошел на север. По пути он захватил цитадель Текрита и напал на укрепленные замки Курдистана и Диарбакира. В этой военной кампании он потерял своего второго сына Омара Шейха, убитого стрелой у малого курдского форта (февраль 1394).**

Тамерлан захватил Мардину после тяжелой осады (март 1394),*** а также Амид. В последующем он двинул свою армию на Великую Армению, изгнал из этого края Муши тюрка Кара Юсуфа, предводителя орды Черной Овцы (Кара Коюнлу). Пройдя Ван, он пошел войной на Грузию (конец 1394 г.).

В то время как Тамерлан, как мы это увидим, в 1395 году через Кавказ пошел войной на кипчакского хана в Южной России, грузины нанесли поражение третьему сыну — Мираншаху, который взял в осаду Алинджак около Нахичивана.****

Когда Тамерлан возвратился на Кавказ в 1399 г., он отомстил, опустошив Кахетию (Восточная Грузия). Он еще раз отомстил весной 1400 г., когда пошел на Тифлис, оставив один гарнизон в городе, он полностью разрушил страну в то время, как царь Георгий V

* Арабшах, 64. Зафер-наме, II, 221-238 (прибытие Тамерлана к Багдаду: конец месяца шаваль 795 г. Хиджры = 10 августа—7 сентября 1393 г.).

** Раbia I, 796 г. хиджры (4 января—2 февраля 1394 г.), год Куриины (Зафер-наме, II, 270).

*** Раbia II, 796 (3 февраля — 3 марта 1394 г.) (там же, 275).

**** См. Минорский, Тифлис, Энци. Исл., 796, суб анно 798 г. Хиджры = (16 октября 1395 — 1 октября 1396 г.).

скрылся в горах. В 1401 г. Тамерлан все-таки предоставил охранное свидетельство Георгию V на условиях выплаты подати. Тем не менее, он вернулся в 1403 г. для того, чтобы разорить страну, разрушил 700 поселений, уничтожая жителей, снося все христианские церкви Тифлиса.*

Нашествие чингизханидских монголов в XIII в. было менее жестоким, так как известно, что монголы были просто дикими людьми и прибегали к убийству только потому, что в течение долгих веков разбой являлся составной частью инстинктивного поведения кочевых пастухов по отношению к оседлым земледельцам. Тамерлан присовокупил к этой жестокости вкус убийства с привлечением религиозного ритуала. Он умерщвлял, прибегая к религиозному состраданию, упоминаемого в Коране. Он представлял синтез, что без сомнения, недоставало истории, монгольского варварства и мусульманского фанатизма. Это был высший этап вековой потребности к убийству каким являлось убийство, совершаемое во имя абстрактной идеологии по зову долга и священной миссии.

Последние сопротивления тимуридской власти в Иране возглавлялись бывшим султаном Ахмедом Джалаиром, а также тюркским предводителем Кара Юсуфом, эмиром Черной Овцы. Известно, что в декабре 1393 г. и январе 1394 г. Ахмед Джалаир, изгнанный Тамерланом из Багдада, скрылся в Египте у султанского мамелюкс-кого султана Баркука. Получив помощь от Баркука, Ахмеду Джа-лаиру удалось вернуть Багдад в этом же 1394 г. после ухода тимуридской армии. В связи с тем, что Тамерлан был занят своими военными делами в другом месте, Ахмеду Джалаиру удалось удержаться в Багдаде отчасти при содействии эмира Черной Овцы — Кара Юсуфа до лета 1401 г. Когда же Тамерлан вернулся из Арабского Ирака, Ахмед Джалаир вновь сбежал к мамелюкам, но его воено-начальники решились защищать Багдад. 10 июля 1401 г. Тамерлан захватил город. Защитники города оборонялись с отчаянной энергией. Месть Тамерлана была крайне жестокой. Великий завоеватель, который семь лет назад отнесся к Багдаду с неколторой снисходительностью, на этот раз приказал подвергнуть город беспощадному разбою. Каждый воин был обязан принести отрубленную голову жителя города, как об этом свидетельствует Шараф ад-Дин, а по данным Ибн Арабшаха, даже две головы.**

* Минорский, Тифлис.

** Зафер-наме, 111,363-371 (окончательный штурм Багдада: 27 зулкада 803 года Хиджры = 9 июля 1401 года). Арабшах, 165=169.

Надо было обладать расчетливым умом, чтобы в такой кровавой переделке суметь сохранить некоторых высокообразованных людей, как это сделал Тамерлан, и даже предоставить им особые почетные условия для творчества. За исключением вышеназванных людей, все население было казнено, так же как уничтожены все строения, за исключением мечетей. Ибн Арабшах приводит цифру в 90 000 казненных. Июльская жара под ясным иракским небом сделала свое дело: горами нагроможденные трупы разлагались, становясь причиной эпидемий, заставившие принять меры к отступлению.

В период войны между Тамерланом и Османским султаном Баязидом, о которой мы расскажем ниже, упрямый Ахмед Джалаир воспользовался сложившейся ситуацией, чтобы еще раз вернуться в Багдад, но он быстро потерпел поражение и был изгнан своим бывшим союзником — Кара Юсуфом, предводителем орды Черной Овцы. Сам же Кара Юсуф был изгнан при ответном наступлении тимуридской армии под командованием Абу Бекра, внука Тамерлана (1403). Кара Юсуф и Ахмед Джалаир нашли убежище в Египте, откуда они вернулись только после смерти Тамерлана.*

Тамерлан и Кипчакия

Известно, что в 1376 г. Тамерлана посетил в Самарканде Чингизханид по линии Джучи, по имени Токтамыш, который обратился за помощью в борьбе против своего сюзерена Урусхана, хана клана Белой Орды, который, как мы знаем, правил на севере нижнего течения Сырдарьи в степях Сарысу и у предгорий Улутау.**

Как мы на это уже ссылались, нам неизвестно, был ли Токтамыш племянником или просто дальним родственником Урусхана.***

Весьма довольный тем, что к нему обратился чингизханидский принц, который мог ему помочь в осуществлении его планов, Тамерлан, как нам известно, отдал последнему города Отрар, Чабран и Сыгнак на северном берегу среднего течения Сырдарьи у границ степей Белой Орды. Дважды Токтамыш был изгнан из этого небольшого владения ханом Урусом и каждый раз он обращался к Тамерлану в Самарканде. Как свидетельствует Зафер-наме, Урус потребовал его экстрадиции. Проигнорировав эту просьбу, Тамерлан пошел на защиту

* Зафер-наме, IV, 93-97. Бартольд, Ахмед Джалаир, Энци. Исл., I, 201.

** Прошу извинения за то, что вернулся в этом случае, чтобы детализировать факты, данные уже по поводу монгольской России. Невозможно, учитывая сложность проблемы, избежать подобных очевидных повторений. Если стараться их избежать любой ценой, то повествование становится не совсем ясным.

*** См. Бартольд, Токтамыш, Энци. Исл., 850.

линии Сырдарьи. Он одержал победу над Урусом между Сыгнаком и Отраром и отгеснил последнего в степи (начало 1377 г.).*

Урус скончался в том же году и его поочередно сменили на троне сначала Тохтакийа, а затем — Тимур-мелик. Когда Тамерлан вернулся в Трансоксиану, Тимур-мелик еще раз одержал победу над Токтамышем. И вновь Тамерлан вернул ему власть в Сыгнаке, прислал ему подкрепление при помощи которого Токтамыш застал врасплох своего врага, который проводил зимовку в уезде Каратал, о котором говорится в Зафер-наме,** и одержал решительную победу, позволившей Токтамышу встать во главе Белой Орды (зима 1377 — 1378).***

Если верить летописи Зафер-наме, Токтамыш до того времени не проявил, кажется, личных достоинств и возвышение которого произошло только благодаря Тамерлану. Но став ханом Белой Орды он, кажется, напротив, неожиданно проявил невероятную активность. Как только он стал предводителем Белой Орды, он предпринял попытку подчинить Золотую Орду или Кипчакское ханство, т. е. Монгольскую империю южной России. Как нам известно, он победил в 1380 г. хозяина Золотой Орды — Мамаю в решающей битве у Калки или Калмиюса в регионе Мариуполя недалеко от берегов Азовского моря. Он был признан ханом Золотой Орды, объединив таким образом Золотую и Белую Орды. Словом, почти всю бывшую джучидскую территорию, установив господство отныне от нижнего течения Сырдарьи до Днестра, от Сыгнака и Отрара до города Киева. В своей столице Сарае на нижнем течении Волги, он воплощал теперь одного великого властелина своей эпохи. Продолжая традиции своих чингизха-нидских предков, он возобновил великие монгольские набеги, захватил христианскую Россию, сжег Москву 26 августа 1382 г., опустошил Владимир, Юрьев, Можайск и другие русские города, разгромил даже литовцев у Полтавы, которые хотели вмешаться и на целый век обрек Московию на монгольское подданство.

В результате, у него произошло головокружение от успехов. Кто же для него Тамерлан, тюркский безродный выскочка, без ясных юридических прав, кто же он такой перед ним, представлявшим самую подлинную чингизханидскую легитимность? В конце концов, все неоспоримые чингизханиды опирались теперь на союз северозападных орд, на неисчислимы человеческие ресурсы степных прос-

* Зафер-наме, I, 276-286 (конец г. Дракона = начало 1377 г.).

** Очевидно, другой, нежели Каратал, южный приток Балхаша на востоке от Или, который находился на его территории, но не Белой Орды, а чагатайского ханства Или или Моголистана.

*** Зафер-наме, I, 292-294. Хронология Бартольда, Токтамыш, I, 850.

торов. Для него, являвшимся предводителем кочевников севера, Тамерлан, правитель Трансоксианы, казался теперь не кем иным, как простым таджиком. Как и каждый монгол, он испытывал по отношению к этому тюрку-строителю и на три четверти оседлому человеку, что-то наподобие скрытого пренебрежения, которое Тамерлан испытывал по отношению к жителям Исфагана и Ширазха... Активный, полный энергии, прекрасно сложенный (каким его рисует анонимный Искандер), уважаемый монголами за справедливость, устал быть в тени тюркского выскочки, который называл его своим сыном. Конечно же он забыл, с неблагодарностью, что был обязан тому своей карьерой. Он совершил ошибку в особенности в том, что недооценил грозную силу, которой являлся Тамерлан.

Как и все его предшественники, ханы Кипчакии, начиная от Берке, Токтамыш посягнул на Азербайджан. Кстати вспомним, что с 1260 и 1330 гг. повелители Сарая никогда прямо не смирились с тем, что Закавказье и северо-запад Персии не были в подчинении их улуса. Отметим, что напротив в 1385 г. до того, как Тамерлан вошел в Азербайджан, который принадлежал султану Ахмеду Джалаиру, Токтамыш взял его по пути из Ширвана, затем захватил Таурис и разграбил город (зима 1385—1386).*

Впрочем он ушел оттуда с добычей, как это делали монголы, в то время как Ахмед Джалаир вновь овладел провинцией. Как мы это знаем при таких обстоятельствах он подчинил Персию и присоединил Азербайджан к своей империи (1386).

Такой поворот событий явился причиной разрыва между двумя бывшими союзниками или вернее спровоцировала Токтамыша без объявления войны начать неожиданную атаку против своего благодетеля, который чуть было не попал врасплох.

Тамерлан зимовал в 1386—1387 гг. на севере Азербайджана в провинции Карабах и еще находился там, когда весной 1387 г. Тохтамыш без особых приготовлений перешел Дербентский пролив и двинул свою армию против него в направлении Карабаха. Тамерлан, стоянка которого находилась в Бардаа на юге Куры успел только выслать вперед усиленные передовые части в северном направлении реки. Небольшая армия вступила в бой против Токтамыша и проиграла сражение и в этот момент принц Мираншах, третий сын Тамерлана прибыл с подкреплением, восстановил прежнюю ситуацию и

* Зафер-наме, I, 402-404; Браун, История Персии, Лит., III, 321; Минорский, Табриз, Энци. Исл., 616.

обратил Токтамыша в бегство. Поведение Тамерлана в связи с этими событиями было весьма многозначительным. К нему привели многочисленных воинов разбитой армии, взятых в плен. Известно, какие обычно последствия следовали в подобных случаях. На этот раз, напротив, он не только освободил своих пленников, но вернул их Токтамышу, снабдив их продовольствием и всем необходимым. В то же время, как об этом говорится в Зафер-наме, он обратился к Токтамышу, которого он продолжал «рассматривать как своего сына», с укоризной, в котором чувствовалось больше искреннего огорчения, чем раздражения.*

Если сравнить подобное поведение с крайней непреклонностью и презрением и с жесточайшей мстостью завоевателя по отношению к своим тюркским или персидским неприятелям, можно оценить тот вес, который имело в его глазах законное право наследования Чингизидов. Разумеется, фактически Тамерлан разрушал дело Чингиз-хана или по крайней мере подменял его самим собой. Теоретически, он возможно не осмеливался напрямую признаться самому себе в этом, лукавил, придавая своей новой тюркской империи черты монгольского облика, оказывал неожиданное уважение, может произвольно, к тем потомкам Чингиз-хана, которые проявили какую-либо инициативу. По-видимому, здесь ощущалось также подсознательное опасение, которое было присуще трансоксианцам, когда речь шла о северных ордах.

Токтамыш не только остался глух к этому обращению, а пошел дальше и когда Тамерлан задержался в Персии, он воспользовался его отсутствием, чтобы напасть даже на сердце его империи, Трансоксиану. К концу 1387 г. он нарушил границу Сырдарьи со стороны Сыгнака, осадил Чабран, затем, посчитав это недостаточным, опустошил страну. Омар Шейх, второй сын Тамерлана, попытался остановить его, но проиграл сражение при Отраре и чуть было не попал в плен.**

Нападение имело такие серьезные последствия, что Трансоксиана, оказавшаяся беззащитной, подверглась нападению с тыла кочевниками Моголистана со стороны Ферганы. Отряды Токтамыша рассеялись по всей Трансоксиане, разграбили все незащищенные поселения и осмелились даже взять в осаду Бухару. Опустошительным набегам подверглись окраины Карши и даже берега Амударьи.***

* Зафер-наме, 1,423-429 (ошибка у Пети под 787 г. Хиджры, 12 февраля 1385-1 февраля 1386 г., год Крокодила). ** Там же, I, 463-465. *** Зафер-наме, I, 465-469.

Тамерлан срочно вернулся из Персии (начало февраля 1388 г.). Токтамыш, не дожидаясь его, возвратился в степи Белой Орды, и в конце 1388 г. создав мощную армию, о которой в Зафер-наме говорится, что в ней участвовали воины из Московии, Токтамыш вновь двинул свои войска на Трансоксиану, на этот раз, пройдя через восток, со стороны Ходжента в Фергане. Тамерлан пошел к нему навстречу с небольшим войском, которое ему удалось собрать, в снежную погоду, при ужасном холоде, он ввязался в бой и отбросил противника на север Сырда-рьи (в январе 1389 г.).*

Токтамыш все же продолжал военные действия в среднем течении Сырдарьи, взял в осаду Чабран, разграбил Яссы (нынешний Туркестан). Но когда Тамерлан переправился через Сырдарью, вражеская армия ушла в степь.**

Опыт этот оказался поучительным. Тамерлан не имел возможности продолжать свои победоносные кампании в Передней Азии, оставив Трансоксиану незащищенной от вторжений Токтамышша. Он принял решение вести войну на территории своего противника, в степях Белой Орды. Выйдя из Ташкента в январе 1391 г.,*** он принял посланников Токтамышша, который попытался отвести угрозу, предложил ему скакунов и сокола. "Он посадил сокола на руку, взглянул на него, но не выказал посланникам других знаков доброй встречи". Тамерлан по опыту 1387—1388 гг. смог предположить, что Токтамыш разворачивал свои силы в местах, принадлежавших ему по наследству, в степях Белой Орды, в бассейне р. Сарысу, горной гряде Улугтау и бассейне р. Тургай. Тамерлан двинулся в этом направлении. От Яссы (нынешнего города Туркестана), он двинулся на северо-запад, через безлюдные пространства нижнего течения Сырдарьи, затем гор Улугтау (Улугтаг), которые разделяли бассейн этой реки от Тургая. «Он поднялся на вершину горы, говорится в Зафер-наме, и с восхищением стал всматриваться на широкие долины, которые своим пространством и обилием зелени напоминали безбрежное море" (конец апреля 1391 г.).****

Но не было никаких следов Белой Орды. Токтамыш оставил только пустынные пространства перед Тамерланом, как это делали в свои

* Зафер-наме, II, 22-26 (перед сафаром 791 г. Хиджры, 30 января-27 февраля 1389 г.).

** Зафер-наме, II, 27-31 (кРабиа 1,791 г. Хиджры, 28 февраля — 29 марта 1389 г.).

*** Тамерлан покинул Ташкент 12 сафара 793 г. Хиджры, 19 января 1391 г. (Зафер-наме, II, 73).

**** Зафер-наме, II, 81, под рубрикой конца джумады I, 793 (окончание 5 мая 1391 г.).

времена хунны и тукю. Продвигаясь вперед в степных просторах, тимуридские воины попутно охотились, чтобы прокормить себя и дошли до реки Джиланчик (Иланжик по мнению Пети де ля Круа), которая впадает в Джаман Ак-коль,* затем реку Кара-торгай, по Говарту, Атакарогай, по Зафер-наме, Анакаргу, (по мнению Пети).**

Армия Тамерлана продвигалась в пустынной местности четыре месяца после того, как ушла из Ташкента. Воины устроили грандиозную охоту, чтобы запастись дичью (6-7 мая),*** а затем Тамерлан, чтобы воодушевить своих солдат, устроил торжественное прохождение войска с такой же помпой и педантичностью, как это было присуще подобным манифестациям на центральной площади Самарканда.****

В действительности, все могло обернуться трагично для Тамерлана. Если бы Токтамыш действительно отступал бы все время на север, ему бы удалось изнурить тимуридскую армию, которую он смог бы раздавить, обессилевшую от голода и холода. Тамерлан же, считая, что противник убежал от него, углублялся все глубже в направлении Сибири. От Тургая он дошел до реки Тобол в районе нынешнего Кустана.*****

С другой стороны Тобола разведчики обнаружили наконец огни от костров. Тамерлан переправился через реку и ничего не обнаружил. «Все разведчики, которых послали вперед, скитались как бродяги на безграничных просторах, не обнаруживая ни малейшего человеческого следа, ничего не зная о намерениях противника». Наконец, от одного пленника Тамерлан узнал, что Токтамыш находился где-то на Урале. Тотчас же армия направилась на запад, переправилась через реку Яик или Урал, без сомнения, это было в регионе Орска и достиг притока Сакмара. Как его называет Говарт, а Зафер-наме — Семмур.*****

* Зафер-наме, II, 82.

** Зафер-наме, II, 82.

*** Зафер-наме, II, 83 (1 джумада II, 793 г. Хиджры = 6 мая 1391 г.).

**** "Тамерлан сел на коня в церемониальной одежде. На голове у него была золотая корона, украшенная драгоценными камнями, и он держал в руке золотую булаву размером с голову быка». Зафер-наме, II, 85. Детально описан парад, прохождение эскадрона за эскадронам и все в удивительно красочном описании. Это одна из прекрасных страниц эпопеи, которую я когда-либо знал.

***** Зафер-наме, II, 93.

***** Уместно заметить, что в Зафер-наме, II, 96-97, Тамерлан прибыл сначала к «Семмуру», только потом на Яик (прибытие на Яик-1 реджеба 793 г. Хиджры, 4 июня 1391 г.).

Токтамыш по всей видимости сосредоточил армию у Оренбурга. Тамерлану наконец-то удалось его «зацепить». Решающая битва состоялась 19 июня 1391 г. в местечке, о котором Говарт говорит, что оно находилось в стороне Кондурчинска на Кандурше, притоке Соки около Самары или же Кундузче, по мнению Бартольда.*

После однодневного сражения Токтамыш проиграл битву и бежал. Зажатые между трансоксианцами, одержавшими победу, и рекой Волгой, воины Токтамыша были почти полностью уничтожены или взяты в плен.**

Часть побежденных, которым удалось бежать, как свидетельствует Зафер-наме, скрылись на островах Волги. Тимуридские гонцы взяли их в плен. Зафер-наме обрисовывает с подобострастностью празднества, которые тимуридская армия устроила в степях Уртупа на берегу Волги: «Эта местность Волги была средоточием империи Джучи, сына великого Чингиз-хана, которое его преемники выбрали в качестве ставки. Тамерлану доставило огромное удовольствие занять их место на троне. Самые прелестные красавицы сераля окружали его, а рядом стояли важные сановники с бокалом в руках, и сопровождающие их красивые женщины. Вся армия приняла участие в развлечениях, которые затмили тяготы войны. В течение почти целого месяца они предавались наслаждениям, которые они заслужили»***

Примечательно то, что после стольких невероятных усилий и такой тяжело доставшейся победы, Тамерлан, удовлетворенный тем, что разбил врага, дойдя до самого сердца Белой Орды, ничего не предпринял, чтобы должным образом обустроить послевоенный период. Несомненно, он отдал в правление кипчакское ханство многим чин-гизханидам, противникам Токтамыша, среди которых Тимур Кутлуг, внук покойного хана Уруса.****

Тимур Кутлуг тотчас же стал искать своих союзников и собрав определенную часть, он сразу же ушел в степи со своими как и он инакомыслящими союзниками, вместо того, чтобы присоединиться с ними к Тамерлану.*****

Другой джучидский принц — Идику, который до определенного периода также пользовался покровительством Тамерлана, сделал то

* Бартольд, Токтамыш, I, с.851.

** Зафер-наме, II, 110-120 (15 реджеба 793 года Хиджры, 18 июня 1391 г.). ***

Зафер-наме, 11,127.

**** Тимур Кутлуг или Кутлуг был сыном Тимура Мелика, котрый был сыном Уруса, бывшего хана Белой Орды (см. выше). ***** Зафер-наме, II, 124.

же самое. Он получил задание от завоевателя навести порядок в кипчакских ордах и как только получил свободу действий, он стал действовать только для своей выгоды.*

Тамерлан ничего не предпринял, чтобы вернуть их под свое командование. Довольный тем, что у него сосредоточились огромные богатства, трофеи, добытые его воинами, он вернулся в Трансоксиану через нынешнюю русско-туркестанскую провинцию Актюбинск.

Очевидно, что перед Тамерланом стояла цель вызвать ужас у Золотой Орды, чтобы обезопасить свои владения от новых нападений с их стороны. Выполнив свою задачу, как он считал, Тамерлан потерял всякий интерес к Кипчакии. В результате такого безразличия с его стороны, Токтамыш достаточно быстро восстановил свою власть. В письме от 20 мая 1393 года, адресованного королю Польши — Ягеллону, найденного в Тане (Азов, и исследованного Бартольдом, Токтамыш лично объясняет причины своего поражения и триумфа: «Тамерлана призвали враги хана. Токтамыш узнал об этом слишком поздно. В начале военных действий эти заговорщики покинули его, и его империя, таким образом, была приведена к смуте, а теперь все стало на свои места. Ягеллон обязан оплатить требуемую дань». В то же время Токтамыш вел переговоры о заключении союза против Тамерлана с мамелюкским султаном Египта — Баркуком (1394—1395). В 1394 г. он восстановил силы в достаточной степени, чтобы начать наступление на юге Дербента в провинции Ширван, которая являлась частью ти-муридской империи, но эта атака приостановилась впрочем при первом приближении войск Тамерлана.**

Эта новая агрессия заставила Тамерлана принять решение: организовать в 1395 г. новый поход на Кипчакию. Умудренный опытом, Тамерлан отверг неприятный и изнурительный маршрут через турке-станско-сибирские степи и избрал дорогу через Кавказ, которая вела непосредственно в сердце «столиц» Золотой Орды, Сарай и Астрахань. В Самуре, на юге Дербента, его встретили посланники Токта-мыша, чьи объяснения были признаны недостаточными и перепра-

* Эпизодом Идику (здесь Идаку) подробно освещен Ибн Арабшахом. Автор, который относился к Тамерлану с большой ненавистью, доставляет себе удовольствие видеть, как Идику обхитрил Тамерлана. Шараф ад-Дин (II, 124) считает, что «бегство» Идику после первой «русской кампании» Тамерлана, кажется, рассматривается Ибн Арабшахом событием, имевшим место после второй кампании, или скорее, он путает временные рамки двух кампаний.

** Зафер-наме, II, 331-332.

вился через Дербентский пролив, а 15 апреля 1395 г.* напал на армию Токтамыша у берегов Терека. Тамерлан, который сражался как обычный воин, сам чуть было не попал в плен и убит, так «как у него оставалось мало стрел, короткое копье было сломано, и он размахивал саблей направо и налево.» В итоге Токтамыш проиграл битву и бежал в направлении Булгарии в районе Казани. Как свидетельствует Зафер-наме, он исчез в лесах тех краев до того, как передовые отряды тимуридов, скакавшие за ним вслед, смогли настичь его. Они вернулись, ограбив страну. «Было захвачено много золота, серебра, мехов, рубинов и жемчуга, юных мальчиков и девушек неопишуемой красоты». Тамерлан лично продвинулся к северу и дошел до русского города Илецка в верхнем течении Дона на границе монгольского ханства Кипчакии и славянской России. В противоположность тому, о чем утверждает Зафер-наме, он не нападал на Москву, а достигнув Илецка, он повернул на юг 26 августа 1395 г.**

В устье реки Дон он вошел в Тану (Азов), торговый центр, куда часто наведывались многочисленные генуэзские и венецианские торговцы, которые прислали к нему делегации с богатыми подарками и проявили наивность, поверив в его обещания. Последующие события показали как они были обмануты. Тамерлан проявил снисхождение только к мусульманскому населению. Все христиане были отданы в рабство, а их лавки, церкви и представительства были разрушены. Торговле между генуэзскими факториями Крыма и Центральной Азией был нанесен страшный удар.***

Далее Тамерлан двинулся на Кубань и разграбил страну черкесов. А затем на Кавказе в гуще лесов и в труднодоступных ущельях опустошил государство Аланов или Асэсов (Аход по-монгольски), предков современных осетин.****

Зимой 1395—1396 годов в устье Волги он снес с лица земли город Хаджиджитархан, нынешний Астрахань и сжег Сарай, столицу Кипчакского ханства. Бартольд считает, что безголовые скелеты, без рук и ног, найденные Терещенко в захоронениях Царева на Ахтубе, свидетельствуют о зверствах, содеянных в то время Тамерланом. В Зафер-наме просто упоминается, что оставшиеся в живых жители Сарая, в то время как полыхал их город в эту жуткую зиму, «шли, гонимые армией, словно стадо баранов».*****

* 23 джумада И, 797 г. Хиджры = 15 апреля 1395 г. (Зафер-наме, II, 446). ** Бартольд, Токтамыш, 851. *** Heyd, Commerce du Levant, 11,375. **** Зафер-наме, II, 368.

***** Зафер-наме, II, 379-382, Арабшах, 82. См. Хейд, Торковля Леванта, II, 229. Бартольд, Сарай, Энц. Исл., 163.

Весной 1396 г. Тамерлан возвратился в Персию через Дербент.

Тамерлан опустошил Кипчакию; нанес непоправимый ущерб торговле между Европой и Центральной Азией, разрушив Тану и Сарай, перекрыл древние пути, соединявшие разные континенты. Описанные еще Марко Поло, свел на нет то, что приносило благоприятные результаты для развития культуры, начиная с периода чингизханидских завоеваний. В Кипчакии, как, между прочим, и в других местах, разрушив все, что можно, он ничего не восстановил.*

По его возвращению в Персию, Токтамыш вновь стал правителем Белой Орды. Мемуары Ибн Аджа Аскалани, обнаруженные Бартольдом, описывают его войны между сентябрем 1396 г. и октябрем 1397 г. против генуэзских факторий в Крыму. Однако на этот трон претендовал также его соперник — Тимур Кутлуг. Он также соперничал с другим местным правителем по имени Идику, а Ибн Арабшах описывает нам перипетии новой войны, которая явилась разорительной для страны.**

Из всех претендентов на трон, Тимур кутлуг вышел победителем, по крайней мере, хотя бы на несколько лет. Он, впрочем, счел быть предусмотрительным и пожелал стать под покровительство Тамерлана: он послал к нему делегацию, которую Тамерлан принял в августе 1398 г. Токтамыш, проиграв соперничество, скрылся у Витовта, принца Литовского, который полностью встал на его сторону, но уступил сражение Тимуру Кутлу Гу на Ворске, притоке Днепра 13 августа 1399 г.

Токтамыш, вынужденный вести жизнь странствующего наемника, попытался снискать милость у Тамерлана, который в январе 1405 г. принял его посланцев в Отраре. Тамерлан, благоволивший к этому неблагодарному другу, пообещал оказать ему поддержку, но в этом ему помешала смерть. Что же касается Тимура Кутлуга, то его преемником в качестве хана Кипчакии стал его брат — Шадибек (1400— 1407). Русские источники указывают, что Токтамыш был убит воинами Шадибека в 1406 г. в Тюмени в Сибири, где он скрывался.

Поход Тамерлана на Индию

Тамерлан хорошо был осведомлен о том, что ханам династии Чагатай было свойственно совершать опустошительные кампании в Индии. Пенджаб и Доаб в северо-западной Индии рассматривались как охотничьи угодья для принцев этой Чингизханидской ветви. Нам известно, что с 1292 по 1327 гг. они не прекращали регулярно грабить, совершая

* Принц Коириджак, как нам утверждают источники, был сыном Уруса (Белая Орда), который в 1395 г., после победы, видимо предложил себя в качестве хана Белой Орды, но эта затея ему совершенно не удалась (Зафер-наме, II, 355).

** Археологический журнал, 84, 87.

кавалерийские набеги на Лахор и Мултан, продвигаясь конницей вперед, разрушая все на пути, дойдя до Дели, который несколько раз они брали в осаду. Эти нашествия стихли через несколько месяцев, потому что их целью являлось не что иное как грабеж, а также в связи с тем, что чагатайские монголы встретились с сильным государством, султанатом Дели, имевшем в своих рядах тюркских или тюрко-афганских предводителей, принявших мусульманскую веру, которые имели во главе таких энергичных суверенов как Ала ад-Дин Хилджи (1296—1316) и Мохаммед ибн-Туглук (1325—1351), сумевших кнутом и пряником во-время остановить монгольское нашествие, пришедшее со стороны Афганистана.

Тамерлан в сущности не имел другой цели, кроме того, чтобы возобновить свои успешные кампании грабежа на одной из самых богатых частей света. Но, в соответствии со сложившейся традицией, он придал своим действиям религиозную окраску. Несомненно, тюркский султанат Дели в основном был мусульманским и многие из правителей систематически предпринимали действия по массовому обращению индусов в ислам. Тамерлану показалось, что правители Индии слишком терпимо относились к язычеству. И как нам повествует Зафер-наме, это была всего лишь цель объявить войну врагам мусульманской религии, которая его подтолкнула пойти войной на захват Индии. «Коран гласит, что наибольшим достоинством обладает тот человек, который объявляет лично войну врагам исламской религии. Вот почему великий Тамерлан постоянно стремился к уничтожению неверных, чтобы добиться заслуг, а также из-за любви к славе».*

Под этими благими намерениями скрывалось точное знание политической ситуации в Индии. Султанат Дели к 1335 г., как и почти вся Индия в течение нескольких лет быстро пришел в упадок, за которым последовало территориальное разделение страны. Губернаторы многих крупных провинций освободились от власти султана и примкнули к автономным мусульманским княжествам. Таким путем от Бенгальской империи отделился Декан (1358, 1359), ставший автономной частью Бахманидского султаната (1347), затем Уд или княжество Джаунпура (1394), и наконец — Гуджарати (1396). Отделение этих местных мусульманских княжеств привело к тому, что султанат Дели сократился до одной территории, включавшей Пенджаб и Доаб, к тому же в Пенджабе было неспокойно из-за восстания племени хохаров в

* Зафер-наме, III, II, А так же Малфузати Тимури, Исвари Прасад, Индия с VII по XVI век, 342.

Салт Рэнже. И, наконец, правящий в то время в Дели султан Махмуд-шах II (1392—1412) был безвольным монархом, которым манипулировал всемогущий министр Маллу Икбал.*

В общем, перед Тамерланом предстала Индия с султанатом в полном разложении, лишенной своих самых богатых провинций, вызванного раздорами местных правителей. В начале 1398 г. он послал передовые отряды под предводительством своего внука Пир Мохам-меда, который переправился через Инд и взял в осаду Мултан, который сдался ему после полугодовой блокады (май, 1398). Сам же Тамерлан с основными силами армии переправился через Инд 24 сентября 1398 г., разграбил или отдал на разграбление своим отрядам город Таламбу на северо-востоке Мултана и соединился с Пир Мохам-медом. Он одержал победу в Сютледжи над предводителем хохаров — Джасратом, направился в сторону Дели по прямой дороге из Мултана, ведущей к Дели немного южнее 30-го градуса. На этом пути стоял форт Бхатнир, который оборонял повелитель раджпутов Рай Дуол Чанд. Крепость была взята и снесена с лица земли. Тамерлан захватил Сир-сути и овладел фортом Лони в семи милях от северо-запада от Дели. Захваченный форт он превратил в свой генеральный штаб (10 декабря 1398 г.). Прежде чем начать решительное наступление, он счел необходимым уничтожить около 100 000 индусских пленных, которые стали ему обузой. По сведениям Мальфузали Тимури,** этот приказ был выполнен неукоснительно. 17 декабря на берегах Джамны между Панилатом и Дели, Тамерлан вступил в сражение с вражеской армией под командованием султана Махмуда Шаха и министра Маллу Икбала. И на этот раз Тамерлан выиграл сражение. Боевые индийские слоны не могли больше оказывать сопротивление тимуридской кавалерии, как когда-то кавалерии македонцев, «и вскоре взору предстало поле боя, усеянное хоботами слонов, смешанные тела с головами побежденных»***.

Султан скрылся в Гуджарате, в то время как Тамерлан с триумфом вошел в Дели. По настоянию мусульманского духовенства он оставил в живых жителей города, но его воины с неслыханным мародерством конфисковали съестные припасы, чем вызвали сопротивление населения. Это неудавшееся восстание вызвало такое бешенство у захватчиков, что они подвергли город разбою, жестоким расправам и подожгли город. Добыча оказалась огромной: именно в Дели в течение двух столетий тюрко-афганские султаны скапливали сокровища, ко-

* См. Арабшах, 95.

** Исвари Прасад, 346. Попытка оправдания в Зафер-наме, III, 89-90.

*** Зафер-наме, III, 100

торые они заимели, грабя всех, в том числе индийских раджей, и эти невиданные скопления золота и драгоценных камней в одночасье оказались в руках трансоксианцев. Расправа была ужасающей: горы отрубленных голов возвышались в четырех концах города.*

Однако, по мере возможности, Тамерлан следуя своей давней привычке, сохранил жизни искусных ремесленников, чтобы они своим искусством облагородили Самарканд.

В Дели Тамерлан провел пятнадцать дней. В атмосфере торжественности он воссел на трон Индии. Ему доставляло удовольствие видеть сто двадцать боевых или церемониальных слонов индийского двора. «Прекрасно дрессированные слоны склоняли головы, приседая перед ним, и в подходящий момент выпускали одновременно слоновий рев, словно показывая знаки почтения повелителю».**

Караваны слонов были отправлены в города тимуридской империи: Самарканд, Герат, Шираз и Таурис. Тамерлан устроил грандиозный молебен в самой большой мечети Дели, где в его честь были прочитаны суры из Корана. Итак, в Индии он вел себя как император, что, впрочем, ему было присуще. Он покинул Индию, ничего не создав и не построив. 1 января 1399 г. он оставил Дели полностью разрушенным, не оставив камня на камне также в городе Мирате, памятники которого он снес, а с живых индуистов содрал кожу, и наконец выполнил обет о ведении священной войны и набожные обещания, данные им в самом начале захватнической кампании.***

Затем он вернулся обратно по самой крайней северной дороге вдоль гор Сивалика и верховой Пенджаба. Тамерлан захватил в плен в верхнем Ченабе раджу Джамму и с превеликим удовольствием заставил последнего отказаться от индуистской религии в пользу ислама и вынудил его есть говядину.****

По пути он принял заверения в верноподанстве мусульманского правителя Кашмира — Сикандершаха, и не трогая Кашмир, пошел в Афганистан. До своего ухода он поставил правителем Мултана и Пенджаба индо-мусульманского вельможу Хызрхана Сеида, который тринадцать лет спустя стал султаном Дели.

Фактически, как это было всегда, разгромив индо-мусульманскую империю Дели, он покинул ее, оставив страну в полной анархии, разрушив все и ничего не сделав взамен. Он явился как бы с целью бороться против брахманизма, а на самом деле нанес сокрушительный удар по индийскому мусульманству. В какой-то

* Малфузати Тимури, 349. Зафер-наме, III, 110-113.

** Зафер-наме, III, 106.

*** Джумада I, 801 года Хиджры, 9 января 1399 г. Зафер-наме, III, 118.

**** Зафер-наме, III, 152.

степени образованный человек, поклонник персидской литературы и иранского искусства, тяготевший к одной из наиболее утонченной цивилизации мира, вел себя как главарь орды, которая грабила, чтобы грабить, уничтожая и разрушая по причине невежества, культурные ценности. Этот своеобразный поборник ислама оказался на территории Индии, нанеся удар в спину передовым отрядам ислама. То же самое он осуществил в борьбе с Османской империей на подступах к Румынии.

Тамерлан и Мамелюки

Со стороны Ближнего Востока Тамерлану противостояли две крупных мусульманских силы: мамелюки и Османская империя.

Империя мамелюков, распространившая свое влияние на Египет с 1250 г. и Сирию с 1260 г., была в основном военным государством, так как тюрко-черкесская гвардия мамелюков, будучи отрядом телохранителей, устранила в 1250 г. легитимную династию, посадила на трон Каира своих военачальников и в качестве военной аристократии руководила арабским населением, которое она к тому же подвергла эксплуатации. Как известно, в 1260 г. мамелюки при битве в Эн Джалуде успешно отразили монгольское нашествие и отбросили последних монголов в Персию на востоке Евфрата.*

Но, в конце XIV в. мощная военная машина, которая изгнала из Сирии крестоносцев и монголов, начала ослабевать по причине нескончаемых раздоров между военным руководством, в среде которой шла борьба за обладание египетско-сирийскими вотчинами и престолом. Мамелюкский султан Баркук (1382—1399), очень энергичный деятель, провел свою жизнь в усмирении восстаний и своих военноподданных. Тамерлан намеревался заключить с ним союз, но Баркук, отдававший себе отчет в том, какую опасность для ма-мелюкской империи представляла новая мощная сила, которая шла с востока, казнил посла Тамерлана (1393) и неоднократно предоставлял убежище султану Багдада — Ахмеду Джалаиру, который, как нам известно, был изгнан великим трансоксианским завоевателем. Сын и преемник Баркука, молодой султан Фараджи (1399—1412), с самого прихода на престол, отказался от подданства Тамерлану и не выдал некоторых беглецов. Тамерлан принял решение начать войну с мамелюками.

* См. выше. Р. Груссэ. История Крестовых походов, III, 603-607. Уэт. История Египетской нации, IV, 410.

Тамерлан, находившийся в то время в Малатии, двинулся в сторону Сирии по Аинтабской дороге (октябрь 1400 г.) и пошел на Алепп. У стен этого города он разбил мамелюкскую армию под командованием правителя Тимурташа, использовав боевых слонов, которых он привел из Индии и которые посеяли панику у стане врага (30 октября).*

Алеппо был тут же захвачен, а четыре дня спустя Тимурташ сам прекратил сопротивление. Захватив Алеппо, Тамерлан вновь предстал двуликим, изображая в одном лице изощренного грамотного казуиста и палача. Жестко используя иезуитские правила игры, он поставил перед идеологами ислама жгучий вопрос: кто из его убитых воинов или мамелюков, погибших на войне, имеет право на титул мученика? Затем он провел с ними курс теологии и поставил их в затруднительное положение, вынудив ортодоксальных суннитов считать Али в числе легитимных халифов.**

Проводя прекрасные ученые дискуссии с законодателями, он дал приказ об уничтожении гарнизона крепости, распорядился воздвигнуть «башни из отрубленных голов» и опустошить город. В течение трех дней продолжался грабеж этого крупного города, торговый центр которого был одним из самых известных в деловом торговом мире стран Ближнего Востока.

Далее, Тамерлан овладел Хамой, Хомсом, Баальбеком, и появился у Дамаска, куда прибыл молодой мамелюкский султан Фараджи из Каира для того, чтобы придать духу защитникам города своим присутствием. 25 декабря 1400 г. Фараджи попытался воспользоваться тем, что тимуридская армия поменяла место расквартирования и обосновался в Гуте, чтобы начать атаку с ходу, но был отброшен во время жестокой битвы.***

Фарадж, перед которым возникла угроза недовольства его ближайшего окружения, возвратился в Египет, покинув Дамаск на произвол судьбы. Уважаемые люди города, потеряв всякую надежду, были вынуждены капитулировать. В составе делегации, которая явилась к Тамерлану в связи с этим, находился видный историк Ибн Халдун из Туниса. «Тамерлан, пораженный respectableм видом историка, очарованный даже его речами, усадил его и выразил благодарность за обстоятельство, позволившее познакомиться с таким образованным человеком.****

* Уэт, 526. Зафер-наме, III, 294-298. Арабшах, 124. **

Арабшах, 128-130.

*** Уэт, 529. Зафер-наме указывает на дату 19 Джумада I, 803, 5 января 1401 гг. (Зафер-наме, III, 325).

**** Уэт, 530. См. Арабшах, 143 и 296.

«Завоеватель с четками в руках, говоря о милосердии и божественном ниспослании, успокоил членов делегации, после чего город распахнул ворота. Но крепость не сдавалась и капитулировала только после длительной осады. Став повелителем Дамаска, Тамерлан увеличил в десять раз цифру, определенную как выкуп на жителей и наложил руку на все их богатства. Зафер-наме уверяет нас, что он в конце концов захватил все богатства города и уничтожил часть населения лишь только для того, чтобы наказать жителей Дамаска за их кощунственное отношение к Али, зятю Пророка, родившегося в 659 г. нашей эры.*

В самом разгуле грубого произвола возник ужасающий пожар, разрушивший значительную часть города, ставший причиной многочисленных жертв, и который охватил самую крупную мечеть Ом-мейадов, где тысячи и тысячи беженцев сгорели в пламени пожара. Наконец, 19 марта 1401 г. Тамерлан покинул Дамаск. Он увозил с собой всех лучших мастеров, которых только он мог собрать: ткачи по шелку, оружейники, стекольщики, горшечники, все они предназначались для того, чтобы сделать Самарканд более красивым, а также он увел с собой большое число образованных людей и множество из них стали рабами.**

Среди депортированных находился будущий историк Ибн Арабшах, которому было двенадцать лет,*** который позже отомстил, написав о завоевателе беспощадно правдивую книгу.

Разграбив и опустошив Сирию, Тамерлан ушел отсюда ничего не предприняв, чтобы создать законное правительство. После его ухода Сирию тотчас же захватили мамелюки.

Тамерлан и Османская империя

Тамерлан одержал победы над чингизханидами Кашгарии, южной России и Султанатом Индии. Мы только что рассмотрели тот факт, насколько мало он ценил султана Египта. Единственной силой с которой ему приходилось считаться, так это была Османская империя.

Османская империя достигла своего апогея при султани Баязиде, называемом Баязидом в нашей историографии (1389—1403).****

Провозглашенный султаном после смерти своего отца на поле битвы в Косово, где была наголову разбита сербская армия (1389),

* Зафер-наме, III, 343-344.

** Арабшах, 162.

*** Арабшах родился в 1392 г. См. J. Pedersen. Ibn Arabshah, Enc. Isl., II, 381-385.

**** См. Хаммер Паргсталь, История Османской империи, I, 292-356.-N. Jorga, Geschichte des osmanischen Reiches, I, 266-323.

он завершил завоевание Сербии, захватил Болгарию (1394), присоединил к Малой Азии тюркские эмираты Айдына и Чарухана (1390), Ментеше и Кермиана (1391) и даже великий тюркский эмират Карамана (1390),* и захватил наконец эмират Кастамуни и древний эмират Бурхан ад-Дина в Токате, Сиваше и Кайчарии в Каппадосе (1392).**

В 1396 г. разгромив в Никополесе известный крестовый поход венгерского короля Сигизмунда и бургундского наследника Жана Неустрашимого. Баязид — молния, как называли его (Баязид Илдирым) властвовал на просторах необъятной империи, включавшей в себя в Европе — Фракию, за исключением Константинополя, Македонию без Салоников, Болгарию, распространив свой протекторат на Сербию, а в Азии — на Анатолию до Тауруса (которая разделяла ее от маме-люкской Сицилии), вплоть до горных массивов Армении (которые отделяли ее от владений Тамерлана) и далее до понтийских горных цепей (которые ее отделяли от греческой империи Трабзонда). Его армия, одержавшая победу над превосходной франко-бургундской рыцарской кавалерией, не без основания считавшейся лучшей на Ближнем Востоке. Казалось, что он завершит свои завоевания, отобрав у греков Константинополь, блокаду которого он, между прочим, уже начал осуществлять.

Итак, хоть раз у Тамерлана оказался достойный ему противник. Они двое чувствовали это, приглядывались друг к другу, шпионили друг за другом, как если бы они не решались действовать оружием и рисковать, один — результатами завоеваний в Азии, другой — победными захватами на Балканах. Первым на недружественный акт решился Баязид, стремящийся установить свой сюзеренитет над миром Тахертеном, властителем Эрзинджана и Эрзерума, который, как известно, был вассалом Тамерлана. Тамерлан ценил этого тюркского предводителя, который охранял его границы в Малой Азии и которому после грабительского похода в Дели послали в подарок боевого индийского слона. Баязид же, напротив, приветствовал на своей земле другого тюркского эмира — Кара Юсуфа, предводителя орды Черной Овцы, врага, изгнанного Тамерланом. Завязалась борьба, вызванная протекторатом над двумя вассалами. Тамерлан оказывал содействие Тахертену, а Баязид — Кара Юсуфу. Зафер-

* Ала ад-Дин, эмир Карамана, был побежден и взят в плен в Ак-чае в 1390-1391 гг. османским визирем Тимурташем, который повесил его, без суда и следствия. См. F. Babinger, *Timurtash*, Enc. Isl., 823. J.H. Kramers, *Karaman-oghlu*, Enc. [si.], 795.

** См. Арабшах, 170-171. Зафер-наме, III, 255-256.

наме утверждает, что владеет даже текстом, посланным Тамерланом в этой связи Баязиду.*

Излив язвительные оскорбления по поводу темного прошлого происхождения Османской династии, Тамерлан тем не менее заявлял о наличии роли распространения ислама в Европе, осуществленной Османской империей и священной войны, которую вел в этом плане султан. Он щадил своего соперника. Однако перед лицом этого романизованного тюрка, этого западного строптивца, он считал себя истинным предводителем, легитимным сувереном тюркской расы. Сравнивая размеры двух империй, он заканчивал высказывание с явной угрозой: «Такой мелкий правитель, может ли он осмелиться сравниться с нами?» Баязид принял вызов. «Мы будем вас преследовать до Тауриса и Султании!»**

Получив такой ответ, Тамерлан направил свою армию в Малую Азию (август 1400 г.). Когда в Эрзеруме и Эрзиджане его приветствовал Тахертен, он проник в начале сентября на Османскую территорию и взяв осаду укрепленный город Сиваш.***

Не устояв против подкопов, бомбардировок осадных устройств, не ожидая последнего штурма, Сиваш сдался в течение двадцати дней. Тамерлан оставил в живых мусульманское население, но живо похоронил или сбросил в колодцы четыре тысячи армян Османского гарнизона. Затем он снес с лица земли укрепления города.

На этот раз Тамерлан не стал продвигаться вперед. Он не имел возможности углубляться в Малую Азию, так как ему угрожала в тылу армия мамелюков и даже временный приход к власти Ахмеда Джалаира в Багдаде. Именно в этот период фактически, как об этом мы говорили, он пошел с победоносной войной на Сирию и вновь захватил Багдад. Выполнив эту задачу, он вернулся в малую Азию. В его отсутствие Баязид отобрал у Тахертена город Эрзинджан и взял в плен семью эмира.****

Вернувшись из Сирии и Багдада, Тамерлан не стал спешить. Он провел зиму 1401—1402 г. в Карабахе, а весну на границе с Грузией в то время как происходило всеобщее сосредоточение его войск. И только в июне 1402 г. он овладел Османской империей. Передав правление Тахертену в Эрзинджане, он провел торжественный смотр своих войск в долине Сиваша. «Определенное количество эскадронов имели крас-

* Зафер-наме, III, 259, 397 и 408. См. Арабшах, 178.

** Зафер-наме, III, 261, 262. См. Арабшах, 171-173. Хаммер, История Османской империи, II, 79-82.

*** Тамерлан вторгся в Османскую империю 1 мухаррама 803 г. Хиджры, 22 августа 1400 г. (Зафер-наме, III, 264).

**** Зафер-наме, III, 375-376. См. Арабшах, 189.

ные знамена, их латы, седла, кожухи, колчаны и пояса, их пики, щиты и все обмундирование было также красного цвета. Одна часть эскадронов была желтого, другая — белого цветов. В войсках имелся также один отряд в кольчуге, другой — в панцырях. «Затем Тамерлан пошел на Анкару через Кайсери. Ему донесли, что Баязид находился в тех краях. Решающая битва состоялась на северо-востоке города, в Чи-букабаде 20 июля 1402 г. Сражение длилось с шести часов утра до поздней ночи, в ней участвовало около миллиона человек.*

В армии Баязида находились воины народов, которые он покорил. Если сербы и их король Этьен оставались ему преданными, что вызывало восхищение Тамерлана, то турки Айдына, Ментече, Чарухана и Кермина, видя, что их повелители находились в рядах армии Тамерлана, перешли на сторону последнего. С другой — Тамерлан с пользой использовал значительную часть боевых слонов, приведенных из Индии.**

Баязет сражался весь день во главе 10.000 янычар и сербов, но на исходе дня он решил убежать, видя как погибла его гвардия. Его конь был сражен, а он сам попал в плен с одним из своих сыновей.***

Тамерлан учтиво отнесся к своему врагу.**** Однако из-за того, что султан пытался бежать, он посадил его в решетчатые носилки, которые послужили прообразом для создания «железной клетки». Баязид, сломленный катастрофой, глубоко уязвленный в своей гордости, скончался несколько месяцев спустя (в Ак Шехире 9 марта 1403 г.).

После окончательной победы над Османской армией и пленение султана, взятие Западной Анатолии стало для Тамерлана подобием военной прогулки. Он сделал остановку в Кутахияе, в то время как передовые отряды ринулись на грабеж Бруссы, столицы Османской империи, где Шараф ад-Дин и Ибн-Арабшах показывают нам победителей, которые вели себя наподобие орд дикарей. Прекрасный город был предан огню. Внук Тамерлана — Абубекр помчался с конницей до Нисеи (Изник), «грабя и убивая всех на своем пути», как нам с упоением повествует Шараф ад-Дин. Тамерлан лично возглавил осаду города Смирны, принадлежавшего рыцарям Родоса. Прежде чем напасть, он пытался заставить правителя брата Гийома Мунтесского принять ис-

* Зафер-наме, IV, 11-15. Арабшах, 182.

** Monstrelet, I, 84.

*** Западные источники битвы при Анкаре: Sanudo (Muratori, XXII, 791), le Relligieux de St denis (III, 46-51), Monstrelet (Ed.Douet d'Arcq,I,84), Schiltberger (p.73), et Juvenal des Ursins (II, 423). Они пронумерованы и использованы Deiaville Le Roulx, La France en Orient au XIV siecle, p.393.

**** Арабшах, 188. Зафер-наме, IV, 16-20, 32, 35.

ламскую веру. Естественно, тот решительно отказался от этого. По сведениям Зафер-наме, осада началась 2 декабря 1402 г.* и закончилась в течение двух недель взятием города. Все были уничтожены за исключением нескольких рыцарей, которых подобрал христианский флот. Зафер-наме придает особое значение этой победе на христианской земле. Это послужило оправданием Тамерлану в глазах набожных мусульман, которые не без основания считали, что разрушив Османскую империю, он нанес страшный удар по исламским завоеваниям. Взятие Смирны и последовавшая за этим расправа придала сразу военному походу на Анкару аспект священной войны. «Смирны, который Османский султан безуспешно брал в осаду в течение семи лет, Тамерлан захватил ее всего за две недели! Мусульмане вошли в город воздавая похвалы всевышнему, которому они представили отрубленные головы своих врагов в качестве замаливания грехов».**

Город Фокея, являвшийся важным местом тюрко-итальянской торговли, который тимуридская армия взяла в осаду, во-время откупился, выплатив дань. Генуэзская морская торговая компания, которая владела неподалеку островом Шио, оказала знаки почтения Тамерлану.***

Что касается византийского регента — Иоана VII, также вынужденного признать сюзеренитет Тамерлана, то он, немедля, послал к нему своих представителей.****

Несмотря на уничтожение Смирны, победа Тамерлана над Баязидом фактически спасла христианский мир. После победы Баязида над крестоносцами в Никополисе, Византия, окруженная Османской армией, была обречена. Падение Византии было вопросом времени. Неожиданное поражение турков близ Анкары, обеспечило Византийской империи неожиданную передышку на целых полвека (1402—1453). Таким образом, непредвиденная развязка происходящих событий привела к тому, что основную выгоду от побед трансоксианского завоевателя в Передней Азии извлекла Византия. Так же как и Московия, она оказалась в выгодном положении после побед Тамерлана над Золотой Ордой.

Подобная выгодная ситуация оказалась еще более чувствительной после поражения Османской империи, когда Тамерлан предпринял ряд мер, которые бы препятствовали ее возрождению. Он торжественно вернул власть тюркской Малой Азии различным эмиратам,

* Зафер-наме, IV, 49, указывает на дату 6 джумады, первой, 805 г. Хиджры, 2 декабря 1402 г. Арабшах, с. 192, свидетельствует, что Смирна была взята 2 джумады второй, т. е. 28 декабря 1402 г. Что касается западных источников, см. Делавиль Ле Ру, Франция на Востоке в XIV в., 395.

** Зафер-наме, IV, 51 и 53.

*** Зафер-наме, IV, 56, 58.

**** Зафер-наме, IV, 28, 29.

разгромленным Баязидом десять лет назад. Баязид разграбил эмира Карамана — Ала ад-Дина в восточной Фригии и Ликаонии. Тамерлан же восстановил сына Ала ад-Дина — Мохаммеда II в правах властителя Кони и Ларанды.*

Он вернул власть эмиру Кастамуни из династии Исфендиароглу в Пафагонии, эмирам Чарухана в лице эмира Хидршаха в Магнезии Сипилы, эмиру Кермианы, Якубу в Кутахии и Карагиссаре,** эмиру Айдына Ильясу в Карий и эмиру Текке — Осману в Линии. Османские владения в Азии вновь сократились до размеров северной Фригии, Битнии и Мизии. С целью еще больше ослабить турков, Тамерлан втайне позаботился о мерах по разжиганию разногласий между сыновьями Баязида, которые оспаривали друг у друга право на наследование.

Тамерлан и покорение Китая

В 1404 г. Тамерлан вернулся в Трансоксиану. В Самарканде он принял Клавиха, посланника короля Кастилии — Генриха III, который оставил нам замечательные воспоминания о своей поездке. Он прибыл в Самарканд 31 августа 1401 г. и, пройдя через Константинополь, Трабзонд, Таурис и Рей, был принят Тамерланом 8 сентября.

Тамерлан теперь поставил перед собой задачу идти на завоевание Китая, где китайская династия Мин, изгнавшая Чингизханидов, находилась в расцвете своего могущества. Первый император династии Мин — Хонгву в качестве преемника великих Чингизханидских ханов заявил о правах на древнее ханство чагатаев. С этой целью он послал в 1385 г. в Центральную Азию послов — Фу Нгана (Че Тао) и Лиэя Вея, посетивших Хами, Караходжу (Турфан), Илибалык, где без особых затруднений они получили признание ханов чагатайской династии или эмиров Дуглатов. Но в Самарканде вначале их задержали тимуридские власти и они были освобождены после длительных переговоров. Тем не менее, Тамерлан неоднократно посылал китайскому императору своих уполномоченных с подарками, которые можно было считать как выплату дани (1387, 1392, 1394). В 1395 г. император Хонгву вновь отправил Фу Нгана в Самарканд с благодарственным письмом на имя Тамерлана. Император Юонгло (1403—1424), брат и второй преемник Хонгву занял императорский трон, когда Тамерлан объявил о своем намерении идти на завоевание

* Зафер-наме, IV, 33.

** Зафер-наме, IV, 60.

Китая, для того, чтобы обратить эту страну в мусульманскую веру и начал создавать для осуществления своих намерений многочисленную армию в Отраре.

Было вполне очевидно, что это было самой серьезной угрозой, которая когда-либо висела над китайской цивилизацией, так как на этот раз речь шла не о простом вторжении Хубилая, почитателя буддизма и конфуцианства, стремившегося искренне стать истинным Сыном Неба, но о нашествии фанатичного мусульманина, который, внедряя исламскую веру, был в самом деле способен разрушить китайскую цивилизацию и лишит корней китайскую нацию. Несомненно Юонгли, самый воинственный из всех императоров династии Мин, был весьма опасным противником, но угроза оставалась. Неожиданно Тамерлан заболел в Отраре и умер 19 января 1405 г. в возрасте 71 года.

Наследники Тамерлана. Правление Шах-Роха

После смерти Чингиз-хана, несмотря на то, что в монгольской империи шло соперничество между Хубилаем и Арикобойгой, сохранялся внутренний мир в течение тридцати лет (1227—1259). После смерти Тамерлана, напротив, тюркская империя Трансоксианы стала ареной соперничества между сыновьями и внуками усопшего.

Тамерлан оставил после себя большой родовой клан.*

В своем завещании он желал, чтобы каждый из сыновей и внуков имел свою собственную вотчину и верховная власть соблюдалась в порядке первородства. Старший сын — Джахангир, как известно, скончался задолго до своего отца в 1375 г.**

Тамерлан назначил преемником в управлении империей старшего сына Джахангира — Пир Мохаммеда ибн-Джахангира, 29 лет от роду, правившем в Восточном Афганистане (Балх, Кабул и Кандагар). Но в то же время остальные члены императорской семьи получили богатые надель и таким образом при теоретическом верховенстве Пир Мохаммеда ибн-Джахангира империя уже являлась объектом раздробленности.

Второй сын Тамерлана — Омар Шейх также ушел из жизни раньше отца, будучи убитым в 1398 г. во время похода на Диарбекир, но сыновья Омара Шейха — Пир Мохаммед ибн Омар Шейх,*** Рустам,

* См. Зафер-наме, IV, 301. Арабшах, 239.

** 777 год Хиджры (2 июня 1375—20 мая 1376 г.). (Зафер-наме, перевод Денисон Росс. History of the Moghuls of Central Asia, p.48).

*** Надо отличать его от кузена и омонима, наследник трона.

Искандер и Байкара сохранили свое наследство: Фарс (Шираз) и Аджемийский Ирак (Хамадан и Исфаган).

Третий сын Тамерлана — Мираншах в возрасте тридцати восьми лет получил Моган, Азербайджан (Таурис) и Арабский Ирак (Багдад), но этот принц, мозг которого был поврежден во время падения с лошади, отличался такими экстравагантными выходками и небывалой жестокостью, что Тамерлан лично отдал его на присмотр что-то вроде семейного совета, но находившегося под присмотром своего собственного сына — двадцатидвухлетнего Мирзы Омара, который правил его территорией от его имени. Два других сына Мираншаха — Абубекр и Халиль не замедлили проявить свои амбициозные намерения.

Четвертый сын Тамерлана — Шах Рох, достигший двадцати восьми лет, после смерти отца получил в правление Хорасан. Тут же отметим, что последний отличался наиболее уравновешенным характером и единственный, кто обладал политическим чутьем в династии.

Буквально на следующий день после смерти Тамерлана начались ссоры, силовое давление и дворцовые перевороты. Его внук — Пир Мохаммед ибн-Джахангир, которому он наследовал верховную власть и который находился впрочем очень далеко от Трансоксианы, в Кандагаре, стал свидетелем поспрашения его полномочий. Другой внук Тамерлана — Халил, которому исполнился только двадцать один год, четвертый сын Мираншаха, при поддержке армии в Ташкенте, двинулся на Самарканд и занял там имперский трон (18 марта 1405 г.).*

Пир Мохамед ибн-Джахангир сделал попытку отреагировать и также пошел из Афганистана в направлении Трансоксианы, но проиграл сражение армии Халиля у Незефа (Карши).**

Оставаясь тем не менее правителем афганской вотчины (Балх и Кандагар), он был убит шесть месяцев спустя одним из своих личных визирей (1406). Что касается Халиля, то оказавшись на троне Самарканда, он повел себя так, как и следовало ожидать от молодого человека его возраста, транжирующего имперские богатства, раздававшего умопомрачительные дары и использовавшего для удовлетворения капризов своей фаворитки, прекрасной Шад аль-Мольк.*** Своими действиями он моментально спровоцировал недовольство эмиров, которые лишили его трона (1406, 1407), поставив на его место правителем Трансоксианы четвертого сына Тамерлана — Шах Роха, который властвовал над Хорасаном. Шах Рох в качестве утешения

* Зафер-наме, IV, 281, 284. Арабшах, 243.

** Арабшах, 259, 268 (дата поражения Пир Мохаммеда ибн Джахангира от армии Халиля: начало рамадана 808 г. Хиджры, месяца, который начинается 20 февраля 1406 г.

*** Зафер-наме IV 191

оставил молодому Халилю провинцию Рэй в Аджамийском Ираке, где тот скончался в 1411 г.

Шах Рох был одним из самых примечательных личностей династии тимуридов.* Добродетельный руководитель и храбрый воин, отличавшийся скорее миролюбивым характером, человечный, сдержанный, большой поклонник персидской литературы, великий зодчий, покровитель поэтов и людей искусства, этот сын грозного Тамерлана прослыл самым лучшим монархом Азии. Произошла та же эволюция, что и при переходе власти от Чингиз-хана к его потомку Хубилаю. Его правление с 1407 по 1447 гг. сыграло значительную роль в культурной сфере, в том, что мы называем тимуридским возрождением, золотым веком персидской литературы и искусства. Герат, который он выбрал своей столицей, Самарканд, резиденция его сына Улугбека (он поручил ему возглавить правительство Трансоксиани), явились наиболее яркими центрами этого возрождения.**

Таким образом, произошел парадокс, так часто встречающийся в истории, потомки тюркского палача, превратившего в руины Исфаган и Шираз, стали активными покровителями иранской культуры.

Прямое правление Шах Роха распространилось только на Трансоксиану и Восточный Иран. Как нам известно, Исфаган и Фарс принадлежали его племянникам: Пир Мохаммеду ибн-Омар-Шейху, Руста-му, Искандеру и Байкаре. С самого начала эти правители признали сюзеренитет Шах Роха, который неоднократно выступал в роли арбитра при возникновении разногласий между ними. К примеру, в 1415 г. он вынужден был прибыть в Исфаган, где он сместил с трона Искандера и оставил наместником Рустама; затем он посетил Шираз, чтобы утихомирить бунт, поднятый одним из его племянников Бай-карой, которого он отправил в ссылку.***

Анархия, бессмысленные ссоры, время от времени вспыхивавшие между тимуридскими эпигонами, не имели каких-либо последствий для Восточного Ирана, потому что Шах Рох, будучи сильной личностью, мудрым руководителем, мог положить им конец, навязать свою волю третьей стороне и восстановить единство. Совсем иначе обстояло дело в Западной Персии, Азербайджане и Арабском Ираке. Как известно, этот регион достался при разделе третьему сыну Тамерлана, Мираншаху, весьма ограниченному правителю, у которого были

* Что касается правления Шах Роха см. Ad-ber Razzaq Samarqandi, Matlaes'sadein, trad. Quatremere, J.A., 1836, II, 193-233, 338-364 et Bouvat, Empire mongol, 2 phase, 96 et sq.

** Cf. E.G. Browne, History of Persian literature under Tartar domination, Cambridge, 1920.

*** Malla es-sadein, trad. Quatremere, 193 et sq.

нарушения головного мозга, и двум сыновьям Мираншаха, Абубекру и Омармирзе, которые презирали друг друга и постоянно соперничали. В результате их ссор была создана благоприятная возможность для возвращения бывших правителей страны, когда-то изгнанных самим Тамерланом, султана Ахмеда Джалаира, бывшего правителя Багдада и предводителя тюркской орды Черной Овцы, Кара Юсуфа. Ахмед Джалаир восстановил свою власть в Багдаде в 1405 г. Что же касается Кара Юсуфа, который также вернулся из ссылки из Египта, то он проник в Азербайджан, разбил у Нахичеваня армию тимурида Абубекра и вновь занял Таурис (1406) Абубекр и его отец — Мираншах попытались отвоевать Азербайджан, но 20 апреля 1408 г. Кара Юсуф нанес ему сокрушительное поражение в сражении, в котором Мираншах был убит.*

Эта битва, одна из самых значительных в истории Востока, свела на нет плоды завоеваний Тамерлана в западной части региона. Четыре года спустя после смерти его наследники были изгнаны из Западной Персии...

Кара Юсуф, предводитель орды Черной Овцы, став окончательно властителем Азербайджана, сделавший столицей Таурис, вступил в соперничество со своим бывшим союзником — султаном Багдада — Ахмедом Джалаиром. Последний, вступив в борьбу за обладание Азербайджаном, проиграл сражение у Тауриса 30 августа 1410 г. и был казнен на следующий же день.**

Багдад и Арабский Ирак перешли в подчинение Кара Юсуфу, который стал хозяином обширного царства, начиная от границ Грузии до Басры. Это тюркское царство орды Черной Овцы (Кара-Коюн-лу), вместе со столицами Таурисом и Багдадом, за несколько месяцев превратилось в одно из мощных государств Востока. В 1419 г. Кара Юсуф воспользовался новыми раздорами между тимуридами и завоевал Аджемистский Ирак, Султаню и Казвин.

Эти события встревожили Шах Роха. Приняв решение отомстить за своего брата Мираншаха и восстановить тимуридское владычество в Западной Персии, он выступил из Герата в направлении на Азербайджан во главе внушительной армии.***

Кара Юсуф скончался до прибытия войск Шах Роха (декабрь 1419). Сын Кара Юсуфа — Искандер попытался оказать сопротивление, но был побежден Шах Рохом, который подчинил себе Азербайджан (1421). Если бы Шах Рох развил свое преимущество, то восстановление тимуридского владычества оказалось бы окончательным, но он некоторое время спустя вернулся в Хорасан, а Искандер тотчас же ок-

* Cf. Khondemir ap. Bouvat, Empire mongol, 110-111.

** См. Арабшах, 280.

*** Cf. Khondemir ap. Bouvat, Empire mongol, 114 et sq.

купировал Азербайджан. Тем не менее, Шах Рох вернулся в 1429 г., вновь победил Искандера, но тот, еще раз, вновь завоевал страну после ухода армии тимуридов. В 1434 г. Шах Рох организовал третий поход, имевший задачу как и в предыдущие походы, обратить в бегство Искандера. Но Шах Рох, вместо того, чтобы поставить наместником в Азербайджане тимурида, передал власть в руки собственному сыну Искандера — Джахан Шаху (1435). Это означало закрепление власти тюрков орды Черной Овцы над Азербайджаном и Багдадом. После смерти Шах Роха, Джахан Шах забрал у тимуридов Ад-жемийский Ирак (1452), Исфаган, Фарс и Кирман (1458). Джихан Шах погиб не из-за тимуридского возмездия, а под натиском другой тюркской орды — Белой Овцы (Ак Коюнлу), обосновавшейся в Ди-арбекире и предводитель которой Узун Хасан неожиданно напал на него и убил 11 ноября 1467 г. в районе Муша и стал его преемником в качестве владыки Западной Персии.

Таким образом, несмотря на усилия Шах Роха, Западная Персия навсегда ушла от наследников Тамерлана, чтобы оказаться во власти тюрков.

Что касается Китая, то Шах Рох отказался от планов Тамерлана идти на его завоевание. Он ограничился тем, что направил несколько раз дипломатических посланников к императору Юанг-Лу. В 1417 г., к примеру, он послал в Пекин Ардашира Тогачи. С ответным визитом ко двору Шах Роха в Самарканд и Герат был отправлен китайский посланник Фу Нган, который уже был в Трансоксиане в эпоху правления Тамерлана. Цель этих миссий отчасти заключалась в том, чтобы восстановить торговые связи между тимуридской империей и Китаем династии Мин, которые уже существовали между двумя монгольскими ханствами династии Хубилаидов и Чагатаидов.*

И напротив, по примеру Тамерлана, Шах Рох направил армию под началом своего сына Улугбека против чагатайского ханства Моголистана (1425). По сведениям, дошедшим до нас из Матла ас-Садеина, Улугбек одержал победу над чагатаидом Шир Мохаммедом.**

Глава мощной династии дуглатов — Худайдад, вершитель судеб верховных правителей, владыка Кашгара и Яркенда и, как говорят, набожный мусульманин, присоединился к Улугбеку, который достиг региона Чарына, южного притока Или на северо-востоке от Иссык-Куля.***

* Другое посольство Шах Роха в 1421 г. Cf. Matla es-sa dein, trad. Quatremere, dans *Notices et extraits de manuscrits*, XIV (1843), 387.

** Matla es-sa dein, dans Elias et Denison Ross, *History of the Moghuls of Central Asia*, 43, et Бартольд, *Дуглат*, Enc. Isl., I, 1113.

*** Тот же Матла Эсадеин сообщает нам, что сын Худайдада Сеит Ахмед был изгнан из Кашгарии в 1416 г. тимуридами, и что только сын Сеида Ахмеда по имени Сеид Али (умер в 1458 г.), вновь отнял два города. Неизвестно, каким образом можно скоординировать эти данные.

Шах Рох скончался 2 марта 1447 г. Его преемником стал сын Улугбек. Улугбек, который долгое время являлся наместником в Трансоксиане, был образованным человеком, ученым — особенно он увлекался астрономией, поэтом, превратившим свой царский двор в Самарканде в выдающийся центр персидской литературы. Но ему абсолютно не хватало авторитарности. Узбеки — так называли монголов орды династии Шейбанов, которая располагалась в сибирско-туркестан-ских провинциях Актюбинска и Тургая, совершили нападение на Трансоксиану, в ходе которого они опустошили Самарканд, превратили в груды кусков знаменитую фарфоровую башню и разрушили картинную галерею, которые являлись творениями Улугбека. Улугбек, который был настолько благодушен, что оказался игрушкой в руках окружавших его близких людей, и стал жертвой своего собственного сына Абдельлатифа, поднявшего бунт в Балхе. Абдельлатиф взял в плен отца и приказал казнить его (27 октября 1449 г.). Сам же отцеубийца был убит несколько месяцев спустя (9 мая 1450 г.).

Абу Саид

Смерть Улугбека повлекла за собой новый период войн среди Тимуридов. Двое из его племянников, Абд-Аллах и Бабур-мирза завладели: первый — Самаркандом и Трансоксианой (1450—1451 годы), второй — Гератом и Хорасаном (1452—1457 годы). Абд-Аллах потерпел поражение и был убит в 1452 г. другим Тимуридом, Абу Саидом, внуком Миран-шаха.*

Интересно отметить, что Абу Саид сумел одержать эту победу, которая позволяла ему взойти на Самаркандский престол, благодаря поддержке Узбекского хана, Абул Хаира, который контролировал Сыр-дарьинскую линию, от Сыгнака до Узкенда, и выступал арбитром в распрях тимуридов. Это был непредвиденный реванш, который был направлен против внуков Тамерлана.**

Другой Чингизханидский реванш грозил со стороны принцев семейства Чагатая, ханов Моголистана или района Или и Юлдуза. Хан Моголистана Эсен-бука или Эсен-буга 11 (1429/1462), резиденция которого была, как мы знаем, в Аксу, между Иссык-Кулем, Кучой и Кашгаром, осуществил джагатаидскую привычку вторжения в пределы Трансоксианы, разорив Сайрам, города Туркестан и Ташкент (1451 и последующие годы). Но Абу Саид, прибывший, чтобы вступить на трон Самарканда, бросился в погоню за Эсен-буга, достиг его в верховьях Таласа и рассеял его армию.***

* Бартольд и Беверидж, Абу Саид, Энци. Исл., 107. Бува, Монголы, 136.

** См. Бартольд, Абул Хаир, Энци. Исл., I, 98. *** Тарихи Рашиди, 79.

В 1457 г., после смерти тимурида Бабура-мирзы, правителя Хорасана, Абу Саид овладел этой провинцией. 19 июля 1457 г. он вступил в Герат.*

Став отныне хозяином Хорасана и Трансоксианы, он предпринял действия для реставрации империи тимуридов, с учетом того, насколько это ему позволяли возможности и непрерывные бунты среди его родственников. Чтобы ослабить джагатаидского хана Моголистана, Эсен-бугу II, он прибег к традиционной схеме. Эсен-буга, ранее (1429) преследовал своего старшего брата, Юнус-хана, который был вынужден бежать в Самарканд, к Улугбеку. С 1456 г., жаждущий ссоры со своим врагом, Эсен-бугой, тимуридский правитель признал Юнуса в качестве законного хана. С контингентом войск, которым его снабдил Абу Саид, Юнус вернулся в Моголистан и провозгласил себя правителем западной части страны, в районе Или, в то время, как Эсен-буга оставался хозяином восточной части, то есть районов Юлдуза и Уйгурис-тана. Несколько позже, Юнус двинулся на Кашгар. Он был остановлен и обращен в бегство между этим городом и Аксу, войсками Эсен-буга, который прибыл из Юлдуза, и эмира Сейид Али, представителя семейства Дуглат, эмира Кашгара. Юнус вновь бежал в Трансоксиану, к Абу Саиду. И вновь тот снабдил его войсками, при помощи которых он разместился в западной части Моголистана, в районе Или и Иссык-Куля. В это время восточный Моголистан (Юлдуз и Уйгуристан до Турфана) продолжал принадлежать Эсену-буга (умер в 1462 г.), затем сыну Эсена-буга, Дост Мохаммед-хану (1462—1469), который обычно находился в Аксу. Абу Саид, таким образом, сумел ослабить возрождавшиеся силы Чагатаидов, спровоцировав раздел их владений между двумя враждующими ветвями.**

На Персидском направлении действия Абу Саида были не менее энергичными. Мы видели, что западная часть этой страны, Азербайджан, Арабский Ирак, Аджемийский Ирак с Исфаганом, Фарсом и Кирманом, находились под властью Джахан-шаха, лидера туркменского клана Черной Овцы (Кара Коюнлу). В 1458 г., Джахан-шах двинулся на Хорасан и занял Герат (июль 1458), но шесть месяцев спустя, Абу Саид, вернувшийся в Балх, приказал своему сыну Пир Будаку нанести кровавое поражение на берегах Мургаба, которое вернуло Хорасан: город Семнан, между Дамгханом и Рэйи был признан в качестве границы между владениями тимуридов и Черной Овцой (к декабрю

* Муэн ад-Дин, Хроника Герата, перев. Барбье де Мейнар, J.A., 1862, XX, 304-309

** Тарихи Рашиди, 81-82, 83-88.

1458 г.). В своей собственной стране, Джахан-шах столкнулся с враждебным туркменским кланом, а именно, Белой Овцы (Ак-Куюнлу), располагавшейся в Диарбекире, и который, согласно Тамерлану, находился в тесной связи с Тимуридами. В 1467 г., желая положить конец этому соперничеству, Джахан-шах двинулся в Диарбекир, но 11 ноября 1467 г. был окружен и разбит в Киги, между Мушем и Ер-зинджаном силами Узун Хасана, лидера клана Белой Овцы, и был убит * при попытке к бегству.*

В результате этой катастрофы, владения клана Черной Овцы перешли в соперничавший клан.

Узун Хасан надеялся, что эта смена действующих лиц будет благоприятно встречена Тимуридами, старыми союзниками, как мы уже отмечали, его клана. Однако Абу Саид стремился использовать борьбу двух туркменских кланов в целях овладения западной Персией. Его вмешательство было объяснено просьбой сына Джахан-шаха, Хасан Али, который попытался оспорить Азербайджан у Узун Хасана. На просьбу Хасана Али, Абу Саид ответил объявлением войны Узун Хасану, пересек Аджемийский Ирак, прошел через весь Азербайджан и двинулся на Карабах, в степи нижнего течения Аракса и низовьев Куры, на резиденцию Узун Хасана. С наступлением холодов Узун Хасан укрылся, на туркменский манер, а Абу Саид решил не оставаться на зимовку в Карабахе, стране, известной своим мягким климатом. Но его продвижение к Араксу было губительным, так как в Махмуда-баде он был блокирован войсками Узун Хасана. Желая выжить, он пытался бежать, но 11 февраля 1469 г. был пойман Туркменами. Через шесть дней Узун Хасан казнил его. Ему было всего сорок лет.

Абу Саид — последний Тимурид, который от Кашгара до Трансоксианы, пытался восстановить империю Тамерлана. Его крах настал в меньшей степени в результате внешних врагов, чем в нескончаемых бунтах членов его семейства, это был предсказуемый крах творения самого Тамерлана. Его смерть позволила присоединить к клану Белой Овцы всю западную Персию. Узун Хасан, ставший с этого момента безусловным хозяином Тауриса, Багдада, Шираза, Исфагана, Султание, Рэи, а также Кирмана, стал известен миру как правитель Персии (1469-1478) и его семья продолжала владеть этой страной, имея Таурис в качестве столицы, вплоть до того времени, когда в 1502 г. не появилась национальная персидская династия Сефевидов.**

* Муэн ад-Дин, Хроника Герата, перев. Барбье де Мейнар, J.A., 1862, XX, 317-319. Хуар, Кара-Койунлу, Энци. Исл., 785.

** См. Минорский, Узун Хасан, Энци. Исл., 1123.

Последние тимуриды

Перед лицом мощного тюркского государства Персии, последние тимуриды превратились в то время в мелких местных князей Трансоксианы и Хорасана. К тому же эти оставшиеся владения оспаривались многочисленными врагами. На смену Абу Саиду пришел его сын Ахмед-султан, которому досталась только Трансоксиана со столицей Самаркандом (1469—1494). Вместе с тем, он вынужден был вступить в конфликт со своими братьями. В этот период чагатайское ханство Моголистана, которое Абу Саид ослабил, использовало противоречия двух враждующих сторон, упрочило свое положение и восстановило единство. В связи с тем, что Чагатай ид Кебек II из Юлдуза и Уйгуриста-на, сын и преемник Дост Мохаммеда (к 1469—1472 гг.) был убит, его старший дядя — Юнус, будучи ханом Западного Моголистана (Или) и к которому присоединились в то время дуглатские эмиры, вельможи Кашгара, восстановил единство чагатайских владений. Опираясь на помощь своего дуглатского вассала Мохаммеда Хайдара — мирзы (к 1464—1485 гг.), он стал отныне наиболее мощным монархом Центральной Азии. Ситуация в корне изменилась, теперь он играл роль третейского судьи у последних тимуридов при разногласиях между правителем Трансоксианы — Ахмедом и его братом — Омар Шейхом, знатного сановника из Ферганы. Неоднократно Юнус оказывал содействие Омар Шейху против враждебных выпадов Ахмеда. Таким образом, тимурид из Ферганы стал настоящим вассалом для хана, который наказывал, если тот осмеливался поднять голову, прощал его и содержал придворных в Андижане.*

Реванш династии Чингиз-хана над династией Тамерлана больше не мог быть полным. В распрях, которые возобновились между двумя братьями — Ахмедом и Омаршейхом из-за обладания Ташкентом и Сайрамом, Юнус выступил как третейский судья, помирил их, заставив последних уступить ему эти два города (1484).**

Именно в Ташкенте скончался в 1487 г. Юнус, удачно проведя реставрацию Чингизханидов. Ахмед попытался воспользоваться этим событием, чтобы отвоевать Ташкент у хана Махмуда, сына и преемника Юнуса, но потерпел поражение у этого города на Чире или Параке. Ташкент стал ставкой монгольского хана.

Тимуридский принц Ферганы — Омар Шейх (1469 — 1494), который властвовал только при поддержке чагатайских ханов Моголистана, умер 8 июня 1494 г. Его старший брат, правитель Трансоксианы — Ахмед сделал попытку тотчас же овладеть Ферганой, но умер около Ура-тепе в

* Тарихи Рашиди, 95-97.

**Тамже, 112-113.

ходе военной кампании (июль 1494), а Фергана осталась во владении сына Омар Шейха — молодого Бабура, будущего «великого могола».

У Ахмеда остался брат по имени Махмуд и трое сыновей: Масуд, Байсонкар и Али, которые стали оспаривать друг у друга Трансоксиану. Им удалось только временно править Самаркандом. Махмуд (1494—1495), развратный тиран, умер в июле 1495 г. Масуд (1495—1499), по сведениям Мирхонда, правил в Самарканде, а по сведениям Бабура — в Гиссаре, во всяком случае, провел несколько месяцев царствования в военных действиях против своих братьев, пока не был лишен зрения одним из своих вероломных министров. Байсонкар (1495—1499), который какое-то время правил в Самарканде в те смутные времена, погиб некоторое время спустя от рук такого же врага, как и его брат. Их двоюродный брат — принц Ферганы — Бабур, будущий покоритель Индии, в то время совсем еще молодой — ему было только четырнадцать лет — воспользовался беспорядками, чтобы овладеть Самаркандом (конец 1497 г.), но не сумел там долго продержаться. Самарканд перешел во владение двоюродного брата Бабура по имени Али, последнего сына Ахмеда (1498). Но эти клановые разборки стали причиной внешнего вторжения. «Монгольский хан Мохаммед Шейбани, потомок старшей ветви Чингизханидов и предводитель орды узбеков, целеустремленно стремился обрести благополучие, овладев Трансоксианой. Он обосновался на северном берегу нижнего течения Сырдарьи и выжидал только удобного случая, чтобы переправиться через реку. Этот удобный случай предоставили ему непримиримые разногласия между тимуридами. В 1500 г. он вошел в Бухару и затем приблизился к Самарканду. Тимуридский правитель Али совершил непоправимую ошибку, согласившись на переговоры. Шейбани, выдавая себя за просвященного монарха, сохранил привычки степного разбойника и умертвил простодушного юношу и занял престол Трансоксианы.

В то же время другой тимуридский эпигон — Хусейн Байкара оставался в Хорасане. В разгар междоусобной войны между членами клана, он начал с того, что стал хозяином Джорджаны и Мазандерана со столицей в Астерабаде (сентябрь 1460 г.). Изгнанный из этого княжества с 1461 г. своим кузеном — правителем Трансоксианы — Абу Саидом, он вынужден был бежать в ссылку, когда смерть Абу Саида позволила ему быстро возвратиться для осуществления планов. Признанный повелителем жителями Герата (25 марта 1469 г.), он царствовал в Хорасане до смерти (4 мая 1506 г.). Это длительное правление в течение тридцати семи лет, несмотря на ограниченную территорию, было одним из самых благотворных в истории Востока.*

* Хондемир, перевод Ферте, Жизнь султана Хусейна Байкары, 1898. — Н. Беверидж, Хусейн Мирза, Энц. Исл., II, 364. Воспоминания Бабура (См. Бува, Монгольская империя, 162).

Хусейн Байкара, который резко отличался от своих современников своим добрым нравом и милосердием, превратил Герат в совершенно необыкновенный интеллектуальный центр. Отметим, что он привлек туда персидского поэта Джами, двух персидских историков (дедушку и внука) — Мирхонда и Хондемира, великого персидского художника Бехзада и каллиграфа Султана Али из Мешхеда. Его министром был известный Мир Алишер Навои (1441—1501), который был одним из первых великих поэтов тюркской чагатайской литературы. Используя, без всяких затруднений, между прочим, в качестве письменного языка как тюркский так и персидский языки, он убедительно доказал, что тюркский язык в качестве литературного языка мог быть равным и даже превзойти персидский язык.*

Герат при его исключительном правлении был подобен Флоренции, т. е. тем, что мы называем по праву тимуридским ренессансом.

Итак, начиная с четвертого поколения, потомок одного из самых кровожадных тюркских завоевателей всемирной истории, одного из самых беспощадных разрушителей того времени, представлял из себя просто персидского принца, поэта и дилетанта, под покровительством которого иранская цивилизация расцвела яркими красками. Прекрасно еще то, что Алишер вовлекал молодую тюрко-чагатайскую литературу в иранский ренессанс. Герат, город с которым Чингиз-хан обошелся по-варварски, к которому сам Тамерлан относился с презрением, становился подобно Бухаре и Самарканду, тем, чем он был в эпоху Сама-нидов,** но неся в себе теперь что-то еще более значительное от великого взаимодействия культур, начатого с XIII в. Китайское влияние, осуществленное благодаря монгольским завоеваниям, фактически скрыто ощущалось в декоративном искусстве. Стоит только обратиться к миниатюрам Бехзада, чтобы убедиться в том пышном расцвете искусства, казалось навечно похороненного в руинах прошлого.

Но это оказалось короткой передышкой в мире военных событий, так как Герат был только оазисом среди опустошенных регионов. Сын и преемник Хусейна Байкары, Бади аз-Заман (1506—1507), с самого начала вступил в противоборство с узбеками, являвшимися с 1500 г. властителями Трансоксианы. Узбекский завоеватель Мохаммед Шейбани обратил в бегство Бади аз-Замана в Бабахакки, около р. Мургаб и победоносно вошел в Герат (1507).

Хорасан, также как и Бухара и Самарканд, перешел таким образом к узбекским ханам шейбанидской династии. В течение одного века Чингизханиды одержали верх над родом Тамерлана.

* См. Е. Белин, Заметки о Мир Алишере Навои, J.A., 1861, XVII, 175, 281, 1866, 523. Бува, Дебаты о двух языках, J.A., 1902, 367. ** См. выше.

ПОСЛЕДНИЕ МОНГОЛЫ

1. МОНГОЛЫ РОССИИ

Конец Золотой Орды

Мощь монголов не исчезла в одно мгновение. До того времени, когда, например, наступил окончательный реванш Чингизханидов над Тимуридами, эта мощь постепенно, периодами, возобновлялась, переживала резкие сотрясения, которые впечатляли современников и иногда их заставляли думать, что вернулись времена Чингиз-хана. После реставрации, имевшей место в XVI веке в среде Чингизханидской династии, действительно тюркизированной, на престоле Тамерлана мы увидим во второй половине XVII и до середины XVIII века Западных Монголов, попытавшихся вновь осуществить деятельность Чингизханидов по нанесению ущерба китайской империи. Эти последние усилия монголов являются эпилогом громадной средневековой эпопеи, на которой необходимо, чтобы завершить повествование, коротко остановиться здесь.

Мы видели, что последние наступления Тамерлана на Русь в качестве результата привели к смене руководства Золотой Орды, или Кипчакского ханства, когда хан Тохтамыш был смещен своим соперником Тимур Кутлугом, который также происходил из родословной линии Орда, или семейства Белой Орды.*

Тимур Кутлуг, как мы уже видели, укрепил монгольское господство на Руси посредством победы, одержанной 13 августа 1399 г. недалеко от Ворсклы, притока Днепра, над Литовским князем Витаутом, который, подстрекаемый старым ханом Тохтамышем, хотел вмешаться в дела Орды. Он был наследником своего брата Хади-бека (1400—1407)**, который правил только Кипчаками, в то время как восточные степи попали под правление другого наследника Белой Орды, а именно Ко-риджака, которого поддерживал Тамерлан. При Хади-беке, Золотая Орда опустошила границы русского Рязанского княжества. Вместе с тем, в период правления хана Полада (Болод, помонг.), — сына Тимура Кут-луга и племянника Хади-бека (1407—1412), армия Золотой Орды, под

* Тимур Кутлуг был сыном Тимур-мелика и внуком Уруса, известного хана Белой Орды, соперника Тамерлана. См. выше.

** Рашадибек Ибн Арабшах (Жизнь Тамерлана, перев. Сандерс, 1936, с. 86).

командованием Идику, в декабре 1408 г. двинулась против Московского княжества, сожгла Нижний Новгород и Городец и осадила Москву, но отступила, согласившись на военную контрибуцию, или откуп.

При Хади-беке и Поладе, реальная власть принадлежала Идику, предводителю Ногайской или Мангитской орды,* которого его современник, Ибн Арабшах, считал настоящим "хозяином двора". Тот же автор добавляет, что гражданские войны возобновились, так как новый хан по имени Тимур отказался подчиниться (в 1412-1415? годах) этой диктатуре. Тимур вспылил и убил Идику.**

Долгое правление хана Кучук Мухаммеда (с 1423 по 1459 год) привело, как мы увидим ниже, к распаду Золотой Орды и созданию Казанского и Крымского ханств. В это время, Московию, находившуюся под властью Великого князя Василия И-Слепого (1425-1462) раздирали междоусобные раздоры. Серьезное испытание силой произошло при последующих правлениях, между ханом Ахмедом (1460-1481), сыном и наследником Кучук Мухаммеда, и знаменитым русским князем-Иваном III Великим (1462-1505). Чтобы освободиться от сюзеренитета Золотой Орды, Иван III искал дружбы у Крымского хана-раскольника, Менгли Гирея*** и одновременно, укреплял дружеские связи с Казанским двором. В 1476 г. он наделил полномочиями Венецианца Марко Руффо заключить третье соглашение против Сарая с тюрком Узун Хасаном, правителем Западной Персии. Он отказался платить дань более или менее изолированной или окруженной Золотой Орде. В 1474 году хан Ахмед потребовал удовлетворения и с этой целью направил к нему посла по имени Кара-кучум. В 1476 г. новое посольство было направлено к Ивану III, с миссией совершить расчет с Ордой. Иван отказался. Ахмед, который, в свою очередь, стремился окружить Московию альянсом совместно с королем Польши Казимиром IV, двинулся на Москву. Иван, с целью преграждения его пути, занял позицию на реке Ока, затем, вытеснил Монголов на Запад, на реку Угра (1480). Там две армии долгое время наблюдали друг за другом. Иван избежал поражения от хана, но сомневался в идее освобождения Руси посредством одной битвы. Ахмед был бы более решительным, если бы не думал об ударе с тыла войск Крымского хана. В октябре, перед холодами, которые застали его войска, он оставил позиции на Угре, и с трофеями вернулся в свою столицу-город Сарай. Эта кампания без битвы повлекла за собой на практике освобождение Руси (1480).

Несколько позднее Ахмед был захвачен и убит Ибаком, лидером шейбанидов, которые кочевали восточнее Урала (1481). Шейх Али,

* См. Бартольд, Мангит, Энци. Исл., 259.

** Ибн Арабшах, р. 86-87 — Идику и Едигей в русских источниках.

*** Менгли Гирей, Крымский хан с 1469 по 1475 и с 1478 по 1515 годы.

сын и наследник Ахмеда, продолжил борьбу против Московии в альянсе с Литвой (1501), однако Иван III, со своей стороны, располагал против него, альянсом с Крымским ханом, Менгли Гиреем. В 1502 г. Менгли Гирей бросился на Сарай и разрушил его. Это явилось концом Золотой Орды.

Место Золотой Орды было занято тремя "под-ханствами", которые успешно выделились из нее: Крымское ханство, Казанское ханство и Астраханское ханство.

Крымское, Астраханское и Казанское ханства

Крымское ханство было создано к 1430 г. Хаджи Гиреем, наследником Туга Тимура, брата Бату. Первые монеты этого принца датируются 1441-1442 годами и мы знаем, что он правил до 1466 г.*

Ханство, которое он создал, достигало на востоке нижнего течения Дона, на западе-устья Днепра, простиралось достаточно далеко на север, вплоть до Ельца и Тамбова. В 1454 году Хаджи Гирей утвердил столицу ханства в Бахчи-сарая, древнем Кирк-йере, на юге Крыма. Династия Гирея, основанная Хаджи, продолжалась вплоть до русского завоевания в 1771 г. и окончательного присоединения в 1783. В высшей степени мусульманская, она придавала Крыму четкие исламские особенности. Тем не менее, после первого столкновения, Хаджи Гирей понял интерес, который представляли для него финансовые возможности генуэзской колонии Каффа, с которой он поддерживал великолепные отношения вплоть до своей смерти (1466). После него имели место споры за наследство между его сыновьями. Второй сын, Нур Даулет попытался захватить власть (1466-1469 и 1475-1477), однако окончательную победу одержал шестой сын, Менгли Гирей (1469-1475 и 1478-1515). Менгли Гирею оказали помощь генуэзцы Каффы, которые держали в заложниках Нур Даулета. В 1468 г. Менгли Гирей нанес визит вежливости и знакомства в Каффу.**

Между тем, Турецкий султан Мехмет II отправил эскадру под командованием Годук Ахмед-паши, которая овладела Каффой (4 -6 июня 1475 г.). Менгли Гирей, который был солидарен с генуэзцами и был блокирован вместе с ними в Каффе, попал в плен к османцам, но через два года они его возвратили в Крым в качестве вассала султана. Южный берег Крыма подпал под прямое управление османской администрации во главе с пашой, который располагался в Каффе, и, начиная с периода правления Ислама Гирея II (1584-1588) имя Турецкого султана произносилось во время чтения хутбы. Тем не менее,

* Бартольд, Гирей, Энц.Исл., II, 181. ** См. Хейд, Торговля в Леванте, II, 399.

монеты продолжали чеканить от имени ханов из династии Гиреев. Мы видели, что в 1502 г. Менгли Гирей совершил набег в Золотую Орду.

Второе ханство, образованное в результате распада Золотой Орды, было Казанское ханство. Во время правления хана Золотой Орды Кучук Мухаммеда (1423-1459), один из несчастливых претендентов, Улу Мухаммед (который наследовал Туга Тимуру, брату Бату) был вытеснен из Орды, и расположился вместе со своим сыном Махмудеком в Казани, где он создал независимое ханство, существовавшее с 1445 по 1552 год. Это новое государство сроднилось несколько позднее с древним болгарским государством, располагавшимся на среднем течении Волги и Камы.*

Основу населения составляли тюрко-язычные Черемисы и Башкиры, финно-угорские Мордва и Чуваши. Улу Мухаммед был убит в 1446 году своим сыном Махмудеком, правление которого (1446-1464) характеризуется становлением нового государства. Между тем, брат Махмудека, Касим (умер в 1469 г.) бежал к Московитам, которые в 1452 г. дали ему в правление город, названный его именем, то есть Касимов на Оке. Под-ханство Касимово, со дня своего основания, находилось, таким образом, под сюзеренитетом Великих князей Московских, и служило последним в качестве инструмента вмешательства в дела Казанского ханства. Касим, в частности принимал личное участие, на стороне русских, в войнах против Казани.**

Третье ханство, рожденное в результате распада Золотой Орды, было основано в 1466 году принцем, которого также звали Касим, и который был внуком Золотоордынского хана Кучук Мухаммеда. В связи с тем, что Астрахань находилась в той наследственной части, которая имела важное торговое значение для Сарая, ханство, носящее это имя, располагавшееся между Волгой-на востоке, нижним течением Дона-на западе, Кубанью и Терекком — на юге, не играло значительной роли в истории. Оно было объектом раздоров между Крымскими ханами и Ногайскими ханами (район реки Урал), которые по очереди навязывали Астрахани хана на свой выбор.***

Все Чингизханидские ханства южной и восточной Руси известны как монгольские (что классическая история переводит сложным термином — татарские). Вместе с тем, хотя они являются подлинными представителями Чингизханидских династий, Кипчакские Монголы, которые никогда не были учреждены, как руководящая кучка в туземной тюркской массе, были уже давно тюркизированы. Хотя их осно-

* См. выше.

** См. Ховорт, История Монголов, II, 365-429.- Бартольд, Казань, Энци. Исл., II, 887.- Бартольд, Касимов, там же, 848. *** См. Ховорт, II, 349-362.

вой являются монгольские корни, Крымское, Казанское и Астраханское ханства являются ничем иным, как тюрко-мусульманские ханства, в том же смысле, что и киргизские орды Туркестана.

История этих трех ханств, по сути, история их сопротивления русским нашествиям.

Казанское ханство первым испытало на себе удар Русских. Казанский хан Ибрагим, сын и наследник Махмудека, на начальном этапе достиг против них некоторых успехов, взял даже Вятку (1468), однако вынужден был вскоре заключить мир и возвратить пленных. Его два сына, Илхам и Мухаммед Амин соперничали за наследство. Первый одержал верх. Мухаммед Амин обратился к Русским, которые вернули его в Казань во главе армии, и усадили его на трон вместо брата (1487). Однако в 1505 г. Мухаммед Амин восстал против русского присутствия и на следующий год он противостоял московской армии.

После смерти Мухаммеда Амина, династия, основанная Улу Мухаммедом в Казани, прервалась (1518). Трон в этом городе после этого оспаривался представителями прорусской партии и прокрымской партии. Великий князь Московский Василий Иванович (1505-1533) передал власть в ханстве одному из принцев младшей ветви Астраханского семейства-Шах-Али, который с 1516 г. правил уже под этим титулом в Касимове. Крымский хан Мухаммед Гирей (1515-1523)-сын и наследник Менгли Гирея, со своей стороны вмешался, и в 1521 году ему удалось усадить на Казанский трон своего брата, Сахиб Гирея, вытеснив ставленников русских. Еще один успех: Мухаммед Гирей и Сахиб Гирей, объединив свои силы, внезапно нападают на Московию, разбивают и сокрушают русскую армию на Оке и достигают почти что предместий Москвы (1521). Они не отважились штурмовать русскую столицу, но обязали воевод платить ежегодную дань. Они захватили огромное количество пленных, которых продавали затем на рынках Каффы, как рабов. В 1523 г. Мухаммед Гирей попытался вновь вторгнуться на территорию Руси, однако был остановлен на Оке армией москвитян, усиленной артиллерией.

Мухаммед Гирей почти не имел времени, чтобы воспользоваться своими успехами. В 1523 г. он был захвачен врасплох и убит Ногайским ханом Мамаем, который ужасно опустошил Крым. В результате этой драмы, его брат Сахиб Гирей вернулся в 1524 г. из Казани в Крым, оставив в Казани своего сына Сафа Гирея. В 1530 г. Москвиты сместили Сафа Гирея и усадили на его место Джана Али, брата Шаха Али. Став ханом Крыма, Сахиб Гирей (1532-1551) предпринял новые действия: "национальное" восстание разразилось в Казани, приведшее к смещению Джана Али и признавшее Сафа Гирея, поддерживаемого своим отцом Сахиб Гиреем (1535). В 1546 г. Русские возвратили своего

старого протезе Шах Али, но вскоре после его отъезда, возвращается Сафа Гирей. Он сохранил Казанский престол вплоть до своей неожиданной смерти в 1549 г. После его ухода, Русские сместили его сына, Отемиша, вновь заменив его на Шах Али. Затем новое "национальное" движение сместило Шах Али и обратилось за поддержкой к Ногайскому государству, и в частности к принцу из Астраханской династии, по имени Ядыяр. Царь Московии Иван IV Грозный (1533-1584) решает поставить конец независимости Казани. В июне 1552 г. он осаждает город при поддержке значительного количества артиллерии.*

2 октября он предпринял штурм, уничтожил большую часть населения, захватил женщин и детей в рабство, разрушил мечети, и присоединил территорию ханства.

Разрушение Казанского ханства означало окончательную победу Руси над Чингизханидами. Завоевание Астраханского ханства последовало почти сразу же после этого. В 1554 г. Иван Грозный направил в Астрахань армию в составе 30 000 человек, которая поставила в качестве номинального хана Чингизханида по имени Дервиш, к которому принадлежало оставшееся правящее семейство (династия Кучук Мухаммеда). На следующий год Дервиш восстал и выгеснил русского представителя,-Мансурова. Весной 1556 года русская армия вернулась, обратила в бегство Дервиша и присоединила Астрахань.

Последнее Чингизханидское ханство, а именно Крымское, продолжало существовать более двух веков, так как династия Гиреев, принявшая сюзеренитет Османов, была защищена флотом и армией Высокой Порты. Это имело место так же потому, что если Петр Великий по Карловитскому договору занял Азов (1699), он, должен был, по Фалкенскому договору (1711) возвратить его. В 1736 г. Русские войска вновь овладели Азовом, а также Бахче-сараем, но по Белградскому договору, они еще раз вынуждены были вернуть свои завоевания (1739). Наконец, по Кенарджийскому договору (1774), Россия обязала Порту признать "независимость" Крыма. Русские агенты затем спровоцировали крах Крымского хана Гирея III и замену его на двоюродного брата Шахин Гирея, который очень скоро попал в зависимость от Екатерины II (1777). Крымская знать вскоре восстала против Шахина, однако тот обратился к Русским за защи-

" В России, как и в Китае, артиллерия позволила покончить с последним влиянием монголов. См. ниже, обстрел пушками джунгарских отрядов хана Галдана императором Кан-си. Тактическое превосходство кочевников, заключавшееся в необычайной мобильности, вездесущности всадника-стрелка из лука, превосходство, которое берет начало с незапамятных времен, померкло перед техническим превосходством использования артиллерии, которое очень быстро перешло к оседлым цивилизациям.

той. Потемкин прибыл в страну (1783). Несчастный Шахин Гирей был схвачен и в качестве изгнанника выслан на османскую границу. Турки отомстили ему, выслав на остров Родос, где ему отрубили голову. Таким образом, в канун Французской Революции завершили свое существование последние Чингизханиды в Европе.

2. ШЕЙБАНИДЫ От

Шейбана до Абулхаира

В то время когда Чингизханидские семейства устанавливались в Персии, в Китае, в Трансоксиане, появлялись и исчезали в южной Руси, другие ветви той же самой семьи отставали и забывались в северных степях, чтобы заменять и рекламировать исторические империи. Именно в этом качестве предстают Шейбаниды.*

Как мы уже видели, семейство шейбанидов происходило от внука Чингиз-хана, Шейбана, который был братом Кипчакских ханов Бату и Берке. Шейбан отличился в 1241 г. во время Монгольской кампании в Венгрии, где, если верить Рашид-ед-Дину, когда Монголы удерживали эту страну, он оставался наместником. После смерти Чингиз-хана, как мы уже отмечали, Шейбан получил в качестве удела территории, расположенные на востоке и юго-востоке южного Урала, в частности, в этом направлении, значительные части Актю-бинской и Тургайской областей. Эта группа территорий сегодня занята Киргизами средней Орды (между истоками Тобола на западе и района Семипалатинска, на верхнем Иртыше, на востоке) и младшей Орды (между Уралом и Сары-су). Думается, что ставка Шейбана и его наследников располагалась летом между Уральскими горами, рекой Илек (приток реки Урал, южнее Оренбурга) и рекой Иргиз; зимой она приближалась к Сары-су. До конца XIV в., Орда шейбанидов не была единственной на этой стороне, так как, как мы уже видели, она соседствовала с Белой Ордой, которая кочевала в Сары-суйской степи и горах Улу-тау. Однако, когда, начиная с Тохтамы-ша, предводители Белой Орды стали ханами Золотой Орды, в 1380 году, думается, что Белая Орда практически вся эмигрировала в южную Русь; это впечатление основывается на данных "разведки", проведенной в степи Тамерланом, в 1391 г.**

Весь этот регион Сары-су и Улуг-таг, и в частности, Тургай, был занят Шейбанидами. Между тем, орды, покоренные Шейбанидами,

* См. Бартольд, Шейбаниды, Энци. Исл., 283.

** Зафер-наме, II, 70-93.

приняли к XIV в. имя Узбек или графически более точно, Узбек, имя, происхождение которого спорно, однако под которым они известны в истории.

Настоящим создателем мощи Узбеков являлся шейбанидский принц Абул Хаир, который прожил исключительно насыщенную рискованную жизнь.* Он был провозглашен ханом своей орды в возрасте семнадцати лет, в 1428 г., на реке Тура, в Сибири, западнее современного Тобольска. Очень скоро он захватывает у других Джучиидов все старые улусы этой ветви Чингизханидов, расположенные восточнее реки Урал и севернее Сыр-Дарьи. В 1430—1431 годах, он захватывает Хорезм и разоряет Ургенч. Несколько ранее 1447 г. он становится хозяином, во вред Тимуридам, сильных городов, расположенных вдоль Сыр-Дарьи, от Сыгнака до Узкента. Сыгнак, по мнению Бартольда, был его столицей. В противовес, Яссы, современный Туркестан, оставался у Тимуридов. Абул Хаир использовал ссору между тимуридскими эпигонами, чтобы вторгнуться в Трансоксиану. Это было возможно, ибо он поддерживал тимурида Абу Саида при вступлении на престол Самарканда (1451).

Власть Абул Хаира достигла апогея. Его империя простиралась от окрестностей Тобольска до Сырдарьи, когда к 1456—1457 годам, он был атакован войсками Ойратских или Калмыцких нашествеников, то есть восточных Монголов. Ойраты, мы это увидим ниже, были властителями огромной территории, которая включала Большой Алтай и горы Хангай от Тарбагатай и Джунгарии до юго-западного берега Байкала, пересекая регионы Черного Иртыша, Урунгу, Кобдо, Уласутай, истоки Селенги и Коссогола. Осуществляя полномасштабную экспансию, они направляли свои войска вплоть до предместий Пекина, и в Западный Туркестан. Абул Хаир, разгромленный ими в крупном сражении, вынужден был бежать из Сыгнака, и оставил им на разграбление весь северный берег среднего течения Сырдарьи (1456-1457).

Этот разгром серьезно расшатал авторитет Абул Хаира. Ранее уже два зависимых от него предводителя, происходившие, как и он из семейства Джучи,- Керей и Джанибек, оставили его для того, чтобы просить землю у чагатайского хана-Эсен-буги II,** который их направил в поход на Моголистан. В течение последующих лет, к 1465-1466 годам, большое количество кочующих кланов, до этого зависев-

* См. Бартольд, Абу Хаир, Энцикл. Исл., I, 98. Ховорт, II, 687. Тарихи Рашиди, перевод Денисон Росс, 82.

** Эсен-буга II умер в 1462 г.

ших от Абул Хаира, отделились от него, чтобы последовать примеру Керей и Джанибека и продолжать независимое существование. В будущем эти кочевники, в дальнейшем отделившиеся от узбекского ханства, будут известны под именем Казак ("вольные, восставшие") или Киргиз-Казахи, каковых мы их различаем ныне.*

Их отделение представляет собой историческое событие огромной важности, ибо и во сне невозможно представить территориальные пространства, очень скоро занятые ими и сегодня находящиеся у их наследников, имея в виду территории Средней Орды, то есть степи между Актюбинском и Семипалатинском, территории Малой Орды между впадением Урала и Сары-су, и территории Большой Орды, между городом Туркестаном и южным берегом оз. Балхаш.**

Абул Хаир был убит в 1468 году (дата уточнена Бартольдом) во время последней битвы против Киргиз-Казахов, когда он пытался вернуть их обратно и избежать раскола. Примерно три года спустя, чага-гаидский хан Моголистана, Юнус, завершил разгром оставшихся лояльных Узбеков. Что касается Узбеков-раскольников, то есть Киргиз-Казахов, они образовали в степи чисто кочевническое Государство, которое, после смерти их первых предводителей, управлялось их сыновьями, Барандуком, сыном Керей (1488—1509) и Касымом, сыном Джанибека (1509—1518).***

Касым пытался даже завладеть Ташкентом. Он нападал и действовал недостаточно настойчиво. В реальности, это был чисто кочевнический метод, который им самим характеризуется в достаточно курьезном споре, приведенном мирзой Хайдаром: «Мы — люди степей, все, что мы имеем, сосредоточено в лошадях: их мясо — наша предпочитаемая еда; молоко кобылиц — наш любимый напиток. У нас нет домов. Наше основное развлечение — проверять наши стада и косяки лошадей»****

Это была попытка совместить наследственное кочевничество с требованиями полуосёдлой империи, сформировавшейся вокруг Сыг-

* См. Бартольд, Казак, Энц. Исл., II, 886. Бартольд, Киргиз, там же, 11,1084. Тарихи Рашиди, 272-273.

** Три «орды», которые сами киргизы называли под именем джуз или «сотен». Они называли себя Улу-джуз, Большая Сотня (Большая Орда), Киши-джуз, Малая Сотня (Малая Орда), Орта-джуз, Средняя Сотня (Средняя Орда). Это деление на три орды стало свершившимся фактом только в конце XVII в. «Хан Тауке, отмечает Бартольд, известный законодатель своего народа, принявший русское посольство в 1694 г., а затем — калмыцкое посольство в 1696 г., правил еще тремя ордами и имел в каждой из них своего представителя» (Бартольд, Киргиз, I, 1085).

*** См. Н. Элиас и Денисон Росс, История могулов Центральной Азии, 272.

**** Там же. Тарихи Рашиди, 276, с. 274, несколько уточнений: Касым имел свои зимние ставки в долине Каратая, на юге от Балхаша, восточнее р. Или.

нака, из которой Абул Хаир был вытеснен. Но его история поучительна. Деятельность Абул Хаира повторяет деятельность Чингиз-хана, но не является такой удачной. После призывов к объединению орд для создания обширной влиятельной силы, и уже призываемой в качестве третейского судьи среди тимуридов Трансоксианы, он был свидетелем крушения своей кочевой империи под натиском кочевников более свирепых, и особенно, вследствие бунта среди части его собственных племен, недовольных его пристрастием к оседлой жизни. Бесспорно, что, как и Чингиз-хан, Абул Хаир явился фактором истории степей! В конце концов, там, где Абул Хаир потерпел неудачу, его прямые наследники имели успех.

Мухаммед Шейбани и шейбанидское ханство в Трансоксиане

Шах Будака, сын Абул Хаира, умер в том же году, что и он (1468). Чагатаидский хан Моголистана, Юнус, прибывший на помощь Киргиз-Казахам против Узбеков, захватил и обезглавил его в Кара Сенгир Тугле, между Ташкентом и Туркестаном.*

Сын Шах Будака, юный Мухаммед Шейбани-ему было не больше семнадцати лет, начал свою деятельность.**

Потеряв все, он поступил в услужение к чагатаидскому хану западного Моголистана, Махмуд-хану, который правил в Ташкенте. Махмуд, довольный его службой, передал ему во владение город Туркестан (с 1487 по 1493 г.). Между тем, с помощью Махмуд-хана, который, по свидетельству Тарихи Рашиди, "пригрел за пазухой змею", Мухаммед Шейбани очень скоро собрал силы, достаточные для вмешательства в дела Трансоксианы, где, как мы видели, стычки между наследниками-тимуридами способствовали интервенции в страну. Ускоряя события, в течение лета 1500 г., он вступил в Бухару, где местные споры препятствовали всему сопротивлению, и далее, как мы уже видели, он предстал перед Самаркандом. Правивший там Ти-мурид, Али, предпочел направить к нему парламентария. Шейбани убил переговорщика, объявил о низложении династии Тимуридов и взшел на Трансоксианский престол (1500).

К Трансоксиане Мухаммед Шейбани очень скоро добавил Хорезм, или Хивинское государство, страну, которая зависела от Тимуридского правителя Хорасана-Хусейна Байкара. В 1505-1506 годах он осадил Хиву, которая оборонялась под руководством наместника по

* Тарихи Рашиди, 92-93.

** См. Бува, Шейбани-хан, Энци. Исл., 281 и Бува, Монголы, 191.-Ховорт, II, 652-739. - Вамбери, II, 35-98.- Абул Гази Бехадур хан, История Монголов и Тартар, перев. Десмэзон (1871-1874), книга VII.

имени Хусейн Суфи. Город был взят через десять месяцев осады. Затем настала очередь Хорасана или государства Герат, где Хусейн Бай-кара погиб, оставив власть бездарному Бади эз-Заману, последнему Тимуриду Ирана. Мухаммед Шейбани начал завоевание Хорасана с осады Балха, который капитулировал (1506-1507). Герат, последняя столица тимуридов, также сдался в течение трех дней (27 мая 1507). Мухаммед Шейбани относился к жителям достаточно гуманно. По мнению Бабура и "Тарихи Рашиди", этот принц предстает перед нами в качестве авантюриста и полу-варвара, в то время как мы, наоборот, считаем его исключительно умным, проницательным, понимающим важность реставрации династии Чингизханидов личностью, благодаря которому и при правлении которого произошло блистательное тюрко-персидское возрождение, начавшееся в Самарканде и в Герате при Тимуридах, и продолжившее свое движение. "Из всех Узбеков,- отмечает Гренар, Шейбани был наиболее образованным, слагал стихи на персидском и арабском языках, был неплохим тюрко-язычным поэтом, относился достаточно либерально к поэтам и артистам".*

Другая Чингизханидская династия, а именно чагатаидские ханы Моголистана (Или и Ташкент), представленная в Ташкенте ханом Махмудом (1487—1508), способствовала, как мы уже видели, возвышению Мухаммеда Шейбани. Однако, став властителем Трансоксианы, Мухаммед Шейбани не мог долго терпеть покровительство Чагатаидов Ташкента, и напал на них. Махмуд-хан обратился за помощью к своему брату Ахмеду. В то время, когда он сам был во главе Ташкента, его брат управлял (1487—1503) Аксу и Уйгурией. Однако оба хана потерпели поражение от Мухаммеда Шейбани в битве при Ахси в Фергане, северо-восточнее Коканда, и северо-западнее Андижана (июнь 1503 г.).

Мухаммед Шейбани взял в плен Махмуд-хана и Ахмеда. Он относился к ним достаточно учтиво и очень скоро освободил, простив, по его словам, их ошибки, в чем они видели удачу; однако он сохранил за собой Ташкент и Сайрам. Затем он потребовал выдать за своего сына дочь Махмуд-хана: он объединял, таким образом, через свое потомство права двух существующих ветвей Чингизханидов, линию Джучи и линию Чагатая. В 1508-1509 годах Махмуд-хан, вновь попавший под власть Мухаммеда Шейбани, был приговорен им к смерти недалеко от Ходжента. При этом было объявлено, что политика делается один раз, но только глупец может повторить ее.**

* Grenard, Baber, 75. Cf. Vambery, II, 64.

** Тарихи Рашиди, 120.

Мухаммед Шейбани, правитель западного Туркестана, Трансоксианы, Ферганы и Хорасана, создал узбекскую империю. К моменту, когда он столкнулся с Персией, узбекская империя была основной силой Центральной Азии.

Персия, находившаяся в течение четырех с половиной веков под господством тюрков и монголов (1055-1502), смогла восстановить свою независимость. Национальная династия Сефевидов (1502-1736), занявшая трон после низвержения туркменской орды Белой Овцы, боролась за объединение Ирана за счет отторжения Хорасана у Узбеков. Сефевиды и Узбеки противостояли друг другу во всех сферах. Если первые были иранцами, то вторые — монголо-тюрками, если первые — шииты, вторые — ортодоксальные сунниты. Война происхождений приняла, как это бывает часто, форму войны религий. Имея два титула, точнее, как ярый сторонник суннизма, и наследник Чингиз-хана, Шейбани требовал от сефевидского шаха Исмаила отречься от шиитской "ереси" и покориться, ошибка, из-за которой Узбеки дошли до Азербайджана в целях "изменить религию посредством меча". Строя иллюзии в отношении происхождения династии Сефевидов (она вышла, как известно, из семейства одного из шиитских шейхов), узбекский самодержец отправил к шаху Персии дервишскую чашку, приглашая восстановить карьеру своих предков, передав временную власть внуку Чингиз-хана: дерзость, с которой Шах Исмаил ответил, была поразительной. Он сказал, что, так как он был дервишем, он возвращается, вместе со своей армией, как паломник, к мавзолею Имама Резы, в Мешхеде, в самом сердце Хорасана.

Шах Персии сдержал слово. Мухаммед Шейбани оказался атакован с тыла Киргизами, которые разгромили его сына Мухаммеда Тимура.*

Используя этот маневр, Шах Исмаил вторгся в Хорасан и вступил как он ранее клялся, в Мешхед. Мухаммед Шейбани, находившейся в Мерве, был побежден и убит недалеко от этого города 2 декабря 1510 г.

Эта победа обрела на Востоке огромный резонанс. Реставратор иранской независимости, убил реставратора тюрко-монгольского могущества, наследник великих Сасанидских правителей разбил и обрек на смерть внука Чингиз-хана. Все это явилось предвестницей того, что время изменилось, что по истечении веков нашествия, испытываемые оседлыми народами, начали приобретать иное зна-

* Это фактически была эпоха большой экспансии Киргиз-Казахов. Их хан Касым, умерший в 1518 году, обладал огромной властью. См. Бартольд, Киргиз, Энци. Исл., II, 1085.

чение, когда оседлость одержала реванш над кочевниками, оседлая культура победила степь. Традиция предопределила, чтобы персидский самодержец — символ этого реванша, сделал кубок из черепа шейбанидского хана и чтобы он, в качестве нового вызова, отправил кожу с головы, набитую соломой, другому тюркскому властелину, Османскому султану Баязиду II.

Можно подумать, что шейбанидская династия и узбекское государство погибло. Наследник Тимуридов, Бабур, будущий император Индии, который, с того периода, когда был вытеснен из Трансоксианы, создал небольшое княжество в Кабуле, собрался и при поддержке сил, которые ему предоставил Шах Исмаил, совершил триумфальное возвращение в Самарканд (октябрь 1511). После Самарканда, свои врата ему открыла Бухара, в то время как Узбеки отступили до Ташкента. Реставрация тимуридов в Трансоксиане, усиленная иранским реваншем в Хорасане, показалась полной. Но для Бабура начались непредвиденные сложности. Персы, которые вынуждены были демонстрировать поддержку и принимать сюзеренитет, были шиитами. Население Бухары и Самарканда, в целом сунниты, его упрекали в осуществлении сделки с "еретиками" и отделялось от него, конфессиональные чувства превосходили тимуридскую лояльность. Под прикрытием религиозных проблем, Узбеки восстановились. Персидский полководец Неджм Сани и Бабур противостояли им в крупном сражении при Гадждаване, севернее Бухары, и в этот раз, были разбиты (12 декабря 1512 г.). Неджм был убит. Бабур, окончательно отказавшись от Трансоксианы, вернулся в свое Кабульское княжество, ожидая момента, который настал через семь лет, чтобы отсюда отправиться на завоевание Индии.

Бухара, Самарканд и вся Трансоксиана, таким образом, вернулись к Узбекам. Амударья стала границей между Сефевидским Ираном и Узбекским ханством, как когда-то Сасанидский Иран и Гуннские Орды.

Шейбанидская династия, достаточно реставрированная, правила весь XVI век — с 1500 по 1599 год на территории Трансоксианы. Самарканд, в принципе был столицей ханства, однако Бухара являлась уделом членов правящей семьи, не менее слабой, чем собственно хан, и часто была уделом официального наследника. Ташкент являлся также уделом Шейбанидов. Эта династия, по происхождению монгольская, но совершенно тюркизированная в языке и культуре, не избежала распада почти так же, как некогда Тимуриды. Однако, в отличие от Тимуридов, она сумела сохранить минимум единства перед лицом внешних врагов.

В период хана Котшкунджи (1510—1530), дяди Мухаммеда Шейбани, Узбеки, отобрали у Персии часть Хорасана, включая Мешхед и Астерабад (1525—1528). Персидский шах Тахмасп (1524—1576) вернул эту страну в результате победы, одержанной над ними 26 сентября 1528 г. в битве при Турбети Шейх-Джем, между Мешхедом и Гератом. Тимурид Бабур, ставший с 1526 года султаном Индии, попытался воспользоваться поражением Узбеков для захвата Трансоксианы. Его сын Хумаюн занял Гиссар, расположенный севернее Аму-дарьи, в содружестве с Шах Тахмаспом, однако вынужден был оставить этот район, когда Тахмасп покинул этот театр боевых действий, чтобы двинуться на запад, где намечалась война с Османами (1529). Котшкунджи, в год своей смерти (1529—1530), отбросил Персов и Тимуридов на юг Амударьи. Хан Обейдалла (1533—1539), племянник Мухаммеда Шейбани и Котшкунджи, разгромил персидского шаха Исмаила II. Абд-Алла II — наиболее знаменитый шейбанид после Мухаммеда Шейбани, собрал все земли этого семейства, разбросанные между родственниками.*

Это произошло, когда он стал властителем Бухары — в 1557 г., Самарканда — в 1578 и Ташкента — в 1582. Правя под именем своего отца Искандера (1560—1583), он властвовал под своим именем с 1583 по 1598 год. Чтобы уберечь Трансоксиану от вторжения Киргиз-Казахов, весной 1582 года он предпринял поход в степи Малой Орды вплоть до гор Улуг-таг, между Сары-су и Тургаем. Он осуществил также экспедицию в Кашгарию, в ходе которой он опустошил территории Кашгара и Яркенда. Наконец, он одновременно оторвал от Персии Хорасан, включая Герат, который пал после девятимесячной осады, Мешхед — священный город шиитов, который молодой Шах Аббас не смог спасти, и который Узбеки, сунниты, полностью разорили, вырезав часть населения. Абд-Алла II отторг от Персии также Нишапур, Себзевар, Исфараин и Тебес, небольшие части Хорасана, от Герата до Астерабада. Что касается Балха, то с 1582 г. здесь было образовано княжество для Ал-Мумина, сына Абд-Аллы.

Удача покинула Абд-Аллу II в последующие годы. В 1597 году правитель Персии Шах Аббас Великий одержал над Узбеками, недалеко от Герата, крупную победу, которая позволила вернуть Хорасан. Сын Абд-Аллы, Ал-Мумин восстал против него, и этим трением воспользовались Киргизы, чтобы разорить район Ташкента. Абд-Алла умер в начале 1598 г., увидев перед смертью творение своих рук в

* См. Бартольд, Энци. Исл., I, 25, с корректирующими поправками Вамбери, II, 191.

руинах. Наследовавший ему Ал-Мумин был убит по прошествии шести месяцев. Это явилось концом династии шейбанидов.

Таким образом, эта династия правила в Трансоксиане немногим менее века. За это время, ей удалось установить господство "Чингизханидов" в Бухаре и Самарканде. Но каждый раз — при Мухаммеде Шейбани, и при Абд-Алле II, когда она вступала на иранскую землю, в Хорасан, она в результате рассеивалась Персидскими шахами. Во время, когда создавались империи, говорилось, что в соответствии с "этносом" двух стран, Персия останется персам, и Туркестан — тюркам.

Бухарское ханство при Астраханидах и Мангитах

Узбекское ханство Трансоксианы происходило из другого семейства, а именно Джанидов или Астраханидов.

Когда в 1554 году Русские присоединили Астраханское ханство, принц из Чингизханидской династии Астрахани (семейство Орда и Улус-хана), по имени Яр Мухаммед, и его сын Джан, эмигрировали в Бухару ко двору шейбанидского хана Искандера (1560-1583), который выдал за Джана свою дочь. Мужское потомство шейбанидов завершилось в 1599 г. на Абд-ал-Мумине, и Бухарский трон перешел к "астраханиду"— Баки Мухаммеду, сыну Джана и наследнику шейбанов.

Династия Астраханидов правила с 1599 по 1785 год на территории Трансоксианы, где столицей была Бухара. Она владела также Ферганой вплоть до 1700 года, периода, когда было создано независимое Кокандское ханство, и Балхом, который служил уделом для официальных наследников вплоть до завоевания города Персидским правителем Надир шахом в июле 1740 г. 22 сентября 1740 г. Надир шах победил Узбеков благодаря своей артиллерии, и появился перед Бухарой. Астраханидский хан Абул Фаиз (правил с 1705 по 1747 год) вынужден был принять сюзеренитет и признать Амударью в качестве южной границы Бухарин.

Среди монгольских кланов, которые в XVI веке были объединены Мухаммедом Шейбани, находился клан Ногаев или Манги-тов, пришедший из степей, расположенных между устьем Волги и Уралом, где кочевала орда, носящая это имя. При астраханидской династии, клан Мангит воспринял возрастающее влияние Бухары, где эти лидеры во второй половине XVIII века играли роль хозяев дворцов. При последнем астраханиде Абул Гази (1758-1785), ман-гитский лидер Масум Шах Мурад, который женился на дочери этого

принца, стал настоящим самодержцем. Масум предпринял поход на юг Окса, на стороне Мерва и Балха, во вред королю Афганистана Тимур-Шаху Дуррани.*

Между тем Балх не мог быть присоединен к Бухарскому ханству, как лишь в 1826 г., чтобы быть окончательно захваченным Афганцами в 1841 г. В противовес, Мерв оставался в составе Бухарского ханства.

Мангитская династия правила в Бухаре с 1785 по 1920 год. В 1866 г. она вынуждена была признать русский протекторат. В 1920 г. последние наследники Чингиз-хана были свергнуты Советами.

Хивинское ханство

Мы видели, что узбекский завоеватель Мухаммед Шейбани завладел (в 1505-1506 годах) Хорезмом, или страной Хива, как и Трансоксианой. После смерти Мухаммеда Шейбани на поле битвы у Мерва (декабрь 1510), когда Персы одержали победу и захватили Трансоксиану и Хорезм (1511-1512), население Ургенча и Хивы, в основном сунниты, восстали против шиизма, исповедуемого в целом персами, и преследовали их. Лидер одной побочной ветви шейбанидов, Илбарс, который возглавлял восстание, создал независимое государство, а именно Бухарское ханство.**

Шейбанидская династия правила в Хорезме с 1512 по 1920 г. После его основателя Илбарса (1512-1525), мы упомянем хана Хаджи Мухаммеда (1558-1602), во время правления которого Бухарский хан Абд-Алла II захватил Хорезм (1594, 1596). Во время правления Араб Мухаммеда (1603-1623), колонна из тысячи Русских, продвигавшаяся на Ургенч, была полностью уничтожена. К 1613 г. Хорезм подвергся нашествию Калмыков, которые ушли, захватив пленных. К середине правления Араб Мухаммеда, Ургенч, подвергнувшийся засухе левобережья Амударьи, был заменен в качестве столицы на Хиву.

Наиболее известным Хивинским ханом остается Абул Гази Бахадур (1643-1665). Он был одним из самых крупных историков, писавшем на тюрко-чагатайском языке, являлся автором "Шаджареи Тюрк", исключительно ценного произведения для изучения истории Чингиз-хана и Чингизханидов, особенно семейства Джучи, к которой принадлежал и автор.***

* Тимур-шах, второй король Афганистана из династии Дуррани (1773-1793), сын и преемник знаменитого Ахмеда Дуррани.

** См. Абул Гази, перевод Демэзон, 338-358.- Бува, Монголы, 347. ***

См. Курант, Центральная Азия в XVII и XVIII веках, стр. 36-37.

В качестве хана он отбил вторжение Калмыков Кошотов, которые прибыли, чтобы разграбить район Кат, и в результате, их лидер Кунделун Убаша, был застигнут врасплох и ранен (1648), затем вторжение Калмыков Торгутов, которые пришли, чтобы разграбить окрестности Хезараспа (1651-1652).*

Он воевал также с Бухарским ханом Абд эл-Азизом, и в 1661 г. разграбил окрестности этого города.

Хивинский хан Илбарс II, за то, что уничтожил персидских послов, навлек на нее гнев Персидского правителя Надир-шаха. В октябре 1740 г., Надир двинулся на Хорезм, заставил капитулировать крепость Ханка, где укрывался Илбарс, и взял Хиву (в ноябре). Будучи здесь менее милосердным, чем в Бухаре, он казнил Илбарса, который оскорбил его, как мы уже видели, в случае с его послами. С 1740 г. до смерти Надира (1747), Хивинские ханы оставались очень близкими вассалами Персии.

В 1873 г. Хивинский правитель Сейид Мухаммед Рахим-хан вынужден был признать русский протекторат. В 1920 г. последний Чингизханид Хивы, Сейид Абд-Алла-хан, был лишен трона советской властью.

Кокандское ханство

Фергана, как мы уже видели, была частью Трансоксианского ханства в эпоху Шейбанидов и во время правления первых Астрахани-дов. Однако, при Астраханидах, это владение было не более чем номинальное, и Фергана в большей своей части подпала под власть Киргиз-Казахов, не говоря о местном авторитете Ходжей, располагавшихся в Чадаке, севернее Сыр-Дарьи. К 1710 году шейбанид по имени Шах Рох, который наследовал Абул Хаиру, оспорил власть этих ходжей и преуспел в создании в Фергане независимого узбекского ханства со столицей в Коканде (1710-1876).**

Кокандский хан Ирдана, или Ердени, вынужден был в 1758 году признать сюзеренитет Китая, армии которого прибыли к границам. Он пытался сформировать против Китайцев коалицию с участием короля Афганистана Ахмеда Дуррани, однако передвижения Дуррани между Кокандом и Ташкентом в 1763 г. остались безрезультатными.

* Абул Гази, перев. Демэзон, 194-220. См. Бартольд, Хорезм, Энци. Исл., 963. ** См. Бартольд, Фергана, Энци. Исл., II, 70. Бартольд, Коканд, Энци. Исл., 11, 1020. Наливкин, перевод Дозон, История Кокандского ханства, 1889.

Между 1800 и 1809 годами, Кокандский хан Алим увеличил вдвое свою территорию, присоединив Ташкент. Мухаммед Омар, брат и наследник Алима (1809-1822) присоединил еще и город Туркестан (1814). Во время правления Мухаммеда Али, или Мадали, сына и наследника Омара (1822-1840), Киргиз-Казахи Большой Орды, находившиеся между городом Туркестаном и южными берегами озера Балхаш, признали сюзеренитет Кокандского ханства, которое было в зените славы. Однако немного ранее 1865 г., Бухарское ханство вернуло себе Ташкент, который Русские отобрали у Бухарцев в июне того же года (1865).

В 1876 г. Кокандское ханство было присоединено Россией.

Шейбаниды Сибири

В западной Сибири в XV веке было основано, в Искере или Сибири, на среднем Иртыше, юго-восточнее современного Тобольска, тюрко-монгольское ханство, правители которого "происходили от Тайбуга-баки", не принадлежали к потомкам Чингизханидов. Однако Чингизханиды семейства Шейбана, которые кочевали на юге Уральских гор и в направлении истоков реки Тобол, не замешкались с занятием всей страны к востоку от этой реки. Это было, и мы это видели, в районе Туры, левого притока Табола, где предводитель семейства шейбанидов Абул Хаир, в 1428 г. провозгласил себя ханом. К 1480 г., другой шейбанидский принц, принадлежащий к младшей ветви, Ибак (умер в 1493 г.), отобрал окончательно у Сибирских ханов "город" Тюмень, находящийся недалеко от слияния рек Тура и Тобол. (Это, как мы уже видели, тот самый Ибак, который в 1481 году захватил и убил хана Золотой Орды, Ахмеда). Кучум, внук Ибака (1556-1598) воевал против Сибирского хана Яди-гара. В этой борьбе против него, Ядигар обратился за помощью к царю Московии Ивану Грозному (1556). Между 1563 и 1569 годами он, по меньшей мере, не мог быть побежденным и убитым Кучумом, который оставался властителем Сибирского ханства. Чтобы сохранить свое господство, Кучум согласился признать сюзеренитет царя, однако, чтобы укрепиться в ханстве, он оспаривал с Россией протекторат Остяков и нападал на форты и укрепления, основанные Строгановым. Кроме того, Кучум с огромным рвением занимался пропагандой Ислама в Сибири.

Иван Грозный направил на завоевание Сибири казака Ермака Тимофеевича (1579). Со своей стороны Кучум передал свои силы: тюрко-монгольских воинов, туземцев войтяков и вогулов, — в подчине-

ние своего племянника Махмет-кула (Мухаммад-кули), который расположился в укрепленном лагере, в устье Тобола, под "Чувашской горой", прикрывать подступы к Сибиру. Но в 1581 году Русские "благодаря своим пищалям" разгромили эти позиции и овладели Сиби-ром, откуда Кучум вынужден был бежать.

Тем не менее, старый Кучум продолжал партизанскую войну. В 1584 году он заблокировал Ермака на одном из островов Иртыша. Предводитель казаков, убегая, утонул, его сподвижники были убиты и Кучум еще раз вернул Сибирь.

Русские были вынуждены завоевывать ханство постепенно, создавая, по мере продвижения, военные поселения, в Тюмени (1586), в Тобольске (1587), в Томске. Кучум, потерпевший поражение в последней битве на Оби 20 августа 1598 г., эмигрировал к Ногайцам, где он был убит (1600). Его сопротивление поставило последний штрих славы на историю Чингизханидов на Севере.*

3. ПОСЛЕДНИЕ ЧАГАТАИДЫ

Возрождение Могол и стана после Тамерлана: Ваис-хан и Эсен-буга

Мы видели, что ханство Чагатай-ханство Моголистан, как его называют тюркские и персидские историки, — после целого комплекса затмений в эпоху Тамерлана, получило в XV в. невиданное возрождение.**

Это ханство, напомним, состояло, с одной стороны из собственно Моголистана, т. е. региона Иссык-Куля, окрестностей Токмака и Каракула, бассейна Или и её притоков, Текеса и Кунгеса, бассейна Каратала, бассейна Эби-нора и Манаса; с другой стороны, Уйгурис-тан или древняя страна Уйгуров, т. е. регион Куча, Карашахра и Турфана или Кара-ходжа. Добавим к этому ансамблю Кашгарию или Алти-шахр, с городами Кашгар, Яркенд и Хотан, страна, которая сформировалась под сюзеренитетом чагатайских ханов, родная вотчина рода Дуглат, монгольской по происхождению, как и Чага-гаидов и практически такого же всесильного, как и они, во всём этом регионе.

* См. Ховорт, II, 982. Бартольд, Кучум-хан, Энци. Исл., II, 1156. Курант, Центральная Азия в XVII и XVIII веках, 38 и далее. Абул Гази, перев. Демэзон, 177. Абдель-Карим Бухари, перев. Шефер, История Центральной Азии, 303.

** См. выше.

Многие из чагатаидских ханов XV века представляли собой исключительно интересные личности, характер которых оставалось разгадать при помощи отрывочных сведений, имеющихся в Тарихи Рашиди. Один из них, Ваис-хан (1418-1428) упоминается в качестве работающего над ирригацией оазиса Турфана или Кара-ходжи.*

Правоверный мусульманин, он воевал против Ойратов или Калмыков, то есть против западных Монголов, которые были "язычниками", и был пленен их предводителем, Эсенom (по-китайски Е-сиен)-тайджи (или тэтши), бывшим сыном их хана Тогона. Ойратские ханы, чистокровные Монголы, тем не менее, по происхождению, не относились к Чингизханидам; как отмечается в Тарихи Рашиди, Эсен относился к Ваис-хану с исключительным уважением, и очень скоро он его освободил.**

Во втором поражении, которое ему нанес Эсен*** в районе Или, Вайс, у которого была убита лошадь, спасся благодаря преданности своего вассала, Сеида Али, предводителя семейства Дуглат и правителя Кашгара, который ему отдал своего коня, предоставив шанс спастись от врагов.****

Во время третьей встречи с Ойратами, недалеко от Турфана, Вайс снова был пленен. В этот раз он обрел свободу, только оставив свою сестру в заложницах в семействе Эсен-тайджи. Как мы уже видели выше, когда речь шла о Трансоксиане, все предводители второстепенных орд искали возможности облагородить своих наследников путем женитьбы на Чингизханидских принцессах.

После смерти хана Вайса (1429), два его сына: Юнус и Эсен-буга или Эсен-бука II, вступили в борьбу за престол. При этом скорее трон оспаривали их уважаемые сторонники, выступавшие от их имени, так как старшему принцу-Юнусу в то время было всего тринадцать лет. Между тем, младший-Эсен-буга II одержал верх, и Юнус был вынужден эмигрировать в Самарканд, ко двору тимурида Улуг-бека.*****

* Тарихи Рашиди, 67.

** Там же, 65. Автор считает, что битва, где Эсен пленил Вайса, произошла в местности под названием Мин-лак.

*** Тарихи Рашиди (стр.65) считает, что эта вторая битва состоялась «в Кабака, у границ Моголистана, недалеко от реки Айлах», которую идентифицируют с Или, Ила по Худуд аль-алем (изд. Минорского, 71).

**** Тарихи Рашиди, 65-66. Сейид Али был сыном Сейид Ахмед Мирзы и внуком известного Худайдада (там же, 61). См. выше.

***** Для оказания сердечной встречи, начиная от Улуг-бека и Шах-Роха до Юнуса, вопреки глупостям сторонников последнего, см. Тарихи Рашиди, с. 74 и 84.

Эсен-буга II, несмотря на свою молодость, правил над всем пространством Моголистана (1429-1462). Дуглатский эмир Сейид Али,* который помог ему занять престол, имел при дворе влияние, как никогда. Дуглаты в это время держали в своей власти, в качестве сюзеренитета, чагатаидского хана Аксу, Бая и Куча, однако одновременно, они потеряли Кашгар, который находился под властью Тимури-дов Трансоксианы и Хорасана,-Шах Роха и его сына-Улугбека.**

К 1433-1434 годам Сейид Али смог вернуть Кашгар от представителей Улуг-бека.***

Тарихи Рашиди расхваливает его восстановленную в Кашгаре администрацию, особое внимание которой было направлено на зерно-водство и скотоводство.

Эсен-буга II, как видим, воевал против тимуридского правителя Трансоксианы Абу Саида. В 1451 году он возглавил карательную экспедицию против Сайрама, города Туркестана и Ташкента, на северную границу тимуридского государства. Абу Саид, как говорят, дошел в своем продвижении до Таласа.****

Во время атак Эсена-буга на империю тимуридов со стороны Андижана, в Фергане, Абу Саид решает разделить силы семейства Чага-тая. Он добивается приезда из Персии, их города Шираз, где он находился в эмиграции, Юнуса, старшего брата Эсена-буга, и предлагает ему сразиться со своим братом, предоставив ему войско. Юнус при такой поддержке признается ханом в западной части Моголистана, на берегу Или, в то время как Эсен-буга остается властелином восточных провинций, Аксу, Юлдуза и Уйгуристана (1456). Несколько позже, Юнус пытается овладеть Кашгаром. Правитель Кашгара, дуглатский эмир Сейид Али обращается за помощью к Эсен-буга. Тот приезжает в Юлдуз, соединяется с силами Сейида Али и оба сообща вынуждают Юнуса бежать в Хани Салар, на северо-востоке Кашгара по Аксуйской дороге.*****

Юнус, оставив всё, двинулся в Трансоксиану, к Абу Саиду, и затем поправил свои дела в регионе Или и Иссык-Куля.

Эсен-буга, оставшись правителем Аксу, района Юлдуз и Моголистана, умер в 1462 г. Его сын Дост Мухаммед, совершенно неопытный молодой человек (ему было не больше семнадцати лет), объединившись

* Умер в 1457—1458 годах. **

Тарихи Рашиди, 75. *** Там же, 76. **** Тарихи Рашиди, 79-80. ***** Там же, 86.

с муллами из своего окружения и семейной мощью Дуглатов, направился грабить Кашгар. Он скоропостижно умер в 1469 г. в период всеобщего восстания. Его дядя, Юнус, хан Или и Иссык-Куля, немедленно овладел Аксу, городом, который считался "столицей" Мо-голистана. Верные сторонники спасли юного сына Дост-Мухаммеда, Кебека II, и сопроводили его в Уйгурию, в Карашахр (Джалиш) и в Турфан, где они провозгласили его ханом. Однако четыре года спустя, эти же сподвижники решили убить ребенка и принести его голову Юнусу. И хотя это убийство сделало Юнуса единственным властителем всего Моголистана, он не выразил ничего, кроме отвращения к убийцам, осуществившим эту казнь (1472).*

Юнус и реванш Чагатаидов над семейством Тамерлана

Юнус, после реставрации Аксу, столкнулся с серьезной опасностью, — вторжением Ойратов, или Калмыков, возглавлявшимся Амасанджи-тайджи, сыном Эсен-тайджи. Ойраты напали на Юнуса недалеко от Или (Эла в "Тарихи Рашиди"), нанесли ему поражение и вынудили отступить в сторону города Туркестана.**

Но обстоятельства сложились таким образом, что речь шла только о кочевом набеге, без политических последствий. Как только Ойраты ушли, Юнус вернулся с берегов Сырдарьи к себе на Или из полусоседней страны в страну кочевую. Что должен был он сделать, чтобы понравиться Моголистанским племенам, которые требовали, чтобы их хан, настоящий Чингизханид, забыл свои городские вкусы, свою ширазскую культуру, чтобы вести жизнь предков, под войлочными шатрами.***

В течение этого времени, города, зависевшие от Моголистана, Кашгар и Яркенд, управлялись двумя сыновьями дуглатского эмира Сей-ида Али, сначала Саниз-мирзой (1458-1464), затем Мухаммед Хайдаром I (1465-1480). Тарихи Рашиди уверяет, что Саниз, жестокий, но благородный, правил Кашгаром очень хорошо, и его время оставило прекрасные впечатления.****

После него, Мухаммед Хайдар вначале мирно правил Кашгаром и Яркендом под сюзеренитетом хана Юнуса. Однако, Абу Бакр, сын Саниза, и соответственно, племянник Мухаммеда Хайдара, не замедлил нарушить этот мир.*****

* Там же, 95.

** События, которые имели место до 1468 г. (Тарихи Рашиди, 91-92).

*** Тарихи Рашиди, 95.

**** Там же, 87-88.

***** Там же, 99-107.

После того, как он овладел Яркендом, он отобрал у других принцев, принадлежащих к семейству Дуглат, город Хотан. Он вел себя словно независимый властелин. Мухаммед Хайдар просил помощи против этого взбунтовавшегося племянника у хана Юнуса, однако, Юнус и он были разбиты в результате двух стычек, организованных Абу Бакром недалеко от Яркенда (1479-1480). Абу Бакр, в результате этой двойной победы, отнял Кашгар у своего дяди Мухаммеда Хайдара, который вынужден был отступить в Аксу, к хану Юнусу (1480).*

Если Юнусу не удалось достичь своих намерений во время противоречий между эмирами семейства Дуглат в собственно Кашгарии, конец его правления ознаменовался значительной активизацией, как Китая, так и Трансоксианы. В Мин-ши отмечается, что в 1473 г. султан Турфана по имени Али (Ха-ли) овладел оазисом Ха-ми, в пустыне Гоби, одержав победу над династией Кидань, бывшей вассалом Китая. Китайская военная колонна была направлена в Турфан для "наказания" агрессора, который, как только она ушла, вновь занял Ха-ми. В 1476 г. этот "Ха-ли" направил посольство с "данью" к Пекинскому двору. Если сведения из Мин-ши верны, правление "Ха-ли" соответствует времени правления Юнус-хана.**

Что касается этого вопроса, то хан Юнус, как мы уже отмечали, имел возможность использовать упадок тимуридской династии, чтобы выступить в качестве арбитра в делах Трансоксианы. Два тимуридских принца, сын султана Абу Саида, Ахмед-правитель Самарканда, и Омар-шейх, правитель Ферганы, использовали свои последние силы в своем бессмысленном противостоянии за овладение Ташкентом, где второй был побежден. В ряде стычек Юнус оберегал Омар-шейха против Ахмеда. Поэтому тимуридское княжество Ферганы впало в зависимость. Наконец, он использовал свою роль третейского судьи и посредника в споре двух группировок за города Ташкент и Сайрам, являющиеся объектом тяжбы (1484).***

В конце концов Юнус сделал Ташкент своей резиденцией и это произошло в 1486 г.****

* Там же, 106-107.

** «Ха-ли» по Минь-ши представлен как отец и предшественник хана Ахмеда. И Юнус в действительности был отцом Ахмеда, пришедшим на его место в Уйгуристане. Вероятно, что Минь-ши и Тарихи Рашиди обозначают под различными именами одно и то же лицо.

*** Там же, 112—113, где Мохаммед Хайдар ссылается на Мирхонда. См. Вамбери, II, 19-20.

**** Тарихи Рашиди, 112-114.

Закрепившись в таком древнем городе как Ташкент, расположенном на пороге многолюдной Трансоксианы, Юнус-хан осуществил мечту своей жизни. С тех пор, как во время годов изгнания, будучи молодым человеком, он вкусил в Ширазе шарм персидской городской жизни, этот Чингизханид продолжал ностальгировать по оседлым нравам. Чувствуя свои обязанности по отношению к "Монголам", он в течение годов находился в состоянии кочевой жизни в долине Или и Юлдуза, у подножий Тянь-Шаня.*

Но, очевидно, что именно там произошла жертва перед правящими обязательствами. * *

Его портрет, который мы обнаруживаем в Тарихи Рашиди, срисованный с личных впечатлений, сообщенных Мухаммеду Хайдару На-сир эд-Дином Обейдаллахом, подчеркивают удивление: "Я рассчитывал обнаружить Монгола, но я увидел человека с огромной бородой, персидской наружности, элегантного, владеющего изысканной речью и манерами, редкими даже среди Персов".***

Однажды, этот правитель Ташкента (ему было в то время около восьмидесяти лет) решил жить в городе. Часть кочевников, сопровождавших его, испугались идеи оседлого существования, на манер Таджиков, выбрали простор и ушли в степи Юлдуза и Уйгуристана. Они взяли с собой второго сына Юнуса, его наследника Ахмеда, который разделил с ними их жажду вольной жизни. Хан не последовал за ними, так как присутствие среди них Ахмеда гарантировало ему их лояльность.****

После смерти своего отца, Ахмед правил этой частью ханства-Или, Юлдуз и Турфанским княжеством-вплоть до своей смерти (1486-1503). Наслаждаясь этой степной жизнью, он с успехом воевал против Ойратов или Калмыков с одной стороны, против Киргиз-Казахов, с другой. Тарихи Рашиди отмечает, что Ойраты ему дали уважительное имя Алаша "Убийца".*****

К 1499 году он отобрал у эмира из семейства Дуглат-Абу Бакра Кашгар и Янги-Гиссар. Внутри своих владений этот энергичный Чингизханид осуществил целый ряд мероприятий и сурово наказал лидеров восставших племен.

* Там же, 95. ** Там же, 112-113. *** Там же, 97.
**** Там же, 112-113, 120.
***** Тарихи Рашиди, 122.

Китайская историческая хроника Мин-ши говорит о вступлении Ахмеда — "А-ха-ма, султан Турфана" — в оазис Ха-ми. Ха-ми был захвачен в 1482 г. у Чагатайского ханства туземным принцем Ха-шеном, наследником местной династии киданей, которая поддерживалась Китаем. В 1488 г. Ахмед убил Ха-шена из засады и овладел страной. На следующий год ставленники китайцев вновь захватили Ха-ми. В 1493 г. Ахмед захватил в плен правителя Ха-ми и китайского представителя. Китай ответил закрытием границ перед караванами, идущими из Турфана и высылкой из Кан-су коммерсантов, родом из Уйгурии. В результате, как отмечается в Мин-ши, из-за недовольства, возникшего в стране уйгуров и чагатаев против Ахмеда, он вынужден был оставить Ха-ми во власти местной династии, то есть под китайским влиянием.

Отступление Чагатаидов на восток Тянь-Шаня. Влияние возрождения Тимуридов в Кашгарии. Историк Хайдар-мирза

В то время как Ахмед правил в Аксу и в Турфане, на территории восточного Моголистана и Уйгуристана (1486-1503), его старший брат Махмуд наследовал у своего отца Юнуса Ташкент и западный Моголистан (1487-1508). Последние Тимуриды Самарканда, как мы видели, пытались забрать Ташкент у Махмуда, однако они были разбиты им недалеко от этого города, на реке Чир или Парак, и Ташкент остался резиденцией монгольских ханов (1488).*

К несчастью, Махмуд допустил серьезную ошибку, приняв знаменитого Мухаммеда Шейбани, чтобы уменьшить его авантюрную роль, и который, занес свой меч над диспозицией хана.**

Довольный его заслугами, Махмуд дал ему в управление город Туркестан (с 1487 по 1493 год).***

С помощью, которую слишком доверчивый Махмуд ему оказал, Мухаммед Шейбани отбил, как мы видели, у последних Тимуридов Бухару и Самарканд, и стал правителем Трансоксианы (1500). Махмуд затем пожалел о своей доброжелательности. Став властелином Трансоксианы, Мухаммед Шейбани повернул против него. Махмуд обратился за помощью к своему брату Ахмеду, который приехал к

* Там же, 115-116.

** См. выше. Стр. 544, 545, и 559.

*** Тарихи Рашиди, 118.

нему из Уйгурии в Ташкент, однако Шейбани разбил и взял в плен обоих братьев в битве при Ахси, на северо-востоке Коканда, в Фергане. Он обращался с ними в этот раз, как мы уже видели, с почтением, не без подтрунивания над наивностью Махмуда, при котором он сделал карьеру, и достаточно скоро освободил их (1502-1503), сохранив, однако, Ташкент и Сайрам. Ахмед умер в скором времени от паралича в Аксу (зима 1503-1504 года). Что касается Махмуда, он допустил глупость попасть снова в руки Мухаммеда Шейбани, который, в этот раз, обрек его на смерть недалеко от Ходжента (1508-1509).*

Смерть Махмуда ознаменовала окончательное исчезновение Чагатаидов в западном Туркестане. Отныне отброшенные на восток от Тянь-Шаня, они просуществуют еще век. Старший сын Ахмеда, Мансур-хан, после смерти отца, станет признанным ханом в Уйгуристане, в Турфане, в Карашахре (Джалиш), и в Куче. Он будет править в этом регионе сорок лет (1503-1543). Начало его правления ознаменуется сложностями. Эмир семейства Дуглат из Кашгара, Абу-Бакр, войдет в Аксу, где он разграбит казну Чагатаидов,** после чего он разрушит города Куча и Бай.***

В 1514 году, младший брат Мансура, Саид-хан отберет в свою очередь у Абу Бакра Кашгар (май-июнь 1514 года), Яркенд и Хотан, и вынудит его бежать в Ладак.****

Отметим, что в этой войне против представителя восставшего рода Дуглат, Саид найдет поддержку у другого члена того же самого семейства Дуглат, верного династии Чагатаидов, историка Дуглата-мирзы. Саид правил, таким образом, над собственно Кашгарией (1514-1533),***** в то время как его старший брат Мансур правил, как мы видим, над Моголистаном (Или, Юлдуз) и Уйгуристаном (1503-1543). Взаимопонимание между двумя братьями обеспечивало Центральной Азии долговременный мир. "Путешественники могли передвигаться из Ферганы в Ха-ми и в Китай в полнейшей безопасности".*****

Тарихи Рашиди Хайдара мирзы (Мухаммед Хайдар II), наследника семейства Дуглат, характеризует блестящую культуру Чагатайских наследников семейства Дуглат той эпохи. Мы видели, что среди Чагатаидов, хан Юнус (1456-1486), проведший часть своей молодости в

* Там же, 120, 122-123.

**Там же, 123-124.

*** Там же, 126.

**** Там же, 133, 325, 327.

***** Он завоевал Кашгар в мае-июне 1514 г., и умер 9 июля 1533 г. (Элиас, 48).

***** Тарихи Рашиди, 134.

Ширазе, воспринял элегантные манеры Персов. Также и Хайдар-мирза (1499 или 1500-1551) представляет собой образец монгольского принца, глубоко измененного средой.*

Знал ли он еще монгольский язык? Никто не может быть в этом уверен. По наблюдениям Н. Элиаса, для искреннего мусульманина, старый монгольский язык не более чем язык "язычников". В действительности, его языком, как в течение достаточно долгого периода времени языком его семейства, был тюрко-чагатайский язык. Вместе с тем, свою историю Монголов Центральной Азии он написал на персидском языке, и которая известна под названием Тарихи Рашиди,** в то время как его сосед и друг-тимурид Бабур, автор, как и он, бессмертных мемуаров, оставался верным тюрко-чагатайскому диалекту. Присутствие достаточно образованных людей показывает, что восточный Туркестан, древнее ханство восточных Чагатаидов, находящийся сегодня в значительном культурном отставании, еще в первой половине XVI в. был блестящим интеллектуальным центром. Если бы не знали расцвета старые очаги литературы Трансоксианы-ибо ни Кашгар, ни Аксу, ни Турфан не могли соперничать в этом смысле с Бухарой и Самаркандом, — влияние, в частности Самарканда и Бухары было настолько велико, что позволяло подавлять все другие и создавать почву для возрождения тюрко-персидской культуры, с которой связано имя Тимуридов. Дружба Хайдара-мирзы с великим Бабуrom, который, не будем забывать, до того, как создать империю в Индии, был последним правителем тимуридов в Фергане, показывает, как все ханы семейства Чагатаидов и все эмиры семейства Дуглат, искали свою модель, ориентируясь на запад. Между Самаркандом, иранизированным Бабуrom и современным китайским Туркестаном была неразрывная связь, постоянный обмен, так как, трансоксианец Бабур писал на тюрко-чагатайском языке, а Хайдар-мирза, эмир Моголистана, писал, напротив, по-персидски. Чагатаид Саид-хан, сюзерен Хайдара-мирзы, говорил в равной степени как по-персидски, так и по-тюркски.

Было бы большой ошибкой представлять империю последних Чагатаидских ханов XVI в. как страну упадническую. Присутствие таких блистательных личностей как хан Юнус и Хайдар-мирза говорит о противоположном. Это страна, где китайское господство привело к утрате национальных чувств, изолированности и ревностно-

* Хайдар-мирза был даже двойного монгольского происхождения, т. к. по линии матери он был чингизханидом, внуком хана Юнуса.

** Книга написана между 1541 и 1547 гг. См. Бартольд, Хайдар-мирза. Энцикл., II, 233.

му закрытию (известно по опыту 1931 г., на какой манер нелюбезность местной администрации держит и сегодня двери закрытыми). Эта страна была замешана во всех культурных течениях ирано-тюркского Ислама. Карьера хана Юнуса знаковая: этот ученик ширазских школ отправился править Кучой и Турфаном. Одновременно, Хайдар-мирза, принц Возрождения, воевал вместе с Бабуром в Трансоксиане, затем помог Чингизханиду Саид-хану вернуть Кашгар и Яркенд, прежде чем отправиться в 1541 г. для завоевания для него же княжество Кашмир. В целом, несмотря на закоренелое кочевничество племен Юлдуза и Уйгуристана, которые доставили немало тревог последним наследникам Чагатая, окончательный результат господства этих последних заключается в возможности соединения не только Кашгарии, но и древней страны уйгуров Кучи, Кара-шахра и Турфана с персидской цивилизацией и иранизированными тюрками Самарканда и Герата.

Последние Чагатаиды

Эту тюрко-иранскую мусульманскую культуру тимуридского Возрождения, Чагатайские ханы стремились распространить вплоть до Дальнего Востока, до границ собственно Китая династии Мин. Мин-ши, подтвержденное в Тарихи Рашиди, нам говорит о том, что хан Мансур воевал в Китае. Второй из этих источников эту борьбу представляет как священную войну против "неверных".*

Ареной спора всегда был оазис Ха-ми. В 1513 году местный принц из Ха-ми, которого звали согласно китайской транскрипции Ра-й-а-тен, подчинился Мансуру. В 1517 году Мансур обосновался в Ха-ми и начал руководить оттуда набегами на территорию собственно Китая, в направлении Дун-хуана, Су-чжоу и Кан-чжоу, в Кан-су. В это время его брат Саид-хан, находясь в Кашгарии, вел священную войну в тибетской провинции Ладак, где в 1531 г. историк Хайдар-мирза командовал войсками.**

В ханстве Уйгуристан или Турфан, Мансур оставил в качестве наследника своего сына Шах-хана, который правил с 1545 до примерно 1570 года. Согласно Мин-ши (Тарихи Рашиди заканчивается на этом правлении),*** Шах-хан боролся против своего родного брата Мухаммеда (Ма-хей-ма), который захватил часть княжества Ха-ми и

* Тарихи Рашиди, 127.

** Н. Элиас и Денисон Росс, История Монголов Центральной Азии, с. 13-14. *** «Он правит сегодня в Турфане и в Джалише (Карашахре)», писал Хайдар-мирза в 1545 г. (с. 129).

получил против него помощь Ойратов или Калмыков. После смерти Шах-хана в 1570 г., Мухаммед стал правителем Турфана, но вынужден был в свою очередь обороняться от третьего брата по имени Су-фи-султан (Софей-Су-тан), который искал через посольство возможной помощи Китая. Источники молчат относительно судьбы чагатаидского ханства Турфана после него. Тем не менее, мы знаем, что в 1647 г. один из Турфанских султанов, которого Китайцы характеризуют как подлинного Чагатаида, направил посольство в Пекин.*

Он повторил это в 1657 г.

В другом чагатаидском ханстве, а именно, в Кашгарии, Саид-хан имел в качестве наследника своего сына Абд ар-Рашида (1533-1565). Новый правитель немедленно поссорился с мощным семейством Дуглат. Он приказал убить одного из лидеров этого рода, Сейида-Мухаммеда-мирзу, дядю историка Хайдара-мирзы.**

Сам Хайдар-мирза, который верно служил Саид-хану и завоевал для него Ладак, не чувствовал себя в безопасности. Опасаясь подобного исхода, он уехал в Индию, где он завершил свои дни, оставаясь правителем Кашмира. Согласно Зубдат-Таварик, правление Рашида проходило под постоянным давлением со стороны Киргиз-Казахов Старшей Орды, которые захватили район Или и Иссык-Куля. Доблестный Абд-эл-Латиф, старший сын Рашида, был убит в бою против киргизского хана Назара.***

Несмотря на все усилия, Рашид не смог воспрепятствовать Киргиз-Казахам овладеть значительной частью собственно Могилистана, то есть регионом Или и Кунгеса, прекрасно понимая, что его владения в Кашгарии уменьшились. Это явилось фактором, который значительно стеснил Хайдара-мирзу.****

Рашид умер в 1565 г. Наследником, в качестве хана Кашгарии он оставил одного из своих сыновей, по имени Абд-эл-Керим, который еще правил в 1593 г., когда писал Ахмед Рази.*****

Вероятно, в это время "столицей" Кашгарии, и резиденцией хана, был Яркенд. Кашгар составлял удел одного из братьев Абд-эл-Керима, по имени Мухаммед. Вероятно, это тот самый Мухаммед, который в Яркенде наследовал Абд-эль-Кериму, когда португальский иезуит Белуа Гозс пересек страну в конце 1603 г. Аксу был под управлением

* Мемуары, касавшиеся китайцев, XIV, 19.

** Тарихи Рашиди, 143, 450.

*** Забдат ат-Таварих, у Элиаса и Денисон Росс, История Могулов Центральной Азии, 121.

**** Op. cit, 377, 379.

***** Neft Iqlim, dans Quatremere, Notes et extraits, XIV, 474.

племянника, а Джалиш (Карашахр, "Сиалис" по Гоэсу) под управлением внебрачного сына Мухаммеда. Источники допускают ошибку в дальнейшей истории династии. Н. Элиас думает, что можно включить сюда некоего Исмаил-хана, который жил в третьей четверти XVII в.,* однако в это время чагатаидское ханство Кашгарии должно было уже распасться на под-ханства Яркенд, Кашгар, Аксу и Хотан, и реальная власть уже была в руках Ходжей.

Ходжи Кашгарии

Ходжи, в том смысле этого слова, которое оно имеет в Трансоксиане и в Кашгарии, были благие мусульмане, которые считали себя наследниками пророка Мохаммеда, или четырех первых арабских халифов. Бухара и особенно Кашгар считались районами, где насчитывалось наибольшее количество семей, имеющих такое происхождение. Тарихи Рашиди подчеркивает, что значительное влияние этих святых персонажей ощущалось уже на хана Саида (1514—1533). Он был настолько набожным, что хан хотел даже сделаться дервишем: надлежало явиться своевременно ходже Мохаммеду Юсуфу, прибывшему из Самарканда в Кашгар, чтобы ему помешать. Ходжа внушил хану, что он должен сделать свое спасение веку.**

Хан Саид воспринял с не меньшим почтением другого ходжу, Хазрата Махдум-и-Нура, также известного как чудотворец и врач, и Тарихи Рашиди нам указывает о его апостольстве в Кашгарии к 1530 г., затем его отъезд в Индию в 1536 г.***

С другой стороны, в 1533 г., согласно местным традициям, один видный ходжа, прибыв из Самарканда в Кашгар для ведения переговоров, которые хан добивался с Узбеками, "обосновался в стране, и от двух женщин, одна из Самарканда, другая из Кашгара, оставил двух сыновей; они передали взаимную ненависть своим детям, и Кашгария стала раздираться между двумя группировками, Актаглыками ("люди белой горы"), которые преобладали в Кашгаре и Каратаглыками ("люди черной горы"), которые преобладали в Яркенде".****

Вне зависимости от более или менее легендарного происхождения этого деления, эти две группировки ходжей, разделенные на основе религиозных споров и личных противоречий, разделенные с конца XVI в. и в течение трех четвертей XVII в. имели эффективную власть

* Элиас и Росс, История Могулов Центральной Азии, 123.

** Там же, Тарихи Рашиди, 371.

*** Там же, 395.

**** Морис Курант. Центральная Азия в XVII—XVIII вв., 50.

в Кашгарии! Первые, т. е. Актаглыки, поддерживались Киргиз-казахами Или, вторые, т. е. Каратаглыки, поддерживались Кара-Киргизами южного Тянь-Шаня. Что касается светского ханства семейства Чагатая, оно вынуждено было постепенно подпадать под опеку "мусульманского духовенства". Вероятно, к 1678 г., последний Кашгар-ский хан Исмаил решился отреагировать на ситуацию. Он преследует лидера партии Актаглыков, ходжу Хазрата Апака, или Хазрата Афа-ка, но тот, как мы увидим, обратился за помощью к Джунгарам, т. е. к западным Монголам (Калмыкам), которые вошли в Кашгар, пленили Исмаила и назначили на его место Хазрата Апака.

Джунгарская помощь позволила Хазрату Апаку одержать верх и в противостоянии группировок, то есть победить Каратаглыков Яркенда и сделать этот город своей столицей. Кашгария вновь сумела объединиться, но осталась "теократическим мусульманским" государством и под протекторатом новой Монгольской империи Джунгаров.*

Это явилось последней реставрацией монголов, которую нам остается проанализировать.

4. ПОСЛЕДНИЕ ИМПЕРИИ МОНГОЛИИ С XV ПО XVIII В.

Анархия в Монголии после 1370 года

Империя, основанная в Китае Великим монгольским ханом Хубилаем, была, как мы видели, низвергнута в 1368 г. в результате восстания Китайцев, и наследник Хубилая, Тогон Темур, пресле-

* См. далее, и Martin Hartmann, Ein Heiligenstaat im Islam, Islam/Jrient, 1,195.- В общем чингизханды растворились в Кашгарии в других условиях, нежели в Китае, но возможно, по глубоким сходным причинам. В Китае, в первой полов. XIV в. потомки Хубилая уделили чересчур повышенное внимание буддизму, что спровоцировало враждебность со стороны образованных китайских кругов. В Кашгарии потомки Чагатая глубоко прониклись мусульманской набожностью до такой степени, что постепенно устранялись «святыми семействами» исламизма. Мы увидим далее, в XVII в., что тибетский ламаизм оказал не менее расслабляющее влияние на монголов Ордоса, Чахара и даже Халхи. Все эти бывшие варвары отдавались мусульманской или буддийской набожности с трогательным рвением, но возможно, теряя при этом что-то от своих «достоинств», во всяком случае своих воинствующих качеств. Не ставя перед собой цели не признавать неоспоримую моральную привлекательность буддизма или мусульманской мистики, следует признать, что ламаизм навсегда усыпил монгольскую душу в Монголии, таким же образом как ислам лишил национальной принадлежности и способствовал тому, что последние монголы Кашгарии впали в ханжество, послужившее им подготовкой отречения от прежних взглядов в окружении ходжей, полных лестного общения.

дурмый Китайцами из Пекина, умер в Нин-чане, или Кэ-лу, на Шара-мурэне, 23 мая 1370 г., трагически переживая грандиозность этой катастрофы.*

Китайская династия Мин (1368-1644), выставив Чингизханидов за пределы национальной территории, поспешила взять реванш и распространить своё влияние вплоть до Монгольской территории.

Сын Тогон Тимура, принц Аурширидхара, узнав о смерти своего отца, принял в Каракоруме титул Великого хана. Он правил с 1370 по 1378 год с надеждой на то, что в один прекрасный день вернет китайский трон. Однако, напротив, он подвергся атаке Китайцев, которые без колебания, снова отбросили его на Монгольскую равнину. В 1372 г. их лучший генерал, Сиу Та, продвинулся в направлении Каракорума, но был остановлен на реке Тула. После смерти Аурширидхара, его сын-Токуз Темир ему наследовал в Каракоруме, в этой монгольской империи, уменьшенной до размеров национального государства (1378-1388). В 1388 г., китайская армия в сто тысяч человек вновь вторглась в Монголию и успешно противостояла войскам Токуз Темура в крупном сражении южнее Буир-нора, между Халха-голом и Керуленом. В результате этого разгрома, Токуз Темур был убит одним из своих родственников.

После всех этих неудач, семейство Хубилая впало в такую дискредитацию, что монгольские племена в своем большинстве восстановили значительную автономию. Ужетши, или Окатши, главный предводитель племени, которое восстало против потерявших авторитет Хубилаидов, был, согласно Сананг Сетчену, принцем Кергудов, или, по-монгольски, Киргизов,-народа, который в ту эпоху проживал в пределах верхнего течения Енисея, вплоть до озера Коссагол.**

Ужетши отверг сюзеренитет Великого хана хубилаидов — Элбека, победил и убил его (1399), и узурпировал власть над племенами.

Юань-Ло,— император Китая,— третий и наиболее известный правитель династии Мин, естественно проявил огромное удовлетворение этой узурпацией власти, которая усиливала раздор Монголов и которая, свалив в Монголии семейство Хубилая, устранила для Китайцев кошмар Чингизханидского реванша. Он, таким образом, признал власть Ужетши, однако, согласно Мин-ши, этот последний,

* См. выше.

** Морис Курант (Центральная Азия в XVII и XVIII вв., с. 11) считает, что Ужетши является не принцем Кергудов, но Торгудов или Торгхутов, которые относятся к одному из четырех племен ойратов. Об этом см. Сананг Сетчен, 143—155.

был затем побежден двумя предводителями восставших племен,— Аруктайем (по-кит. А-лу-тай), предводителем Асодов, и Ма-ха-му,- предводителем Ойратов.*

Асод — монгольское наименование Аланов или Асесов. Мы знаем, что этот народ, иранский по расе, точнее скифо-сарматский, происходил с Кавказа (Кубань и Терек), и его представители в XIII в. считались в монгольской армии Китая важной составляющей частью; мы видели, что монгольские воинские контингента, состоявшие из Аланов, были истреблены Китайцами в Тчен-чао в 1275 г., и что другие группы Аланов, находившиеся на службе у семейства Ху-билая, отправили в 1336 г. из Пекина письмо Папе Римскому.**

Асоды к 1400 г., безусловно, представляли собой один из кланов Аланов, которые сопровождали низложенных Хубилаидов из Китая в Монголию, и которые затем были ассимилированы Монголами, так как успешно адаптировались к ним. Что касается Ойратов или Ойрадов, напомним, что это одно из могущественнейших племен лесных Монголов, располагавшихся в эпоху Чингизханидов на западном берегу Байкала. Начиная с XVII в., они подразделялись на четыре под-племена: Чорос, Турбет, Дорбод или Дорбот, Хошот, и Торгут или Торгхут; правящая семья, по крайней мере, в то время, принадлежала к клану Чорос.

Чтобы подчеркнуть их полную независимость по отношению к другим монгольским претендентам, Аруктай и Ма-ха-му незамедлительно предприняли почтительные действия по отношению к Пекинскому двору, — протокольный жест, служащий, как для демонстрации суверенитета, так и для соискания одобрения и доброжелательности со стороны династии Мин. Кажется, что Ойраты использо-

* Мы с Пельо считаем, что Аруктай, в соответствии с монгольским историком Сананг Сетченом, фонетически соответствует А-лу-таю в Минь-ше. Действительно, Минь-ше придает первостепенную роль А-лу-таю в период, когда Сананг Сетчен описывает нам Аругая как пленника. Ховорт (I, 353) принял за основу факт, чтобы считать А-лу-тая китайцев, не предводителем хорчинов — Адаем. Такая ассимиляция с фонетической точки зрения кажется несостоятельной. В остальном кажется, что существует путаница в этой части в Минь-ше, когда речь идет о предводителе ойратов Ма-ха-му. Снанг Сетчен считал, что предводитель ойратов, правивший в первые годы XV в. назывался Батула. Его преемником (к 1415, 1418 годам) был его сын Бахаму, по прозвищу Тогон. Напротив, по Минь-ше, личность, соответствующая Батуле, именовался Маха-му, а его сына звали Тогол.

** Pelliot, *Toung-pao*, 1914, 641. Moule, *Christians in China*, 260, 264. См. выше, с. 373-374.

вали ситуацию для распространения своей гегемонии на всю западную Монголию, западный берег Байкала и верхнее течение Иртыша, с намерением спуститься в дальнейшем на юго-запад, на берега Или, как нам вскоре указывает Тарихи Рашиди. Однако центральная и восточная Монголия оставалась в полном замешательстве, так как, соперничая с Аруктаем и Ма-ха-му, сын Ужетши, Ессеку, согласно Сананг Сетчену, придерживался вплоть до своей смерти, в 1425 г., претензий на верховную власть в ханстве.

Однако Чингизханидская реставрация произошла в 1403—1404 годах при одном из сыновей Элбека, которого монгольский историк Сананг Сетчен называет Олджай Темур, и которого Мин-ши не называет, кроме как под буддистской санскритской квалификацией — Пуньярсри (по-кит. Пен-йя-шо-ли).*

Аруктай очень скоро воссоединился с этим представителем на законное право на престол. Китайский двор не мог допустить всплеск в семействе Хубилая, вызванный этим возвращением. Император Юань-Ло попытался добиться от Олджая Темура признания своего вассалитета. Натолкнувшись на отказ, китайский монарх вторгся в Монголию, продвинулся до верхнего течения Онона-до родных степей Чингиз-хана, и рассеял войска Олджай Темура и Аруктая (1410/1411). Это поражение явилось фатальным для Олджай Темура, который потерял весь свой авторитет. Ойратский предводитель Ма-ха-му напал на него, сокрушил и захватил власть (к 1412 г.).

Ма-ха-му до этого времени заигрывал с китайским императором Юань-Ло; Ойраты, западные Монголы, находили естественным опираться на Китайский двор с тем, чтобы сокрушить Хубилаидов и других предводителей восточных Монголов. Однако наиболее важно, что, когда в своем желании распространить власть на все племена и правящие семейства Монголии, ойратский предводитель решался порвать с династией Мин. Юань-Ло двинулся против него, пересекая Гоби, однако Ма-ха-му нанес серьезные потери китайской армии, и затем ускользнул неприкосновенный к реке Тула (1414, 1415). Эти кочевники, еще вчера ослабленные благополучием китайской жизни, вновь нашли, вместе со своим возвращением в родную степь, свои тысячелетние качества. Более того, здесь речь идет конкретно об Ойратах, то есть западных и лесных племенах, которые, будучи менее связанные, чем люди Орхона и Керулена с Чингизханидскими

* Фактически, Олджай Темур у Сананг Сетчена и Пен-йя-шо-ли в Миньте, видимо, означают одно и то же лицо, несмотря на то, что хронологические рамки этих двух источников (также весьма запутанных), не соответствуют в точности, если проводить детализацию.

завоеваниями, должны были сохранять крепость своего национального духа. Тем не менее, думается, что наиболее важный момент для Ма-ха-му был тогда, когда он мучился от китайского набега, так как он не мог предохранить монгольские степи от армий династии Мин.

Согласно Мин-ши, Аруктай вернулся на политическую сцену, и восстановил Пен-йя-шо-ли, то есть нашего Олджай Темура в качестве Великого хана (к 1422 г.). Он опустошил Кан-су до Нин-ся, затем, так как Юань-Ло прибегнул к карательным действиям, он пересек Гоби, в направлении севера, и ушел невредимый. Немного позднее, продолжает Мин-ши, он убил Пей-йя-шо-ли, т. е. Олджая Темура, и провозгласил себя Великим ханом. Император Юань-ло еще много раз предпринимал против него безуспешные походы (1424, 1425). Счастливая возможность, однако, всё же пришла в разгар этих операций, удачливая для Китайцев: ойратский лидер Тогон Темур, сын и приемник Ма-ха-му, восстал против гегемонии Аруктая и нанес ему поражение.

Таков вывод китайской исторической хроники Мин-ши. Следует, однако, опасаться, что Мин-ши смешивает под именем А-лу-тай двоих персонажей, которые монгольским историкам Сананг Сетченом разграничиваются. Речь идет об асодском предводителе Аруктае, деятельность которого мы проследили вплоть до 1414 г. (до этого времени оба источника примерно совпадают), и другом принце, по имени Адай, который представлен Сананг Сетченом как предводитель Хортчинов или Кортчинов.*

Хортчины, как мы знаем, представляли собой одно из племен восточных Монголов, располагавшихся на востоке от Хингана в районе реки Нонни, на границе с Маньчжурами, и их потомственным предводителем был то ли Темуже Отшижин, то ли Кассар, и тот, и другой — братья Чингиз-хана. Мы видим у Сананг Сетчена, что оккупированное к 1425 г. ханство, по меньшей мере, ее Восточная часть, Хортчинским лидером Адаем, и вторым — Аруктаем, что наглядным образом демонстрирует наличие двух персонажей, смешанных в Мин-ши. Адай и его вассал Аруктай воевали, объединившись против Ой-ратов и против Китая, в то время как, следуя обычной игре баланса сил, Ойраты находились в приятельских отношениях с императором Юань-ло. В период этих последних действий в Монголии против Адая (1422-1425), Юань-ло использовал этот раскол Ойратов против объединенного законного Борджичинского ханства.

* Кортчины, в военной чингизханидской лексике являются телохранителями (Pelliot, l. a., 1920, I, 171 et Toung pao, 1930, 32; Mostaert, *Ordosica*, I, 41.

Первая ойратская империя. Тодон и Эсен-Тайджи

Политика, преследуемая императором династии Мин, — оказание поддержки молодой возрастающей мощи Ойратов и ослабление семейства Хубилая — принесла плоды только после его смерти. Между 1434 и 1438 гг., ойратский лидер Тоган или Тогон, сын и преемник Ма-ха-му, убил Адая, как нам говорит Сананг Сетчен, убил А-лу-тая, как нам говорит Мин-ши, и на этом основании захватил верховную власть среди монгольских племен. Один их хубилаидских принцев, Адзай, сын Элбека и брат Одджай Темура, был, тем временем, провозглашен Великим ханом сторонниками законной передачи власти (в 1434 или 1439 гг.). Фактически же Монгольская империя перешла в руки Ойратов.

Китайский двор, безусловно, обрадовался этим переменам, которые ослабили семейства Чингиз-хана, всё еще грозное. Восточные Монголы "более опасные, так как находятся ближе", в то время как западные Монголы считались менее грозными в силу своей отдаленности. Чингизханидский кошмар рассеивался. Новые хозяева степи были людьми без блестящего прошлого, которые не играли в Чингизханидской истории эффектную и славную роль. Уже к началу XII в. китайская политика была заинтересована в замене Кидань-цев и Джурджитов. Фактически, западные Монголы, Ойраты (или Ойрады), т. е. Конфедераты-Объединители, как они себя сами называли, или Калмыки, как их называли их тюркские соседи из Кашга-рии, не имели иной цели, кроме как в свою очередь, повторить деятельность Чингизханидов, т. е. восстановить на свой манер великую монгольскую империю, которую вырождающиеся Хубилаиды бестолково обрекли на исчезновение.*

Экспансия Ойратов началась в направлении юго-запада, во вред Чагатаидам "Моголистана", т. е., как мы видели, Чингизханидским ханам, правившим в Или, Юлдузе и районе Кучи и Турфана. Ойратский предводитель Тогон напал на чагатаидского хана Ваиса (который правил между 1418 и 1428 гг). В этой борьбе, когда театр боевых действий переместился вследствие ойратских вторжений из бассейна Или в Турфанскую провинцию, Ойраты постоянно оказывались на высоте. Эсен-тайджи, сын Тогона, пленил Ваиса. Он обращался с ним, как мы видели, с большим уважением, по причине, согласно Тарихи Рашиди, Чингизханидской крови, которая текла по его венам. В новом сражении, произошедшем недалеко от Турфана, Ваис повторно

* Однако, по мнению Сананг Сетчена (перев. Шмидта, с. 151), предводитель ойратов Тогон в 1439 г. умер достаточно странным и таинственным образом под тенью Чингиз-хана, раздраженный наглостью узурпатора, который подвергал лишениям его потомков.

был схвачен Эсеном. В этот раз, он потребовал для освобождения пленника, чтобы в его семью вошла принцесса Махтум ханым, сестра Ваиса. Очевидно, что семейство Ойратов, которое не было Чингизханидс-ким по происхождению, считало существенно важным такой альянс.

Когда Эсен-тайджи-Е-синь, согласно китайским историкам наследовал своему отцу, Тогону, ойратская или калмыцкая империя достигла своего апогея (1439-1455). Она господствовала на пространстве от озера Балхаш до озера Байкал, от Байкала до Великой стены. Каракорум, древняя монгольская столица, принадлежала ей. Эсен овладел также оазисом Хами, и в 1445 г. китайской провинцией Ву-линг-ха, которая соответствует сегодня Жехолу. По истечении пяти лет, также как он ранее заполучил в жены чагатайскую принцессу, он потребовал принцессу китайскую. Пекинский двор обещал, а затем уклонился от этого требования. Эсен опустошил земли района Та-тонг, на севере Шан-си. Минский император Юнь Цонг, вместе со своим министром, евнухом Ван-Ченом, двинулись ему навстречу. Столкновение произошло в Ту-му, недалеко от Сиуань-хуа, северо-западнее Хо-пея. Эсен нанес китайцам полное поражение. Более ста тысяч человек было убито, император Юнь Цонг попал в плен (1449). Между тем, не имея механизмов и орудий для осады, он не смог захватить ни одного укрепленного пункта, ни Та-тонга, ни Сиуань-хуа. Он возвратился в Монголию вместе с пленным императором.*

Через три месяца он вернулся, продвинулся до Пекина, расположился лагерем на северо-западном предместье этого большого города, но все его атаки были отбиты и возникли проблемы с фуражом. Китайцы усилились за счет подкрепления, прибывшего из Лео-тонга. Эсен, лишенный подкрепления, испытывал угрозы со стороны более мощных войск и уже был молниеносно атакован по возвращении, в местечке Ки-юонг-куань (Нан-кю). Несколько позднее, он решает отпустить императора Юнь-цонга (1450) и заключает в 1453 г. мир с Китаем.

Мин-ши сообщает также, что Эсен признал в качестве Великого хана Чингизханида по имени Токта-бука, который женился на его сестре, но фактически был ширмой. Он хотел признать в качестве законного Чингизханидского наследника сына, рожденного от этого союза. Токта-бука отказался, и Эсен убил его. Это произошло, когда он признал себя вассалом китайского двора, действие, которое он осуществил

* Сананг Сечен утверждает, что с пленным обходились неплохо: «Эсен доверил охрану императора телохранителю чинсанга Алима и отдал распоряжение последнему позаботиться о его здоровье у Шести Тысяч Учиедов, в местности, где климат отличался мягкостью в течении зимы.» «Получив свободу, император проявил благодарность Учиедам, раздав им щедрые подарки.

в качестве независимого хана, без фиксации Чингизханидского сюзеренитета (1453). Он умер в 1455 г., в результате очередного убийства.

Согласно Тарихи Рашиди, Эсен оставил в качестве наследника во главе ойратской или калмыцкой империи, своего сына, Амасанджи. В недостаточно точно определенное время, между 1456 и 1468 годами, Амасанджи вторгся в чагатаидское ханство Моголистан и разбил недалеко от Или (Эла) правившего там хана Юнуса, который вынужден был бежать до города Туркестана. Тот же источник подчеркивает, что чагатаидская правительница Махтум ханым, которую Эсен ранее заставил войти в правящее ойратское семейство, внесла некоторую сумятицу. Твердая мусульманка, она воспитала в духе Ислама своих сыновей, Ибрахима Онга (Ванг) и Ильяса Онга. Эти молодые люди несколько позже вступили в борьбу с Амасанджи. В результате гражданской войны, Ибрахим'и.Ильяс вынуждены были эмигрировать в Китай.*

Несмотря на внутренние распри, Ойраты, еще в течение достаточно долгого времени тревожили своими периодическими набегами всех своих соседей, и в частности, на юго-западе. В тех краях, как мы уже видели, кочевали Киргиз-Казахи,-степные Тюрки, очень слабо исла-мизированные, племена которых блуждали в степях нижнего течения Или, Чу, Сары-су и Тургая, и которые, при ханах Касыме (1509-1518 годы) и Мумаше (1518-1523 годы) играли значительную роль в шейба-нидской Трансоксиане, где они наводили ужас.**

Наследник Мумаша, Тахир-хан (1523-1530 годы) устал, и это правда, от своего авторитаризма, недисциплинированных кочевников, когда многие кланы, как нам говорит Хайдар-мирза, пришли к расколу.***

Киргиз-Казахское ханство возродилось при хане Таваккуле, однако, в течение 1552-1555 гг., Таваккул вынужден был бежать, словно смерч, от ойратского вторжения из района Кобдо в направлении Или. Таким образом, тюркские кочевники великой степи Прибалхашья, наводившие ужас на оседлое население Трансоксианы, сами были обращены в бегство кочевыми монголами Большого Алтая. Безусловно, их ужас был разделён жителями крупных трансоксианских городов. Таваккул эмигрировал в Ташкент, ко двору местного шейбанида Норуз Ахмеда. На просьбы о помощи, с которыми к нему обратился его гость, Норуз ответил: «что даже десять принцев, подобных им, не смогут ничего сделать против Калмыков" (т. е. против Ойратов).****

К 1570 году Ойраты доминировали также на верхнем Енисее и в долине реки Или.

* Тарихи Рашиди, 91, отрывок, впрочем, туманен и запутан.

** См. также См. Тарихи Рашиди, 272.

В целом, если, как мы уже видели, слава Ойратов, после смерти своего тайджи Эсена (1455) закатилась на востоке, в противостоянии с Чингизханидами восточной Монголии, то они продолжали угрожать на западе степным территориям между Или и Каспийским морем.

Последняя реставрация Чингизханидов:

Дайан-хан и Алтан-хан

Закат мощи Ойратов, т. е. западных Монголов, не был моментально использован Чингизханидами восточной Монголии. Какое-то время они истребляли друг друга в изнурительной внутрисемейственной борьбе. Великий хан Мандагол, двадцать седьмой потомок Чингиз-хана, погиб в 1467 г. в результате войн против своего малолетнего племянника и наследника Болхо Джинона, который в свою очередь был убит еще до провозглашения ханом (1470). В этом правящем семействе Хубилаидов, некогда многочисленном, не осталось никого, кроме пятилетнего мальчика, сына Болхо Джинона, — Дайана, "который был оставлен всеми, даже собственной матерью, вновь вышедшей замуж".*

Молодая вдова Мандагола, Мандугхай-хатун взяла мальчика под свою опеку и провозгласила его ханом. Она же взяла на себя командование верными ей Монголами, и нанесла поражение Ойратам. В 1481 году она вышла замуж за молодого Дайана, будучи старше его на восемнадцать лет. В 1491—1492 годах эта героическая женщина, которую называли часто Элун-эке, -имя матери Чингиз-хана "находилась во главе армии, которая рассеяла Ойратов".**

Это ей молва приписывает заслуги в ликвидации превосходства Ойратов, и возвращения господства восточных Монголов.

Долгое правление Дайана (1470-1543), сначала при энергичном регентстве его будущей супруги, затем личных качествах суверена, было отмечено возрождение Чингизханидского авторитета, которое произошло благодаря перегруппировке восточных племен, согласно традиционному делению (сориентированному по отношению к югу) на левое крыло (джун гар, джегон гар, или сегон гар) на востоке, и правое крыло (барун гар, барагон гар) на западе.***

"Первое крыло подчинялось непосредственно кагану, второе находилось под властью джинона, которого каган выбирал среди своих братьев или сыновей. Первое включало в себя племена: Чахар, территорию суверена, Халхи и Урянгхан; второе включало в себя: Ор-

* Курант, Центральная Азия в XVII и XVIII вв., 6. **

См. выше, с. 254.

*** Бараун гар, джеун гар, в Секретной Истории. Cf. Mostaaert, Ordosica, I, 49-50.

дос, Тумед* и Джунгчиабо, называемый также Харатчин или Хартчин.*** Дайан не осуществлял эту реорганизацию без насилия. Часть Барагона-Тумед или правосторонних Тумедов (то есть западных) убили одного из сыновей Дайана, который был им назначен в качестве предводителя. "Это привело к серьезному столкновению между двумя крыльями Монголов. Дайан, сначала терпевший поражение, затем сумел одержать верх благодаря альянсу с Хортчинами, племенем (бассейн Нонни), которое подчинялось наследникам Кассара, брата Чингиз-хана. Он преследовал бунтовщиков вплоть до Кукунора, где и принял их заверения в покорности. Он им назначил в качестве джинона своего третьего сына Барса-болода (1512)". Дайан также подавил восстание Урянгханов, ликвидировав их группировку и расселив ее между пятью другими. Наконец, с 1497 по 1505 годы он руководил целой серией удачных набегов на китайские границы от Леотонга до Кан-су.

После смерти Дайана (1543), его дети и внуки разделили между собой племена. Племена Чахаров сформировали долю предводителя старшей ветви, Боди-хана, внука Дайана, и имевшего титул Великого хана. Боди-хан располагался в стране Калган и Долон-нор, которая до сегодняшнего дня является центром владений Чахаров. Верховное монгольское ханство существовало у правящего семейства Чахаров с 1544 по 1634 год, в периоды правления ханов: Боди (1544-1548), Кудан (1548-1557), Тумен Сасаку (1557-1593), Сетчен (1593—1604) и Легдан (1604—1634). Последний, как мы увидим ниже, был смещен маньчжурским императором. Третий сын Дайана, джи-нон Барса-болод, и уже его сын-джинон Гюн Биликту Мерген (умер в 1550 году), командовавшие Ордосцами, расположили свои лагеря в излучине Жёлтой Реки (в 1528, 1530 годах). Младший брат Гюн Биликту, Алтан-хан-Йен-та согласно Мин-ши — наиболее известный из внуков Дайана, командовавший Тумедами, двинулся на северо-восток от излучины, в Коке-хото (Куку-хото) или Куэй-хуа-ченг.***

Наконец, младший сын Дайана, Гересандза лотчигин, получил право командовать племенами Халха, которые, в то время были, по Коранту, сосредоточены между рекой Халха, озером Буир-нор и нижним тече-

* Тумет, или Тумед = Десять тысяч.

** Курант, Центральная Азия в XVII и XVIII веках, 7-9. Эти племена в большинстве своем существуют и сегодня, Чахары — на севере от Великой стены, на севере Шаньси; Халха — во Внешней Монголии от Упса-нор до Буир-ноора; Урянханы были уничтожены самим Даян-ханом; Ордосы живут еще в «Ордосе» (изгиб Желтой реки); Тумеды — на северо-востоке изгиба; Харачины — на юге Желтой реки, на севере Хубея.

*** «Столица», т. е. укрепленный лагерь Алтана в Куэй-хуа-чене называлась в тот период — Байчин. См. Mostaert, *Ordosica*, 37.

нием Керулена. Оттуда, Халхинцы, выталкивая Ойратов или Калмыков, растянулись на запад до Обса-нора.

Это нашествие на Ойратов, которое вытеснило их к району Кобдо, было уничтожением объединенными Монголами дайонидами, под личным руководством Тумедского правителя Алтан-хана, при поддержке его внучатого племянника Хутуктай Сетчен хонтайджи, принца Ордоского. Ойраты, потерпевшие поражение в многочисленных стычках, потеряли Каракорум, ставку и символ монгольской "имперскости" (1552). Два из их племени, Торгут или Торгхут и Кошот, вновь преследуемые и разбитые Дайанидами вплоть до Урунгу и Черного Иртыша, начали своё продвижение на запад.

Алтан-хан, правление которого падает на период с 1543 по 1583 годы, но который еще при жизни своего деда Дайана, приступил к осуществлению своих подвигов, направив свои войска против Минского Китая. Так, в 1529 г. он разорил округ Та-тонг, на севере Шан-си. В 1530 г. он опустошил округ Нин-ся в Кан-су, затем та же участь постигла Сиан-хуа, на северо-западе от Пекина. В 1542 г. он убил китайского генерала Чан ши-гчюна; он взял также в плен 200 000 человек, и два миллиона голов скота. Практически ежегодно тревожа китайские территории, то с округа Та-тонг, то с Сиан-хуа, он возобновил, таким образом, старые Чингизханидские набеги. В 1550 г. он продвинулся вплоть до ворот Пекина, сжигая предместья столицы. Прежде чем вернуться, он разорил ещё район Пао-тин-фу. Следовательно, этот энергичный Чингизханид мечтал только о войне. Дважды, в 1550 и 1574 годах он заставил Китайцев открыть рынки в приграничных районах с тем, чтобы организовать обмен животных из Монголии на китайские товары. Во время этих нашествий, его сопровождал внучатый племянник, ордоский принц Хутуктай Сетчен хонтайджи, родившийся в 1540 г., и умерший в 1586 г., и который неоднократно разорял китайскую границу между Нин-ся и Ю-лином. Компании Хутуктай Сетчена были воскрешены его внуком, монгольским историком Сонон Сетченом.

Распад империи дайанидов. Ордосское и халхинское ханства

Настоящим бедствием этих монгольских этносов была привычка семейственного разделения. Дайанидская империя, — даже почти не осуществляя внешних завоеваний, и хотя ее экспансия ограничивалась Монголией, — была по аналогии близка Чингизханидской империи. После смерти своего основателя, она была, как и империя Чингиз-хана после его смерти, что-то наподобие семейственного федеративного Государства, где различные лидеры, сплошь братья и кузены,

признавали верховенство предводителя одной из родственных ветвей, в частности, лидера рода Чахар. Это деление закончилось распадом, распылением, которое империя наследников Чингиз-хана не знала в такой степени. Отметим, в качестве примера, основателя ордосского государства, Гюн Биликту Мерген джинона. Он был достаточно могущественным властелином. Однако, после его смерти в 1550 году, его племена раскололись между его девятью сыновьями.*

Его старший сын Нойандара сумел сохранить лишь "Знамя"— Дорбен Корийа, современное племя Ван.**

В то же время федеративная связь ослабилась с теоретической покорностью сохраненной ветви верховного хана. Здесь опять прослеживается аналог с тем, как объединял авторитет прямых наследников Чингиз-хана. С середины XII в., Чингизханидские принцы брали уделы. При этом удел, который находился дальше других от Каракорума, имел образ независимого владения. Рубрук отмечает, что Кипчакский хан Бату фактически был равен Великому хану Монка. Двадцать лет спустя, Великий хан Хубилай не добивался также покорности от хана Имэля-Кайду.***

То же самое было и с преемниками Дайана. В связи с тем, что халхинские принцы преследовали Ойратов вплоть до Кобдо и заняли огромные территории между Керуленом и горами Хингай, среди них были те, кто оказался наиболее удаленным от страны Чахаров. Они чувствовали себя практически независимыми. Именно это произошло с одним из последних внуков халхасского принца Жересан-дра, по имени Шулуй Убача хонтайджи, который к 1609 году обосновался в сердце древней страны Ойратов, в районе Киргиз-нор и Убса-нор, откуда он вытеснил Ойратов вплоть до Чёрного Иртыша и Тарбагатай (1620, 1623). Он взял титул Алтын (или Алтан)-хан и основал в этой стране ханство под своим именем, которое существовало вплоть до 1690 г. Другой халхасский принц, один из двоюродных братьев, Лайхор-хан, также победитель Ойратов, обосновался на востоке от Алтан-хана, западнее Улясутая; его сын Субати взял титул Дзасагту-хан, который также перешел на название ханства. Третий халхасский принц, Туменгкен, внук Жересандза, основал у истоков Орхона, на верхнем течении Онгкина и на Селенге, ханство Саин-нойан. Брат Туменгкена, Абатай, стал родоначальником ханства Ту-шету-хана, которое отделившись от Саин-нойана руслом Орхона, включала в себя бассейн реки Тула, современную территорию Урги

* Найандара джинон, Байсангур, Ойидарма, Номтарни, Буйангулай, Банджара, Бадма Самбхава, Амурдара и Оглакан (Mostaert, *Ordosica*, I.e.,28). ** Mostaert, *Ibid.*,51. *** См. выше, стр. 341 и 359.

(Улан-Батор). По причине фамильного старшинства, семейство Саин-найна было сначала вассалом Тушету-хана и лишь в 1724 г. оно стало независимым, и оказалось на равных. Наконец, один из последних внуков Жересандза, по имени (он также) Шулуй, находившийся в районе реки Керулен, взял титул Сетчен-хана и стал основателем пятого халхинского ханства.*

Хотя все пять наследников были из рода Жересандза, пять халхинских ханов не всегда сохраняли между собой тесный союз.

Алтан-хан Лобдзан (1658—1691) напал в 1662 г. на своего соседа Дзасагту-хана, взял его в плен и приговорил к смерти. Перед опасностью этих нападений, Тушету-хан сформировал лигу из других монгольских принцев, лигу, которая обязала Алтын-хана отступить. Благодаря, как мы увидим далее, иностранной поддержке (ойратского племени Джунгар, Пекинского двора), Алтын-хан улучил момент для восстановления своих позиций, но в 1682 г. он был застигнут врасплох и взят в плен Дзасагту-ханом; с 1691 г. он исчезает и, вместе с ним, исчезает его ханство. Как мы увидим далее, это исчезновение самого западного из пяти халхинских ханств позволяет предположить реванш древних Ойратов или Калмыков, которые смогут вернуть территорию Алтын-хана, т. е. современную провинцию Кобдо.**

Монгольская империя Дайанидов, эта реставрация, на бесконечных просторах, правда уменьшенная, чем империя Чингизханидов, погибла, как и последняя, в результате семейных раздоров. В течение века чахарские Великие ханы осуществляли над ордосскими ханами не более чем номинальное господство, и более значительная причина, над четырьмя, оставшимися в живых, халхинскими ханами. Восточные Монголы впали, таким образом, в статическое состояние, которое предшествовало Дайану.

Принятие восточными Монголами ламаизма

Одновременно, они начали значительно глубже воспринимать отпечаток тибетского ламаизма, реформированного Желтой Церковью. До этого, шаманисты, либо более или менее неопределенно колебавшиеся в доктринах старой тибетской Красной Церкви, Монголы, достаточно успешно избегали влияния буддизма, значительно более сильного в среде их предков в Китае в эпоху Юань, чем их уход из Китая обязательно вовлекал для них не-

* Морис Курант, Центральная Азия, 27 и далее, согласно Тон хуа лу. ** Курант, 31, согласно Тон хуа ло.

которое интеллектуальное обнищание. Но желтая ламаистская Церковь, основанная на Тибете Тсонг-ха-па в начале XV в., устремлялась в моральную атаку народов, в которой она видела возможных защитников.

Ордосцы являются примером, воспламенившись в 1566 г. ламаизмом.*

Один из их лидеров, джинон Хутуктай Сетчен хонтайджи** из знамени Ушин, в том году вернул в Тибет многих лам, которые приступили к этому обращению в другую веру. В свою очередь Хутуктай Сетчен обратил в ламаизм влиятельного лидера Тумедов, своего старшего дядю Алтан-хана, причем, как мы уже видели, в период расцвета его мощи (1576).***

Ордосцы и Тумеды решили торжественно восстановить под видом Жёлтой Церкви, тибетский буддизм среди Монголов. Безусловно, и мы это увидим, прецедент их предка Хубилая и ламы Пхагс-па вдохновил их в проведении этой политики. Алтан-хан и Хутуктай Сетчен пригласили Великого Ламу Бсод-намс-ргиа-мтсо, руководителя Жёлтой Церкви, приехать из Тибета. Они его встретили с пышной помпой на берегу Куку-нора, и созвали вместе с ним собрание, где Монгольская Церковь была официально учреждена (1577). Алтан-хан вспомнил перевоплощение Хубилая, в то время как Бсод-намс-ргиа-мгсо сделал то же самое о Пхагс-па. Алтан пожаловал Бсод-намеу титул далай-ламы или Тале-лама, который с тех пор носят приемники понтифика. А Желтая Церковь посвятила свой духовный авторитет реставрации Чингизханидов, осуществляемой Дайаном и Алтаном, тогда как монгольские восстановленные силы будут направляться на службу Желтой Церкви.

Возвратившись в Тибет, Бсод-намс ргиа-мтсо оставил у Алтана "живого Будду", Донгкура Манджусри Хутукту, который обосновался около него, в Куку-хото. После смерти Алтан-хана (1583), Бсод-намс ргиа-мтсо приехал к Тимедам, чтобы приступить к его кремации (1585).

Великий-хан чахаров-Тумен Сасакту (1557-1593) в свою очередь, принял новую религию и обнародовал новый монгольский свод за-

* Кажется, что страна ордосов сохранила также пережитки несторианства в эпоху онгютов. Таков случай с кланом Еркегюд, хотя это имя означает христиан на чингизханидском монгольском языке (аркагюн). Cf. A. Mostaert, *Ordosica*, Bulletin n 9 of the Catholic University of Peking, novembre 1934).

** Родился в 1540 г., умер в 1586. Как известно, он был прадедушкой историка Сананг Сетчена.

*** См. Мостаерт, Заметки о Хутуктай Сетчен ХунгТайджи, Ордосика, 56.

конов, полностью вдохновленный буддистскими доктринами. Его второй преемник, Великий хан Легдан (1604-1634), также строил храмы, и перевел с тибетского на монгольский буддистскую компиляцию Канджура. Что касается Халхинцев, они с 1588 года приступили к охвату верующих и в 1602 г. новый "живой Будда", Мэтрэя Хутухту, расположился среди них в районе Урги, где их реинкарнации продолжались вплоть до 1920 г.*

Перейдя вместе со своим народом в тибетский буддизм, Алтан-хан и другие Даяниды думали возобновить эпоху Хубилая. Но когда Хубилай перешел в другую религию, захват Китая Монголами был практически осуществлен. Напротив, если Алтан-хан перешел во многих местах Великую стену и поджег окрестности Пекина, там его успехи приостановились. Монгольское завоевание возобновилось в районе боя. Итак, первенство ламаизма явилось непосредственным влиянием, усыпляющим восточных Монголов. Ордос и Тумед, Чахар и Халха, особенно первые, очень быстро потеряли свои мужественные качества под набожным влиянием тибетского клерикализма. Эта буддийская Церковь, которая ранее превратила ужасных Тибетцев эпохи Тан в народ мечтателей и чудотворцев Тсонг-ха-па, ввергла современных Монголов в ещё больший упадок вследствие недостатка у них философских качеств, так как они воспринимали в религии лишь ханжество и клерикализм. Они, которые снова двинулись в путь, в конце XV века, для того, чтобы вновь начать Чингизханидскую эпопею, внезапно остановились, погрузившись в благочестивую инерцию, всецело заботясь о щедром содержании своих лам. Их история, так как она была описана ордосским принцем Сананг Сетченем, кажется, совершенно забыла о Потрясателе Мира и его славе, предпочитая мечте о завоевании душ.**

Достигнув этой степени духовного совершенствования и святости, восточные Монголы созрели для того, чтобы испытать нашествие калмыков или нашествие манчжуров. Как отмечает Курант, речь идет лишь только о том, кем из этих двух они будут покорены.

* G.Huth, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, aus dem tibet. des Jig-med-nam-mka übersetzt, 11,200 et sq.,221,326. Schulemann, *Geschichte des Dalailamas*, 110 et sq. Courant, *L'Asie Centrale*, 13.

** Сананг Сетчен из монашеской семьи (чингизханидской и даянидской) Ордосов из феодального клана Учин. В 1634 г. получил титул Ерке Сетчен Хонтайджи от Еричин Джинона, предводителя старшей ветви Ордосов (клан Байтов). Он завершил труд по истории восточных монголов в 1662 г. Дата его смерти неизвестна.

Завоевание Китая Маньчжурами

Тунгусские народы, как мы уже видели, занимали исключительно громадные пространства северо-востока Азии: Маньчжурию (Маньчжуры, Дахуры, Солоны, Манегиры, Бирары и Голды), приморские российские провинции (Орочены), восточный берег среднего течения Енисея и бассейн двух Тунгусок, в Сибири (Енисейцы и Чапогиры), район Витима, между Леной и Шилкой (Орочены) и территории, примыкающие к Охотскому морю, Амуру на подходах к Камчатке (Киле Самагиры, Олтишаа, Негда, Лалегир, Инкагир, Ламут, Утшур, и так далее). Вопреки тому, как, считалось, долгое время эти народы не играли какой-либо заметной роли ни в древней истории Дальнего Востока, ни в течение всей первой половины средних веков вплоть до XII в., за исключением периода государства По-хая, основанного в конце VII в. одним из их племен, и которое существовало до 926 г., охватывая всю Маньчжурию и крайний север Кореи. Кроме того, государство По-хая в своей части было населено корейскими иммигрантами, которые обучали Тунгусов Мал-кал; это Страна, имевшая в качестве столицы Ху-хан-чен, расположенный южнее Нингута, на реке Хурха, притока Сунгари, представляет, в общем, первое политическое, тунгусское по происхождению образование. Мы видели, что в 926 г. оно было разрушено Киданьским завоевателем А-пао-ки, т. е. народом, монгольским по происхождению.

Тунгусы впервые вошли в историю посредством Джуртжитов, Журжен или Жу-ченов, племен их происхождения, размещенных в бассейне Усури, в горном и лесном районе, который простирался, пересекая северо-восток современной Маньчжоу-го и приморских областей России. Мы видели, что в первые годы XII в. Джуртжи-ты, организованные энергичным лидером, А-ку-та, из клана Ван-йен (1113—1123), захватили киданьское государство в Маньчжурии, территории Чахаров и северного Китая (1122), отобрали у Китайской империи Сун почти все китайские провинции севернее Яньцзы (1126) и создали первую Тунгускую империю "Цин" или золотую империю, где Пекин был одной из столиц и которая просуществовала с 1122 г. вплоть до своего окончательного разрушения Монголами Чингизханами в 1234 г.*

Китайские хроники отмечают мужество, с которым последние Джуртжиты сопротивлялись Чингиз-хану и его сыну Угэдю, храбрость, которую они проявляли почти двадцать пять лет новым хозяе-

* См. стр. 188 и 321.

вам мира, чтобы сразить их, и монгольские полководцы часто были восхищены и поражены тем героизмом и безнадежной лояльностью, которую они показывали.*

После распада монгольской империи в Китае, в начале правления династии Мин, Джуртжиты, или Маньчжуры, как начали их называть, разместились между рекой Сунгари и Японским морем, в большей или меньшей степени признав китайский сюзеренитет. Это были, как и их предки в XI в., лесные кланы, жившие охотой и рыболовством, в отдалении от культурных течений.**

С 1599 г. энергичный лидер по имени Нурхатси, или Нурхацци (по-кит. Ну-ал-ха-ши) объединил в единое ханство семь айманов или племен джуртжитов и основал маньчжурское историческое государство (1606). Первым центром правящего клана был Одоли, расположенный у истоков Хурха, притока Сунгари, недалеко от современного Нингута, однако уже Нурхацци располагался далее на юг, в Хингки-не, восточнее Мукдена, где находились родовые могилы четырех поколений их предков. Маньчжурские племена до этого времени пользовались старой джуртжитской письменностью, бывшей у них с XII в. и освободились от китайских иероглифов, однако, Тунгус-кие фонемы и китайско-джуртжитские письменные знаки, были недостаточно адекватные. К 1599 году Маньчжуры Нурхацци приняли с некоторыми изменениями монгольский алфавит, происходивший от древней уйгурской письменности.

Нурхацци сразу же заметил то состояние упадка, в котором находился Минский Китай в период правления императора Ван-ли (1573-1620). В 1616 г. он провозгласил себя императором. В 1621—1622 годах он отобрал у Китайцев пограничный пункт, точнее Шенянг, современный Мукден, где в 1625 году учредил свою столицу. В 1622 г. он занял также Ляо-юань. В 1624 г. он добился покорности монгольского племени Хортчин, которое кочевало к востоку от Хингана, между этой горной цепью и излучиной Сунгари. Ко времени своей смерти (30 сентября 1626 г.), он превратил Маньчжурию в солидное государство с хорошей военной организацией.

Абахай (1626-1643), сын и наследник Нурхацци, продолжил его начинания. В то время как Маньчжуры объединились в одно целое, Монголы разделялись, или продолжали существовать как прежде. Хан Ча-харов, Легдан или Лингдан (1604-1634), который имел титул Велико-

*Cf. MaillalX, 133-156.

** Что касается древних маньчжурских кланов, см. Haenisch, Beitrage zur altmandschurischen Geschlechterkunde, dans Festschrift fur Friedrich Hirth, 1920, 171-184.

го хана всех восточных Монголов, предпринял тщетные попытки сохранить свой сюзеренитет над племенами. Ордосцы и Тумеды воспротивились его гегемонии. Ордосский лидер Эринчин джинон, при поддержке племен харачин и абага, бросил вызов Легдану (1627). Ордосцы и Тумеды, вместо того, чтобы повиниться чахарскому хану, лидеру одного с ними происхождения, перенесли свое почтение маньчжурскому суверену, Абахая. Маньчжуры напали на Легдана и вынудили его бежать в Тибет, где он погиб (1634). Чахары, в свою очередь, подчинились Абахая, который сохранил во главе их семейство Легдана. Наиболее известный из сыновей Легдана, Ерке-хон-гор, в 1635 г. признал себя вассалом Абахая. В том же году последний принял также знаки почтения от джинона Эринчина, лидера племени Ордос. В 1649 г. Ордосцы были реорганизованы их маньчжурским сюзереном на 6 знамен (гушу), каждое из которых размещалось под командованием принца (дзасак), потомка Чингизханида Джинонг Гюн Биликту Мергена.*

Вся внутренняя Монголия находилась в составе Маньчжурской империи, чахарские, тумедские и ордосские ханы, будучи в дальнейшем вновь связаны с маньчжурской династией личными верноподданническими узами, посредством мягкой феодальной клятвы, которая продолжалась вплоть до крушения династии в 1912 г.

Что касается Китая династии Мин, он не поддавался нападкам Маньчжуров; он убивал себя сам. Минский император Чунь-чень, или Чуань-ли-си (1628-1644), был образованным, но совсем не предприимчивым. Авантюрист, Ли Чу-чен объявляет себя хозяином Хо-нани и Шань-си (1640 и последующие годы), и, наконец, 3 апреля 1644 г. захватывает Пекин, в то время как несчастный Чуань-чень, вешается, чтобы не попасть в его руки. Он оставляет в китайской империи последнюю армию, которая воюет с Маньчжурами на стороне Чан-хай-куана. Командующий этой армией, Ву Сан-хуэй, жаждущий, прежде всего, наказать Ли Чу-чена, договаривается с Маньчжурами, сливается с их контингентом и двигается вместе с ними к Пекину, где, после единственного сражения у Юнь пина, он прогоняет узурпатора. Он благодарит своих маньчжурских пособников и находит предлог освободиться от них. Однако Маньчжуры, однажды вошедшие вместе с ним в Пекин, вели себя с ним как хозяева. Их хан Абахай умер 21 сентября 1643 г. Маньчжуры провозгласили императором Китая его сына Шуен-че, которому было всего шесть лет. Ву Сан-хуэй, обманутый

* A. Mostaert, *Ordosica*, Bull. Catholic University of Peking, n 9, 1934, 26 et 39.

ими, стал при посредничестве силы обстоятельств, их сообщником, и получил от них княжество в Шен-си, с обещанием получить пост вице-правителя более обширного удела, но и более отдаленного, в Сычуани и в Юньнани. Это получил тот, кто обязался покончить с Ли Чу-ченном, единственный китайский полководец, способный противостоять нашествию (1644).

Маньчжуры ощущали себя хозяевами северного Китая, меньше как завоеватели, больше как похитители. Покорение южного Китая требовало немного больше времени. Тем не менее, можно ли сравнивать это сопротивление с тем, которое династия Сун оказывала Монголам-Чингизханидам, и которое длилось полвека (1234-1279). Минский принц был провозглашен императором в Нанкине. Маньчжуры взяли город, и претендент утонул (1645). Три других представителя династии Мин, принцы Лу, Тан и Хуэй, попытались организовать сопротивление на юге, первый-в Хан-чу у Чо-кана, второй-в Фу-чу, у Фу-кана, третий в кантонском регионе. Однако их разногласия сыграли на руку завоевателю. В 1646 г. Маньчжуры разбили принцев Лу и Тана и покорили Чо-кана и Фу-кина. Принц Хуэй, Юонь-ли или Юон-мин, который основал свою резиденцию в Куен-лине, в Куан-си, где окружение было представлено по большей части христианами, сопротивлялся более успешно. Его полководец, также христианин, храбрец Киу Ши-су, отбил первое наступление Маньчжуров на Куй-лин (1647-1648). Однако Маньчжуры, поддержанные воссоединенными Китайцами, в 1650 г. возобновили набеги, разбили небольшую армию роялистов и взяли Кантон, в то время как последние представители династии Мин бежали в Юньнань (1651).

Хозяева всего Китая, Маньчжуры, как ранее Монголы, может даже еще более решительно, приспособились к китайской среде. Их лидеры, Шуен-че (1643-1661), регенты, которые после смерти этого принца, правили вместо его малолетнего сына Кан-си (1661-1669), особенно Кан-си в течение своего долгого личного правления (1669-1722), Юань-чень (1723-1735), сын Кан-си, Цянь-Лун (1736-1796), сын Юань-ченя, все они вели себя как Сыны Неба в наиболее подлинных китайских традициях. Безусловно, могли ли они посвящать себя более полно этой роли, как некогда Хубилай и его внуки. Чингизханидские императоры Китая в XIII-XIV веках одновременно с Сыновьями Неба оставались и Великими Монгольскими Ханами; наряду с наследием девятнадцати китайских династий, они оставались наследниками Чингиз-хана, сюзеренами других ханств Туркестана, Персии и Руси, где правили их кузены из семейств Чагатая, Хулагу и Джучи. Маньчжуры, напротив, за пределами их бедной родной Маньчжурии, — в то время сплошь в лесах и полянах — не привлекали внимания, кроме

как у Китайской империи. Именно это объясняет факт, что они подверглись значительной большей китаизации с бесконечно меньшей подоплекой, чем еще недавно семейство Хубилая. Факт, что они не будут выдворены из Китая как Хубилаиды. Они будут поглощены. Когда, в 1912 г. китайский народ сверг их династию, уже прошло много времени, когда старые маньчжурские завоеватели, вопреки имперским предписаниям о сохранении чистоты расы, были практически ассимилированы и утонули в китайской массе; и это имело место не только на китайской земле, но также в Маньчжурии, где тунгусский элемент был сильно ассимилирован или устранен переселенцами, прибывшими из Хо-пея или Шан-си, до такой степени, что этнографические карты дают сегодня полностью китаизированное описание страны. В настоящее время тунгусские владения сохранились только на Амуре. В силу таких вторжений, маньчжурские леса, распаханнные небесными иммигрантами, уступили место от Мукдена до Харбина и от Харбина до Хай-луна, плантациям риса и сои.

Западные Монголы в XVII веке

Восточные Монголы, точнее, те, кто жил во внутренней Монголии, как мы уже видели, использовали триумф маньчжурской династии, воссоединившись с ней в 1635 г., за девять лет до взятия Пекина. В последующем, когда маньчжурское господство стало значительным, часть из них спохватилась. В 1675 г., хан Чахаров, Бурни, лидер старшей ветви Хубилаидов, спровоцировал восстание против императора Кан-си, восточных Монголов, начав со своих соседей, Тумедов; однако, было уже поздно. Бурни был побежден и пленен войсками Империи. Это было фактически, последним всплеском волнений во внутренней Монголии, после чего их "знамена" превратились в покорных вассалов.

В реальности, опасность для китайской империи династии маньчжуров, исходила из другого места. Это не были восточные Монголы, впавшие в безвозвратный упадок, которые находились теперь в смятении, но западные Монголы, которые, в частности из-за благосклонности к этому упадку, пытались восстановить империю Чингиз-хана.

Мы уже видели ту огромную роль, которую играли в XV веке западные Монголы-Ойраты, то есть Объединители, как они себя называли, или Калмыки, как их называли Тюрки.*

После того, как они доминировали во всей Монголии примерно с 1434 по 1552 годы, они были к этой последней дате побеждены вос-

* Что касается происхождения этого слова, см. Бартольд, Калмыки, Энц. Ислам, II, 743.

точными Монголами, в частности, лидером рода Тумед-Алтан-ханом, и вытеснены в район Кобдо. Они были также отброшены принцем рода Халха, по имени Алтын-хан, который вынудил их бежать ещё дальше на запад, в Тарбагатай.

Далее, после смерти их хана-Эсен-тайджи, к 1455 году единство Ойратов раскололось. Четыре объединенных народа, составлявшие достаточно долгое время единое западно-монгольское ханство, получили независимость. Эти четыре народа, если мы проследим историю, по свидетельству императора Цянь Луна, были: Чорос или Цорос, Дорбод, Дорбот или Турбет, Торгут или Трхут, и Хошот, затем Хоит, вассалы Дорботов.*

Чорос, Дорбот, Торгут и Хошот, хотя политически были и разрозненны, продолжали, в общем, называться "Четыре Объединённых", Дорбен Ойрат. Их обозначали также под именем людей левого крыла, буквально, левая "рука", дзагун гар или Джунгар, откуда и произошел западный термин Джунгары, который должен относиться по происхождению к четырём племенам, как подчеркивает Цянь Лун, хотя это имя Джунгар было присвоено господствующим племенем, а именно Чоросами.**

Между тем, мы знаем, что принцы племен Чорос, Дорбот и Хоит происходили из одного семейства. Что касается племени Торгут, называемый также монгольским словом Торгаг, во множественном числе Торгаут, "гвардеец, часовой",*** то оно подчинялось династии, которая кичится еще и сегодня тем, что происходит от древнего правителя кераитов.****

Наконец, правящий дом Хошотов причисляет себя к Кассару, брату Чингиз-хана. Главенствующим племенем был Чорос, известный также под названием Олот, откуда западные писатели вывели Элёт, наименование, которое, в силу ошибочной этимологии, возможно применимо к группе из четырех племен, известных как Ойрат.*****

Отметим, что в эпоху, которой мы занимаемся, мы выделяем среди западных Монголов, кроме политических коллизий, о которых мы говорили, значительную интеллектуальную активность. В част-

* Kien-long ap. Courant, L'Asie Centrale, 6.

** См. Пельо, J.A., 1914, II, 187, указывающий на некоторую путаницу в изложении Куранта.

*** Пельо, Заметки о Туркестане, Тунг-пао, 1930, I, 30.

**** Пельо, там же.

***** См. Пельо, J. A., 1914, II, 187 и Ж. Дени, Монгольские языки. Языки мира, 223. Курант идентифицирует иногда Олотов не с Чоросами, а с Хошотами.

ности, благодаря реформе, произведенной Зайа Пандита, в 1648 г. они усовершенствовали старый уйгуро-монгольский алфавит, введя в него, путем присоединения диакритических знаков, семь новых букв, предназначенных для облегчения транскрипции монгольских звуков.*

Народные движения среди западных Монголов.

Миграция Калмыков

В начале XVII в. давление, оказанное племенем Халха во главе с Алтын-ханом на четыре племени Ойратов, разрушив их единство, вызвало значительное волнение народов. Алтын-хан, вытеснив Чоросов из района Кобдо вплоть до верхнего течения Енисея, обрек одновременно Торгутов, под напором Чоросов, эмигрировать еще далее на запад. Произошло то, что предводитель Торгутов-Ху Урлук, оставив Джунгарию (1616), двинулся на запад, пересекая с^те-пи Киргиз-Казахов, на север Арала и Каспия. Киргиз-Казахи Младшей Орды, попытались остановить его западнее Эмбы, а Ногайская орда — недалеко от Астрахани. Он разбил и тех и других. На севере, круг его действий распространился до верхнего течения Тобола и он отдал свою дочь замуж за Ишим-хана, сына Кучума, последнего шейбанидского хана Сибири (1620). На юге, его отряды двинулись (с 1603 г.) разорять Хивинское ханство в ходе вторжений, которые возобновлялись во время правления Хивинских ханов: Араб Мохаммеда I (1602-1623) и Исфандияра (1623-1643). На юго-западе, Торгуты начали уходить в 1632 г. и обосновались на нижней Волге. В 1639 г. Ху Урлук покорил на востоке Каспия Туркменов гористого полуострова Мангышлак, региона, который оставался после этого покоренным его семейству. В 1643 г. он отправил кочевья своего народа — примерно 50. 000 шатров — к Астрахани, но был убит во время стычки с жителями страны.**

Несмотря на это несчастье, Торгуты продолжали занимать степи севернее Каспия, вплоть от устья Волги до полуострова Мангышлак, откуда они выступали для разорения городов Хивинского ханства, Хазарасп, Кат и Ургенч. Во время правления их хана Пунчук-Мончакка (1667—1670), внука Ху Урлука, наблюдается высылка на Кавказ трех туркменских племен с Мангышлака.***

* Ж. Дени, Монгольские языки. Языки мира, 231.

** Куран, Центральная Азия, 40.

*** Бартольд, Мангышлак, Энци. Исл., III, 259.

Напротив, Торгуты были вынуждены искать дружбу у России, так как признали различные формы сюзеренитета (1656, 1662). Их хан Айука (1670-1724), сын Пунчука, усилил эту политику. 26 февраля 1673 г. он прибыл в Астрахань, чтобы выразить почтение и подчинение Московскому правительству, которое его приняло исключительно пышно. Торгуты были буддистами, русская политика предполагала использовать их против мусульманского Крымского ханства, против Башкир Урала, и против Ногайцев Кубани, также бывших мусульманами.

В целом, это все имело место. Были, однако, стычки и между Русскими и Калмыками, как в 1682 г., когда Айука, оскорбленный требованием направить заложников, восстал и совершил разорительный поход вплоть до Казани, после чего он вернулся и вновь подчинился царю. В 1693 году, он в угоду Русским, совершил победоносный поход против Башкир, затем против Ногайцев. В 1722 г. Петр Великий, признав его заслуги, с большим почтением принял его в Саратове.*

Торгутское ханство, в целом, процветало под русским протекторатом. Оно располагалось на пространстве от реки Урал до Дона, от Царицына до Кавказа, вплоть до 1770 г., когда оплошность некоторых русских агентов подвела хана Убача к решению о возвращении орды в Центральную Азию. Великий лама Торгутов назначил дату отъезда на 5 января 1771 г. Более 70 000 семей объединились для этого переселения. Торгутский народ перешёл реку Урал и с огромными многочисленными трудностями и опасностями прибыл в Тургай. Их постоянно тревожили Киргиз-Казахи Младшей Орды под руководством хана Нур Али, затем Средней Орды под руководством хана Аблая. Достигнув Балхаша, несчастные эмигранты подверглись нападениям со стороны Кара Киргизов или Бу-рутов. Оставшиеся в живых достигли, наконец, бассейна реки Или, где, как мы уже видели, они были обеспечены всем необходимым и устроены китайскими властями.**

Хошотское ханство в Цайдаме и Кукуноре, протекторат тибетской церкви

В то время как Торгуты двинулись выкраивать империю в Арало-Каспийские степи, другой ойратский или калмыцкий народ, Хошоты, поглядывали в сторону Тибета.

В первой четверти XVII в., когда в результате давления Халхасцев, которые вытеснили Дорбен Ойратов на запад, Хошоты распола-

* Курант, Центральная Азия, 44-45.

** Там же, 134-136.

гались вокруг озера Зайсан и на Иртыше, в районе современного Семипалатинска, вплоть до Емишевска или Песчаное. К 1620 г. их предводитель — Бойбегус Баатур перешёл в ламаизм тибетской Желтой Церкви. Его усердие было таким, что по его наущению три других калмыцких принца, Хара Кулла, лидер Чоросов, Далай тайджи, лидер Дорботов, и Ху Урлук, лидер Торгутов, отправили каждый по сыну в Тибет для обучения ламаизму. Бойбегус оставил в качестве наследников двоих сыновей, Утширту-сетчена, который правил на Зайсан-норе, и Аблай-тайджи, который правил на Иртыше, в Семипалатинске, и, который был не менее ревностный буддист, чем его отец. Он основал ламаистский монастырь к западу от реки, между Семипалатинском и Тарой.

В 1636 г. брат Бойбегуса, Гуши-хан, отправился искать удачу к Куку-нору и выкроил себе владение вокруг этого озера и в Цайдаме. Он распространил эти завоевания на Амдо, или восточный Тибет, который покорился его временной власти и духовному авторитету Желтой Церкви. Что касается самого Гуши-хана, то, как и все хошотские принцы, он был очень благочестивым ламаистом. Однако, именно в этот момент, Желтая Церковь подверглась огромной опасности. Тибетский принц, Де-срид дегТсанг, покровитель старого красного клерикализма, захватил Лхассу (между 1630 и 1636 годами). Лидер Желтой Церкви, Далай-лама Наг-дбанг бло-бзанг, обратился за помощью к Гуши-хану. Гуши-хан немедленно, для защиты Желтой Церкви сформировал "святую лигу", к которой примкнули все другие калмыцкие принцы: его племянники Утширту-сетчен и Аблай-тайджи, которые правили на Зайсан-норе и в Семипалатинске, Баатур хонтайджи, лидер Чоросов, который правил на Урунгу, Черном Иртыше и Имиле, в Тарбагатае, а также Ху Урлук, лидер Торгутов, направлявшийся на завоевание степей северного Арала и Каспия. Но это осуществил Гуши-хан, который, со своим братом Кунделунг Убаша, взял на себя ведение священной войны. Во время первого похода (к 1639 г.?) он вступил в Тибет, и противостоял всем врагам Далай-ламы, как сторонникам Красного клерикализма, так и членам старого колдовского общества бон-по. В течение второго похода, он пленил Де-срид дегТсанга (к 1642 г.?), занял Лхассу и провозгласил Далай-ламу Наг-дбанг блоб-занга правителем центрального Тибета (Дбус и Тсанг). В знак временного правления, которое ему пожаловал Хошотский принц, бло-бзанг основал для него резиденцию на месте древних дворцов правителей Тибета, Потала Лхассы (1643-1645). Взамен, Гуши-хан, уже, будучи хозяином Куку-нора, Цайдама и северного Тибета, был признан понтификом и Лхассой в качестве покровителя и вечного викария Жел-

той Церкви. Вплоть до своей смерти в 1656 году, он действительно, как отмечали при Пекинском дворе, был "ханом Тибетцев".*

Хошотское государство в Куку-норе и Цайдаме, вместе с протекторатом, которое оно распространяло на Тибет, после Гуши-хана, перешло к сыну этого принца, Дауан-хану (1656-1670), затем к его внуку, Далай-хану (1670-1700). Сын Далай-хана, Латсанг-хан (1700-1717) продемонстрировал также ревностное покровительство Жёлтой Церкви, воспринял её роль близко к сердцу, созвав церковный собор для избрания живых Будд. Это имело место, когда он должен был вторгнуться в Тибет против всей мощи министра Сансргуас ргия-мшо, который, под прикрытием малолетнего Далай-ламы, прибрал к рукам руководство Жёлтой Церковью. В 1705-1706 годах Латсанг-хан вступил в Лхассу, казнил грозного министра, лишил малолетнего Далай-ламы незаконного избрания, затем осуществил более точное назначение (1708 -1710). От Гуши-хана до Латсанг-хана, хошотские правители Куку-нора и Цайдама играли по отношению к Святому Тибетскому Престолу примерно такую же роль, какую играли Пепин и Шарле-мань по отношению к престолу Римских Пап.

Однако здесь ситуация более тонкая, так как важнее, в силу влияния Желтой Церкви на политику Центральной Азии и Дальнего Востока, проявляющих ревность. Другое калмыцкое племя, приобретшее особую важность в Джунгарии, а именно Чоросы, претендовали на эту ключевую позицию. В июне 1717 г. лидер Чоросов, Церен Дондуб двинулся на Тибет. Латсанг-хан сумел в течение трёх месяцев удерживать Чоросов севернее Тенгри-нора, однако затем, в силу численного превосходства, он вынужден был отступить в Лхассу. Он был снова отброшен Цзерен Дондубом, который 2 декабря захватил город. Латсанг-хан, оборонявший Поталу до конца, был убит, при попытке скрыться.**

Таким образом, закончился протекторат Хошотов над Тибетом, однако, Хошоты, переселённые с Иртыша Гуши-ханом, составляют и сегодня основу населения Цайдама и три другие группы одного происхождения постоянно живут на западе и северо-востоке от Куку-нора, а также в округе Лю-цан и Ла-ка-су (Аруарджа) в Сокпа, на юго-востоке озера.

* Huth, Geschichte des Buddhismus in der Mongolei, II, 248 et 265 (d apres le Jig-med-nam-mka). Tong houa lou dans Courant, Asie Centrale, 23-25. Schulemann, Gesch.d.Dalai-lamas, 133. Rockhill, The dalai-lamas of Lhasa, Toung-pao, 1910,7.

** Cf. Huth, Gesch.das Buddhismus in der Mongolei, II, 269. Schulemann, Gesch.d. Dalai-lamas 161-170. W. Rockhill, The dalai-lamas of Lhasa, Toung-pao, 1910, 20. Courant, L'Asie Centrale, 10. Страницы еще полны живой реальности у Майла, XI, 216.

Что касается Хошотов, которые остались на Иртыше у озера Зайсан, под руководством двоих братьев: Утширту и Аблая, они стали жертвой разногласий между этими двумя лидерами. Аблай, побежденный, эмигрировал и двинулся оспаривать степи между Уралом и Волгой у торгуты, которых он застал врасплох и пленил их лидера, Пунчук-Мончака (к 1670 г.); однако Торгуты не замедлили с ответом, пленив его самого и рассеяв его орду. Что касается Утширту-сетчена, оставшегося на озере Зайсан, он был атакован и убит в 1677 г. чорос-ским правителем Галданом, который покорил часть его народа, в то время как оставшиеся ушли на воссоединение с круппами хошотов, разместившихся в Цайдаме и Куку-норе.*

Джунгарское государство под управлением династии Чорос. Правление Баатура Хонтайджи (1634-1653)

Мы видели, как Торгуты и Хошоты, два племени ойратов, или калмыков, или джунгаров, так как три имени обозначают одну и ту же группу,— узнали Чоросов и Дорботов, вытесненных из северозападной Монголии и отброшенных ещё далее на запад халхассами. Примерно к 1620 году, после стычек с Алтан-ханом из племени Хал-ха в районе Убса-нора на территории современной провинции Коб-до, Чоросы вынуждены были рассеяться. Часть из них, а также Дор-боты бежали на север, в Сибирь, в горный район верхней Оби, вокруг Улала, где Советы недавно сформировали "автономную республику Ойратию", а также еще севернее, к современному Барнаулу, где сливаются Чумич и Обь. Однако большинство Чоросов, вместе со своими союзниками Дорботами, в конечном счете, разместились в районе Черного Иртыша, Урунгу, Имиля и Или, вокруг Тарбага-тая. Эта часть представляла собой силу Чоросов, которая гарантировала им гегемонию среди других Ойратов, сохранивших еще контакты с родной Монголией, в то время как Торгуты эмигрировали на север Каспийского моря, а Хошоты-в Кукунор. Чороские ханы, вместе со своими союзниками Дорботами и Хоитами, восстановились в качестве Ойратской нации, или, как их назовут в дальнейшем, Джун-гарской. И под этим именем Джунгар или Дзунгар, мы в дальнейшем обозначим Чоросов и примкнувших к ним Дорботов и Хоитов, покорных чоросским ханам.**

* Курант, Центральная Азия, 37.

** «Дз» монгольского языка становится «з» в калмыцком языке, калмыцкое произношение слова «дзунгар» звучит «зунгар», откуда и графика «Сунгар», использованная Курантом. См. Дени, Языки мира, 224).

Первым чоросским лидером, который остановил бегство своего народа и укрепился на Тарбагатае, переживая там возвращения в Монголию, был Хара Кула, умерший, согласно Бартольд, * в 1634 г. Его сын и наследник Баатур-хонтайджи (1634-1653) продолжил его начинания.**

Желая закрепления Джунгар в Тарбагатае, он основал каменную столицу в Кубан-сари, на реке Имил, недалеко от современного Чугучака. "В скором времени либо в своей новой столице, как отмечает Курант, либо в полевых резиденциях в Или, и в районе (на юго-западе) Кобдо, он с достоинством и пышностью принимал посланников иностранных правителей и воевод Сибири; кочевой воин преобразился в принца законодателя, земледельца и торговца".***

Баатур хонтайджи продолжил победоносные походы против Киргиз-Казахов Большой Орды, территория кочевий которых простиралась от города Туркестана на западе до Или на востоке. В течение первой кампании против их хана Ишима в 1635 г., он пленил сына этого лидера, Яхангира, который смог сбежать.****

В 1643 г. он вновь напал на Яхангира, ставшего к этому времени султаном, и при содействии хошотских лидеров Учирту и Аблая, нанёс ему новое поражение. Таким образом, Киргизы, эти кочевые турки, достаточно поверхностные мусульмане, перед которыми трепетали оседлые жители Бухарин, были разграблены другими ордами, более мобильными, монголами по происхождению и буддистами по религии. Ибо Баатур хонтайджи был достаточно верным буддистом; мы видели, что к 1638 году он помог, вместе с Гуши-ханом, правителем хошотов Цайдама и Кукунора, в священной войне, которую вела тибетская Желтая Церковь против своих угнетателей.

Правление Галдана (1676-1697).

Создание джунгарской империи

После смерти Баатура хонтайджи, в 1653 г., согласно Позднееву, джунгарский трон был занят одним из его сыновей, по имени Сенгже (1653-1671). В 1671 г. Сенгже был убит своими двумя братьями, Сетчен-ханом и Тсотба Баатуром. Четвертый сын Баатура хонтайджи, Галдан родился в 1645 г. Он был направлен к Далай-ламе в Лхасу, где вступил в братство. В 1676 г. он вернулся из Лхасы, предварительно

* См. Тонг хуа лу, у Куранта, Центральная Азия, 49.

** Хунтайджи, от китайского Хуан тай-цзы, имперский принц. См. Пе-льо, Заметки по Туркестану, Тунг пао, 1930, 44. *** Курант, Центральная Азия, 46. **** Курант, Центральная Азия, 47

получив от Далай-ламы канонические льготы, убил своего брата Сетчен-хана, преследовал своего второго брата Тсотба Баатура и добился признания в качестве хана Чороса и сюзерена других джунгарских племён.*

Галдан достиг этого благодаря поддержке хана племени Хошот, располагавшегося у озера Зайсан, Утширту-сетчена. Однако в 1677 г. он не постеснялся повернуть против него, победил и убил Утшертусетчена, его территорию аннексировал вместе с частью орды, а остальных вытеснил в направлении Кан-су.**

После этих действий, Галдан становится властителем солидного джунгарского государства, протянувшегося от Или до юга Кобдо, где Дорботы, остатки Хошотов и Хоиты, короче, все, не эмигрировавшие джунгарские племена, беспрекословно повиновались правящему дому Чоросов. Таким же образом, Чингизхан ещё сравнительно недавно объединил под эгидой рода Бортчигин всех Монголов XIII в. Располагая верными соратниками, объединившимися вокруг Тарбагатайской вотчины, Галдан предпринял действия по завоеванию Центральной Азии.

Прежде всего, он вступил в Кашгарию. Было очевидно, что религиозные семейства ходжей постепенно ослабляли в этой стране власть ханов из дома Чагатая, и тайно заменяли или дополняли старое ханство Чингизханидов своего рода мусульманским клерикализмом, исламским теократизмом. Два семейства ходжей, так называемые Ак-таглыки и, так называемые, Кара-таглыки захватили реальную власть, первые в Кашгаре, вторые в Яркенде. В 1677 г., последний хан,— Ис-маил, попытался вытеснить и изгнать из Кашгара лидера Актаглы-ков, Ходжу Хазрата Апака.***

Хазрат Апак бежал в Тибет, где он просил о посредничестве Далай-ламу. Демарш может показаться странным, если подумать о той пропасти, которая разъединяет буддистскую религию от магометанской религии. Однако на месте выяснилось, что, несмотря на политические интересы, и, несмотря на полное противостояние доктрин, неба и земли, два клерикализма понимают друг друга. "Папа Буддизма", который всегда воспринимал Галдана как своего давнего "мальчика из хора", который прислушается к его словам, предложил ему восста-

* События, имевшие место между смертью Батура хонтайджи и приходом Галдана, весьма смутны. Противоречивые версии в Тонг хуа лу, Чен ю ки, у Майла и Мемуарах, касающихся китайцев. Воссоздание Позднеева, у Куранта, с. 48. Замеч. I.

** Курант, 49, согласно Тонг хуа лу.

*** См. Hartmann, Chinesisches Turkestan, 17,45. Бартольд, Кашгар, Энц. Исл., II, 835. Courant, 50. Cheng woi ki, trad. Lepage, dans Mission d' Ollone, Исследования о китайских мусульманах, 330.

новить в Кашгаре представительство Магомета. Галдан подчинился с такой готовностью, словно эта миссия послужила бы ему своего рода адвокатом между Ламаизмом и Мусульманством, не принимая уже в расчет то, что это позволяло ему установить джунгарский протекторат над Кашгарией.

Это произошло. Галдану не составляло большого труда оккупировать Кашгарию. Он схватил хана Исмаила и отправил его в неволю, в Кульджу на реке Или (1678-1680). Не довольствуясь тем, что ходжа Хазрат Апак восстановился в должности вице-правителя Кашгара, он ему дал ещё и Яркенд в ущерб другой соперничавшей группировке ходжей, а именно Каратаглыков, у которых Яркенд всегда был основной резиденцией. Таким образом, Кашгария в целом стала простым протекторатом Джунгар, где Ходжи были всего лишь местными представителями чороских ханов. Это хорошо видно, когда после смерти Хазрат Апака, старые стычки между двумя семействами ходжей-Ак-таглыками и Каратаглыками, возобновились. Джунгары стремились удовлетворить всех, арестовав лидеров обеих кланов, актаглыка Ахмеда-ходжу, и каратаглыка Даниала-ходжу. Затем они решили вопрос в пользу Даниала-ходжи, и назначили его вице-правителем Кашгарии (1720) с центром в Яркенде, но требовали от него признать унизительный вассалитет джунгарскому хонтайджи в Кульдже. Более того, джун-гарские вельможи обладали обширными поместьями в Кашгарии.

После завоевания Кашгарии, Галдан захватил — после 1681 г., — Турфан и Ха-ми, где, безусловно, до этого времени продолжали существовать восточные ветви Чагатаидов.*

Галдан стремился теперь возобновить Чингизханидскую эпопею. Он призвал всех Монголов объединиться, чтобы оторвать Дальневосточную империю у Маньчжуров, этих выскочек, предки которых Джуртжиты были некогда рассеяны Чингиз-ханом. "Станем ли мы рабами тем, над кем мы властвовали? Империя — это наследство наших предков!"**

Чтобы объединить всю монгольскую расу, Галдан приступил к привлечению на свою сторону четырёх халхинских ханов. Их разьединение сыграло ему службу, в частности противостояние, имевшее место между Дзасагту-ханом и Тушету-ханом. Он объединился с первым против второго. Очень скоро он получил законные основания для вторжения. Войска Тушету-хана Тзагун Дорджи, под командова-

* См. выше, стр. 577-578.

** Tong houa lou, dans Courant, 54.

нием его брата, Чептсун Дампа, победили у Шара, Дзасагту-хана, который вынужден был бежать. Затем, эти войска вступили на территорию джунгар и убили брата Галдана.*

Галдан отреагировал энергично. В начале 1688 г. он вступил, в свою очередь, на территорию Тушету-хана, разбил его армию на Тамире, левом притоке Орхона и оставил на разграбление своим людям Чингизханидский храм Эрдени Чао в Каракоруме,— очевидный знак замены восточных Монголов Джунгарами во главе монгольских этносов. Ускользнувший от Галдана, Тушету-хан и другие халхинские ханы (в том числе Цеван Шаб, брат и наследник последнего Дзасагту-хана, убитого Тушету), бежали в сторону Куку-хото, в сторону Тумедов, на северо-западную границу Шан-си, под протекторат китайской империи, с мольбой о помощи Маньчжурского императора Кан-си. После покорения областей в пределах Орхона и Тулы, Галдан спустился к долине Керулена вплоть до подступов к Маньчжурии (весна 1690 г.). Вся страна Халха была завоевана Джунгарами, и таким образом, империя простиралась от Или до Буир-нора: Галдан дерзнул даже продвинуться в направлении внутренней Монголии по дороге от Урги в сторону Калгана.

Император Кан-си не мог оставить незамеченными преобразования у ворот Китая, осуществляемые этой новой монгольской империей. Он выступил навстречу Галдану, чтобы остановить его "в Улан Путонге, между Калганом и Ургой, в 80 километрах от Пекина".**

Артиллерия, созданная для Кан-си Иезуитами, не позволила Галдану одержать победу. Новый Чингиз-хан, напуганный, оставил страну Халха (конец 1690 г.). Кан-си реорганизовал в Долон-норе в мае 1691 года собрание, на котором основные халхасские лидеры во главе с Тушету-ханом и Сетчен-ханом, вновь признали себя вассалами китайско-маньчжурской Империи, обязавшись платить дань, но, получая содержание из имперской казны и объединившись с ней личной преданностью, которая закреплялась время от времени семейными узами. Необходимо отметить, что если эта система и была успешной в китайском административном опыте по отношению к "Варварам", она основывалась исключительно на привязанности кочевника к кочевнику, монгольских ханов к Великим ханам маньчжурским. Факт, что в тот день, когда в 1912 г., Маньчжурская династия рухнула и ее заменила Китайская республика, монгольские принцы считали себя вправе разорвать клятву верности и провозгласить независимость.

* Tong houa lou, *ibid.*, 33-34, 55.

** Tong houa lou, trad.Courant, *op.cit.*, 57. Дата сражения, 29 дня 7 лунного месяца 1690 года (2 сентября).

Война между Галданом и империей возобновилась в 1695 г. Гаддан вновь пересёк страну Халха и продвинулся вплоть до долины Керулена, откуда он рассчитывал протянуть руку помощи Хортчинам, жившим на реке Нонни, которых он мечтал оторвать от имперского влияния. Однако Хортчины предупредили обо всех интригах Пекинский двор. Весной 1696 г. император Кан-си выступил против него со всеми своими силами и, из Калгана направился вправо по Керулену, то есть он использовал реку для преследования врага.*

Джунгарский хан искал возможности скрыться, однако крупнейший полководец Кан-си, Фей янг-ку, который командовал авангардом, догнал его на реке Тула и, опять, благодаря артиллерии и ружьям, разбил при Чао-Модо, южнее Урги, 12 июня 1696 г. Супруга Гал-дана быш убита, весь обоз был захвачен, все стада и табуны попали в руки Имперских представителей. Потерев половину своих войск, джунгарский правитель бежал в направлении на запад, в то время как Кан-си с триумфом вернулся в Пекин и Халхинцы, спасенные имперской победой, получили возможность владеть своей территорией. Следующим летом Кан-си предпринял повторную кампанию с тем, чтобы вытеснить Джунгар до Тарбагатай, так как он узнал, что 3 мая 1697 г. Галдан умер после непродолжительной болезни.**

Основной выгодой, которую маньчжурский Китай получил в результате своей победы, является окончательное установление протектората над Халхой. Четыре халхинских хана, которых Кан-си избавил от джунгарского господства, ни в чем ему не отказывали. Имперские наместники размещались возле каждого из них, и имперский гарнизон располагался в Урге, в центре их страны. Более того, Кан-си, который все еще оставался Маньчжуром, хорошо знал психологию кочевников, остерегался трогать систему национальной организации восточных Монголов. Он уважал "старое деление страны, часто племенное, военное и административное на тсугланы (съезды, или лиги), аймаки (племена или воинские соединения), козигхуны или кошуны ("знамена") и сумун ("стрелы", т. е. эскадроны)".***

То же самое имело место и у Ордосцев. "Племенное деление, отмечает П. Мостаэрт, было организацией знамен (у монголов-козич-хун, у ордосцев-чушу), по образцу маньчжурских знамен, которые часто продолжали править посредством принцев древней правящей

* Во время этой кампании, Кан-си сопровождал святой отец Гербилон. Именно ему посвящены живописные описания, приведенные Майла, XI, 95 и др. ** Tong houa lou, trad.Courant, op.cit., 56-63. *** См. Дени, в Языки мира, 221.

фамилии, нередких среди них, например Чахаров и Тумедов Куэй-хуа-тчена, потерянных ими и возрождённых маньчжурскими чиновниками. Личности, принадлежащие к одному и тому же знамени, размещались между некоторым количеством суму и те, в свою очередь, распределялись между несколькими карийа. "Суму были командирами над джанггинами, а карийа над джаланами. Эта организация имела в качестве результата более или менее ослабление связей, которые объединяли знать (тайинджи, от таджи) и их подчинённых (албату), а также для уменьшения дистанции, которая разделяла иногда знать от общества (каратчу)".*

С территориальной точки зрения, Кан-си оторвал у Джунгар начальный пункт караванных путей из восточного Туркестана, заставив признать свой сюзеренитет над мусульманским правителем Хами-Абд-Аллахом Тархан-беком.

Джунгарская империя под управлением Цеван Рабдана (1697-1727)

Император Кан-си, удовлетворенный установлением протектората над Халхой и успокоенный смертью Галдана, не искал повода для покорения государства джунгар Тарбагатая. Он позволил племяннику Галдана, Цеван Рабдану, сыну Сендже, взойти на Чоросский престол. Более того, Цеван Рабдан, которого Галдан ещё недавно пытался уничтожить, в конце концов, восстал против него. Пекинский двор надеялся видеть союзника в числе джунгарских племён. В действительности, как это хорошо показывает Курант, Цеван Рабдан, прежде чем возобновить антикитайскую политику своего дяди, нуждался в консолидации положения в Тарбагатае и на Или. Этот последний район в особенности интересовал нового хана, так как он предполагал учредить свою столицу в Кульдже, оставив город Имиль своему брату Церен Дондубу.**

Со стороны Или, гегемония Джунгар наталкивалась на Киргиз-Казахов, этих кочевых тюрков мусульман, которые преобладали на Балхаше и Урале. Три орды Киргиз-Казахов, объединенные между собой достаточно слабо, подчинялись одному хану-Тауке (умер в 1718 г.), известному, по словам Бартольда, как законодатель у своего народа, и при котором все кочевники достигли минимума организованности и стабильности. Примерно с 1597—1598 годов при правлении хана Та-

* А. Мостаерт. Названия кланов у Монголов Ордосов, Бюллетень п.9, Католический Университет Пекина (1934), стр.21 и далее. ** См. Курант, 64 и 67.

ваккула, Киргиз-Казахи отобрали у узбекского или шейбанидского Бухарского ханства города Туркестан и Ташкент; еще сто лет спустя мы видим как Тауке принимал в Туркестане русское (1694) и калмыцкое (1698) посольства.*

На этом уровне могущества, используя затруднения, чинимые Джунгарам их борьбой против Китая, Тауке нисколько не сомневаясь, подверг гибели многочисленных джунгарских посланников, вместе с эскортом в 500 человек, и все это произошло в особенно отвратительных условиях.**

Эта казнь посольства, в последние годы XVII века, в уголке степи между Или и Сырдарьей, вновь пробудило, под обликом борьбы между кочевыми ордами, старый этнический и религиозный конфликт. Империя Западных степей, будет ли она принадлежать Тюркам или Монголам, мусульманам или буддистам? Она — у вторых, которые в последний раз увлекли за собой. Цеван Рабдан напал на Тауке и разбил его (1698). Булат, или Пулад-хан, лидер Средней Орды, наследовавший в 1718 году Тауке, был ещё менее удачлив. Джунгары отобрали у Киргиз-Казахов города Сайрам, Ташкент и Туркестан (1723). Три орды, разъединенные поражением, разъехались. Часть предводителей Старшей Орды и Средней Орды признали сюзеренитет Цеван Рабдана. Этот последний также добился признания своего авторитета Кара-Киргизами или Бурутами Иссык-куля, и сохранил джунгарское господство над ходжами Кашгара и Яркенда, которое было установлено его предшественником Галданом. На севере, его брат Церен Дондуб, владения которого находились на озере Зайсан и Имиле, вступил в конфликт с Русскими, которых заставил передвинуть приграничный пост с Ями-шевска на Енисей (1716). Карательная экспедиция русских, весной 1720 г., столкнулась недалеко от Зайсана с Галдан Цереном, сыном Цеван Рабдана. который с двадцатью тысячами Джунгар смог их остановить, несмотря на неравенство в противостоянии луков с ружьями. Бассейн северного Зайсана остался у Джунгар. В конце концов, русско-джунгарская граница была зафиксирована по укреплению Усть-Каменогорск, основанному Русскими на Енисее, 50-м градусе в том же 1720 г.***

Цеван Рабдан не стал ждать, полка его империя упрочится на западе, чтобы возобновить на востоке политику своего дяди Галда-

* Бартольд, Киргиз, Энци. Исл., II, 1085. Курант, 65. **
Курант, 66, согласно Тонг хуа лу. *** Курант, 68.

на, направленную против маньчжурского Китая. Политико-религиозные пертурбации тибетской Церкви послужили для него поводом. С момента смерти Далай-ламы Наг-дбанг бло-бзанга, между 1680 и 1682 годами, ламаистская Церковь управлялась Десрилом, мирянином Сангс-ргиа-с-ргиа-мшо, который правил по своему, сначала от имени покойного понтифика, утверждая, что он еще жив, затем (1697) от имени малолетнего мальчика, предвещаемого им будущего Далай-ламы. Однако, Сангс-ргуас был подкуплен джунгарами, против Китая. Император Кан-си настроил против него хошотского хана Куку-нора, Латсан-хана, который в 1705—1706 годах вступил в Лхассу, казнил Сантсргиаса и аннулировал избрание молодого Далай-ламы.*

После достаточно сложных интриг, Латсан-хан и Кан-си решили назначить нового Далай-ламу, наделенного китайской инвеститурой (1708-1710).

Цеван Рабдан смотрел на эти изменения отрицательно. Моральное влияние тибетской Церкви в Монголии было настолько огромно, что он не смог смириться, видя, как она поступает в услужение Китаю. К июню 1717 г. он отправил в Тибет войско под командованием своего брата Церен Дондуба, который, выйдя из Хотана, небывало дерзким маршем пересек Кунь-Лунь и высокие пустынные плато, двинулся прямо в район Нагчу-дзонг, где хошотский лидер Латсан-хан, выступающий на стороне китайцев, приступил к его перехвату. Удивительно, но Латсан смог до октября остановить противника, укрывшись в засаде рядом с Шан-шонг-ла; в итоге он вынужден был с боями отступить в Лхассу, преследуемый по пятам армией Церен Дондуба. 2 декабря 1717 г., в результате измены, перед этим последним открылись ворота Лхассы. В течение трех дней джунгарские войска уничтожали всех реальных или предполагаемых сторонников китайцев. Латсан-хан, искавший спасения во дворце Потала, был убит, при попытке скрыться. Даже Потала, эта святыня святынь, подверглась грабежу. Курант поразился, увидев Джунгар, как никак набожных ламаистов, обирающих святой город их религии, чтобы украсить награбленным ламаистские храмы Кульджи, их столицы: но не напоминает ли это средневековых Венецианских христиан, поступавших также в Александрии и Константинополе? И "война религий" не началась ли и в Буддизме?

* См. выше. Cf. G.Huth, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, II, 269. Schuleman, *Geschichte des Dalai-lamas*, 161-170. W. Rockhill, *The dalai lamas of Lhassa*, Toug pao, 1910, 20-36. Mailla, XI, 216.

Между тем, император Кан-си, в свою очередь, не мог допустить, чтобы Джунгары стали хозяевами Тибета, терпимого к джунгарской империи от Зайсан-нора и Ташкента до Лхасы. В 1718 г. он обязал вице-правителя Сычуани двинуться на Тибет. Однако, прибыв в Нагчу, этот сановник был разбит и убит Джунгарами. В 1720 г. две другие китайские армии вторглись в Тибет, одна снова через Сычуань, вторая через Цайдам. Вторая бросила вызов Джунгарам, которые, почувствовав направленный против них гнев тибетского населения, вынуждены были стремительно оставить Тибет (осень 1720 г.). Церен Дондуб вынужден был отвести в Джунгарию половину своей армии. Далай-лама, подкупленный Китаем, был возведен в сан, и два высокопоставленных китайских представителя были размещены при нём с целью координации политики Желтой Церкви.*

Цеван Рабдан, в конечном счете, не был доволен и ситуацией в Гоби. Его войска не могли завладеть Хами, где находился китайский отряд (1715). Имперские войска, перейдя, в свою очередь, в наступление, захватили Баркуль (1716), и двинули против него две армии, одну из Баркуля, вторую несколько севернее, в направлении Алтая. Эти две колонны заняли Турфан и к концу 1720 г., продвинулись для битвы с Джунгарами к Урумчи. Не удержавшись в Урумчи, Китайцы разместили военную группировку в Турфане. Интересно отметить, что их оккупация активизировала восстание Турфанских мусульман против джунгарского господства.**

Возможно император Кан-си, который имел давний вкус к завоеваниям, хотел сам взяться за Джунгарию. Последовавшая в декабре 1722 г. его смерть, и восшествие на престол его сына, миролюбивого Юань-Ченя, привело китайский Двор к заключению мира с Цеван Рабданом (1724); мира, который был впрочем, скорее, перемирием. Цеван Рабдан вскоре возобновил военные действия, вновь захватив Турфан, мусульманское население которого бежало в Дун-хуан, в китайские земли.***

В конце 1727 г. Цеван Рабдан умер.

* Cf. Courant, L'Asie Centrale, 77 (d'après le Tong houa-lou); Schulemann, 171; Rochhill, The dalai lamas, T.p. 1910, 38-43. E.Haenisch, Bruchstücke aus der Geschichte Chinas, I, Die Eroberung von Tibet, aus dem "Feldzug gegen die Dzungaren" übersetzt, Toung pao, 1911, 197.

** Курант, 79, согласно Тонг хуа лу.

*** К 1724 году, предполагает Курант, 84.

Правление Галдан Церена (1727-1745)

Цеван Рабдан оставил в качестве наследника своего сына Галдан Церена. Новый джунгарский правитель продемонстрировал с самого начала достаточно враждебные чувства по отношению к Китаю, что побудило императора Юнь-Чена возобновить войну (1731). Из Баркуля китайская армия двинулась на Урумчи и рассеяла скопившихся там врагов, однако не смогла там закрепиться.*

Несколько севернее, другое войско продвинулось вплоть до Кобдо и даже дальше, в самое сердце страны джунгаров,** однако два месяца спустя оно было разбито и почти полностью уничтожено. Император Юнь Чень, обескураженный, оставил не только Кобдо, но и Турфан.

Галдан Церен пытался использовать крах Китайцев, отправив своего дядю Церен Дондуба для овладения территорией Халхи. Из освобожденного Кобдо, Церен Дондуб продвинулся вплоть до Керулена,*** однако Халха ожесточенно сопротивлялась, как говорится в Тонг хуа лу, укрепив переправы на реках Байдарик, Туин и Онгин, и Джунга-ры не могли пройти сквозь них (конец 1731 г.). Весной 1732 г., Джунгары, выйдя из Урумчи для того, чтобы выбить из Ха-ми имперский гарнизон, не сумели достичь большего. К концу лета небольшое джунгарское войско, которое совершило набег на территорию Халхи, было застигнуто врасплох и частично уничтожено одним из халхисских принцев недалеко от Каракорума.****

В свою очередь, Имперские силы перешли в наступление. В 1733—1734 гг. они овладели Уляссутаем, на равнине Хангая, и продвинулись вплоть до Чёрного Иртыша. Кобдо также был вновь захвачен.*****

Несмотря на свои успехи, которые продолжались, однако, чувствуя, что оккупация Уляссутая и Кобдо, вероятно временная, император Юань Чень предложил Галдан Церену в 1735 г. заключить соглашение, которое оставляло Китаю территорию на восток от горного массива Хангай (страна Халха), а Джунгарам территорию на запад и юго-запад от этой горной цепи (Джунгария и Кашгария). Подразумеваемое перемирие основывалось на этой базе, перемирие, которое, после смерти Юань Чена (умер в 1735 г.) было утверждено в 1740 г. его сыном и наследником Цин Ло. Мир продержался вплоть до смерти джунгарского хана Галдан Церена (конец 1745 г.).*****

* 7 луна 1731 года (август).

** Лето 1731 года, 5 луна (июнь).

*** 10 луна 1731 года (ноябрь).

**** 1732 год, 8 луна, 5 день (23 сентября).

***** Согласно Тонг хуа лу, перевод Куранта, Центральная Азия, 86.

***** Тонг хуа лу, там же, 87-89.

Даваджи и Амурсана. Присоединение Джунгарии к Маньчжурской Империи

Смерть Галдан Церена повлекла за собой период смут в джунгарской империи. Его сын Цеван Дорджа Намгиал (1745—1750), распутный и жестокий молодой человек, был ослеплен и заключен под стражу в Аксу своими вельможами. Новый хан, лама Дорджа (1750—1753) не захотел подчиниться. Племена Дорбот, Хошот и Хоит, зависевшие в течение века от хонтайджи Чоросов, угрожали освободиться, и это было разложением единства и распадом самого джунгарского Государства. Наконец, энергичный правитель, Даваджи или Таваджи, внук Цзерен Дондуба, и сподвижник хоитского принца Амурсаны, зятя Галдан Церена, двинулся на Кульд-жу и приговорил Дорджа к смерти (1753).*

Даваджи, провозглашенный ханом (1753-1755), вступил в борьбу против своего старого сподвижника Амурсаны, который, расположившись на Или, продолжал оставаться независимым принцем. Даваджи нанес ему поражение и преследовал его.

Амурсана с многочисленными хоитскими, дорботскими и хошотскими лидерами бежал на китайскую территорию, где он сдался императору Цянь Луню (1754). Цянь Лун его принял в торжественной обстановке в Жехоле, взял его под опеку и весной 1755 г. вернул его в Джунгарию вместе с китайской армией под командованием маньчжурского маршала Пан-ти. Пан-ти без боя вошел в Кульджу, откуда Даваджи вынужден был уйти. Даваджи вскоре был обнаружен недалеко от Аксу и выдан Китайцам, которые отправили его в Пекин, где император Цянь Лун обращался с ним гуманно. Он умер в 1759 г. естественной смертью.**

Между тем, маршал Пан-ти, расположившись в Кульдже в качестве главного наместника, поспешил объявить о распаде единства джунгарского народа и назначил различных ханов для каждого из племён Чорос, Дорбот, Хошот и Хоит. Амурсана, который надеялся, по меньшей мере, на часть наследства Даваджи, проявил горькое разочарование. Пан-ти, чтобы обуздать его недовольство, заставил его уехать в Пекин. Амурсана сбежал по дороге, вернулся в Кульджу и организовал восстание против китайского господства над джунгарским народом. Пан-ти, который неблагоразумно уменьшил эффективность

* Казнь Дарджи и приход к власти Даваджи, 1753 год, перед 5 луной (начинается 2 июня) (Курант, 99, по Тонг хуа лу).

** Тонг хуа лу, перев. Куранта, Центральная Азия, 99-103.

своих войск, оказался в окружении без всякой надежды на освобождение, и покончил с собой (конец лета и осень 1755 г.).*

Энергичный маньчжурский маршал Чао Хуэй, восстановил положение. Осажденный в Урумчи в течение зимы 1756 г., он находился там до прихода подкрепления из Баркуля. Весной 1757 г. он прошел вплоть до Имиля, на равнине Тарбагатай, в то время как другие китайские колонны двигались для повторной оккупации Кульджи. Амурсана, загнанный со всех сторон, бежал в Сибирь, к Русским (лето 1757 г.).**

Это было концом джунгарской независимости. Джунгария *Lato sensu* — округ Кобдо, Тарбагатай, провинция Или и Кульджа — была непосредственно присоединена к китайской империи. Даже население было заменено. Джунгарский народ, в особенности рода Чорос и Хоит (Дорботы менее пострадали) был почти полностью истреблен. Китайцы заселили страну переселенцами, прибывшими отовсюду: Киргиз-Казахи, Таранчи или мусульмане, прибывшие из Кашгарии, Дунгане или мусульмане, прибывшие из Кан-су, Чахары и Халха, Уряцгхайцы или Сойоты, тувинского происхождения, а также маньчжурские иммигранты, Сибо или Солоны. В 1771 г. прибыли другие переселенцы, Торгуты, которые, при хане Убача, как мы видели, покинули нижнюю Волгу, чтобы вернуться в родную страну, на берега Или. Император Цянь Лун принял Убача в Пекине, устроил ему торжественный приём, полностью снабдил этих переселенцев всем необходимым и разместил их на юге и востоке от Кульджи, в долине Юлдуза и верхнего течения Урунгу,*** где они способствовали заполнению пустошей, образовавшихся в результате уничтожения их братьев Чоросов и Хоитов (1771).

Неудачная судьба западных Монголов

Уничтожение Джунгарского государства завершило историю Монголов. Если мы будем придерживаться узкого значения слова, оставив в стороне древние народы, вероятно или действительно относящихся к Монгольской расе, как Жуан-жуаны и Кидане, история собственно Монголов начинается с конца XII в. с Чингизхана. Монго-

* Самоубийство Пан-ти, 29 день 8 лунного месяца 1755 г. (4 октября) по Тонг хуа лу, перев. Куранта, стр. 105-106.

** Сведения Тонг хуа лу, относящиеся к этой схватке, которая приняла форму партизанской и антипартизанской войны, сопровождавшейся безжалостными китайскими репрессиями (Курант, 106-114).

*** Тонг хуа лу, перев. Куранта, 137. См. Альберт Геррманн, Атлас Китая, этнографическая карта п. 67.

лы, непосредственно прикоснувшиеся к его славе, будучи двадцать лет рядом с Чингиз-ханом, после его избрания императором для объединения мира степей, нарушивших целостность Китая и Ирана (1206—27). По прошествии ещё пятидесяти лет, оставшиеся части Ирана и Китая были завоёваны, и монгольская империя превратилась-исключая Индию, отгородившуюся горными хребтами,— в империю азиатского континента. Это господство разрушилось, однако почти также быстро, как и создавалось. В 1360 г. Монголы потеряли Китай и Иран, практически также и Трансогдиану. Им удалось сохранить в Азии лишь Монголию и Моголистан. Это последнее название обозначает северную часть китайского Туркестана.

Однако, завоевания и Чингизханидская империя включают в себя лишь восточных Монголов, т. е. проживавших в районах Онона, Керулена и Орхона. Западные же Монголы, то есть Ойраты или Калмыки, ассоциированные в эпоху чингизханидов в качестве примкнувших, играли второстепенную роль.

Между тем, последовавшее несоизмеримое унижение, беспрецедентная потеря лица, которое выразилось для потомства Чингиз-хана изгнанием из Китая, вынудило западных Монголов выхватить из слабеющих рук восточных племён империю степей, и, как Чингиз-хан, возобновить завоевание Китая. Отметим, что они не достигли полного успеха, потому что, хотя в 1449 г. они и пленили императора Китая, но так как они не смогли захватить Пекин, это оказалось успехом без будущего, и менее чем через полвека, эта первая ойратская империя была разрушена достаточно курьёзно возрожденными ченгизханида-ми из восточной Монголии во главе с Дайан-ханом и его внуком Ал-тан-ханом. Возрождение, по тому времени, достаточно впечатляющее. Китайцы даже подумали, что времена Чингиз-хана вернулись. Однако, Дайан не был Потрясателем Мира, А Алтан не был Хубилаем. Амплитуда этого чингизханидского возрождения не пересекала границ Кобдо на северо-западе, Великой Стены — на юго-востоке. Затем этот последний толчок стал склоняться к духовному спаду, направленному на всеобщий переход Монголов в буддизм Желтой Тибетской Церкви, и монгольское пробуждение забылось сном в шепоте ламаистских молитв. Маньчжурский Китай не имел никакой сложности с покорением этих воинов, замаринованных в набожности.

Снова, первостепенная роль перешла к западным Монголам, оставшимся более воинственными в суровых долинах Большого Алтая. Так, с начала XVII в. мощное экспансионистское движение овладело ими. Торгуты, возродив пути продвижения Бату и Золотой Орды, расположились на нижней Волге, около Астрахани, на юге России. Хо-

шоты расположились на Куку-норе и преобладали в Тибете, вплоть до Лхасы. Чоросы, или собственно Джунгары установили границы от входящей в Московию Сибири и Бухарского ханства с одной стороны, до Китая — с другой, от Кобдо до Ташкента, от Кобдо до Керуле-на. Их "столицы" — Кобдо и Кульджа, претендовали называться заменителем Каракорума, так как они в одно время разграбили чингиз-ханидские святыни. Посредством политики первого Галдана, затем посредством армий Цеван Рабдана и Церен Дондуба, они господствовали в Лхасе; духовная мощь ламаистской церкви была в их благоволении, как Кашгар и Яркенд, где мусульманские "клерикалы" — ходжи составляли лишь основу их власти. В течение более века, они были настоящими хозяевами Верхней Азии. Их правители, хонтайджи Баа-тур, Галдан, Цеван Рабдан, Галдан Церен, предстают перед нами как политики, преисполненные амбиций, с широким кругозором и стратегическим видением ситуации, стойкие воины, способные проявлять удивительную мобильность, вездесущность их лучников, и наличие оружия, которое обеспечивало победу Чингиз-хану. Им еще недоставало успеха. Что отсутствовало для этого? Явиться на несколько лет раньше, до того как маньчжурское господство предоставит старому Китаю новый каркас. Китай поздней Мин впал в такой упадок, что всякий: Монгол, Японец, или Маньчжур, мог захватить его. Но как только маньчжурская династия разместилась на троне Сыновей Неба, Китай на полтора века вступил в новую жизнь. Первые маньчжурские императоры, умные, активные, еще свободные от тысячелетних привилегий, предприняли серьезные усилия для модернизации страе-ны; в частности, специально для них отцы-иезуиты изготовили артиллерийские орудия. Галдан и Цеван Рабдан, эти подмастерья Чингиз-хана, задержавшись во времени Людовика XIV, столкнулись с этими Маньчжурскими пушками в восточной Гоби, как и с Московскими ружьями на Енисее. XIII век столкнулся с XVIII веком. Силы не были равными. Последняя монгольская империя впадала в пропасть, так как она была историческим анахронизмом.

Присоединение Кашгарии к Маньчжурской империи

Очевидно, что Кашгария, столицей которой был Яркенд, представляла собой до 1755 г. своеобразное религиозное мусульманское Государство, находящееся между властью семейства ходжей-кара-таглыков и под исключительно эффективным протекторатом джун-гарских ханов. После смерти каратаглыка Даниал-ходжи, джунгар-ский хан Галдан Церен (1727—1745) разделил государство покойно-

го между его четырьмя сыновьями: Джыхану достался Яркенд, Юсуфу-Кашгар, Айюбу-Аксу, Абдалле-Хотан. В период гражданской войны между джунгарскими претендентами, Юсуф, ревностный мусульманин, использовал обстоятельства, чтобы освободить Кашгарию от сюзеренитета этих "безбожников" (1753-1754). В 1755 г. Амурсана, когда он был еще в союзнических отношениях с маршалом Пан-ти, выдвинул идею подавления восстания Каратаглыков, направив против них другое семейство Ходжей, а именно, Актаглыков, их наследственных врагов. Актаглыки с 1720 г. удерживались Джунгара-ми в полуневолле в Кульдже. Лидер актаглыков Бурхан ад-Дин, называемый Большой Ходжа, и его брат — Ходжа Джан, именуемый Малый Ходжа, восприняли это предложение с готовностью. С небольшой армией, предоставленной ему Амурсаной и Китайцами, Бурхан-ад-Дин отвоевал у Каратаглыков сначала Уч-Турфан, затем Кашгар, и, наконец, Яркенд, то есть всю Кашгарию.

Овладев страной, Бурхан-ад-Дин и Ходжо Джан стремились использовать войну, которая разразилась между Амурсаной и Китайским правительством, чтобы провозгласить независимость как от Джунгар, так и от Китая. Императорские войска были уничтожены (конец весны 1757 г.). Однако эти благоприятные дни очень быстро прошли. После того, как Китайцы присоединили Джунгарию, они развернулись против двух ходжей. В 1758 г. китайская армия под командованием маршала Чао Хуэйя спустилась с берегов Или к Тариму. Ходжо Джан, разбитый при Куча,* отступил к Яркенду, где он организовал ожесточенное сопротивление. Со своей стороны, Бурхан-ад-Дин укрепился в Кашгаре. После осадной войны, полной перипетий, в течение которой осаждающие Китайцы находились в качестве осажденных, Чао Хуэй, в начале 1759 г. смог, благодаря помощи от подкрепления Фу-те, вновь перейти в наступление. Яркенд пал первым, выиграв, однако, время для того, чтобы Ходжо Джан смог уйти; затем настала очередь Кашгара, который также предварительно покинул Бурхан-ад-Дин (1759).**

Оба Ходжи эмигрировали в Бадахшан, однако, несмотря на мусульманскую солидарность, местный бек уступил угрозам Китая.***

* 5-6 лунный месяц 1758 г. (июнь-июль).

** Взятие Кашгара китайцами, 6 лунный месяц 1759 г. (август). Обо всех этих событиях сообщают наиболее насыщенные источники, — Тонг хуа лу, у Куранта, Центральная Азия, 1740-1818, перевод Шефер, 285, 286.

*** Мир Абдул Керим Бухари. История Центральной Азии, 1740—1818, перев. Шефер, 285, 286.

Он убил обоих беглецов и отправил голову Ходжо Джана имперскому генералу Фу-те. Чао Хуэй присоединил Кашгарию к китайско-маньчжурской Империи, где она сформировала "Новый рубеж", Синьцзян. Он сумел, впрочем, учесть мусульманские чувства местного населения.

Присоединение Или и Кашгарии Цянь Луном означает окончательное осуществление программы, добивавшейся с периода Пан Чао в течение восемнадцати веков китайской политики в Азии, победа оседлости над кочевничеством, городской культуры над степью.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>СТЕПЬИ ИСТОРИЯ</i>	10
Часть первая	
ВЕРХНЯЯ АЗИЯ ДО XIII ВЕКА	
1. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СТЕПЕЙ: СКИФЫ И ГУННЫ	
Античный мир степной цивилизации	21
Скифы	25
Скифское искусство	31
Сарматы и Западная Сибирь	36
Прототюркские культуры Алтая	39
Происхождение хун-ну. Искусство хун-ну	42
Первое продвижение Хун-ну и миграция Юечжи	50
Последствия первых побед хуннов. Падение греческого владычества в Афганистане	54
Борьба хун-ну против династии ранняя Хань.	
Раскол западных хун-ну	58
Борьба Китая против хун-ну в эпоху правления династии	
Поздняя Хань. Раскол Южных Хун-ну	64
Шелковый путь	65
Захват бассейна Тарима силами Пан Чао	67
Цивилизация оазисов Тарима конца античного мира и начала средневековья	75
Смена северных хун-ну сяньбийцами в Монгольской империи	80
Великие нашествия IV века. Северный Китай, завоеванный хун-ну и сяньби	82
Царство тюрков-тобгачей или топа, и монгольское ханство жуан-жуаней	88
Последний период развития культуры Минусинска	93
Гунны — эфталиты	94
Гунны в Европе: Атила	100
2. РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ТУКЮ, УЙГУРЫ И КИДАНИ	
Империя Тукю	107
Раздробленность империи тукюев	115
Разгром ханства восточных Тукю императором Тайцзуном	119
Распад ханства западных Тукю	120
Индоевропейские оазисы Тарима в период прихода к власти династии Тан	122

Протекторат династии Тан над Таримом	125
Китайская династия Тан —властитель Верхней Азии	129
Последний этап славы Тукю. Каган Мочо.....	131
Кюльтегин и Мокилтэн.....	137
Распад империи восточных тукю.	
Начальный период уйгурской империи	140
Апогей власти династии Тан: завоевание Западного Туркестана	142
Соперничество Китая и арабов на западе от Памира.....	144
Китайцы на Памире (747-750).....	146
Конец владычества династии Тан в Верхней Азии (751).....	148
Уйгурская тюркская империя.....	148
Тюрки Шато.....	154
Кидане	156
Джурджиты.....	163
3. ТЮРКИ И ИСЛАМ ДО XIII ВЕКА	
Иранская преграда против тюркского мира в X в. Саманиды.....	169
Тюркизация Кашгарии и Трансоксианы.	
Караханиды	172
Роль сельджуков в истории тюрков	176
Султан Санджар и стоянка на Оксе	187
Империя каракитаев	190
Хорезмийская империя.....	193
4. РУССКАЯ СТЕПЬ С VI ПО XIII ВЕК	
Авары	197
Булгары и Мадьяры	203
Хазары	206
Печенег и Кипчаки.....	209
Часть вторая	
МОНГОЛЫ ЧИНГИЗ-ХАНИДЫ	
1. ЧИНГИЗ-ХАН	213
Монголия в XII веке.....	213
Первые попытки объединения среди Монголов.....	222
Молодость Чингиз-хана.....	224
Чингиз-хан, вассал Керейтов.....	225
Разрыв Чингиз-хана с Ван-ханом. Завоевание страны Керейтов	235
Завоевание найманской страны. Объединение Монголии	
Чингиз-ханом.....	239
Чингиз-хан — император.....	244

Новая монгольская империя. Государство и армия	247
Завоевание северного Китая Чингиз-ханом	255
Завоевание монголами древней империи кара-китаев	262
Разрушение Чингиз-ханом Хорезмийской империи	266
Поход Джебей и Суботая на Персию и Россию	276
Последние годы Чингиз-хана	279
Личность и деяния Чингиз-хана	280

2. ТРИ ПЕРВЫХ НАСЛЕДНИКА ЧИНГИЗ-ХАНА

Раздел достояния между сыновьями Чингиз-хана	285
Правление Угэдэя (1229-1241)	288
Разрушение цинской империи монголами	290
Завоевание монголами Западной Персии	293
Походы Батыея и Суботая на Европу	298
Регентство Тораганы(1242—1246)	302
Правление Гуйюка(1246-1248)	304
Регентство Огуль Каймиш	308
Правление Мунке(1251-1259)	310
Путешествие Рубрука	312
Война Мунке против империи Сун	317

3. ХУБИЛАЙ И МОНГОЛЬСКАЯ ДИНАСТИЯ В КИТАЕ

Соперничество Хубилая и Арикбоги	320
Завоевание Хубилаем империи Сун	322
Военные кампании Хубилая в Японии, Индокитае и Яве	324
Соперничество Хубилая и Кайду	327
Правление Хубилая: монгольская и китайская политика	332
Религиозная политика Хубилая и его последователей: буддизм	334
Религиозная политика Хубилая и его преемников: несторианство	338
Путешествие Марко Поло	343
Экономическое процветание Китая при правлении монголов	348
Католицизм в Китае при династии монголов	352
Последние Хубилаиды. Изгнание монголов из Китая	359

4. ТУРКЕСТАН ПОД ВЛАСТЬЮ СЕМЕЙСТВА ЧАГАТАЯ

Джагатайское ханство: общая характеристика и начало правления	364
Правление Ал гху. Попытка чагатаидов к освобождению	369
Чагатайское ханство под сюзеренитетом Кайду	371
Апогей чагатайского ханства: Дува, Эсенбука и Кебек	375
Раскол в чагатайском ханстве: Трансоксиана и Моголистан	379

Трансоксиана в период правления эмира Казгана	380
Туглук Тимур: восстановление целостности государства Чагатай	382
5. МОНГОЛЬСКАЯ ПЕРСИЯ И СЕМЕЙСТВО ХУЛАГУ	
Монгольский режим в Персии до прихода Хулагу:	
Тчормаган, Байджу и Алджигидай	385
Монгольское правление в Персии до прихода к власти Хулагу:	
Коргюз и Аргун Агха	389
Правление Хулагу. Уничтожение Ассасинов, завоевание Багдада и разрушение халифата	392
Благожелательное отношение Хулагу к христианству	396
Поход Хулагу на Сирию	398
Последние годы правления Хулагу	406
Правление Абаки	408
Правление Аргуна	413
Пребывание Раббана Чомы на Западе с посольской миссией	415
Правление Гайхату и Байду	418
Правление Газана	420
Правление Олджайту	426
Правление Абу Саида	430
Распад монгольского ханства в Персии	431
6. КИПЧАКСКОЕ ХАНСТВО	
Джучи и его сыновья.	
Золотая Орда, Белая Орда и улус Шейбани	434
Батый и Берке	436
Ногай и Токтай	445
Узбек и Джанибек	448
Мамай и Тохтамыш	450
7. ТАМЕРЛАН	
Трансоксиана, освобожденная Тамерланом от Монголов	453
Соперничество Тамерлана и Эмир Хуссейна	456
Тамерлан, правитель Трансоксианы и тимуридской империи	459
Завоевание Тамерланом Хорезма	464
Походы Тамерлана в Моголистан и Уйгурию	467
Завоевание Тамерланом Восточного Ирана	471
Завоевание Тамерланом Западного Ирана	475
Тамерлан и Кипчакия	482
Поход Тамерлана на Индию	491

Тамерлан и Мамелюки	495
Тамерлан и Османская империя	497
Тамерлан и покорение Китая	502
Наследники Тамерлана. Правление Шах-Роха	503
Абу Саид	508
Последние тимуриды	511

Часть третья

ПОСЛЕДНИЕ МОНГОЛЫ

1. МОНГОЛЫ РОССИИ

Конец Золотой Орды	514
Крымское, Астраханское и Казанское ханства	516

2. ШЕЙБАНИДЫ

От Шейбана до Абулхаира	520
Мухаммед Шейбани и шейбанидское ханство в Трансоксиане	523
Бухарское ханство при Астраханидах и Мангитах	528
Хивинское ханство	529
Кокандское ханство	530
Шейбаниды Сибири	531

3. ПОСЛЕДНИЕ ЧАГАТАИДЫ

Возрождение Моголистана после Тамерлана:	
Ваис-хан и Эсен-буга	532
Юнус и реванш Чагатаидов над семейством Тамерлана	535
Отступление Чагатаидов на восток Тянь-Шаня.	
Влияние возрождения Тимуридов в Кашгарии.	
Историк Хайдар-мирза	538
Последние Чагатаиды	541
Ходжи Кашгарии	543

4. ПОСЛЕДНИЕ ИМПЕРИИ МОНГОЛИИ С XV ПО XVIII В.

Анархия в Монголии после 1370 года	544
Первая ойратская империя. Тодон и Эсен-Тайджи	549
Последняя реставрация Чингизханидов:	
Дайан-хан и Алтан-хан	552
Распад империи дайанидов. Ордосское и халхинское ханства	554
Принятие восточными Монголами ламаизма	556
Завоевание Китая Маньчжурами	559
Западные Монголы в XVII веке	563

Народные движения среди западных Монголов.	
Миграция Калмыков	565
Хошотское ханство в Цайдаме и Кукуноре, протекторат тибетской церкви	566
Джунгарское государство под управлением династии Чорос.	
Правление Баатура Хонтайджи (1634-1653)	569
Правление Галдана (1676-1697).	
Создание джунгарской империи	570
Джунгарская империя под управлением Цеван Рабдана(1697-1727)	575
Правление Галдан Церена (1727-1745)	579
Даваджи и Амурсана. Присоединение Джунгарии к Маньчжурской Империи	580
Неудачная судьба западных Монголов	581
Присоединение Кашгарии к Маньчжурской империи	583

РЕНЕ ГРУССЭ
империя степей
Аттила, Чингиз-хан, Тамерлан

Перевел с французского языка
Хамит Хамраев

Техническое редактирование, верстка
дизайн обложки Ильминур Насыровой

Подписано в печать 10.11.06.
Формат 60x84/Физ. печ. л. 37,0.
Усл.-печ. л. 38,5.
Тираж 1500. Заказ 264.
Типография "PRINT-S"
г. Алматы, ул. Ибрагимова, 1